

А
Ф
И

Академия Фундаментальных Исследований

Г. ШУРЦ

ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

2

Материальная
и духовная
культура

Генрих ШУРЦ

(1863–1903)

Шурц Г. История первобытной культуры. Т.2: Материальная и ду

тнограф. Родился в Цвиккау (Саксония). Учился в Лейпцигском университете; ученик выдающегося немецкого географа, основателя антропогеографии и геополитики Фридриха Ратцеля. С 1893 г. возглавлял этнографический отдел Бременского музея естественной истории. Исследовал этнографию Северной Африки, Испании, Малой Азии. Занимался вопросами общей этнографии (происхождение денег, одежды, пищевых запретов, орнамента и др.). Ввел в науку проблему роли мужских союзов в родоплеменном обществе. В книге «Возрастные классы и мужские союзы» (1902), опираясь на обширный эмпирический материал из жизни нескольких африканских, одного индийского и четырех североамериканских народов, пришел к выводу, что возрастные классы — древнейший тип социальной организации, основанный, с одной стороны, на общности возрастных переживаний и антагонизме поколений, а с другой — на противоположности полов. Но наибольшую известность имела его книга «История первобытной культуры» (1900), ставшая одним из самых популярных исследований по этнографии в России.

Наше издательство предлагает следующие книги:

9110 ID 114949

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

9 785396 002371 >

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16

Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

Heinrich Schurtz
URGESCHICHTE DER KULTUR

Г. Шурц

**ИСТОРИЯ
ПЕРВОБЫТНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Том 2

**Материальная
и духовная культура**

Перевод с немецкого
Э. К. Пименовой и М. П. Негрескул

Издание второе,
исправленное

URSS
МОСКВА

Шурц Генрих

История первобытной культуры. Т. 2: Материальная и духовная культура. Пер. с нем. Изд. 2-е, испр. — М.: КРАСАНД, 2010. — 480 с. (Академия фундаментальных исследований: этнология.)

Внимание читателя предлагается книга известного немецкого этнографа Генриха Шурца (1863–1903), ставшая одним из самых популярных исследований по этнографии в России. Автор детально изучает основные стороны духовной и материальной культуры человечества, уделяя особое внимание этническому своеобразию конкретных культурных типов. Сложные общечеловеческие и этнические процессы и явления иллюстрируются интересными примерами из жизни народов, освоивших различные уголки мира и находящихся на самых разных уровнях развития.

Настоящее издание, представляющее собой второй том книги, посвящено эволюции материальной (первобытная техника, оружие, инструменты и утварь, украшения и одежда, постройки, средства сообщения) и духовной (язык, искусство, религия, право, начатки науки) культуры. Первый том, в котором исследуются проблемы, связанные с основами человеческой культуры, выходит одновременно со вторым в нашем издательстве. Нумерация страниц в обоих томах сквозная, поскольку второй том является непосредственным продолжением первого, но в то же время данное издание может рассматриваться и как самостоятельное произведение.

Книга написана ярким, доступным языком и содержит большое количество иллюстраций. Она будет интересна этнографам, историкам, культурологам, обществоведам, а также широкому кругу читателей.

Издательство «КРАСАНД».
121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.
Формат 60×90/16. Печ. л. 30. Зак. № 3774.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00237-1

© КРАСАНД, оформление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ.

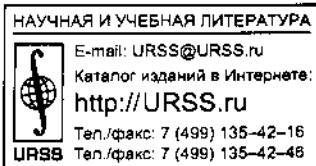
стр.

IV. Материальная культура.

1. Покорение силъ природы и матеріи и пользование ими	416
2. Техника	431
3. Оружіе	459
4. Орудія и утварь	496
5. Украшения и одежда	529
6. Постройки	571
7. Средства сообщения	622

V. Духовная культура.

1. Язык	651
2. Искусство	681
3. Религія	765
4. Правосудіе	838
5. Начатки науки	867

IV. Материальная культура.

1. Покорение природных сил и материи и пользование ими.

Все исследования вещественной области культуры должны начинаться *человеческомъ тѣломъ*, потому что элементы, его составляющие, суть первое изъ вѣдимаго міра, что таинственные силы внутренняго міра притягиваютъ, преобразовываютъ, обращаютъ въ часть самого человѣка и, по совершении круговорота, снова отбрасываютъ. Еще только одинъ шагъ впередъ—и человѣкъ сознательно преобразовываетъ доступныя ему матеріи и силы въ вспомогательныя средства своего существованія; онъ окружаетъ тѣлесную зону своихъ дѣйствій болѣе обширной, въ которой создаетъ новыя формы и новый порядокъ и сообщаетъ всему духъ своей сущности.

Въ дѣйствительности, все живущее окружено такимъ *поясомъ вліянія*, который оно создаетъ невольно или съ полнымъ сознаниемъ; и зона человѣка отличается отъ другихъ не по сущности, а по степени этого вліянія. Тѣмъ не менѣе различіе громадно. Человѣкъ есть существо, вся способность развитія и приспособленія котораго концентрируется въ *сознаніи*; онъ имѣетъ цѣлью покорить окружающій міръ *разумомъ* и именно поэтому онъ не приспособляется надолго ни къ вѣдшимъ обстоятельствамъ, ни къ окружающему, имъ самимъ преобразованному, а стремится постоянно къ новымъ цѣлямъ; его духовная сила растетъ вмѣстѣ съ ея приложеніемъ, онъ видитъ возможности дальнѣйшаго прогресса и не покоряется существующему, но гнетъ его, разлагаетъ или разбиваетъ, чтобъ вновь преобразовать соответственно своимъ идеаламъ. «Человѣкъ,—говоритъ Реклю,—дѣлаетъ природу уступчивой и превращаетъ ея стихіи въ укрощенныя силы». Конечно, все это относится къ *вождямъ* движенія. Какъ отдѣльный человѣкъ обладаетъ своимъ органомъ мышленія, такъ и человечество, въ цѣломъ, имѣетъ свои мозги, которые думаютъ и дѣйствуютъ за массу, между тѣмъ какъ средній человѣкъ охотно вступаетъ въ мирную гармонію со своей средой и ищетъ не умственной борьбы, а безопасности и покоя для продолженія и сохраненія своего рода.

Материальная культура есть *созданіе разума* и потому самымъ тѣснымъ образомъ связана съ культурой духовной, отчасти даже

такъ непосредственно зависеть отъ нея, что было бы нелѣпо ихъ рѣзко раздѣлять. Художественныя произведенія живописца или скульптора, конечно, материальны, но матерія въ нихъ имѣетъ болѣе второстепенное значеніе, чѣмъ въ ножѣ или веслѣ. Поэтому къ материальной культурѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, нужно прежде всего причислить то, что стоитъ въ тѣсной связи съ ея ближайшими базисомъ, человеческимъ тѣломъ: *къ ней принадлежатъ все оеци, назначенныя для усиленія и облегченія тѣла*. Исходя изъ этой точки зрѣнія, становится прежде всего излишнимъ педантически-точное раздѣленіе на оружія, орудія, утварь и т. д., потому что все органы тѣла могутъ быть усилены и облегчены различнымъ образомъ; какъ эти органы должны брать на себя разныя задачи, а прежде всего рука должна наловчиться къ самымъ различнымъ дѣйствіямъ, такъ и вѣдшія вспомогательныя средства или, говоря словами Кацна, «проекции органовъ» часто служатъ болѣе, чѣмъ одной цѣли, случайной или длительной. Но все законы Дарвина о приспособленіи и подборѣ, уже непримѣнимы или лишь въ малой степени примѣнимы къ человеческому тѣлу, тѣмъ неограниченнѣе властвуютъ въ области вещественной культуры. Какъ созидательныя силы тѣла животнаго преобразовываютъ это самое тѣло соответственно новымъ цѣлямъ, такъ и человеческое сознаніе—какъ только выступаютъ новыя задачи—придаетъ болѣе широкую зонѣ вліянія, которую оно создало вокругъ тѣла, произвольно соответственныя формы или даже художественно преобразовываетъ ее игрой празднофантазии. Такимъ образомъ ступенямъ развитія, намѣченнымъ въ палеонтологіи и въ сравнительной анатоміи для тѣла животныхъ, соответствуютъ подобныя же *ступени развитія человеческого культурнаго владѣнія* и прибавочной работы его украшенія: мы видимъ, какъ изъ лука развивается музыкальный инструментъ (см. рис. стр. 419), какъ неуклюжая деревянная дубина превращается въ свистящій бумерангъ, а въ орнаментикѣ—человѣческія фигуры переходятъ въ растительныя украшенія, фигуры животныхъ—въ геометрическіе рисунки; какъ въ зоологіи можно указать много слѣдовъ прежде пѣлесообразныхъ органовъ въ видѣ излишнихъ остатковъ, такъ и въ культурномъ владѣніи имѣтъ недостатка въ такихъ «пережиткахъ», которые часто даютъ *сразу* понять весь ходъ развитія. Въ этомъ смыслѣ духовная культура не отличается отъ материальной, которая вѣдь не что иное, какъ дѣйствіе духовной жизни на окружающій міръ.

Если мы будемъ твердо держаться положенія, что материальная культура занимается прежде всего *укрѣпленіемъ* органовъ тѣла и силы ихъ продуктивности или *облегченіемъ* этихъ органовъ и *замѣной* ихъ природными силами и матеріей, тогда необъятное зданіе представится, если и не совсемъ простымъ и яснымъ, то все же

болѣе понятнымъ, такъ какъ передъ нами вполнѣ откроется основной его остовъ, на которомъ лежитъ все остальное. Орудіа, оружіе, защитительные покровы и средства передвиженія тѣла — вотъ неизмѣнныя точки отправленія дальнѣйшаго развитія. Гармонически прилаженные къ человѣческому тѣлу, органы хотя и отвѣчаютъ сами своей задаче въ общей рамкѣ, но они недостаточно дифференцированы, чтобы удовлетворять всѣмъ вновь возникающимъ цѣлямъ, и даже не должны быть болѣе дифференцированы, чтобы не нарушилось ихъ гармоническое содѣйствіе; напримѣръ, человѣческая рука, съ крѣпкими ногтями, хорошо выполнить извѣстныя задачи, но для многихъ другихъ окажется непригодной. Умъ находитъ одни средства временно усилить органы и находитъ въ то же время другія, чтобы сохранять силы, концентрировать ихъ или замѣнять урегулированными силами природы; облегчая самого себя преобразованиемъ сознательныхъ дѣйствій въ механическія, онъ облегчаетъ и тѣло орудіями и машинами.

Простые механическіе законы, которымъ слѣдуютъ созидательныя силы при постройкѣ тѣла, вновь проявляются въ усиленіи органовъ, въ орудіяхъ и оружіи. Палкой удлиняется рука и, наоборотъ этому, увеличивается сила удара руки; камень увеличивается сила кулака, онъ дѣлается тверже и тяжелѣе; палка и камень, связанные вмѣстѣ, даютъ тяжеловѣсный молотъ, который не можетъ, конечно, самъ хватать и держать, какъ кулакъ, но зато неизмѣримо превосходитъ послѣдній въ разрушительной силѣ. Кожа человѣка, при его образѣ жизни, такъ какъ онъ поселяется во всѣхъ поясахъ земли, не можетъ удовлетворительно выполнить своей защитительной задачи; одежда даетъ, сверхъ старой, новую кожу (см. рис. стр. 421), которая можетъ, по мѣрѣ надобности, быть утолщена или утончена, а жилища охватываетъ, какъ общій защитительный покровъ, многихъ людей, пространство неподвижнаго и согрѣтаго воздуха, мало подверженнаго переменамъ погоды. Многія подкрѣпленія, какъ, напримѣръ, усиленіе зрѣнія телескопомъ и микроскопомъ, достигнуты лишь культурными народами; многія другія находятся все еще въ области скромныхъ желаній, какъ, напримѣръ, искусство летать; но одна общая великая черта проходитъ черезъ всѣ приобрѣтенія и усилія такого рода: есть вещи, которыми человѣкъ пользуется, когда онѣ ему нужны, и откладываетъ въ сторону, когда посвящаетъ себя другимъ задачамъ; поэтому, эти вещи не имѣютъ длительного влѣнія, въ средней сложности, на тѣлосложеніе человѣка, даже если на тѣлѣ отдѣльнаго лица онѣ и являютъ слѣды односторонней дѣятельности.

Главной задачей всѣхъ орудій остается всегда увеличеніе дѣйствія человѣческихъ силъ, которыхъ нельзя никакими упражненіями довести далѣе извѣстныхъ границъ; но лишь понятіе о законахъ

механики сдѣлало человѣчество способнымъ такъ соединить силы отдѣльныхъ лицъ, какъ это возможно теперь при примѣненіи винта, рычага, полиспага и т. п. Тяжести, съ трудомъ двигаемыя и поднимаемыя громаднымъ количествомъ людей въ древнемъ Египтѣ, теперь, при помощи соответственныхъ машинъ, можетъ поднять одинъ человѣкъ, даже не прибѣгая къ природнымъ силамъ текучей воды, пара и т. п. Всякое улучшенное орудіе, всякая новая машина означаютъ сохраненіе силъ, которое освобождаетъ ихъ для дальнѣйшаго прогресса и въ то же время само остается доступнымъ дальнѣйшему усовершенствованію.

Но выигрывать силъ и сохраненіе ихъ вырастаютъ безмѣрно, какъ только природныя стихіи поддаются, подъ власть человѣка. Въ этой области только культурные народы достигли рѣшительнаго успѣха, и все же большую часть ея еще нужно завоевать. Безъ знанія законовъ природы возможно лишь неудовлетворительное использование случайно-найденныхъ источниковъ силы. Такъ, напримѣръ, солнечная теплота, посредствомъ которой уже и животное съ удовольствіемъ просушиваетъ свою мохвру шерсть, употребляется всюду для влѣнья съѣстныхъ припасовъ, а также для обленія тканей, но сила вѣтра часто остается неиспользованной: многіе народы известны паруса, а изобрѣсти вѣтряную мельницу удалось только культурнымъ народамъ. Зато многіе первобытные народы производятъ искусственное движеніе воздуха посредствомъ раздувательныхъ мѣховъ (см. рис. стр. 425). Очень благоприятно то обстоятельство, что именно одно изъ разнообразнѣйшихъ по дѣйствию природныхъ явленій — огонь — принадлежитъ къ самымъ раннимъ приобрѣтеніямъ человѣка, настоящая цѣна которыхъ созвана лишь постепенно.

Человѣческой работѣ, поддержанной этими усиленіями и вспомогательными силами, удается, наконецъ, основательно измѣнить поверхность земного шара, поскольку она обитаема: борьбу за существованіе, которую ведутъ растенія и животныя, человѣкъ рѣшаетъ тѣмъ, что оставляетъ около себя лишь пріятныя и полезныя ему живыя существа и тогда съ успѣхомъ защищаетъ отъ ихъ враговъ; на самой землѣ, не представляющей для него достаточной защиты отъ непогодъ, онъ строитъ свои хижины и дома, сглаживаетъ длинныя полосы земли, чтобы по нимъ ходить и ѣздить, перебрасываетъ

Играющая на панголо (Нов. Понмеранія, Меланезія).

мости через воды, осушает болота, мѣняет теченіе рѣкъ и создаетъ искусственные водныя пути. Но свободныя силы природы ведутъ съ нимъ тяжелую неуставную борьбу и, даже связанные, угрожаютъ ему еще возстаніемъ. Отдѣльная личность беззащитно изнемогла бы подъ тяжестью ихъ проявленія, не опредѣленного временемъ, не будь она частью всего человѣчества, живущаго вѣчно въ своихъ смѣняющихся поколѣніяхъ и соединяющаго силу этихъ безчисленныхъ поколѣній въ умахъ и рукахъ живущихъ.

Но отдѣльныя группы человѣчества съ ихъ особенностями не терпятся, вълѣдствіе этого, въ общей массѣ. Какъ культурное владѣніе есть часть человѣка, проявленіе его генія, такъ въ немъ отражается и характеръ народовъ и племенъ; а въ маломъ даже каждый человѣкъ окруженъ зоной вліянія, въ предѣлахъ которой самая суть его существа властно господствуетъ. Такимъ образомъ, культурное владѣніе народа въ своихъ частностяхъ не опредѣляется только цѣлями, которымъ должно служить; оно есть въ то же время показаніе народнаго генія: мы угадываемъ характеръ неоворотливаго, крѣпкаго племени по неуклюжимъ формамъ утвари и уборовъ, легкомысленнаго и веселаго—по яркимъ краскамъ и изящнымъ украшеніямъ, которыя оно предпочитаетъ. Прежде всего выступаетъ это различіе въ одеждѣ, и именно при болѣе высокой культурѣ и растущихъ сношеніяхъ эти маленькія черты становятся значительными символами: какъ въ свободной, просторной одеждѣ нѣмецкаго ландкнехта выражался и давалъ нѣкоторое время всему тонъ чисто-нѣмецкій характеръ, такъ въ эпоху контръ-реформации во всей Европѣ одержала побѣду узкая, принужденная, обтянутая одежда сухого, фанатичнаго кастильянца.

Такъ какъ характеръ народа всего болѣе зависитъ отъ положенія и климата его страны, многія особенности культурнаго владѣнія косвенно приводятъ насъ назадъ къ этимъ основнымъ причинамъ; правда, не всё, потому что судьба, помѣси и, можетъ быть, еще другія трудно объяснимыя причины также опредѣляютъ характеръ народа, который, кромѣ того, при перемѣнѣ мѣстожителства еще долго сохраняетъ свое прежнее своеобразіе. Но и безъ этого культурное владѣніе никогда не скрываетъ мѣста своего происхожденія; хотя оно и есть созданіе генія, но геній, съ своей стороны, долженъ все же пользоваться матеріалами и условіями окружающей природы, чтобы изъ нихъ построить свои новыя созданія; его точно также принуждаетъ положеніе его страны и кусочка неба къ удовлетворенію извѣстныхъ потребностей, которымъ, при другихъ обстоятельствахъ, онъ оказалъ бы мало вниманія. Лыжи и сани изобрѣтаются не подъ тропиками; суда и весла—не въ степяхъ или на высокихъ горахъ; вѣера и зонтики—не въ полярномъ поясѣ. Преобладаніе извѣстной утвари, орудій и уборовъ опять-таки при-

даетъ тогда всему культурному владѣнію особенную черту, которая еще усиливается перевѣсомъ матеріаловъ, имѣющихся въ странѣ. Уже на очень примитивныхъ ступеняхъ можно различить племена, предпочтительный матеріалъ которыхъ—или части тѣла животныхъ, какъ мы это видимъ у полярныхъ народовъ, или растительныя вещества—у малайцевъ и западныхъ африканцевъ; у однихъ народовъ въ большомъ употребленіи камень, другіе бѣдны имъ и т. д.

Этимъ различіямъ покровительствуетъ еще склонность первобытныхъ народовъ къ односторонности, которая выражается въ особенномъ пристрастіи къ опредѣленнымъ матеріаламъ, даже тогда, когда другіе подходящіе матеріалы имѣются въ достаточномъ количествѣ. Напримѣръ, эскимось употребляетъ для своихъ работъ преимущественно рога, мѣха, зубы, кости и жилы убитыхъ животныхъ, а сосѣдній съ нимъ сѣверо-западный американецъ, у котораго нѣтъ недостатка въ тѣхъ же матеріалахъ, исключительно пользуется кедромъ (*Taxodium*), который густыми насаженіями покрываетъ побережье. „Кедръ,—пишетъ Якобсонъ,—для индѣйца почти то же, что кокосовая пальма для многихъ дикарей южнаго полушарія. Изъ кедроваго дерева индѣецъ строитъ свой домъ и гербовый столбъ, свой капю и маски для танцевъ съ искусной рѣзбой, свои сундуки, трещотки для танцевъ и весла; кедромъ поддерживаетъ онъ свой огонь, изъ кедроваго лыка плететъ свои художественныя циновки и покрывала, корзины и сосуды; въ кедровое лыко заворачиваютъ грудныхъ дѣтей, когда они лежатъ въ колыбели; изъ кедроваго лыка многія племена плетутъ головныя, шейныя и ручныя кольца; всё веревки для рыбной ловли, начиная съ тонкой лесы до крѣпкаго каната китоловнаго гарпуна, сучатся изъ этого матеріала; наконецъ, изъ кедроваго дерева изготовляютъ гробъ, въ которомъ смертные останки индѣйца ставятся въ склепъ».

Какъ кругъ идущихъ въ дѣло матеріаловъ расширяется лишь постепенно, дѣлая культурное владѣніе все пестрѣе и разнообразнѣе, такъ и техническая ловкость растетъ лишь шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ улучшеніемъ орудій; сначала часто приходится замѣнять разнообразіе инструментовъ терпѣливой, медленно подвигающейся работой; слѣды несовершенной техники даютъ культурному владѣнію дальнѣйшія своеобразныя черты и даже вліяютъ обратно на тѣло человѣка, переутомляя и изнуряя его, между тѣмъ какъ прогрессъ ея облегчаетъ

Мужской кафтанъ эскимосовъ.

тѣло и охраняетъ отъ слишкомъ быстрого истощенія. Иногда чрезмѣрное обремененіе нѣкоторыхъ органовъ наблюдается и теперь, когда мы, напримѣръ, видимъ, что дикаря употребляютъ свои зубы для техническихъ цѣлей такимъ способомъ, который у насъ былъ бы немислимъ; что эскимось употребляетъ постоянно это природное орудіе при обработкѣ кожъ и жилъ, подробно описалъ Кранцъ. Далѣе работа, нужная для достиженія какой-нибудь незначительной цѣли, бываетъ часто, вслѣдствіе недостатка инструментовъ, несоразмѣрно велика и отнимаетъ силы вмѣсто того, чтобъ укрѣплять ихъ. «Плотничья работа, — пишетъ Рундаль, — безконечно трудна для сіяна (западная граница Бирмана), потому что у него слишкомъ мало инструментовъ, да и тѣ очень плохи. У него нѣтъ ни пилы, ни напилька, ни рубанка, а топоръ никуда не годится. Чтобъ получить доску, онъ обтесываетъ древесный стволъ, который самъ упалъ, или онъ его свалилъ, частью топоромъ, частью огнемъ. Изъ ствола онъ вырубаетъ, наконецъ, доску, и удивительно, какъ хорошо онъ умѣетъ сгладить ее, не имѣя другого инструмента, кромѣ сквернаго топора и ножа. Работа, необходимая для полученія этихъ досокъ, такъ велика, что легко понять, какъ дорого цѣнятся доски у сіяновъ». Скюдости инструментовъ нужно также приписать, что камчадалы употребляютъ на постройку лодей три года, а на изготовленіе большой деревянной миски для ѣды — годъ, какъ увѣряетъ Крашенинниковъ. Трага времени, силъ и матеріала — отличительная черта этого примитивнаго способа работы. Какъ сильно чувствуется этотъ изъянъ самими дикарями, по крайней мѣрѣ болѣе живыми изъ нихъ, показываетъ страстная горячность, съ какою народы Южнаго Океана приняли желѣзо, и, навѣрно, послѣ этого наступила бы значительная перемѣна въ ихъ культурномъ владѣніи, если бы въ то же время массовое вторженіе европейцевъ не пошатнуло и почти не уничтожило мѣстную культуру. Первобытные народы всегда проявляли пониманіе относительно улучшенія орудій, и примѣръ, приводимый Миклухой-Маклаемъ, есть одинъ изъ многихъ: папуасы, въ заливѣ Астролябія, тщательно собирали осколки разбитыхъ имъ стеклянныхъ бутылокъ и употребляли ихъ для рѣзбы орнаментовъ на деревянной и бамбуковой утвари. Онъ могъ тогда наблюдать, какъ, вслѣдствіе новой техники, орнаменты измѣнялись и дѣлались изящнѣе.

Всякъдствіе громаднаго значенія орудій, только на низшихъ ступеняхъ развитія богатство или бѣдность культуры опредѣляется количествомъ даровъ природы. Умственно развитой народъ сумѣетъ удовлетворять своимъ потребностямъ и менѣе подходящими средствами, но для отсталаго племени остается бесплоднымъ все то, чего онъ не умѣетъ превратить въ годныя для употребленія формы вслѣдствіе недостатка техническихъ знаній и орудій. Правда, всего не можетъ замѣнить сила гения; народъ, вытѣсненный изъ удобнаго мѣста жи-

тельства, постоянно теряетъ часть своего культурнаго владѣнія, и всякая тяжелая борьба за существованіе соединена съ культурными потерями. Эти невыгоды имѣли бы роковое дѣйствіе, если бы въ то же время сношеніями народовъ между собою не распространялись новыя знанія и ловкость, и если бы, съ другой стороны, потребности и на новомъ мѣстѣ не оставались такъ же настоятельны и не требовали замѣны потеряннаго или оставленнаго. Способъ, какимъ происходитъ эта замѣна, даетъ привлекательное зрѣлище дѣятельности человѣческаго гения, и каждый документъ, знакомящій насъ съ такими случаями, имѣетъ громадную важность. Прекраснымъ примѣромъ замѣненія, при новыхъ обстоятельствахъ, всего культурнаго владѣнія служитъ исторія моріори, жителей Чатамскихъ острововъ, на востокъ отъ Нов. Зеландіи.

Моріори, которые теперь почти вымерли, были во всѣхъ отношеніяхъ родственны племени маори, малайо-полинезійскихъ обитателей Нов. Зеландіи, и многіе слѣды и воспоминанія указываютъ, что культурныя владѣнія обоихъ народовъ были вначалѣ одинаковы. Но переселеніе на Чатамскіе острова, съ ихъ невыгодными климатическими условіями, измѣнило во всѣхъ отношеніяхъ духовную и матеріальную культуру моріори, какъ это указалъ Шандъ, лучший изслѣдователь исчезающаго народца. Земледѣліе, дававшее маори большую часть средствъ для жизни, было невозможно на Чатамскихъ островахъ, по крайней мѣрѣ воздѣлываніе тѣхъ полезныхъ растений, свойственныхъ болѣе теплomu климату, которыя были привезены съ собою переселенцами; еще теперь рассказываютъ о напрасныхъ попыткахъ разведенія кумары (ямса). Зато рыба стала главнѣйшимъ продуктомъ питанія и ее ловили не удочками, какъ это болѣе частью дѣлали маори, а сѣтями, такъ что, наконецъ, костлявые рыболовные крючки почти вышли изъ употребленія.

Въ моментъ своего прибытія на Чатамскіе острова моріори одѣвались въ рогажи, тканьи изъ волоконъ новозеландскаго льна (*Phormium tenax*), но масса тюленьихъ шкуръ, добываемыхъ въ новомъ мѣстѣ жительства, скоро заставила ихъ предпочесть эту болѣе теплую и легче получаемую одежду, а тканье изъ льна стали носить только знатные въ видѣ украшенія. Калебасы (тыквенныя бутылки), любимыя сосуды ихъ родственниковъ, не росли на островахъ моріори, такъ что они должны были употреблять для храненія воды свернутыя листья формиума. Также не было дерева для лодокъ и строили плоты изъ связокъ стеблей формиума и морскихъ водорослей; самый большой такой плотъ могъ все же поднять 60—70 человѣкъ. Какъ будто всѣхъ этихъ перемѣнъ было еще мало, — къ нимъ присоединилось удивительное измѣненіе характера: маори были въ Нов. Зеландіи однимъ изъ самыхъ воинственныхъ народовъ, который умѣлъ цѣнить павшихъ враговъ, какъ пріятный обѣдъ; моріори же

вполнѣ приняли идею вѣчнаго мира. Быть можетъ, дѣйствительно, какъ это разсказываютъ сами моріоры, ихъ вождь Нипуку, вскорѣ послѣ ихъ прибытія на Чатамскіе острова, отмѣнилъ войну и канібальство, или, можетъ быть, — что вѣроятнѣе, — причиной этому были измѣнившіеся хозяйственныя условія, — во всякомъ случаѣ, моріоры отказались отъ болѣе крупныхъ раздоровъ; какъ шуточный эпизодъ прежнихъ сраженій, случались еще небольшія драки, при которыхъ нападали другъ на друга съ невинными палками, но за первымъ чувствительнымъ ударомъ или, пожалуй еще, каплей крови споръ сейчасъ же прекращался. Въ дѣйствительности, народъ былъ почти безоруженъ; старинныя каменные дубины, отброшенныя за ненадобностью, встрѣчались въ большомъ количествѣ на берегу (см. рис. стр. 427), а нѣсколько копій сохранялись, какъ нѣчто вродѣ святыни, употребляясь только при извѣстныхъ церемоніяхъ.

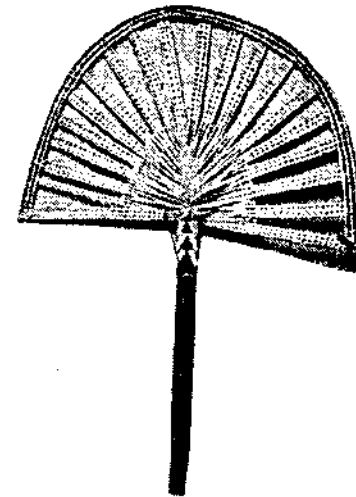
Долгое время спустя послѣ открытія острововъ эта идиллія была удивительнымъ образомъ разрушена европейцами, но не ими самими. Одно изъ новозеландскихъ племенъ маори узнало про Чатамскіе острова, шло европейскіе корабли и переплыло туда, чтобъ основать тамъ свою новую родину. Военственные пришельцы сейчасъ же заняли страну, обратили моріоры въ рабовъ и принесли вторично свою культуру на острова, но съ существеннымъ различіемъ: на этотъ разъ маори ввели воздѣлываніе маниокъ и картофеля, которые между тѣмъ были распространены у нихъ европейцами; растенія принялись и на Чатамскихъ островахъ, такъ что теперь уже земледѣліе тамъ болѣе не исчезало. Послѣ этого подъ новымъ владычествомъ моріоры стали быстро уменьшаться въ числѣ, частью попали и въ горшокъ маори, и съ ними исчезла ихъ своеобразная культура, столь удивительная по своему образованію.

Всего сильнѣе отличается культурное владѣніе болѣе развитыхъ народовъ отъ такового низшихъ болѣе дифференціаціей: являюся все новыя орудія и сосуды, чтобъ удовлетворять новымъ задачамъ, и раздѣленіе труда, могущественное оружіе культурныхъ народовъ, отражается и на ихъ имуществѣ; напротивъ того, на низшихъ ступеняхъ одно орудіе часто служитъ для различныхъ цѣлей, пока мало-помалу новыя цѣли заставляютъ явиться и новыя формы. Но тѣмъ не менѣе это не можетъ быть признано общей схемой развитія. Именно у замкнуто живущихъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, племенъ часто появляется разрастаніе каприза и фантазіи, которое даетъ столь же разнообразныя, какъ и непрактичныя формы культурныхъ произведеній (см. рис. стр. 426), между тѣмъ, у болѣе развитыхъ народовъ цѣли распознаются яснѣе и достигаются болѣе легкими средствами. И полукультура склонна болѣе къ фантастическимъ преувеличеніямъ, чѣмъ полная культура. Такъ, мы видимъ, рядомъ съ дифференціаціей и упрощеніемъ, которое, быть можетъ, всего яснѣе за-

мѣтно въ упрощеніи одежды, но и вообще можетъ быть ясно указано: стоитъ лишь сравнить рыцаря поздняго средневѣковья, вооруженнаго всевозможными смертоносными инструментами и снарядами для защиты, съ солдатомъ настоящаго времени. И въ этомъ контрастѣ развитія выказывается зависимость матеріальной культуры отъ ума, который также, по мѣрѣ зрѣлости, все роскошнѣе развивается, но въ то же время становится болѣе яснымъ и совершеннымъ.

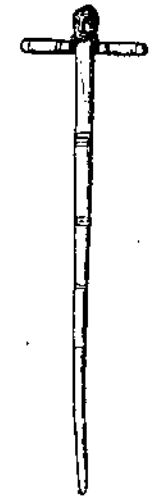
Эта же зависимость вліяетъ непрестанно на ростъ вещественныхъ культурныхъ владѣній. Если просто принять, что результатъ матеріальнаго развитія долженъ соответствовать чему-то вродѣ параллелограмма силъ между практическими цѣлями и данными средствами, и если на этомъ попробовать построить схему человѣческаго прогресса, никогда не попадемъ въ точку и постоянно будемъ стоять передъ новыми необъяснимыми вопросами. Въ дѣйствительности нѣтъ чисто-духовнаго приобрѣтенія или движенія, которое бы не оставило явнаго слѣда въ культурномъ владѣніи. Вместо того, чтобъ развиваться спокойно и непрерывно, какъ бы это должно быть при господствѣ чисто-практическихъ побудительныхъ причинъ, матеріальная культура раздѣляется съ духовной то свойство, что развивается скачками, какъ бы играя; тѣ же задержки и заблужденія, которыя характеризуютъ духовный прогрессъ, обуславливаютъ и ее, съ той разницей, что къ ней, такъ сказать, прибавляется тяжесть матеріи, что дѣлаетъ ее болѣе неподвижной и прочной.

Прочность вещественнаго культурнаго владѣнія даетъ ему, впрочемъ, силу, которая хотя и не можетъ побѣдить постоянно обновляющагося духовнаго могущества общества, но побѣждаетъ духовную силу отдѣльнаго лица. Существующее, переданное служитъ образцомъ для новообразования; почтеніе къ прошлымъ поколѣніямъ, слабость личности передъ безсмертной длительной формой ея народа создаютъ нѣкоторый религиозный страхъ, выступающій противъ всякой попытки нововведенія. Это тотъ же консервативный противовѣсъ, который въ благоприятныхъ случаяхъ мѣшаетъ черезъ-чуръ бурному развитію, а въ неблагоприятныхъ ведетъ къ застою и окостенѣнію, которые выражаются въ формахъ вещественной культуры, надолго

Самоанскій вѣеръ.

остающихся неизмѣнными. Это можно наблюдать почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ. «Ихъ политическая, общественная и религиозная система,—говоритъ Юнода о племени баронга,—есть одна изъ главныхъ причинъ застоя. Умершіе вожди—боги народа. То, что они дѣлали, должно дѣлаться и впредь; ихъ образъ жизни становится неопровержимымъ правиломъ; переданное предками потомкамъ составляетъ самую ясную часть религіи и морали народа. Обычай, возникшій въ доисторическія времена, становится закономъ. Никто и не помышляетъ отъ него уклоняться. Дѣлать что-нибудь иначе, чѣмъ другіе, запрещено; это было бы посягательствомъ на божественное значеніе предковъ, преступленіемъ... Въ странѣ хоеновъ, напримѣръ, хотѣли помѣшать нашему евангелисту Іосифу построить четырехугольный домъ. Это было возмутительно съ его стороны. Какъ могъ онъ только подумать жить въ хижинѣ, построенной иначе, чѣмъ хижины его отцовъ?»

Кукла изъ слоновой кости у эскимосовъ.

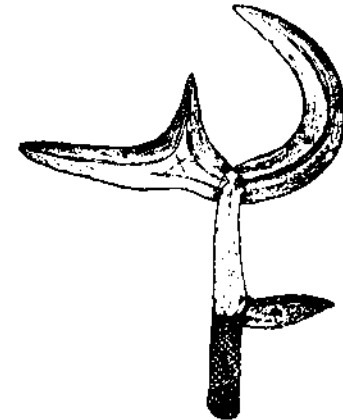
Именно матеріальное культурное владѣніе, которое такъ часто переживаетъ вѣкъ жизни отдѣльнаго чело-вѣка, съ большимъ упорствомъ противостоитъ произвольнымъ измѣненіямъ; большею частью нуженъ возбуждающій примѣръ другихъ народовъ и приманка торговыхъ сношеній, чтобы потрясти крѣпость обычая. Тѣсная связь консервативнаго духа съ зачатками религіи приводитъ къ тому, что жрецы и въ этомъ случаѣ бываютъ самими усердными охранителями старины, и самые ясные остатки бывшей низшей культуры можно часто распознать именно въ предметахъ, употребляемыхъ съ религиозной цѣлью. Часто и послѣ введенія въ употребленіе металловъ пользуются каменными топорами для жертвоприношеній при религиозныхъ службахъ, носятъ старинные мѣстные уборы, которые, быть можетъ, совсѣмъ вышли изъ употребленія, а жертвенныя кушанья охотно готовятъ на старинный манеръ, какъ, напримѣръ, опрѣсноки евреевъ или извѣстныя мучныя блюда древнихъ римлянъ. Долго еще спустя послѣ введенія чеканной монеты въ Римѣ жервовали богамъ старинные, грубые куски мѣди, которые прежде были въ обращеніи, а у египтянъ плоды смоковницы были предпочтительнымъ даромъ богамъ, хотя уже давно научились добывать гораздо лучшія пищевыя вещества. Религиозныя опасенія, хотя бы они и выражались часто только въ формѣ дѣтскаго суевѣрія, всегда первыя и самыя дѣйствительныя, которыя поднимаются противъ новшествъ всякаго рода и вообще противъ чего-нибудь чужого и незнакомаго. Шренкъ рассказываетъ о гиліякахъ, что у нихъ есть общее суевѣрное отвращеніе къ жаренному мясу или жареной рыбѣ, противъ

котораго очень трудно бороться. «Каждый разъ,—рассказываетъ путешественникъ,—когда мнѣ жарили кусокъ мяса, при первомъ шипѣніи масла или жира на сковородѣ со всѣхъ сторонъ поднимался крикъ: «Уитицъ, уитицъ» (бѣда) и часто трудно было закончить приготовленіе кушанья». Вѣроятно, именно страхъ передъ страшнымъ шипѣніемъ есть корень суевѣрія. И противъ вещей чужеземнаго происхожденія часто возникаетъ неопредѣленное недоверіе; такъ, Эрманъ рассказываетъ, что, по совѣту шамановъ, прибрежными племенами Аляски не собираются и не перерабатываются желѣзныя части потерпѣвшихъ крушеніе кораблей, прибитыя къ берегу.

Эти задерживающія вліянія мистическаго характера мѣшаютъ прежде всего только дальнѣйшему развитію вещественныхъ произведе-

Каменная дубина морiori (Чатамскіе острова, Полинезія).

Металльный ножъ могванди (Область Конго).

ній культуры, не вліяя глубоко на нихъ самихъ; но есть много примѣровъ, что вѣра въ духовъ и религиозныя понятія вліяютъ очень чувствительно на матеріаль и форму предметовъ культуры.

Переработка человѣческихъ костей въ украшенія и предметы утвари почти всегда имѣетъ источникомъ мистическія воззрѣнія, хотя иногда и совершилась уже перемѣна въ побудительныхъ причинахъ,

скрывающая первоначальныя намѣренія. На остр. Пасхи дѣлали, напримѣръ, крючки для удочекъ изъ костей умершихъ хорошихъ рыбаковъ, очевидно потому, что считали силу умершаго пребывающей еще въ этихъ останкахъ; въ Нов. Зеландіи также бывали случаи приготовленія земледѣльческихъ орудій и крючковъ для удочекъ изъ костей умершихъ, но здѣсь это считалось ужаснымъ оскорбленіемъ для живыхъ родственниковъ покойнаго. Точно также кубки, приготовленные изъ череповъ, повидимому, были прежде всего не символами насытившагося чувства мести, какъ черепной кубокъ Альбоина, Лангобарда, а священными сосудами, обладающими таинственными силами. Такъ и употребленіе другихъ частей человѣческаго тѣла—кожи, волосъ, зубовъ и т. д.—могло иногда мѣнять свое значеніе. Вліяніе мистическихъ идей на форму утвари всего сильнѣе выражается въ орнаментныхъ украшеніяхъ, но впоследствии можетъ

привести къ тому, что нѣкоторые предметы, какъ барабаны, сидѣнья, сосуды для питья и т. под., являются въ видѣ изображенія предковъ (см. ирил. рис.) или тотемистическихъ фигуръ животныхъ и совершенно уклоняются отъ формы, которой бы требовало ихъ чисто практическое назначеніе.

Это приводитъ насъ къ эстетическимъ вліяніямъ, которыхъ не могутъ избѣгнуть даже предметы ежедневнаго употребленія; и здѣсь играетъ геній и капризно преобразовываетъ ихъ, какъ только непосредственная власть нужды перестаетъ повелѣвать придерживаясь самой простой, трезвой формы. У домашнихъ животныхъ, избавленныхъ, благодаря заботамъ человѣка, отъ тяжелой борьбы за существованіе, капризная игра освободившихся силъ выражается въ из-

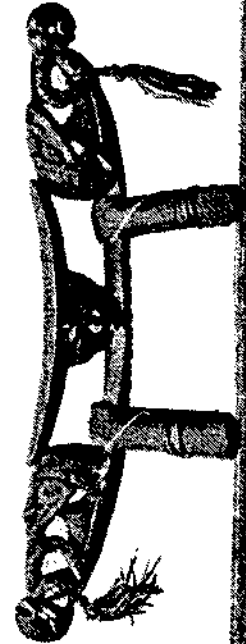
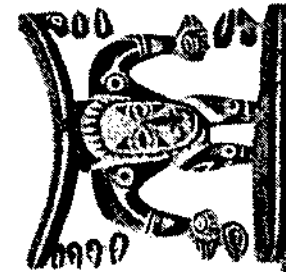
Глиняные сосуды балуба (государство Конго).

мѣненіи формы самого тѣла, окраска котораго становится разнообразнѣе, шерсть кудрявится, измѣняется строеніе костей; расширенное тѣло человѣка, какъ мы можемъ назвать его вещественное культурное владѣніе, подчиняется тѣмъ же законамъ. Всѣ орудія и оружія, всѣ предметы одежды и утвари, которые должны удовлетворять не только простой потребности, поддаются игрѣ художественно дѣйствующаго генія и скоро облагораживаются въ образы, полные фантазій и умственного размаха, или принимаютъ уродливыя, причудливыя формы. Изъ простой дубины или кола развивается богато украшенный скипетръ, изъ головного гребня—корона, изъ простого африканскаго металлическаго ножа—странный инструментъ съ четырьмя остріями, изъ куска дерева, служащаго шейной подставкой,—чудесно разукрашенный, причудливой формы снарядъ (см. рис. стр. 427, 429). Даже являются совершенно безцѣльные предметы утвари, какъ, на примѣръ, держава нѣмецкихъ императоровъ или наши украшения обѣденнаго стола и другіе предметы роскоши; такъ, на примѣръ, картины въ рамахъ, находящіяся въ каждомъ порядочномъ нѣмецкомъ домѣ, вполне отвѣчаютъ эстетическимъ потребностямъ, но въ извѣстномъ смыслѣ должны быть причислены къ домашней утвари.

Этой склонности вещественнаго культурнаго владѣнія—какъ и самаго тѣла человѣка—развиваться при слишкомъ большомъ покое и

уходѣ до нездоровой полноты, которая въ концѣ концовъ стѣсняетъ всякое свободное движеніе и увеличиваетъ возможность поврежденія, не избѣгли какъ энергичные народы, такъ и приверженцы одухотворенной формы жизни или идеальной нравственности. Сознательное исключеніе всякой роскоши, въ особенности всего того, что не служитъ чисто практическимъ цѣлямъ, характерно для многихъ воинственныхъ племенъ; спартанцы всегда останутся классическимъ примѣромъ такого рода самовоспитанія,—будь такая форма жизни имъ дѣйствительно предписана отдѣльнымъ лицомъ, или она возникла подъ давленіемъ обстоятельствъ, и законодателью оставалась лишь задача твердо урегулировать ее. Тамъ, гдѣ прежній воинственный духъ перешелъ въ страстное стремленіе къ торговой и промышленной наживѣ, какъ, на примѣръ, у англосаксовъ, тамъ иногда держится и даже усиливается эта трезво практическая черта и, наконецъ, становится неизгладимымъ признакомъ народнаго характера: „mergy old England“ (веселая, старая Англія), для которой время еще не было денегъ, цотовула въ мощномъ потокѣ энергичной трезвости.

Далеко не всегда именно свободный выборъ приводитъ къ этому уклоненію отъ всѣхъ художественныхъ и роскошныхъ отраслей культуры и опредѣляетъ характеръ народа, но результаты остаются одни и тѣ же. Арабъ пустыни, прекрасно приспособленный къ своей бѣдной странѣ и къ кочевой жизни, сдѣлалъ изъ нужды добродѣтель, пренебрежительно смотрѣлъ на избѣженнаго жителя плодородныхъ странъ и,

Шейная подпорка изъ нѣм. Нов. Гвиней.

наконецъ, стали сознавать свою силу и навязали покоренному Востоку тотъ характеръ трезвой сухости, который тамъ остался вопреки всѣмъ противодѣйствіямъ персидскихъ и индійскихъ сокровищъ фантазіи; онъ еще даже усилился вслѣдствіе завоевательныхъ походовъ помадовъ плоскогорья Азіи, не имѣющихъ никакихъ потребностей. Въ исламѣ эта сухость соединяется съ аскетизмомъ, который задолго до возникновенія ислама старался провести свой жизненный идеалъ еще въ христіанскомъ Востокѣ и въ Индіи. Среди стремящихся къ высокому народовъ рано появилось сознание, что слишкомъ большая готовность предаваться рѣдостямъ бытія, частью доставляемыхъ, частью возвышаемыхъ матеріальной культурой, можетъ стать роковой для высшихъ цѣлей человѣческаго развитія, хотя, конечно, всегда существовали лишь отдѣльныя личности или опредѣленныя группы, старавшіяся осуществить идеалъ воздержанія.

Эти стремленія поощрялись или поддѣлывались мистическими результатами аскетизма, той восторженностью и галлюцинаціями, которыя извѣстны даже самымъ примитивнымъ народамъ. Тамъ, гдѣ воздержаніе и аскетизмъ находятъ многочисленныхъ приверженцевъ, это не остается безъ вліянія на народный характеръ, какъ, напримѣръ, въ Индіи или въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ съ многочисленнымъ населеніемъ монаховъ и монахинь. Китаю удалось въ юрвань измѣнить прежній воинственный характеръ монголовъ покровительствомъ буддистской монастырской жизни, такъ что теперь они представляютъ одинъ изъ трусливѣйшихъ и мирнѣйшихъ народовъ. Иногда сгратный послѣдователь аскетическаго возрѣнія на міръ можетъ временно увлечь массу и такимъ образомъ повліять на положеніе матеріальной культуры; примѣромъ этому, въ маломъ, служилъ Саванаролла, во Флоренціи, когда по его побужденію приносили цѣлыя горы драгоценныхъ вещей, роскошной утвари, а также цѣнныхъ предметовъ искусства и сжигали ихъ во славу Божію. Такимъ образомъ, и на высшихъ ступеняхъ культуры бываетъ возвратъ къ тѣмъ обычаямъ разрушенія, которые у низшихъ племенъ повторяются при каждомъ смертномъ случаѣ, какъ проявленіе страха призраковъ.

Несмотря, однако, на всѣ разрушенія, большая часть владѣній вещественной культуры являетъ, благодаря нѣкоторымъ матеріаламъ, такую прочность, которая дѣлаетъ ихъ важной частью человѣческой памяти и, наконецъ, необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ историческаго изслѣдованія. Какъ остатки костей давно вымершихъ породъ животныхъ даютъ намъ знать о существованіи погребеннаго первобытнаго міра, такъ и кости великаго культурнаго тѣла,—если можно такъ назвать каменную утварь, металлическое оружіе и др. трудно разрушимые предметы,—суть свидѣтели первобытнаго времени, о которомъ не говорятъ ни устныя, ни письменныя сообщенія. Но

и въ настоящее время духовная жизнь тѣсно связана съ матеріальной, и гению столь же необходима болѣе обширная зона вліянія, которую онъ себя окружаетъ посредствомъ своей культурной работы, какъ и самое тѣло, посредствомъ котораго умъ чувствуетъ и дѣйствуетъ; безъ нихъ онъ даже немислилъ и былъ бы химерой.

2. Техника.

Всѣ вещественныя культурныя владѣнія суть преобразованія данныхъ элементовъ; во время этого процесса какъ бы соединяются духъ и матерія, и новое твореніе есть уже часть человѣка, которая безъ него не могла бы существовать и въ немъ находить свою цѣль и назначеніе. Само превращеніе совершается органами человѣка или ихъ усиленіями, орудіями. Но духовный элементъ, переходящій по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію и позволяющій человѣку постоянно производить все новыя, по существу однородныя творенія, мы называемъ техникой. Владѣющій ею соединяетъ знаніе и умѣніе; ею постоянно обновляется и увеличивается расширенное человѣческое тѣло, которое мы называемъ вещественной культурой; и когда техника теряется, теряется и падаетъ мало-по-мало и часть владѣнія, основывающаяся на ея знаніи.

Человѣчество постепенно накопило большое сокровище технической ловкости, и подробное и понятное описаніе даже сравнительно незначительныхъ техническихъ познаній первобытныхъ народовъ заняло бы очень много мѣста. Но въ задачу общаго обзорѣнія культуры не входитъ сообщать съ недантической точностью эти подробности; нужно представить не имѣющееея налицо, а то, что образуется, не цѣль развитія, а корни и зародышъ его. Потому, когда мы обращаемся къ самой древней и, быть можетъ, самой важной технике человѣчества, къ добыванію огня, мы спрашиваемъ не о высшемъ методѣ зажиганія огня, но о пути, которымъ удалось сознательно получить первое пламя, и о прочихъ орудіяхъ, которыя позволяютъ намъ угадать путь развитія.

Явленіе теплоты и свѣта, получающееся при быстромъ соединеніи горючихъ веществъ съ кислородомъ, считается теперь людьми такимъ обычнымъ и само собою понятнымъ, что долгое время причисляли огонь къ четыремъ основнымъ элементамъ и мало обращали вниманія на то, что есть еще и другіе источники свѣта и тепла. Электрическій свѣтъ молніи, напримѣръ, знакомъ вѣдь всѣмъ людямъ съ начала времени, но лишь культурнымъ народамъ новѣйшаго времени удалось покорить и этого носителя свѣта и употребить на освѣщеніе улицъ и домовъ; даже естественную теплоту земли, существующую въ болѣе глубокихъ слояхъ земной поверхности, до

сихъ поръ вообще почти не пытались утилизировать или только тамъ, гдѣ она способствуетъ возникновенію горячихъ источниковъ. Для древнѣйшей исторіи человѣчества принимается въ соображеніе только огонь воспламенившихся горючихъ веществъ.

Много уже спорили о вѣроятномъ способѣ открытія огня. Этотъ вопросъ, который вообще, какъ и всѣ подобные вопросы, можетъ быть рѣшенъ самое большее по теоріи вѣроятности, настолько, по крайней мѣрѣ, выясненъ въ настоящее время, что чисто фантастическія гипотезы стали невозможны. Можно считать отвергнутой мысль Куна, что наблюдали загораніе трущихся другъ о друга во время бури вѣтвей и затѣмъ изобрѣли снарядъ для тренія, а также и мифіе Пешеля, что «Прометей ледяного періода» открылъ секретъ зажиганія огня сознательнымъ размышленіемъ и опытами.

Зато можетъ представляться еще сомнительнымъ, употребляло ли человѣчество огонь до того, какъ его научились произвольно добывать,—какъ это недавно старался представить вѣроятнымъ Карлъ фонъ-денъ-Штейненъ,—или сначала открыли способъ добыванія огня и тогда только признали пользу послѣдняго. Нужно допустить, что лѣсные пожары могутъ возникать и безъ содѣйствія человѣка, хотя это не могло происходить часто, и что, несмотря на ужасъ подобнаго событія, польза пожара могла быть рано признана и оцѣнена; онъ вспугивалъ дичь и, быть можетъ, доставлялъ тѣмъ успѣшную охоту, а при осмотрѣ пожарища замѣтили согрѣвающее свойство тлѣющихъ головень и, быть можетъ, убѣдились, что твердые плоды и мясо погибшихъ во время пожара животныхъ стали отъ умѣренной теплоты мягче и болѣе удобны для ѣды. Обычай многихъ народовъ возить съ собою тлѣющія головни, вмѣсто того, чтобы добывать вновь огонь, не можетъ, конечно, считаться безусловно остаткомъ

общаго прежде обычая, а есть лишь самый удобный и простой поступокъ тамъ, гдѣ имѣются неудовлетворительные способы добыванія огня. Австраійскіе негры Квинслэнда охотно берутъ съ собою на короткіе переѣзды головни, чтобы быстро развести необходимый огонекъ, но отлично умѣютъ сами добыть огонь; такъ же поступаютъ и индѣйцы Гвіаны и другихъ областей Южной Америки. Если допустить, что огонь былъ знакомъ раньше, чѣмъ искусство добывать его, гораздо легче объяснить, почему уже въ очень давнія времена умѣли пользоваться случайно полученными искрами; но этотъ доводъ все же не обязателенъ. Во всякомъ случаѣ, огонь извѣстенъ очень давно. Убѣжденіе, что почти до настоящаго времени встрѣчались народы, не знавшіе огня, едва ли теперь находитъ еще приверженцевъ. Доисторическія находки указываютъ, что еще въ эпоху ледя-

Куски дерева для добыванія огня сверленіемъ (Австралія).

ного періода человѣкъ грѣлся у огня и умѣлъ освѣщать мракъ ночи горящими полѣнами.

Открытіе способа добыванія огня не было единичнымъ, загадочнымъ фактомъ, тѣмъ менѣе чистымъ подаркомъ случая, но результатомъ труда, во всякомъ случаѣ косвеннымъ результатомъ, котораго не искали, но скоро научились цѣнить: добываніе огня возникло, съ одной стороны, изъ техники обработки дерева, съ другой — изъ техники камня и только недавно потеряло у европейскихъ культурныхъ народовъ признаки этого своего происхожденія; наши химическія зажигательныя

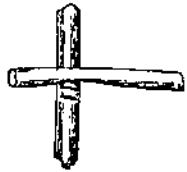
средства, которыя завоевываютъ теперь міръ, не имѣютъ и ста лѣтъ. Сверленіе дерева повело къ изобрѣтенію зажигательнаго сверла, сглаживаніе дерева — къ изобрѣтенію снаряда для добыванія огня треніемъ, отъ рѣзки и пилки твердаго дерева происходитъ зажигательная пила; наконецъ, отъ разбиванія камня — каменные огнива въ различныхъ своихъ видахъ. При всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ наблюдалось возникновеніе теплоты и раскаленныхъ искръ, а работа изъ дерева даетъ въ опилкахъ и подходящій труть. Труть есть необходимое дополненіе всякаго зажигательнаго снаряда и, пожалуй, можно сказать, что при изобрѣтеніи каменныхъ зажигательныхъ снарядовъ открытіе соответствующаго трута было самой главной частью пріобрѣтенія; что кремни при ударѣ другъ о друга даютъ искру открываетъ вѣдь и у насъ каждый ребенокъ, играющій камышками.

Подробностямъ изученіемъ зажигательныхъ снарядовъ мы обязаны въ особенности Вальтеру Гугу. Зажигательныя сверла онъ раздѣляетъ, по ихъ сложности, на три группы: первая заключаетъ въ себѣ простые снаряды, состоящіе изъ двухъ кусковъ дерева и часто

Цунни, сверлящій острымъ камнемъ (Сѣв. Америка).

встрѣчающіеся еще у первобытныхъ народовъ настоящаго времени (см. рис. стр. 432); снаряды эти почти такіе же, какими просверливаютъ дырки въ деревѣ и камнѣ. Кусокъ дерева, который можно назвать сверильной доской, снабжается маленькимъ углубленіемъ, въ которое вставляется кончикъ другого, круглаго куска, сверла. Тогда съ помощью обѣихъ ладоней даютъ сверлу вертящееся въ обѣ стороны движеніе, послѣ чего собирающіяся въ углубленіи опилки согреваются и, наконецъ, воспламеняются. Это верченіе должно сопровождаться сильнымъ надавливаніемъ внизъ и происходить, по возможности, безъ перерыва. Чтобы поддержать надавливаніе и предотвратить выскакиваніе сверла, его верхній конецъ упираютъ еще въ подбородокъ, защищенный кускомъ кожи. Обыкновенно употребляютъ вполне опредѣленные древесныя породы, большею частью одна твердая и одна мягкая. Отъ большей или меньшей пригодности кусковъ дерева и зависитъ скорость добыванія огня описаннымъ способомъ;

Пила для добыванія огня (съ сѣв. Борнео).

иногда на это нужно довольно продолжительное время: одинъ апаха, въ присутствіи капитана Бурка, добылъ огонь съ помощью простаго сверла черезъ восемь секундъ, а одинъ кейвей, по свѣдѣтельству Баттея, употребилъ на это нѣсколько минутъ. Впрочемъ, при добываніи огня сверленіемъ никогда не получается пламя, а тлѣющія опилки должны быть соединены съ приспособленнымъ для этого трутомъ, и только тогда, послѣ сильнаго раздуванія, вспыхиваетъ яркій огонь. Различныя зажигательныя сверла, какъ сказано, находятся въ тѣсномъ родствѣ со сверлами для дерева и камня (см. рис. стр. 433), или, вѣрнѣе, они представляютъ ихъ непосредственныхъ потомковъ.

Очень распространено простое, но остроумное улучшеніе зажигательнаго сверла: вертящееся движеніе производятъ не непосредственно руками, а накинутымъ вокругъ сверла шнуромъ, который дергаютъ туда и сюда руками. Задачу держать крѣпко сверло и надавливать его внизъ беретъ на себя помощникъ и надавливаетъ съ помощью маленькаго выдолбленнаго кусочка дерева, который можно назвать шапочкой сверла; вѣдь голая рука не могла бы вынести ни тренія верхняго конца сверла, ни дать ему достаточно быстро вертѣться. Такъ добываютъ огонь эскимосы, нѣкоторые сѣверо-американскіе индѣйцы и многія племена даяковъ. Но сами эскимосы еще усовершенствовали этотъ аппаратъ тѣмъ, что и одинъ человекъ можетъ имъ добыть огонь, а именно такимъ соизмѣреніемъ сверла и шапочки, что послѣдняя можетъ быть придержана ртомъ. Кроме того, шнуръ часто бываетъ снабженъ, вмѣсто двухъ ручекъ, одной, къ обѣимъ концамъ которой его прикрѣпляютъ; тогда имъ можно управлять одной рукой, а другою придерживать сверильную доску.

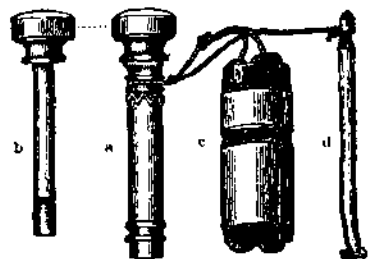
Мѣстами встрѣчается; наконецъ, слѣдующее усовершенствованіе: сверло можно завести, какъ волчокъ, и, когда его отпускаютъ, оно вертится съ большой и равномерной быстротой; тогда также увеличиваютъ и тяжесть сверла обыкновенно просверленнымъ камнемъ, чтобы получить нужное давленіе сверху. Отдѣльныя углубленія для сверла часто соединены между собою или сдѣланы въ жолобѣ, чтобы легче собирались вмѣстѣ древесныя опилки.

Изъ техники работъ по дереву или, точнѣе, изъ обработки бамбука произошла и зажигательная пила, распространенная по всей Индіи и Индонезіи до самой Австраліи. Смертли болѣе подробно описываетъ употребляемый на Борнео снарядъ (см. рис. стр. 434), который всегда состоитъ изъ двухъ кусковъ (пилы и козелъ). «Пила, — пишетъ онъ, — представляетъ осколокъ большой бамбуковой трубки, приблизительно въ 9 д. длины и 1½ д. ширины. Посреди наружной стороны сдѣланъ тонкій надрѣзь, настолько глубокой, чтобы только разрѣзать среднюю часть. Съ наружной стороны соскабливаются тогда тонкія опилки и кладутся, какъ трутъ, внутри на разрѣзь; немного крупнѣе опилки соскабливаются съ внутренней стороны, но не совсѣмъ отдѣляются отъ бамбука и загибаются сверхъ трута, чтобы держать его на мѣстѣ. Козлы — такой же кусокъ бамбука, только немного длиннѣе пилы и съ острымъ ребромъ. При употребленіи снаряда садятся на землю, ставятъ козлы наклонно передъ собой и берутъ пилу обѣими руками за оба конца такъ, чтобы выпуклая сторона приходилась внизъ, трутъ вверхъ. Сильнымъ давленіемъ пасаживаютъ надрѣзь на острое ребро козелъ и равномерно двигаютъ пилу взадъ и впередъ. Приблизительно послѣ десяти передвиженій трутъ начинаетъ дымиться, пиленіе производится все быстрѣе и быстрѣе и, наконецъ, такъ быстро, что трутъ начинаетъ тлѣть. Поднявъ пилу, принимаютъ дуть съ выпуклой стороны черезъ надрѣзь на трутъ, который скоро загорается окончательно и тогда получаютъ яркое пламя обычнымъ способомъ. Все это длится менѣе минуты. Я видѣлъ дѣло конченнымъ послѣ 60 движеній пилой». Иногда дѣйствуютъ наоборотъ, т. е. употребляютъ кусокъ съ трутомъ вмѣсто козелъ, а кусокъ съ острымъ ребромъ вмѣсто пилы. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и этотъ родъ добыванія огня произошелъ изъ техническихъ дѣйствій, хотя возможно, что къ изобрѣтенію привели непосредственныя наблюденія природы; по крайней мѣрѣ, Горнодай утверждаетъ, что въ чащѣ бамбука, при бурномъ вѣтрѣ, иногда бываютъ пожары оттого, что высокія палки бамбука трутся другъ о друга. Съ другой стороны, Плейте высказалъ мнѣніе, что въ Индонезіи самымъ древнимъ способомъ добыванія огня было удареніе другъ о друга камня или бамбука.

Многіе полинезійцы и австралійцы употребляютъ болѣе простой способъ, чѣмъ зажигательную пилу, — они двигаютъ туда и сюда за-

остренный кусок твердаго дерева въ желобкѣ мягкаго, пока не загорятся древесныя опилки. Говорятъ, что жителямъ Самоа это дается въ 40 секундъ.

Если зажигательные снаряды посредствомъ сверленія и тренія произошли изъ работы по дереву, то обтесываніе камня приводитъ къ изобрѣтенію ударныхъ зажигательныхъ снарядовъ, на количество и древность которыхъ указываютъ уже опредѣлительныя названія нѣкоторыхъ камней (кремень, пиритъ и т. д.) у многихъ народовъ. Въ своей простѣйшей формѣ ударный зажигательный снарядъ состоитъ изъ двухъ камней, которые ударяютъ другъ о друга, и трута, принимающаго сыплющіяся искры; единственное значительное улучшение снаряда есть замѣна одного изъ камней кускомъ желѣза или стали, дающихъ много искръ.

Зажигательный насосъ изъ Саравакъ (Борнео): а) цилиндръ съ поршнемъ, б) поршень отдѣльно отъ цилиндра, в) коробка для трута, г) палка для прочищенія.

Въ этомъ послѣднемъ видѣ ударный зажигательный снарядъ принятъ почти всѣми культурными народами и отчасти сохранился до настоящаго времени; поэтому, всегда живой духъ изобрѣтенія этихъ народовъ, не придумавъ особеннаго улучшения въ самой вещи, обратился по крайней мѣрѣ на внѣшній видъ снаряда и коробочекъ, жестянокъ и мѣшечковъ, въ которыхъ онъ сохраняется. Оттого-то, несмотря на одинаковость принципа, ударные зажигательные снаряды бываютъ различны формы, иногда очень красивыя и даже драгоценныя. Впрочемъ, уже примитивная форма снаряда имѣетъ у многихъ народовъ свои особенныя, такъ какъ не вездѣ употребляютъ тѣ же каменные породы и два камня; напримѣръ, эскимосы ударяютъ кремнемъ о кусокъ сѣрнаго колчедана. Понятно, что употребляютъ только самые твердые камни и всюду предпочитаютъ различные виды кварца, къ которымъ принадлежатъ кремень и пиритъ (желѣзный и сѣрный колчеданъ).

Удивительный зажигательный снарядъ распространенъ у нѣкоторой части даяковъ и нѣкоторыхъ бирманскихъ племенъ—зажигательный насосъ (см. прил. рис.); по своей конструкціи онъ напоминаетъ хлопнушки вашей юности, съ той разницей, что сжатый воздухъ служитъ не для выталкиванія пробки, а своимъ нагрѣваніемъ зажигаетъ трутъ. Въ пустой, закрытый съ одного конца, металлическій цилиндръ вдавливается плотно пригнанный поршень, на нижнемъ концѣ котораго находится углубленіе, наполненное трутомъ; сжатый давленіемъ воздухъ настолько нагрѣвается, что трутъ начинаетъ

тлѣть, послѣ чего поршень вытаскиваютъ и подлежащимъ обращеніемъ съ тлѣющей массой получаютъ яркій огонь. Это изобрѣтеніе связано, конечно, съ техникой, распространенной именно на Борнео,— съ приготовленіемъ духовой трубы; здѣсь выдавливаніе мягкой сердцевины изъ деревянной или бамбуковой палки составляетъ главную задачу. На Борнео, рядомъ съ зажигательнымъ насосомъ, употребляютъ и сверло, и пилу, какъ и вообще у многихъ народовъ встрѣчаются рядомъ различные способы добыванія огня. Химическія зажигательныя средства знакомы только культурнымъ народамъ, оптическими (чечевицеобразнымъ стекломъ и вогнутымъ зеркаломъ) пользовались до сихъ поръ только лишь, какъ забавой.

Если искусство добыванія огня есть дочь деревянной и каменной техники, оно блестяще отблагодарило ее и само вызвало къ жизни новыя отрасли техники. Мы не будемъ говорить о косвенныхъ услугахъ, оказываемыхъ людямъ и ихъ технической дѣятельности огнемъ, какъ средствомъ освѣщенія, отпугиванія дикихъ звѣрей и помощью при чисто-хозяйственныхъ работахъ; для самой техники огонь имѣетъ значеніе почти исключительно, какъ источникъ тепла, который отчасти замѣняетъ солнечное тепло—при высушиваніи и вяленіи питательныхъ средствъ, сырого дерева, листьевъ и т. д.—частью же открываетъ совершенно новыя возможности преобразованія. Солнечный жаръ никогда вѣдь не переходитъ извѣстныхъ границъ, а искусственная теплота можетъ быть повышена до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Правда, что только высшая культура освоилась съ этимъ опаснымъ оружіемъ борьбы за существованіе; большинство первобытныхъ народовъ еще очень неискусны въ этомъ отношеніи.

Широко распространена, быть можетъ, даже всюду извѣстна истина, основанная на опытѣ, что дерево становится болѣе гибкимъ въ тепло; бумерангъ австралийцевъ получаетъ свою кривую форму тѣмъ, что его мочатъ въ водѣ, кладутъ въ горячую золу и затѣмъ соответственно сгибаютъ. И затвердѣніе дерева огнемъ, повидимому, всюду извѣстно. Техника рисованія выжиганіемъ процвѣтаетъ въ Меланезіи, гдѣ обугливаютъ поверхность домашней утвари и тогда вѣзываютъ въ нее орнаменты или выжигаютъ украшенія раскаленными кусками кокосовой скорлупы; и въ Африкѣ извѣстны эти искусства. Разными еще другими способами облегчаютъ себѣ огнемъ трудную обработку дерева, постепенно обжигаютъ подъ корнями громадныя деревья и способствуютъ тѣмъ ихъ паденію, или выдалбливаютъ огнемъ стволы для полученія лодки. При обработкѣ камней огонь менѣе полезенъ, но рано уже узнали разрывное дѣйствіе жара на камни, и даже австралийцы умѣютъ, накаливая скалы и обливая ихъ потомъ водою, получать осколки, годные для ихъ ножей и копій. Вездѣ, гдѣ существуетъ примитивное горное производство, охотно употребляютъ этотъ способъ «взрыванія огнемъ». А пони-

маніе, что многія пластичныя земляныя породы становятся отъ жара твердыми и крѣпкими, такъ что имъ можно придать сначала любую форму, а потомъ превратить въ твердую массу, примѣнилось къ широко распространенному гончарному искусству и выжиганію кирпичей; объ этомъ, какъ и объ обработкѣ металловъ, мы будемъ еще говорить болѣе подробно.

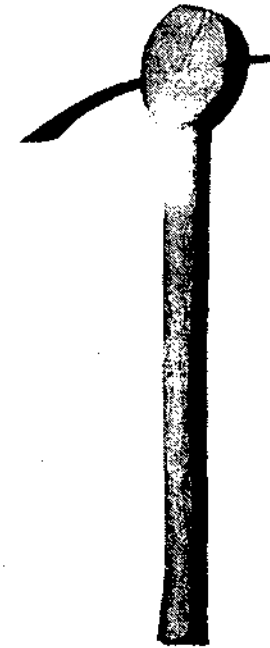
Техникѣ добыванія огня, по ея важности, слѣдовало появиться первою; тѣмъ не менѣе, она не есть древнѣйшая техника, что доказывается уже правдоподобной исторіей ея появленія, не говори о томъ, что мы видимъ уже въ постройкѣ

гнѣздъ птицами, въ работѣ бобровъ, а прежде всего въ дѣятельности многихъ насѣкомыхъ примѣненіе искусной техники, хотя они только въ исключительныхъ случаяхъ служили образцомъ для людскихъ стремленій, но все же ихъ должно разсматривать, какъ достовѣрные параллели. Какъ мы видимъ, зажигательные снаряды произошли главнымъ образомъ изъ обработки дерева. Всякая примитивная работа по дереву состоитъ не столько въ искусственномъ соединеніи и скрещеніи, какъ въ вырубленіи желаемой формы изъ одного куска дерева съ помощью соответственныхъ орудій (см. прил. рис.) приблизительно такъ же, какъ скульпторъ обрабатываетъ свой мраморъ; только эскимосовъ заставляла нужда сдѣлать усилки въ столярной работѣ, потому что имъ приходится довольствоваться небольшими кусками плывучаго лѣса. Даже въ томъ случаѣ, если нельзя избѣжать соединенія разнородныхъ частей, когда, на примѣръ, каменные наконечники копій, зубы или кости должны быть прикрѣплены къ деревяннымъ рукояткамъ, рѣдко пытаются плотно вставлять эти вещи въ дерево, а охотѣе употребляютъ клейкія вещества, какъ смолу и воскъ, или стараются

Топоръ гереро (Юго-западная Африка), употребляемый для выдалбливанія сосудовъ для молока.

добиться нужной прочности, обвязывая веревкой.

Обработка кожъ есть очень древнее, хотя врядъ ли древнѣйшее искусство человѣчества. Подъ этимъ, прежде всего, не слѣдуетъ понимать дубленія, т. е. химическую обработку кожъ, а механическое дѣйствіе, дѣлающее изъ твердой и ломкой послѣ сушки кожи мягкую вещь. Естественно, что болѣею частью употребляютъ шкуры большихъ млекопитающихъ, но полярные народы умѣютъ также приго-

товлять одежду изъ птичьей и рыбьей кожи; на примѣръ, гиляки, снявъ съ кожи семги предварительно чешую размягченіемъ и толченіемъ въ деревянномъ сосудѣ, тщательно удаляютъ съ нея соскребаемъ всѣ части мяса и жира и затѣмъ сшиваютъ изъ кусковъ цѣлое платье. Полярные народы, принужденные естественными условіями своего мѣстожителства къ возможно полному использованию всего тѣла животнаго, дѣлаютъ также годныя для употребленія матеріи изъ сшитыхъ вмѣстѣ киневъ.

Въ примитивной обработкѣ шкуръ самое главное заключается въ растагиваніи кожъ (см. прил. рис.), которыя при просушкѣ съеживаются, въ удаленіи скобленіемъ лишнихъ остатковъ мяса и жира, часто также верхней и нижней кожицы, на-
завецъ, въ топтаніи и валяніи;

Эскимоска, растагивающая шкуру.

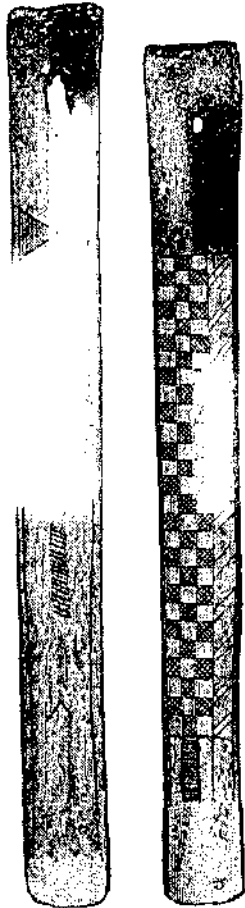
если шерсть должна быть удалена, къ предыдущимъ операціямъ присоединяется еще четвертая (см. прил. рис.). Всѣ эти цѣли достигаются или болѣе простыми, или болѣе сложными и остроумными способами. На примѣръ, калифорнскія индѣйскія племена довольствуются вырываніемъ шерсти руками, между тѣмъ какъ большинство народовъ размягчаетъ сначала шкуры въ водѣ или, какъ эскимосы, въ мочѣ. Индѣйцы-вороны употребляютъ для вытравленія шерсти смѣсь золы съ водой. Механическая обработка часто заключается въ катаньи руками или въ битьи, топтаньи и скобленіи, даже въ жеваніи, при нѣкоторыхъ способахъ эскимосовъ. «Сила человеческихъ мускуловъ,—мѣтко говоритъ Мазонъ,—есть главное орудіе примитивнаго кожевничества». Инструменты для скобленія (см. рис. стр. 440) извѣстны большинству народовъ. Культурные народы также примѣняютъ эти способы, исключая жеванія шкуръ, но къ нимъ они присоединяютъ и химическое дѣйствіе—дубленіе. Между тѣмъ, начала дубленія извѣстны многимъ первобытнымъ народамъ, а именно приѣмъ втиранія въ кожу жирныхъ веществъ, чтобъ сдѣлать ее мягкой, какъ у насъ это примѣняется, въ улучшенномъ видѣ, для полученія замшъ.

Гребень эскимосовъ для сглаживанія кожъ.

Племя вагонда (въ Восточной Африкѣ) употребляетъ для этой цѣли масло, полярные народы — ворвань, жители азіатскаго нагорья — кислое молоко, многіе индѣйцы Сѣв. Америки, — какъ сіу, модоки, папи и ирокезы, — мозгъ и печень убитыхъ животныхъ. Большая часть индѣйцевъ, кромѣ того, коптятъ кожу, послѣ чего она приобретаетъ цѣнное свойство не твердѣть и не дѣлаться ломкой даже

послѣ сильнаго отсырѣнія. Настоящія растительныя дубильныя вещества, дѣйствіе которыхъ заключается въ томъ, чтобъ облегать волокна кожи и тѣмъ мѣшать ихъ склеиванію и въ то же время гніенію, менѣе извѣстны дикарямъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не совсѣмъ неупотребительны. Многія африканскія племена, какъ бонго,

Костяной скребель для шкуръ у эскимосовъ.

которыя, по свидѣтельству Гейглина, дубятъ кожу корой сикоморы и акаціи, вообще обязаны своими знаніями, конечно, сосѣднимъ болѣе культурнымъ народамъ. Въ культурныхъ странахъ, около Средиземнаго моря, приготовленіе кожъ практикуется очень давно, какъ доказываютъ египетскіе рисунки и еще въ раннія времена распространившаяся слава вавилонскихъ, а позднѣе и персидскихъ кожъ. Часто съ дубленіемъ кожъ тѣсно связана и ихъ окраска, которая въ средніе вѣка главнымъ образомъ имѣла мѣсто въ Кордовѣ (кордуанская кожа), затѣмъ производилась въ Марокко (сафьянъ) и, наконецъ, распространилась до Западнаго Судана, гдѣ теперь знамениты Гесса и Мандинго своей кожевенной промышленностью.

Уже Готфридъ Семпортъ указалъ, какое тѣсное отношеніе существуетъ между обработкой шкуры животныхъ и коры деревьевъ, между добываніемъ кожи и матерій изъ коры. Связь должна была быть болѣе, чѣмъ внѣшней; вѣроятно, скоро пришло въ голову замѣнить одежду изъ шкуръ одеждою изъ коры, когда началъ чувствоваться недостатокъ въ подходящей дичи на охотѣ, тѣмъ болѣе, что часть приемовъ, употребляемыхъ при обработкѣ шкуръ, годилась также и для производства матерій изъ коры. Сниманіе коры съ деревьевъ (см. рис. стр. 441) соотвѣтствуетъ сдиранію кожи съ живот-

кругообразныя зарубки которой придаютъ ему рубчатый видъ. Если образуются дырки, ихъ заштопываютъ четверугольными кусочками коры, которые берутъ отъ края и пришиваютъ банановой мочалой. Затѣмъ матерію окрашиваютъ въ красный цвѣтъ». Подобнымъ же образомъ поступаютъ многія племена на Борнео. «Муруты, — пишетъ Витегедъ, — сдираютъ съ дерева кору, которая очень вязка и гибка. Тогда по всей ея поверхности бьютъ, какъ молотомъ, тяжелымъ деревяннымъ инструментомъ, одна плоскость котораго покрыта глубокими перекрестными линіями, какъ напильникъ; этимъ путемъ уничтожаютъ самыя твердыя волокна коры и превращаютъ ее въ очень мягкую, но далеко не прочную матерію. Такъ какъ на корѣ образуется множество прорѣхъ и дыръ, этотъ недостатокъ устраняется пришитыми поперекъ полосами коры». Другіе наблюдатели упоминаютъ также о размягченіи коры передъ битьемъ. Эта техника получила, быть можетъ, высшее свое развитіе въ Полинезій, гдѣ употребляли кору бумажной шелковницы (*Broussonetia papyrifera*), а также хлѣбнаго дерева

Аино (Вост. Азія), занятыя приготовленіемъ матеріи изъ коры.

Дубинка изъ слоновой кости для матеріи изъ коры вавамба (Вост. Африка).

и нѣкоторыхъ видовъ фикуса. На Таити, по свидѣтельству Моренгута, кору сначала мочили, потомъ соскабливали зеленныя части и опять мочили. Тогда ее приносили въ хижины, назначенныя для приготовленія тапа (матеріи изъ коры), клали на вѣчто вродѣ деревянныхъ столовъ и били по ней дубинообразнымъ инструментомъ, на четырехъ сторонахъ котораго были разные узоры. Посредствомъ этого молотка или съ помощью клеевой воды соединяли тогда вѣстѣ отдѣльные куски; наконецъ, матерію покрывали клеемъ, добываемымъ изъ коры *Aleurites triloba*, и дѣлали непромокаемой; часто также еще различнымъ образомъ красили и покрывали узорами. Какъ видно изъ этихъ описаній, всюду, гдѣ изготовляютъ матерію изъ коры, являются особенныя инструменты — колотушки то съ узорами, то безъ нихъ (см. прил. рис. и рис. стр. 442), какъ характеръ орудія своеобразной культурной ступени.

Усердіе, съ которымъ человекъ съ раннихъ временъ посвятилъ

себя на приготовление кожи и материи из коры, довольно понятно, — вѣдь при выдѣлкѣ всѣхъ этихъ плоскихъ кусковъ прежде всего дѣло идетъ объ укрѣпленіи плохо защищенной человѣческой кожи, будь это въ видѣ прилегающей одежды или крыши и стѣны хижины или палатки. Но кожа есть въ то же время сосудъ и, какъ таковой — образецъ многихъ предметовъ утвари, служащихъ для сохраненія и переноски жидкихъ и твердыхъ веществъ и приготовляемыхъ также отчасти изъ кожи или древесной коры. Однако, еще въ древнія времена не довольствовались природной кожей, такъ какъ добавочное искусство сплести гибкія вѣтви или стебли въ плоскія поверхности или въ сосуды, повидимому, принадлежить глубокой древности.

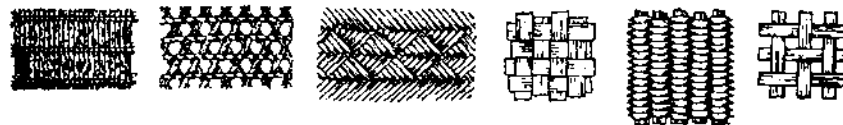

Колотушка для материи изъ коры гальмаэра (Молукка).

Корнемъ всей техники можно считать, пожалуй, еще теперь существующій обычай первобытныхъ племенъ сплести вѣтви дерева или куста въ видѣ крыши, хотя отчасти защищающей отъ дождя. Двѣ главныя цѣли, которымъ должны служить матеріалы, имѣющіе видъ плоскости, становятся причиной двойного развитія; какъ защитительное средство, образовались циновки; какъ сосуды — корзины; это различіе имѣло, конечно, влияние и на технику, которая между тѣмъ большею частью очень проста. Всякое искусство плетения имѣетъ въ основаніи понятіе, что полосы, вѣтви и нити, если ихъ нѣсколько разъ переплести крестообразно, плотно держатся вмѣстѣ, вслѣдствіе сопротивленія тренію и собственной эластичности, и что плетение должно быть тѣмъ тоньше и плотнѣе, чѣмъ тоньше и менѣе эластичны употребленные на него матеріалы. Слѣдовательно, главной задачей является пропустить другъ черезъ друга полосы или нитки. Для этой цѣли всюду употребляютъ иглу для плетенья, — нѣкоторымъ образомъ удлиненіе толстыхъ и мягкихъ пальцевъ; эта игла заострена съ одного конца, а на другомъ имѣетъ простое приспособленіе для прикрѣпленія нитки или полосы. Самымъ непрочнымъ мѣстомъ всѣхъ плетеныхъ предметовъ бываютъ ихъ края, которые поэтому обыкновенно различнымъ образомъ укрѣпляютъ и окаймляютъ. Итакъ, хотя техника, въ сущности, очень проста, гибкость матеріала допускаетъ въ отдѣльности безконечное разнообразіе выполненія, слѣдовательно, даетъ творческой фантазіи удобную арену. Простое, перекрестное плетение можетъ быть измѣнено уже тѣмъ, что попере-

выми полосами накрывается попеременно не одна, а двѣ или три продольныхъ, или дѣлается другое небольшое сдвигеніе; если эти различія выполненія чередуются на плетеніи рядами, получаются уже разные узоры. Но скоро научаются употреблять для одного плетения разные матеріалы, или отдѣльныя полосы окрашиваютъ въ разные цвѣта и замысловатымъ переплетеніемъ достигаютъ тогда очень красивыхъ результатовъ. Такимъ способомъ удается передать въ плетенья даже человѣскія и звѣриныя фигуры. Вмѣсто того, чтобъ всю плетеную поверхность дѣлать изъ одного куска, предпочитаютъ при дѣланіи корзины, шляпы и т. под. плести отдѣльныя полосы, которыя потомъ сшиваютъ; и этимъ путемъ можно производить различныя узоры (см. прил. рис.).

Болѣе тонкія и менѣе эластичныя нити возможно соединить въ прочную плоскость, — не говоря о лакированіи. — двумя способами: или нити должны очень плотно лежать другъ къ другу, что не легко

Плетенья для корзины различныхъ первобытныхъ народовъ.

сдѣлать рукой или съ помощью простой иглы для плетенья, или ихъ надо скрѣпить узлами на каждомъ перекрещиваніи. Последняя техника даетъ хотя очень прочное, но въ то же время очень рѣдкое плетенье — сѣтъ (см. рис. стр. 444), которая нашла всеобщее распространеніе вслѣдствіе своей большой пригодности для извѣстныхъ хозяйственныхъ цѣлей, прежде всего — для рыбной ловли и охоты. Искусство вязанія сѣтей болѣе широко распространено, чѣмъ другая техника, соединяющая тонкія нити въ плоскости, — ткань. Обѣ техники предполагаютъ существованіе тонкихъ и въ то же время прочныхъ нитокъ, которыхъ между тѣмъ природа рѣдко доставляетъ въ желаемомъ совершенствѣ. Поэтому вязанію сѣтей и тканью предшествуетъ обыкновенно простая техника пряденія, которая заключается въ томъ, что природныя животныя и растительныя волокна расправляютъ чесаньемъ, шипаньемъ и сдавливаньемъ, и затѣмъ соединяютъ ихъ сученіемъ въ крѣпкія нитки или веревки. У первобытныхъ народовъ все это должна производить рука человѣка съ помощью очень простыхъ орудій, прежде всего очень распространеннаго прядильнаго кольца, находямаго въ большемъ количествѣ среди доисторическихъ остатковъ. Культурные же народы уже давно умѣли изобрѣтеніемъ прялки присоединить къ дѣлу силу ноги и превратить верченье въ быстрое и равномерное движеніе.

Какъ ни полезна сѣть для многихъ цѣлей, но она вовсе не годится служить согревающимъ покровомъ; переплетать плотно и равномерно между собою нитки и тѣмъ произвести однообразную поверхность матеріи можетъ только ткацкое искусство, которое можно назвать усовершенствованнымъ плетениемъ, и оно дѣйствительно связано незамѣтными переходами съ этой старѣйшей техникой. Принципъ тканья очень простъ. При плетеньѣ, какъ и при тканьѣ, имѣется прежде всего рядъ лежащихъ другъ около друга полосъ или нитей, которыя, чтобъ онѣ не разлетѣлись или не разсунулись, прикрѣпляютъ съ одного конца или съ обоихъ къ поперечной полосѣ, къ поперечному бруску или къ чему-нибудь въ этомъ родѣ. Этотъ рядъ нитей называется основой. Теперь задача въ томъ: такъ провести поперечныя полосы или нити сквозь основу, чтобъ онѣ проходили попеременно сверху и снизу нитей основы. При плетеньѣ это производится исключительно иглой, но для болѣе тонкихъ нитей взяло бы слишкомъ много времени и труда. Весь секретъ тканья состоитъ въ томъ, что нити основы раздѣляютъ на двѣ группы такимъ образомъ, что всѣ четныя приходятся

Приготавливающій сѣть.

въ одну группу, нечетныя въ другую, и хотя нити обѣихъ группъ прикрѣпляются въ верхнемъ концѣ вмѣстѣ, но въ нижнемъ нити каждой группы захватываютъ отдѣльно, что можетъ быть сдѣлано различнымъ способомъ. Раздвигая затѣмъ то на ту, то на другую сторону обѣ группы основы и проводя между ними иглу или замѣняющій ее челнокъ съ поперечной ниткой (утокъ), получаютъ густое перекрестное тканье, крѣпость котораго увеличивается еще тѣмъ, что употребляютъ не различныя поперечныя полосы, какъ при плетеньѣ, а одну и ту же нитку, которая заворачиваясь на края, образуетъ крѣпкую кайму тканья. Приспособленіе для поочереднаго раздвиганія обѣихъ группъ нитей на обѣ стороны, причемъ группы каждый разъ должны проходить одна сквозь другую, есть самая остроумная и трудно передаваемая часть ткацкаго станка; обыкновенно достигаютъ цѣли тѣмъ, что каждую отдѣльную нить группы основы опять пропускаютъ черезъ кольцо каждой поперечной нити и уже эти поперечныя нити прикрѣпляютъ къ рамѣ. Вмѣсто того, чтобъ двигать эти рамы туда и сюда руками, болѣею частью употребляютъ въ дѣло ноги, причемъ просто привязываютъ веревкой рамы къ большому пальцу ноги—въ Западной Африкѣ—или употребляютъ ступальную доску. Во всѣхъ примитивныхъ станкахъ челнокъ съ уткомъ пробрасывается рукой въ пространство, образуемое между раздвинутыми нитями основы.

На грубѣйшихъ ткацкихъ станкахъ, какіе мы встрѣчаемъ на

Каролинскихъ островахъ, у авно (см. прилаг. рисунокъ) или въ странѣ Конго, обрабатываются болѣею частью волокнистыя вещества, какія есть въ природѣ почти въ готовомъ видѣ, въ особенности мелкораздѣленная пальмовая солома, и еще волокна ананаса, кактуса, банана и гибискуса. Слѣдовательно, хлопковъ, который надо сначала прастъ, не привелъ къ изобрѣтенію ткацкаго станка такъ же, какъ и шерсть, которая предполагаетъ уже существованіе культивированныхъ домашнихъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нужно замѣтить, что въ Аляскѣ ткутъ художественно-орнаментированныя одѣяла изъ шерсти горныхъ козъ и волоконъ коры виѣстѣ, а западные тинне употребляютъ для тканья тонконарѣзанные ремешки изъ шкуръ кроликовъ. Древнѣйшій способъ обработки шерсти въ цыновки и матерію есть, конечно, включиваніе, которое еще теперь существуетъ у кочевыхъ племенъ азіатскаго плоскогорья, какъ древнее національное искусство. Животныя волокна имѣютъ свойство плотно сплестись вмѣстѣ, если ихъ намочить и сильно

Ткацкій станокъ авновъ (Восточная Азія).

сдавить; войлокъ есть не что иное, какъ спутанная, плотно сдавленная масса волосъ, сохраняющая свою форму послѣ просушки, такъ какъ отдѣльный волосъ, несмотря на сравнительную эластичность, снабженъ маленькими остріями и чешуйками, которыя крѣпко сдѣпляются и обуславливаютъ прочность войлока. Чтобъ достичь цѣли, нужна главнымъ образомъ простая механическая сила, и сложные аппараты, какъ ткацкій станокъ, совершенно излишни. Изъ войлочнаго искусства, вѣроятно, произошло и приготовленіе бумаги, которое должно было быть открыто само собою при попыткѣ замѣнить шерсть животныхъ растительными волокнами. Характерно, что въ восточно-азиатскихъ культурныхъ странахъ, бѣдныхъ животными и лежащихъ рядомъ съ главнымъ мѣстомъ производства войлока, бумага съ давнихъ поръ служила матеріаломъ для одежды и для разныхъ другихъ цѣлей.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить это родство различныхъ техническихъ искусствъ. Какое-нибудь изобрѣтеніе никогда почти не появляется самостоятельно, — всегда оно имѣетъ своихъ предшественниковъ, отъ которыхъ зависитъ: или улучшаютъ и расширяютъ старую технику и достигаютъ тѣмъ новыхъ результатовъ, или стре-

мятся другимъ путемъ и съ большимъ успѣхомъ къ цѣли, которую лишь плохо достигали прежней техникой. И то, и другое можетъ происходить одновременно, какъ, напримѣръ, попытка улучшить несовершенную утварь ведетъ въ то же время къ открытію новой техники. Это мы видимъ изъ древней исторіи гончарнаго искусства, обзоръ которой мы, конечно, не можемъ сдѣлать съ полной увѣренностью, но все же достаточно удовлетворительно.

Уже очень рано должна была явиться потребность сохранять и переносить воду, такъ какъ эта возможность означаетъ первый шагъ

Индійскіе водоносы въ Бомбей.

къ извѣстному освобожденію отъ гнета естественныхъ условій; впрочемъ, самое строеніе человѣческаго тѣла дѣлаетъ желательнымъ сосудъ для питья: прежде всего имъ являлась горсть руки, не очень къ тому подходящая и замѣненная послѣ скорлупой раковины, яйца, плодовъ и даже, — какъ доказываютъ многочисленныя оставшіяся свѣдѣнія, — черепами. Эти небольшія вспомогательныя средства, конечно, были недостаточны для переноски большого количества воды. Тамъ, гдѣ скотоводство и охота даютъ болѣе богатую добычу, снятая съ животнаго кожа сама собою представляется очень пригодной, какъ мѣхъ для воды; онъ до сихъ поръ сохранилъ свое прежнее значеніе на Востокѣ (см. прил. рис.); а тамъ, гдѣ извѣстны

тыквенныя бутылки и гдѣ тыква можетъ произрастать, самой природой данъ еще другой превосходный сосудъ для воды.

При недостаткѣ всего этого должны были быть пущены въ дѣло менѣе подходящія произведенія ткацкаго искусства. И дѣйствительно, многимъ народамъ удалось сплести такія плотныя корзины, что онѣ могли считаться непроницаемыми для воды. Послѣ этого легко было придти къ мысли сдѣлать корзины еще болѣе непромокаемыми, смазывая ихъ глиной; вѣдь глина, какъ это будетъ видно при обзорѣ домостроительства, есть очень употребительный матеріалъ для устраненія проницаемости плетенія для воздуха и воды. Такимъ же образомъ, вѣроятно, стали обмазывать снаружи тыквенныя и др. сосуды изъ скорлупъ плодовъ, чтобы имѣть возможность ставить ихъ на огонь и грѣть находящуюся въ нихъ воду, — стоило только разъ попребовать согрѣть воду прямо на огнѣ, вмѣсто скучнаго согрѣванія ея

Древній сосудъ со слѣдами узора плетенья (Пенсильванія, Сѣв. Америка).

Глиняная корзина цунни (Сѣв. Америка).

раскаленными камнями. Этимъ, въ сущности, уже было сдѣлано открытіе керамики. Вѣроятно, много прошло времени прежде чѣмъ попытались провести дальше наблюденіе, что глиняная обмазка превращается на огнѣ въ твердый сосудъ, но что это случилось, доказываютъ доисторическіе горшки; достаточно ясно, что формой имъ служили корзины (см. прил. рис.), или они являются подражаніемъ природныхъ сосудовъ. Бываютъ и корзинообразныя глиняныя сосуды, представляющіе уже сознательное подражаніе (см. прил. рис.).

Вмѣсто того, чтобъ мазать глиной внутреннюю сторону корзины и затѣмъ одновременно обжигать глину и сжигать корзину, позднѣе стали болѣею частью дѣлать сосуды отъ руки. Трудно рѣшить, старѣ ли другихъ способъ накладывать глиняныя руло другъ на друга и связывать ихъ сглаживаніемъ, какъ шиваютъ изъ плетеныхъ полосъ корзины. Эту технику описываетъ болѣе подробно

Имъ Турнъ, наблюдавший ее у индѣянокъ Гвианы. «Плоскій, круглый кусокъ глины, — пишетъ онъ, — основаніе проектированнаго глинянаго сосуда, кладется прежде всего на узкую доску. Остальная глина раскатывается руками въ длинные цилиндрическіе куски, толщиной въ большой палецъ мужской руки. Одинъ изъ этихъ кусковъ кладется вокругъ края основанія, окружая его, какъ бортъ корытца. Этотъ бортъ обдѣлывается большимъ и указательнымъ пальцами, плотно соединяется съ глиной основанія, сплющивается, сглаживается и ему очень искусно придаютъ тотъ именно изгибъ, который онъ долженъ имѣть, какъ часть всего сосуда. На первый валикъ кладутъ тогда второй и наступаютъ точно такъ же. Такимъ образомъ, постепенно, по кусочкамъ, составляютъ весь сосудъ, и его стѣнки, хотя сдѣланныя руками, получаютъ какъ разъ нужный изгибъ». Затѣмъ, съ помощью раковинъ и гладкихъ камней, сосудъ окончательно очищается и сглаживается, сушится на солнцѣ, окрашивается и, наконецъ, обжигается на медленномъ огнѣ.

Керамика поддается различнымъ усовершенствованіямъ, къ которымъ мѣстами пришли уже очень рано. Прежде всего, посредствомъ разбалтыванія глины въ водѣ и промыванія можно ее очистить отъ неприятныхъ примѣсей и получить равномерно-чистый матеріалъ. Далѣе скоро убѣдились, что не всѣ породы глины даютъ одинаковые результаты при обжиганіи: между тѣмъ какъ однѣ при сильномъ обжиганіи становятся тверды, какъ стекло, и совершенно непроницаемы для жидкостей, большая часть глиняныхъ породъ остаются пористыми и пропускаютъ черезъ стѣнки, хотя и медленно, находящуюся въ сосудѣ воду. Этотъ недостатокъ иногда становится преимуществомъ, такъ какъ жидкость, испаряющаяся на внѣшней сторонѣ сосуда, освѣжаетъ воду внутри его, и мы, дѣйствительно, видимъ съ давнихъ поръ въ употребленіи въ южной Европѣ и на Востокѣ пористые глиняные сосуды (терракоты), служащіе охладителями воды. Для кухонныхъ сосудовъ пористость также не очень важна, такъ какъ остатки кушанья внутри и сажа снаружи достаточно мѣшаютъ проницаемости. Но бываютъ все же случаи, когда нужны непременно плотные сосуды, какъ при сохраненіи вина или вообще тогда, когда жидкости должны долгое время сохраниться въ глиняныхъ кувшинахъ. Скоро явилась мысль дать сосудамъ съ самаго начала покровъ изъ сажи, что достигалось всего лучше тѣмъ, что наружную сторону передъ обжиганіемъ пропитывали смолой или растительнымъ масломъ, или обмазывали другими битуминозными веществами. Эта техника примѣнялась и къ большей части древне-греческихъ глиняныхъ сосудовъ. Съ другой стороны, при обжиганіи нечистыхъ глиняныхъ породъ нашли, что толстый стекловидный покровъ образовался именно тогда, когда соединялись вещества, сливающиеся вмѣстѣ отъ огня; этимъ путемъ была открыта настоящая

глазурь, которая, впрочемъ, не известна большей части первобытныхъ народовъ, поскольку они вообще занимаются гончарнымъ ремесломъ.

Гончарный станокъ принадлежитъ также культурнымъ народамъ. Липпертъ предполагаетъ, что мысль сдѣлать вертящимся столъ, на которомъ лежитъ глиняная масса, вмѣсто того, чтобъ человекъ кружиться вокругъ него, явилась прежде всего въ Египтѣ. Основной принципъ оставался въ томъ же: равномерное верченіе дѣлаетъ возможнымъ столъ же быстрое, какъ и правильное формированіе и въ то же время допускаетъ полное использование силъ тѣла, такъ какъ легко было уже придти къ тому, чтобъ производить верченіе ногами посредствомъ ножной доски, какъ и въ прядкѣ, и такимъ образомъ освободить вполне руки для формировки. Еще другимъ путемъ старались усовершенствовать технику керамики: перуанцы употребляли формы, въ которыя вдавливалась глина, и составляли свои большіе сосуды, — которыхъ они, впрочемъ, не обжигали, — изъ двухъ половинокъ. Этотъ родъ техники встрѣчается спорадически и въ другихъ мѣстахъ, и хотя онъ не открылъ для керамики новыхъ путей, но имѣетъ громадное значеніе, какъ предшественникъ литья металловъ.

Только-что упомянутые необожженные сосуды перуанцевъ годны къ употребленію только въ совершенно сухомъ климатѣ, да и тамъ лишь для известныхъ цѣлей; но они напоминаютъ о томъ, что рядомъ съ гончарнымъ ремесломъ, которое дало, кромѣ сосудовъ, и бусы, грузила для сѣтей, прядильныя кольца и т. под. — всегда стояла лѣпка изъ глины и въ сухихъ мѣстностяхъ получила громадное значеніе прежде всего при постройкѣ домовъ. Обожженный кирпичъ, эта замѣна природнаго строительнаго камня, есть потомокъ глинянаго кирпича, просушеннаго на воздухѣ. Нигдѣ значеніе обожженныхъ родовъ керамическаго искусства не проявляется такъ могущественно, какъ въ бѣдной камнями Вавилоніи, культурный народъ которой воздвигалъ свои исполинскія постройки изъ лѣпной глины и въ то же время оставилъ потомкамъ на обожженныхъ глиняныхъ доскахъ и цилиндрахъ отпечатокъ своей духовной жизни. Въ Сѣверной Африкѣ до сихъ поръ оба вида техники стоятъ рядомъ: житель оазиса все еще строитъ домъ изъ необожженнаго кирпича, а въ степномъ городѣ Кайруанѣ имѣется масса кирпичныхъ заводовъ, и дома, какъ и городскія стѣны, построены изъ обожженнаго кирпича.

Формируя мягкій минералъ и превращая его силою огня въ крѣпкую каменную массу, керамика составляетъ, въ сущности, своеобразную вѣтвь обработки камня, быть можетъ, самаго древнѣйшаго и во всякомъ случаѣ, для доисторической эпохи, самаго важнаго рода человѣческой техники, которая, впрочемъ, болѣе, чѣмъ всякая другая отгѣснена на задній планъ идущимъ впередъ развитіемъ. Хотя камни еще составляютъ необходимый сырой матеріалъ вещественной культуры, но ихъ употребляютъ болѣе для большихъ монументаль-

ныхъ цѣлей, а въ обыденной жизни повседневнаго хозяйства они почти окончательно уступили мѣсто металламъ и другимъ замѣняющимъ средствамъ.

Выраженіе: обработка камня охватываетъ и въ первобытномъ состояніи очень разнообразную область; насколько мало похожи другъ на друга отдѣльные виды сырого матеріала или цѣли, для которыхъ онъ служить, настолько же и техника во всѣхъ случаяхъ не можетъ быть одинакова. Но было бы невѣрно также считать культуру камня вообще высшей формой развитія, которую каждый народъ пережилъ приблизительно одинаковымъ образомъ. Есть на землѣ области, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ подходящаго камня, и, напротивъ, другія, которыя богаты самыми различными породами, годными для всевозможныхъ цѣлей; въ первыхъ нельзя почти и говорить о каменной эпохѣ, въ послѣднихъ употребленіе камня придаетъ всей культурѣ свой характеръ и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ упорно переживаетъ введеніе въ употребленіе металловъ.

Три качества камня опредѣляютъ, каждое отдѣльно или всѣ вмѣстѣ, его значеніе для первобытной культуры, а именно—твер-

дость, тяжесть и способность къ пріпнтію формы, которая опять-таки обусловливается степенью твердости и вязкости частицъ. Твердость камня мало полезна, если соединена съ такой большой хрупкостью, что сильный ударъ можетъ разбить вдребезги съ трудомъ

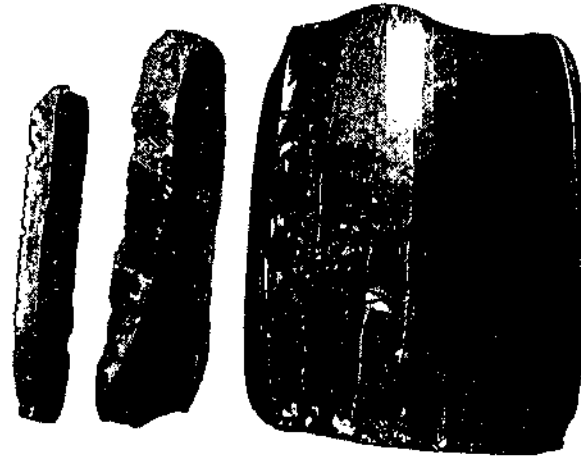

Лампа изъ песчаника эскимосовъ.

приготовленное орудіе; на этомъ основаніи обыкновенный кристаллическій кварцъ почти не годенъ для употребленія, а сплошной, некристаллическій кремь, состоящій также изъ кремнезема, есть любимый сырой матеріалъ каменной культуры. И нефритъ также предпочитаютъ, вслѣдствіе его вязкости, соединенной съ твердостью. Необыкновенная крѣпость, въ соединеніи со свойствомъ легко раскалываться, допуская откалываніе острыхъ, какъ ножи, осколковъ, также удобна во всѣхъ случаяхъ, когда эта хрупкость матеріала не вредитъ работѣ; изъ природнаго стекла, обсидіана, дѣлали такимъ образомъ въ древней Мексикѣ бритвы или наконечники коній и другія острия, хотя и мало прочныя, орудія. Мягкіе и вязкіе камни легко обрабатывать и придавать имъ опредѣленную форму, но они пригодны для немногихъ цѣлей; мылякъ, напримѣръ, изъ котораго эскимосы вырѣзываютъ лампы и сосуды, песчаникъ, употребляемый для подобныхъ же цѣлей (см. прав. рис.), или мягкій, черный аспидъ, изъ котораго сѣверо-западные американцы дѣлаютъ фигуры и блюда, — не годятся для приготовленія орудій, а техника ихъ обработки скорѣе приимается къ техникѣ обработки дерева или рога, чѣмъ другихъ каменныхъ породъ, употребляемыхъ ради ихъ твердости и тяжести.

Къ счастью, и самыя твердыя породы не представляютъ такой неизмѣнно-оцѣпенѣлой массы, какъ это можетъ казаться: большая часть свѣже-изломанныхъ камней содержать воду, такъ называемую горную сырость, и въ этомъ состояніи они мягче и ихъ легче обрабатывать, чѣмъ послѣ потери этой воды, которая исчезаетъ, когда камень полежитъ на воздухѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что по близости каменоломенъ, изъ которыхъ получался пропитанный горною сыростью матеріалъ, должны были находиться и мастерскія для изготовленія каменнаго оружія и орудій.

Если мы прослѣдимъ это производство въ эпоху наибольшаго совершенства обработки камня, какъ это было въ неолитическій пе-

Ножъ изъ обсидіана и нуклеуса (Мексика).

риодъ во многихъ странахъ Европы, и прослѣдимъ отъ разбиванія большихъ кусковъ до все болѣе тонкихъ манипуляцій и, наконецъ, до полированія готоваго предмета, мы будемъ имѣть передъ собой все развитіе техники, какъ это доказываютъ находки болѣе древнихъ временъ. Самыя раннія, доисторическія находки даютъ намъ каменную утварь и каменное оружіе, которыя получались грубѣйшимъ образомъ отъ разбиванія другимъ камнемъ, причемъ случайно удобные осколки и куски употреблялись въ дѣло, смотря по ихъ формѣ, и развѣ только немного оббивались. Умѣнье отбивать болѣе тонкіе осколки осторожнымъ постукиваніемъ и надавливаніемъ и такимъ образомъ произвольно опредѣлять форму утвари есть искусство, извѣстное не всякому у первобытныхъ народовъ и настоящаго времени, болѣе знакомыхъ съ каменной техникой, и развилось оно до совершенства очень медленно. Прежде всего, конечно научились отдѣлять отъ большой каменной глыбы (нуклеуса) продолговатыя

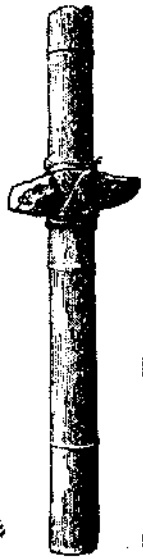
куски съ острыми краями, которые могли служить ножами; то обстоятельство, что на краю куска, подверженнаго давлению или удару, образуется утолщеніе (ударное ядро), даетъ возможность отличить искусственно произведенные ножи изъ кремня и обсидіана (см. рис. стр. 451) отъ естественныхъ осколковъ. Позднѣе начали подобнымъ же образомъ тщательно обрабатывать отдѣльные куски, отбивая, съ помощью орудій изъ дерева и рога, небольшія частички и такимъ образомъ не только заостряя край, но и придавая опредѣленную внѣшность боковымъ поверхностямъ. Такимъ способомъ

могли получать крѣпкіе, прочные и все же спабженныя рѣзущими краями топоры. И мечи изготовлялись изъ осколковъ обсидіана, причѣмъ послѣдніе прикрѣплялись въ соответственномъ количествѣ къ деревянной рукояткѣ.

При техникѣ осколковъ поверхность всегда остается болѣе или менѣе шероховатой. Чтобы ее сгладить окончательно, применяли искусство шлифованья, которое выступило въ Европѣ только въ началѣ такъ называемаго повѣйшаго каменнаго періода а въ Америкѣ его знали уже раньше. Какимъ путемъ пришли

къ простому открытію сглаживать камни при помощи песка, воды и камня, трудно сказать, такъ какъ нельзя доказать, какъ этого желаетъ Гернесь, что гладко отшлифованные камни въ рѣкахъ послужили для этого непосредственнымъ образцомъ: пришлось бы допустить слишкомъ много логическаго размышленія. Полировка даетъ утвари гораздо болышую практическую пригодность, и возможно, что эстетическое удовольствіе, доставляемое гладкими формами, еще болѣе способствовало распространенію техники.

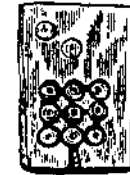
Но очень можетъ быть, что искусство шлифованья есть мать двухъ другихъ близко-родственныхъ открытій — каменной пилы и каменнаго бурава. Въ сваяныхъ постройкахъ Швейцаріи находятъ каменные топоры, полученные распиливаніемъ большой глыбы, а

а) Человѣкъ, сверлящій раковины тридакна (бухта Берлинъ, нѣм. Нов. Гвиней); б) буравъ; в) постепенное увеличеніе дыры.

также сохранились еще пилы — кусокъ оленьяго рога съ вставленными въ него осколками кремня; такъ какъ пилы могли рѣзать камень только съ помощью песка и воды, это открытіе могло явиться подѣ влияніемъ искусства шлифованья. И при сверленіи камней, которое стали пробовать въ Европѣ гораздо позднѣе, должны были сильно помогать песокъ и вода, такъ какъ бурава — полые куски костей или оленьихъ роговъ — служили только для передачи песчинкамъ мускульной силы человѣка. Впрочемъ, въ доисторической Европѣ, повидимому, пользовались тѣми дриллями и буравами, которые и теперь часто употребляются при сверленіи для добычя огня, подробно описаннаго выше. Переходомъ отъ деревянныхъ буравовъ къ каменнымъ служатъ орудія для просверленія раковинъ (см. рис. стр. 452) или рога. Въ общемъ, польза просверленія камня не такъ уже велика, какъ сначала могло казаться, такъ какъ въ тонкихъ топорахъ дыра дѣлаетъ камень слишкомъ легкимъ, а толстые куски, годные для сверленія, трудно заострить. Эти неудобства служатъ, вѣроятно, причиной большой неравномѣрности распространенія этой техники даже еще въ настоящее время, что нельзя объяснить исключительно недостаткомъ сношеній или естественными причинами, такъ, напримѣръ, во всей Полинезій не знаютъ сверленія камней; въ Нов. Гвиней его хотя и производятъ, но съ его помощью наставляютъ только тяжелыя круглыя головки дубинокъ, которыя прикрѣпляются къ чуркамъ; зато тамъ не знаютъ совсѣмъ просверленныхъ топоровъ, а прикрѣпляютъ инымъ способомъ обточенное каменное оружіе къ его рукояткѣ. Такъ же и въ Нов. Зеландіи: хотя сверлятъ дыры въ каменныхъ дубинахъ, чтобы продѣть веревку, но не знаютъ ни топоровъ, ни молотковъ съ дырой въ рукояткѣ.

За каменной культурой побѣдоносно слѣдуетъ культура металловъ, именемъ которыхъ названы цѣлыя вѣка развитія человѣчества, хотя до настоящаго времени были народы, незнакомые съ металлами. Съ новымъ матеріаломъ появляется и новая техника, но и тутъ, какъ и въ другихъ областяхъ, исторія человѣчества не знаетъ внезапныхъ переворотовъ, быстро и сознательнаго отреченія отъ стариннаго способа дѣйствія. Техника металловъ тѣсно примыкаетъ, въ своихъ зачаткахъ, къ каменной техникѣ и лишь постепенно начинаютъ знакомиться съ преимуществами металла и пользо-

Форма для литья у остиковъ, сдѣланная изъ сосновой коры для оловянной утвари.

Прожигальникъ для буравленія рукоятокъ топора и мотыги (Уссандаун, Вост. Африка).

ваться ими, прежде всего съ тѣмъ преимуществомъ, что металлы отъ дѣйствія жара становятся ковки и жидки, а при охлажденіи опять застываютъ въ твердыя массы; другими словами, что они могутъ коваться и литься (см. верхній рис. стр. 453). Металлы уже употреблялись прежде, чѣмъ было сдѣлано это рѣшающее открытіе. Сѣвероамериканскіе жители умѣли цѣнить самородную мѣдь, которая находится у Верхняго Озера, какъ известную породу вязкаго камня, и ударами молота изготовляли изъ нея различную утварь; а эскимосы пользовались метеорнымъ желѣзомъ тѣмъ же способомъ, но въ обоихъ случаяхъ большого значенія для культуры металлы не достигли. Въ Европѣ и Азій, повидимому, нѣтъ подобныхъ примѣровъ, такъ какъ здѣсь культура мѣди, кажется, имѣла одинъ единственный исходный пунктъ въ древности—островъ Кипръ, названіе котораго еще ясно звучитъ въ словѣ „Kupfer“ (мѣдь).

Всюду, гдѣ употребляются въ дѣло металлы, дѣйствуетъ и искусство ихъ размягчать огнемъ. На это есть особенное основаніе: изъ металловъ, получившихъ значеніе для культуры человѣчества, являются—за исключеніемъ золота, которое почти не въ употребленіи у первобытныхъ народовъ—лишь очень рѣдко, а нѣкоторые вообще никогда въ чистомъ видѣ, а въ соединеніи съ другими элементами, кислородомъ, сѣрой или фосфоромъ, какъ болѣе или менѣе неказистал на видъ руда, изъ которой уже нужно добыть металлъ. Съ металлами, какъ оловянная руда или большинство желѣзныхъ рудъ, возстановленіе удается разогрѣваніемъ руды посредствомъ деревяннаго угля, который притягиваетъ къ себѣ кислородъ и сгораетъ вмѣстѣ съ нимъ въ углекислоту; не трудно угадать, какъ этимъ путемъ случай привелъ къ открытію металловъ въ рудахъ, всего легче поддающихся возстановленію, пока, наконецъ, уже сознательно стали пробовать огнемъ всѣ металлоподобныя каменные породы. Этимъ объясняется также, почему именно олово и мѣдь всего раньше и сильнѣе выступаютъ въ культурѣ металловъ; ихъ руды, и изъ мѣдныхъ рудъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, требуютъ наименьшаго количества тепла для ихъ превращенія и при этомъ мѣстами находятся въ достаточно большомъ количествѣ, чтобъ сдѣлать не очень труднымъ открытіе этого производства.

Большія послѣдствія имѣло то обстоятельство, что оба эти металла, имѣя каждый отдѣльно разныя невыгодныя качества, легко сплавляются вмѣстѣ и, соединенные, даютъ очень хорошую сплавку—бронзу. Бронза тверже мѣди или олова и отъ мѣди выгодно отличается тѣмъ, что безъ труда поддается литью въ формы; къ тому же она не легко ржавѣетъ и пріятна для глазъ своимъ золотистымъ блескомъ. Передъ камнями она имѣетъ преимущество своею вязкостью и также нѣкоторой неразрушимостью, такъ какъ кусокъ разбитой бронзовой утвари не пропадаетъ, подобно куску каменной, а можетъ

быть перелить въ новую форму. Только по твердости этотъ новый матеріалъ не былъ равенъ нѣкоторымъ каменнымъ породамъ.

Съ открытіемъ металловъ увеличилась производительность, но въ то же время и бремя труда человѣчества: новое вспомогательное средство не давалось такъ просто и въ такомъ количествѣ, какъ дерево или камень,—его нужно было искать и добывать кропотливымъ трудомъ, пока оно становилось годнымъ для дальнѣйшаго употребленія. Такимъ образомъ, раньше настоящей техники металловъ пробивается еще новая или, вѣрнѣе, цѣлая группа различныхъ формъ труда, которыя мы называемъ горнымъ производствомъ. И тутъ можно было примкнуть къ уже существующему, такъ какъ еще въ каменный періодъ часто невозможно было добываніе камней съ горною сыростью безъ рудокопныхъ работъ, доказательствомъ чему служатъ древніе слѣды рудниковъ въ мѣловыхъ утесахъ Англій.

Но въ грандіозномъ размѣрѣ развилось лишь рудное горное производство, которое, впрочемъ, состояло и до сихъ поръ состоитъ не только въ томъ, что ищутъ посредствомъ штоленъ и шахтъ скрытыя въ твердыхъ каменныхъ породахъ желѣзныя жилы и пласты, но рядомъ съ этимъ производили своеобразную и очень древнюю технику добыванія промытыхъ горныхъ породъ. Промытыми называютъ отложенія желѣза и металловъ въ пескѣ рѣкъ или въ другихъ осадкахъ, куда они перенесены силою воды изъ ихъ первоначальнаго мѣстонахожденія, обвѣтреннаго съ теченіемъ времени; вслѣдствіе своей тяжести, руды отлагаются сильнѣе въ известномъ мѣстѣ и могутъ быть тутъ добыты очень просто устраненіемъ песку и земли посредствомъ промывки въ водѣ и другими вспомогательными средствами. Золото я до сихъ поръ болѣею частью промывается такимъ образомъ; для первобытной же культуры очень важно, что оловянный камень (оловянная окись), единственная идущая въ дѣло оловянная руда, особенно часто встрѣчается въ этихъ промытыхъ отложеніяхъ и, вѣроятно, сначала только тамъ и добывалась. Въ отдѣльныхъ случаяхъ у дикарей и теперь добываютъ желѣзную руду промывкой, но мѣдь всегда приходится добывать горнымъ производствомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова; слѣды древнихъ мѣдныхъ копей много разъ находили въ Альпахъ и въ Западной Сибири.

Бронза можетъ быть дальнѣе обработана посредствомъковки и литья. Въ обоихъ случаяхъ могъ придти на помощь или служить образцомъ технической онытъ, пріобрѣтенный раньше при другихъ обстоятельствахъ: формы для литья приготовляли изъ глины или мягкаго камня, даже изъ древесной коры; ковкой же достигали плоскихъ и линейныхъ произведеній, листовъ и проволоки, съ которыми можно было обращаться почти какъ съ произведеніями текстильнаго искусства или какъ со шкурами и матеріями изъ коры, съ животными и растительными волокнами. Известны случаи, когда дыру бронзо-

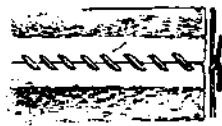
ваго сосуда заштопывали просто кускомъ листовой бронзы и зашивали бронзовой проволокой, какъ бы заштопывали платье. Листовая бронза, какъ укрѣпленіе кожи, уже являлась въ доисторической Европѣ въ видѣ панцирей, шлемовъ и набедренниковъ, хотя въ небольшомъ количествѣ вслѣдствіе дороговизны металла.

Дороговизна бронзы была отчасти причиною, которая доставила быстрый успѣхъ новооткрытому болѣе дешевому металлу—жельзу.

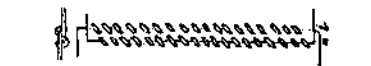

Раздувательный мѣхъ племени дурру (Адамауа, Зап. Суданъ).

Очень вѣроятно, что уже сознательно искали новаго металла, и извѣстныя желѣзныя руды, имѣющія металлическій наружный видъ, какъ, напримѣръ, красный и бурый желѣзнякъ, пробовали расплавлять въ мѣдноплавильной печи. Вѣдь на Кавказѣ такимъ же образомъ и уже давно нашли антимоній. Жельзо имѣетъ недостатокъ легко ржавѣть, но выкупаетъ его блестящими преимуществами: его можно лить и ковать, оно тверже бронзы и можетъ быть сдѣлано еще тверже превращеніемъ въ сталь; его руда такъ широко распространена, что обработка жельза могла идти самостоятельно почти вездѣ и такимъ образомъ не была стѣснена, какъ въ бронзовый вѣкъ, дорогой доставкой извнѣ сырого матеріала.

Поэтому возможно, что знаніе обработки жельза могло переходить по всей Африкѣ отъ одного племени къ другому и не требовалось, чтобы вездѣ былъ учитель и вноситель культуры одинъ опредѣленный народъ: техника обработки жельза, по своей удобопереносимости, имѣетъ болѣе свободный, болѣе подвижной характеръ, чѣмъ техника бронзы, которая, вслѣдствіе рѣдкости олова, встрѣчающагося массой только въ

Образцы швовъ у сараваконъ (Борнео).

нѣкоторыхъ пунктахъ, гораздо рѣдче привязана къ опредѣленному мѣсту.

Плавка желѣзной руды требуетъ довольно высокой температуры и специально построенныхъ плавильныхъ печей. Такую печь простой конструкции видѣлъ Бронс Лау у кайяновъ на Борнео. «Обыкновенно,—пишетъ онъ,—при каждой деревнѣ кайяновъ есть мѣсто для плавки жельза, которымъ пользуется вся община. Простая печь подъ крышей состоитъ изъ круглой дыры, вырытой въ землѣ въ три фута глубины и около четырехъ футовъ въ поперечникѣ. Пе-

редъ плавкой руда обжигается и измельчается. Когда деревянный уголь раскалится въ печи, на него кладутъ слой руды попеременно со слоями угля. Вентиляторы состоятъ изъ десяти до двѣнадцати деревянныхъ трубъ, которыя кладутся наискось вокругъ печи. Ширина отверстія каждой трубы имѣетъ семь дюймовъ въ поперечникѣ; соответственной ширины поршни обернуты въ сукно или въ мягкую древесную кору, къ палкамъ поршней прикрѣплены другія, довольно длинныя, къ которымъ привязаны тяжести, балансирующія на поперечныхъ балкахъ крыши. Этими приспособленіями двигаются поршни взадъ и впередъ и производится постоянный притокъ воздуха, который пропускается въ печь черезъ глиняныя трубы, идущія

Красильня индиго въ Гаруа (Адамауа, Зап. Суданъ).

отъ нижняго конца каждого вентилятора. При плавкѣ руды, дающей около 70% жельза, не употребляютъ никакихъ флюсовъ. Чтобы сдѣлать жельзо по желанію мягче или тверже, употребляютъ уголь разныхъ древесныхъ породъ». Вентиляторы или раздувательные мѣха, описанные здѣсь, употребляютъ въ болѣе упрощенномъ видѣ и при ковкѣ жельза; они характерны для малайской области и для Африки (см. верхній рис. стр. 456). Впрочемъ, вузненцы первобытныхъ народовъ охотно еще употребляютъ каменные молоты и наковальни, можетъ быть, потому, что они незнакомы съ закаливаніемъ жельза. Само жельзо, которое они производятъ, болѣею частью хорошо и годно къ употребленію, потому что вслѣдствіе низкой температуры, при которой плавится руда, получается, вмѣсто хрупкаго чугуна нашихъ доменныхъ печей, вязкое и легко спаиваемое кованое жельзо.

Металлическія орудія составляли главную причину все увеличивающейся дифференціаціи техники, къ которой сама по себѣ стремилась развивающаяся культура.

Раздѣленіе труда, черезъ разложеніе прежнихъ обязанностей, создало все новыя, которыя, въ свою очередь, развивали новые виды техники: примитивныя работы по желѣзу дали рудокоповъ, горно-заводскихъ рабочихъ, кузнецовъ и слесарей; работники по дереву раздѣлились на плотниковъ и столяровъ; работники надъ кожей—на кожевениковъ, сапожниковъ и сѣдельниковъ, и все они совершенствовали свою технику преимущественно съ помощью металлических орудій (см. нижній рис. стр. 453). Кроме того, они преобразовали небольшія побочныя занятія въ отдѣльныя ремесла; такимъ образомъ довольно рано и всюду образовались ремесла портныхъ и красильщиковъ.

Главная техника портного состоитъ не въ томъ—какъ заставить предполагать иѣмецкое названіе (Schneider)—чтобы разрѣзать и раздѣлять ткацкія произведенія, а скорѣе въ соединеніи, въ шитьѣ. Въ этомъ смыслѣ его ремесло уходитъ далеко въ древнія времена; вѣдь соединеніе двухъ матерій одной ниткой, которая проходитъ сквозь обѣ и тянется то на верхней, то на нижней поверхности матерій (см. нижній рис. стр. 456), основано на томъ же принципѣ, какъ и древнее искусство плетенія и, вѣроятно, немного моложе послѣдняго. Чтобы изобрѣсти новую технику, нужно было только вмѣсто широкой иглы для плетенія употребить острую прямую иглу, вмѣсто полосы для плетенья—жилы животныхъ или волокна растеній. Поэтому шитье есть искусство, присущее всемъ народамъ, иглы изъ шиповъ, костей, рога, дерева или металла имѣются всюду. Сама техника, до изобрѣтенія швейной машины, не развивалась существенно.

Гораздо значительнѣе перемѣны, совершившіяся съ теченіемъ времени въ красильномъ искусствѣ. Вѣроятно, оно началось съ раскрашиванія человѣческой кожи и лишь постепенно, послѣ того, быть можетъ, какъ уже создавалась извѣстная техника раскрашиванія, стало примѣняться къ другимъ предметамъ. Сначала оно заключается не въ настоящемъ окрашиваніи кожи или текстильныхъ волоконъ, а въ механическомъ накладываніи красильнаго вещества, которое или натираютъ сухимъ, или предварительно смѣшивалъ съ водой, и тогда мажутъ по поверхности, которую нужно окрасить. Первый методъ сохранился для окраски кожи, природный жиръ которой удерживаетъ красящій порошокъ, будь то любимое красящее средство—красная охра—или другія минеральныя краски (мѣлъ, вивьанитъ, желтая охра) или, наконецъ, древесный уголь, растертый въ порошокъ красное дерево и т. под. Многіе первобытные народы уже научились растирать краски съ растительнымъ масломъ, жиромъ или ворванью. Техника раскрашиванія тѣла примѣнялась сначала безъ большихъ измѣненій къ окраскѣ и украшенію тканей и др. материаловъ, такъ, напримѣръ, и теперь еще пестрыя матеріи имѣютъ дѣлать во многихъ мѣстахъ только съ помощью раскрашиванья.

Между тѣмъ, рядомъ съ этимъ уже рано узнали красящія свойства нѣкоторыхъ растительныхъ соковъ и мало-по-малу сдѣлали открытіе, что нитки и ткани, окрашенные ими, лучше держали краску, чѣмъ разрисованныя. Такимъ образомъ въ полукультурныхъ странахъ возникла красильная техника, которая, хотя мало знакома съ дубленіемъ и другими вспомогательными средствами европейскихъ родственныхъ ей ремеслъ, но достигаетъ прекрасныхъ результатовъ извѣстными растительными красками, между которыми индиго (см. рис. стр. 457) нужно поставить на первое мѣсто. Въ особенности въ Малайскомъ архипелагѣ процвѣтаетъ это искусство; тамъ имѣютъ производить даже узорчатыя матеріи: или ткань завязываютъ, на извѣстномъ разстояніи, въ узлы, не допускающіе внутрь себя краску и послѣ, развязавъ ихъ, получаютъ неокрашенныя пятна, или нашиваютъ кусочки матеріи, подъ которыми, когда ихъ снимутъ послѣ окраски, матерія остается неизмѣнной, или, наконецъ, рисуютъ желаемый узоръ воскомъ на ткани, чтобы послѣ окраски удалить защищающій слой воска. И въ африканскомъ Суданѣ знаютъ разныя красильныя искусства, но большую часть предпочитаютъ красить нитки и получать узоръ тканьемъ, или вышиваютъ на одноцвѣтной матеріи пестрыя украшенія.

3. О р у ж і е .

Хотя матеріалъ и техника опредѣляютъ внѣшній видъ оружія; орудій и утвари, но все же цѣль всегда имѣетъ рѣшительное вліяніе на форму; если первые можно назвать тѣломъ, послѣднія есть душа. Съ ростомъ культуры растетъ и власть этой души: матеріалъ перерабатываютъ все основательнѣе, дѣлаютъ все болѣе гибкимъ, техника преодолеваетъ все новыя трудности и, такимъ образомъ, цѣль достигается все совершеннѣе и побѣдоноснѣе. Только тотъ, кто имѣетъ въ виду цѣль вещей, въ состояніи ихъ распредѣлить на естественныя группы и сдѣлать имъ ясный обзоръ. Это распредѣленіе будетъ тѣмъ болѣе несовершенно, чѣмъ примитивнѣе культура, и тѣмъ болѣе ясно, чѣмъ дальше подвинулось раздѣленіе труда, которому вѣдь также въ своемъ родѣ подчиняется вещественная культура. Но и въ другомъ отношеніи очень различна зависимость утвари отъ матеріала и техники: ножъ долженъ имѣть извѣстное число свойствъ, которыя присущи только немногимъ опредѣленнымъ матеріаламъ при особенной ихъ обработкѣ, но сосудъ для сухихъ плодовъ можетъ быть приготовленъ изъ дерева, камня, рога, плетенья, металла и многихъ другихъ матеріаловъ, посредствомъ рѣзной работы, плетенья, разрыванья и литья, всеми этими спо-

собами достигая своей цели. Когда человеческий гений вполне покорил материю, онъ находитъ удовольствіе, играючи, подражать въ одномъ матеріалѣ другому, но тогда онъ большею частью заходитъ за границы своего могущества и ничтожное созданіе его рукъ, рядомъ съ великими твореніями природы, кажется дѣтской бездѣлкой. Въ ремеслѣ и искусствѣ тѣло и душа должны такъ же соотвѣтствовать другъ другу.

Быть можетъ, покажется неправильнымъ, послѣ обсуждения техники, начинать настоящій обзоръ вещественныхъ культурныхъ владѣній съ оружія. Даже тотъ, кто не вѣритъ въ вѣчный миръ на землѣ, долженъ сознаться, что будущее человечества—въ преодолѣніи слѣпой страсти разрушенія и дикой жажды брани, въ направленіи избытка силъ на созидательную работу или на облагороженные формы умственной борьбы. Но въ изученіи развитія культуры то, что упоминается первымъ, потому что оно существовало всего раньше, вовсе не нужно считать сохранившимся первое и высшее мѣсто и оно можетъ быть именно тѣмъ, что должно быть разложено и вытѣснено прогрессомъ культуры; но можно привести и болѣе положительныя точки зрѣнія для оправданія нашего приема. Культура, конечно, должна созидать, но пока она становится въ состояніи это сдѣлать, мало того, въ то самое время, какъ она занята настройкой и нововведеніемъ, она должна разрушать; въ этомъ смыслѣ, она лишь продолженіе творческой силы природы, которую индусъ, въ глубокомъ знаніи ея существа, олицетворяетъ въ трехъ видахъ—творца, хранителя и разрушителя. Собственное тѣло человѣка построено изъ обломковъ разрушенныхъ существованій, которыя должны умереть, чтобъ оно могло жить; какъ могла бы расширенная область этого тѣла, которую оно само создаетъ вокругъ себя, иначе быть создана? Всякому созиданію предшествуетъ разрушеніе, или самое созиданіе есть въ то же время разрушеніе первоначальной связи, разложеніе и разгромленіе. Когда изъ камня выбивается и вытаскивается топоръ, прежняя форма камня должна исчезнуть, и какъ вокругъ деревни охотничьего народа разбросаны кости убитой дичи, такъ и всякая доисторическая мастерская наполнена осколками обрабатываемыхъ камней. Каждая деревянная утварь говоритъ о паденіи зеленѣющаго дерева, всякое орудіе изъ рога или кости—о смерти животнаго, и даже металлы могутъ рассказать о разрывѣ древнихъ скалъ и о сожженныхъ массахъ дерева, изъ огня которыхъ они вышли очищенными. Такимъ образомъ, всякое орудіе есть, въ сущности, оружіе, а каждое оружіе можно назвать орудіемъ.

Человѣкъ, правда, далеко выступаетъ за предѣлы данныхъ положеній. Онъ обращаетъ оружіе не только противъ враговъ изъ животнаго царства, которые ему угрожаютъ; онъ разрушаетъ не только произведенія природы, чтобъ построить изъ нихъ нѣчто новое,—

онъ уничтожаетъ и себя подобныхъ. Глубоко вкоренившись, необходимое для его существованія стремленіе къ разрушенію есть истинно наследственный грѣхъ,—безъ котораго, впрочемъ, онъ не былъ бы человѣкомъ,—мрачная, демоническая сторона его свѣтлой творческой силы; изъ темнаго источника этого возбужденія онъ черпаетъ горькій напитокъ страданія, который долженъ выпить, чтобъ вполне сознать свое бытіе, но черпаетъ также и силу борьбы, безъ которой давно былъ бы побѣжденъ окружающими его опасностями. Все воспитаніе, даваемое ему природой и имъ самимъ, привычка добывать и разрушать, чтобъ жить и творить,—все побуждаетъ человѣка къ борьбѣ съ человѣкомъ. Въ собственномъ, человеческомъ родѣ видитъ онъ самаго сляблага противника, побѣдить котораго приносить болѣе славы, чѣмъ самая удачная охота на дикихъ звѣрей; противъ врага-человѣка онъ производитъ самое смертоносное и блестящее оружіе. Легко забываетъ, наконецъ, народъ, слишкомъ усердно слѣдующій этому инстинкту, великую борьбу противъ силъ природы и ставитъ на ея мѣсто принципъ чистаго разрушенія, отъ котораго могутъ, конечно, созрѣть сильные характеры, но для истинной культурной работы онъ становится роковымъ. И все же негодование противъ такихъ проявленій не должно заставить насъ забыть, что побужденіе къ разрушенію не есть „чужая капля крови въ нашемъ существѣ“, нѣчто такое, что можно просто отбросить, а великая сторона нашего существа. Слишкомъ скромный и трудящійся культурный народъ, отвыкшій отъ оружія и безвольно склоняющійся передъ капризами каждаго деспота и каждаго завоевателя народа, представляетъ, быть можетъ, еще менѣе привлекательное зрѣлище, чѣмъ племя воиновъ, находящихъ удовольствіе въ разрушеніи: первому недостаетъ чего-то для настоящей человечности, чего-то глубокаго и большаго, и этотъ недостатокъ не можетъ быть возмѣщенъ никакимъ мирнымъ благоденствіемъ.

Оружіе и орудія первоначально находятся между собою въ тѣсномъ родствѣ, часто даже тождественны, и вопросъ—то или другое древнѣе по происхожденію—совершенно празденъ. Когда Нуарэ, основываясь на языкѣ, находитъ непонятнымъ, какъ могутъ считать оружіе древнѣе орудія, онъ борется съ однимъ одностороннимъ мнѣніемъ посредствомъ другого, столь же односторонняго. Рѣзкое раздѣленіе обѣихъ группъ утвари есть лишь результатъ культуры, и въ минуты нужды, которая насъ всегда приближаетъ къ первобыт-

Поперечный топоръ бассонговъ (государство Конго).

ному состоянию, это раздѣленіе откладывается, при случаѣ, въ сторону: при внезапномъ нападѣніи молотокъ, коса или ступа становятся оружіемъ; съ другой стороны, солдатъ на бивакѣ употребляетъ свой тесакъ для всевозможныхъ мирныхъ дѣлъ. Слѣдовательно, границы развитія и преобразованія нигдѣ не раздѣлены; изъ острой палки, служащей для выкапыванія съѣдобныхъ кореньевъ, вырабатывается и колющее оружіе, и заступъ, и плугъ; дубинѣ, этому древнему оружію, приходится, въ немного измѣненной формѣ, примѣняться для разбиванія земляныхъ глыбъ и для битья матерій изъ коры, а топоръ (см. рис. стр. 561) только у культурныхъ народовъ поваго времени выходитъ окончательно изъ рядовъ оружія, чтобъ отъ сихъ поръ служить исключительно мирнымъ цѣлямъ. Наука о культурѣ показываетъ намъ постоянно сливающимся границы, быть можетъ, къ отчаянію педантичнаго метода изслѣдованія, который видитъ спасеніе въ аккуратномъ распредѣленіи всего живущаго, но къ радости тѣхъ, кто образованіе и ростъ вещей старается прослѣдить спокойнымъ, внимательнымъ взоромъ.

Мы не избежимъ этихъ неясныхъ раздѣльныхъ линій и тогда, когда попытается распредѣлить на отдѣльныя группы, ради удобства обзора, тѣ предметы, которые несомнѣнно принадлежатъ къ оружію. Куда дѣвается, наиримѣръ, различіе между оружіемъ для близкаго и дальняго разстоянія, когда мы видимъ, что копье употребляютъ то какъ колющее оружіе въ рукопашномъ бою, то какъ метательное на болѣе далекое разстояніе? Когда маленькая дубинка восточныхъ африканцевъ то падаетъ стремительно на черепа, какъ ударное оружіе, то, брошенная ловкой рукой, вихремъ проносится въ воздухѣ? И куда помѣстимъ мы, наконецъ, удивительное двойное оружіе, въ которомъ нѣтъ недостатка у первобытныхъ народовъ? Вотъ древнеперуанская дубина, которая употреблялась въ то же время, какъ колющее оружіе; вотъ лукъ индѣйцевъ-мандановъ и тиннѣ, служащій и копьемъ; мы видимъ на Борнео духовую трубку со штыкомъ, которая очень возможно, есть прототипъ нашихъ ружей со штыками. Даже между оборонительными и наступательными оружіями граница не очень устойчива, что доказываютъ многіе щиты, имѣющіе спереди остріе, наносящее раны (см. рис. стр. 563), или, какъ въ сущности уже доказали факты, что почти всякое оружіе можетъ служить для отраженія удара, а слѣдовательно, и оборонительнымъ средствомъ. Все это не можетъ, конечно, помѣшать раздѣлить оружія на отдѣльныя группы; но предостерегаетъ насъ отъ переоцѣниванія результатовъ, достигаемыхъ на этомъ пути.

Естественнымъ дѣленіемъ будетъ, конечно, на наступательное и оборонительное оружіе; первое есть усиленіе или проэкція человеческой руки, послѣднее — кожи и защищающихъ костей. Оба рода оружія стоятъ всегда другъ къ другу въ очень опредѣленномъ отно-

шеніи, поскольку оборонительное оружіе есть послѣдовательное явленіе наступательныхъ орудій и къ нимъ примѣняется; во будь наступательнаго оружія, никто никогда не подумалъ бы приготовить щиты и панцири, и если наступательное оружіе совершенствуется, оборонительное должно такъ же становиться совершеннѣе или совсѣмъ исчезнуть, какъ недействительное. Этимъ самымъ оборонительное оружіе отодвигается въ обзорѣ на второй планъ.

Наступательное оружіе, съ своей стороны, можетъ быть классифицировано съ двухъ точекъ зрѣнія, которыя взаимно перекрещиваются: во-первыхъ, представляетъ ли оно непосредственное удлиненіе руки, или бросается въ пространство; во-вторыхъ, по тому дѣйствию, которое оно должно выполнять; въ первомъ случаѣ мы отличаемъ оружіе на близкое и на дальнее разстояніе, въ послѣднемъ — ударное и колющее оружіе, причѣмъ ударное можетъ быть раздѣлено еще на тупое и острое. Съ помощью обѣихъ группировокъ каждую форму можно довольно точно опредѣлить: копье — дальнее и колющее оружіе, метательный ножъ — дальнее и острое ударное оружіе, кинжалъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ударное кольцо (см. рис. стр. 564) — близкія къ колющія оружія. Между оружіемъ на дальнее разстояніе опять-таки различаются: простые, бросаемыя голой рукой, какъ метательныя дубины и ножи; соединенныя, въ которыхъ приспособленіе увеличиваетъ и направляетъ силу руки, какъ стрѣла и лукъ, метательная доска и копье, праца и камни къ ней и, наконецъ, метательныя машины для стрѣльбы, улучшенныя формы которыхъ представляютъ наши ружья и пушки. Лассо есть также метательное оружіе, которое собственно не должно наносить ранъ, слѣдовательно, скорѣе снарядъ-ловушка, чѣмъ оружіе.

Картина станетъ еще разнообразнѣе, если мы примемъ во вниманіе различіе между боевымъ и охотничьимъ оружіемъ. Борьба съ дикими звѣрями менѣе ожесточенна, чѣмъ съ человекомъ, но зато богаче мелкими хитростями; сообразно съ этимъ выступаетъ то

Доисторическій бронзовый щитъ съ остріемъ (изъ Даниі).

различіе въ охотничьемъ оружіи, которое большею частью легче боевого, но часто разнообразіе и остроумно соответствуетъ породѣ звѣрей, на которыхъ охотятся. Охотникъ гораздо чаще употребляетъ разныя хитропридуманныя ловушки и машины, чѣмъ воинъ.

Въ сущности, мало большихъ главныхъ видовъ оружія, всюду встрѣчающихся на землѣ. Простое колющее оружіе, ножъ (см. прил. рис.) или кинжалъ, всегда сохраняло свое двойное свойство орудія

Желѣзное ударное кольцо племени дурру (Адамауа, Зап. Суданъ).

и оружія, какъ видно еще теперь на любой гравюрѣ. Если существуютъ дифференцированныя формы, въ нихъ подчеркивается главнымъ образомъ природа орудія; встрѣчающіеся въ Африкѣ двойные кинжалы или индѣйскія формы, которые при нажатіи на рукоятку выбрасываютъ три смертоносныхъ острія, — скорѣе игрушки, чѣмъ годныя для войны оружія. Больше времени употребили на разрѣшеніе вопроса, какъ удобнѣе носить при себѣ ножъ, состоящій во всѣхъ развитыхъ его формахъ изъ рукоятки и лезвія. Изобрѣтеніе ноженъ дровнѣе, быть можетъ, самаго металлическаго оружія, но цѣнность перваго вполне опредѣлилась

Аспидный ножъ эскимосовъ.

только послѣ изобрѣтенія второго. Теперь можно было прятать ножъ въ набедренный платокъ или въ поясъ, или носить въ штатъ и въ карманѣ, если не надѣвали вокругъ бедеръ или черезъ плечо соединеннаго съ поясами пояса. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ, напримеръ, у нѣкоторыхъ жителей Сахары рукоятку кинжала дѣлаютъ въ формѣ ручнаго браслета и такимъ образомъ прикрѣпляютъ оружіе къ верхней части руки.

Хотя ножъ, какъ орудіе, служитъ для разрѣзанія и накалыванія, — какъ оружіе, онъ употребляется исключительно для колотія; развѣ только большія, но плотныя формы пещей (въ области Конго) можно назвать также ударнымъ оружіемъ и въ то же время переходомъ къ мечу, который, въ сущности, есть увеличенный ножъ. Мечъ, въ законченномъ видѣ, есть дитя техники металловъ, имѣющее, конечно, цѣ-

лый рядъ предшественниковъ. Таковымъ является, въ особенности, тупое ударное оружіе, дубина; она перѣдко переходитъ въ болѣе тонкое, съ острыми краями, оружіе. Нока, наконецъ, получается, какъ во многихъ мѣстностяхъ Австраліи, нѣчто вроде деревяннаго меча. Если эти мечи усаживаютъ зубами акулы, какъ въ Океаніи, или осколками обсидіана, какъ въ древней Мексикѣ, или, наконецъ, острыми рыбьими челюстями, какъ у нѣкоторыхъ южно-американскихъ

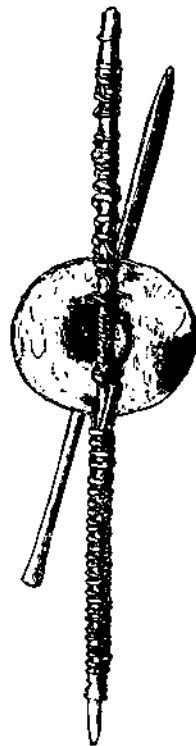
племень, получается нѣчто вроде ударнаго или разрывательнаго оружія, которое во всякомъ случаѣ также можно назвать мечомъ. Мечеобразно-отшлифованныя каменные дубины были распространены въ Нов. Зеландіи, на Чатамскихъ островахъ. Открытіе металлу не привело немедленно къ массовому употребленію мечей, всего менѣе въ бронзовый вѣкъ Европы, потому что тогда только самые богатые люди имѣли въ своемъ распоряженіи столько драгоценнаго матеріала, чтобъ посить массивное металлическое оружіе. Имѣющіеся на-лицо экземпляры мечей, разукрашенные яблоками (см. прил. рис.), были скорѣе предметами роскоши или признаками власти, чѣмъ боевымъ орудіемъ. Лишь на богатомъ мѣдно островѣ Кипрѣ, который можно назвать — какъ указалъ Опефальшъ-Ряхтеръ — родиной меча, уже очень рано стали изготовляться въ большомъ количествѣ и далеко распространились мѣдные мечи. Только желѣзный вѣкъ дѣлаетъ мечъ общедоступнымъ, но онъ всегда оставался оружіемъ знати, гордостью и отличіемъ свободного воина.

Формы ножа и меча не всегда можно рѣзко отдѣлить. Любимое оружіе малайцевъ, крисъ, можно причислить еще къ ножамъ, но рядомъ съ нимъ встрѣчаются настоящіе мечи и кривыя сабли, а также серповидныя ударныя оружія часто очень странной формы. Кривой мечъ арабской культурной области распространился въ удивительно искаженной формѣ до бассейна Конго, классической страны большого ножа. Наконецъ, нѣтъ недостатка въ попыткахъ удлинить рукоятку ударныхъ оружіи въ видѣ копья, и въ особенности индусы и китайцы много работали въ области подобной оружейной фантазіи; это есть именно слѣдствіе ихъ первоначальнаго характера, который больше бьетъ на то, чтобъ по возможности имитировать искусственными и страшными боевыми снарядами, чѣмъ употреблять съ силой и соответственно цѣли хорошее оружіе. Военное искусство стало на половину излишне у этихъ старыхъ культурныхъ народовъ и подлежитъ закону шутливаго вырожденія.

Если ножъ есть предокъ обширной группы

Доисторическая головка меча изъ Сторе Конегге (Данія).

Палка-щитъ и ударная палка племени туру (Вост. Африка).

оружья, тоже можно сказать о другом древнем оружии, которое в его простейшем и обычном виде, быть может, можно назвать деревянной дубиной; но удивительная склонность к дифференциации дает себя сейчас же знать, так как мы большей частью можем отличить более длинную и тонкую палку (рис. стр. 465), составляющую прямое удлинение руки, от тяжелой дубины, в которой в то же время воплощается разрушительная тяжесть кулака. Палка легко преобра-

Топорь эскимосовъ съ костянымъ лезвиемъ.

зовывается в колющее оружие и темъ получает другой характер; дубина же мало определяется в своей форме палкой, часто подлечит канризамъ игры образовательной силы, как в особенности показывают фантастическія дубины фиджийцевъ. Только в общем сохраняется форма, потому что большей частью головкой дубины служатъ узлы сучьевъ. В противоположность исполненным дубинамъ фиджийцевъ, которые могут служить лишь ударнымъ оружиемъ, являются, на подобие карликовъ, легкія метательныя дубины восточныхъ африканцевъ или удивительной формы маленькія деревянныя дубинки индйцевъ Гвианы.

Дальнейшія дифференциации были вызваны желаніемъ сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ тупой ударъ дубины. Это могло быть достигнуто уже увеличеніемъ тяжести ударнаго оружья посредствомъ пробурованнаго или защемленнаго камня и безъ того вѣдь были очень распространены каменные молоты и топоры и могли служить поощреніемъ въ этому развитію. Главными областями распространения деревянныхъ дубинъ, тяжесть которыхъ увели-

Австралийскій бумерангъ.

чена пробурованнымъ, а часто и звѣздообразно зазубреннымъ камнемъ, считаются Южная Америка, в особенности древній Перу, и Нов. Гвицея, съ прилежащими мелонезійскими островами. Чисто деревянная дубина фиджийцевъ какъ бы сохраняетъ еще память объ этомъ оружьи, которое на Фиджи собственно исчезло. Впрочемъ, перуанская дубина произошла, вѣроятно, изъ палки для копанія, такъ какъ она в то же время служила колющимъ оружиемъ, следовательно, по вѣщности, вполне схожа съ острой, отягченной камнемъ палкой для копанія южноафриканцевъ.

Хотять или нѣтъ разсматривать топорь, представляющій соединеніе палки съ острымъ камнемъ или костью (см. рис. стр. 466), и молотъ, какъ дальнѣйшее развитіе дубины, в сущности, неважно. Топорь и молотокъ на низшихъ ступеняхъ суть в одно время и орудіе и оружье, но часто также уже дифференцированное соответственно различнымъ дѣламъ. Топорь, какъ ударное и рѣжущее метательное оружье, былъ распространенъ еще у германскихъ племенъ времени переселенія (франциска у франковъ) и даже употреблялся въ рыцарскихъ средневѣковыхъ бояхъ; метательный молотъ или метательный топорь (томагаухъ) сѣв. индйцевъ еще теперь въ употребленіи, хотя и превратился въ металлическое оружье.

Какъ рядомъ съ топорами и молотами, служащими для удара, стоятъ соответственныя метательныя оружья, такъ же обстоятъ дѣло и съ большинствомъ другихъ примитивныхъ оружій. Открытіе и развитіе въ себѣ способности бросанія имѣло для человѣчества богатые

Кусокъ дерева для метанья племени волюпи (Сѣв. Америка); употребляется на охотѣ за кроликами.

результаты, такъ какъ оно означаетъ большую и съ улучшеніемъ оружья все увеличивающуюся окружность дѣйствія, внутри которой человѣкъ можетъ нападать и обороняться; означаетъ расширеніе активныхъ силъ его тѣла, не увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ его уязвимости. Древнѣйшими метательными оружьями были, конечно, тѣ же самыя за которыми хватаются при случаѣ и теперь, — камни и толстыя палки. Бросанье камнемъ, до изобрѣтенія праща, почти не поддавалось значительному улучшенію, между тѣмъ какъ грубый сукъ могъ быть все болѣе приспособленъ къ своимъ новымъ задачамъ. Образовалась метательная дубина, короткая палка съ утолщеніемъ въ видѣ пуповки на одномъ концѣ, какъ, напримѣръ, дубина, распространенная у кафровъ и вообще у южныхъ и восточныхъ африканцевъ. Какъ и ударная дубина, это тупое оружье переходитъ при случаѣ въ острое или рѣжущее: въ Нов. Британіи бросаютъ тяжелыми свѣжими деревянными суками, заостренными съ обоихъ концовъ и потому дѣйствующими, какъ колющее оружье; кромѣ того, чрезвычайно широко было распространено и отчасти распространено

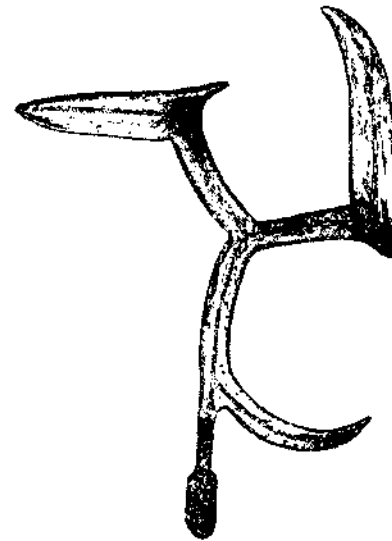
и теперь рѣзущее метательное деревянное орудіе, наиболее известная форма котораго есть австраійскій бумерангъ (см. рис. стр. 466). Преимущества остраго деревяннаго метательнаго снаряда лежатъ менѣе въ дѣйствіи его, такъ какъ деревянный рѣзецъ едва ли опаснѣе тяжелаго конца дубины, чѣмъ въ способности легко преодолевать сопротивление воздуха и поэтому дальше и рѣзче летѣтъ, чѣмъ тупое орудіе для метанья. Кроме того, австраійцы еще тщательнѣе изучили особенности полета, и соответственно этому выработали свой бумерангъ: при известной манерѣ бросанья, оружіе, если оно не достигло цѣли, возвращается опять къ бросавшему; возможенъ даже отраженный ударъ въ землю, послѣ котораго оружіе вновь поднимается вверхъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ, въ Восточномъ Суданѣ и т. д., менѣе обращали вниманія на искусство бросанія, зато метательное оружіе изъ дерева дѣлали потяжелѣе и дѣйствительнѣе. Согнутый кусокъ дерева очень сильно распространенъ, какъ охотничье оружіе, встрѣчается оно и въ Африкѣ (см. рис. стр. 467); древне-греческій лагоболонъ (метательный снарядъ на зайцевъ) былъ подобнымъ охотничьимъ снарядомъ.

Послѣ изобрѣтенія техники желѣза острый кусокъ дерева для метанья произвелъ въ средней Африкѣ очень интересный отпрыскъ — метательный ножъ или желѣзо для метанья. Едва ли есть другое оружіе, которое бы являлось въ такихъ разнообразныхъ, отчасти странныхъ формахъ, какъ это метательное рѣзущее оружіе, снабженное рукояткой; оно стало, съ одной стороны, главнымъ оружіемъ народа, напримѣръ, языческихъ племенъ на югѣ Багирмиса, съ другой стороны, только предметомъ роскоши и знакомъ отличія вождей. Еще пужно доказать путь, которымъ образовались изъ подражанія простому куску дерева для метанья тѣ зубчатые чудовища, которыя мы находимъ у племени санда, въ среднемъ Убанги или въ южномъ Адамау (см. рис. стр. 469).

Къ группѣ простыхъ метательныхъ оружій принадлежатъ еще нѣкоторыя мало-обработанныя, напримѣръ, неуклюжіе куски дерева, утыканный со всѣхъ сторонъ острыми, встрѣчающийся на Онтонгъ-Лѣвѣ, или метательный дискъ грековъ, который — по крайней мѣрѣ, въ классическій періодъ — служилъ больше для упражненія силъ, чѣмъ настоящимъ оружіемъ. Метательный дискъ особаго рода съ давнихъ поръ въ употребленіи въ передней Индіи: желѣзный дискъ съ дырой въ срединѣ и острымъ краемъ приводится въ вращательное движеніе указательнымъ пальцемъ, всунутымъ въ дыру, и тогда бросается въ пространство. Это оружіе, которое идусть носить въ своемъ остроконечномъ тюрбанѣ, можетъ, говорятъ, перерѣзать горло человѣку. Наконецъ, и ножи являются очень употре-

бительнымъ метательнымъ оружіемъ, хотя специально для этой цѣли ихъ рѣдко назначаютъ.

Простымъ, всюду известнымъ колющимъ и метательнымъ оружіемъ является копье — главная часть вооруженія человѣчества. Его генеологію, вѣроятно, всего вѣрнѣе вести отъ острой палки для копанья, которая у первобытныхъ народовъ настоящаго времени находится большею частью въ рукахъ женщинъ, а копье, военное или охотничье, въ рукахъ мужчинъ. Заостреніе деревяннаго копья предполагаетъ рѣзущіе инструменты, и усовершенствованіе копья

Ножъ для метанья у племени банца (Центральная Африка).

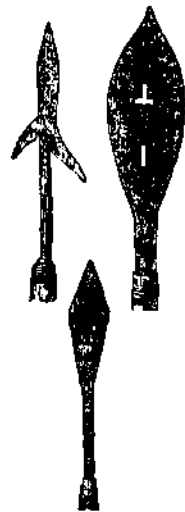
Доисторическій каменный наконечникъ (Конго).

приводитъ къ прикрѣпленію на его конецъ этихъ самыхъ острыхъ инструментовъ: заостренныя трубчатые кости всего легче прикрѣпить, и, дѣйствительно, мы находимъ еще и теперь въ Австраліи и Меланезіи употребленіе съ этой цѣлью человѣческихъ костей; крѣпкія ребра рыбы, зубы рога, осколки камней (см. прил. рис.), или отщепы особенно твердаго дерева вставляются или защемяются въ расколъ рукоятки и укрѣпляются въ ней веревкой или кѣйкими веществами, кожа, наконецъ, литые металловъ не приводитъ къ производству полыхъ или шиловидныхъ наконечниковъ. Уже каменные наконечники охотно скалывали такимъ образомъ, чтобъ получить на краяхъ крючки, что затрудняло и дѣлало опаснымъ удаленіе оружія изъ раны; такъ же готовили и деревянные наконечники, а при

производствѣ металлическихъ для фантазіи открылось широкое поле. Наконечники стрѣлъ (см. прил. рис.) развивались такимъ же путемъ. Техника металлургіи не мало способствовала также тому, чтобы сдѣлать изъ копій и ударное оружіе, какъ показываютъ аллебарды европейскихъ и азіатскихъ культурныхъ народовъ.

Наконечники стрѣлъ въ Индоезій.

Наконечники стрѣлъ въ Индоезій.

Повидимому, каждое оружіе, вѣсъ и форма котораго были мало-мальски къ тому подходящи, употреблялось такъ же, какъ метательное оружіе, и соответственно этому преобразовывалось; польза метанія на далекое разстояніе такъ велика, что только въ исключительныхъ случаяхъ принимается во вниманіе рискъ потери оружія: если оно слишкомъ драгоценно или производство его стоитъ очень большого труда. Такимъ образомъ, большая группа копій употребляется одинаково, какъ метательное или какъ ударное оружіе. Исключительно колющимъ оружіемъ можно назвать только тѣ очень длинныя и потому тяжелыя копья, которыя допускаютъ, въ известномъ смыслѣ, дѣйствіе на разстояніи со стороны воина, хотя онъ и не выпускаетъ копья изъ рукъ; они, кажется, очень любимы у воинственно-активныхъ народовъ и имѣютъ значеніе въ исторіи войнъ, какъ доказываютъ длинныя копья македонскихъ фалангъ и нѣмецкихъ ландкнехтовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ распоряженій воинственныхъ зулусовъ было запрещеніе употреблять копье, какъ метательное оружіе, — этимъ они создали себѣ возможность держать свои военные отряды болѣе сплоченными при нападеніи.

Военное копье, назначено ли оно для метанья или для удара, или для обѣихъ цѣлей вѣстѣ, болѣею частью —

простое оружіе, не отличающееся разнообразіемъ формъ; охотничье копье, наоборотъ, должно служить многимъ цѣлямъ и потому отличается очень разнообразными формами, частью потому уже, что оно должно

Гарпунъ съ Никобаровъ (Бенгальскій архипелагъ).

не только убить дичь, но и задержать ее. Самымъ простымъ изобрѣтеніемъ можно считать прикрѣпленіе къ копью веревки; такимъ способомъ ацфуры, въ области Огове, обезпечиваютъ себѣ цѣлость рыбы, которую убиваютъ копьемъ; въ большомъ размѣрѣ мы видимъ то же самое у китолововъ, которые овладѣваютъ добычей посредствомъ гарпуна, привязаннаго къ длинной веревкѣ. Тамъ, гдѣ охота копьемъ стала ежедневнымъ занятіемъ, какъ, напр., у эскимосовъ, нельзя было, конечно, остановиться на такомъ простомъ способѣ, какъ прикрѣпленіе веревки къ древку: при этомъ существуетъ всегда опасность, что оно сломается, и именно эскимосскія копья, съ трудомъ составленныя изъ отдѣльныхъ кусковъ прибойнаго лѣса, всего менѣе надежны въ этомъ отношеніи. Но неудовлетворительность ихъ оружія привела полярные народы къ превосходному изобрѣтенію составнаго гарпуна. Наконечникъ, слегка только прикрѣпленный къ древку, соединенъ съ нимъ веревкой, такъ что, попавъ въ цѣль, древко само отпадаетъ, но не отдѣляется совершенно отъ наконечника и не теряется; можно соединить наконечникъ со стрѣлкомъ еще другой веревкой или, при рыбной ловлѣ, прикрѣпить къ веревкѣ древка плывучій пузырь. Принципъ гарпуна съ отламывающимся наконечникомъ примѣняется въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ другихъ мѣстахъ земного шара, на примѣръ, по свидѣтельству Круитса, у посо-альфуровъ на островѣ Целебесъ, а также на Никобарахъ (см. рис. стр. 470) и на западномъ и восточномъ африканскихъ берегахъ.

Форма самаго наконечника примѣняется къ цѣлямъ охоты и рыбной ловли. На рыбныхъ копьяхъ проявляется склонность увеличивать число остриевъ: начиная съ двузубаго копья, доходя до трехъ, четырехъ остриевъ; наконецъ, мы видимъ копья въ видѣ метлы, на которыя накалываютъ въ большомъ количествѣ мелкихъ рыбъ. Иногда трехзубая острога такъ устроена, что колютъ собственно среднимъ остриемъ, а боковыя служатъ для защеменія добычи; остроумнѣйшія формы этого типа придуманы опять-таки эскимосами. Нѣсколько сродно этимъ копьямъ одно военное оружіе — «ловецъ людей» — у нѣкоторыхъ племенъ Нов. Гвиней, задерживающее бѣглеца петлей и въ то же время прокалывающее ему горло ножомъ; но это оружіе можетъ только свидѣтельствовать о жестокой фантазіи и не имѣетъ практической цѣны.

Если дубины, топоры и ножи бросаются просто отъ руки, то въ исторіи копья мы находимъ впервые механическое метанье, снаряды, назначенные для увеличенія силы руки. Если нельзя концентрировать силу, оно можетъ быть достигнуто удлиненіемъ руки, взмахъ которой становится тогда сильнѣе. Всего яснѣе этотъ принципъ въ пращѣ, къ которому мы еще вернемся. Въ отдѣльныхъ случаяхъ достигали удлиненія руки копьемъ-арканомъ, которое встрѣ-

чалось въ Нов. Каледоніи и, вѣроятно, такъ же употреблялось въ дѣло, какъ и у древне-классическихъ народовъ: прежде, чѣмъ копье бросали, его обматывали веревкой, что заставляло его на-лету вѣр-тѣться вокругъ своей оси, какъ это теперь достигается при стрѣльбѣ изъ ружей съ надрѣзными стволами.

Гораздо распространѣннѣе между современными народами другой метательный снарядъ, который носитъ названія доски, дерева или палки для метанья. Быть можетъ, фонъ-Ланнау правъ, когда устанавливаетъ первый шагъ къ этому изобрѣтенію въ опытѣ, приоб-рѣтенномъ во время дѣтскихъ игръ: плодъ или кусокъ глины можно дальше бросить, насадивъ на палку, чѣмъ голою рукой; если хотѣли перенести этотъ принципъ на метанье копья, къ палкѣ долженъ былъ быть прибавленъ выступъ, въ который всаживали конецъ копья, и затѣмъ, какъ рычагомъ, отбрасывали его палкой. Выступъ могъ быть замѣненъ также впадиной—и мы видимъ, что обѣ эти возможности выражены въ двухъ типахъ метательныхъ снарядовъ для копья, которые никогда не встрѣчаются вмѣстѣ, хотя нѣкоторыя переходныя формы, съ выступомъ и дырой въ одно время, можно указать въ Уналашкѣ. Къ типу съ выступомъ или зубомъ принадлежатъ всѣ формы на австралийскомъ материкѣ, но онѣ, въ свою очередь, распадаются на двѣ группы: снаряды съ приставнымъ зубомъ и тѣ, гдѣ дерево и выступъ составляютъ одинъ кусокъ; впрочемъ, они очень различны по ширинѣ, такъ что рѣчь можетъ идти или о доскѣ, или о палкѣ для метанья; различаются они также видомъ рукоятокъ, которыя дѣлаются иногда искусственно-шероховатыми или утолщаются кускомъ смолы.

Совсѣмъ другого рода снаряды для метанья—копья на сѣверо-восточномъ берегу Нов. Гвинеи. Сдѣланные изъ камыша, они не имѣютъ выступающаго зуба, а удлиненный надрѣзъ, въ который вставляется дротикъ; кромѣ того, въ камышъ вставленъ вырѣзанный изъ дерева кусокъ, который, по разсѣдованіямъ ф.-Лушау, имѣетъ цѣлью мѣшать копьё соскользнуть внизъ, такъ что четыре пальца руки могутъ охватить камышъ при метаньи, а большой палецъ придавли-ваетъ съ другой стороны дротикъ къ приставкѣ. Снаряды для метанья копья, употребляемые на Каролинскихъ островахъ, совершенно сходны съ вышеописанными, только въ нихъ нѣтъ вставленнаго куска дерева. Австралийская доска для метанья называется, впрочемъ, и для мно-гихъ другихъ цѣлей. «Амера (доска для метанья),—пишутъ Спен-серъ и Гилленъ,—быть можетъ, самый полезный изъ снарядовъ, которыми обладаютъ туземцы. Онъ служитъ не только для метанья копья, но и вмѣстѣлишемъ для сохраненія и переноски крови и другихъ предметовъ—красной охры, каолина и т. под.—во время приготовленія къ церемоніямъ, и, что еще важнѣе: кремень (зубъ),

который обыкновенно вставляется въ одинъ конецъ, служить тузем-цамъ главнымъ рѣжущимъ орудіемъ, съ помощью котораго они про-изводятъ всѣ свои деревянные оружія и различную утварь. Его употребляютъ также для высканія огня и, при случаѣ, какъ очень простой музыкальный инструментъ, хотя мы сами не видѣли таковаго его употребленія».

Вторая большая область снарядовъ для метанья копья—Америка. Здѣсь можно назвать прежде всего доску для метанья (atlatl) древнихъ мексиканцевъ, которая въ историческія времена употре-блялась во время охоты и рыбной ловли. Зелеръ, изучившій это по-дробно, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Доска для метанья была извѣстна не только подлиннымъ мексиканцамъ, но и миксте-кйскимъ и цапотекйскимъ народностямъ, а также майамъ Юкатана, хотя, какъ военное оружіе, употреблялась рѣдко. То обстоятельство, что доска для метанья входитъ въ число военныхъ доспѣховъ нѣ-которыхъ древнѣйшихъ и наиболее почитаемыхъ боговъ, заставляетъ предполагать, что она перешла къ историческимъ поколѣніямъ отъ предковъ и, можетъ быть, раньше была въ большемъ употребленіи. Изъ рисунковъ въ манускриптахъ видно, что тогда это орудіе имѣло форму узкой, короткой доски съ желобкомъ на поверхности и крюч-комъ или выступающимъ шипомъ на верхнемъ концѣ, къ которому прислоняютъ конецъ дротика... Для манипуляцій доской, на нижней ея сторонѣ была ручка, которая, въ простѣйшихъ формахъ, состояла, повидимому, только изъ деревяжки, наклонно стоящей къ поверхности доски; но чаще и въ болѣе богатыхъ формахъ ручку образуетъ простое или наполовину двойное кольцо, т. е. суженное посрединѣ, вырѣзанное изъ раковины и какимъ-нибудь образомъ прикрѣпленное къ нижней сторонѣ доски. Метаящій дротикъ брался за это кольцо указательнымъ и среднимъ пальцами правой руки и держалъ такимъ образомъ доску, а четвертымъ пальцемъ или мизинцемъ придержи-валъ, вѣроятно, сверху дротикъ до момента метанья... Верхняя по-верхность доски часто украшалась перьями, быть можетъ, и воло-сяными кисточками или узкими ремнями, а съ нижней стороны, за ручкой, въ томъ мѣстѣ, гдѣ указательный и средній пальцы при-жимались къ доскѣ, нѣрѣдко прикрѣплялся кусокъ кожи или мѣха.

Мексиканская доска для метанья устанавливала связь между двумя поясами Америки, въ которыхъ до сихъ поръ сохранилось это оружіе. Одинъ изъ нихъ—владѣннй эскимосовъ, которые очень нуждаются въ увеличеніи метательной силы руки, принимая во вни-маніе особый родъ ихъ охоты и оружія; только съ помощью доски для метанья удастся имъ, сидя въ качающемся каякѣ, бросать съ достаточной силой свои легкія копья, снабженныя наконечниками изъ зубовъ или костей. Характерная черта эскимосской доски для

метанья (см. прил. рис.)—усовершенствование ручки, удобства которой усиливают боковыми надрѣзами, углублениями или дырками для пальцев, или, наконецъ, вбитыми колышками. Доска имѣетъ всегда желобокъ, въ которомъ лежитъ копье, и выступъ въ видѣ зуба, на который оно опирается. Метательная доска эскимосовъ, по свидѣтельству Норденшюльда, встрѣчается мѣстами и на азиатскомъ берегу Берингова пролива.

Вторая американская область распространения снаряда лежитъ на югѣ и простирается, съ большими промежутками, какъ показываетъ Уле, отъ Колумбии до Южной Бразиліи. Здѣсь встрѣчаются формы въ видѣ досокъ, палокъ и желобковъ. Очень странно оружіе, най-

денно Карломъ фонъ-денъ-Штейномъ еще въ употребленіи у нѣкоторыхъ племенъ шипгу, потому что оно служило для метанія копья, снабженнаго не острымъ наконечникомъ, а тяжелымъ камнемъ. «Типъ снаряда, встрѣчающагося у шипгу,—пишетъ путешественникъ объ этомъ метательномъ оружіи,—гладкая, тонкая палка, приблизительно 70 сант. длины, изъ твердаго пальмаваго дерева, которая на переднемъ концѣ расширяется въ дощечку-ручку съ просверленной въ ней дыркой, а на другомъ, заднемъ концѣ, имѣетъ маленькій крючокъ. Стрѣлу вставляютъ на крючокъ, черезъ дыру дощечки просовываютъ указательный палецъ, а остальными пальцами охватываютъ дощечку и стрѣлу; такимъ образомъ стрѣла своей задней частью лежитъ плотно на дощечкѣ, рука дѣлаетъ сильный размахъ, метательный снарядъ описываетъ дугу впередъ и вверхъ и пускаетъ стрѣлу этимъ движеніемъ рычага».

Рядомъ съ коньями, снабженными камнями, встрѣчаются и съ деревянными остріями. Доска для метанья служитъ здѣсь не для охоты, а на войнѣ, но, повидимому, выходитъ изъ употребленія.

Какъ бросаютъ копье или дротикъ съ помощью доски для метанья, такъ бросаютъ камень съ помощью веревки или ремня; удлиненіе руки придаетъ и здѣсь силу взмаху, которая еще увеличивается заѣмъ бѣгомъ или прыжкомъ во время метанья. Пращъ—простой снарядъ, трудно поддающійся усовершенствованію. У чукчей онъ состоитъ изъ круглаго куска кожи съ двумя лопастями, въ одной изъ которыхъ находится ушко для указательнаго пальца; другой конецъ придерживаютъ слегка рукой, кладутъ камень на кожу, вертятъ нѣсколько разъ пращей и, въ известный моментъ, отпускаютъ придерживаемый рукою конецъ, причемъ камень летитъ къ цѣли. Въ другихъ пращахъ, напр., въ Нов. Каледоніи, иногда прикрѣпляютъ кисточку вмѣсто ушка, или среднюю, круглую часть кожи,

болѣе тщательно выдѣлываютъ въ видѣ маленькой чашечки или карманка. Вмѣсто кожи употребляютъ шерстяныя и хлопчатобумажныя веревки, воловн луба и листья пандана. Это оружіе широко распространено, но, какъ и всѣ формы оружія, представляетъ загадочныя пробѣлы въ своемъ распространеніи; оно известно въ Меланезіи и Микронезіи, но его нѣтъ въ Австраліи; очень употребительно въ сѣверо-восточной Африкѣ, но у настоящихъ негровъ встрѣчается рѣдко и не составляетъ тамъ никакимъ образомъ національнаго оружія. И во времена классической древности были известны области, гдѣ особенно упражнялись въ бросаніи праща, какъ, напримѣръ, на Балеарскихъ островахъ и въ Курдистанѣ. Въ тѣ времена камни въ пращѣ замѣнялись часто металлическими пулями, и колчану лука соответствовалъ тогда новый вспомогательный снарядъ—карманъ пращика, который, впрочемъ, и теперь встрѣчается въ отдѣльныхъ случаяхъ на Каролинахъ въ видѣ сѣтчатого мѣшка.

Любопытную промежуточную форму между доской для метанья и пращемъ представляетъ одно оружіе, бывшее въ употребленіи въ Нов. Зеландіи. Съ помощью палки, привязанной къ шнуру, метали обыкновенный деревянный дротикъ; онъ удерживался петлей, сдѣланной на веревкѣ, которая въ должный моментъ развязывалась при взмахѣ. Этотъ метательный снарядъ назывался катапа, а дротикъ—копере.

Отсутствіе праща во многихъ мѣстностяхъ Пешель опять-таки приписываетъ,—и совершенно справедливо,—недостатку въ этихъ мѣстахъ подходящихъ камней, но его объясненіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ вполне удовлетворить; основной причиной всѣхъ этихъ пробѣловъ въ распространеніи служить, вѣроятно, общая всѣмъ первобытнымъ народамъ склонность сильно развиваться въ какую-нибудь одну сторону и пренебрегать другими возможностями, такъ какъ работа, необходимая для использованія всѣхъ возможностей, была бы слишкомъ велика для тѣла и духа. Кромѣ того, именно обращеніе съ оружіемъ требуетъ долгаго упражненія и опыта, который приобрѣтается лишь постепенно и поддерживается постоянной практикой, которая, кромѣ того, въ установившемся обществѣ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Поэтому оружіе другихъ народовъ принимается съ трудомъ, хотя бы оно имѣло за собой многія преимущества: кто привыкъ охотиться съ духовой трубкой, всегда возьмется за нее, хотя бы ему подарили пращъ и ясно объяснили его свойства. Даже тамъ, гдѣ имѣется много разнаго оружія, всегда отдается предпочтеніе только нѣкоторымъ изъ нихъ, потому что невозможно достигъ одинаковаго искусства во всѣхъ. Въ сущности, и культурные народы въ этомъ отношеніи не могутъ требовать слишкомъ многого отъ отдѣльной личности, но помогаютъ дѣлу своимъ могу-

Доски для метанья у эскимосовъ (Аляска).

шественнымъ средствомъ—раздѣленіемъ труда: европейскія арміи не состоятъ изъ солдатъ, способныхъ каждый обращаться съ ружьемъ, саблей, копьемъ, пушкой, ходить пѣшкомъ и ѣздить верхомъ, но изъ односторонне-вооруженныхъ и обученныхъ людей, которые только всѣ вмѣстѣ составляютъ одно большое, разнообразно-вооруженное и снаряженное цѣлое.

Родство праща съ метательной петлей (лассо) и метательными шарами (бола), повидимому, только внѣшнее, такъ какъ трудно указать переходъ одной формы въ другую; наоборотъ, простая петля для метанья и усиленная ея форма съ каменными и металлическими пулками должны имѣть одно происхожденіе. Лишь теперь склопенъ считать эти два «оружія» изобрѣтеніемъ пастушьихъ племенъ, такъ какъ на древне-египетскихъ изображеніяхъ эти оружія употребляются, повидимому, для поимки скота на пастбѣ; очень возможно, что у номадовъ Старога Свѣта они дѣйствительно были въ большемъ употребленіи, чѣмъ теперь; но въ главномъ пунктѣ ихъ употребленія, въ патагонскихъ степяхъ, лассо и бола—вполнѣ охотничья оружія и уже съ давнихъ временъ, какъ это доказываютъ находки доисторическихъ шаровъ для метанья. Во всякомъ случаѣ изобрѣтеніе ихъ не было обусловлено введеніемъ въ странѣ лошадей и быковъ.

Между оружіями на разстояніе, повидимому, совершенно отдѣльно стоитъ духовая трубка (сарбаканъ). Родственныхъ ей оружій не встрѣчается, если не считать ружей и пушекъ культурныхъ народовъ, которыя, въ сущности, ничто иное, какъ усовершенствованныя духовныя трубки; но зато ей родственны музыкальные инструменты и снаряды. Мы уже упоминали также о близкомъ родствѣ съ духовой трубкой насоса для добыванія огня. Къ изобрѣтенію духовой трубки легко было прийти, какъ только попробовали выдалбливать куски камыша или дерева, не повреждая ихъ снаружи; совершенно невольно старались, вѣроятно, удалить остатки сердцевины выдуваніемъ, причемъ замѣтили, что плотно засѣвшие куски вылетали, наконецъ, съ известной силой. Тѣмъ не менѣе, сила полета лучшей стрѣлы, пущенной изъ духовой трубки, слишкомъ невелика, чтобъ это оружіе было опаснымъ; только открытіе ядовъ для стрѣлъ сдѣлало слабое, безшумно-летающее оружіе ужаснымъ и было причиною, что духовая трубка распространилась на значительныхъ пространствахъ земного шара, но все же только въ предѣлахъ тропическаго пояса дѣйственныхъ лѣсовъ. Это—спеціальное оружіе лѣсной чаши жаркаго пояса: гдѣ нѣтъ мѣста натянуть лукъ или метнуть дротикъ, все же можно просунуть сквозь заросль духовую трубку, и смертоносная стрѣла настигаетъ жертву. Одна изъ главныхъ областей распространенія духовой трубки—Индонезія и, прежде всего, Борнео, другая—восточная часть Южной Америки. На Борнео оружіе дѣлаютъ

изъ твердаго дерева, которое пробуриваютъ длиннымъ, тонкимъ желѣзнымъ прутомъ съ острымъ камнемъ на концѣ, выдолбленное пространство начисто сглаживаютъ волокнами ротанга, протягивая ихъ взадъ и впередъ; затѣмъ придаютъ трубкѣ желаемую форму снаружи. Стрѣлы обыкновенно приготавливаются изъ мягкаго дерева, которое спереди заостряютъ или снабжаютъ еще особеннымъ остриемъ изъ бамбука, рыбьей кости и т. п.; на заднемъ концѣ дѣлаютъ приставку изъ болѣе мягкаго матеріала, плотно входящую въ отверстіе трубки. Чтобъ можно было носить съ собой отравленные стрѣлы, необходимъ деревянный колчанъ, снабженный крючкомъ для подвѣшивания къ поясу. Часто къ духовой трубкѣ придѣлываютъ еще штыкъ изъ желѣза, такъ что она въ то же время служитъ ударнымъ оружіемъ.

Южно-американская духовая трубка никогда не имѣетъ послѣдняго придатка, но зато часто очень длинна. Въ Гуаянѣ индѣйцы носятъ, кромѣ колчана, еще ящичекъ съ хлопчатой бумагой или другими волокнистыми веществами, чтобъ передъ выстрѣломъ заворачивать ими задній конецъ стрѣлы для ея плотнаго прохожденія по стволу. Почти всѣ духовыя трубки идутъ отъ племени Арекунъ: въ ихъ странѣ растетъ родъ камыша (*Arundinaria Schomburgkii*), изъ котораго исключительно приготавливаютъ духовыя трубки. Высушенный камышъ вставляется въ выдолбленный стволъ пальмы, одинъ конецъ трубки обворачивается пряжей, а другой снабжается приставкой на подобіе трубы изъ пальмоваго листа, чтобъ въ него не проникла грязь отъ прикосновенія къ землѣ. Иногда около конца духовой трубки вставляется два зуба пеккари, которые служатъ прицѣломъ. Колчанъ дѣлается изъ плетенки, а стрѣлы—изъ средней жилы пальмоваго листа.

Всѣ названныя до сихъ поръ оружія соответствуютъ, какъ указалъ Капъ, человѣческимъ органамъ, усиленіе или подражаніе которыми они представляютъ; и духовую трубку можно считать удаленіемъ рта. Но про самое распространенное изъ всѣхъ оружій на разстояніе, про лукъ со стрѣлами, этого сказать нельзя, хотя въ органической природѣ есть примѣры использованія метательной силы эластическихъ тѣлъ; нѣкоторыя растенія далеко разметываютъ свои сѣмена, когда оболочка ихъ плода лопається, а нѣкоторыя низшія животныя обладаютъ способностью стрѣлять, основанной на томъ же принципѣ. Къ тому же, изъ ученія о проекціи органовъ явствуетъ лишь, что механическія изобрѣтенія человѣческаго ума имѣютъ свои прототипы въ произведеніяхъ бессознательно-творящей природы, но это не значитъ, что каждое изобрѣтеніе должно имѣть такой прототипъ или что оно есть дѣйствительно подражаніе. Къ открытію, что эластическія тѣла, отскакивая, отбрасываютъ другія тѣла, на нуль

лежащая или слабо къ нимъ прикрѣпленная, къ этому открытію можетъ привести каждая вѣтка куста, которую нагнуть и снова отпустить, причемъ она обрызгиваетъ росой и далеко отбрасываетъ съ себя мелкихъ насекомыхъ. Всего проще было поэтому изобрѣсти палку для метанья, которая пользуется эластичностью вѣтки для бросанья камня; и дѣйствительно этотъ принципъ былъ примененъ культурными народами древности къ ихъ осаднымъ машинамъ; но маленькія ручныя метательныя палки не сохранились до нашего времени или были вытѣснены улучшеннымъ изобрѣтеніемъ лука.

Лукъ составляется изъ двухъ кусковъ—эластичной дуги, собственно дуги, и тетивы. Быть можетъ, правъ Л. Фробениусъ, считая первичной формой, по крайней мѣрѣ малайскаго лука, кусокъ бамбука, отъ котораго отдѣлена полоса его эластичной наружной оболочки такимъ образомъ, что на обоихъ концахъ она держится еще крѣпко; это былъ бы природно-цѣльный лукъ, корпусъ и тетива котораго состоятъ изъ одного куска. Стоитъ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ, чтобъ природную тетиву, если она случайно порвется, замѣнить новой полоской бамбука съ другой трубки, и просто прикрѣпить ее къ обѣимъ концамъ лука. Этотъ путь открытія гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе, что по автоматическимъ выстрѣламъ извѣстной формы за-

падни или по примитивнымъ струннымъ инструментамъ—то и другое, слѣдовательно, должны были еще раньше изобрѣсти—дошли до открытія успѣшнаго дѣйствія стрѣльбы изъ оружія, состоящаго изъ дуги и тетивы. Кромѣ того, едва ли лукъ изобрѣтенъ въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ земного шара и отсюда уже распространился повсюду; напротивъ, какъ намъ покажетъ описаніе формъ лука, мы должны признать по меньшей мѣрѣ два основныхъ типа, которые, вѣроятно, самостоятельно возникли въ различныхъ мѣстахъ.

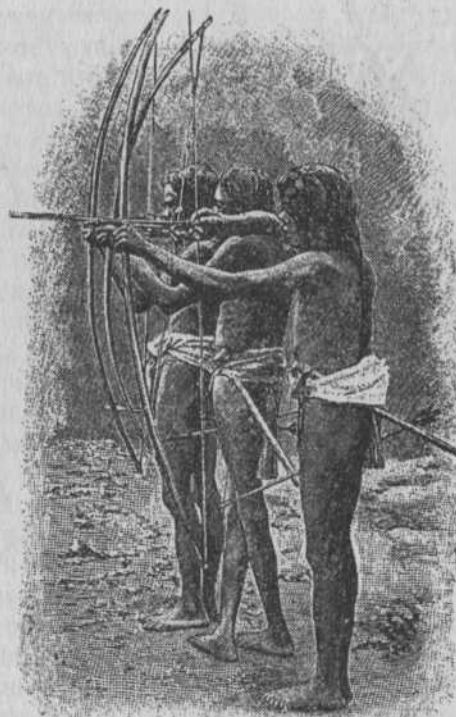
Если бы мы раздѣлили всѣ орудія и оружія на три группы, во 1-хъ, просто увеличивающія силу членовъ, какъ прашъ и доска для метанья, во 2-хъ, допускающія концентрацію силы, чтобъ затѣмъ ее сразу использовать, какъ мы это видѣли на самыхъ усовершенствованныхъ формахъ бурава для добыванія огня, и въ 3-хъ,

Древніе ассирійскіе стрѣлки изъ лука.

предоставляющія силы природы въ распоряженіе человѣка, какъ огнестрѣльное оружіе и паровая машина,—при такомъ раздѣленіи лукъ бесспорно принадлежитъ ко второй группѣ. Натягиваніе лука составляетъ концентрацію силы, которая разрѣшается выстрѣломъ; сила, бросающая стрѣлу, соответствуетъ не единичной, а многократной силѣ ручного мускула, такъ какъ брошенная голой рукой стрѣла далеко не такъ быстро и сильно летитъ, какъ выпущенная изъ лука. При улучшенныхъ формахъ самострѣла, натягиваемаго рычагомъ, принципъ концентраціи силы развитъ въ наивысшей степени. Здѣсь, одна рука держащая лукъ, замѣнена деревяннымъ стержнемъ, такъ что обѣ руки свободны для натягиванія тетивы. Дѣйствительно, недостаточная длина человеческой руки мѣшаетъ увеличенію размѣровъ лука и вѣса стрѣлы за извѣстные предѣлы, такъ что иногда для натягиванія лука прибѣгаютъ къ помощи ногъ, чтобы увеличить разстояніе тѣла отъ лука и имѣть возможность употребить обѣ руки для оттягиванія тетивы; Ксенофонтъ находилъ въ Арменіи подобные луки, громадныя стрѣлы которыхъ его солдаты употребляли вмѣсто дротиковъ; у племени ведда, по наблюденіямъ Эмиля Шмидта, еще теперь употребляютъ этотъ способъ натягиванія лука, по крайней мѣрѣ, во время охоты на птицъ.

Не говоря объ этомъ оригинальномъ способѣ, и при обыкновенной стрѣльбѣ изъ лука натягиваніе тетивы можетъ быть различно. Морзе пытается дать описаніе этихъ условій и насчитываетъ пять различныхъ способовъ натягиванія, къ которымъ недавно Лушанъ прибавилъ шестой. Первоначальнымъ способомъ Морзе называетъ

Стрѣлки изъ племени ведда (Цейлонъ).

простой методъ брать заднюю часть стрѣлы большимъ и указательнымъ пальцами и съ ней вмѣстѣ тянуть тетиву; это самый неудовлетворительный способъ, примѣняемый только немногими народами — аино и индѣйцами племенъ демерара и

Древне-египетскій стрѣлокъ изъ лука.

ута. При второмъ способѣ, сбывшомъ у цуни и нѣкоторыхъ другихъ индѣйскихъ племенъ, стрѣла держится такъ же, но тетива натягивается въ это же время среднимъ и безымяннымъ пальцами. Третій способъ — тетива оттягивается указательнымъ и среднимъ пальцами въ то время, какъ стрѣла, придерживаемая на тетивѣ зарубкой, только слегка надавливается большимъ пальцемъ; этотъ способъ, требующій большой траты силъ, употребителенъ у большинства индѣйскихъ племенъ Сѣв. Америки, у ведда и сиамезовъ (см. рис. стр. 479).

Если натягиваютъ тетиву тремя средними пальцами, причемъ стрѣла слегка удерживается между указательнымъ и среднимъ пальцами, — мы получаемъ четвертый способъ, который Морзе называетъ «средиземнымъ», такъ какъ онъ практиковался въ Египтѣ (см. прил. рис.), Ассиріи, Греціи и вообще у культурныхъ народовъ по берегамъ Средиземнаго моря. Пятый способъ натягиванія — монгольскій: большой палецъ охватываетъ тетиву, указательный упирается въ его ногу и придерживаетъ стрѣлу; этотъ способъ употребителенъ у восточныхъ азіатовъ и прежде былъ перенесенъ на западъ турками. Наконецъ, племя вуты, во внутренней странѣ Камеруна, употребляетъ шестой, совершенно своеобразный способъ, натягивая тетиву не просто рукой, а съ помощью подвижнаго кольца.

Сквѣтъ, натягивающій лукъ.

Такимъ образомъ, техника стрѣльбы изъ лука представляетъ много вариаций; но если мы бросимъ взглядъ на формы лука, то убѣдимся еще болѣе, что имѣемъ дѣло съ очень непостояннымъ оружіемъ, несмотря на всю его простоту; другими словами, что основная идея, всюду одинаковая, осуществляется очень различно. Эти различія зависятъ отчасти отъ естественныхъ свойствъ тѣхъ мѣстностей,

въ которыхъ онъ распространенъ. Тамъ же, гдѣ употребляется простой деревянный лукъ, онъ не можетъ быть всюду одинаковъ, такъ какъ породы дерева, изъ котораго онъ дѣлается, не одни и тѣ же; величины же лука и формы его изгиба зависятъ отчасти отъ дерева, на него употребленнаго. Но въ областяхъ, бѣдныхъ лѣсомъ, какъ степи азиатскаго плоскогорья или полярныя страны, лукъ, просто вырѣзанный изъ сука или ствола дерева, совершенно исчезаетъ, и на его мѣстѣ появляются болѣе крѣпкія составныя формы изъ рога, кусковъ дерева или обоихъ матеріаловъ вмѣстѣ, опять переходя

Ассирійская охотничья сцена.

дѣяція со степными народами въ тѣ области, гдѣ было бы даже излишне прибѣгать къ такимъ сложнымъ способамъ изготовленія лука. Рядомъ съ этимъ, на форму и въ особенности на величину лука влияют и другія обстоятельства, которыя не всегда можно ясно опредѣлить; такъ, напримеръ, Ратцель указалъ, что въ Африкѣ большіе луки встрѣчаются въ степныхъ мѣстностяхъ, а меньшіе — въ лѣсныхъ, а Германъ Мейеръ удостовѣряетъ обратное положеніе для Южной Америки. Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что племена, жившія верхомъ, предпочитали меньшіе луки.

Съ другой стороны, внѣшняя форма лука опредѣляется его отношеніемъ къ тетивѣ. Если на гладкихъ концахъ лука не сдѣлать точекъ опоры, тетива не можетъ имѣть достаточнаго устоя, какъ бы крѣпко ее ни привязывали. Иногда довольствуются небольшою выемкой или дѣлаютъ лукъ искусственно-шероховатымъ, обтягивая его кожей

или корой, которая, впрочем, может быть, служить и другим целям. Нерѣдко встрѣчаются на концахъ возвышенія или пуговки, оставленныя при рѣзбѣ или послѣ приставленныя.

Различно разбирается задача держать лукъ наготовѣ къ выстрѣлу и въ то же время не ослабить постепенно эластичность оружія отъ туго-натянутой тетивы. Въ большихъ южно-американскихъ и меланезійскихъ лукахъ вообще не такъ необходима чрезмѣрная натянутость тетивы; въ маленкихъ помогаютъ дѣлу быстро натягивая и спуская тетиву или придавалъ самому луку сильно изогнутую форму. Менѣе понятно происхожденіе желобка вдоль внутренней стороны лука, что встрѣчается въ цѣлой группѣ. Его часто употребляютъ для вкладыванія запасной стрѣлы, чтобъ она была подъ рукой. Д. Фробеніусъ ведетъ происхожденіе этого желобка, — что очень вѣроятно, — отъ первичной формы лука, тетива котораго составляла отдѣльную часть самаго лука и, конечно, на ея прежнемъ мѣстѣ должно было оставаться такое углубленіе.

Сама тетива можетъ быть изъ полосы бамбука, скрученныхъ растительныхъ волоконъ и жилъ животныхъ. Ее часто прикрѣпляютъ очень искусно, обвязывая или связывая узлами, такъ что иногда большая часть лука ею окружена; приспособленіе для придержанія стрѣлы встрѣчается только въ отдѣльныхъ случаяхъ.

Луки можно раздѣлить на многія группы, такъ какъ почти каждая большаѣ область земного шара выработала въ нихъ извѣстную особенность, но всѣ распредѣляются по Бальфуру, на три главныя группы — простые деревянные, роговые и составные луки. Роговые имѣютъ наименьшее значеніе; два другихъ типа распредѣляются такъ: въ Азіи, Сѣв. Африкѣ и Сѣв. Америкѣ преобладаютъ составные, а въ Средней и Южной Африкѣ, въ Меланезіи и Южной Америкѣ — простые формы. Переходной формой служитъ лукъ изъ одного куска, но съ двойнымъ изгибомъ, который встрѣчается въ сѣверо-восточной Африкѣ и, мѣстами, до самаго берега Гвинеи. При составной формѣ постоянно встрѣчается тетива изъ животныхъ жилъ, при простой — большою частью, хотя и не постоянно, — изъ растительныхъ волоконъ. Впрочемъ, остяки, имѣющіе составные луки, перешли недавно отъ тетивы изъ жилъ къ волокнамъ конопля, которыя они обматываютъ березовой корой.

Дальнѣйшую группировку простыхъ формъ лука и пользу ея для сравнительной этнографіи и для исторіи народовъ блестяще указалъ Фридрихъ Ретцель относительно Африки, а Германъ Мейеръ относительно Бразиліи. Составныя формы описалъ недавно ф. Лушанъ. Благодаря ему, можно уже тѣ луки, въ которыхъ обертываніе дерева увеличиваетъ его упругость и уменьшаетъ опасность раскола, причислить къ составнымъ формамъ; встрѣчаются также луки, вдоль

ребра которыхъ наклеены жилы или навязаны веревки. Составные луки, въ тѣсномъ смыслѣ слова, всѣ рефлективны. т. е. въ спокойномъ состояніи ихъ изгибъ противоположенъ изгибу въ натянутомъ состояніи. Они дѣлаются или изъ нѣсколькихъ деревянныхъ палочекъ, какъ японскій лукъ, или самое дерево лука укрѣпляется съ внутренней стороны слоемъ рога, а съ внѣшней — наложешными на него пучками жилъ, какъ, напримѣръ, турецкіе, китайскіе, индійскіе и персидскіе луки. Отдѣльныя части крѣпко соединены другъ съ другомъ клейкими веществами или другими способами. По мнѣнію ф. Лушана, составной лукъ не изобрѣтенъ самостоятельно въ различныхъ мѣстахъ, а ведетъ свое происхожденіе отъ какого-нибудь турецкаго племени, быть можетъ, сумереровъ Вавилона, а отъ нихъ уже распространился по Азіи (см. рис. стр. 481), Европѣ и Сѣв. Африкѣ. Луки эскимосовъ, по Мурдоку, раздѣляются на три группы, которыя, впрочемъ, не слишкомъ отличаются другъ отъ друга; и здѣсь встрѣчаются простые луки, но сила ихъ обыкновенно увеличена продольнымъ ребромъ изъ дерева или кости или приставленными кусками, причѣмъ большою частью лукъ еще обтягиваютъ и обвязываютъ жилами и тому под.

Въ сущности, лукъ есть только снарядъ для стрѣлы и метанья, а оружіемъ собственно служитъ стрѣла, которую, по ея виду и дѣйствию, можно считать дальнѣйшимъ развитіемъ метательнаго копья, или просто болѣе легкой формой этого оружія. То, что ей недостаетъ въ вѣсѣ, замѣняется силой выстрѣла изъ лука. Въ самой примитивной своей формѣ — заостренной палки (см. прил. рис.) стрѣла есть простое оружіе, но большою частью, какъ и копье, она разбивается въ составное цѣлое изъ рукоятки и острія; часто встрѣчается и опереніе задняго конца, исполняющее роль руля и увеличивающее ея мѣткость. Почти всегда на заднемъ концѣ стрѣлы есть выемка для наставленія къ тетивѣ; кромѣ того, ее часто обматываютъ, чтобъ предупредить расколъ древка. Остріе дѣлается изъ различныхъ матеріаловъ, часто изъ твердаго дерева, вставленнаго въ полое древко, далѣе — изъ рыбьей кости, куска рога или кости, осколка камня, наконецъ, изъ металла. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ культура внесла стеклянные сосуды, охотно употребляютъ для наконечниковъ стрѣлъ острые осколки стекла. Сильно вліяетъ на выборъ матеріала то обстоятельство, что стрѣлы часто тратятся въ большомъ количествѣ, такъ что дѣлать острія изъ дорогаго матеріала неудобно; поэтому и въ Европѣ, долго послѣ открытія металловъ, наконечники стрѣлъ дѣлались изъ кремня, и по той же причинѣ у современныхъ дикарей рѣдко встрѣчаются металлическіе наконечники для стрѣлъ.

Наконечникъ стрѣлы индѣйцевъ племени мексиканцевъ (Сѣв. Америка).

Какъ охотничьи дротики отличаются разнообразіемъ формъ отъ боевыхъ копій, такъ и охотничьи стрѣлы крайне разнообразны. Быть можетъ, всего распространѣнѣе тупыя стрѣлы или съ утолщеніемъ въ видѣ пуговки на концѣ, которыя назначаются для охоты на мелкаго, но драгоценнаго пушнаго звѣря или птицъ съ красивымъ опереніемъ; сибирскія племена употребляютъ на охотѣ за соболями, лисицами и т. под. также стрѣлы съ двойнымъ остриемъ, а на птицъ — булавовидныя стрѣлы со многими короткими остриями. Трехгранныя, металлическія «острія», широкая, отточенная сторона которыхъ обращена впередъ, встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ, такъ, напримѣръ, въ бассейнѣ Конго и между находками въ раскопкахъ Западной Сибири; въ послѣднихъ находили также любопытныя трехлопастныя острія (см. прил. рис.), назначеніе которыхъ не совѣсть ясно. Въ Южной Америкѣ употребляютъ часто остріе, сдѣланное изъ узла сучка, отъ котораго отходятъ много вѣтвей, сѣ-

Живая стрѣлы изъ зап. сибирскихъ гробницъ.

заныхъ коротко въ видѣ муговки. Остріе съ четырьмя зубцами для рыбной ловли встрѣчается, по свидѣтельству ванъ-Гассельта, у нуфорезовъ, въ западной Нов. Гвиней; о трехзубой стрѣлѣ на свиней у негритовъ упоминаетъ Шаденбергъ. Въ Гуаянѣ употребляютъ разные виды стрѣлъ на рыбъ съ свободнымъ остриемъ, прикрѣпленнымъ веревкой къ древку, — соответствующія, следовательно, гарпуну полярныхъ народовъ; такія же стрѣлы видѣлъ Вертеръ у вассандоуи въ Восточной Африкѣ.

Стрѣлы, употребляемыя на войнѣ, въ общемъ проще, но обыкновенно опаснѣе вслѣдствіе обратныхъ крючковъ, которыхъ на деревянныхъ стрѣлахъ бывасть очень много. Тамъ, гдѣ стрѣла гладкая или снабжена только выемкой, сила ея увеличивается страшнымъ боевымъ средствомъ, не употребляемымъ уже у культурныхъ народовъ, — ядомъ. Это очень разнѣ дѣйствующія ядовитыя вещества, которыя должны превратить легкую стрѣлу въ безусловно смертельное оружіе. Сравнительно рѣдко встрѣчается между ними трупный ядъ, дѣйствія котораго могли быть легко открыты при антигигіеническихъ условіяхъ первобытнаго хозяйства; но онъ дѣйствуетъ, очевидно, слишкомъ медленно для цѣлей охоты, а эти послѣднія, конечно, въ большинствѣ случаевъ, и привели къ этому изобрѣтенію. Трупному яду предпочитаютъ тѣ яды, которые быстро парализуютъ дѣятельность сердца или двигательные нервы и дѣлаютъ невозможнымъ для добычи убѣжать или скрыться и быть потерянной для охотника. Такъ какъ змѣиный ядъ имѣетъ именно такое дѣйствіе, понятно, что, при варкѣ яда, охотно употребляютъ головы и зубы змѣй, хотя очень сомнительно, въ большинствѣ случаевъ, чтобы дѣйствительно удава-

лось извлечь изъ нихъ ядовитое вещество; скорѣе, тутъ дѣйствуютъ растительные соки, которые всегда прибавляютъ при варкѣ. Стрихнинъ, аконитъ, сокъ молочая всего чаще встрѣчаются между растительными ядами; упоминается даже о табачномъ сокѣ. Уже Пешель указалъ, что нѣтъ той части свѣта, гдѣ бы не былъ извѣстенъ ядъ для стрѣлъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ мѣстностей, гдѣ вообще не употребляютъ лука и стрѣлъ, и что многія свидѣтельства доказываютъ объ его употребленіи прежде многими европейскими народами; онъ говоритъ при этомъ, что «прекращеніе этого злодѣйства служить прежде всего рѣдкимъ примѣромъ тому, что человѣкъ не только возвысилъ свое стремленіе къ общественности до нравственнаго руководства, но стремится еще выше, къ самоусовершенствованію, потому что грубое чувство самосохраненія, навѣрно, допустило бы употребленіе и отравленнаго оружія».

Отравленные заряды духовой трубки сдѣлали необходимымъ изобрѣтеніе колчана; то же можно сказать объ отравленныхъ стрѣлахъ. Даже не говоря объ этомъ, удобнѣе имѣть всѣ стрѣлы вмѣстѣ въ одномъ переносномъ выѣстильницѣ, которое можно пристегнуть къ поясу или повѣсить черезъ плечо; у многихъ восточно-азиатскихъ народовъ колчанъ такъ великъ, что въ него помѣщается и маленький лукъ, что для всадника можетъ быть только желательно. Въ Бразиліи же посятъ чудовищныя луки и соответственно громадныя стрѣлы прямо въ рукѣ.

Еще другіе побочные снаряды, между которыми мы уже упоминали о кольцѣ для натягиванія тетивы, присоединяются къ луку и стрѣламъ. Народы, употребляющіе, по опредѣленію Морзе, средиземный способъ натягиванія тетивы, употребляютъ для защиты пальцевъ перчатки; при монгольскомъ способѣ — кольцо на большомъ пальцѣ. Кольцо для натягиванія тетивы встрѣчается въ отдѣльныхъ случаяхъ, повидимому, также въ Африкѣ, такъ, напр., по свидѣтельству Марно, въ Баръ-эль-Газалѣ, по свидѣтельству Флегеля — въ верхнемъ Бенуэ. Графъ фонъ-Цехъ упоминаетъ даже о двойномъ снарядѣ такого рода у племени логба, во внутренней странѣ Того, но, къ сожалѣнію, не описываетъ подробнѣе его употребленія при натягиванія тетивы. «Жители логба, — пишетъ онъ, — носятъ часто на правой рукѣ приспособленіе для натягиванія тетивы, которое въ то же время есть нѣчто вродѣ звонка; это приспособленіе состоитъ изъ широкаго желѣзнаго кольца, которое носятъ на большомъ пальцѣ,

Подушка, предохраняющая отъ отдачи тетивы лука (Восточная Африка).

и узкого кольца съ колокольчикомъ въ видѣ сахарной головы; послѣднее надѣвается на указательный палецъ».

Но и рука, держащая лукъ при выстрѣлѣ, требуетъ защиты противъ отскакивающей тетивы, которая иначе скоро произвела бы болѣзненную рану. На Саломоновыхъ островахъ для этой цѣли обворачиваютъ руку долой древеснаго луба; такъ же поступаютъ, по Эренрейху, ботокуды; широкіе браслеты изъ слововой кости или кожи встрѣчаются въ Западной Африкѣ, а особенно крѣпкое кожаное приспособленіе для защиты руки находимъ у вотовъ и у восточно-африканскихъ племенъ (см. рис. стр. 485). О большихъ призматическихъ полыхъ снарядахъ въ Восточной Африкѣ упоминаетъ Вертеръ, который въ тоже время указываетъ, что при сильно-изогнутыхъ формахъ лука, тетива которыхъ не отскакиваетъ до ребра, защита руки излишня. У только-что упомянутыхъ ботокудовъ, наконецъ, принцъ Максимилианъ фонъ-Видъ наблюдалъ очень любопытную переходную форму или, вѣрнѣе, соединеніе двухъ цѣлей, появившуюся подъ влияніемъ европейцевъ. «Чтобы при стрѣльбѣ изъ лука не быть пораненнымъ отскакивающей тетивой,—пишетъ онъ,—ботокуды носили постоянно на сгибѣ лѣвой руки обмотанный шнуръ; племя цурисъ не имѣетъ этого обыкновенія. Теперь, вмѣсто этого шнура изъ эмбиры, ботокуды обматываютъ сгибъ руки лесой отъ удочки, которая служитъ имъ, слѣдовательно, для двухъ цѣлей—охоты и рыбной ловли. Брючки для лесы получаютъ они лѣной отъ португальцевъ».

Если въ настоящее время, въ состязаніи съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, лукъ повсюду начинаетъ уступать, это является естественнымъ послѣдствіемъ развитія или борьбы за существованіе, которая такъ же происходитъ между предметами вещественной культуры, какъ и между организмами; но уже давно возбуждаетъ удивленіе тотъ фактъ, что и безъ этого уничтожающаго состязанія лукъ, несмотря на свои блестящіе преимущества, не могъ стать общимъ достояніемъ первобытнаго человечества. Мы уже видѣли, что онъ раздѣляетъ особенное свойство прерывнаго распространенія со всѣмъ другимъ оружіемъ и утварью, и что главная причина этого явленія лежитъ въ неспособности человѣка владѣть одновременно многими различными навыками, неспособность, которая и у культурныхъ народовъ преодолевается скорѣе развитіемъ у нихъ раздѣленіемъ труда, чѣмъ особенной всесторонностью отдѣльной личности. Конечно, къ этой скрытой главной причинѣ присоединяются разныя побочныя, которыя вызывали на размышленіе людей, занимающихся сравнительной этнологіей. Пешель первый старался дать себѣ объясненія одного удивительнѣйшаго пробѣла въ распространеніи лука—пробѣла полинезійскаго.

Дѣйствительно, этотъ пробѣлъ удивителенъ: во всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ Тихаго океана отъ австрійскаго материка, лукъ въ употребленіи—въ Меланезіи, какъ и въ Восточной Азіи, въ сѣверо-западной, какъ и въ Южной Америкѣ; въ самой Полинезійи онъ былъ прежде извѣстенъ, слѣдовательно, отъ него отказались сознательно, хотя въ Океаніи нѣтъ недостатка въ войнахъ и въ военномъ оружіи. Пешель находитъ причину въ томъ, что лукъ прежде всегда охотничье оружіе, которое только тамъ остается въ употребленіи, гдѣ существуютъ большіе лѣса. «Лукъ и стрѣлы должны исчезнуть тамъ, гдѣ охота не представляетъ уже выгоднаго занятія или гдѣ вообще не можетъ быть охоты. А по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ Нов. Гвиней на востокъ, сѣверъ или юго-востокъ, охота прекращается, потому что на всѣхъ этихъ островахъ нѣтъ сухопутныхъ млекопитающихъ, кромѣ летучихъ мышей, прирученныхъ свиней, собакъ и крысъ». На востъ-индскихъ островахъ, гдѣ лукъ употребляли только карайбы, недавно принешедшіе съ материка, подобныя же обстоятельства привели будто бы къ тому же положенію. Но и тамъ, гдѣ охота отступаетъ на задній планъ не вслѣдствіе недостатка въ дичи, а по причинѣ хозяйственнаго прогресса, и тамъ, говорятъ, лукъ исчезаетъ и вмѣсто разбросанной оборонительной тактики, выступаетъ на сцену соответственно большому числу населенія война сомкнутымъ строемъ съ оружіемъ на близкое разстояніе.

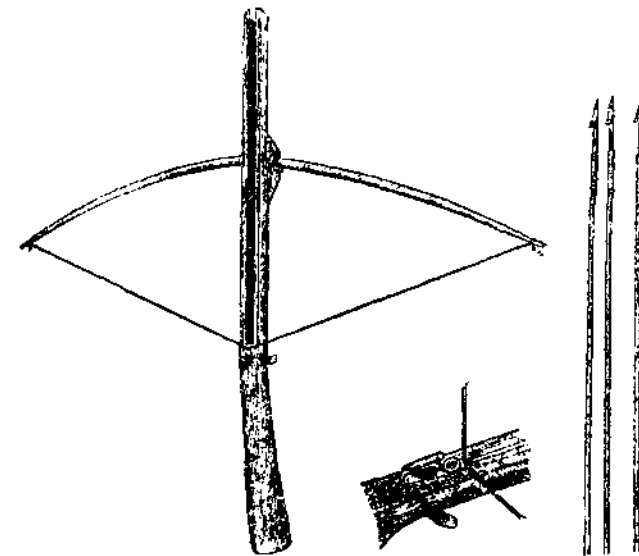
Эти мысли имѣютъ въ себѣ нѣчто подкупающее и, конечно, содержатъ зерно истины, которое, впрочемъ, не всегда выдерживаетъ испытаніе. Ратцель, имѣющій въ виду главнымъ образомъ положеніе дѣла въ Африкѣ, приходитъ къ выводамъ, которые въ основѣ соответствуютъ упомянутому взгляду Пешеля, съ той лишь разницей, что Ратцель притягиваетъ сюда и психологическій мотивъ. «Лукъ и стрѣлы,—пишетъ онъ,—совсѣмъ не употребляются многими африканскими племенами; повидимому, нѣкоторые изъ нихъ представляютъ это оружіе низшимъ, подвластнымъ народамъ и считаютъ его менѣе благороднымъ. Поэтому лукъ и стрѣлы болѣе распространены въ менѣе одаренныхъ мѣстностяхъ, въ лѣсахъ, въ горахъ, въ степяхъ». Всѣ эти мысли не могутъ быть, какъ сказано, проведены въ исполнѣніе; древніе культурные народы—египтяне, ассирійцы, китайцы,—населяющіе сравнительно богатую дичью мѣстность, не знакомы съ нимъ, не считая незначительныхъ исключеній въ пограничныхъ съ Меланезійей мѣстностяхъ. У культурныхъ народовъ, впрочемъ, приходитъ на помощь раздѣленіе труда, которое имъ позволяетъ образовывать въ войскѣ отряды стрѣлковъ изъ луковъ, что немислимо у первобытныхъ народовъ; у послѣднихъ весь народъ имѣетъ свое національное оружіе, и могутъ иногда существо-

вать гораздо болѣе незначительныя причины, чѣмъ приведенныя Пешелемъ и Гатцелемъ, которыя обуславливаютъ появленіе или исчезновеніе лука.

Прежде чѣмъ порохъ достигъ своего преобладающаго значенія при веденіи войнъ, выступилъ уже соперникъ лука, который по виду представлялъ уже большое усовершенствованіе послѣдняго, но далеко не такъ распространился, какъ огнестрѣльное оружіе, и даже не могъ вполнѣ вытѣснить лукъ у культурныхъ народовъ. Мысль замѣнить вытянутую при стрѣльбѣ изъ лука человѣческую руку деревяннымъ снарядомъ, допускающимъ, кромѣ того, держать долгое время лукъ натянутымъ и готовымъ къ выстрѣлу, эта мысль осуществилась въ Европѣ и Восточной Азіи. Самострѣль, возникшій такимъ путемъ, допускаетъ употреблять для натягиванія тетивы обѣ руки или спеціальныя для того рычаги и такимъ образомъ концентрируетъ гораздо большую силу, чѣмъ это возможно при стрѣльбѣ изъ лука; стрѣлы, которыя кладутся въ желобокъ рукоятки, не имѣютъ теперь надобности занимать все пространство между ребромъ лука и натянутой тетивой, слѣдовательно, могутъ быть короче и переноситься съ собою въ большемъ количествѣ. Эти преимущества относятся главнымъ образомъ къ европейскому оружію, китайскій же самострѣль, изъ котораго стрѣляютъ пулями, хотя очень остроумно преобразованъ даже въ магазинное оружіе, но, какъ большинство китайскихъ военныхъ орудій, имѣетъ мало практической цѣны.

И въ Европѣ лукъ не стоялъ ниже новаго оружія, которое вслѣдствіе своей мнимой опасности было сначала запрещено папами или разрѣшено только въ битвѣ съ невѣрными; побѣдоносныя сраженія англичанъ противъ французовъ доказали превосходство лука; при Азинкурфъ „бѣглый огонь“ английскихъ стрѣлковъ изъ лука, прикрытыхъ палисадникомъ, скоро рѣшилъ битву не въ пользу французскихъ всадниковъ, вооруженныхъ самострѣлами. Большая простота и удобство въ обращеніи остаются преимуществами лука, и этому можно приписать, что самострѣль не только не былъ самостоятельно изобрѣтенъ первобытными народами, но и не встрѣтилъ большого сочувствія. Только въ видѣ исключенія сохранилось оружіе вродѣ самострѣла у племени фановъ, въ Западной Африкѣ, въ области Габуца, и у юндовъ, во внутренней странѣ Камеруна, но этому оружію недостаетъ приспособленія для придержанія и отпуска тетивы; здѣсь, какъ и на Никобарахъ (см. рис. стр. 489), гдѣ употребляется до сегодня, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ острововъ, настоящій самострѣль, дѣло идетъ, по всей вѣроятности, о неудачномъ подражаніи европейскимъ или, въ крайнемъ случаѣ, китайскимъ образцамъ. Въ западн. Индіи, гдѣ встрѣчается это оружіе, оно также, вѣроятно, китайскаго происхожденія.

Самострѣль составляетъ уже переходъ къ огнестрѣльному оружію, такъ какъ и въ немъ сразу, однимъ нажимомъ, пускается въ дѣйствіе накопленная сила. Громадный прогрессъ огнестрѣльнаго оружія заключается въ томъ, что здѣсь нажимомъ или искрой освобождается не копотливо собранная человѣческая сила, но страшное могущество быстро расширяющихся газовъ, образовавшихся отъ внезапнаго разложенія химическихъ веществъ. Возможно, что изобрѣтеніе пороха для стрѣльбы имѣло мѣсто въ Восточной Азіи, гдѣ, вѣроятно, самостоятельно дѣлали и пушки; оно рано

Самострѣль и стрѣлы съ Никобаровъ (Бенгальскій заливъ).

перешло отсюда въ Европу, но понадобилось много времени, прежде чѣмъ новый матеріалъ произвелъ полный переворотъ въ характерѣ войнъ. Вѣдь еще во времена рыцарства были ружья и пушки, но они мало вліяли на вооруженіе и военную тактику. Нужно было безконечное количество размысленія и труда, чтобы новое оружіе сдѣлать тѣмъ, чѣмъ оно стало въ настоящее время.

Кто броситъ взглядъ на всѣ оружія человѣчества, на эти зау-бренные копья и тяжелыя дубины, на рѣзущіе мечи и острые кинжалы, на устьяныя крючками или обмазанныя ядомъ стрѣлы и болты, на эти пращи, бумеранги и ножи для метанья,—того, вѣроятно, охватитъ дрожь, если онъ представитъ себѣ всѣ эти орудія разрушенія направленными на беззащитное человѣческое тѣло, такъ мало приспособленное, повидимому, для кроваваго военного ремесла.

Но тотъ же умъ, который снабжаетъ тѣло наступательнымъ оружіемъ, могущимъ вызвать зависть всѣхъ сказочныхъ чудовищъ, тотъ же умъ заботится о снабженіи тѣла новыми оборонительными средствами, чтобы оно встрѣтило дикое нападеніе удвоеннымъ сопротивленіемъ: мягкую, легко уязвимую кожу покрываетъ чешуйчатый панцирь, надъ обороняющейся рукой простирается крѣпкій щитъ (см. прил. рис.), черепъ покрытъ бронзовымъ шлемомъ,—всему ряду наступательнаго оружія въ строгомъ порядкѣ противопоставляется рядъ оборонительнаго. Правда, что числомъ послѣднія никогда не бываютъ равны первымъ, потому что добрую часть защиты тѣла беретъ на себя бодрствующее сознаніе человѣка, которое учитъ избѣгать или отбросить въ сторону стремительно налетающее оружіе, пользоваться для прикрытія неровностями почвы, предупреждать непріятельское наступленіе нападеніемъ или встрѣчать его въ засадѣ.

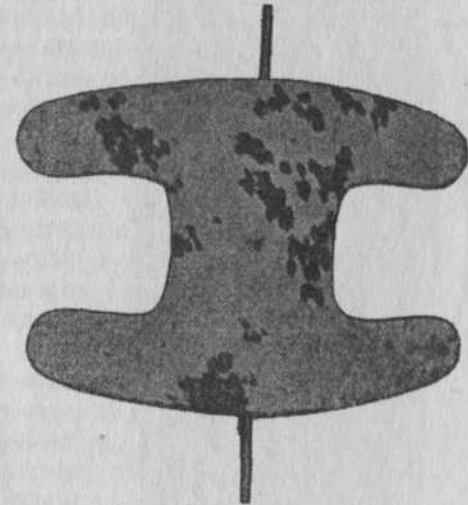

Кожаный щитъ изъ Ираку (Вост. Африка).

Щитъ, повидимому, менѣе простое оборонительное орудіе, чѣмъ латы, которая надѣваются на тѣло, какъ платье: щитъ представляетъ нѣкоторымъ образомъ часть непосредственной защиты тѣла, которую сдѣлали подвижной. Хотя это опредѣленіе вѣрно относительно послѣднихъ усовершенствованныхъ формъ щита, оно не оправдывается исторіей развитія оружія, что мѣстами можно и теперь подтвердить навѣрняка. Достаточно соответственно расположить рядъ восточно-африканскихъ щитовъ, чтобы сразу увидѣть, что громадный кожаный щитъ зулусовъ, который можно считать крайнимъ, конечнымъ звеномъ цѣпи, развился изъ ударной и отбойной палки, которая является, можетъ быть, самымъ примитивнымъ изъ всѣхъ наступательныхъ и оборонительныхъ оружій. Швейнфуртъ впервые описалъ и далъ рисунокъ щита динковъ, который употребляется при битвѣ на дубинахъ или на палкахъ и есть не что иное, какъ палка съ утолщеніемъ посрединѣ, которое съ задней стороны выдолблено и снабжено ручкой; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ отбойную палку просто усилили защитой для руки. Еще, пожалуй, примитивнѣе щитъ вашаніевъ: вмѣсто того, чтобы кропотливо вырѣзывать, какъ динки, ручку изъ самой палки, они прикрѣпляютъ къ тому мѣсту палки, гдѣ должна быть ручка, небольшой кусокъ жесткой кожи, просверленный на двухъ концахъ, и черезъ эти отверстія пропускаютъ палку (см. рис. стр. 491). Соединеніе этихъ двухъ простыхъ принциповъ представляетъ щитъ манду. Изъ этихъ началъ выросъ уже цѣлый рядъ формъ щитовъ, которые всѣ со-

стоять изъ болѣе или менѣе большихъ кусковъ шкуры (см. прил. рис.), черезъ которые продѣта палка, служащая въ одно время прикрѣпленіемъ и ручкой. Повидимому, и массаи употребляютъ еще такіе же щиты изъ шкуръ, но у нихъ есть и деревянные, окраска которыхъ напоминаетъ первоначальный образецъ.

Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ,—какъ, вѣроятно, и во многихъ другихъ, щитъ есть потомокъ наступательнаго оружія, и этимъ объясняется, что онъ встрѣчается раньше и чаще, чѣмъ латы, изобрѣтеніе которыхъ, по крайней мѣрѣ у тропическихъ народовъ, почти не носящихъ одежды, не легко понять. Всюду щитъ представляетъ плоскость, которая должна покрывать все тѣло или часть его, хотя размѣры его и колеблются между лилипутными формами, еле защищающими кисть и нижнюю часть руки, какъ маленькіе щиты у сомаловъ, и гигантскими произведеніями, за которыми во-

Кожаный щитъ бетшунановъ (Южная Африка).

Щитъ изъ Нгуруманъ (Восточная Африка).

инъ совершенно исчезаетъ. Для полученія этой искусственной плоскости имѣются тѣ же матеріалы, которые вообще служатъ подобнымъ цѣлямъ—кожа, дерево, плетенье и металлы, поскольку эти матеріалы достаточно толсты и жестки; сырая кожа поэтому болѣе годится для этой цѣли, чѣмъ выдѣланная, грубое корзинное плетенье болѣе, чѣмъ тонкое тканье. Сообразно съ этимъ, охотничьи и пастушьи племена предпочитаютъ щитъ изъ шкуры, а народы, занимающіеся преимущественно земледѣіемъ и обладающіе культурой, основанной на обработкѣ растительныхъ матеріаловъ, предпочитаютъ плетенье и деревянные щиты (см. рис. 492). Переходъ одной формы въ другую и соединеніе ихъ бываетъ часто; такъ, напр., въ

Уганда и соседних областях встречаются деревянные щиты, обтянутые плетеньем; щиты массаи, как уже сказано, сделаны иногда из дерева, иногда из кожи и т. д.

Щиты в своей простейшей форме состоят из двух главных частей, плоскости щита и рукоятки, которая может быть также ручной палкой. Двойная рукоятка, представляющая возможность более плотного укрѣпленія щита къ рукѣ, известная в древней Греціи не позже VI вѣка до Р. Х., встрѣчается у современныхъ дикарей только в видѣ исключенія. Такъ какъ в томъ мѣстѣ, гдѣ находится рукоятка, плоскость щита нѣсколько выгнута, здѣсь образуется выпуклость щита (Buckel), составляющая в то же время центръ его и то мѣсто, которое должно всего болѣе противостоять нападенію; легко могло придти въ голову укрѣпить это мѣсто простымъ ли утолщеніемъ площади щита, или наставкой отдѣльнаго куска. Мысль сдѣлать наставку изъ металла осуществилась очень часто, тѣмъ болѣе, что чисто металлическіе щиты не были удобны по своей тяжести; еще недавно нѣкоторые племена в Конго и Галла, послѣ введенія кремневыхъ ружей, укрѣпляли свои щиты желѣзной наставкой, которая могла противостоять пули изъ ружья съ ненарѣзнымъ стволомъ (см. рис. стр. 493).

Распространеніе щита также имѣетъ пробѣлы, тѣмъ болѣе странныя, что существуетъ обратное отношеніе къ распространенію латы, по крайней мѣрѣ в областяхъ первобытной культуры: тамъ, гдѣ преобладаютъ латы,

нѣтъ щитовъ, и наоборотъ. Конечно, нельзя вывести «закона» изъ этого наблюденія, такъ какъ существуетъ цѣлый рядъ народовъ, не имѣющихъ ни того, ни другого оружія.

Кромѣ того, то, что мы называемъ латами или панцыремъ, возникаетъ, какъ всѣ высшія формы культурнаго владѣнія, изъ такого

Щитъ изъ лѣсной мѣстности Букоба (Вост. Африка).

простого корня, что нельзя указать, гдѣ нужно провести точную черту между зачаточной формой и вполне совершенной. Сколько разъ, быть можетъ, браслеты для украшенія рукъ и ногъ, высокія и набивныя прически, плотно свернутые пояса на бедрахъ, ожерелья изъ раковинъ или охотничьихъ трофеевъ отражали смертельный ударъ или смягчали дѣйствіе стрѣлы, пока люди научились сознательно пользоваться ихъ оборонительной силой. И кто можетъ сказать, сколько этихъ предметовъ носится теперь исключительно ради потребности въ украшеніи и сколько ради защиты? Вѣдь такая привѣска можетъ даже представлять двойную защиту, отражая собою удары непріятеля и въ то же время, какъ амулетъ въ глазахъ вѣрующаго, предохраняя его во сто разъ дѣйствительнѣе отъ всякаго поврежденія тѣла! Соединеніе священной и мірской защиты встрѣчается и въ другомъ видѣ: Клозе описываетъ всадниковъ султана Помби, во внутренней странѣ Того, ватныя боевыя рубашки которыхъ были покрыты, какъ панцыремъ, красными и черными кармашками-амулетами, заключающими в себѣ выписки изъ Корана. Толстые слои веревокъ каури, въ Западной Африкѣ, веревки изъ вампума у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ служатъ имъ амулетами и въ то же время матеріальной защитой тѣла.

Настоящій панцырь, который долженъ также представлять плоскость, но быть эластичнѣе щита, можетъ быть также сдѣланъ изъ шкуры, дерева, волокнистыхъ матеріаловъ и металла и долженъ принимать форму человѣческаго тѣла; во многихъ случаяхъ, однако, достигается лучшая защита свободно ниспадающимъ панцыремъ, такъ какъ ударяющемуся объ него заряду нужно еще преодолѣть слой воздуха между панцыремъ и кожей тѣла, и этотъ воздухъ, какъ подушка, умѣряетъ ударъ. Всего проще, обыкновенно, кожаныя латы (см. рис. стр. 494), приготовляемыя изъ возможно болѣе толстыхъ и твердыхъ кусковъ шкуры, какъ, напр., у сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ. Чукчи усаживаютъ свой кожаный панцырь, частью для украшенія, частью для большей защиты, известными просверленными китайскими монетами изъ латуни (сапеки) но приготовляютъ также улучшенные панцыри изъ кожаныхъ полосъ, наложенныхъ другъ на друга ступеньками, другіе — изъ длинныхъ полосъ китоваго уса, которыя просверлены и соединены между собою веревками. Гугъ считаетъ, что панцырь изъ полосъ кожи есть

Щитъ племени могованди (Конго)

лишь подражаніе металлическимъ панцырямъ восточно-азиатскихъ культурныхъ народовъ. Изготавливать латы изъ большихъ кусковъ дерева неудобно по многимъ причинамъ, но можно преодолѣть негибкость матеріала, соединивъ между собою веревками небольшія деревянные пластинки или полоски такимъ образомъ, что онѣ кое-какъ облегаютъ тѣло. Такъ произошли удивительные панцыри изъ дощечекъ и палочекъ, которые характерны для береговъ Берингова моря, и, вѣроятно, какъ доказываютъ нѣкоторыя мѣстные украшенія, послужили образцами для японскихъ панцырей изъ лакированныхъ кусковъ кожи. Полярные народы, эскимосы и чукчи, употребляютъ вмѣсто дерева также пластинки изъ моржевыхъ клыковъ и

костей. Поясъ распространенія панцырей изъ деревянныхъ пластинокъ тянется отъ Аляски до ирокезовъ и индѣйцевъ Виргиніи, панцырь изъ палочекъ занимаетъ почти ту же область, но распространяется еще дальне на югъ.

Эластичныя массы тѣсно связанныхъ волоконъ представляютъ прекрасный матеріалъ для приготовления панцырей. Въ одной изъ главныхъ областей разведенія хлопка, въ среднемъ и западномъ Суданѣ, получили права гражданства ватные панцыри, которые обыкновенно носятъ тамъ всадники; это—толстая, набивная одежда, очевидно, очень неприятная въ сильную жару; большою

Броня изъ двойной буйволонной кожи у вапва и др. племень въ штатѣ Конго.

частью ей соответствуетъ подобная же броня на лошади. Такіе же ватные панцыри, толщиною приблизительно въ два пальца и еще унизанные для крѣпости металлическими пластинками, носили болѣе знатные мексиканцы и майи. Тамъ, гдѣ кокосовая пальма составляетъ центръ существованія, она даетъ и матеріалъ для панцырей: панцыри изъ густо сплетенныхъ веревокъ, приготовленныхъ изъ кокосовыхъ волоконъ, встрѣчаются на всемъ пространствѣ отъ Тиморлаута, черезъ острова Ару и Нов. Гвинеею, до Микронезіи. На островахъ Джильберта, гдѣ острое оружіе изъ зубовъ акулы требуетъ особенной защиты тѣла, эти латы достигаютъ высшаго совершенства: кромѣ кусковъ на груди и спинѣ, которыми обыкновенно ограничивается панцырь, здѣсь мы видимъ панцырные рукава и штаны, наплечники и огромныя, на подобіе шлемовъ, наставки до плечей, которыя сверху открыты, слѣдовательно, должны разсматриваться не какъ шлемы, а какъ часть собственно панцыря.

Тамъ, гдѣ извѣстны металлы, они употребляются прежде всего

для укрѣпленія отдѣльныхъ частей вооруженія, пока ихъ дальнѣйшее употребленіе не прекратится дороговизной матеріала и, быть можетъ, недостаткомъ ловкости кузнецовъ. Если пытаются затѣмъ изготавливать чисто-металлическія латы, ихъ охотно составляютъ изъ отдѣльныхъ пластинокъ, какъ деревянные панцыри, или изъ чешуекъ, наложенныхъ другъ на друга въ видѣ черепицъ на крышахъ, или, наконецъ, пользуются свойствомъ металловъ растягиваться въ проволоку, чтобъ изготавливать панцыри изъ мелкихъ колецъ и цѣпочекъ, которые напоминаютъ произведенія ткацкой техники. Въ изготовленіи панцырей аріійскіе народы Европы достигли высшаго искусства и многими изъ своихъ великихъ побѣдъ въ древнія времена они обязаны были, безъ сомнѣнія, такъ же своему прекрасному вооруженію, какъ теперь берутъ верхъ своими ружьями и пушками; побѣды при Марафонѣ и Платѣ были бы невысказанными, если бы безчисленнымъ легко вооруженнымъ азиатскимъ ордамъ не была противопоставлена непоколебимая сила тяжело вооруженныхъ греческихъ отрядовъ войскъ.

Шлемъ, служащій для защиты головы, представляетъ часть вооруженія, которая развивалась самостоятельно; онъ болѣе необходимъ для культурныхъ народовъ, чѣмъ для дикарей, потому что у первыхъ кости головы обыкновенно тоньше, а волосы рѣже; въ этомъ отношеніи европеецъ, конечно, не можетъ состязаться съ австралийцемъ, который ломаетъ полѣна на головѣ, какъ на самой крѣпкой и нечувствительной части своего тѣла. У дикарей, вообще рѣдко вступающихъ въ рукопашную, мало обращаютъ вниманія на защиту головы; различныя фантастическія прически и украшенія въ волосахъ—единственные предвѣстники шлема; тамъ же, гдѣ встрѣчается нѣкоторое подобіе шлемовъ, эти формы представляютъ подражаніе европейскимъ и другимъ образцамъ. Деревянные шлемы, съ масками вмѣсто забрала, встрѣчаются на сѣверо-западномъ берегу Африки. Только съ возникновеніемъ техники металловъ начинается улучшеніе головной защиты; на мѣсто шкуръ и головъ звѣрей, которыми прежде пошеволь приходилось довольствоваться, выступаетъ металлическій шлемъ; къ нему присоединяется затыльный щитъ, боковые клапаны и забрало, пока, наконецъ, въ рыцарскихъ вооруженіяхъ среднихъ вѣковъ головной уборъ сливается съ остальнымъ панцыремъ. Точно также появляются сначала набедренники, а потомъ сливаются съ вооруженіемъ и, наконецъ, все тѣло, до пальцевъ рукъ и ногъ, покрывается панцыремъ изъ мельчайшихъ звеньевъ, который, впрочемъ, какъ и многое вполне усовершенствованное, слишкомъ поздно достигаетъ своего высшаго блеска: когда нѣмецкіе и итальянскіе кузнецы достигли идеала въ изготовленіи доспѣховъ, давно уже гремѣли въ битвахъ пушки, которыя скоро сдѣлали изъ

лишней всякую панцирную защиту. Только военные корабли носят теперь громадных размеров брони, которые здесь одерживают еще победу в отчаянном состязании со снарядами, и снова повторяют старое зрелище, когда наступательные и оборонительные оружия обуславливают взаимную необходимость и, в борьбе за существование, то вызывают, то вытесняют и уничтожают друг друга.

4. Орудия и утварь.

За разрушением следует созидание, война уступает место мирному труду и, наконец, пользованию его плодами и покоем; вместо дикаго бряцания оружия слышится приятный звук ритмически-ударяющаго молота, стук ткацких станков и гуденье ступок или веселый звон тарелок и стаканов, содержимое которых возбуждает веселое настроение духа. Человечество не только разрушает и разлагает, — оно и созидает новое из развалин, строит новый мир, в котором могло бы работать и пользоваться на свой лад плодами своего труда. Средства, служащая рядом с разрушением прежде всего созиданию, средства усиления активных органов человека, мы называем орудиями; более обширное понятие утвари охватывает собою и те части культурной собственности, которая производится с помощью орудий, сами же служат скорее для большого комфорта жизни, составляют пассивную собственность, если можно так выразиться. Но и тут нет резких границ. Мы отделяем от орудий и утвари и рассматриваем отдельно одежду, жилища и средства передвижения, скорее на основании их более древняго происхождения, чем существенной разницы; но, кроме того, отделение их удобно для обозрения всей безпорядочной массы материальнаго культурнаго владения, которое и помимо оружия неизмеримо велико.

Материал, техника и цель определяют форму и стиль утвари, взаимно обуславливая и влияя друг на друга. Но сюда надо прибавить еще нечто, а именно подражание данным формам природы, хотя оно следует большей частью своим особенным законам. Если мы вспомним, что все предметы утвари суть проекции человеческих органов, легко прийти к той мысли, что орудия, соответствующая им, и утварь, ими произведенная, должны напоминать эти органы своей формой; что части тела должны служить лишь прообразом техники и искусству; между тем стремление к подражанию в этом направлении проявляется редко, а на первоначальных ступенях, быть может, никогда. Утварь в виде горсти руки, молоты в виде кулака, цесты в виде поги не встречаются у первобытных народов, и если случайно выходят в такой форме

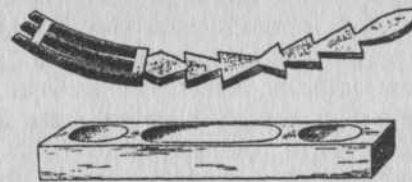
из европейских мастерских, то лишь, как продукты страннаго каприза. Это зависит от того закона, что человек спокойно наблюдает самого себя после всего остального, и позже всего ясно представляет себя свои органы. На него влияют и побуждают к подражанию естественные дары природы, которые он, сначала с небольшими изменениями, употребляет вместо утвари, а потом сознательно воспроизводит: тыквенная бутылка, скорлупа кокосоваго ореха, раковина (см. прил. рисунок) часто предписывают ему первую форму деревянных и глиняных сосудов для питья; пустой ствол бамбука — первообраз деревянной банки, колчана; и, наконец, проснувшаяся склонность к искусству ищет сознательно естественных аналогий. У первобытных народов это влияние, правда, не так сильно, как можно было бы ожидать;

Ложка из раковины из могилы у Нашвиле (Съв. Амер.).

борьба с твердостью и неподатливостью материала еще слишком велика, чтобы допустить прелестную игру художественнаго подражания данной форме; искусство орнамента, идущее сначала по своеобразному пути, также мало способствует этому роду стиля. Естественные орнаменты, как-то: прожилки на дереве, пятнистый вид сложенных камней или полосатость тигровой шкуры редко служат для подражания.

Цель, которой должна служить утварь, есть всегда самая характерная ее черта, часто сначала лишь идеаль, к которому стремятся, пока, после долгих стараний, его более или менее не достигнут. Но и попытка расположить утварь по группам, сообразно ее цели, представляет трудную задачу;

Палочка и ящичек для красок невенотов индейцев.

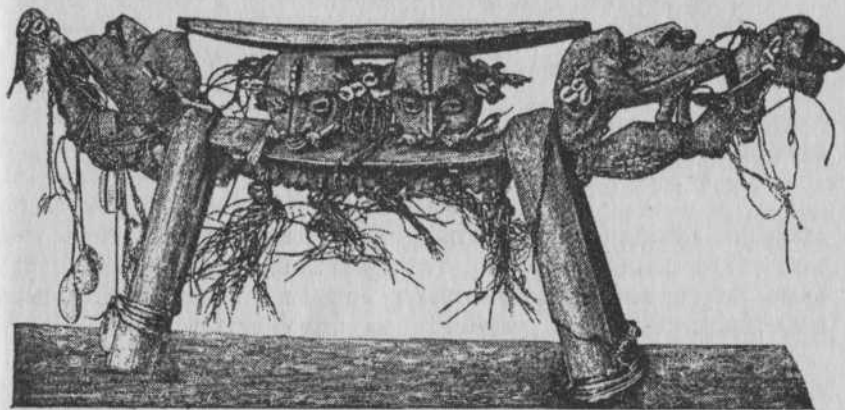
мы имеем орудия и утварь, которые могут служить самым различным целям, мы имеем и цели, достигаемые целям рядом вспомогательных снарядов; первые стоят преимущественно на первобытных ступенях культуры; последние увеличиваются непрерывно в числе с развитием высшей техники. Именно простые орудия суть универсальные инструменты; их ближайшая цель — усиление членов, прежде всего руки, которая ведь служит для исполнения всевозможных задач и лишь под влиянием высшей культуры научается определенным работам.

Утварь и орудія человека можно не безъ основанія сравнить съ террасами на земномъ шарѣ, съ незапамятныхъ временъ развивающимися и вливающимися другъ друга: нѣкоторыя орудія первобытныхъ временъ, какъ ножъ и молотокъ, всюду употребляются въ улучшенномъ видѣ и теперь, продолжая весело жить въ своихъ потомкахъ, такъ какъ щель, которой они служатъ, проста и вѣчна; другія забыты, или держатся, какъ нѣкоторые странные виды животныхъ, лишь въ отдаленныхъ мѣстностяхъ земли, пока и тамъ ихъ поглотитъ волна высшей культуры. Третья группа тѣсно связана съ почвой и климатомъ и не переходитъ извѣстныхъ границъ, но процвѣтаетъ несокрушимо въ этихъ предѣлахъ. Эти три группы опредѣляются тремя родами своихъ щелей; щели первыхъ общи и вѣчны, щели вторыхъ являются слѣдствіемъ преходящихъ нравовъ и обычаевъ, щели третьихъ зависятъ отъ мѣстныхъ, дѣющихся условий. Ко второй группѣ принадлежатъ также всѣ тѣ орудія, которыя служатъ первобытной техники, ставшей впоследствии излишней, какъ: пожарныя бурава, пилы и насосы, молоты для убиванія скота, и т. д.; затѣмъ разныя средства для украшенія и уродыванія тѣла, какъ инструменты для татуировки, шипцы для выдергиванія волосъ на бородѣ, инструменты для прокалыванія ушей, губъ и носа, или для разрисовки тѣла (см. рис. стр. 497); наконецъ, безчисленные снаряды и сосуды, служащіе религіознымъ и мистическимъ цѣлямъ, общественныя отличія и орудія варварской расправы. Многіе изъ этихъ предметовъ принадлежатъ болѣе области украшенія и одежды, надъ которой всего свободнѣе господствуетъ измѣненіе вкуса и щели.

Для развитія культуры важнѣе третья группа утвари, группа, ограниченная мѣстностью. Она, въ свою очередь, распадается на два подраздѣленія; нѣкоторые приборы непосредственно обусловлены климатомъ и почвой, и потому едва ли вообще могутъ расширить границы своего распространенія, какъ, напр., лыжи и сани полярныхъ народовъ, къ которымъ придется вернуться при разсмотрѣніи средствъ передвиженія; есть еще и другіе, обусловленные произведеніями почвы, но она могутъ перемѣнять мѣсто вмѣстѣ съ этими произведеніями, если послѣднія вывозятся или развозятся въ другихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, трубка для табаку, первоначально извѣстная лишь въ одной части Америки, получила громадное распространеніе, между тѣмъ какъ другіе продукты пользованія, вмѣстѣ съ принадлежащей къ нимъ утварью, повидимому, надолго останутся въ извѣстныхъ границахъ. Часть мѣстныхъ предметовъ утвари нельзя, впрочемъ, помѣстить въ опредѣленную группу, но здѣсь мы снова можемъ вернуться къ той основной чертѣ человѣческаго характера, которою объяснялась и неполнота распространенія оружія, — къ неспособности воспринять и овладѣть болѣе, чѣмъ ограниченнымъ,

числомъ представленій и воплотившихся идей въ области матеріальной культуры, называемыхъ оружіемъ и орудіемъ.

Очки эскимосовъ и др. полярныхъ народовъ — чисто-полярный снарядъ, щель котораго защищать глаза отъ ослѣпительнаго блеска свѣта. Это — деревянный, рѣдко костяной или сдѣланный изъ вѣлика аппаратъ, прикрывающій глаза на подобіе полумаски, сидящей на носовомъ хрящѣ и прикрѣпленной завязками къ ушамъ. Обыкновенно отверстія для глазъ — лишь узкія щели, иногда болѣе широкія дыры, или одна продольная щель; въ исключительныхъ случаяхъ очки бываютъ составлены изъ отдѣльныхъ кусковъ для каждаго глаза и соединены на носу третьимъ кускомъ. Въ Сибири эти очки другого

Головная сканья изъ западной Нѣмецкой Нов. Гвиней.

сорта: «Многіе, желающіе сохранить свое лицо, — пишетъ Штеллеръ о жителяхъ Камчатки, — носятъ передъ глазами нѣчто вродѣ сита, сплетенныхъ изъ лошадиного волоса или березовой коры; русскіе называютъ ихъ наглазниками и заимствовали у бурятъ, тунгузовъ и якутъ; эти ипородцы носятъ подобныя сита изъ серебра и мѣди, подбитыя сукномъ».

Для совершенно другой мѣстности характерны шипцы, которые сомалы носятъ всегда съ собой для извлеченія изъ ногъ шиповъ, что необходимо каждую минуту въ степныхъ мѣстностяхъ, изобилующихъ зарослями съ острыми шипами. Далѣе, всюду особенно велико число охотничьихъ и рыболовныхъ снарядовъ, назначенныхъ для ловли опредѣленныхъ, лишь мѣстами распространенныхъ животныхъ, или орудія, употребляемыя при обработкѣ отдѣльныхъ растительныхъ веществъ, которыя не всюду встрѣчаются; колотушка для саго, на примѣръ, ограничи-

вается естественно мѣстомъ произрастанія саговой пальмы, т. е. восточными островами Индійскаго океана и частью Меланезіи; оригинальные ножи для выпусканія сока для пальмоваго вина—отдѣльными тропическими странами; терка для маниока—также болѣе теплыми мѣстностями земли. Всѣ эти вещи, какъ бы ни были онѣ полезны, не могутъ имѣть дальнѣйшаго развитія у культурныхъ народовъ, которые, повидимому, всегда будутъ имѣть главное свое мѣстопробываніе въ умѣренномъ поясѣ.

Шейная подпорка племени бонго (государство Конго).

Другіе снаряды имѣютъ и будутъ имѣть лишь неполное распространеніе помимо прямыхъ мѣстныхъ причинъ. Въ особенности одинъ снарядъ, очень распространенный у дикарей и полукультурныхъ народовъ, не появляется въ культурныхъ владѣніяхъ европейцевъ, повидимому, лишь потому, что этому противодействуютъ извѣстныя жизненные привычки, лишь косвенно зависящія отъ климата. Это—шейная или головная подпорка, маленький, на подобіе скамейки, снарядъ, подставляющійся при снѣ на полу, подъ шею, такъ что голова лежитъ высоко, а между тѣмъ прическа не мнется. Европейцы не спятъ на землѣ—отчасти вслѣдствіе прохладнаго климата и не привыкли дѣлать причесокъ на цѣлую недѣлю.

Шейная подпорка имѣетъ самыя различныя формы, часто разукрашенныя съ большимъ искусствомъ. Можно отличить два главныхъ типа—удлиненную, скамьеобразную (см. рис. стр. 499), которая въ самомъ своемъ простомъ видѣ состоитъ изъ круглаго чурбана, покоющагося на четырехъ ножкахъ, или круглая, на подобіе ножной скамейки (рис. прил. стр.), гораздо меньше, едва лишь достаточная для своего назначенія; можно прибавить сюда еще третью форму—японскую—массивный, длинный обрубокъ вродѣ тюфяка, который, впрочемъ, встрѣчается въ еще болѣе упрощенномъ видѣ въ отдѣльныхъ мѣстахъ Полинезіи.

Шейная подставка изъ Замбези (Юго-Восточная Африка).

Распространеніе главныхъ формъ не заключено въ границахъ народностей, такъ какъ въ Новой Гвиней мы встрѣчаемъ одинаково обѣ первыя формы, а въ Южной Африкѣ кафры употребляютъ удлиненную шейную подпорку сѣвернѣе же преобладаетъ круглая. Всего богаче украшены головныя подпорки жителей Новой Гвиней (см. рис. стр. 499), проще—у полинезийцевъ. Это явленіе повторяется почти на всѣхъ предметахъ матеріальной культуры.

Многимъ снарядамъ культурныхъ народовъ соотвѣтствуютъ совершенно одиноко стояшіе ихъ представители у болѣе первобытныхъ народовъ, причемъ невозможно прослѣдить непосредственную ихъ связь. Сюда принадлежатъ деревянная вилка о трехъ зубцахъ жителей острововъ Фиджи, употреблявшаяся лишь при пожираніи челоувѣческаго мяса; быть можетъ, это изобрѣтеніе обязано своимъ происхожденіемъ боязни дотрагиваться руками до пищи, что напомнило бы многочисленные табуистическіе обычаи Южнаго Океана, во никакъ не простое чувство чистоплотности и приличія, которое является лишь у культурныхъ народовъ, какъ сильный тормазъ первобытной свободѣ. Но все же у первобытныхъ народовъ встрѣчаются иногда предметы, служащіе въ цѣляхъ чистоплотности, какъ примитивныя зубныя щетки и гребенки, даже иногда такіе предметы, которые не встрѣчаются даже у европейцевъ, напр., носовыя и ушныя ложечки у кафровъ. Палочки для ѣды у китайцевъ распространились у сосѣднихъ народовъ Восточной Сибири, но встрѣчаются также мѣстами въ Новой Гвиней.

Головная скамейка зулусовъ (Южная Африка).

Напротивъ того, совершенно отдѣльно стоятъ удивительныя деревянные трубки для питья (см. прил. рис.) или снарядъ для поддержки усовъ у аиновъ, не допускающій усы при питьѣ попадать въ жидкость. Другіе снаряды отпадаютъ при развитіи культуры, такъ какъ ихъ помощь уже не пужна; такъ, напр., стали излишними при ружьяхъ пороховница, помполъ и пистоны. Такими же вспомогательными средствами можно назвать странные деревянные костыли для опоры монбутовъ, которые ставили у сѣдалища и замѣняли ими спинку стульевъ, приколоченную у насъ накрѣпко. Еще распространеннѣе подставки для горшковъ, необходимыя всюду, гдѣ изготовляютъ горшки съ выпуклымъ дномъ, что, очевидно, возвращаетъ въ подражанію естественнымъ образцамъ—круглымъ скорлупамъ плодовъ и тыквамъ; эти подставки могутъ быть простыми плетеными или деревянными кольцами, но при случаѣ развиваются въ красивые треножники или замѣняются сѣткой и петлей, на которыхъ подвѣшиваютъ

Деревянная трубочка для питья племени агено (Восточная Азія).

и носить горшки. Имъ родственны другія подставки для горшковъ, употребляемыя при варкѣ на открытомъ огнѣ.

Для нѣкоторыхъ снарядовъ практическая цѣль, которой они служатъ иногда и у культурныхъ народовъ, явилась не первичной, а лишь вторичной, такъ какъ у первобытныхъ народовъ они имѣютъ совершенно другой смыслъ. Сюда принадлежатъ ходули, служація въ Европѣ и въ Восточной Азій для перехода черезъ болота; у перво-

бытныхъ народовъ онѣ прежде всего употребляются замаскированными танцорами, которые съ ихъ помощью умѣютъ придать своей фигурѣ страшный ростъ. Эти танцы въ маскахъ вполнѣ принадлежатъ, какъ мы увидимъ въ другихъ мѣстахъ этой книги, къ области мистики и социальнаго раздѣленія на классы и касты. Тамъ, гдѣ этотъ обычай выходитъ изъ употребленія, ходули все же остаются въ видѣ игрушекъ, какъ на Маркизскихъ островахъ. И соломинка, черезъ которую житель большихъ городовъ всасываетъ въ наше время свои изысканныя напитки, имѣетъ своего предшественника въ трубкѣ для всасыванья (см. прил. рис.); эта послѣдняя, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обязана своимъ происхожденіемъ мистическимъ взглядамъ. Положимъ, что житель Квена, высасывающій яйцо съ помощью трубки, или эскимось, пьющій черезъ трубочку талую воду (см. рис. стр. 503), собирающуюся весной подъ снѣгомъ, не соединяютъ съ этимъ никакихъ идей; но когда мы видимъ, какъ сообщаетъ Морисъ, что у западныхъ тиенэ достигшая совершеннолѣтня дѣвушка, обязанная жить нѣкоторое время отдѣльно, можетъ пить въ этотъ періодъ только черезъ трубку, — здѣсь, навѣрно, лежитъ въ основаніи мистическое воззрѣніе. Тѣ жители Новой Зеландіи, на которыхъ наложено табу, умѣютъ избѣгать прикосновенія къ сосуду съ напиткомъ безъ помощи какого-либо снаряда, подвѣсившая сосудъ высоко и заставляя воду дугой течь прямо въ ротъ.

Но большую часть утвари съ одинокими представителями составляетъ группа, имѣющая отношеніе къ различнымъ продуктамъ, служащимъ для наслажденія народовъ; спорадическое распространеніе этихъ продуктовъ есть, слѣдовательно, главная причина явленія, но въ свою очередь и оно представляетъ проблему, не легко разрѣшимую двумя словами. Почему жеваніе бетеля и питье кавы ограничено немногими мѣстами и не распространяется? Почему семитическая группа

Трубка для всасыванья племени ваганда (Вост. Африка).

народовъ, склонности которой Магометъ возвелъ въ законы, пренебрегаетъ алкоголемъ и съ энтузіазмомъ приняла табакъ и кофе? Почему можно раздѣлить Европу на страны, гдѣ пьютъ или чай, или кофе, или шоколадъ? Почему восточный азіатецъ убиваетъ себя опиумомъ, который въ Европѣ не приобретаетъ права гражданства, какъ продуктъ наслажденія? Почему куреніе конопли господствуетъ лишь въ строго-ограниченныхъ мѣстностяхъ? Это такъ же мало объясняется привычкой, вызывающей къ національнымъ удовольствіямъ нѣчто вродѣ наследственной склонности, какъ и климатомъ или древнимъ закономъ, что лучше — врагъ хорошаго, что, слѣдовательно, алкоголь побуждаетъ опій и каву. Здѣсь должны вліять болѣе тонкія душевныя настроенія, въ послѣднемъ примѣрѣ вытекающія, правда, изъ мѣстныхъ условій. Нельзя отрицать, что въ борьбѣ за существованіе нѣкоторые прежніе продукты удовольствія исчезаютъ, какъ, напр., священный

Трубка для питья у эскимосовъ.

Табачная трубка тлинкитовъ изъ шифера (Аляска).

Табачная деревянная трубка племени тлинкитовъ (Аляска).

напитокъ изъ сомы у восточныхъ арійцевъ, другіе же мало-по-малу завоевываютъ почву, какъ, напр., прежде всего табакъ. Но и удовольствію отъ употребленія табака служатъ снаряды, которые не всюду вновь появляются: обычай нюхать табакъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ куреніе, поэтому и табакерка, которая, особенно въ Южной Африкѣ, имѣетъ очень красивыя формы, распространена въ ограниченномъ числѣ мѣстностей, а еще менѣе распространена трубочка для нюханья южно-американскихъ народовъ, посредствомъ которой нюхальщики сами себѣ или взаимно вдвуютъ мелко истертый табакъ въ носъ.

Приборы, употребляемые для приготовленія и потребленія только что упомянутыхъ мѣстныхъ наркотическихъ или возбуждающихъ веществъ, встрѣчаются, конечно, только въ соответствующихъ мѣстностяхъ; большія деревянные чашки для приготовленія кавы, въ которыхъ жеваный корень, *Piper methysticum*, мѣшаютъ съ водой

не распространяются дальше Полинезии и Меланезии; бамбуковые, тыквенные и деревянные баночки, в которых жуящий бетель носит необходимую для приема известь, принадлежать только поясу, обитаемому индийскими и малайо-полинезийскими расами; область распространения трубки для опия, с принадлежащими къ ней баночками, скляночками, щипчиками, лампочками и т. д., ограничивается странами восточно-азиатской культуры и соседними; трубка для конопли встречается преимущественно въ Аравии, восточной и средней Африкѣ. И снарядъ для процѣживания пива—вполнѣ африканское произведение, присущее классической странѣ прославленного пива.

Табачная трубка, напротивъ того, стала почти универсальной утварью человѣчества и самостоятельно распространилась даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ познакомились съ табакомъ лишь черезъ посредство европейцевъ. Простыя «естественныя трубки», какъ банановая жила съ посаженнымъ на нее свернутымъ листомъ, или даже дыры въ землѣ, въ которыхъ жгутъ табакъ и вдыхаютъ дымъ черезъ отверстіе, встрѣчаются, напримѣръ въ Африкѣ рядомъ съ самыми художественными формами. Много разъ фантазія работала именно надъ украшеніемъ трубки которая какъ утварь, служащая не простой лишь необходимости, сама по себѣ возбуждаетъ къ художественному исполненію; но фантазія скоро ограничивается установленнымъ или быстро окаменѣвшимъ предѣломъ, такъ что теперь, какъ совершенно вѣрно утверждаетъ Вардъ, каждое племя въ странѣ Конго обладаетъ своей собственной характерной формой трубки. Это не мѣшается, конечно, тому, что отдѣльныя формы опять—таки имѣютъ безчисленныя варіаціи, какъ мы видимъ въ особенности по великодушнымъ трубкамъ бали въ нижней части Камеруна, а еще болѣе по трубкамъ тлинкитовъ въ Аляскѣ (см. рисунки стр. 503). Такимъ образомъ для человѣка, изучающаго развитіе стила, именно трубки имѣютъ громадную цѣну, такъ какъ тутъ имѣешь дѣло,—не говоря объ Америкѣ,—со сравнительно новыми формами, легко наблюдаемыми въ ихъ измѣненіяхъ. Впро чемъ, почти всѣ трубки для куренія табаку состоятъ изъ двухъ, иногда изъ трехъ главныхъ частей—головы, чубука и часто еще особеннаго мундштука. Голова обыкновенно дѣлается изъ глины, но бываетъ, какъ, напримѣръ, у только-что упомянутыхъ тлинкитовъ, изъ дерева или шифера, въ Африкѣ даже изъ желѣза; знаменитыя «трубкимира» сѣверо-американскихъ индейцевъ вырѣзались изъ мягкаго камня, добываемаго спеціально для трубокъ. Но иногда они дѣлались и изъ глины.

Несмотря на широкую область распространения трубки, она, какъ служащая для удовольствія, съ которымъ нельзя связать никакого прогресса, неспособна къ развитію и преобразованію. Въ противоположность ей и другимъ родственнымъ снарядамъ стоятъ

другіе; въ нихъ, сначала въ простѣйшей и неуклюжей формѣ, воплощается великій принципъ, къ которому человѣчество снова и снова принуждено вернуться. Во главѣ этихъ простыхъ и все же богатыхъ будущностью снарядовъ стоитъ палка для копанья; она еще сегодня, какъ главное орудіе въ рукахъ скитальческихъ народовъ, исполняетъ свою работу, какъ исполняла ее и прежде и повсюду въ первобытныя времена развитія человѣчества.

Луи Нуарэ, опираясь на изслѣдованія Гейгера, старался доказать въ своей остроумной книгѣ объ орудіяхъ, что древнѣйшіе корни языка указываютъ на то, что копанье и рытье дали толчокъ къ первымъ кореннымъ словамъ. Гейгеръ заключилъ изъ этого, что видъ дрягающаго ногами и роющагося животнаго былъ первымъ переложеннымъ въ звуки впечатлѣніемъ; Нуарэ гораздо правильнѣе относитъ эти первобытныя слова къ дѣятельности самого человѣка, къ первымъ общимъ работамъ человѣческихъ группъ. Но когда онъ идетъ дальше и называетъ первой дѣятельностью копанье земляныхъ пещеръ, а первымъ орудіемъ—острый камень, мы можемъ убѣдиться въ односторонности этого воззрѣнія, бросивъ взглядъ на первобытныхъ народовъ настоящаго времени. Не мѣшается постоянно повторить, что доисторическіе остатки, съ естественнымъ преобладаніемъ въ нихъ неразрушимыхъ каменныхъ орудій, даютъ совершенно ложную картину дѣйствительнаго состоянія культуры первобытныхъ временъ: камень, въ большинствѣ случаевъ, есть укрѣпленіе деревянныхъ снарядовъ, которые и безъ него возможны и дѣйствительно существовали, но, конечно, не пережили тысячелѣтій. Нуарэ самъ опредѣляетъ первобытныя снаряды, какъ острое, двумя руками управляемое орудіе, и благодаря только ложной перспективѣ рѣшаетъ, что этимъ орудіемъ былъ клинообразный камень, а не заостренная палка для копанья. Но эта первая ошибка вела за собою другую: копанье земли острыми камнями, для устройства болѣе просторныхъ земляныхъ жилищъ, могло случаться при извѣстныхъ обстоятельствахъ, но первое желаніе рыться въ землѣ возникло просто изъ потребности питанія, какъ это доказываютъ дикари; даже тамъ, гдѣ вовсе не приходится въ голову копать пещеры для жилищъ, роются прилежно въ землѣ посредствомъ острой палки, чтобы достать клубни и корни или добыть зарывшихся животныхъ. Острая палка—самое простое, а также самое равное усиленіе копающей руки. Конечно, въ теоріи нельзя ничего возразить противъ того, что острый камень служилъ орудіемъ копанья, и въ дѣйствительности оно могло довольно часто случаться и еще случается; но настоящимъ, сознательно примененнымъ къ этой цѣли орудіемъ появилась прежде всего палка. Что это, впрочемъ, не было случайно, можно видѣть изъ ежедневнаго опыта; если кто когда-нибудь пональ въ такое поло-

женіе, что ему нужно выкопать изъ земли растеніе безъ садовыхъ инструментовъ, онъ охотнѣе поищетъ для этой цѣли острую палку, чѣмъ камень.

Въ настоящее время представляется еще много случаевъ изучить палку для копанья, какъ орудіе. Мы упомянули еще раньше, что она—излюбленный рабочій инструментъ женщины, которая съ ея помощью добываетъ растительную пищу или маленькихъ животныхъ, въ то время какъ мужчина доставляетъ свою долю жизненныхъ припасовъ охотничьимъ оружіемъ. Туземцы Средней Австраліи имѣютъ, по показаніямъ Спенгера и Гиллера, лишь два снаряда, изъ которыхъ одинъ есть нѣчто вроде корыта изъ легкаго дерева. «Другой единственный снарядъ въ распоряженіи женщины есть такъ называемая простая палка или, вѣрнѣе сказать, конь для копанья. Самая обычная его форма ничего болѣе, какъ прямая, на одномъ или на обоихъ концахъ заостренная деревянная палка такой длины, чтобъ удобно было ее носить въ рукѣ и копать землю. При работѣ женщина держитъ обыкновенно палку правой рукой за самый нижній конецъ, и поочередно то толкаетъ ее въ землю, то лѣвой рукой отбрасывая прочь разрыхленную землю, копаетъ съ неизвѣстной быстротой въ глубину. Въ мѣстностяхъ кустарниковыхъ лѣсовъ, гдѣ водятся медовыя муравьи, составляющіе любимое кушанье туземцевъ, можно видѣть цѣлыя поля взрытаго твердаго песку только съ помощью палокъ женщинъ, которыя роютъ насѣкомыхъ, пока, накопецъ, все мѣсто принимаетъ видъ поля, брошеннаго золотопромышленниками послѣ долгихъ поисковъ золота. Часто употребляется, какъ лопата, маленькое корытце—питхи, чтобъ выбрасывать землю, если дорылись слишкомъ глубоко, чтобъ это дѣлать просто рукой,—такъ какъ женщина роется все глубже и глубже, достигая иногда семи и болѣе футовъ глубины. Дѣти, конечно, сопровождаютъ женщинъ, и какъ только они въ состояніи ползать взадъ и впередъ, начинаютъ подражать дѣятельности матери. Часто въ кустарникахъ можно увидѣть женщину, роющуюся за муравьями и ящерицами, а рядомъ съ нею копаетъ ребенокъ своей крошечной палочкой и беретъ первый урокъ той работы, которая будетъ, если ребенокъ дѣвочка, его главнымъ занятіемъ въ жизни». Такимъ же способомъ, по свидѣтельству Гальтона, копаютъ гереро и бушмены. Послѣдніе иногда улучшаютъ орудіе, дѣлая верхній конецъ тяжелѣе посредствомъ пробуравленнаго камня, а у племенъ тиннэ, въ Сѣверной Америкѣ, оно имѣетъ форму т, слѣдовательно; управляется на подобіе заступа обѣими руками. Настоящій переходъ къ заступу представляетъ палка для копанья у Маори, которая снабжена выдающимся суконъ у острія; въ этотъ сукъ упираются ногою при копаньи.

Новозеландская палка употреблялась не только для выкапыванія

изъ земли любимыхъ корней дикаго папоротника, но была также настоящимъ земледѣльческимъ орудіемъ, слѣдовательно, на пути къ преобразованію въ новыя формы и для новыхъ цѣлей. Такъ какъ можно считать доказаннымъ, что обрабатываніе полей было придумано женщинами, какъ естественное развитіе ихъ пріобрѣтательной дѣятельности, то и палка для копанья, древнѣйшее орудіе и отличіе женщины, является первымъ земледѣльческимъ орудіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она и теперь, въ неизмѣнной формѣ служить новымъ задачамъ: на Новыхъ Гебридахъ, напримѣръ, племена внутри страны ведутъ чисто-усваивающее хозяйство, и палка для копанья служить здѣсь исключительно для выкапыванія корней и

Кабальскій земледѣлецъ (Сѣв. Африка).

личиннокъ; но у побережья, гдѣ знакомы съ воздѣлываніемъ полезныхъ растеній, женщины, какъ сообщаетъ Соммервиль, разрыхляютъ той же палкой землю своихъ плантацій.

На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія палку вытѣсняетъ прежде всего кирка, основанная на другомъ принципѣ, но за симъ палка, этотъ первобытный инструментъ, находится снова въ чести въ новой формѣ развитія и придаетъ цѣлой хозяйственной ступени характерный отпечатокъ: въ плугѣ, который первоначально былъ лишь острый кусокъ дерева, тащимый людьми и быками и поддерживаемый въ наклонномъ положеніи человеческой рукой (см. прил. рис.) празд-

нует палка для копанья свое возрожденіе; даже современный паровой плугъ, съ исполинской силой распластывающій землю, есть лишь знатный потомокъ скрожного орудія, посредствомъ котораго австралийки роются въ бесплодной землѣ своей родины въ поискахъ за корнями и насѣкомыми.

И заступъ можно считать преобразованиемъ палки для копанья, — только въ этомъ случаѣ выступаетъ вмѣсто роющаго острія широкій рѣзакъ. Если мы, наконецъ, вспомнимъ, что цѣлый арсеналъ оружія, а прежде всего палица и копье, съ ихъ безчисленными отклоненіями, имѣетъ своимъ началомъ простую, заостренную палку, тогда это дѣтское, простое орудіе является почтеннымъ праотцемъ почти необозримаго потомства новыхъ, важныхъ формъ.

Другой зародышъ безконечнаго развитія представляетъ остроугольный каменный осколокъ, который можно назвать первобытной формой ножа. Первоначально это есть средство разрушенія, оружіе, въ основаніи котораго лежитъ простой и потому всюду примѣнявшійся принципъ, проявляющійся уже въ рѣзцахъ (зубахъ) и ногтяхъ, принципъ раскалыванія и разрѣзанія предмета съ помощью клинообразнаго лезвія; если палка для копанья представляетъ самое раннее и простое примѣненіе укола въ культурной работѣ и въ бою, то ножъ есть такое же примѣненіе рѣзанья. Кромѣ осколковъ твердыхъ камней, употреблялись, какъ первобытные ножи — раковины, осколки костей и роговъ и зубы животныхъ, которые сами подвергались подъ руку. При чрезвычайной важности ножа для всей человѣческой дѣятельности, существованіе такого прекраснаго матеріала для ножа, какъ обсидіанъ древнихъ мексиканцевъ (см. рис. стр. 451), можетъ дать цѣлой культурѣ свой отпечатокъ.

Какъ всѣ ручныя орудія, ножъ имѣетъ даже въ самой своей простѣйшей формѣ двѣ главныхъ стороны, изъ которыхъ одна — лезвіе, дѣйствующее на обрабатываемый предметъ, другая же во время работы крѣпко держится рукой. Отсюда легко заключить, что требуется обѣ стороны сдѣлать удобнѣе для ихъ цѣлей: дѣйствующую сгладить и заострить, ручку же, напротивъ, освободить отъ всѣхъ неровностей и рубцовъ, но оставить ей немного жесткую поверхность, дабы она крѣпче держалась въ рукѣ. Такой видъ имѣютъ многочисленные ножи изъ кремня. Мало-по-малу обѣ стороны развиваются въ отдѣльныя части, образуется рукоятка, допускающая болѣе сильное и вѣрно охватываніе рукой; но она также проходитъ дальнѣйшія степени развитія, пока не отвѣтитъ вполне своей цѣли. Сначала она представляетъ изъ себя лишь укрѣпленіе стороны, обращенной къ рукѣ, такъ что подобный ножъ нѣсколько похожъ на нашъ сложный карманный ножъ, только мы должны себя представить острую сторону сложенаго лезвія снаружи. Еще и теперь употребляются

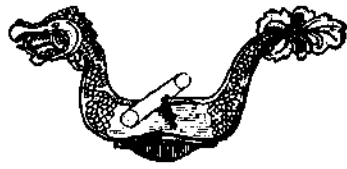
ножи такой формы, между прочимъ, у эскимосовъ, улу или женскій ножъ, о которомъ подробно сообщаетъ Массонъ. Здѣсь стоитъ привести нѣкоторыя его заключенія, такъ какъ они объясняютъ какъ тѣсную связь этнографическихъ формъ съ естественными данными страны, такъ и вообще важность изученія подобныхъ предметовъ. «Женскій ножъ, — пишетъ онъ, — встрѣчается во всей области, занятой эскимосами, отъ Лабрадора до Кадіака. Нѣкоторыя части этого полярнаго пояса были долго подъ влияніемъ миссіонеровъ, торговцевъ и рыбаковъ, и можно удостовѣрить участіе послѣднихъ въ созданіи формъ улу. Но перемежное употребленіе шифера и кремня для лезвіевъ предписано естественными условіями — имѣніемъ въ наличности этихъ матеріаловъ по соседству. Конечно, нужно принимать во вниманіе возможность торговли, но при большомъ количествѣ подобныхъ орудій, если ихъ распредѣлить по матеріалу, мѣстныхъ формы трудно смѣшать съ другими. Но даже если эта попытка не удастся, изслѣдователю придетъ на помощь изученіе рукоятки. Если она изготовлена изъ отростка оленьихъ роговъ, — значитъ мы находимся въ области досей и оленей. Въ мѣстности близъ Гудсонова залива многія рукоятки сдѣланы изъ рога мускуснаго быка, что можетъ часто встрѣчаться лишь тамъ, гдѣ это животное водится массами, и наоборотъ, — по роговымъ рукояткамъ можно судить о присутствіи въ мѣстности мускуснаго быка. Рукоятки изъ моржевыхъ клыковъ не только указываютъ на существованіе въ данной мѣстности моржей, но въ большой коллекціи, какъ, напр., коллекція въ Вашингтонѣ, можно заключить по количеству такихъ рукоятокъ о распространеніи моржа и о легкости охоты за нимъ. Большое число деревянныхъ рукоятокъ на югѣ Аляски довольно ясно доказываетъ, что дерево въ этихъ мѣстахъ встрѣчается чаще, чѣмъ въ другихъ».

Ножи съ рукояткой, въ длину которой вставлено лезвіе (см. рис. стр. 510), встрѣчаются въ отдѣльности и у культурныхъ народовъ, какъ, напр., сѣчка и рѣзка или инструментъ кожевниковъ; но въ общей массѣ они уступили мѣсто новѣйшей формѣ, въ которой только одинъ конецъ удлиненнаго ножа вставляется въ рукоятку, другой же заостренъ и можетъ служить колющимъ орудіемъ. Это измѣненіе вызвала не только техника металловъ, такъ какъ и каменные ножи находятъ съ такой придѣланной рукояткой, но все же техника рѣшила побѣду этой придѣлки. Какъ мирное орудіе, металлическій ножъ бываетъ болѣею частью заостренъ съ одной стороны, такъ что при надобности рука можетъ непосредственно надавить на тупую сторону; ножъ, какъ оружіе, всегда обоюдоострый и съ острымъ концомъ.

Въ близкомъ родствѣ съ ножомъ и въ первобытной формѣ мало отъ него отличается скобель, принадлежащій также къ группѣ нѣ-

когда необходимых и во всех руках находящихся инструментов. Теперь онъ употребляется лишь при некоторыхъ техническихъ производствахъ. Чего только не нужно было скоблить и обдирать въ первобытные времена! Кто хотѣлъ выдѣлать мѣхъ или отдѣлать жесткое мясо отъ кожи, приготовить для варки твердые корни, очистить кости или сгладить дерево—нуждался въ скобелѣ; даже ночь съ тѣла часто соскребали этимъ орудіемъ.

Другой родственный ножу инструментъ—рѣзецъ служить также,

Рыба сараваловъ (Борнео).

Камень для растиранія красокъ. изъ Уро Верильи. Адамани (Западный Суданъ).

по своей клинообразной формѣ, для раскалыванія, но преимущественно употребляется въ помощь молотку. Между каменной утварью первобытной Европы встрѣчаются очень часто каменные рѣзцы. Каменная пила представляетъ рядъ прикрѣпленныхъ пожей; ее много разъ находили въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи; у первобытныхъ народовъ настоящаго времени встрѣчаются рядомъ съ ней и естественныя пилы, представляемыя, въ особенности, рыбой челюстью, усаженой зубами. Близко къ пиламъ стоятъ терюги и напилки, пред-

Иголки для вышиванія проволоки изъ Букоба (Вост. Африка).

Напилочекъ изъ рыбьей кости, наклеенный на дерево (Борнео).

почитаемымъ матеріаломъ для которыхъ служатъ въ Полинезій особенные шероховатые кораллы, а на островахъ Индійскаго океана—рыбная кожа; въ болѣе развитыхъ формахъ они съ успѣхомъ замѣняютъ неуклюжіе скребки и полировальные камни, которыми, съ помощью воды и песка, сглаживали неровности орудій и утвари.

Всѣ орудія, хотя бы по первоначальной формѣ близко стояшія къ ножу, раздѣляютъ съ нимъ то свойство, что до открытія металловъ они охотнѣе всего изготовлялись изъ камня. Утонченная форма ножа—ножницы, появившаяся впервые въ бронзовый вѣкъ, могли возникнуть вообще лишь съ открытіемъ техники металловъ, такъ

же, какъ шипчики и клещи (см. рис. стр. 510). Другіе матеріалы обнаружили свои особенности въ другихъ орудіяхъ: кости и рога, которые мягче и эластичнѣе, чѣмъ всѣ камни, и поддаются болѣе тонкой отдѣлкѣ, одержали побѣду въ видѣ игловокъ и пила, пока и въ этой области всѣ матеріалы были вытѣснены металлами. Эластичность металлической иглы проявляется самымъ блестящимъ образомъ въ булавкѣ для прикалыванія или фибулѣ, этой знаменитой главной находкѣ во время раскопокъ доисторическихъ предметовъ.

Камень служилъ съ давнихъ поръ еще для растиранія, размалыванія и толченія; и до нашихъ временъ для этихъ цѣлей преобладаетъ первоначальный матеріалъ; еще теперь существуютъ каменные чашки для растиранія (см. рис. стр. 510), еще теперь вертятся на мельницахъ тяжелые каменные цилиндры и растираютъ между своими жесткими поверхностями зерно, хотя бы ими управляли вода, вѣтеръ или паровая сила вмѣсто человеческой руки, которая до сихъ поръ вертитъ жернова въ Африкѣ. Эти жернова африканскихъ банту не просверлены; лишь болѣе культурные народы изобрѣли просверленный камень, который сначала вертѣла человеческая рука, а лишь гораздо позднѣе—вѣтеръ и вода. Во многихъ нѣмецкихъ сагахъ звучитъ отголосокъ суевѣрнаго страха передъ неприятно хлопающей и шумящей мельницей, принудившей къ тупой работѣ свободныя поды ихъ съ русалками и эльфами, и въ стѣнахъ которой гнѣздится всякая чертовщина.

Одна изъ величайшихъ проблемъ, которую слова и слова и все на разные лады старалось рѣшить человечество, есть скрѣпленіе камня съ деревомъ для центробѣжныхъ орудій, называемыхъ, смотря по виду камня и своей цѣли, топорами, кирками, сѣкирами и молотками. Что удлиненіе руки палкой увеличиваетъ силу, было однимъ изъ первыхъ опытовъ, приобретенныхъ человекомъ; это легко вызвало мысль о желательности подобной прибавки силы увеличить цѣлесообразность каменнаго орудія. Но выполнение имѣло свои трудности, такъ какъ дѣло шло не о слабомъ прикрѣпленіи камня къ палкѣ, а о плотной связи, допускающей разбивать орудіемъ устойчивыя матеріалы, причемъ бы оно само не разлетѣлось на свои составныя части.

Путь развитія былъ отчасти намѣченъ тѣмъ, что еще до изобрѣтенія каменнаго топора употребляли, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстностяхъ земли, деревянную кирку, которая, впрочемъ, и въ настоящее время кое-гдѣ встрѣчается. Деревянную кирку можно считать улучшеніемъ палки для копанья, прибавляющимъ къ работѣ копанья еще центробѣжную силу руки. Быть можетъ, это изобрѣтеніе, заключающее въ себя новую и при этомъ въ высшей степени плодотворную мысль, не было бы такъ легко сдѣлано, если бы въ

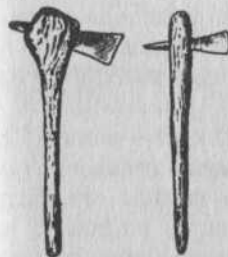
какломъ древесномъ сукѣ съ отходящимъ отъ него подъ угломъ боковымъ сукомъ не существовала первоначальная форма кирки, которая и сохранилась впоследствии и лишь совершенствовалась прибавлениями; рукоятка и клинокъ, эти главные части всякаго топора и кирки, здѣсь естественно и потому чрезвычайно прочно связаны. Деревянная кирка, въ простѣйшей формѣ, мыслима лишь, какъ орудіе для взрыхленія земли и еще, какъ орудіе: «клинокъ» или выдающийся сукъ представляетъ изъ себя первоначальную палку для копанья, рукоятка—удлиненіе руки. Новое орудіе допускаетъ, рядомъ съ большею успѣшностью работы отъ силы взмаха, еще болѣе свободное положеніе тѣла работника или, скорѣе, работницы, такъ какъ кирка первоначально принадлежитъ исключительно женской дѣятельности и потому почти навѣрно есть изобрѣтеніе женщины. Только послѣ прибавленія камня и преобразованія колющаго орудія въ рѣзущее, которое стали употреблять для рубки дерева, а также какъ страшное боевое орудіе, кирка, преобразившаяся въ топоръ, перешла въ руки мужчины.

Въ настоящее время только въ небольшой части земного шара живутъ люди, употребляющіе въ дѣло каменные топоры (см. рис. стр. 513) или употреблявшіе ихъ еще недавно; но достаточно взглянуть на эти топоры, чтобы убѣдиться, что различные методы придѣлыванія клинка къ рукояткѣ не могутъ быть строго распределены по мѣстностямъ, но вѣрнѣе, что всюду тщательно испытывались всѣ способы и это привело къ возникновенію разнообразныхъ типовъ. Число формъ топоровъ увеличивается примѣненіемъ къ ихъ изготовленію другихъ матеріаловъ, раковинъ, черепахи и рога для клинковъ, и кости или оленьяго рога (см. рис. стр. 513) для рукоятки. Деревянные кирки, «клинокъ» которыхъ, также деревянный, приставленъ къ рукояткѣ, употребляются еще и теперь во всемъ Тибетѣ.

Простѣйшій способъ прикрѣпленія клинка къ рукояткѣ—въ то же время самый распространенный: прикладываютъ заостренный камень къ выдающейся части обыкновенной изъ древеснаго сука сдѣланной кирки и крѣпко привязываютъ его такимъ образомъ, чтобы острая сторона выступала изъ деревянной подкладки. Такіе топоры употребляются въ большомъ числѣ и теперь въ Новой Гвинее; многія простыя каменные кирки первобытной Европы, вѣроятно, прикрѣплялись такимъ же способомъ. Топоры племени Самоа представляютъ нѣкоторый шагъ впередъ въ томъ отношеніи, что передняя часть деревяннаго выступа, къ которому прикрѣпленъ каменный клинокъ, тоньше задней, такъ что камень упирается въ дерево. Мало употребляется, хотя и встрѣчается кое-гдѣ, способъ раскалывать или выдавливать деревянный выступъ, вставлять клинокъ въ щель и

потомъ все крѣпко перевязывать; по большей части камень слишкомъ толстъ, а дерево слишкомъ тонко, чтобы этотъ способъ прикрѣпленія было удобно примѣнять. Но все же этимъ способомъ вступаютъ на путь новаго улучшенія, которое большею частью достигается иначе.

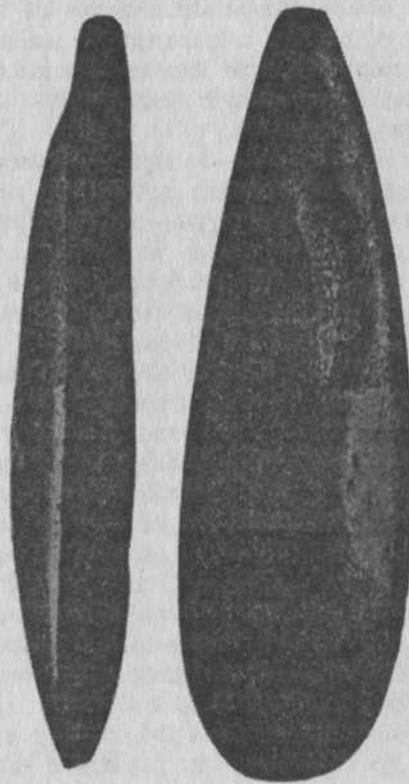
Уже очень рано должны были употребляться вмѣсто деревянныхъ кирокъ оленьяго рога съ выступающими отростками; но обѣ формы

Топоры гаруа, Адаммау (Зап. Суданъ).

Топоръ племени цуни (Сѣв. Америка).

Каменный топоръ изъ Конго (передній и боковой видъ).

соединялись, когда въ деревянную рукоятку вставляли кусокъ оленьяго рога, который, вслѣдствіе своей крѣпости и жесткости, лучше служилъ цѣли, чѣмъ дерево. Въ куски оленьяго рога или кости уже легко вставлялись, при случаѣ, камни. Такимъ образомъ въ доисторическія времена достигли въ Европѣ топора, состоящаго изъ трехъ частей—деревянной рукоятки, промежуточнаго куска рога или кости, вставленнаго въ пробуравленную рукоятку, и, наконецъ, собственно

клинка изъ камня, вдѣланнаго въ промежуточный кусокъ. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Новой Гвинее, достигли такого же улучшения, но болѣе прямымъ путемъ: здѣсь дѣлаютъ промежуточный кусокъ также изъ дерева, въ остальномъ слѣдуютъ тому же принципу. Такъ какъ можно по желанію выбрать и обработать дерево для промежуточного куска, каменный клинокъ вставляется просто въ сдѣланное отверстіе этого куска; но главное преимущество этого составнаго топора заключается въ томъ, что промежуточный кусокъ поворотный и, слѣдовательно, каменный клинокъ можно по желанію поставить отвѣсно или горизонтально. Все орудіе гораздо болѣе покорно человѣческой волѣ, чѣмъ вышеупомянутая простая форма каменнаго топора.

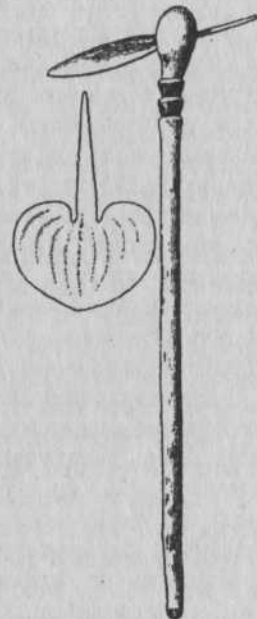
Но проблему—прикрѣпить клинокъ къ рукояткѣ—можно было рѣшить еще другимъ путемъ, на который указывало любимое оружіе первобытной культуры—палица. Главное отличіе палицы отъ палки заключается въ томъ, что конецъ, наносящій ударъ, утолщенъ, черезъ что оружіе приобретаетъ свою раздробляющую тяжесть; если въ этотъ утолщенный конецъ просто вставляется удлиненный камень, мы получаемъ новый типъ топора, для котораго не только не нуженъ промежуточный членъ, но даже отпадаетъ естественный выступъ сука первобытной кирки. Эти топоры-палицы, какъ ихъ можно назвать, имѣютъ преимущество прочности и тяжести, но неудобны для всѣхъ нѣлей, такъ какъ утолщеніе рукоятки, конецъ которой и безъ того выступаетъ всегда надъ мѣстомъ вставленія клинка, мѣшаетъ при многихъ работахъ; къ тому же каменный клинокъ, чтобъ не быть слишкомъ тяжелымъ или слишкомъ тонкимъ, не можетъ быть очень длиннымъ. Последнее неудобство избѣгается, правда, тѣмъ, что форму топоръ-палица сливаютъ съ составной формой, вставляя каменный клинокъ сначала въ промежуточный кусокъ, а потомъ послѣдній въ головку палицы. Такія формы встрѣчаются также въ Новой Гвинее, простой топоръ-палица—въ Меланезіи, на Огненной Землѣ и во многихъ другихъ земляхъ.

До сихъ поръ мы разбирали случаи, когда клинокъ вставляется въ рукоятку; многими окольными путями достигаютъ новаго рѣшенія вопроса—пробуравить клинокъ и въ отверстіе вставить рукоятку. Что этотъ послѣдній, лучший способъ, не вытѣснилъ предыдущіе,—даже мѣстами, какъ въ Полинезіи, остался неизвѣстенъ или забытъ, зависитъ, быть можетъ, менѣе отъ трудности буровленія камней, чѣмъ отъ хрупкости и ломкости большинства каменныхъ породъ: тонкіе, остро-отточенные клинки само собою невозможно пробуравить, и вообще топоры и молотки съ дырой не такъ удобны и прочны, какъ можно было ожидать. Даже тамъ, гдѣ практикуется буровленіе камней, примѣняютъ эту технику часто въ другомъ видѣ

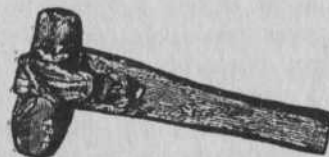
для прикрѣпленія каменныхъ клинковъ, улучшая этимъ особенную форму топоровъ. Въ Австраліи и теперь встрѣчаются топоры, клинокъ которыхъ или просто вставляется въ узкое отверстіе въ рукояткѣ, или прикрѣпленъ къ концу ея посредствомъ клейкихъ веществъ и связыванія, такъ что получается нѣчто вродѣ обоюдоостраго оружія (см. прилагаемый рис.) При этомъ часто приходится наблюдать, что въ камень пробуравлена одна или двѣ маленькихъ дырочки, черезъ которыя протягиваются завязки; въ Австраліи, въ

Топоръ эскимосовъ изъ кости и камня.

Желѣзная кирка изъ Уніамвези (Вост. Африка).

Молотокъ эскимосовъ.

Новой Каледоніи и въ Сѣверо-Западной Америкѣ нерѣдко встрѣчаются такіе топоры. Въ противоположность имъ, слѣдуетъ упомянуть о молоткахъ чукчей и эскимосовъ (см. прил. рис.); въ нихъ пробуравливается не камень, а рукоятка, на верхнемъ же краю камня есть впадина, въ которой держится шнуръ завязки.

Къ непробуравленнымъ клинкамъ, сидящимъ на рукояткѣ, принадлежатъ и индійскіе каменные молотки или топоры (томагавки), которые иногда связаны съ рукояткой частой плетенкой, остающейся свободными оба конца клинка, или кожаными чехломъ. Но обыкновенно эти клинки имѣютъ круговую борозду для удержанія завязки и похожи на доисторическіе сѣверо-американскіе каменные

топоры, для которыхъ характеристична эта борозда, снабженная иногда выступающими краями. Некоторые каменные молотки даяковъ имѣютъ рукоятку, оканчивающуюся какъ бы корзиной, въ которую вставляется задняя сторона молотка.

Отступление отъ формы пробуравленной рукоятки топоровъ и молотковъ объясняютъ также, почему въ доисторической Европѣ сравнительно поздно начинается сильное распространение металлическихъ клинковъ съ отверстиями для рукоятки, между тѣмъ какъ опытъ мало-по-малу доказалъ, что этотъ способъ прикрѣпленія гораздо удобнѣе и болѣе соответствуетъ особенностямъ матеріала.

Тоже явленіе замѣчаемъ мы въ настоящее время въ Африкѣ, которую можно считать страной преимущественно желѣзной культуры и интенсивнаго обрабатыванія полей желѣзной киркой. Африканская кирка только въ исключительныхъ случаяхъ имѣетъ отверстие въ рукояткѣ; въ своей типической формѣ это орудіе похоже на каменный топоръ палицу, т. е. клинокъ вставленъ непосредственно въ утолщенный конецъ рукоятки (см. рис. стр. 515). То же можно сказать о многихъ формахъ топора. Напротивъ того, кирка даяковъ, клинокъ которой частью полый и вставленъ въ деревянный промежуточный кусокъ, соответствуетъ отчасти по своей формѣ киркамъ первобытной Европы.

Древне-европейскіе бронзовые топоры (см. рис. стр. 519) представляютъ уже гораздо болѣе развитыя формы, которыя, наконецъ—впрочемъ, лишь повидимому—приводятъ къ изобрѣтенію топора съ отверстиемъ въ рукояткѣ; въ дѣйствительности же мѣдные и бронзовые топоры съ отверстиемъ въ рукояткѣ появляются очень рано, не завладѣвъ всеобщимъ одобреніемъ, а задолго до ихъ появленія вѣдь были уже пробуравленные каменные молотки и топоры. Что вмѣсто этихъ очень цѣлесообразныхъ формъ рѣшительно выступили на первый планъ «кельты» и «паалы», зависѣло, слѣдовательно, не отъ недостатка техническихъ знаній, но отвѣчало, очевидно, желанію сохранить излюбленный способъ прикрѣпленія каменныхъ топоровъ и, прежде всего, остаться вѣрными первоначальной формѣ деревянной кирки съ выступающимъ сукомъ. Такъ образовались изящные бронзовые топоры или кельты, выдолбленные на задней сторонѣ на подобіе бокала и снабженные маленькимъ ушкомъ; несвѣдущій человѣкъ можетъ ихъ принять съ перваго взгляда за странный сосудъ для питья, между тѣмъ въ дѣйствительности они надѣвались на деревянный выступъ кирки и посредствомъ шнура, продернутого черезъ ушко, прикрѣплялись къ рукояткѣ. Какъ они выработались изъ простаго металлическаго клинка, слѣланнаго на подобіе каменнаго топора, показываетъ промежуточная форма кельта со стержнемъ, или паала; край клинка загибается сверху, какъ лопасти; онѣ охваты-

ваютъ снаружи деревянный выступъ кирки, на который поставленъ клинокъ; эти лопасти загибаются до тѣхъ поръ, пока онѣ сойдутся вмѣстѣ и образуютъ влоднѣ бокалообразное закругленіе, а задняя часть собственно клинка выпадаетъ. Тогда не нужно ни расщеплять выступа, ни привязывать къ нему клинка, а просто насадить на выступъ топоръ, какъ шляпу на голову. Большою частью заднее отверстие полагалось имѣть, кромѣ ушка, еще загнутый сверху бортъ, который служилъ также къ придержкѣ шнура. Подобное прикрѣпленіе должно было хорошо сохраниться, какъ на это указываетъ большое число бронзовыхъ топоровъ. Мы находимъ его и въ другихъ инструментахъ, въ особенности при остріяхъ копій, которыя на задней сторонѣ снабжены лопастями или выдолблены; для укрѣпленія этого оружія сохранились оба способа до позднѣйшаго времени. Кельты, наоборотъ, съ примѣненіемъ желѣза начинаютъ исчезать и, наконецъ, совсѣмъ вытѣсняются топорами съ просверленными рукоятками.

Къ киркѣ—важнѣйшему орудію обработки земли у многихъ народовъ—присоединяется послѣ примѣненія металловъ еще нѣкоторыя другія орудія, въ сущности, представляющія тотъ же ножъ: большія орудія для рубки, служащія для вырубки зарослей при очисткѣ земли подъ новое поле и, въ особенности, на островахъ Индійскаго океана, встрѣчающіеся въ разныхъ видахъ; а также жатвенныя орудія—серпы и косы. Между зубчатыми серпами встрѣчаются также крошечные (въ малайскомъ архипелагѣ), прикрѣпляемые къ пальцу, которыми можно срѣзать только по одному рисовому стеблю.

Въ противоположность орудіямъ, служащимъ какъ разрушенію, такъ и созиданію, стоятъ сосуды—группа утвари совершенно другого типа. Они названы выщатымъ содержимое, которое должно ими охватываться и, въ то же время, быть какъ можно болѣе ограничено въ пространствѣ. Жидкости вообще нельзя сохранять или перевозить безъ сосудовъ; то же можно сказать часто о полужидкихъ веществахъ—жирѣ, кашѣ и т. под., а большая часть сухихъ веществъ, состоящихъ изъ небольшихъ отдѣльныхъ частей, требуетъ также заключенія въ плотныя стѣнки. Такъ какъ сухія вещества, напримѣръ, зерно и мука, не требуютъ такой непроницаемой оболочки, какъ жидкости, то и сосуды раздѣляются лишь на двѣ главныя группы: для жидкостей и для сухихъ веществъ. Последняя группа менѣе общая, чѣмъ первая, такъ какъ смотря по величинѣ составныхъ частей вещества и стѣнки сосуда могутъ быть болѣе или менѣе проницаемы; муку или угольную пыль нельзя переносить въ корзины съ широкими отверстиями, а яблоки въ ней прекрасно переносятся. Впрочемъ, и тутъ нѣтъ рѣзкихъ разграниченій уже потому, что если жидкія и мелкозернистыя вещества не могутъ сохраняться во вся-

комъ сосудѣ, то сухія и крупныя могутъ: воды нельзя унести въ корзины, но яблоки или орѣхи можно такъ же хорошо сохранить въ мѣшкахъ и ящикахъ, какъ и въ стеклянныхъ чашкахъ и въ горшкахъ. Къ тому же материалы для изготовленія сосудовъ не всегда отвѣчаютъ группамъ послѣднихъ, такъ какъ есть непроницаемая для воды плетеная корзинка и пористые глиняные сосуды, деревянные кружки, удерживающія жидкость, и деревянные ящики только для сухого содержимаго.

Изобрѣтеніе сосудовъ не было крайне необходимо; стоило лишь принять, что предлагала природа изъ своихъ естественныхъ хранилищъ; всякая развивающаяся жизнь имѣетъ потребность защищать вѣжную живую субстанцію оболочкой, хотя бы тонкой кожей, которая облегаетъ ее, какъ стѣнки сосуда; многочисленные моллюски прячутъ свое тѣло въ крѣпкихъ известковыхъ домикахъ; черепаха окружаетъ въ формѣ чаши костяной панцырь; черепные кости футляромъ облегаютъ мозгъ высшихъ животныхъ и человека. Не менѣе заботливо охранены отъ вѣшнихъ невзгодъ сѣмена и плоды многихъ растений твердымъ покровомъ, который стоитъ лишь вскрыть и опорожнить, чтобъ получить естественный сосудъ. Къ этимъ первообразамъ и примитивнымъ сосудамъ присоединяются еще широкіе листья растений, которые часто, послѣ сильнаго дождя, сами показываютъ, какъ можно сохранять воду въ ихъ углубленіяхъ и, въ нуждѣ, могутъ служить импровизированными сосудами для переноски воды. Все это давно стало недостаточнымъ, и мало-по-малу природные сосуды были дополнены и замѣнены искусственными.

Доисторическій пааль съ рукояткой, изъ Гульдбой (Данія).

носки воды. Все это давно стало природные сосуды были дополнены

При этомъ опять-таки пристрастие къ опредѣленной техникѣ имѣетъ рѣшительное вліяніе. Гдѣ процвѣтаетъ гончарное искусство, дѣлаютъ и утварь для хранения сухихъ вещей охотно изъ глины; гдѣ преобладаетъ плетеніе корзинъ, встрѣчаются плетеные сосуды для воды, а гдѣ хорошо знаютъ токарное ремесло, большинство принимаемыхъ во вниманіе цѣлей достигается деревянными сосудами. Металлы и глина также взаимно ограничиваютъ свою область, причемъ въ одномъ мѣстѣ предпочитаютъ первый матеріалъ, а въ другомъ—второй.

Какъ и во всякой другой утвари, въ сосудахъ преобладавшее сначала вліяніе матеріала и техники должно было уступить мѣсто цѣли: формы подчиняются тѣмъ болѣе опредѣленнымъ задачамъ, тѣмъ значительнѣе личная работа человека при ихъ созданіи. Это всего болѣе примѣнимо къ самымъ распространеннымъ и изготовляемымъ изъ наиболее лѣпного матеріала—глинянымъ сосудамъ. Прежде всего является необходимость устроить отверстіе для вливанія и выливанія жидкости, которое дѣлается на верху сосуда, такъ какъ въ немъ заключается не газообразное вещество, улетающее вверхъ. Нужно только заботиться, чтобъ отверстіе, при нахожденіи сосуда въ покой, приходилось сверху, что иногда достигается, какъ упомянуто выше, особенными подставками и подвѣсками, но болѣею частью гораздо проще—сообразной формой сосуда; эта форма во многихъ случаяхъ представляетъ одну ножку, переходящую позже въ три ножки (см. рис. стр. 520); что не сразу нашли такое простое рѣшеніе этой задачи (см. рис. стр. 520), зависитъ, вѣроятно, отъ вліянія естественныхъ образцовъ—плодовыхъ скорлупъ съ круглымъ дномъ, которыми сначала лишь подражали въ типѣ. Отверстіе можетъ и должно

Корзина для ношенія съ острова Халмагера (Молуккскіе острова).

быть широко, если дѣло идетъ о сосудахъ, содержимое которыхъ должно быть легко доступно, т. е. въ посудѣ для ѣды, горшкахъ для варки кушаньевъ и сосудахъ для варки напитковъ, въ чашкахъ для питья, въ мискахъ для мытья и т. д. Во многихъ случаяхъ, напротивъ, желательно, чтобы жидкость была защищена болѣе или менѣе отъ испаренія, отъ паденія въ нее насѣкомыхъ или пыли; этого достигаютъ суженіемъ отверстія, которое при этомъ, для облегченія выливанія, принимаетъ форму горла, или удлиненіемъ и различнымъ выгибаніемъ этого горла (см. рис. стр. 522), или, наконецъ, накладываніемъ особенной крышки, которая въ одnogорлыхъ сосудахъ уменьшается въ размѣрѣ до пробки. Для дальнѣйшаго

Глиняный сосудъ съ по-
лыми ножками изъ Ко-
старика (Центральной
Америка).

Глиняный горшокъ изъ
Нижняго Конго.

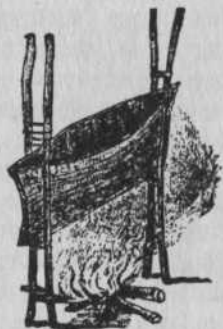
облегченія выливанія, край сосуда или край горла вытягивается съ одной стороны въ видѣ клюва или рыльца. Наконецъ, появляются иридатки, дающіе возможность удобнѣе держать сосудъ въ рукѣ — пучка; также и крышки получаютъ часто особенный придатокъ для ихъ сниманія; до изобрѣтенія ручки помогали себѣ тѣмъ, что обвязывали вокругъ сосуда шнуръ, свободные концы котораго брались въ руку; тогда для этого шнура въ средней части сосуда дѣлалась особая борозда или верхній край получалъ сильный выгибъ наружу. Въ металлическихъ сосудахъ, какъ, напр., въ нашихъ ведрахъ, этотъ шнуръ снова появляется въ видѣ толстой проволоки, согнутой дугообразно надъ отверстиемъ сосуда. Для ношенія тяжелой утвари пользуются также помочами (см. рис. стр. 519) или особенными коромыслами, которыми владутся на плечо и даютъ возможность, кромѣ

другихъ удобствъ, распредѣлять тяжесть равномерно на обѣ стороны.

Отдѣльную группу составляютъ сосуды для черпанья, предполагающіе обыкновенно другіе сосуды, изъ которыхъ черпаютъ. Въ сущности, къ нимъ принадлежатъ и чашки для питья; послѣднія всего долѣе являются въ формѣ естественныхъ сосудовъ, какъ это доказываютъ простыя кокосовыя чашки полинезійскихъ потребителей кавы или распространенныя въ другихъ тропическихъ странахъ тыквенныя кубки и бутылки. Къ естественнымъ сосудамъ для питья принадлежитъ еще одинъ, который теперь встрѣчается намъ лишь въ освѣщеніи страшныхъ сагъ и, надо сказать, въ совершенно ложномъ освѣщеніи — черепной кубокъ; еще во время пира божественнаго короля Албоина онъ обходилъ кругомъ стола, какъ отголосокъ болѣе варварскаго времени. Кубокъ Албоина былъ сдѣланъ изъ черепа убитаго врага; радость удовлетворенной мести заставила въ этомъ случаѣ воскресить обычай; но первоначально мы видимъ въ кубкахъ изъ череповъ лишь природныя сосуды для питья, которые попадали подъ руку въ мѣстностяхъ, лишенныхъ подходящихъ плодовыхъ скорлупъ и раковинъ. Какъ чувство набожности, такъ и суевѣріе и чувство мести могли дать старымъ обычаямъ большую устойчивость: въ Тибетѣ, по свидѣтельству Одорика, дѣлали прежде сосуды для питья изъ череповъ умершихъ родственниковъ; въ средніе вѣка черепа святыхъ передѣлывались въ кубки; буддистскій культъ также знакомъ съ таковыми, а у дикарей настоящаго времени черепа, какъ сосуды для питья, весьма частое явленіе; но здѣсь простое желаніе имѣть годный сосудъ подавляется и даже замѣняется чувствомъ привязанности, мести, иногда какими-нибудь мистическими идеями. Кубки изъ череповъ еще потому удивительны, что они обыкновенно снабжены всякими придатками, между прочимъ, и ножкой, такъ что составляютъ переходъ отъ естественныхъ сосудовъ къ искусственнымъ.

Болѣе обособленной группой, чѣмъ сосуды для питья, стоятъ сосуды для черпанья въ узкомъ смыслѣ этого слова, принимающіе болѣею частью форму ложки. Есть, впрочемъ, способы черпанья, которые нельзя поставить въ рядъ сосудовъ, такъ какъ въ ихъ основаніи лежитъ совершенно другой принципъ, а именно опытъ, что пористыя и вообще тѣла съ мелкими составными частями всасываютъ въ себя жидкости и подъ давленіемъ опять выпускаютъ. Въ маломъ этомъ опытѣ примѣняегъ каждый, кто собираетъ подливу съ тарелки посредствомъ кусочка хлѣба; самымъ извѣстнымъ примѣромъ такого способа питья можно назвать губку съ уксусомъ, поднесенную къ устамъ Христа. Настоящая утварь, изготовленная по этому принципу, встрѣчается, впрочемъ, рѣдко, но все же можно назвать ситниковыя вѣсти, которыми пастушескія племена Юго-Восточной Африки выби-

дают молоко изъ большихъ сосудовъ, а австралийцы, приготовившіе себѣ чашу для медовой воды изъ впадины скалы, употребляютъ небольшія метелки изъ травы, чтобы черпать освѣжающій напитокъ. Главная часть утвари для черпанья принадлежитъ поэтому къ сосудамъ, но цѣль придаетъ имъ разныя формы: самый сосудъ, имѣющій вмѣщать въ себѣ лишь небольшое количество жидкости, малъ; если онъ долженъ непосредственно подноситься ко рту, то получаетъ удлиненную и плоскую форму; горло, рыльце и дно отпадаютъ или сливаются воедино, ручка же развивается въ форму рукоятки. Образовавшаяся такимъ образомъ утварь — ложка требуетъ большей

Деревянный горшокъ для варки съ Никобаровъ (Бенгальскій заливъ).

Древне-перуанскій глиняный сосудъ съ двойной выгнутой шейкой.

прочности, чѣмъ другая утварь, такъ какъ тонкая рукоятка подвергается опасности сломаться; поэтому ее рѣдко изготовляютъ изъ глины, чаще изъ дерева, кости или металла. Черпаки изъ древесной коры съ деревянной рукояткой встрѣчаются въ Восточной Сибири и у айновъ.

Изъ дерева могли также изготовляться сосуды для варки, пока варили съ помощью раскаленныхъ камней, и даннымъ типомъ для этихъ сосудовъ служилъ отрѣзокъ ствола бамбука, открытый сверху, а снизу замкнутый стебельнымъ узломъ. Впрочемъ, въ сосудахъ изъ бамбука и въ нѣкоторыхъ другихъ сосудахъ изъ болѣе крѣпкаго дерева можно варить и на открытомъ огнѣ (см. прил. рис.). Но постепенно въ этой области завоевала господство глина, чтобы позднѣе быть вытѣсненной металломъ. Главной характерной чертой всѣхъ сосудовъ для варки и жаренья есть малое развитіе или полное

отсутствіе ножки, которая мѣшала бы близкому прикосновенію къ огню или къ раскаленной поверхности; второю — широкое отверстіе и обыкновенно недостатокъ тонкихъ украшеній, которыя были бы вовсе не къ лицу закопчѣлымъ стѣнкамъ.

Форма сосудовъ для храненія жидкостей опредѣляется большею частью ихъ назначеніемъ — защищать по возможности содержимое отъ воздуха и пыли; для этой цѣли они обладаютъ маленькими и легко закупоривающимися отверстіями, что можно видѣть въ каждой бутылкѣ. Часто эти сосуды такъ велики, что выливаніе жидкости наклоненіемъ почти невозможно; тогда близко отъ дна дѣлается боковое отверстіе, изъ котораго можно цѣдить содержимое въ томъ случаѣ, если не устраняютъ затрудненія снарядами для всасыванья или черпаньемъ отдѣльными сосудами. Въ естественныхъ сосудахъ для сбереженія жидкости — кожѣ животныхъ или кожаномъ мѣхѣ — подобныя искусственныя вспомогательныя средства излишни, такъ какъ жидкость можетъ быть совершенно удалена изъ нихъ выдавливаніемъ.

Кожанный мѣхъ есть въ то же время непосредственная параллель человѣческой кожи, которая такъ же охватываетъ растяжимымъ покровомъ тѣло со всѣми его твердыми и жидкими составными частями.

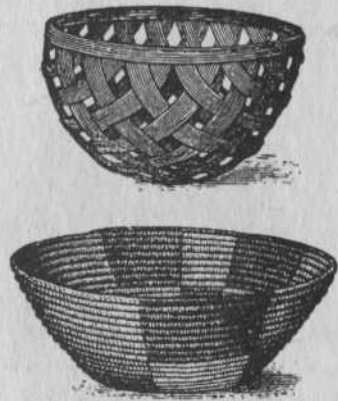
Между вмѣстилищами сухихъ предметовъ являются еще другія параллели того же рода: кошель, мѣшокъ, сумка (см. прил. рис.) и корзина (см. рис. стр. 524) — вещи, къ выработкѣ которыхъ привлекается ткацкое искусство. Сюда же принадлежатъ деревянныя вмѣстилища, которыя не зачѣмъ дѣлать изъ одного цѣлага, какъ сосуды для питья; они почти всегда снабжены отдѣльной крышкой: шкатулки, банки, сундуки и ящики.

Къ сосудамъ нужно отнести еще одну утварь, имѣющую очень малое значеніе на низшихъ ступеняхъ культуры, но позднѣе она получаетъ громадное развитіе и дѣлаетъ человѣчество независимымъ отъ смѣны дня и ночи. Мы говоримъ о лампѣ. Не всѣ освѣтительныя средства принадлежатъ, правда, къ этому типу: горючія

Вышитая кожаная сумка изъ Салага (по Золотому Берегу).

вещества, имѣющія достаточную твердость, не нуждаются въ сосудѣ, а лишь самое большее — въ поддержкѣ или подножкѣ, къ которой ихъ прикрѣпляютъ, — какъ раньше лучину, а теперь свѣчи; первобытнѣйшее освѣтительное средство, служащее въ то же время для приготовления пищи и для отопления — костеръ изъ дровъ можетъ, при нуждѣ, горѣть и на голой землѣ. И маслянистыя зерна, которые на островахъ Индійскаго океана нанизываютъ на шнуръ и постепенно сжигаютъ, не требуютъ никакой оболочки. Существуютъ поэтому многіе народы, не знающіе лампы; но гдѣ есть на-лицо жидкія и полужидкія горючія вещества, какъ у полярныхъ народовъ, она становится необходимой и служить также источникомъ тепла и орудіемъ варки.

Корзины изъ Караве.

Бронзовый японскій фонарь.

Лампа раздѣляетъ многія свойства съ другими сосудами: дѣлается или на подножкѣ, или съ приборомъ для подвѣшиванья, а на мѣстѣ рыльца часто бываетъ похожій на него выступъ для вкладыванія свѣтильни, конецъ которой выходитъ наружу, чтобы пламя не потухло въ маслѣ или въ топленомъ жирѣ; вмѣсто этого у лампы есть крышка съ отверстіемъ.

Простыя по виду лампы эскимосовъ готовятся большею частью изъ мыльнаго камня; въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Западномъ Суданѣ, въ употребленіи глиняныя и деревянныя лампы; въ Тибетѣ и вообще въ Восточной Азіи рядомъ съ глиняными еще больше металлическихъ лампъ (см. прил. рис.). Зато въ шести нижнихъ слояхъ троянскихъ поселеній не найдено лампы. Любовь къ яркому освѣщенію есть всегда признакъ высшей культуры, что достаточно доказываетъ пристрастіе восточныхъ азіатовъ къ фонарямъ или, что тоже, къ свѣчамъ, защищеннымъ отъ вѣтра прозрачной

оболочкой. Но рѣшительныя и огромныя улучшенія въ способѣ освѣщенія достигнуты лишь европейскими культурными народами, да и то довольно поздно. Хотя уже Карлъ Пятый французскій (1364—80) приказалъ парижанамъ выставлять у каждой двери по почамъ горящую свѣчу, но лишь черезъ 500 лѣтъ послѣ того напали на мысль вставить эти свѣчи въ фонари (reverbères) и поручить заботу о нихъ отдѣльнымъ людямъ. Лампу, какъ комнатное освѣщеніе, обогнала совершенно сальная свѣча, пока изобрѣтеніе Арганда придало ей новое значеніе. Новые освѣтительныя матеріалы и средства — петроль, газъ и электричество — сдѣлали съ тѣхъ поръ большой переворотъ и вызвали сильнѣйшее движеніе въ области, въ которой прогрессъ культуры какъ бы остановился.

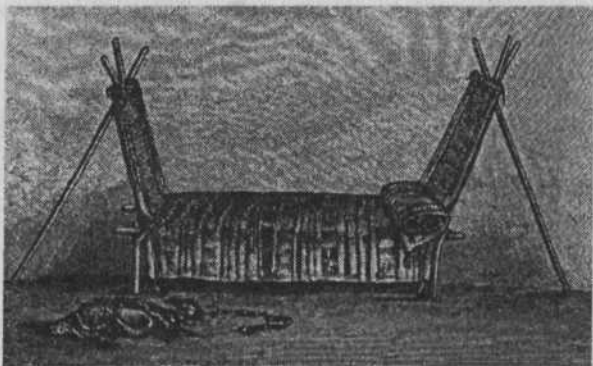
Оболочка тѣла, изображеніемъ которой, по мнѣнію Коппа, служатъ сосуды, имѣетъ, рядомъ съ цѣлюю охватыванія на подобіе футляра внутреннихъ его частей, еще другую — защищать ихъ отъ прикосновенія съ внѣшними предметами или, по крайней мѣрѣ, настолько вообще смягчать это прикосновеніе, чтобы оно не передавалось первыми мозгу, какъ сильная боль. Понятно,

Скамейка племени мехинаку (Бразилія).

но, что человѣческая культура дѣйствуетъ и въ этомъ направленіи дополняющимъ и поддерживающимъ образомъ. Прежде всего неприятно долгое прикосновеніе значительной части тѣла къ жесткой землѣ, усиленное еще давленіемъ тѣла, какъ это имѣетъ мѣсто во время ночного отдохновенія. Мѣха, цыновки, связки травы — первая «мебель» хижинъ, должны служить промежуточнымъ слоемъ; къ нимъ присоединяется подпорка для головы, мѣшающая головѣ лежать слишкомъ низко. Но мы много разъ уже наблюдали у дикарей стремленіе поднять ложе отдохновенія надъ землей и этимъ сдѣлать первый шагъ въ присосбливаніи всей домашней утвари къ стоянью или сидѣнью, которое такъ характерно въ мебелировкѣ культурныхъ народовъ: въ то время, какъ у большинства первобытныхъ народовъ всѣ домашнія занятія, главнымъ образомъ, производятся на полу, европеецъ все приподнялъ на болѣе высокую плоскость и касается пола рукой лишь тогда, когда ему нужно поднять упавшій на полъ предметъ; и въ этомъ внѣшнемъ признакѣ высказывается стремленіе къ чистоплотности, къ удаленію отъ всего грязнаго и низкаго, стремленіе, составляющее часть сущности культуры.

Возвышеніе ложа и сидѣнья (см. прил. рис. и на стр. 525) у дикарей имѣетъ прежде всего цѣлью избѣгнуть вредныхъ наскомохъ, которыя, въ особенности ночью, кишать на полу хижины и не всегда безопасны. Эта задача прекрасно разрѣшается подвѣшиваніемъ ложа; такимъ образомъ съ помощью ткацкаго искусства создается матъ, который сталъ для лѣсныхъ племенъ Бразиліи важнѣйшей домашней утварью, а для многихъ и источникомъ дохода, какъ предметъ торговли; встрѣчается онъ и въ Новой Гвиней. Изобрѣтенъ ли западно-африканскій матъ, служащій и средствомъ передвиженія, на подобіе носилокъ, въ самой странѣ или перенесенъ туда португальцами изъ Бразиліи—требуется еще разрѣшенія. О бразильскихъ формахъ Карлъ фонъ-Штейнъ представляетъ интересныя данныя. Маты бакаировъ

Кровать племени арапагоэ (Сѣв. Америка).

сдѣланы изъ нитокъ хлопка, сплетенныхъ въ рѣдкую сѣть на самомъ примитивномъ станкѣ; матъ племенъ науковъ и аруаковъ дѣлается изъ волоконъ пальмы бурити; кромѣ того, есть еще многія формы, въ которыхъ употребляются вмѣстѣ и хлопокъ, и пальмовыя волокна. Всего проще дѣтскіе маты племени нагукуа, которые состоятъ изъ пучка стеблей, связанныхъ вмѣстѣ на обоихъ концахъ. Племя гесовъ въ Бразиліи не знаетъ этой полезной утвари, а спитъ на циновкахъ изъ пальмовой соломы на землѣ; но область распространенія мата все увеличивается, такъ какъ военноплѣнныя женщины переносятъ дальше технику его производства.

Средняя Африка, напротивъ того, представляетъ область, гдѣ кровать, т. е. приподнятое отъ земли ложе, вошла въ обычное употребленіе у многочисленныхъ племенъ. Она обыкновенно имѣетъ видъ рамы на шести ногахъ съ поперечными дровками или поясами, на которые кладутся одѣяла или мѣха. И въ Сѣв. Америкѣ встрѣчаются

типичныя формы кровати (см. рис. стр. 526). Африка въ то же время классическая страна стула и скамейки (см. прил. рис.), которые, напримѣръ, на западѣ встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но достигаютъ лишь половины высоты европейскихъ стульевъ.

Гораздо большимъ распространеніемъ, чѣмъ матъ, пользуется другое висячее ложе, назначенное для опредѣленныхъ цѣлей,—люлька, которая только у культурныхъ народовъ Европы и частью на Востока преобразилась въ стоячій на полу и качающійся на полозьяхъ снарядъ. Первобытныя люльки были сначала, какъ показываютъ богатые матеріалы Плоца и за нимъ Каруца, снарядами для ношенія, къ которымъ привязывался ребенокъ, такъ что его можно было на перевязки вѣшать черезъ плечо. Во время отдыха ребенка клали не на землю, а вѣшаютъ люльку на сукъ дерева или выс-

Скамейка изъ Укерева, Виктория Ніанзи (Вост. Африка).

Скамейка племени ваніамвези (Вост. Африка).

тупъ хижины, и тогда, можетъ быть, замѣтили, что качаніе люльки дѣйствуетъ успокоительно и усыпительно на ребенка. Висячія люльки сохранились до сихъ поръ въ Швеціи и Норвегіи.

Склонность вѣшать предметы, вмѣсто того, чтобы ихъ прятать въ шкафы и выдвигаемые ящики или ставить на столъ и на карнизы типична для дикарей и соответствуетъ недостатку у нихъ настоящей мебели. Крыша хижины обыкновенно служитъ кладовой для припасовъ, гдѣ висятъ отдѣльно или связанные пучками съѣстные припасы, оружіе и другое имущество. Балки и стропила крыши даютъ полную возможность подвѣшивать предметы, даже сосуды для варки (см. рис. стр. 528), но встрѣчаются особенные снаряды для вѣшанья, соответствующіе вѣшалкамъ для платьевъ культурнаго міра. У матувулумбовъ просто ставится около хижины деревцо, такъ обрубленное, что отъ сучьевъ остаются одни выступы, на которые и вѣшаютъ тыквенныя бутылки и подобные предметы. Снарядъ для вѣшанья съ

острововъ Онтонгъ-Ява описанъ Паркинсономъ: «Отъ коньговаго бревна виситъ сооруженіе, называемое «тауна», служащее для подвѣшиванія корзины съ съѣстными припасами. Этотъ домашній снарядъ, бывающій разной величины, отъ 30 сант. до 1½ метровъ дл., дѣлается изъ конца корня мангрови. Стволъ дерева обрубается почти у самаго того мѣста, гдѣ начинаются боковые корни; послѣдніе укорачиваются до 10—40 сант. длины, но вертикальный корень оставляютъ во всю его длину. Если затѣмъ подвѣшиваютъ весь этотъ снарядъ за конецъ вертикальнаго корня, получаютъ многочисленные крючки, прекрасно приспособленные для вѣшанья корзины и различныхъ предметовъ». У племени ассандойн (въ Восточной Африкѣ) прислоняютъ къ

Внутренность хижины якутовъ (Сибирь).

стѣнамъ хижины, какъ свидѣтельствуеетъ Вергеръ, стволы деревьевъ съ коротко подрубленными вѣтвями.

Домашняя и кухонная утварь пополняется, обыкновенно, предметами, служащими для различныхъ хозяйственныхъ цѣлей; между ними, кромѣ упомянутаго выше камня для растиранья, можно назвать многочисленныя разной формы ступки для вылущиванія хлѣбныхъ зеренъ и принадлежащія къ нимъ, а также отдѣльно стоящія песты. Звонкій гулъ ступокъ для очищенія риса—характерный звукъ среди шума поселенія на островахъ Индійскаго океана; песты для манса, падающіе часто на выдолбленные куски скаль, звучатъ во многихъ африканскихъ и американскихъ деревняхъ. Маленькіе пестыки

Плетеный снарядъ для подвѣшиванія изъ Аллара (Зондскіе острова).

для раздавливанія плода хлѣбнаго дерева и раскалыванія кокосоваго орѣха въ особенности распространены въ Гавайскомъ архипелагѣ. У сѣверо-западныхъ американцевъ большія каменные ступки служили для толченія табачныхъ листьевъ, меньшія—для растиранія красокъ.

Во внутренности хижины дикихъ племенъ находятся еще оружіе, охотничьи и рыболовные снаряды, разные припасы, быть можетъ, связка дровъ и, наконецъ, нерѣдко изображенія предковъ, которые въ видѣ точеныхъ столбовъ поддерживаютъ крышу или лично присутствуютъ среди потомковъ въ видѣ оскаленныхъ череповъ или неприятныхъ связокъ. Постоянно подтверждаются свѣдѣнія о томъ, что у скитальческихъ народовъ и кочевниковъ обстановка жилища скуднѣе и подвижнѣе, чѣмъ у осѣдлыхъ племенъ, имущество которыхъ составляютъ такія громоздкія сокровища, какъ каменные глыбы жителей Каролинскихъ острововъ или бронзовые пушечные стволы малайцевъ.

5. Украшенія и одежда.

Тѣло человѣка есть первый маленькій міръ изъ земныхъ вещей, которымъ внутренняя созидаящая воля управляетъ дѣйствительно, сознание же лишь мнимо или отчасти; лишь отчасти потому, что каждое орудіе, созданное работою рукъ, болѣе подчинено управленію свѣтлаго разума, чѣмъ, напримѣръ, дѣятельность сердца и всѣхъ внутренностей тѣла. Само въ себѣ мы не знаемъ даже свое собственное тѣло настолько точно, какъ многіе предметы, насъ окружающіе, которые мы измѣняемъ, разрушаемъ и вновь соединяемъ и именно этимъ изслѣдуемъ; мы знаемъ о нашемъ тѣлѣ и тѣлахъ всего живущаго лишь то, что касается поверхности. Эта поверхность тѣла есть въ то же время медиумъ, связывающій насъ съ внѣшнимъ міромъ; черезъ нее мы узнаемъ другія тѣла, и она сама, въ своей особенности, даетъ возможность современникамъ узнавать насъ и отличать отъ всѣхъ другихъ существъ. Естественная оболочка тѣла говоритъ нѣмымъ, но понятнымъ языкомъ; она не только защищаетъ внутреннюю область, какъ хорошо охраняемая граница,—она служитъ также посредникомъ для сношеній со всѣмъ, что находится внѣ этой границы.

Человѣческое сознание, которое постоянно ищетъ усвоить себѣ внѣшній міръ и соответственно измѣнить его растущія требованія, не можетъ оставить безъ перемѣны и безъ своего вліянія ближайшую область своего дѣйствія—поверхность тѣла; вѣдь тутъ оно можетъ прежде и щедрѣе всего доказать, что, вмѣсто пассивныхъ измѣненій и приспособленій, проявляющихся повсюду въ животномъ

миръ, оно начинаетъ выказывать свое свободное господство надъ матеріей. Если у животныхъ различны окраски и отростки поверхности тѣла, пестрые волосы и перья, гребешки, наросты и возвышенія служатъ отличительными признаками пола, различенія и привлеченія въ сношеніяхъ половъ и въ то же время средствами охраны и угрозы,—тѣло человѣка показываетъ лишь слабые признаки склонности измѣняться сообразно внѣшнимъ вліяніямъ и внутреннимъ стремленіямъ; послѣ послѣднихъ великихъ перемѣнъ въ цвѣтъ кожи и волосъ, совершившихся, вѣроятно, въ ледяной періодъ, оно остается такъ, какъ было, и всѣ перемѣны внѣшняго облика, всѣ усиленія защиты отъ холода и нападеній врага человѣкъ добываетъ изъ матеріаловъ внѣшняго міра, которые онъ, по желанію, можетъ надѣть на себя и снова снять. Таково происхожденіе украшеній и одежды, которыя можно назвать общимъ именемъ убранства.

Поэтому было бы очень невѣрно смотрѣть на убранство только какъ на оболочку для защиты, и его другія качества считать лживыми послѣдствіями; неправильность этого мнѣнія докажетъ одинъ лишь взглядъ на многочисленныя дикія племена тропическихъ странъ, убранство которыхъ часто пестро и обильно и при этомъ мало или совсѣмъ не представляетъ покрова для защиты кожи, какъ можно назвать одежду въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но и у народовъ болѣе высокой культуры убранство, несмотря на перевѣсъ въ количествѣ одеждъ, какъ покрова, есть средство выраженія внутренняго міра и такъ тѣсно связано со всѣми первичными и развитіемъ бытія, что его задача — защищать тѣло отъ вліяній погоды часто становится второстепенной и выполняется неудовлетворительно или въ неподходящей для этого формѣ.

Если поверхность тѣла говоритъ понятнымъ для насъ языкомъ, если по ней мы можемъ узнать, старъ ли человѣкъ или молодъ, слабъ или силенъ, мужского или женскаго пола, негръ, индѣецъ или европеецъ, если мы изъ чертъ лица можемъ вывести заключеніе объ умѣ и характерѣ,—естественно, что убранство, какъ дополненіе и продолженіе развитія этихъ внѣшнихъ сторонъ тѣла, пробуетъ говорить тѣмъ же языкомъ, но подчиненнымъ уже главнымъ образомъ сознанию. И въ убранствѣ выражаются различія возраста и пола, а рядомъ съ этимъ—съ вѣдома или безъ вѣдома носителя—различія народностей, сословій, богатства и правъ. Есть кричащія и молчаливыя одежды, есть также лживыя одежды, какъ и лживыя слова.

Такимъ образомъ, убранство есть лишь чисто-человѣческое развитіе животныхъ образцовъ, присущихъ всего болѣе подвижному міру насѣкомыхъ и птицъ; оно состоитъ изъ знаковъ свособразности, которыя позволяютъ узнать и принадлежность къ извѣстнымъ груп-

пъ, и особенность индивидуума. Что человѣкъ сознательно стремится къ послѣдней цѣли, соответствующей всему ходу его развитія. «Желаніе отмѣтить свою индивидуальность,—пишетъ объ этомъ Липпертъ,—могло побудить человѣка не оставить своего тѣла безъ измѣненій... Въ этомъ заключается лишь внѣшнее выраженіе того, что тайно совершалось внутри человѣка: перехода къ самосознанію, развитія мышленія до пониманія своего «я», хотя самое слово еще долго не появлялось». Къ тому же нужно всегда принимать въ соображеніе, что до стремленія къ личной обособленности и рядомъ съ нимъ очень живо желаніе выставить свою принадлежность къ какой-нибудь человѣческой группѣ: новопроизведенный офицеръ, падѣвшій въ первый разъ мундиръ, или студентъ, гордо расхаживающій въ корпораціонной шапочкѣ и лентѣ, черпаютъ оба свою гордость не только въ сознаніи личной порядочности, но прежде всего въ сознаніи принадлежности къ уважаемой или вселяющей страхъ группѣ. Зрители, на которыхъ хотя бы при этомъ произвести впечатлѣніе, конечно, прежде всего и всегда — особы другого пола.

Нельзя, правда, въ основаніе появленія украшеній ставить вообще ясно сознаванную цѣль; вѣдь дѣло идетъ о проявленіи элементарнаго побужденія, которое у человѣка, какъ почти всѣ его побужденія, лишь постепенно контролируется сознаніемъ, поддерживается новыми побудительными причинами и внутренне перерабатывается. Но побужденіе всегда при этомъ остается сильнымъ и въ формѣ смутнаго желанія выставить наружу внутренній міръ, имѣть какое либо значеніе во внѣшнемъ—есть основаніе всѣхъ украшеній, насколько они обращены на собственное тѣло. Напрогнвъ того, одежда зависитъ отъ другихъ законовъ, къ которымъ мы еще вернемся.

Чтобы сдѣлать лишь простое обозрѣніе различныхъ родовъ украшеній, слѣдуетъ ихъ распредѣлить чисто внѣшнимъ образомъ по способу ихъ составленія и по роду матеріала, или по частямъ тѣла, къ которымъ они прилагаются. Но до этого необходимо разсмотрѣть побудительныя причины. Онѣ, по большей части, второстепенны, такъ какъ мы имѣемъ тутъ дѣло съ побужденіемъ, воспринятымъ и частью указаннымъ сознаніемъ, частью съ завоо мотивированнымъ побужденіемъ. Главной причиною есть и всегда остается безсознательно живущее во всѣхъ живыхъ существахъ стремленіе къ рѣзкому выставленію отличительныхъ свойствъ. Это стремленіе проявляется въ наружномъ видѣ всѣхъ растений и животныхъ, и въ нашемъ случаѣ, гдѣ не должны бытъ проявлены первыя начала жизни, оно можетъ считаться существующимъ. Это побужденіе можетъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, извратиться у человѣка и у животныхъ: какъ домашнія животные, освобожденные,

большую часть, отъ борьбы за существованіе, отвѣчаютъ на облегченіе и экономію силъ большимъ разнообразіемъ своего наружнаго вида, такъ у человѣка, освобожденнаго отъ физической и умственной борьбы, легко беретъ верхъ надъ всѣмъ другимъ побужденіе къ украшенію. Оно даетъ возникнуть тѣмъ безумнымъ модамъ, параллелью которыхъ служатъ удивительныя виды нѣкоторыхъ породъ домашнихъ голубей и собакъ. Разумъ не имѣетъ никакого отношенія ко всему этому. Дама изъ общества, которая съ безчисленными туалетами ѣдетъ на воды и полдня проводитъ передъ зеркаломъ; хлыщъ, жадно черенимающій всякую модную глупость и имѣющій ежедневныя совѣщанія со своимъ портнымъ; вождь негритянскаго племени, обвѣшивающій свое тѣло массой украшеній, праздно мудрящій надъ своей прической и не принужденный исполнять никакихъ другихъ работъ, — всѣ они подчиняются власти побужденія къ украшенію, и всѣ они, если бы даже были случайно не бездарными людьми, на вопросъ о причинѣ такихъ поступковъ не могли бы дать правильнаго отвѣта: они дѣйствуютъ не по ясной побудительной причинѣ, но ради смутно ощущаемой цѣли. И эта цѣль есть удовлетворенное тщеславіе, другими словами, чувство, что своимъ нарядомъ они живо и блестяще выставляютъ себя или группу, къ которой они принадлежатъ.

Это самый примитивный способъ придавать себѣ значеніе и потому онъ важенъ въ своихъ началахъ и какъ самое раннее выраженіе человѣческаго самосознанія; развитымъ людямъ, правда, болѣе къ лицу проявлять себя поступками и разумными словами, а не украшеніемъ своего тѣла. Если, такимъ образомъ, у культурныхъ народовъ побужденіе къ украшенію подавляется и затѣняется высшими стремленіями, то и у дикарей препятствіемъ чрезмѣрному и безграничному росту побужденія служитъ среда, которая всѣ проявленія жизни старается привести въ опредѣленныя формы и отклоняетъ непривычное; всего свободнѣе проявляется оно въ тѣхъ группахъ подвинувшихся впередъ народовъ, которыя почти освобождены отъ борьбы за существованіе, не принимая въ то же время участія въ умственной культурной работѣ, чему, можетъ быть, лучшимъ примѣромъ служитъ французское придворное общество XVII и XVIII столѣтій.

Кто взвѣситъ глубину и силу побужденія къ украшенію, врядъ ли попытается признать его второстепеннымъ и отыскивать во всѣхъ видахъ украшеній лишь извращенныя остатки какихъ-нибудь практическихъ мѣръ, а примѣры послѣдняго рода, которые всегда встрѣчаются, сочтетъ легко объяснимыми исключеніями. Если и безъ того человѣкъ склоненъ всякое культурное владѣніе привести къ извѣстнымъ формамъ и перенести на него орнаментировкой, разрисов-

кой и т. д. часть своей индивидуальности, то еще желательнѣе ему все тѣсно связанное съ его тѣломъ превратить въ украшеніе или пользоваться имъ, какъ украшеніемъ. Поэтому, можетъ быть, что обычай искусно разрисовывать тѣло произошелъ отъ обмазыванія кожи глиной и т. под. въ защиту отъ холода и укуса насекомыхъ. Какъ можетъ и татуировка возникнуть изъ чисто-практическихъ намѣреній, остроумно описалъ Карль-фонъ-Штейнень: «Чтобы мальчики, — говоритъ онъ о племени шингу, — получили вѣрный глазъ и твердую руку въ стрѣльбѣ, ихъ лицо и верхняя часть руки отдѣлывается до крови скребломъ... Этотъ приемъ есть чистый баунштейнизмъ и употребляется именно съ медицинскими цѣлями. Ясно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно чувствуютъ облегченіе, уменьшая напряженіе и воспаленіе. Не менѣе ясно, какъ до этого додумались: каждый человѣкъ царапаетъ себя до крови при укусахъ насекомыхъ, чтобы боль или зудъ прекратились или желая удалить что-либо вредное, попавшее подъ кожу. Наконецъ, вовсе не представляется загадкой, почему натираются сажей и землей; это дѣлаютъ, вовсе не желая украсить себя, а просто увеличиваютъ или уменьшаютъ раздраженіе и останавливаютъ кровь. Кровотеченіе останавливалось также золой. Такимъ образомъ туземецъ пришелъ къ татуированію, не избобрѣтая его. Я часто наблюдалъ окрашенные слѣды параличъ на кожѣ, какъ бы правильную, хотя бессознательную татуировку, у племенъ, которыя никогда не занимались этимъ искусствомъ. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о случайности, потому что привычка царапанья кожи до крови съ врачебной цѣлью должна была непременно вызвать рядомъ съ собой и практику раскрашивания. Употребленіе его съ сознательной цѣлью есть дѣло позднѣйшихъ представленій».

Подобнымъ же образомъ рубцы, служашіе украшеніемъ, могутъ напоминать о прежней привычкѣ пускать кровь, другіе о ранахъ, полученныхъ на войнѣ, на которыя смотрѣли съ почтеніемъ, какъ на трофей, и подражали имъ; побужденіе къ украшенію требуетъ именно въ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, вѣнниго повода, который заставляетъ побужденіе выказаться, даетъ ему, нѣкоторымъ образомъ, за что ухватиться. На дальнѣйшее развитіе обычая этотъ первый толчокъ имѣетъ обыкновенно мало вліянія; и для объясненія собственно проявленій побужденія онъ не годится. Это нужно постоянно подчеркивать, такъ какъ легко принять эти поводы за первичные, за настоящія основанія явленія, которое, въ сущности, основано на очень глубокихъ законахъ; въ дѣйствительности, эти поводы несутъ службу тѣхъ незначительныхъ твердыхъ тѣлъ, къ которымъ постепенно пристають кристаллы раствора, но сами ничего общаго не имѣютъ ни съ растворомъ, ни съ кристаллами.

Впрочемъ, эти вишія причины въ области украшенія тѣла, кажется, не встрѣчаются даже очень часто. Но можно еще привести примѣры. У многихъ индѣйскихъ племенъ Южной Америки считается перетягиваніе ручныхъ и ножныхъ мускуловъ укрѣпляющимъ средствомъ, и тотъ же взглядъ встрѣтилъ Гильдебрандтъ у африканскихъ племенъ; что изъ этихъ перевязокъ произошла мало-по-малу лента для украшенія, очень вѣроятно и мѣстами дѣйствительно удостовѣрено. Кое-гдѣ изъ колець, облегчающихъ натягиваніе лука, образовались перстни, служащіе теперь главнымъ образомъ, какъ украшеніе, напримѣръ, у народовъ, живущихъ на Амурѣ.

Кромѣ практическаго своего назначенія,—говоритъ о нихъ Тренкъ,—кольцо на большомъ пальцѣ (англ) составляетъ особое украшеніе, такъ какъ оно считается признакомъ мужественности, способности управлять лукомъ и стрѣлами. Поэтому каждый подростокъ у гилковъ носитъ англ; то же и у другихъ приамурскихъ народовъ. Но даже тогда, когда лукъ уже почти вытѣсненъ огнестрѣльнымъ оружіемъ—китайскими ружьями съ фитилемъ или русско-якутскими винтовками—какъ у мангровъ и ороттоновъ, кольцо на большомъ пальцѣ носится всеми. Но здѣсь оно становится простымъ украшеніемъ, несмотря на его пользу при кулачныхъ бояхъ. То же и еще болѣе въ Китаѣ, гдѣ кольца бывають прекрасной работы изъ слоновой кости, янны, агата и т. п. и носятъ высокопоставленными сановниками и мандаринами“.

Иногда и поясъ, который во всякомъ случаѣ служитъ менѣе украшеніемъ, чѣмъ средствомъ придерживать платье, имѣетъ основаніемъ давнія особенныя причины; по крайней мѣрѣ, у австралийцевъ и южно-африканскихъ племенъ имѣется „поясъ голода“, который во время голода туго обвязывается, чтобы заглушать требованія желудка; ямамади въ Бризанліи носятъ, по свидѣтельству Эренрейха, плотно прилегающій, шириною въ передокъ ноги, поясъ изъ древесной коры, чтобы сильнѣе дуть въ камышевую трубу. Шинцъ предполагаетъ, что поясные браслеты гортентовъ первоначально служили защитой отъ укуса змѣи. Еще нужно упомянуть, что черненіе зубовъ на малайскомъ архипелагѣ и прилежащихъ областяхъ служило, повидимому, сначала средствомъ предохраненія отъ разрушительнаго дѣйствія жеванія бетеля. Такимъ образомъ собралось много мелкихъ фактовъ, которымъ опять-таки противопоставлялись случаи, когда украшенія и одежда несли побочную практическую службу, въ особенности для ношенія и сохраненія предметовъ: ухо, проколотое съ цѣлью украшенія, употреблялось, вѣроятно, также вмѣсто „сумки“, какъ и натѣльный поясъ или браслетъ. Впрочемъ, граница между украшеніемъ, съ одной стороны, и оружіемъ и утварью—съ другой, колеблется нерѣшительно туда и сюда.

Должно рѣзко отличать отъ первыхъ практическихъ поводовъ къ украшенію тѣла длящаяся побудительная причина, развивающіяся изъ бессознательнаго дѣйствія побужденія въ сознательныя цѣли, выражающія сами ясно сущность побужденія или подставляющія ему новыя, требующія его дѣятельности и принявшія другой видъ причины. Тогда изъ всего основнаго настроенія побужденія необходимо вытекаетъ, что убранство сначала чувствовалось, какъ отличительный признакъ и сознательно развивалось въ этомъ смыслѣ, и, прежде всего, какъ отличительный признакъ общественныхъ группъ. Только о народахъ самой высшей культуры, стоявшихъ противъ всѣхъ другихъ, какъ объединенная также и общимъ одѣяніемъ масса, можно утверждать, что они уже не имѣютъ національныхъ костюмовъ или сохраняютъ лишь остатки таковыхъ; всѣ группы человечества, стоящія ниже, выражаютъ свои особенности прической, татуировкой, украшеніями и одеждой. Правда, не только убранство служитъ этой цѣли; въ вооруженіи и во всякомъ родѣ культурнаго владѣнія отпечатывается сущность народнаго духа, но всего тѣснѣе она связана съ самимъ человекомъ. Громадное преимущество одежды передъ природнымъ одѣяніемъ животнаго, т. е. возможность ее мѣнять и улучшать съ развитіемъ и измѣненіемъ ума и общества, еще не сознано на низшихъ ступеняхъ культуры, но все болѣе оцѣнивается съ ростомъ цивилизаціи: только очень низко стоящіе народы любятъ дѣлать глубокія измѣненія и наносить увѣчья своему тѣлу, выцарапывать знаки племени на кожѣ, прокалывать губы и носъ или придавать черепу ребенку особую форму; у культурныхъ народовъ сохранились слабые остатки этихъ обычаевъ.

Отличительныя признаки племени смѣшиваются и скрещиваются съ признаками положенія. Въ послѣдніе переходятъ непосредственно племенные признаки тамъ, гдѣ воинственное племя господствуетъ надъ подвластнымъ, или гдѣ одно племя постоянно отбираетъ рабовъ у другого племени. Но тогда выступаетъ самостоятельно первоначальное побужденіе къ индивидуализаціи и заставляетъ сильнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ изъ племени сознательно присвоить себѣ извѣстныя убранства и запретить ихъ массѣ. Такимъ образомъ, у обамба (въ области Габунъ) только тотъ татуируется, кто получилъ право на эту честь своею храбростью или богатствомъ; у вапсамбези могутъ, по свидѣтельству Рейхарда, носить львиную или пантеровую шкуру лишь самые знатные, а въ нижнемъ Конго запрещено рабамъ украшать себя шелками и кораллами. Убранство, какъ отличительный признакъ положенія, сильно развилось у культурныхъ народовъ, первоначальное родовое и племенное различіе которыхъ замѣнялось все болѣе и болѣе степенями положенія; въ особенности это замѣтно въ чиновничьей іерархіи, которая въ Китаѣ, какъ и

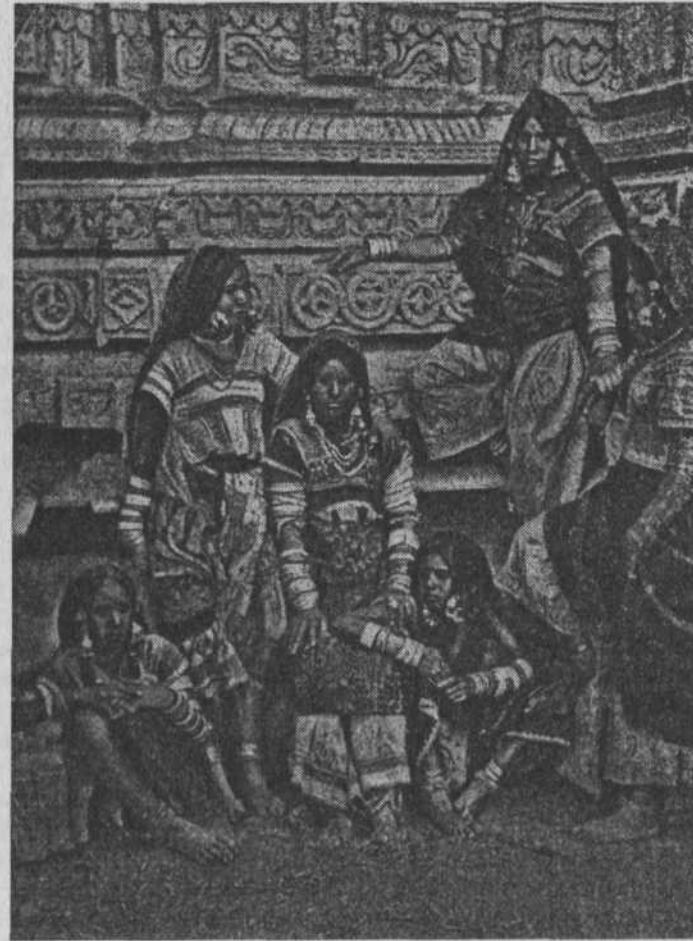
въ Европѣ, придаетъ большое значеніе отличіямъ по чину и по заслугамъ. Гдѣ какая-нибудь общественная группа, какъ у насъ духовенство, претендуетъ на особенное достоинство и вниманіе къ себѣ, она сейчасъ же выражаетъ это своимъ одѣяніемъ. У военныхъ, наконецъ, переходъ побужденія въ разумную цѣлесообразность проведенъ всего болѣе; конечно, пестрые мундиры расчитаны также на подъемъ чувства собственного достоинства посещаго, но главнымъ образомъ они служатъ для яснаго обозначенія принадлежности другъ къ другу отдѣльныхъ частей войска и чина начальниковъ, слѣдовательно, стали очень полезной опорой порядка и дисциплины.

Различіе положенія совпадаетъ обыкновенно съ различіемъ состоянія; гдѣ это не имѣемъ мѣста, богатые все же составляютъ особенную, пользующуюся уваженіемъ группу, которая большею частью можетъ превзойти другихъ блескомъ своихъ украшеній. Здѣсь желаніе возвеличенія своей личности получаетъ дальнѣйшій просторъ, такъ какъ группа богатыхъ рѣдко такъ тѣсно сплочена, чтобъ всѣ ея члены носили одинаковую одежду, и между отдѣльными собственниками начинается соревнованіе, которое на низшихъ ступеняхъ относится къ количеству украшеній, а на высшихъ — къ ихъ качеству: если ликаръ разбогатѣетъ, онъ не можетъ перемѣнить изъ-за этого мѣстной одежды, но только богаче ее украсить. Въдѣ и у насъ народный обычай ставить предѣлы всякимъ фантастическимъ отступленіямъ, къ огорченію изобрѣтателей новыхъ убранныхъ; чисто фантастическое одѣяніе принимается, какъ ложь или вызовъ, и допускается народомъ въ маскарадахъ, но не терпится въ обыденной жизни.

Мы уже указали въ другомъ мѣстѣ, что богатство раньше всего проявляется въ обладаніи массой украшеній и, какъ само украшеніе, становится показателемъ денегъ. Это было бы невозможно, если бы при всякомъ украшеніи, рядомъ съ оцѣнкой собственника, не принималось во вниманіе мнѣніе соплеменниковъ. Это сужденіе постороннихъ даже необходимо для того, чтобы убранство имѣло смыслъ: если мы можемъ смотрѣть на него, какъ на языкъ, какъ на разъясненіе внѣшнему міру, то оно, повятно, предполагаетъ и людей, которые его понимаютъ и, съ своей стороны, по этому поводу высказываются.

Обычай носить свое имущество въ украшеніяхъ сохраняется даже при развитіи культурнаго языка и приводитъ, въ примитивныхъ условіяхъ, часто къ страннымъ несообразностямъ: негръ, высшее богатство котораго состоитъ изъ желѣза и мѣди, долженъ тащить на себѣ болѣе тяжелое украшеніе, чѣмъ индѣанка, носящая на себѣ свое богатство въ видѣ серебряныхъ украшеній (см. рис. стр. 537), или мавританскій купецъ, воплотившій свои сбереженія въ

нѣсколькихъ кольцахъ съ драгоценными камнями. Большія неприятности переносятся ради сознанія, что надѣтыми украшеніями сокровища превратились въ часть поверхности человѣческаго тѣла и, такимъ

Южно-индѣйскія танцовщицы (Мадрасъ).

образомъ, находятся въ большей сохранности. Женщины сомаловъ, которыя, при скитальческомъ образѣ жизни племени, всегда должны быть готовы въ походѣ, не только при самыхъ тяжелыхъ домашнихъ работахъ, но и ложась спать не снимаютъ своихъ украшеній. Въ тропической Африкѣ женщины часто почти падаютъ подъ тя-

жестью желѣзныхъ и латунныхъ украшеній, которыя въ излишествѣ охватываютъ шею заклепанными кольцами и обвиваютъ ноги и руки тяжелыми спиралями. Дельмаръ Морганъ видѣлъ, что жена начальника вавувиенъ, которая носила на шеѣ латунное кольцо въ 16—20 ф. вѣсомъ, принуждена была часто ложиться и отдыхать, чтобъ не упасть подъ тяжестью украшеній. Въ случаѣ войны, эти неснимаемыя украшения становятся роковыми; Гальтонъ видѣлъ двухъ женщинъ племени гереро, которымъ грабители-готентоты отрѣзали ноги до лодыжки, чтобъ сорвать съ нихъ желѣзные кольца.

Хотя въ этихъ случаяхъ украшеніе служитъ воплощеніемъ богатства, но и здѣсь оно исполняетъ свою первичную задачу—отличить и возвысить личность. Этимъ оно тѣсно примыкаетъ къ другой группѣ украшеній—къ трофеямъ войны и охоты, которые часто представляютъ и цѣнное имущество, и во всякомъ случаѣ должны выставить владѣльца въ блестящемъ свѣтѣ. Сюда принадлежатъ излюбленные шейныя ожерелья изъ человѣческихъ и звѣриныхъ зубовъ, изъ когтей и клювовъ, разныя украшения изъ перьевъ и многія части одежды, сдѣланныя изъ шкуръ опасныхъ хищныхъ животныхъ. Каждое украшеніе, отнятое у врага, становится также трофеемъ. Часто трофеи становятся постоянными признаками отличія, говорящими понятнымъ языкомъ для посвященнаго, и никто изъ неизбранныхъ не можетъ носить ихъ. Для синаловъ страусовое перо, украшающее голову воина, есть знакъ удачнаго убійства; у данакилей къ этому прибавляются еще кольца изъ слоновой кости, такія же палочки въ ушахъ и бѣлые лошадиные волосы для украшенія щита; это изобиліе блага цвѣта показываетъ, что тутъ дѣйствовали я мистическія представленія; какъ всегда въ такихъ случаяхъ, разныя идеи перекрещиваются и пополяютъ другъ друга. Подобныя военные отличія являютъ всюду цѣлью честолюбія. У племени ангами-нага воишь, убившій оленя врага, носитъ ожерелье изъ раковинъ каури, украшенное прядями волосъ убитаго, а послѣ многихъ смертельныхъ ударовъ онъ имѣетъ право носить такое же болѣе широкое украшеніе на груди; на островахъ Индійскаго океана и въ Меланезіи, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ охотятся за черепами, эти послѣдніе символы сомнительнаго геройства всюду приняты. Многія сѣверо-американскія индѣйскія племена, какъ дакоты, имѣютъ цѣлую систему отличій, которая состоитъ преимущественно изъ особенно-окрашенныхъ и надрѣзанныхъ перьевъ и сама служатъ указаніемъ о подробностяхъ поступка: одинъ взглядъ на перо объявляетъ, застрѣлилъ ли побѣдитель врага или иначе какъ отправилъ его на тотъ свѣтъ, былъ ли онъ при этомъ раненъ, участвовалъ ли онъ въ одномъ смертоубійствѣ и сколько было ихъ при этомъ, убитъ ли воинъ, женщина или ребенокъ и т. д. (см. рис. стр. 539).

Кромѣ того, еще въ обычаѣ носить у пояса снятую съ головы врага кожу, какъ самый несомнѣнный трофей. Другія отличія удавшихся предпріятій рисуются на тѣлѣ или на военномъ плащѣ и часто состоятъ изъ картинныхъ изображеній дѣйствія, слѣдовательно, принадлежать уже къ другой области человѣческихъ проявленій.

Рядомъ съ трофеями, у индѣйцевъ нѣтъ недостатка въ отличительныхъ признакахъ, выдающихъ неудачу при нападении или смерти соплеменника; здѣсь мы видимъ уже переходъ къ тѣмъ водоизмѣняемымъ уборамъ, которыя должны выражать минутное настроеніе, радостное или печальное. Въ общемъ богатое и блестящее украшеніе, новыя и роскошныя платья служатъ выраженіемъ радости, противоположное—выраженіемъ скорби и отчаянія. При возникновеніи траурныхъ одеждъ могутъ вліять разныя побочныя причины, но важнѣйшимъ, основнымъ побужденіемъ бываетъ стремленіе привести свой наружный видъ въ соотвѣтствіе съ внутреннимъ состояніемъ; почти нельзя сомнѣваться, напримеръ, что тутъ проявляется страхъ мести умершаго, который могъ бы позавидовать счастью разряженнаго потюма и возмутиться недостаточной скорбью; а иногда траурныя убранства вызываются также желаніемъ быть не узнаваемымъ, желаніемъ обмануть призраки, которые не узнаютъ родственниковъ въ измѣненномъ видѣ. Траурными цвѣтами всего чаще бываютъ бѣлый и черный; напримеръ, въ области Камеруна у іунде жены умершаго красятся бѣлымъ цвѣтомъ, а чернымъ окрашиваются жители Новой Помераніи въ случаѣ смерти родича; бѣдой трубочной глиной обмазываются вдовы австралийцевъ. Противоположностью траурнымъ являются праздничныя убранства, въ которыхъ часто отражается причина праздника, а при религиозныхъ празднествахъ выражаются и мистическія идеи.

Связь украшеній съ мистикой очень тѣсна, переходъ амулетовъ въ украшения и наоборотъ принадлежитъ къ самымъ частымъ явленіямъ даже у цивилизованныхъ народовъ; такъ, у магометанъ четки, любимое украшеніе; монеты въ качествѣ амулета, какъ, напримеръ, извѣстный георгіевскій талеръ, встрѣчаются у европейцевъ, арабовъ и индѣйцевъ; кресты, носимые на шеѣ, какъ украшеніе и

Знаки отличія племени дакота въ Сѣв. Америкѣ; а. часто былъ раненъ; б. убилъ одного врага; с. перерѣзалъ одному врагу горло и скальпировалъ его.

въ тоже время, какъ талисманъ, извѣстны во всемъ христіанскимъ народамъ. Именно мистическое развитіе побужденія къ украшенію показываетъ его склонность слиться съ другими побудительными причинами. Когда сѣверо-западный американецъ татуируетъ себя на кожѣ знакъ тотемъ, онъ хочетъ этимъ себя обезпечить защитой таинственныхъ силъ и въ то же время явно выразить свою принадлежность къ извѣстному роду (Sippe); слѣдовательно, татуировка—не только украшеніе тѣла, но талисманъ и знакъ отличія. Тайны общества выражаютъ принадлежность члена къ извѣстной степени и связанныя съ этимъ мистическія идеи всего охотнѣе раскрашиваніемъ (см. рис. стр. 541). Разрисовка воиновъ, выстунающихъ въ походъ, считается иногда защитой отъ ранъ (въ Новой Помераніи). Между безчисленнымъ множествомъ амулетовъ многіе служатъ также украшеніемъ; въ свою очередь украшенія могутъ превратиться въ амулеты. Служа средствомъ защиты, эти мистическія части убранства образуютъ въ то же время переходъ къ оружію для защиты—сверхъестественное, но тѣмъ болѣе признанное дѣйствительнымъ, оборонительное орудіе тѣла.

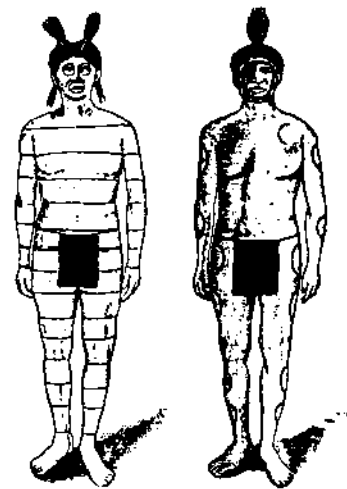
Въ большей части этихъ побочныхъ причинъ убранства лежатъ, повидимому, ручательство его долговѣчности; ни отличія племени, ни трофей или охраняющаго амулета не снимутъ съ легкимъ сердцемъ и не промѣняютъ на другое украшеніе. Часть примитивныхъ украшеній дѣйствительно несокрушима, какъ татуировка или клины въ губахъ и ушахъ, которые хотя и можно вынуть, но слѣдъ отъ нихъ стереть невозможно. Но основная черта всего явленія, самое первое къ нему побужденіе—придать значеніе личности—благоприятствуетъ измѣнчивости, какъ только самое существо человека, его внутреннее ощущеніе и внѣшнее положеніе измѣняются. Такъ мѣняется для отдѣльныхъ особей у первобытныхъ народовъ, въ продолженіе ихъ жизни, и ихъ убранство: маленькая дѣвочка одѣта иначе, чѣмъ взрослая дѣвушка, эта послѣдняя иначе, чѣмъ замужняя женщина, а вдова большею частью отличается внѣшностью отъ своихъ подругъ; у мужчинъ перемѣна уборовъ требуется въ особенности при достиженіи совершеннолѣтія. Но эти измѣненія устойчивы въ другомъ отношеніи; другими словами, общество, въ установившихся формахъ, обладаетъ цѣлымъ рядомъ опредѣленныхъ убранствъ для различныхъ возрастовъ своихъ членовъ. Если бы народы оставались спокойно на своихъ привычныхъ мѣстахъ съ обычнымъ добываніемъ пищи, эти установившіяся убранства измѣнились бы съ трудомъ и то только тогда, когда среди самаго народа разовьются новыя идеи и стремленія.

Въ дѣйствительности же, ни одна часть человечества не изолирована настолько, чтобъ не имѣть соприкасанія съ другими наро-

дами и чтобъ не нарушался покой полной однородности,—будь это постепенно, внезапно или толчками. Не самое глубокое, но очень живое впечатлѣніе производятъ въ этихъ случаяхъ внѣшній видъ чужестранцевъ; они начинаютъ вліять на народную жизнь, а такъ какъ доля духовной жизни одного народа переносится на другой, то и часть внѣшняго вида, которому могутъ подражать, т. е. убранство, перенимается отчасти или вполнѣ. Гдѣ вліяніе чужестранцевъ становится преобладающимъ, гдѣ, другими словами, ихъ умственное превосходство одерживаетъ верхъ, ихъ одѣянія рѣшительно вытѣсниютъ убранство умственно-побѣжденныхъ. Это въ особенности проявляется тамъ, гдѣ европейцы и туземцы тѣсно соприкасаются, и всегда распространяется прежде всего на тѣ классы туземцевъ, которые всего сильнѣе затронуты новымъ вліяніемъ; въ Японіи, совершенно подавлявшейся одно время европейскому примѣру, образованные и знатные первые сдружились съ нашей одеждой, а въ самый народъ она почти не проникла.

Превосходство одного народа надъ другимъ, можетъ быть, въ общемъ вовсе не такъ велико, чтобы вызвать подобныя явленія. Тревиры и нервиры, племена кельтовъ, сосѣднихъ съ древними германцами, считали послѣднихъ родственными себѣ и охотно подражали убранству этихъ страшныхъ воиновъ; такимъ же образомъ кафрамъ и массаамъ, воинственнымъ племенамъ Восточной Африки, подражаютъ мирные народцы въ убранствѣ и вооруженіи; даже случалось, что мирные земледѣльцы, надѣвъ новое убранство, дѣйствовали, какъ зулусы, предпринимали разбойничьи набѣги и, благодаря маскѣ, вселяющей страхъ, завладѣвали богатой добычей.

Переходъ къ принятію новаго, болѣе совершеннаго убранства, которое является болѣе цѣлесообразнымъ уже изъ практическихъ причинъ, какъ лучшая защита тѣла, нерѣдко облегчается тѣмъ, что старое убранство остается въ употребленіи рядомъ съ новымъ. Известъ наблюдалъ это у негритянокъ Суринама; другія свидѣтельства подтверждаютъ то же о жителяхъ Каролинскихъ острововъ. Въ Египтѣ консервативное сословіе жрецовъ сохранило простой поясъ цѣломудрія древнихъ временъ подъ болѣе богатой одеждой позднѣй-

Разрисовка одного тайнаго союза индейцевъ сіа (Сѣв. Америки).

шихъ періодовъ. Иногда именно знатныхъ лицъ изъ народа удерживаетъ только чувство собственного достоинства вполне отбросить старинное убранство въ пользу поваго, и въ особенности въ Африкѣ, племенныхъ вождей которой охотно представляютъ себя карриатурами европейскихъ франговъ, нѣтъ недостатка въ примѣрахъ такого похвального образа мыслей. Въ Европѣ только мундиръ солдатъ есть отчасти національная одежда, и дѣйствительно здѣсь замѣчаются попытки слабѣйшихъ выставить въ мундирѣ хотя бы остатки своихъ особенностей. Хотя въ Германіи прусскій мундиръ сталъ образцомъ, а характерный штихель нашелъ подражаніе даже извнѣ—въ Швеціи, Португаліи и Испаніи,—но баварецъ еще долго сохранялъ свой пламень украшеніемъ, похожимъ на гусеницу, и другія особенности; юртембергецъ до сихъ поръ смотритъ съ удовольствіемъ на двойной рядъ пуговицъ своего мундира, а саксонецъ радуется на свой охотничій киверъ и зеленый полукафтанъ своихъ артиллеристовъ. Еще болѣе далекое прошлое напоминаютъ старинные гусарскіе и уланскіе мундиры, посетители которыхъ, однако, давно уже не вербуются нами въ Венгрію и Польшу, какъ въ прежнія времена.

Несмотря на всѣ консервативныя усилія, всегда болѣе сильныя тамъ, гдѣ гордость собственной народностью сознательно воспитывается, ни одна національная одежда не долговѣчна, и всѣ попытки ее сохранить заключаютъ въ себѣ нѣчто искусственное. Въ дѣйствительности, даже такъ называемыя «старинныя» убранства различныхъ мѣстностей цивилизованныхъ странъ, какъ, напр., Германія, вовсе не такъ стары. Если убранство жителей Лѣсовъ по р. Шпре считать со времени Реформации, которая въ послѣдній разъ основательно потрясла умственную жизнь отдаленнаго уголка земли, это будетъ уже много; объ оригинальномъ убранствѣ жителей Альтенбурга, которое, казалось бы, существуетъ съ незапамятныхъ временъ, М. Гейеръ удостовѣрилъ, что оно въ настоящемъ видѣ появилось немного позже 1800 г., послѣ полного переворота, совершившагося уже разъ въ продолженіи XVIII столѣтія. Тотъ фактъ, что теперь усердно выступаютъ за сохраненіе национальныхъ уборовъ, соединенъ съ ритмическимъ развитіемъ культуры: когда маятникъ дѣлаетъ взмахъ въ сторону космополитизма, исчезаютъ особенности уборовъ; если же выступаютъ, какъ теперь, силы, сохраняющія и укрѣпляющія общность отдѣльныхъ человѣческихъ группъ, тогда взглядъ опять съ любовью обращается на внѣшнія особенности, которые выказываютъ самостоятельную внутреннюю жизнь меньшихъ народныхъ группъ, соответствующую мѣстности, въ которой онѣ живутъ.

Впрочемъ, при всемъ этомъ, всѣ народы европейскаго культурнаго міра принимаютъ мало-по-малу единство, выражающееся въ убранствѣ; и передъ этимъ единствомъ не могутъ же устоять даже

отдѣльные одежды различныхъ сословій, выступившія временно на сцену національнымъ костюмамъ; во всякомъ случаѣ, кое-гдѣ появляются особенные уборы служаковъ, или лица опредѣленныхъ занятій—кучера, слуги и т. под. принимаютъ изъ практическихъ видовъ нѣчто вроде мундира. Одежда прислуги перѣдко при этомъ состоитъ изъ настоящаго національнаго костюма, какъ у многихъ дѣвушекъ изъ Даларны, которыхъ мы видимъ на улицахъ Стокгольма или въ Берлинѣ, у корьялицъ изъ Лѣсовъ Шпре. Но въ другихъ отношеніяхъ одежда европейскихъ культурныхъ народовъ представляетъ уравненіе между различными настроеніями отдѣльныхъ группъ и такъ какъ это настроеніе постоянно мѣняется и не всегда тѣ же группы даютъ ему тонъ, происходятъ постоянное измѣненіе одежды, которое изъ данныхъ центровъ постепенно распространяется до самыхъ отдаленныхъ уголковъ культурныхъ владѣній. Эта смѣна моды въ одеждѣ стала все чаще съ улучшеніемъ средствъ сообщенія, хотя въ общихъ чертахъ одежда вовсе не такъ быстро измѣняется, какъ можно заключить изъ постоянныхъ переизмѣненій мелкихъ внѣшностей, сохранились же неизменно почтенныя главныя части общественнаго убранства—фракъ и цилиндръ.

Что означитъ взглядомъ убранства болѣе значительнаго промежутка времени, ясно различить въ нихъ духъ различныхъ историческихъ періодовъ и существо народовъ, дающихъ тонъ. Въ свободной, несвязывающей, яркой одеждѣ ландскнехтовъ Реформации вѣрно отражается счастливое настроеніе духовной свободы, охватившее нѣмецкій народъ и перенесенное имъ вмѣстѣ съ одеждой на другихъ обитателей Европы; въ противоположность этому, фанатическое, враждебное свободѣ кастильское господство создало чопорную, узкую и темную одежду реакціи противу Реформации, пока Людовикъ XIV обезпечилъ французамъ умственное руководство Европой и сдѣлалъ Парижъ Меккой всѣхъ модныхъ портныхъ. Современная одежда своей простотой, не яркими красками, своимъ совершенно демократическимъ характеромъ являетъ продуктъ французской революціи съ ея лозунгомъ: свобода, равенство и братство; но все болѣе и болѣе начинаетъ проявляться въ ней вліяніе серьезныхъ и трезвыхъ германскихъ народовъ, англичанъ или нѣмцевъ—однаково, хотя и въ совершенно разныхъ направленіяхъ. Страсти къ спорту англичанъ противопоставляется милитаризмъ нѣмцевъ, который даже женскимъ модамъ охотно придаетъ мужской, солдатскій характеръ.

И у первобытныхъ народовъ нѣтъ недостатка въ смѣнѣ моды, но здѣсь она совершается медленно, что уже обуславливается прочностью татуировки и другихъ измѣненій тѣла; но и сама татуировка, даже въ сравнительно отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, становится уже не та; это наблюдалъ Виссманнъ у племени

балуба, въ южномъ Конго. «И татуировка,—пишетъ онъ,—подчинена модѣ: у западныхъ балуба можно различить три сорта ея. Болѣе старые люди имѣютъ на тѣлѣ концентрическіе круги, точки, вертикальныя черты, открытые углы. Въ возрастѣ отъ 25 лѣтъ стремились прежде всего украсить кожу художественной работой, а младшіе возрасты Бена-Рамба заимствовали знаки татуировки у бангаловъ и обыкновенно изображаютъ ихъ только на лбу. У дѣтей почти уже не производится совсѣмъ татуировки, поэтому черезъ нѣсколько лѣтъ вполнѣ татуированные балуба будутъ принадлежать къ рѣдкимъ явленіямъ и мало-по-малу исчезнуть». Въ тѣхъ мѣстахъ Африки, гдѣ существуетъ большее предложеніе европейскіхъ матерій и украшеній, мѣняются моды довольно быстро, хотя чаще всего придерживаются извѣстныхъ отличій племени; такъ, по показанію Макдональда, у многихъ племенъ Южной и Восточной Африки видъ одежды мѣняется теперь года черезъ два, головныхъ же уборовъ эти перемѣны почти не касаются. Въ другихъ же частяхъ Африки именно въ прическахъ царитъ полная свобода, такъ что отдѣльныя индивидуумы могутъ здѣсь проявить свои чисто-личныя склонности.

Быстрой смѣнѣ моды въ Европѣ, кромѣ сношенія народовъ, особенно покровительствуютъ социальныя различія и, прежде всего, противоположности богатства и бѣдности. Рудольфъ Ирригъ основалъ на этомъ свою остроумную, но чересчуръ одностороннюю теорію моды. Стремленіе высшихъ классовъ народа всегда будетъ направлено на то, чтобъ подняться надъ низшими; такъ какъ невозможно заставить низшіе классы носить особенную одежду и такъ какъ главные черты убранства очень медленно измѣняются, высшіе классы должны выказать свое превосходство постояннымъ обновленіемъ одежды, которая при этомъ отличается отъ предыдущихъ образцовъ всегда мелочами. Только тотъ можетъ слѣдовать всѣмъ измѣненіямъ моды, кто въ состояніи постоянно мѣнять свои уборы; кто одѣтъ „по послѣдней модѣ“, доказываетъ этимъ, по крайней мѣрѣ по его мнѣнію, что онъ принадлежитъ къ лучшему обществу. Такъ какъ менѣе достаточные общественные слои постепенно слѣдуютъ въ этомъ за болѣе богатыми, происходитъ настоящее соревнованіе, становящееся уже потому все сильнѣе съ растущимъ богатствомъ народа, что богатые стараются состязаться и между собою въ новинкахъ.

Къ счастью, существуютъ и сдерживающіе моменты. Безумно-быстрая смѣна одежды вовсе не отвѣчаетъ смѣнѣ народнаго настроенія, не говоря уже о внутреннемъ прогрессѣ культуры; послѣдніе происходятъ гораздо медленнѣе, такъ что именно самыя дѣльныя натуры, дѣйствительно воспринимающія болѣе глубокія измѣненія человечества, не находятъ удовольствія въ нелѣпыхъ поступкахъ моды; кромѣ того, богатые классы народа лишь отчасти

руководятъ духовно, и какъ родовое дворянство, не всегда благословенное богатствомъ, такъ и умственная аристократія, о которой можно сказать то же, умѣютъ иногда лучше охранить свою самолюбивость благородной простотой, чѣмъ это когда-либо удается рабамъ моды. Въ мужской одеждѣ сдерживающія вліянія имѣли заслугу ввести извѣстное постоянство, хотя и въ этой области времена мѣняются; въ концѣ XIX столѣтія, названнаго такъ своеобразно „fin de siècle“, замѣчается снова, благодаря долгому мирному времени, преобладаніе богатыхъ и праздныхъ элементовъ и, вслѣдствіе того, болѣе быстрые смѣны и модныя преувеличенія въ мужской одеждѣ.

Подчиняются модѣ главнымъ образомъ предметы украшенія или украшающія особенности одежды; когда измѣняются чисто-практическія свойства ея, къ чему стремятся въ послѣднее время многочисленныя реформы въ костюмѣ, это не можетъ уже относиться къ смѣнѣ моды, такъ какъ моды возможны лишь въ сферѣ эстетическаго удовольствія. Въ живописи, музыкѣ и поэзіи можетъ существовать мода, но никогда не гонорятъ о новой модѣ въ паровыхъ машинахъ или въ оружіи,—развѣ только въ ироническомъ смыслѣ. Эстетическое удовольствіе разукрасить собственно „я“ притупляется со временемъ, и такъ какъ имѣющееся побужденіе къ подчеркиванію собственнаго существа требуетъ достиженія цѣли, это удовольствіе должно быть удовлетворено все новой смѣной украшеній, пока побочныя причины и принужденія общества не сдержатъ перемѣну, или полный застой духовной бодрости и развитія не сдѣлаютъ ее излишней.

Такъ какъ первобытный человѣкъ медленнѣе измѣняется, чѣмъ цивилизованный, онъ предпочитаетъ дліящаяся украшенія, которыя измѣняютъ поверхность самаго тѣла; онъ пріобщаетъ, такъ сказать, къ неизгладимому языку тѣла свои собственныя замѣчанія столь же неизгладимыми письменами. Простѣйшее украшеніе тѣла, возникшее изъ праздной игры, но поддержанное, очень возможно, человѣческой гордостью надъ животными, есть выщипываніе всѣхъ волосъ, считаемыхъ излишними. Этотъ обычай чрезвычайно распространенъ и хорошо знакомъ также культурнымъ народамъ въ формѣ бритья. Нужно отмѣтить и тутъ противоположность: дикарь старается уничтожить бороду и другіе волосы навсегда, а болѣе развитой человѣкъ удаляетъ ихъ лишь поверхностно и предоставляетъ себѣ возможность при другомъ настроеніи опять дать имъ расти. Гдѣ выщипываніе волосъ перешло въ обычай, обыкновенно совершенно удаляютъ волосы на тѣлѣ и на бородѣ, часто также брови и рѣсницы; оставляютъ лишь, по большей части, волосы на головѣ и мудрятъ надъ ними иначе. Искусственное уничтоженіе волосъ облегчается у боль-

пишества первобытных народовъ тѣмъ, что борода и волосы на тѣлѣ у нихъ почти совсѣмъ отсутствуютъ; сильно обросшіе волосами народы, какъ индо, обыкновенно не знаютъ этого обычая. Очень распространены особенныя пишеты для выщипыванія, которымъ занимаются въ часы досуга, какъ пріятной забавой. Съ какимъ тщаніемъ занимаются этимъ, напр., даяки, показываетъ описаніе Брока Лоуа: «Предубѣжденіе въ пользу гладкаго лица такъ велико, — пишетъ онъ, — что я, насколько распространяется мой опытъ, не видѣлъ ни одного озернаго даяка съ бородой или усами, хотя пристальный наблюдатель не можетъ сомнѣваться, что они могли бы обладать болѣе густой бородой, чѣмъ малайцы... Полное отсутствіе волосъ на лицѣ, подбородкѣ и подмышками могло бы привести поверхностнаго наблюдателя къ ошибкѣ считать за естественный недостатокъ то, что главнымъ образомъ зависитъ отъ систематическаго удаленія волосъ. Такая известь часто втирается въ кожу, чтобы разрушить жизнеспособность корней волосъ. Зеркало и щипчики для волосъ не выходятъ изъ рукъ туземцевъ, которые посвящаютъ каждую свободную минуту добросовѣстному выщипыванію отдѣльныхъ волосковъ». При этомъ, какъ и у жителей нижняго Конго, по Варду, не щипаютъ ни бровей, ни рѣсницъ.

У южно-американскихъ индейцевъ сильно распространено выщипываніе волосъ; также у большой части племенъ гуаилловъ и у обитателей Шингу; какъ въ этомъ случаѣ поступаютъ послѣдніе, болѣе подробно описываетъ Карлъ фонъ Штейнль. «Всѣ остальные волосы на тѣлѣ, — говоритъ онъ послѣ описанія часто встрѣчающейся у бамагри тонзуры, — за исключеніемъ бровей, бреются или проворно выщипываются. Рѣсницы не кладутся, какъ у юруновъ въ нижнемъ Шингу, на ливкую нитку, чтобы быть затѣмъ вырванными однимъ движеніемъ руки, но выщипываются по волоску еще въ дѣтскомъ возрастѣ... Я часто смотрѣлъ, какъ тимайоа вырываетъ свои рѣдкіе волоски на подбородкѣ. Онъ могъ съ большимъ вниманіемъ по цѣлымъ часамъ предаваться передъ зеркаломъ этому созерцательному занятію; повидимому, онъ не испытывалъ никакой боли, а лишь удовольствіе прилежнаго человѣка, любящаго свою возбуждающую работу». О причинахъ этого обычая нельзя было ничего узнать, но кажется, какъ подробно объясняетъ названный изслѣдователь, онъ поддерживается многими побочными причинами, между прочимъ, и желаніемъ получить гладкую поверхность тѣла для разрисовки.

Если, въ сущности, выщипываніе имѣетъ основаніемъ забаву, возведенную въ систему побужденіемъ къ украшенію, то уродованіе зубовъ, очень распространенное, въ особенности, какъ племенное отаціе, можетъ быть вызвано другими побудительными причинами, которыя теперь, конечно, трудно открыть. Часто встрѣчается

заостреніе переднихъ зубовъ, которое, быть можетъ, служитъ по-дражаніемъ хищнымъ звѣрямъ, что особенно понятно подѣ влияніемъ тотемистическихъ представленій. Въ другихъ мѣстахъ, напр., въ малайскомъ архипелагѣ, укорачиваютъ пилюкой передніе зубы или выпиливаютъ въ среднихъ зубахъ треугольникъ, или, наконецъ, выбиваютъ всѣ зубы. Эти операціи дѣлаются болѣею частью при торжествахъ по поводу достиженія совершеннолѣтія. Въ Африкѣ уродованіе зубовъ принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ племеннымъ отличіямъ, и было бы интересно съ помощью повѣрныхъ изслѣдованій попробовать картографически группировать племена по зубнымъ убранствамъ; народамъ, живущимъ у Нила, и многимъ восточнымъ и средне-африканскимъ народамъ, выбивающимъ передніе зубы, противопоставляется важнѣйшая группа племенъ съ заостренными зубами, къ которой принадлежатъ ніамъ-ніамъ, бонго, нѣкоторые племена Конго и т. д. Вообще, сами первобытные народы даютъ этому обычаю уже въ послѣдствіи придуманныя, дѣтскія объясненія, какъ, напр., жители Формозы утверждаютъ, что выбиваніе переднихъ зубовъ облегчаетъ дыханіе; можно также считать это эстетическимъ побужденіемъ, вызываемымъ привычкой къ вышнему виду, но никакъ не первой причиною обычая.

Одинъ оригинальный обычай жителей Вадаиса (въ Суданѣ), кажется, возникъ изъ чисто-медицинскихъ причинъ. «Главнымъ украшеніемъ мужчины, — пишетъ Нахтигаль, — служитъ такъ наз. плодъ думъ (mugla), т. е. возвышеніе на кожѣ между ухомъ и шейю, образовавшееся отъ постояннаго употребленія сухихъ банокъ; по мнѣнію вадавовъ, это признакъ воинственнаго духа и безстрастія».

Глубоко лежащая въ человѣкѣ черта — все привычное находить прекраснымъ и должнымъ и отбѣнять капризы отдѣльныхъ личностей противъ правовъ установившагося общества, не можетъ, конечно, создать новыхъ обычаевъ, а вліяетъ лишь на то, чтобы разсучайно создавшееся было принято и сознательно сохранялось. Такимъ образомъ много разъ переходило въ обычай придавать головамъ дѣтей, посредствомъ надавливанія, известную форму, которая затѣмъ служитъ отличіемъ племени. Вездѣ, гдѣ дѣти лежатъ въ колыбели на твердой подстилкѣ, гдѣ имъ къ тому же туго притягиваютъ голову или въ раннемъ возрастѣ надѣваютъ имъ тѣсныя головные уборы, можно наблюдать, что черепъ поддается вышнему давленію. У многихъ народовъ требовался лишь этотъ толчокъ, чтобы возникла постоянная черепная пластика, давшая странныя плоды еще у древнихъ жителей Перу; по изслѣдованіямъ Моргана, у нихъ было не менѣе четырехъ различныхъ искусственныхъ формъ черепа. Вреднаго вліянія на умственное развитіе дѣтей это уродованіе че-

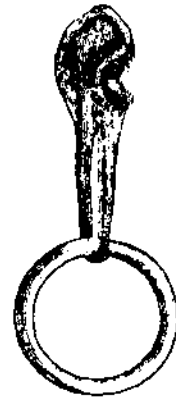
рена, кажется, не производить; впрочем, и в Европѣ оно встрѣчается, въ болѣе легкой формѣ, отъ туго натянутыхъ ночныхъ чепчиковъ и тому подобнѣхъ причинъ.

Другая группа дѣющихся уродованій гѣла возникла отъ напѣренія прикрѣплять украшенія по возможности прочно, слѣдовательно, связана съ побужденіемъ къ высшимъ отличіямъ. Всего охотѣе просверливаютъ и украшаютъ продѣтыми въ отверстіе или вслѣпными въ нихъ драгоценностями мѣсистыя или хрящевыя части головы—нось, уши и губы. Самые ужасныя уродства встрѣчаются тамъ, гдѣ вставляютъ въ губы порядочной величины затычку или дискъ. Въ Юго-Восточной Африкѣ многія племена носятъ въ верхней губѣ, иногда въ обѣихъ, затычку, называемую здѣсь пелеле. «Этотъ пелеле,—пишетъ Лидеръ,—состоитъ изъ круглаго, плоскаго, часто разукрашеннаго диска, деревяннаго или глинянаго, вставляемаго въ отверстіе все большихъ дисковъ, оно часто достигаетъ необыкновенной величины и искажаетъ лицо самымъ безобразнѣйшимъ образомъ. У старыхъ женщинъ, мускулы губъ которыхъ уже настолько ослабли, что онѣ не могутъ держать дискъ впередъ горизонтально, пелеле вхоже на большой замокъ, привѣшанный ко рту. При разговорѣ это украшеніе двигается вверхъ и внизъ, что не особенно способствуетъ ясности рѣчи». Если украшеніе вставляется въ нижнюю губу, какъ у ботокудовъ въ Бразиліи, вялость губныхъ мускуловъ наступаетъ, конечно, еще скорѣе и въ большей степени, а постоянное несмыканіе рта, въ свою очередь, портитъ зубы. У эскимосовъ носятъ губное украшеніе только мужчины, у сѣверо-западныхъ американцевъ—только женщины, и у послѣднихъ оно служитъ также знакомъ зрѣлости, а по его величинѣ судятъ объ общественномъ положеніи и возрастѣ. «Каждый годъ,—пишетъ Ниблакъ,—вставляется въ губы все большій колъ или дискъ, такъ что съ годами губа оттягивается внизъ и открываетъ почернѣвшіе, испорченныя зубы—зрѣлѣе, отталявающее для европейца, но для туземца—красивое и служащее знакомъ знатности, зрѣлости и социальнаго положенія... Для индианки также немисливо выйти безъ губного кола, какъ для европейки—съ открытой грудью. Рабынямъ строго запрещалось носить его». Въ послѣднее время этотъ обычай начинаетъ исчезать здѣсь и въ Африкѣ но въ захвѣ того появляется маленькій серебряный или мѣдный колечекъ, вставляемый въ губы. Впрочемъ, вставленіе колечекъ въ губы было издавна принято у западныхъ эскимосовъ. Причиной исчезновенія этого и другихъ уродливыхъ убанствъ является, обыкновенно, переселивающее вліяніе чужого народа, прежде всего европейцевъ, противъ котораго не могутъ бороться внутреннія и высшія особенности маленькаго племени. Въ Восточной Африкѣ болѣе слабы обитатели, вытѣсняе-

мые всюду завоевательными племенами, носятъ губной колъ, такъ что это украшеніе служитъ теперь уже признакомъ слабости и подчиненія и потому находится въ пренебреженіи у молодого поколѣнія.

Чтобы прикрѣпить носовыя украшенія, прокалываютъ обыкновенно носовую перегородку, рѣже—вышнее крыло ноздри. Сѣверо-западные американцы носили въ проколотой перегородкѣ украшенія изъ мѣди, кости, дерева или скорлупы галіотиса. Въ Меланезіи также очень часто встрѣчается прокалываніе носовой перегородки, въ Африкѣ мѣстами прокалываютъ и носовыя крылья, что очень обычно у индусскихъ женщинъ. У индѣйцевъ гуаянось приняты серебряныя подвѣски, привѣшываемыя къ колышку, продѣтому черезъ носовую перегородку, причемъ карибы носятъ подвѣски въ видѣ полумѣсяца, а ваніаны—круглыя; эти послѣднія иногда такъ велики, что счастливый обладатель долженъ ихъ приподнимать, чтобъ напиться изъ сосуда. Подобныя же подвѣски изъ золота были прежде у обитателей Колумбін и Средней Америки.

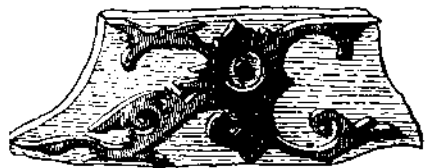
Но любимымъ предметомъ эстетическаго уродованія, безъ сомнѣнія, служатъ уши, въ особенности ушные мочки, къ растяжимости которыхъ предъявляютъ невѣроятныя требованія (см. прил. рис.). Съ терпѣніемъ и выдержкой достигаютъ дѣйствительно очень многого. «Ушные мочки,—пишетъ Рейхардъ о ваніамези,—прокалываются въ юности или, если тогда этого не сдѣлали, у взрослыхъ желѣзной иглой или шипомъ, и сначала продѣвается нитка, которую на третій день замѣняютъ тонкой соломинкой. Къ ней прибавляютъ черезъ каждые два, три дня, при правильномъ заживленіи, еще одну соломинку, пока, черезъ 14 дней, пучокъ соломинокъ въ палецъ толщиной замѣняется, по заживленіи, кускомъ дерева вродѣ втулки, а эта послѣдняя,—чтобъ еще увеличить образовавшееся отверстіе,—утолщается ежедневно наворачиваніемъ древесной или хлопчатобумажной матеріи. Если хотятъ еще увеличить дыру, всовываютъ въ нее постепенно утолщающееся горло тыквенной бутылки, проталкивая его все дальше и дальше. Туго свернутая эластичная полоса пальмоваго листа дѣйствуетъ часто, какъ пружина, и настолько увеличиваетъ дыру изуродованной мочки, что можно было бы легко пропустить черезъ нее очень большіе карманные часы. Тогда изуродованный (по нашимъ понятіямъ) можетъ совершенно свободно натянуть мочку на ухо». Подобныя штуками забавляются и въ Африкѣ многіе первобытные народы; даже господствующая культурная раса въ Перу щеголяла громадными кодами въ ушахъ,

Ухо съ кольцомъ
(Вост. Борнео).

за что получила от испанцев название ореоновъ (большеухи). Въ некоторыхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи на зрителя, очевидно, производятъ впечатлѣніе самая величина уха, а не привѣшанное къ нему украшеніе: дыру расширяютъ насколько возможно и растягиваютъ ее вставленными крестообразно полосами эластичнаго камыша. У другихъ племенъ прокалываютъ отверстия по краю уха и украшаютъ маленькими свѣшивающимися цѣпочками изъ бусъ.

Насколько, наконецъ, сама кожа тѣла поддается длящимся украшениямъ, показываютъ издавна остающіеся рубцы отъ случайныхъ или съ умысломъ нанесенныхъ ранъ. Не говоря о пораненіяхъ, полученныхъ въ бою, медицина, повидимому, много разъ служила призомъ пластики кожи уже съ сознательной цѣлью; рядомъ съ упомянутымъ южно-американскимъ методомъ царапанья до крови часто ставленіе банокъ и поджиганіе кожи, практикующееся очень у многихъ народовъ, оставляетъ послѣ себя маленькіе рубцы, которые иногда располагаются въ известной симметріи, такъ что ихъ

Печать для татуировки изъ Саравокъ (Сѣв. Борнео).

можно смѣшивать съ настоящей рубцовой татуировкой. Татуировка также производится различными способами: пуговочную татуировку производятъ частичнымъ сдираніемъ маленькихъ кусочковъ кожи, которые, по заживленіи, образуютъ наросты въ видѣ пуговокъ или пѣтушиного гребенка; царапаньемъ или, рѣже, вылиганьемъ рисунка на кожу—рубцовую татуировку, которая можетъ быть и цвѣтнымъ украшеніемъ при втираніи красильныхъ веществъ въ раны; тонкими уколами, въ которые втираютъ краску, производятъ татуировку въ узкомъ смыслѣ этого слова, но она принадлежать уже не къ пластикѣ, а къ живописи.

Рубцы въ видѣ пуговицы всего чаще встрѣчаются въ Африкѣ; бангалы имѣютъ на лбу перпендикулярную линію подобныхъ рубцовъ, сливающихся иногда въ гребнеобразный валикъ; тонга и баронга, напротивъ того, дѣлаютъ кругомъ лица двойной рядъ пуговокъ, каждая величиною не менѣе маисоваго зерна. У послѣднихъ племенъ кожу приподнимаютъ съ помощью маленькаго крючка и тогда надрѣзываютъ. Рубцовая татуировка, въ ея грубѣйшей формѣ, господствуетъ въ Австраліи, а раньше и въ Тасманіи. Обыкновенные, широкіе надрѣзы дѣлаются на груди или на спинѣ посредствомъ каменнаго ножа; художественное распредѣленіе этихъ надрѣзовъ встрѣчается лишь въ видѣ исключенія. Въ Африкѣ, еще болѣе, чѣмъ пуговичные рубцы, распространена татуировка надрѣ-

зами и прижиганіемъ, а мѣстами, какъ у балубовъ, она совершается титательно и со вкусомъ. Вильгельмъ Йостъ справедливо указалъ, что татуировка рубцами предпочитается темнокожими народами по той простой причинѣ, что цвѣтная татуировка мало выдѣляется на ихъ кожѣ, а у народовъ со свѣтлой кожей, наоборотъ, рубцы примѣняются рѣдко, такъ какъ они недостаточно рѣзко выступаютъ. Нужно упомянуть о новозеландскомъ методѣ татуировки, какъ переходной формѣ: здѣсь соединено образованіе рубцовъ со втираніемъ краски, и это вполне отвѣчаетъ тому факту, что въ Новой Зеландіи свѣтлокожіе полинезцы смѣшались съ темнокожими меланезцами. Дифенбахъ описываетъ слѣдующимъ образомъ, какъ здѣсь выцарапываютъ рисунокъ: «Татуировка производится или острой птичьей костью или маленькимъ рѣзцомъ (uhi). Кандидатъ на отличіе кладетъ голову на колѣни оператора, который вбиваетъ рукою рѣзецъ въ кожу. Каждый разъ рѣзецъ обмакивается въ краску (papahu), получаемую отъ сжиганія смолы сосны каури; послѣ каждаго вѣзванія кровь вытирается. Татуировка губъ—самая болѣзненная часть операціи».

Эльдорадо татуировки уколами представляютъ острова Великаго Океана, другими словами—восточная область распространенія малайно-полинезійской расы и сосѣднія страны—Японія, берега сѣверо-западной Америки, Новая Гвинея и т. д. Инструменты для нея здѣсь также имѣютъ форму рѣзца или маленькаго крючка, но въѣсто рѣзущей стороны представляютъ, какъ грабли или гребенка, рядъ тонкихъ острѣвъ, и вбиваются въ кожу посредствомъ второго орудія вроде молотка. «Застрашенныя въ видѣ гребенки кости,—пишетъ Лангсдорфъ о Маркизскихъ островахъ,—вставляются подъ острымъ угломъ въ бамбуковую палочку въ палецъ толщины, по которой татуировочный мастеръ ударяетъ другою палочкой такъ легко и такъ ловко, что острія едва прокалываютъ кожу. Когда это сдѣлано и кровь съ лимфой проступила черезъ тонкіе уколы, въ нихъ втирается, растертый въ густой краскѣ и смѣшанный съ небольшимъ количествомъ воды, уголь отъ ядра маркизскаго клещевиннаго орѣха (Aleurites Triloba). Засимъ образуется на татуированномъ мѣстѣ легкое воспаленіе и струпъ, подъ которымъ,—когда онъ черезъ нѣсколько дней отпадаетъ,—выстаетъ голубоватый или темносиній рисунокъ». На Новой Гвинее инструментъ для укола служитъ вѣтка съ шипами, на которой оставленъ одинъ шипъ, и остріе его вбиваютъ въ кожу деревянной палочкой въ видѣ палицы, утолщенный конецъ которой обернуть лубкомъ. Японскіе инструменты (въ прежнія времена художники страны производили ими дѣйствительно великолѣпныя татуировки) очень похожи на полинезійскіе, какъ и инструменты даяковъ. Впрочемъ, даяки имѣютъ особенный

обычай вырѣзывать сначала рисунокъ для татуировки на деревѣ (см. рис. стр. 550) и потомъ, съ помощью красящаго вещества, отпечатывать его на кожѣ; затѣмъ начинается уже самая операція. Народы на Амурѣ придерживаются оригинальнаго способа татуировки: они протягиваютъ сквозь кожу иглоку съ ниткой, пропитанной краской, какъ будто собираются дѣлать шовъ; быть можетъ, впрочемъ, этотъ способъ, производимый китайскими иглами и нитками, только въ послѣдствіи замѣнилъ болѣе простой способъ. Северо-восточные американцы рисуютъ узоръ на тѣлѣ древеснымъ углемъ и послѣ того также накалываютъ его иглами.

Масса причинъ, приводимыхъ въ основаніе татуировки и помогающихъ фактически поддержать этотъ обычай, ясно показываютъ, какъ смутное побужденіе выставить свое «я» воспринимается сознаніемъ, перерабатывается имъ и примѣняется къ новымъ вѣблямъ, причемъ ни одна изъ новыхъ причинъ не объясняетъ вполне обычай. Какъ признакъ отличія семьи, рода и племени, татуировка наблюдается во многихъ случаяхъ, но есть племена, напр., моту въ Нов. Гвиней, у которыхъ украшеніе кожи принимается и отбѣняется почти вполне по капризу и произволу. Часто татуировка есть важная часть обряда при достиженіи совершеннолѣтія и въ то же время служитъ испытаніемъ мужества и твердости, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ операція очень болѣзненна. Въ виду того, что отличія племени нѣрѣдко въ то же время символы племенныхъ божествъ или предковъ, они легко получаютъ охранительный характеръ амулетовъ. Иногда татуировка служитъ воспоминаніемъ объ опредѣленныхъ событіяхъ. Мужчины и женщины обыкновенно разукрашены различнымъ образомъ, болѣе высокое положеніе выражается болѣе богатой татуировкой, а рабамъ она обыкновенно воспрещена. Наконецъ, нѣтъ недостатка въ примѣрахъ, что татуировка замѣняетъ другія украшенія и части одежды или подражаетъ имъ въ видѣ забавы: тликиаты любятъ такимъ образомъ рисовать кольца и браслеты; на Каролинахъ татуировка дѣвушкамъ имѣетъ видъ пояса цѣломудрія, а самоанская и, быть можетъ, бирманская татуировка верхнихъ частей бедеръ также указываетъ на подражаніе части одежды. Татуировка рта женщинъ айновъ, повидимому, копируетъ усы мужчинъ, а у мундовъ, которые выѣтъ съ рубцовой татуировкой знаютъ и шанеру, сходную съ новозеландской, Зенкеръ нашелъ изображеніе табачной трубки, нацарапанное на щекахъ отъ угла рта къ уху.

Новыя изслѣдованія самымъ неожиданнымъ образомъ установили, какъ сильно еще распространена татуировка и между европейскимъ населеніемъ. Наименѣе образованные, но организованные въ общій дѣятельности клансы, какъ матросы, каменщики и т. под., чувст-

вуютъ потребность неизгладимо отпечатать на своемъ тѣлѣ свои склонности, настроенія, а также закрѣпить такимъ образомъ воспоминанія; значитъ, и здѣсь главнымъ образомъ дѣло идетъ о желаніи, болѣею частью стадномъ, выставить свое внутреннее «я». Крестьянинъ, болѣе развитый индивидуально, рѣзко отдѣленный отъ вслкихъ товарищей своимъ дѣломъ на опредѣленномъ кускѣ земли, едва знаетъ этотъ обычай; но тѣмъ болѣе онъ нравится, какъ отличительный признакъ, тѣмъ человѣческимъ группамъ, умственные и нравственные недостатки которыхъ ставятъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ некоторомъ смыслѣ, на одну ступень съ неразвитыми расами—преступникамъ и проституткамъ.

Многія уродованія тѣла нельзя причислить къ убогствамъ, но они показываютъ, какъ сливаются границы между отдѣльными, тщательно обособленными выраженіями внутренней жизни человѣка. Раны и увѣчья въ знакъ траура, напримѣръ, суть не только подупроизвольно навесенные знаки скорби, но также доказательства набожности и добросовѣстнаго исполненія обязанности и, какъ таковыя, составляютъ своего рода украшенія; у бушменовъ всѣ члены племени отрубаютъ себѣ одинъ суставъ мизинца, какъ племенное отличіе, и мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что эти люди находятъ укороченные пальцы красивыми, а не изуродованную руку—безобразіемъ. Даже совершенно случайнымъ переѣзжамъ поверхности тѣла умъ охотно пытается придать извѣстный смыслъ; онъ прочтетъ въ нихъ что-нибудь такое, что удовлетворитъ вѣчно живое побужденіе къ отличію.

Противопоставляя неизгладимымъ измѣненіямъ тѣла украшенія, которыя лишь слегка соединены съ ними, мы найдемъ, что послѣднія составляютъ, съ точки зрѣнія культурнаго развитія, безспорный шагъ впередъ; но это не значитъ, что снимающіяся украшенія изобрѣтены и примѣнялись поздне, чѣмъ неизгладимые знаки отличія; тутъ вопросъ рѣшастъ не время, но преобладаніе того или другого способа выраженія у народовъ разныхъ степеней культуры, такъ какъ зародышъ къ высшему развитію можетъ существовать раньше, чѣмъ варварскіе обычай. Именно въ области украшеній соприкасаются конецъ и начало развитія, такъ какъ пренебреженіе ко всякому вышнему украшенію можетъ быть признакомъ и полной тупости, и высшей зрѣлости характера.

Самую простую форму украшенія, которое можетъ быть удалено и поэтому вышнимъ образомъ соотнобщается съ измѣненіями внутренней жизни человѣка, составляютъ измѣненія поверхности тѣла, не ведущія за собою продолжительныхъ послѣдствій, а именно—разрисовка и различные уборы волосъ и бороды. Разрисовка предшествовала, вѣроятно, обмазыванію голой кожи землей въ защиту отъ

холода и укола насѣкомыхъ; слѣдовательно, первая целовкая попытка утоленія кожи и, въ-то же время, первый шагъ къ одеждѣ. Еще теперь употребляются для этого преимущественно земляныя краски, которыя, растертая въ водѣ, растительномъ маслѣ или жирѣ, служатъ для разрисовки тѣла; прежде всего очень распространенная красная желѣзная охра, затѣмъ бѣлая глина, мѣль и желтая охра; рѣже употребляются растительныя краски—индиго, сандалъ, любимое въ Южной Америкѣ красное уруку и т. д., наконецъ, древесный уголь и кровь. Такъ какъ разрисовка должна постоянно обновляться и измѣняться, то она представляетъ гораздо болѣе живой способъ выраженія измѣчивыхъ личныхъ состояній духа, чѣмъ рождественная ей и по времени, вѣроятно, позднѣе изобрѣтенная татуировка. Прочтя со вниманіемъ пространныя свидѣтельства точныхъ наблюдателей, между которыми можно назвать Рота, Спенсера, Гиллена или Маттеуса, объ обычаяхъ австралійцевъ при посвященіи мальчиковъ или о ихъ праздничныхъ собраніяхъ и танцахъ, всего лучше можно узнать о томъ, какъ при разрисовкѣ выступаютъ на свѣтъ всѣ значительныя обстоятельства внутренней жизни, какъ здѣсь господствуетъ стремленіе, выполнить которое стараются съ страстной энергіей, стремленіе согласовать внѣшній видъ съ временнымъ настроеніемъ. Каждому дню, приносящему новое развитіе, каждой новой идеѣ, возникшей по поводу церемоній, соответствуетъ новая разрисовка, къ которой обыкновенно присоединяются и различныя другія украшенія тѣла. Индѣйцы Сѣверной Америки поступаютъ именно такъ. Такимъ же образомъ, посредствомъ разрисовки тѣла, для всѣхъ видимо и понятно выражаются событія ежедневной жизни; что и мы еще отчасти согласны съ этою выставкой извѣстныхъ душевныхъ состояній и мыслей, доказываютъ наши траурныя одежды и траурныя кресны, наши торжественныя вечерніе туалеты, придворные костюмы, парадныя мундиры. Въ особенности женщины выказываютъ во многихъ случаяхъ стремленіе приспособлять самые богатые и драгоценные свои уборы къ даннымъ обстоятельствамъ и настроеніямъ; онѣ сохраняютъ и тутъ свою своеобразность внутренне оставаться ближе къ первобытной природѣ и болѣе подчиняться побужденію къ внѣшнимъ отличіямъ, которое у мужчины сдерживается въ извѣстныхъ границахъ перевѣсомъ уметвенной дѣятельности.

Разрисовка менѣе поддерживается побочными цѣлями, чѣмъ татуировка. Всего чаще выступаетъ намѣреніе достигнуть мистической защиты, причемъ предпочитается опять-таки призрачный бѣлый цвѣтъ. Но разрисовка можетъ быть чисто-произвольнымъ украшеніемъ, какъ у женщинъ монбутту, которыхъ наблюдалъ Швейнфуртъ; въ этомъ случаѣ она не имѣетъ особеннаго установленія, самое большее — связана въ границахъ опредѣленнаго, временнаго, моднаго

узора, какъ вообще всякое украшеніе и всякая одежда. Объ убранствѣ волосъ можно сказать отчасти тоже. Вообще укорачиванье и подрѣзыванье волосъ, ставшихъ слишкомъ длинными, есть практическое обыкновеніе; смазыванье волосъ глиной возникло скорѣе, какъ средство отъ вредныхъ насѣкомыхъ, чѣмъ изъ желанія отличія; по побужденію украшать себя просыпается и отъ этихъ небольшихъ толчковъ и можетъ капризно работать надъ такимъ богатымъ и постоянно обновляющимся матеріаломъ, какъ волосы. Одно изъ самыхъ простыхъ измѣненій есть бритье части волосъ, такъ что образуется или тогура, какъ у многихъ индѣйскихъ племенъ Южной Америки, или лобъ дѣлается выше или, наконецъ, обѣ стороны головы оголяются, а на серединѣ торчитъ въ формѣ гусеницы волосиной гребень или чубъ. У японцевъ, китайцевъ и правобѣрныхъ мусульманъ встрѣчаются различныя виды причесокъ, которыя стали въ то же время знакомъ отличія племени и вѣры, но поддерживаются, вѣроятно, всего болѣе гигиеническими соображеніями. Крашенье или, вѣрнѣе, обезцвѣченіе волосъ съ помощью ѣдкихъ средствъ, какъ, напр., извести, извѣстно въ особенности въ Меланезіи и охотно производилось также древними кельтами.

Человѣкъ въ парикѣ изъ Уссога (Вост. Африка).

Собственно уборъ волосъ соответствуетъ отчасти свойству самихъ волосъ; народы съ курчавыми волосами всегда склонны включать свои волосы въ густую массу, иногда совершенно склеивая ихъ глиной, и тогда строятъ изъ нихъ пластичныя сооруженія, которыя различными прибавленіями могутъ быть доведены до чудовищной величины; племена съ прямыми волосами, напротивъ того, мало занимаются ими; кромѣ того, у нихъ только женщины или преимущественно женщины, имѣющія болѣе длинные волосы, создаютъ высокія прически иногда съ помощью чужихъ волосъ или подсунутыхъ подушечекъ и завиванья. Что возможно въ этой области у европейцевъ, достаточно показали головные уборы XVIII столѣтія. Вспомогательными снарядами для прически являются всюду маленькія гребенки или булавки, часто украшенныя еще перьями, и т. под. Объ убранствѣ бороды почти нечего сказать, такъ какъ большинство первобытныхъ народовъ имѣетъ обыкновеніе вырывать бороду, и безъ того часто очень скудную; тамъ, гдѣ встрѣчаются убранства бороды, довольствуются вплетеніемъ въ нее бусъ или другихъ мел-

нихъ украшеній. Парики и приставныя бороды надѣваются при нѣкоторыхъ празднествахъ, въ особенности при танцахъ въ маскалахъ, парики встрѣчаются отдѣльно, какъ дѣйствительный національный уборъ, совершенно скрывающій настоящіе волосы — въ древнемъ Египтѣ, у многихъ меланезійскихъ и африканскихъ племенъ настоящаго времени (см. рис. стр. 555) и, въ Европѣ, какъ проходящая мода, по крайней мѣрѣ, у знатныхъ.

Украшенія въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, только механически и временно связанныя съ тѣломъ, раздѣляются на различныя группы по частямъ тѣла, на которыя надѣваются. Поверхность тѣла, какъ мы видимъ и по прикрѣпленію платья, не приспособлена, по своей гладкости и постоянной игрѣ мускуловъ, удерживать сама по себѣ украшенія, или во всякомъ случаѣ лишь съ помощью клейкихъ веществъ; эту трудность преодолеваютъ отчасти прокалывая уши, губы или носъ, какъ мы уже упоминали.

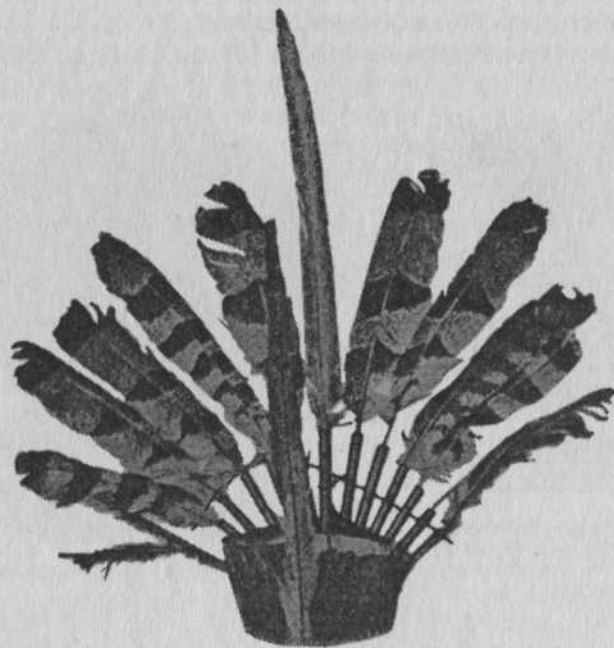
Браслетъ изъ черепахи (Нѣмецкая Нов. Гвиней).

Впрочемъ, еще заслуживаетъ вниманія обхватываніе конечностей или также самага туловища кольцами (см. прил. рис.), поясами и шнурами, которые или такъ туго стягиваются, что не могутъ сползти, или покоются на естественныхъ точкахъ опоры — плечахъ и бедрахъ, и сами служатъ украшеніемъ или на нихъ навѣшиваются украшенія. Таково происхожденіе колецъ на пальцахъ рукъ и ногъ, браслетовъ ручныхъ и ножныхъ, шейныхъ колецъ и ожерелій и поясовъ.

Способомъ прикрѣпленія объясняется пристрастіе къ употребленію украшеній, состоящихъ изъ маленькихъ, нанизанныхъ на нитку предметовъ — зеренъ, маленькихъ раковинъ, зубовъ, когтей, глиняныхъ, камешныхъ, стекляныхъ и металлическихъ бусъ, коралловъ, кусочковъ янтара и т. д. Ручные и ножные браслеты дѣлаются, напротивъ того, изъ плетенья, дерева, слоновой кости, створокъ раковинъ и т. под., но всюду, гдѣ извѣстны металлы, охотнѣе всего изъ послѣднихъ. Что и тутъ являются предпочтенія и иногда пренебрегаютъ подходящими матеріалами для другихъ, менѣе бросающихся въ глаза, понятно послѣ всего вышесказаннаго; въ особенности поражаетъ распространеніе украшеній изъ перьевъ. Перо въ одиночку, какъ украшеніе, встрѣчается, положимъ, у большей части народовъ (см. рис. стр. 557); но сложныя художественныя работы изъ перьевъ встрѣчаются или встрѣчались только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, напр., въ нѣкоторыхъ частяхъ Южной и Средней Америки (см. рис. стр. 558), мѣстами въ Африкѣ (см. тотъ же рис.), въ Гавайѣ и на островѣ Санта-Круцъ. Въ другихъ же мѣстахъ трудятся надъ тѣми чеказистыми цѣпочками изъ кусочковъ раковинъ, которыя достигли значенія денегъ. Нитки для нанизыванія дѣлаютъ большую

частью изъ волоконъ; интересно, что, повидимому, приготовленіе ихъ для ношенія украшеній мѣстами древнѣе, чѣмъ примѣненіе къ ткацкимъ цѣлямъ. Такъ, Петерикъ нашелъ, что племя динга (у верховьевъ Нила) дѣлаетъ изъ хлопка не матерію для одежды, а только нитки для нанизыванія бусъ. То же рассказываютъ объ области при верховьяхъ Замбези, куда лишь въ послѣднее время постепенно проникаетъ разведеніе хлопка.

Какъ только начинаютъ все болѣе прикрывать тѣло настоящей

Головной уборъ племени бакаири (Бразилія).

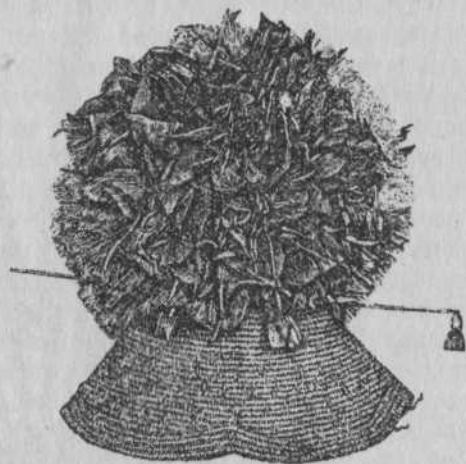
одеждой, образуется новая, во многихъ отношеніяхъ другого свойства поверхность, которая въ свою очередь украшается, какъ прежде кожа, и къ которой легче прикрѣпить предметы украшенія, чѣмъ къ послѣдней. На одежду можно прямо нашить уборы, или придѣлать драгоценныя камни, бусы и т. под. къ булавкамъ, которыя могутъ служить въ то же время прикрѣпленіемъ покрововъ. Такимъ образомъ иногда украшеніе до такой степени смѣшивается съ одеждой, что приходится въ голову считать ихъ однородными и приписать происхожденіе тѣлесныхъ покрововъ тѣмъ же причинамъ, что

и происхождение украшений. Но этот взгляд не может устоять при более близком рассмотрении предмета.

Желание усилить естественный защитный покров тела должно легко явиться у человека, которого ни перья, ни мех не защищают от холода, солнечных лучей, ветра и дождя. Быть может, причиной этой наготы можно признать то обстоятельство, что впервые, во всех своих особенностях, человеческая порода развивалась под горячим, тропическим небом; но и жители тропиков умляют и ценят преимущества покрова, как доказывает быстрое распространение европейских одежд между дикарями; напр. Эрнрейхъ рассказывает о паумари (на р. Амазонкѣ), что для них

Шапка изъ Голландскаго Борнео. Ниже—кусочек плетенья въ увеличенномъ видѣ.

Мужская шляпа племени бакуба (государство Конго).

европейская одежда, состоящая из рубашки и штановъ, стала совершенно необходимой потребностью, такъ какъ почти круглый годъ они подвержены страшнымъ мучениямъ отъ насекомыхъ; путешественники по Африкѣ, съ своей стороны, наблюдали, какъ часто бываетъ опасно для плохо одѣтыхъ негровъ внезапное понижение температуры воздуха. Когда же некоторые части человечества переселились въ болѣе прохладныя страны, или когда оставшіеся испытали, во время потопа, сильное охлаждение своей до тѣхъ поръ болѣе теплой страны, эти обстоятельства должны были подтолкнуть къ изобрѣтенію защитныхъ телесныхъ покрововъ.

Впрочемъ, и безъ того достигалась некоторая защита кожи самымъ простымъ путемъ. Буртонъ говоритъ о первобытныхъ народахъ Восточной Африки: «Солнце, дымъ и огонь вмѣстѣ съ жиромъ и

старой грязью составляютъ еще любимую одежду дикарей». И действительно, нечистоплотность кожи, увеличенная по желанію еще умысленнымъ пачканіемъ ея масломъ, жиромъ и глиной, составляетъ защиту отъ холода и насекомыхъ, которую нельзя совершенно пренебрегать. Въ гористой части Азии есть еще теперь много людей, которые вообще никогда не умываются, а у племенъ тинна (въ Сѣверной Америкѣ), по свидѣтельству Мориса, умываніе введено европейцами и до сихъ поръ ограничивается ополаскиваніемъ рукъ. Гдѣ принята опрятность, спѣшать часто послѣ каждаго омовенія опять дать телу защитный покровъ; житель Униамвези, напримеръ, моется каждый день, какъ и эскимосы, мочей, потомъ ополаскивается теплой водой, а затѣмъ, вытеревъ все тѣло рициннымъ или другимъ растительнымъ масломъ, обмазываетъ его, наконецъ, красной глиной. Объ уходѣ за волосами, въ смыслѣ чистоплотности, еще меньше можетъ быть рѣчи, хотя мѣстами встрѣчаются гребенки (см. прил. рис.).

Если не считать этихъ непосредственно связанныхъ съ кожей покрововъ тѣла, то безъ сомнѣнія существуютъ многіе народы, которые совершенно незнакомы съ одеждой. Но именно у нихъ, быть можетъ, возможно будетъ ближе доискаться, какія побудительныя причины положили основаніе одеждѣ. Уже при рассмотрѣніи украшеній оказалось, что явленіе ихъ имѣло причиной хотя глубокое, вытекающее изъ побужденія основаніе, но это побужденіе, чтобы проявиться, нуждалось въ мелкихъ вѣдшихъ поводахъ, а послѣ,

какъ только оно выступало созидательной силой, сознание подставляло новыя, поддерживающія его или дополняющія причины. Фактическія сравненія показываютъ, что и появленіе одежды не объясняется только имѣющейея потребностью. Но въ остальномъ здѣсь дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ въ украшенияхъ: въ основаніи послѣднихъ лежитъ побужденіе, которому приходитъ на помощь практическій опытъ; въ одеждѣ же удовлетвореніе практической необходимости поддерживается и многократно вызывается побужденіемъ или—вѣрнѣе—чувствомъ, которое само есть результатъ общественнаго развитія—чувствомъ половой нравственности. Если мы появленіе одежды объяснимъ просто слѣдствіемъ чувства стыда—это будетъ кривымъ и неточнымъ объясненіемъ вѣрнаго факта, и вовсе не трудно опровергнуть это неловкое утвержденіе многочисленными примерами; но фактъ, что начало половой нравственности очень тѣсно

Гребенка эскимосовъ съ футляромъ изъ березовой коры и приборомъ для чистки.

связано съ появленіемъ одежды, что оба явленія или идутъ параллельно, или взаимно вліяютъ и поддерживаютъ другъ друга, — не можетъ быть опровергнуто. Такъ какъ половая нравственность, какъ мы видѣли выше, есть признакъ развивающагося соціальнаго облагораживанія, побѣда сознанія и умственныхъ силъ вообще надъ чисто-животными побужденіями, то и исторія первобытной одежды имѣетъ большое значеніе для умственной и нравственной культуры человѣческаго рода. По поводу этихъ, самыхъ по себѣ легко понятныхъ вещей, не возникало бы столько ученыхъ споровъ, если бы не господствовала наклонность или приводить всѣ явленія къ одному, насколько возможно разумному основанію, или различныя причины неорганически, нѣкоторымъ образомъ по произвольному выбору, оставлять стоять рядомъ вмѣсто того, чтобы умственно ихъ соединить и показать внутреннее побужденіе то поддерживающей, то тормозящей ихъ дѣятельности.

Кто не иблняется упрямо за отдѣльными противорѣчія, но можетъ спокойно окинуть взглядомъ великую картину человѣчества, допустить тотъ фактъ, что одежда почти всюду начинается съ прикрытія половыхъ частей, и что даже у очень примитивныхъ народовъ живетъ извѣстное чувство стыда въ этомъ отношеніи. Правда, что одежда и чувство стыда вовсе не обуславливаютъ другъ друга. Очень возможно, что многіе способы прикрытія, именно у мужчинъ, имѣютъ цѣль прежде всего защиту, слѣдовательно, ничего общаго съ побужденіями нравственности не имѣютъ; но, съ другой стороны, часто характерно проявляется стыдливость и тамъ, гдѣ имѣются на лико очень скудные покровы или ихъ совсѣмъ нѣтъ. Вообще же между ними существуетъ очень тѣсная связь. Даже тамъ, гдѣ «покровъ» мужского пола ограничивается стягиваніемъ крайней плоти, какъ у маркетовъ и въ баняхъ у эскимосовъ, или маленькой раковиной, какъ на Адмиральскихъ островахъ — обнаженіе въ присутствіи женщины считается очень неприличнымъ; у жителей Адмиральскихъ острововъ Лабильярдеръ наблюдалъ даже, что они тщательно отворачивались отъ него и спускали ниже поясъ, когда снимали съ себя раковину, чтобъ продать ему. Можно привести множество подобныхъ примѣровъ. Укажемъ только, что въ случаяхъ снятія одежды, напр., при купаньи, у многихъ народовъ очень заботливо наблюдаютъ, чтобы ни одна личность другого пола не увидѣла обнаженнаго. У маори, нравы которыхъ, правду сказать, не улучшились отъ соприкосновенія съ европейцами, прежде запрещалось мужчинамъ приближаться къ тому мѣсту, гдѣ купались женщины. По свидѣтельству Розенберга, на Ниагъ, люди, приближающіеся къ мѣсту купанья, должны сначала остановиться и позвать, а во многихъ мѣстностяхъ страны баттаковъ каждый, кто подо-

детъ къ рѣкѣ, не крикнувъ «боа», и застанетъ врасплохъ голыхъ женщинъ во время купанья, наказывается однимъ или двумя таками. Кларксъ упоминаетъ даже про законъ у мандинго, по которому всякій, подсмотрѣвшій купающихся женщинъ, приговаривается къ рабству. Вспомогательнымъ мотивомъ, проникающимъ въ нравственные заповѣди, и у насъ охотно употребляемый въ формѣ угрозы адскихъ мукъ, выступаетъ здѣсь иногда боязнь, что видъ обнаженныхъ людей грозитъ опасностью. На Новыхъ Гебридахъ, по свидѣтельству Сомервилля, дѣвушки заботливо избѣгаютъ увидѣть совершенно голаго мужчину, потому что это можетъ имѣть дурныя послѣдствія для здоровья; и въ Новой Гвинее, вблизи залива Фридриха Вильгельма, Финшъ наблюдалъ, какъ всѣ дѣвушки и женщины спрятали свои лица, когда одинъ матросъ въ ихъ присутствіи, не долго думая, раздѣлся и выкупался.

О такомъ же распространеніи того особеннаго вырожденія чувства стыдливости по отношенію къ половымъ органамъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи, такъ какъ и здѣсь должны встрѣчаться характерныя для всѣхъ первобытныхъ народовъ удивительныя крайности развитія. Вообще можно сказать, что чувство стыда или, говоря шире, вѣтшее подавленіе чувственности развивается нѣкоторымъ образомъ параллельно общественнымъ формамъ, прежде всего — браку; но понятно, что сюда замѣшиваются и другія обоготательства. Маленькія, изолированныя племена, составляющія скорѣе нѣчто вродѣ большихъ семей, обыкновенно имѣютъ болѣе свободныя взгляды, чѣмъ другія, болѣе многолюдныя и находящіяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ чужестранцами. Склонность мужчинъ къ ревности, которая сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ нравственными побужденіями, можетъ очень сильно вліять на одежду женщинъ, причемъ свою жену заставляютъ болѣе закутываться и избѣгать всякихъ средствъ прівлеченія; такъ обращались съ женами, по свидѣтельству Крашенинникова, извѣстные своею ревностью коряки, между тѣмъ какъ болѣе снисходительные камчадалы предоставляли своимъ женамъ полную свободу и въ одеждѣ. Гдѣ однажды данъ тому толчокъ, чисто вѣтшее чувство стыда, не имѣющее ничего общаго съ внутренней нравственностью, можетъ развиваться до крайности. Браунъ говоритъ, что много разъ жены маори совершали самоубійство, когда имъ сообщали, что ихъ видѣли голыми.

Понятно далѣе, что вообще чувство стыда становится тѣмъ живѣе и воспримчивѣе, чѣмъ полнѣе покровъ тѣла и чѣмъ постояннѣе онъ посится; но строгой причинной связи здѣсь нѣтъ: народы, очень скудно прикрытые, имѣютъ часто чрезвычайно развитое чувство стыда, какъ, напримѣръ, рассказываетъ Веберъ о горныхъ племенахъ острова Флоры, другіе же, не имѣющіе недостатка въ одѣ-

нимъ, напротивъ того, выказываютъ удивительную беззаботность. Спокойствіе, съ которымъ въ Японіи оба пола наслаждаются общей ванной, постоянно удивляло европейскихъ путешественниковъ и, въ сущности, напрасно, такъ какъ одинъ взглядъ на старинныя иѣмецкія гравюры по мѣди и дереву указалъ бы имъ, что и у насъ прежде совершалось нѣчто невѣроятное по наивности. Пристойность, вызванная одеждой, имѣетъ болѣе внѣшній характеръ, такъ какъ она очень слабо связана съ нравственнымъ основаніемъ стыдливости. Характерно, что въ Угандѣ, гдѣ существуетъ избытокъ мѣховъ и кожъ, было запрещено подъ страхомъ тяжкаго наказанія показываться на улицахъ не вполне одѣтыми, въ домахъ же дѣвушки ходили совершенно голыя.

То обстоятельство, что выраженіе «чувство стыда» употребляется преимущественно касательно отношеній половъ, доказываетъ, какъ и выраженіе «срамныя части» (*ridenda*), что ощущеніе стыда всего живѣе и ярче проявляется въ области половой нравственности; но это не значитъ, что ощущеніе стыда есть загадочное явленіе, ограничивающееся лишь этой областью. То, что мы называемъ стыдомъ, есть настоящее общественное чувство, нѣчто вродѣ внѣшней совѣсти, которая въ остальномъ вполне соответствуетъ ощущенію, присущему нашему внутреннему міру. Укоры совѣсти можно испытывать и наединѣ, хотя въ основаніи ихъ, хотя косвенно, должны лежать проступокъ противъ другихъ, — будь то люди или сверхъестественныя силы; стыдъ проявляется только въ присутствіи другихъ, потому что онъ есть не что иное, какъ непріятное сознаніе нарушенія законовъ общества. Безразлично, какіе это законы, но сила чувства стыда соответствуетъ дѣйствительной или мнимой важности этихъ законовъ. Было бы ошибкой считать чувство стыда продуктомъ высшей культуры и отказывать въ немъ «грубымъ дикарямъ»: всюду мы наталкиваемся на тотъ фактъ, что сила общества надъ отдельнымъ членомъ всего болѣе проявляется въ примитивныхъ отношеніяхъ, что именно здѣсь даже чисто-внѣшнее и случайное отклоненіе отъ развѣ принятаго типа всего строже наказывается, потому что сильное чувство общности терпитъ только однородность и безпомощно уничтожаетъ и отталкиваетъ всѣ отклоненія.

Слѣдовательно, чувство стыда есть, въ сущности, ничто иное, какъ ощущеніе страха. Еврѣецъ, совершившій погрѣшность противъ общества, также долженъ допустить, что часто въ основаніи его стыда лежитъ чувство страха стать «невозможнымъ» въ обществѣ; въ особенности члены нѣкоторыхъ упрямо-обособленныхъ общественныхъ группъ изъ знати, которыя въ этомъ смыслѣ могутъ считаться — относительно общаго культурнаго смѣшенія — первобытными остатками, очень подвержены этой опасности. И въ этомъ случаѣ

правила, на которыя посягаютъ, могутъ касаться лишь внѣшности и быть совершенно безсмысленны, но отъ этого дѣло не мѣняется. Свѣтло-сѣрый лѣтній костюмъ, повидимому, вполне приличная одежда, но простодушный юноша, который, по незнанію правилъ, войдетъ въ этомъ костюмѣ въ общество серьезныхъ мужчинъ, чепорно одѣтыхъ во фраки, можетъ на себѣ испытать чувство стыда подъ укоряющими взглядами собранія.

Ощущеніе страха, называемое стыдомъ, есть великое воспитательное средство человечества, принимаемое при каждомъ общественномъ шагѣ впередъ; безъ него даже немислимъ этотъ шагъ. Если мы, поэтому, находимъ даже у самыхъ низкостоящихъ народовъ зародыши половыхъ приличій, т. е. укрощеніе и упорядоченіе одного изъ самыхъ сильныхъ побужденій, то въ этомъ случаѣ должны быть, безъ всякаго сомнѣнія, хотя самые ничтожные слѣды чувства полового стыда, которые легко проглядѣть, и это чувство, какъ всѣ движенія внутренняго міра, будетъ стараться выказаться внѣшнимъ образомъ. Но чѣмъ бы оно могло выказаться проще и характернѣе, какъ не прикрытіемъ орудій чувственности? Рѣдко теорія и практика такъ согласуются между собою, какъ въ этомъ случаѣ; но, судя по даннымъ у первобытныхъ народовъ, нельзя отвергать того факта, что пояса цѣломудрія обыкновенно даютъ первый толчокъ къ охраняющимъ покровамъ всего тѣла.

Мы говоримъ «обыкновенно», потому что изъ пояса цѣломудрія развивается покровъ нижней части тѣла, служащій у многихъ народовъ еще сегодня единственной одеждой. Если же мы попытаемся, для повѣрки этого вывода, найти другія начала примитивной одежды, результаты будутъ очень невелики. У обитателей болѣе холодныхъ странъ, какъ до сихъ поръ у жителей Огненной Земли, желаніе защитить себя отъ непогоды могло привести непосредственно къ изобрѣтенію покрововъ, накидываемыхъ на плечи; быть можетъ, на этотъ путь развитія одежды вступали чаще, чѣмъ можно теперь прослѣдить, но съ увѣренностью сказать этого нельзя. Въ Австраліи и Тасманіи, повидимому, началомъ женской одежды послужилъ подвѣсный покровъ, въ который матери заворачиваютъ грудныхъ дѣтей, но этотъ зародышъ не развился значительно дальше. Наконецъ, украшенія содѣйствовали во многихъ случаяхъ дальнѣйшему развитію одежды, но, насколько мы знаемъ, на врядъ ли они гдѣ либо были началомъ этого развитія.

Слѣдовательно, вообще поясъ цѣломудрія есть начало полной одежды тѣла и въ тоже время внѣшнее выраженіе половыхъ отношеній. Насколько вѣрно послѣднее, достаточно доказывается тѣмъ, что различіе половъ и отношеній женщинъ къ мужчинамъ ясно выражается даже въ самыхъ примитивныхъ уборахъ.

Нужно упомянуть одинъ важный фактъ: у первобытныхъ племенъ и даже у болѣе передовыхъ народовъ жаркихъ странъ дѣтямъ предоставляется бѣгать нагишомъ почти до совершеннolѣтiя; внѣшнимъ обрядомъ праздника по поводу послѣдняго событiя часто бываетъ наложенiе первой одежды. Главнымъ основанiемъ этого исконно распространеннаго обычая служить именно то, что дѣти считаются безполыми существами, къ которымъ незачѣмъ еще примѣнять законовъ приличiя; но этотъ обычай въ то же время отклоняетъ всѣ попытки характеризовать поясъ цѣломудрiя, какъ средство защиты, такъ какъ именно дѣти пужались бы болѣе въ подобной защитѣ, чѣмъ взрослые. Но и другiе социальныя факты выступаютъ въ отсутствiи убранства. Почти вездѣ, гдѣ царитъ среди молодежи свободная любовь, гдѣ, слѣдовательно, дѣвушка предоставлена домогательству каждаго, молодежь женскаго пола ходитъ до замужества совершенно нагою или съ самыми незначительными покрывами, а замужнiя женщины обыкновенно болѣе закутаны и часто прикрываютъ грудь еще особенной одеждой. У мужчинъ, на внутреннее существо которыхъ менѣе влiяютъ половыя отношенiя, чѣмъ на женщинъ, это выражается и въ убранствѣ: обыкновенно женатый мужчина менѣе одѣтъ, чѣмъ замужняя женщина, и онъ празднуетъ падѣванiемъ первой одежды или перемѣной убранства не моментъ вступленiя въ бракъ, а наступленiе совершеннолѣтiя. У многихъ первобытныхъ народовъ мужчины и молодая дѣвушка пренебрегаютъ всякими покрывами, но у замужней женщины врядъ ли гдѣ-либо недостаетъ хотя бы указанiя на покровъ половыхъ частей. Насколько естественнымъ считалось болѣе полное одѣянiе женщины, указываетъ удивленiе Геродота тому странному (для него) факту, что у египтянъ мужчина носилъ двѣ одежды, а женщина лишь одну.

При всемъ томъ, когда при дальнѣйшемъ развитiи убранства начинаютъ влiять и новыя побудительныя причины, мы имѣемъ нѣсколько таковыхъ примѣровъ у первобытныхъ народовъ настоящаго времени; такъ какъ убранство становится украшенiемъ и цѣннымъ владѣнiемъ и, слѣдовательно, служитъ внѣшнимъ признакомъ могущества и богатства, то полное одѣянiе легко становится привилегiей мужчины. Если, напр., у винтуновъ (въ Калифорнiи) старая женщины очень скудно одѣты, въ этомъ выражается только ихъ безсильное и презрѣнное положенiе. Обычай обнажать при поклонѣ часть тѣла указываетъ также, что недостатокъ въ одеждѣ уже очень рано служилъ знакомъ бѣдности, подчиненности, покорности и смиренiя. Въ этомъ случаѣ и нагота можетъ служить знакомъ покорности, какъ, напр., въ явайской придворной одеждѣ (см. рис. стр. 565). Но рядомъ съ этимъ всегда будетъ жить мысль, что частичнаго

прикрытiя тѣла требуетъ приличiе, а нагота есть нарушенiе добрыхъ нравовъ и выраженiе пренебреженiя, и эта идея можетъ быть развита до крайности; такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Геллиуса, римскому Flamen Dialis было запрещено раздѣваться подѣ открытымъ небомъ, дабы Юпитеръ не увидѣлъ своего жреца обнаженнымъ, а головной уборъ онъ не смѣлъ сначала снимать даже въ своемъ жилищѣ.

Такъ какъ общественныя привычки могутъ привести къ тому, что въ концѣ концовъ, какъ у насъ, большая часть тѣла должна быть прикрыта въ присутствiи постороннихъ во избѣжанiе чувства смущенiя, сопровождающаго всякое оскорбленiе общественныхъ формъ, понятно, что у болѣе первобытныхъ народовъ чувство приличiя иногда настоятельно требуетъ прикрытiя не половыхъ органовъ, а другихъ частей тѣла, хотя первые всегда остаются такъ называемыми срамными частями. У жителей пустынь, защищающихъ лицо вуалью отъ пыли, жары и сухого воздуха, эта вуаль стала во многихъ мѣстахъ необходимою принадлежностью

Придворный костюмъ въ Двокоарта (Ява).

приличнаго костюма и распространилась, вмѣстѣ съ исламомъ, въ тѣ мѣстности, гдѣ климатъ ее не требуетъ. У туареговъ и другихъ племенъ Сахары и мужчина только при крайней необходимости открываетъ свое лицо въ присутствiи чужестранца; въ предѣлахъ же ислама носительницей вуаля является женщина, и мѣстами здѣсь дѣйствительно чувство стыда сконцентрировалось, если можно такъ выразиться, на лицѣ; не разъ рассказывали комичные эпизоды объ египетскихъ женщинахъ, которыя, переходя въ бродъ, наивно закиды-

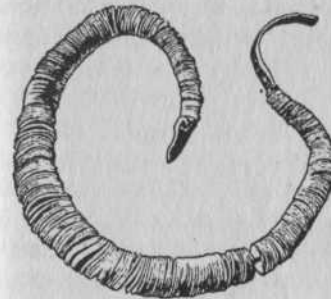
вали платье на голову, заботясь лишь о томъ, чтобъ не видно было ихъ лица. Но подобную непринужденность, которая можетъ, въ сущности, встрѣчаться всюду, не слѣдуетъ переоцѣнивать. Даже писанный законъ ислама не могъ заставить женщинамъ повсюду, въ предѣлахъ распространенія этого вѣроисповѣданія, закрывать лицо. Его не закрываютъ въ южной Аравіи и въ Африкѣ, за исключеніемъ большей части сѣвернаго побережья и пустыни; но нижняя часть тѣла всегда тщательно прикрыта.

Прикрытіе зада можно считать лишь вырожденіемъ цѣломудреннаго покроя; оно сравнительно часто встрѣчается у африканскихъ племенъ, иногда вполне замѣняетъ послѣдній и часто строго требуется обычаемъ. Фогель видѣлъ, напримѣръ, голую женщину племени тубари, пойманную борнуарами, которая не хотѣла подняться, пока ей не дали зеленую вѣтку, чтобы прикрыть задъ. Тотъ фактъ, что этотъ способъ прикрытія чаще встрѣчается у женщинъ, которыя при полевыхъ работахъ принимаютъ наклонное положеніе, объясняетъ отчасти возникновеніе страннаго обычая; при этомъ, быть можетъ, существуетъ и та психологическая причина, что человекъ не видитъ, когда на него смотрятъ сзади и потому чаще не можетъ защитить заднюю часть тѣла отъ посторонняго взгляда. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отсутствуетъ и передній покровъ, требованіе чувства стыда удовлетворяется обыкновенно ловкимъ положеніемъ тѣла.

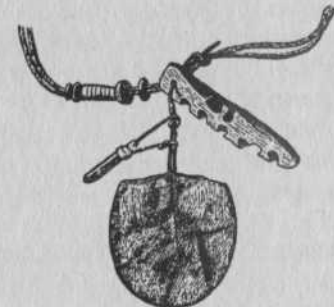
Чтобъ получить полное понятіе о коренныхъ началахъ одежды, нужно также принять во вниманіе остатки, слѣды и указанія, находящіяся часто именно въ этой области, какъ результаты развитія или служащія первыми указаніями прогресса. Набедренный шнуръ, къ которому прикрѣпляется цѣломудренный покровъ, часто носитъ еще дѣтми, прежде чѣмъ имъ надѣваютъ самый покровъ, и нерѣдко служитъ украшеніемъ, такъ какъ его убираютъ раковинами, бусами и т. под. (см. рис. стр. 567). Въ другихъ мѣстахъ этотъ поясъ употребляется преимущественно для того, чтобъ къ нему подвѣшивать или иначе прикрѣпить разные предметы—оружіе, приборы для добыванія огня, и т. д. (см. тотъ же рис.), такъ что его основное значеніе сильно отступаетъ на задній планъ. Гдѣ не носятъ покроя, часто сохраняется набедренный шнуръ и онъ можетъ служить указаніемъ, что когда-то здѣсь было въ обычаѣ болѣе полное прикрытіе тѣла. У многихъ африканскихъ племенъ замужнія женщины носятъ на груди на шнурѣ кусокъ матеріи, но часто, а именно у молодыхъ дѣвушекъ, встрѣчается только шнуръ безъ матеріи. Достаточно извѣстно, какъ при болѣе богатомъ развитіи убранства подобныя пустыя указанія должны замѣщать самую вещь; стоитъ лишь напомнить о скудныхъ хвостикахъ фрака, которые, въ сущ-

ности, должны изобразить закинутыя назадъ полы длиннаго сюртука, или на пестрые воротники и обшлаги нашихъ военныхъ, служившіе прежде продолженіемъ цвѣтной подкладки, а въ наше время просто нашиваемые сверху; или на пристяжные воротнички и мавжеты рубашки, по которымъ теперь уже нельзя судить о чистотѣ бѣлья.

Подобныя лицемѣрные уборы напоминаютъ, что одежда постепенно сливается съ украшеніями и даже принимаетъ на себя часть задачъ послѣднихъ. Поэтому, она легко впадаетъ въ противорѣчіе со своею первоначальной особенностью: имѣя назначеніе прикрывать, ослаблять и утаивать вызывающее проявленіе чувственности, она, въ видѣ украшенія, желаетъ, напротивъ, возбудить вниманіе, часто даже служить приманкой чувственности. Противоположность обѣихъ цѣлей

Набедренный шнуръ племени Алури съ бусами изъ раковинъ (Центральная Африка).

Небедренный шнуръ съ сумкой изъ шкуры, кускомъ дерева для добыванія огня и футляромъ для иглокъ (Вост. Африка).

часто выказывается въ очень красивой формѣ при дальнѣйшемъ развитіи именно женскаго одѣянія, тѣмъ болѣе, что это противорѣчіе совершенно соотвѣтствуетъ естественной любовной тактикѣ женщины съ ея попеременнымъ привлеченіемъ и отталкиваніемъ, разжиганіемъ и охлажденіемъ поклонника. Женщина должна болѣе предоставить говорить своему тѣлу, чѣмъ мужчина, и всегда умѣла ловко согласовать обѣ, повидимому, другъ другу противорѣчащія цѣли убранства.

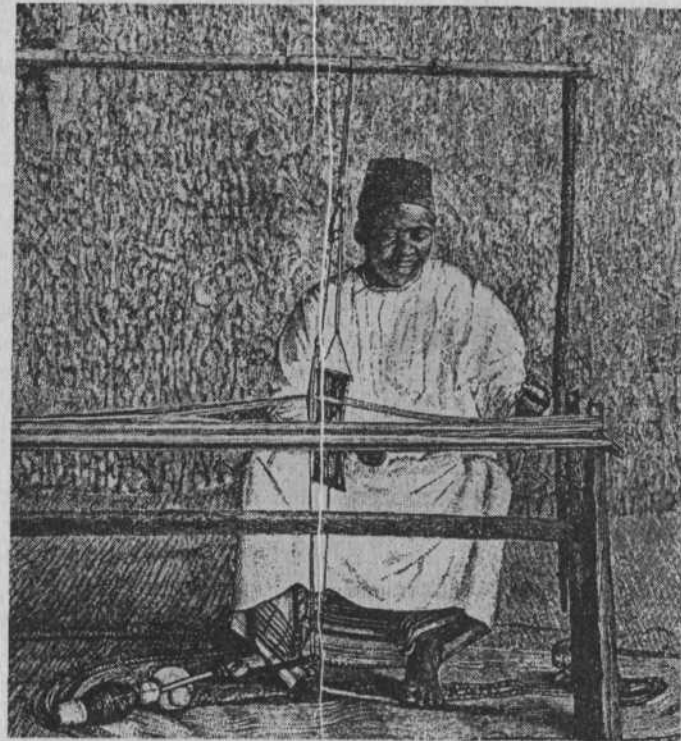
При всемъ этомъ, съ развитіемъ культуры, и практическая цѣль одежды—защитить тѣло отъ непогоды—достигается все полнѣе. Здѣсь возникаютъ два затрудненія и въ то же время двѣ точки зрѣнія для краткаго обзора: дѣло идетъ, во-первыхъ, о задачѣ прикрѣпить матеріи къ тѣлу, чтобъ они не сползали даже при сильныхъ движеніяхъ, и второе—сдѣлать подходящій выборъ между имѣющимися на-лицо матеріями или изобрѣсти и произвести новыя.

Говоря объ украшеніяхъ, мы назвали части тѣла, могущія служить точкой опоры убранству, а именно— бедра, плечи и голова; мы не упомянули лишь, что тугой повязкой рукъ и ногъ можно также достигнуть прочнаго прикрѣпленія украшеній. Всѣми этими возможностями пользуются отдѣльно и вмѣстѣ. Прикрѣпляютъ кусокъ матеріи, въ видѣ передника, къ набедренному шпuru, или просто обматываютъ кругомъ бедеръ и спускаютъ на животъ и лямки цѣлый платокъ, или, наконецъ, скрученный платокъ обвиваютъ вокругъ бедеръ и туго протягиваютъ между ногъ (лапготи индійцевъ). Плечи рѣже употребляются первобытными народами для прикрѣпленія покрововъ, такъ какъ послѣдніе или такъ коротки, какъ военные плащи массаи, и тогда представляютъ мало защиты, а болѣе длинная одежда, по крайней мѣрѣ въ тропическихъ странахъ, стѣснила бы на охотѣ и во время работъ. Женская одежда скорѣе нуждается въ этой новой точкѣ опоры, но часто вышеупомянутымъ скручиваніемъ матеріи такъ ловко прикрѣпляютъ часть одѣянія, что оно плотно держится подъ плечами и на груди и отсюда спадаетъ внизъ, не покрывая плечъ и не отягощая ихъ. Голова, если не считать небольшихъ головныхъ покрововъ, только при полномъ прикрытіи тѣла служитъ также опорой для одежды. Европейская одежда плотно охватываетъ все тѣло и его части, и этимъ самымъ достигается ея прикрѣпленіе. Въ общемъ, мы (европейцы) пришли къ тому, что вся тяжесть одежды, по крайней мѣрѣ въ мужскихъ убранствахъ, ложится на самыя подходящія къ этому части тѣла—на плечи, а вредное для здоровья стягиваніе бедеръ почти совершенно устранено; даже штаны прикрѣпляются обыкновенно къ плечамъ подтяжками.

Постепенное увеличеніе покрововъ происходитъ различнымъ образомъ: то одинъ большой кусокъ матеріи, нѣчто вродѣ общей одежды, защищаетъ почти все тѣло, какъ войлочный кафтанъ монгольскихъ племенъ; то убранство вырастаетъ мало-по-малу изъ покрововъ отдѣльныхъ частей тѣла въ полное одѣяніе. У малайскихъ племенъ, между охватывающимъ бедра саронгомъ и маленькой кофточкой, прикрывающей грудь, часто остается широкая полоса голаго тѣла; если же, напротивъ, покрывало на плечахъ настолько удлиненно, что закрываетъ животъ, — образуется рубанка, первая главная и стариннѣйшая часть мужской одежды европейцевъ; вторая же—плотно облегающіе штаны, происшедшія на сѣверѣ изъ набедреннаго передника. Народы классической древности не знали штановъ, но дополняли рубанку покрываломъ на подобіе плаща; но Кретчмару, египтяне и ассириане въ этомъ отношеніи отличались другъ отъ друга тѣмъ, что у первыхъ главную часть одежды составляло набедренное покрывало, а у послѣднихъ—рубашка. И у грековъ непосредственный покровъ половыхъ частей отпалъ лишь постепенно, по

крайней мѣрѣ на изображеніяхъ микейской культуры мы видимъ мужчинъ съ сильно выдающимся бедреннымъ поясомъ и передникомъ, а Мильхгѣферъ указываетъ, что этотъ поясъ можно встрѣтить и на древне-греческихъ бронзахъ.

Герландъ сдѣлалъ попытку подраздѣлить убранство на три большія группы по климатическимъ условіямъ: сѣверное, субтро-

Суагели у ткацкаго станка (Вост. Африка).

пическое и тропическое убранство. «Тропическое заключаетъ въ себѣ и полную наготу, и наготу большей части тѣла, причемъ всю одежду составляетъ поясъ или обертываніе бедеръ, удлиняющееся иногда до размѣровъ юбки; иногда сюда прибавляется временное покрывало на плечи и различные головные уборы. Слѣдовательно, здѣсь главной частью одежды служитъ поясъ. Субтропическое убранство, напротивъ того, развиваетъ особенно плащъ, но оставляетъ еще многія части тѣла непокрытыми. Оно состоитъ болѣею частью изъ платья въ видѣ рубашки, которая бываетъ короче или

длинные, подпоясано или нить; затѣмъ, изъ большого покрывала всего тѣла—легко сбрасываемаго плаща—можетъ быть, смотря по временамъ года и по часамъ дня, обернуто тѣснѣе или свободнѣе, быть теплѣе или прохладнѣе. Но и это убранство не очень сложно. Сѣверное убранство прикрываетъ, наоборотъ, все тѣло, не легко сбрасывается и плотно облегаетъ. Оно стало культурной одеждой и когда-нибудь завоеуетъ весь земной шаръ». Сѣверное убранство Герландъ опять раздѣляетъ на умѣренно-сѣверную и полярную одежду. Впрочемъ, онъ самъ указываетъ на то, что тропическое убранство было когда-то наиболѣе распространенной и, вѣроятно, повсюду самой старинной формой одежды; что даже до настоящаго времени «тропическіе» элементы одежды встрѣчаются въ европейскихъ костюмахъ, какъ, напр., у жителей горной Шотландіи, ко-

Мѣхонныя сапоги остяковъ (Сибирь).

которые не носятъ штановъ, а прежнес время ихъ одежда была еще гораздо скуднѣе, чѣмъ теперь. Во всякомъ случаѣ подобное раздѣленіе убранствъ съ точки зрѣнія климата не можетъ быть никогда вполне удовлетворительнымъ, такъ какъ мы видѣли, что одежда, какъ защитный покровъ, развивалась мало-по-малу и подъ вліяніемъ многихъ побочныхъ причинъ. Видъ тутъ имѣетъ значеніе самый матеріалъ одежды; всюду, гдѣ есть избытокъ производства даннаго матеріала или его доставки, тамъ одежда полнѣе (см. рис. стр. 569); кромѣ того, и подъ тропиками прикрытіе тѣла можетъ быть тѣмъ полнѣе, чѣмъ нѣжнѣе и тоньше матеріалъ умѣютъ изготовлять, а въ умѣренныхъ и холодныхъ поясахъ одежда мѣняется по времени года и по мѣрѣ надобности прибавляется или убавляется.

Такъ какъ полярные народы всѣхъ болѣе должны бороться съ неблагоприятностью климата, ихъ одежда всего полнѣе и всего болѣе отвѣчаетъ идеалу полного прикрытія тѣла. Безъ сомнѣнія, большая часть улучшеній въ этой области пришли изъ сѣверныхъ, холодныхъ странъ, и даже культурные народы умѣреннаго и болѣе теплаго пояса воспользовались ими для пополненія своей очень скудной сначала одежды. Штаны—воплнѣ сѣверная одежда; полотняная рубашка, замѣнившая шерстяную тунику, какъ болѣе подходящая нижняя одежда, по мнѣнію Гена,—кельтскаго происхожденія;

башмаки и сапоги (см. рис. стр. 570), вытѣснившіе, наконецъ, несовершенныя сандалии,—изобрѣтеніе сѣверныхъ варваровъ, какъ это уже выяснилъ Пешель. Чулки, гамашы и сюртуки имѣютъ безспорно свои сѣверные прототипы. Даже головные уборы классической древности очень разнообразны, и менѣ развитыя племена были первыми, которые въ формахъ головного убора, какъ прежде въ убранствѣ волосъ, старались выразить свою особенность.

Эту простоту древне-классическихъ убранствъ можно, слѣдовательно, отчасти объяснить ихъ недостаточнымъ развитіемъ; но лишь отчасти, такъ какъ внѣшній покровъ всегда отражаетъ внутренняго человѣка; изъ большихъ, спокойныхъ линій покрова тѣла съ нами говорить духъ того времени, которое своимъ свободнымъ и гармоническимъ развитіемъ силъ всегда будетъ для потомковъ предметомъ страстнаго воспоминанія.

6. Постройки.

Люди, обладающіе культурой,—а къ нимъ принадлежали и принадлежать уже въ продолженіе тысячелѣтій всѣ члены этой выдвинувшейся впередъ группы живыхъ существъ,—уже не только дѣти природы, какъ животныя; если все, что получается отъ побудительнаго стремленія организующихъ силъ, которыя цѣлесообразно строятъ и тѣло человѣка, можно назвать естественнымъ, все же, что изобрѣтено и сдѣлано сознаниемъ, называть искусственнымъ, то человѣчество въ очень многомъ есть искусственное произведеніе собственнаго разума. Сдерживая измѣненія тѣла и вмѣсто того создавая въ матеріальной культурѣ новое, способное къ постояннымъ измѣненіямъ общественное тѣло, этотъ разумъ сталъ все болѣе и болѣе руководить дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества и его приспособленіемъ къ новымъ условіямъ. Но съ этимъ вмѣстѣ вспомогательныя средства культуры стали жизненной необходимостью человѣка; безъ нихъ онъ немислимъ и почти столь же беспомощенъ, какъ звѣрь съ парализованнымъ тѣломъ: онъ долженъ какъ можно дальше держаться отъ великихъ противоположностей и измѣненій природы, долженъ, въ самомъ узкомъ смыслѣ слова, создать себѣ жилище, въ которомъ могъ бы жить по-своему. Это удаленіе тѣла отъ переменчивыхъ вліяній внѣшняго міра достигается отчасти одеждой, но болѣе рѣшительно и уже съ давняго времени тѣмъ, что человѣкъ умѣетъ устроить себѣ искусственныя жилища, которыя онъ отдѣлываетъ, наконецъ, сообразно своему собственному міру,

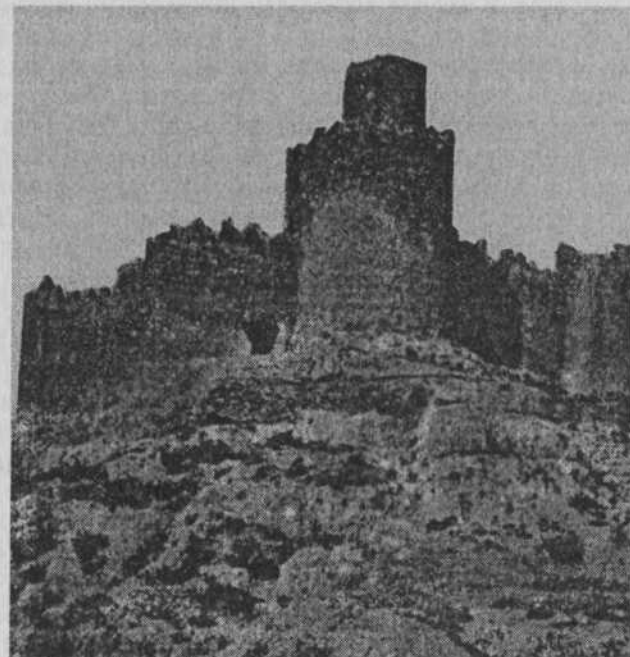
подходящему къ его болѣе тонкимъ потребностямъ. Вліяніе жилищъ на физическую природу человѣчества, быть можетъ, очень значительно. Тѣ большія расовыя различія, которыя теперь нестираемыми границами раздѣляютъ отдѣльныя группы другъ отъ друга и почти не поддаются ни холодному, ни жаркому климату, создались, повидимому, въ періодъ, когда люди еще болѣе подвергались дѣйствіямъ климата и еще не научились проводить ночь и часть дня въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, прохладныхъ отъ крыши, дающей тѣнь въ полдневный жаръ, и защищенныхъ огнемъ отъ ужаса ночи.

Истинную исторію человѣческихъ жилищъ такъ же трудно написать, какъ и исторію матеріальной культуры вообще, такъ какъ доисторическія изысканія даютъ лишь неполную и къ тому же по необходимости ложно-освѣщенную картину. Какъ между сосудами сохранились сосуды каменные, а деревянные и изъ др. брѣнныхъ матеріаловъ уничтожились, такъ сохранились и зданія изъ тяжелыхъ камней—храмы, башни (см. рис. стр. 573), мавзолеи и памятники, а древнія жилища, построенныя изъ легкихъ матеріаловъ, исчезли почти безъ слѣда; рядомъ съ каменными противостоятъ отчасти разрушительнымъ вліяніямъ лишь остатки, потонувшіе въ озерахъ и болотахъ, прежде всего—свайныя постройки. Только въ томъ случаѣ, если художественному чувству забытаго времени пришло на мысль набожно предать урнѣ съ пепломъ умершаго форму своего дома, и если, по счастливой случайности, это художественное произведеніе сохранилось отъ разрушенія, тогда только можемъ мы бросить мимолетный взглядъ на исчезнувшій міръ. Впрочемъ, и тутъ необходимо прежде всего и какъ можно основательнѣе изучить первобытные народы нашего времени; такимъ путемъ можно надѣяться хотя отчасти узнать ходъ развитія, такъ такъ и теперь нѣкоторые народы почти не умѣютъ строить искусственныхъ жилищъ, и существуетъ еще масса вполне примитивныхъ формъ.

Но было бы неправильно принимать въ соображеніе только постройки для жилья, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Перевѣсъ духовнаго начала въ человѣкѣ привелъ даже на первыхъ ступеняхъ развитія—и здѣсь часто самымъ рѣшительнымъ образомъ—къ тому, что не зданія, назначенныя для благоденствія отдѣльнаго человѣка или вообще живыхъ существъ, болѣе величественны и болѣе опредѣляютъ стиль, но храмы и мавзолеи (см. рис. стр. 574). Форма ихъ, правда, возникла изъ жилищъ, но затѣмъ они проходятъ особенный и громадный путь развитія, пока снова жилища начинаютъ строиться по ихъ образцу и получаютъ сами монументальный характеръ. У культурныхъ народовъ настоящаго времени уже не существуетъ

такихъ рѣзкихъ противоположностей, какія мы видимъ между храмами и пирамидами Египта и скоро-разрушающимися мазанками и хижинами изъ бамбуковыхъ стволовъ у ихъ подножья; но и теперь еще надъ моремъ домовъ въ городахъ величественно возвышаются соборы и ратуши.

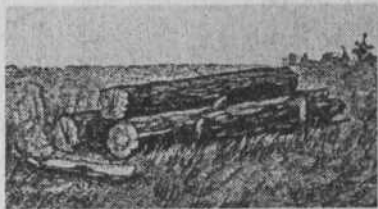
Безусловно существовала такая ступень развитія человѣчества, когда еще не было рѣчи о постройкѣ искусственныхъ жилищъ; это

Замокъ Бойбодъ въ Малой Азіи.

не теоретическій выводъ, который не могъ бы имѣть принудительной силы въ виду построекъ многихъ животныхъ, но онъ проистекаетъ изъ фактическихъ условій низшихъ народовъ. Нельзя рѣшить съ увѣренностью вопросъ—назначалась ли постройка жилища у человѣка исключительно для ухода за потомствомъ, какъ у большинства животныхъ; скорѣе нѣтъ, такъ какъ мы видѣли, что рожепица часто удалялась изъ жилища; но, быть можетъ, эта черта появилась позднѣе. Самые дикіе народы настоящаго времени строятъ себѣ убижище прежде всего съ цѣлью защиты отъ непогоды во время ночного отдыха.

Полнаго недостатка въ природныхъ убѣжищахъ нѣтъ, и съ нихъ начинается дальнѣйшее развитіе. Мы имѣемъ, во-первыхъ, дыры въ землѣ и пещеры. Какъ многочисленны были въ доисторической Европѣ пещерныя жилища, доказали доисторическія изысканія, хотя взгляды на значеніе этого факта очень расходятся. Такъ, во Франціи называютъ цѣлый періодъ глубокой древности—пещернымъ періодомъ; а, съ другой стороны, справедливо указывалось, что всегда только опредѣленные мѣстности богаты пещерами и трудно допустить, чтобы люди перенесли свое мѣстопребываніе исключительно туда, гдѣ находятся эти природныя убѣжища; другими словами, рядомъ съ пещерными жилищами всегда существовали и другія, которыя, быть можетъ, были еще многочисленнѣе, но не сохранились. Оскаръ Фраасъ склоненъ отрицать постоянное обитаніе пещеръ и думаетъ, что онѣ служили убѣжищемъ

Защищенные могилы индѣйскаго племени меномини (Сѣв. Америка).

лишь на зиму. Возможно, что страхъ хищныхъ звѣрей въ ледяной періодъ говорилъ въ пользу сырыхъ и нездоровыхъ, но легко защищаемыхъ пещеръ, которыя покинули въ болѣе благоприятное время. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ, правда, одно поколѣніе за другимъ крѣпко держались за этотъ дешевый пріютъ; на примѣръ, на берегахъ Везера, во Франціи, находятъ въ слояхъ пещернаго періода — внизу — остатки обитателей ледяного періода, выше — остатки жителей неолитическаго времени, и, наконецъ, находки бронзоваго періода. Нерѣдко соединяли новыя формы жилища съ этой древнѣйшей: кто пройдетъ изъ Гранады черезъ живописную долину Даро къ Сьеррѣ-Невадѣ, увидитъ по дорогѣ многочисленныя пещерныя жилища, замкнутыя на передней сторонѣ стѣной съ окнами и дверьми, и которыя почти не возбуждаютъ удивленія при бѣгломъ взглядѣ. Въ Тунисѣ (см. рис. стр. 575) и во многихъ другихъ мѣстахъ также въ употребленіи подобныя жилища. Но чаще, послѣ оставленія пещеры, какъ жилья, въ нее помѣщали мертвыхъ и такимъ образомъ, какъ мы увидимъ, дѣлали первый шагъ въ новомъ направленіи.

Пещеры уже потому не могутъ ни въ какомъ случаѣ считаться типической формой жилища первобытной культуры, что въ равнинахъ ихъ нѣтъ, и даже во многихъ горахъ онѣ встрѣчаются очень рѣдко; простая дыра въ землѣ, увеличенная копаньемъ и прикрытая сверху вѣтвями, въ глубинѣ которой и огонь былъ за-

щищенъ отъ вѣтра, вѣроятно, была еще болѣе древней формой жилища. Очень возможно, что знаменитое мѣсто раскопокъ у источника Шуссенъ, въ Вюртембергѣ, было первоначально такой обитаемой ямой, которая мало-по-малу засыпалась обвалами и мусоромъ.

Второй большой группой природныхъ убѣжищъ можно назвать густолиственные деревья и кусты, подъ которыми находятъ защиту отъ дневной жары и болѣе или менѣе хорошее прикрытіе отъ дождя и вѣтра. Отсюда уже недалеко до мысли сплести вѣтви надъ головой или съ подвѣтренной стороны и, быть можетъ, еще прибавить къ нимъ густыя вѣтви съ другихъ кустовъ. Бушмены Южной Африки,

Пещерное жилище у Габаса въ Тунисѣ (Сѣв. Африка).

которыя, конечно, теперь уже умѣютъ строить другія жилища, предпочитаютъ во время своихъ странствій подобныя примитивныя убѣжища или ищутъ пріюта въ пещерахъ и расщелинахъ скалъ. «Выбираютъ,—пишетъ объ этомъ Фритшъ,—густой кустъ для защиты, удаляютъ лишнія вѣтви, переплетаютъ остальные съ подвѣтренной стороны, протягиваютъ ихъ внизъ и затыкаютъ промежутки хвостомъ, такъ что образуется низкая, нависающая крыша, подъ которой можно удобно свернуться; въ особенности для этого годны кусты таргонанта. Такъ какъ бушмену, благодаря его росту и большой способности свертываться, не нужно такъ много мѣста, какъ простому смертному, онъ помѣщается свободно въ кустѣ, отогнувъ вѣтви, и предпочитаетъ это убѣжище, когда имѣетъ основаніе жалеть скрыть свое присутствіе. Такое ложе, образованное изъ отогнутыхъ и переплетенныхъ вѣтвей, похоже всѣмъ своимъ строенъ

и материаломъ для затыканія отверстій на гнѣздо птицы; и именно эти убѣжища въ кустахъ (Busch) дали, по мнѣнью многихъ изслѣдователей, названіе племени». Многія скитальческія лѣсные племена Бразиліи, какъ, напр., мура, повидимому, устраиваютъ себѣ такіе же пріюты, съ тою разницею, что у нихъ, кромѣ навѣса изъ плетеныхъ вѣтвей, есть нѣчто вродѣ искусственно-приподнятаго пола.

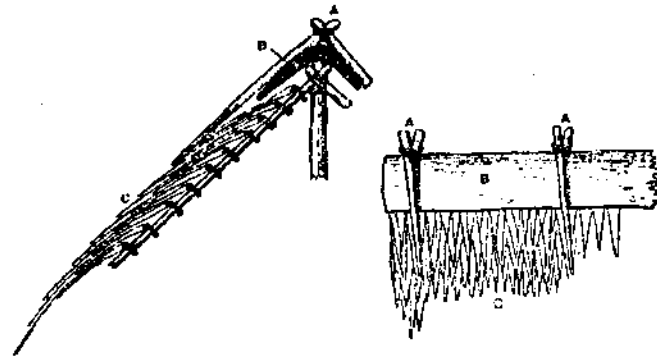
Промежуточной ступеню между пещерными жилищами и жилищами въ кустахъ и на деревьяхъ можно назвать дупла, которыя охотно употреблялись тасманцами, какъ убѣжище, и отчасти производились или расширялись искусственно посредствомъ огня; этотъ вымершій теперь народецъ строилъ также грубыя хижины, материаломъ для которыхъ служили, замѣтимъ, не вѣтви деревьевъ, а кора.

Изъ несовершенныхъ зачатковъ развивались всюду высшія формы. Кто хочетъ бросить взглядъ на это безконечное разнообразіе человѣческихъ жилищъ, не долженъ сложной остановиться на одной точкѣ, такъ какъ многое важное будетъ тогда закрыто ближайшимъ явленіемъ и не замѣчено; онъ долженъ смотрѣть на эти вещи съ разныхъ сторонъ и тогда найдетъ, что многое становится понятно, что спутанная масса располагается яснѣе то въ томъ, то въ другомъ направленіи, пока, наконецъ, онъ получитъ болѣе глубокое пониманіе великихъ законовъ, дѣйствующихъ на развитіе человѣческихъ жилищъ. Эти законы нельзя выразить въ нѣсколькихъ словахъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ многіе изъ нихъ скрещиваются и вредятъ другъ другу, но мы уже давно узнали изъ предьдущаго изложенія, что наука о культурѣ не состоитъ изъ простыхъ математическихъ выкладокъ, занимается не сухими абстракціями, но въ основаніи всегда должна ознакомиться съ измѣненіями и перемѣнными выраженіями человѣческаго духа. Она должна намъ показывать не какъ растетъ и развивается нѣчто чуждое намъ, а какъ борется нашъ собственный родъ съ новыми проблемами, новыми задачами и трудностями.

Мы достигнемъ самой выгодной точки зрѣнія, если примемъ во вниманіе главную цѣль всѣхъ жилищъ—защиту отъ непогоды. Тогда выдѣлятся, что совершенное человѣческое жилище должно представлять три рода защиты: оно должно имѣть крышу, удерживающую палящее солнце и дождь и не допускающую внутренней теплотѣ лучеспускаться вверху подъ открытое небо; оно должно имѣть боковыя стѣны, представляющія препятствіе для сквознаго вѣтра; наконецъ, оно должно быть снабжено поломъ, отдѣляющимъ обитателя отъ сырой и холодной земли. Эти три требованія не во всякомъ жилищѣ выполняются сразу; скорѣе бываетъ, что одно или другое изъ нихъ преимущественно принимается во вниманіе, такъ что въ этомъ смыслѣ возможна первая группировка, а именно—раздѣленіе

первобытныхъ формъ построекъ на три части; но въ этому мы еще вернемся.

Какъ во всѣхъ произведеніяхъ матеріальной культуры, и здѣсь выступаетъ для опредѣленія—материалъ рядомъ съ цѣлью. Главнымъ образомъ нуженъ материалъ, имѣющій плоскость, насколько его можетъ представить природа или техника; но и онъ требуетъ въ большинствѣ случаевъ опять-таки нѣчто вродѣ скелета, на который можетъ опираться или прислоняться; обѣ цѣли могутъ быть выполнены однимъ и тѣмъ же материаломъ только въ видѣ исключенія. Во-первыхъ, при исполненіи деревянныхъ построекъ, которыя строятся изъ поддерживающихъ балокъ и накрываются досками; во-вторыхъ, въ самыхъ простыхъ, плетеныхъ хижинахъ, на подобіе

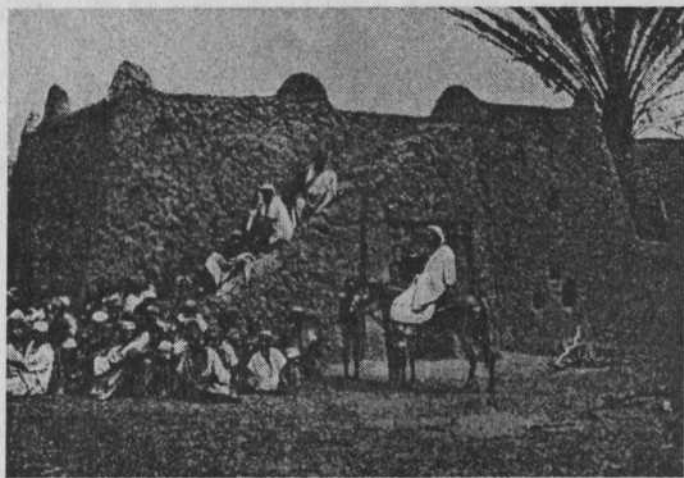

Устройство крыши у озерныхъ даяковъ (Борнео). Разрѣзъ и боковой видъ. А. Перевязочныя балки для поддержанія перваго конька. В. Первый конекъ, выдѣланная балка. С. Материалъ для покрывки изъ пальмы виси.

плоскихъ ульевъ, которыя состоятъ изъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю и сверху согнутыхъ вмѣстѣ.

Для составленія плоскостей крыши и стѣнъ природа даетъ тѣ же материалы, которые должны служить болѣе тѣснымъ покровомъ человѣка, одеждой, а именно—мѣха и древесную кору; какъ въ убранствѣ, такъ и въ строительномъ искусствѣ, на ихъ мѣсто выступаютъ искусственные материалы—плетенье и тканье. Переплетеніе материаловъ для покрывки часто можетъ производиться лишь тогда, когда подмостки уже поставлены и могутъ служить твердой опорой; такъ какъ, кромѣ того, защита нужна всегда только въ одну сторону, достаточно большою частью, для обшивки крыши и стѣнъ, накладываютъ другъ на друга въ видѣ чешуи маленькія плоскости—листья, драгицы, связки травы или кусочки коры, и этотъ способъ постройки тѣмъ болѣе удобенъ, что онъ помогаетъ сбиванію дож-

девой воды (см. рис. стр. 577). Если крыша не дѣлается изъ крѣпкаго матеріала, почти всегда употребляютъ этотъ способъ, а боковыя стѣны дѣлаются охотнѣе всего изъ настоящихъ плетеноекъ или изъ наискось положенныхъ толстыхъ деревянныхъ палокъ, реберъ пальмовыхъ листьевъ и т. под. Стѣнамъ приходится меньше защищать отъ дождя, чѣмъ отъ вѣтра. Это достигается при тонкихъ стѣнахъ лучше всего тѣмъ, что ихъ обмазываютъ глиной, которая быстро затвердѣваетъ въ крѣпкую массу, въ особенности если она перемишана, какъ это дѣлается въ Южной Африкѣ, съ коровьимъ навозомъ. Въ Гвѣанѣ племена, живущія въ лѣсахъ, имѣютъ хижины съ тонкими стѣнами или даже съ одной крышей; обитатели же тра-

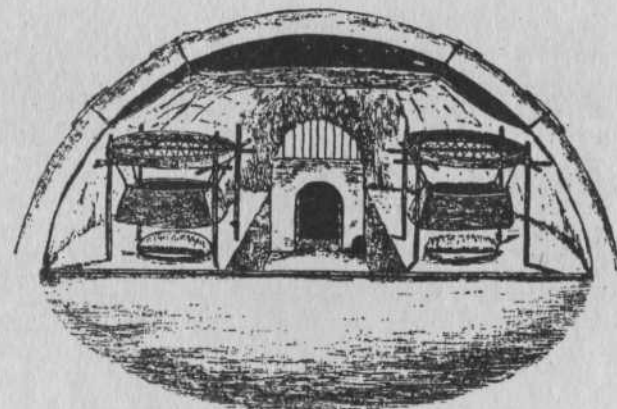

Мечеть, построенная изъ кирпича, высушеннаго на воздухѣ, въ Салагѣ, внутри страны Золотого Берега (Западная Африка).

виныстыхъ равнинъ, макузи, акеруца и вашиана, строятъ хижины съ толстыми глиняными стѣнками. Тамъ, гдѣ употребляется на постройку глина, обыкновенно дѣлаютъ изъ нее же и полъ. Обмазываніе стѣнъ глиной приводитъ къ открытію кирпича, высыхающаго на воздухѣ, а отсюда—однимъ шагъ до приготовленія обожженнаго кирпича, такъ какъ гончарное искусство извѣстно почти повсюду; но въ сухихъ странахъ, гдѣ, кромѣ того, существуетъ недостатокъ въ топливѣ, главнымъ образомъ придерживаются кирпича, высушиваемаго на открытомъ воздухѣ (см. прил. рисунокъ), изъ такого же кирпича возводились тѣ громадныя вавилонскія постройки, постепенно развивавшіяся снова въ безформенную кучу земли. Рядомъ съ этимъ развивается тогда, особенными путями, понятіе о работѣ изъ

камня. Полярные народы имѣютъ своеобразный матеріалъ въ снѣжныхъ массахъ своей родины, изъ котораго они умѣютъ рѣзать колоды и устраивать жилища со сводами (см. прил. рисунокъ), ставшія, быть можетъ, въ этомъ отдѣльномъ случаѣ прототипомъ каменныхъ домовъ.

Сравнительно поздно, только послѣ изобрѣтенія металлическихъ пилъ, дозволившихъ быстро и легко производить тонкія доски изъ грубыхъ древесныхъ стволовъ, постройка досчатыхъ домовъ получила кое-гдѣ успѣшное распространеніе у культурныхъ народовъ рядомъ съ каменными постройками, какъ, напримѣръ, въ Скандинавіи. Металлы употреблялись на постройку храмовъ уже древними

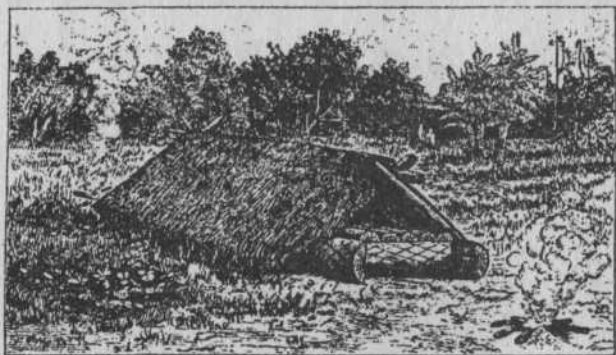

Внутренность дома изъ снѣга у эскимосовъ.

культурными народами и иногда въ такомъ избыткѣ, что возбуждали жадность послѣдующихъ поколѣній: въ Римѣ перенесли мѣдныя позолоченныя кровельныя черепицы съ храмовъ Венеры и Ромула на старую базилику Петра, а въ началѣ новой исторіи мѣдныя балки портика Пантеона похищены однимъ изъ папъ и перелиты въ пушки. Въ настоящее время часто употребляютъ металлы для подпорки построекъ, но какъ покрывающую плоскость—только въ исключительныхъ случаяхъ, дѣлая крыши изъ листового желѣза.

Послѣдній примѣръ опять указываетъ, что каждое зданіе составляетъ изъ частей, подпирающихъ и покрывающихъ, которыя должны быть тѣсно связаны другъ съ другомъ. Внутреннюю конструкцію зланиа можно сравнить нѣкоторымъ образомъ со скелетомъ теплокровныхъ животныхъ, на который ложатся защитнымъ покровомъ мускулы и покрывающіе ихъ волосы и перья. Кто хочетъ обстоятельно познакомиться съ животнымъ, долженъ изучить строе-

ние его костей и не ограничиваться вышним наблюдением; того же можно требовать от сравнительного изучения формы зданий. Особенно Герману Фробенусу принадлежит заслуга указания на важное значение конструкции для этнологического исследования архитектурных произведений; своими работами об африканских и океанских типах построек он создал также прототипы для последователей в этой области; будем надеяться, что на этом пути, на который, впрочем, может с уверенностью вступить лишь специалист-техник, знакомый в тоже время с порядком работы по народоустройству, удастся со временем овладеть новой и

Временное жилище семинолов (Сев. Америка).

ясной точкой зрения. Пока число исследований, дающих годные материалы, слишком невелико.

Представляется четвертая возможность обзора, если мы примем во внимание климатические условия, влияющие на постройки. Это влияние проявляется уже в имющихся в распоряжении материалах по мере более — во всем способе постройки и, в особенности, в отношении ее к поверхности земли: в холодных странах человек закапывается в защищающую его почву и противится морозу в полуподземных или вполне подземных убежищах; а дом обитателя тропиков стоит на высоких сваях над почвой, дышащей лихорадкой; в то время, как житель первобытных лесов устраивает себе иногда только крышу и может обходиться без стѣн, — наступив свои стада на равнине, открытой для ветров бурь, тщательно укрепляет боковые части своего жилища. Культурные народы умеренного пояса мало-по-малу научились приспособлять кое-как свой дом к переменам климата; многие же другие имеют отдельные жилища — зимнее и летнее, но

которые часто совершенно разны по форме, материалу и способу постройки; так, например, зимнее жилище эскимосов, построенное из камня или снежных глыб, во всем отличается от легкой палатки, в которой они живут летом.

Эта смена летних и зимних жилищ связана опять-таки с образом жизни, который в свою очередь сильно влияет на характер жилища. Здесь прежде всего выступает положительная разница между оседлыми, полuosедлыми и чисто-кочевыми или скитальческими народами. Хижины скитальческих народов обитаемы

Палатка омага (Сев. Америка).

лишь на короткое время, затем оставляются; следовательно, строятся наскоро и из материалов, не имеющих цены (см. рис. стр. 580): странствующие народы высшей категории предпочитают, напротив того, легко построенные жилища, которые можно перевозить с собою во время кочевания и легко установить, а именно различные формы палаток (см. прил. рис. и рис. стр. 582, 583). Полной оседлости не знают и первобытные земледельцы, и в этом заключается главное основание, почему каменные жилища лишь гораздо позже появляются даже там, где могильные памятники и другие постройки, рассчитанные на долгое время, делаются уже давно из этого материала.

Уже при обсужденіи соціальныхъ отношеній выяснилось, что это неполное прилѣпленіе къ землѣ имѣетъ и другія причины, кромѣ экономическихъ; не только истощенная земля заставляетъ жителей деревушки покинуть свои хижины и поселиться въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, но и смерть вождя можетъ сдѣлать мѣсто необитаемымъ, или страхъ какой-нибудь эпидемической болѣзни заставляетъ надолго опустѣть прежде цвѣтущее поселеніе. Одинъ капризъ владыки какъ бы по волшебству воздвигаетъ въ Африкѣ, какъ и на Востокѣ, новые города изъ земли или превращаетъ многолюдныя поселенія въ бѣдныя деревушки и пустоши. Все это придаетъ и строительному искусству преходящій, временный характеръ, что всего виднѣе у арабовъ, которые все еще сохранили въ себѣ кочевой духъ.

Лагерь палатокъ утѣ въ Миддль-Паркѣ, Скалистыя горы, Сѣв. Америка.

Но это лишь одна сторона вліяній на способъ стройки, возникшихъ изъ соціальныхъ отношеній; еще рѣшительнѣе выказываются формы общественной совмѣстности, семейнаго и родового быта, въ архитектурѣ отдѣльныхъ народовъ, совершенно не принимая во вниманіе противоположности богатства и бѣдности, которая, конечно, такъ же выступаетъ болѣе или менѣе въ этой области. Раздѣленіе половъ, брачныхъ и холостыхъ, и тѣсная совмѣстная жизнь родовъ обуславливаютъ характеристичныя формы поселенія. Гдѣ мужчины или же холостые живутъ въ отдѣльномъ домѣ, онъ отличается большею частью своей величиной и многими другими особенностями отъ домовъ женщинъ или женатыхъ; часто въ немъ нѣтъ боковыхъ стѣнъ, а крыша принимаетъ громадныя размѣры; или онъ состоитъ изъ одной простой платформы, какъ мѣстами въ южной Нов. Гвиней.

Если потомъ изъ этого дома для холостыхъ развивается ратуша или храмъ мѣстечка, зданіе сохраняетъ свои особенности и даже своеобразно развиваетъ ихъ, такъ что иногда образуется два совершенно разныхъ стіля. Съ другой стороны, расширяются и бѣдныя хижины женщинъ, по крайней мѣрѣ съ того момента, какъ въ нихъ переселяются женатые мужчины, или каждый мужъ строитъ себѣ собственное жилье, по образцу дома для мужчинъ, и къ нему прилѣпляются хижины женщинъ. Гдѣ патриархальныя родовые союзы отбрасываютъ на задній планъ систему раздѣленія половъ и возрастовъ, тамъ совершенно отсутствуютъ жилища для холостыхъ и возникающія иногда рядомъ съ ними жилища для дѣвушекъ, или сходятся къ незначительнымъ приставкамъ всего плана села, состоящаго глав-

Палатки курдовъ у Тозія (въ Малой Азіи).

нымъ образомъ изъ прежнихъ домовъ для женщинъ. Но возможно и сліяніе обѣихъ системъ, и тогда появляются тѣ гигантскіе длинныя дома, въ которыхъ живетъ вмѣстѣ цѣлый родъ или племя; многіе изъ нихъ образовывались, безъ сомнѣнія, изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ жилищъ или могли произойти изъ дома для холостыхъ раздѣленіемъ обширнаго помѣщенія на меньшія отдѣленія.

Съ развитіемъ культуры и раздѣленія труда начинаютъ дифференцироваться и постройки; все многочисленнѣе становятся дома для специальныхъ цѣлей рядомъ съ жилыми помѣщеніями, а послѣднія опять-таки распадаются внутри на различныя комнаты. Оба рода дифференціаціи мы видимъ въ надворныхъ постройкахъ нѣмецкихъ крестьянъ. У франконскихъ крестьянъ, большею частью, рядомъ съ жилымъ домомъ имѣется известное число коню-

шенъ и амбаровъ, а у нижне-саксонцевъ все это соединено подъ одну крышу. Обыкновенно оба вида раздѣленія встрѣчаются рядомъ.

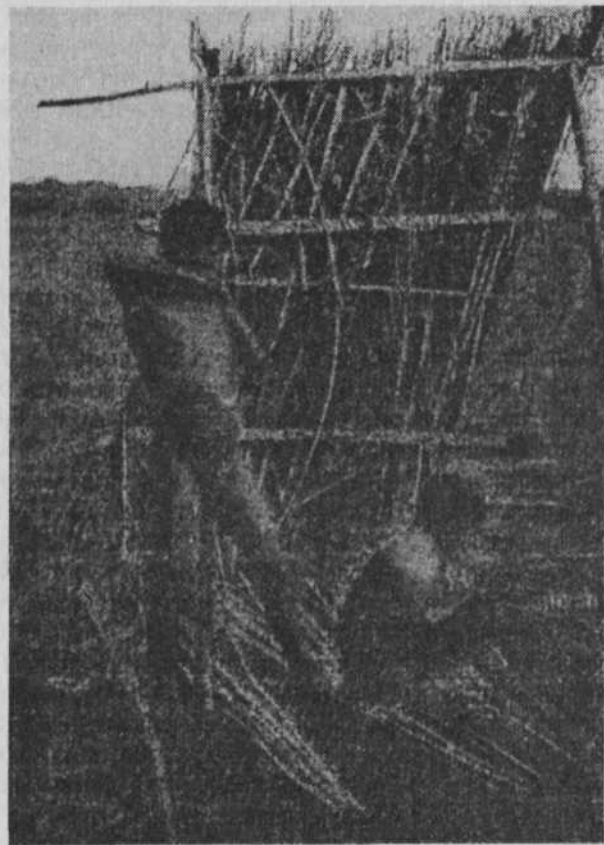
Всѣ эти различныя, перекрещивающіяся вліянія производятъ въ концѣ концовъ то, что называется стилемъ зданія, но они не вполне еще объясняютъ своеобразность архитектурнаго стиля. Нужно вспомнить, что жилище есть въ своемъ родѣ лишь расширенная одежда; какъ убранство остается непонятно, если мы не обдумаемъ происхожденія украшенія, которое во многихъ случаяхъ опредѣляетъ высшій видъ убранства, такъ и архитектурный стиль какого-нибудь народа не можетъ быть объясненъ только вліяніемъ цѣли, матеріала и способа стройки: онъ также есть въ тоже время украшеніе дома, онъ также возникаетъ изъ побужденія къ яркому выраженію отличительныхъ признаковъ, только въ немъ менѣе отражается характеръ отдѣльной личности, чѣмъ всего народа. Способъ стройки есть въ то же время отличительный признакъ племени, утрата котораго указываетъ на глубокія измѣненія народнаго духа. Если даже измѣняется употребляемый матеріалъ, стиль по возможности сохраняется и, вообще, онъ слѣдуетъ всѣмъ тѣмъ законамъ, которые даютъ себя знать при постоянныхъ видоизмѣненіяхъ матеріальной культуры.

Слѣдовательно, повторяемъ, въ главномъ имѣется не менѣе семи или восьми направленій, въ которыхъ высказывается сильное вліяніе на постройку домовъ; рядомъ съ цѣлью, матеріаломъ и способомъ конструкціи, имѣютъ силу и условія климата и образа жизни; затѣмъ часто выступаютъ социальныя отношенія, отъ которыхъ можно еще отдѣлить мистически-религіозныя воззрѣнія, какъ особенную группу, и наконецъ, здѣсь имѣетъ силу и стремленіе къ проявленію отличительныхъ признаковъ и къ украшенію, которое впервые проявляется въ украшеніи тѣла. Обзоръ можно произвести со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія; но такъ какъ нужно сдѣлать выборъ, то всегдѣ больше заслуживаетъ вниманія первая, которая принимаетъ въ соображеніе цѣль построекъ.

Мы уже видѣли, что главной цѣли жилищъ — защиты отъ непогоды — добиваются тремя способами: крышей, боковыми стѣнами и поломъ. Почти никогда въ первобытныхъ жилищахъ не выполняются всѣ эти условія сразу; часто только одно изъ нихъ; но именно эти несовершенныя начала достойны особеннаго разсмотрѣнія, такъ какъ мы можемъ въ нихъ наблюдать и изучать отдѣльно тѣ свойства построекъ, которыя обыкновенно тѣсно связаны.

При одномъ взглядѣ на положеніе современныхъ дикарей можно почти признать, что боковая защита, заслонъ отъ вѣтра, въ большинствѣ случаевъ была первымъ зародышемъ искусственныхъ жилищъ. Теоретически не много можно возразить противъ этого взгляда,

такъ какъ, дѣйствительно, защита человека и огня отъ бокового вѣтра и носимаго имъ косою дождя была чаще необходима и легче достигалась, чѣмъ защита отъ вертикально-падающаго ливня; такъ что она прежде другихъ производилась искусственнымъ путемъ. Историческія изысканія еще не могутъ дать на это рѣшительнаго

Филиппинскіе погрито у заслона отъ вѣтра, стрѣляющіе изъ лука.

отвѣта, такъ какъ, конечно плетеные и построенные изъ древесной коры заслоны не сохранились; но, въ сущности, тѣ древнія землянки, въ которыхъ французскіе историки древности хотѣтъ видѣть самыя старинныя жилища человека, можно поставить въ ту же категорію, съ той разницей, что въ нихъ боковая защита достигается опусканіемъ очага въ землю вмѣсто устрѣиства заслона, который, впрочемъ, такъ же существовалъ при нихъ, быть можетъ.

Заслоны отъ вѣтра еще теперь всюду въ употребленіи у странствующихъ негритовъ на Филиппинскихъ островахъ (см. рис. стр. 585). „Приготовленіе заслоновъ,—пишетъ Шаденбергъ,—составляетъ ихъ первую заботу, когда они нашли подходящее мѣсто для пребыванія. Эта работа производится, обыкновенно, женщинами и дѣтьми. Постановка заслоновъ совершается слѣдующимъ образомъ: изъ расколотаго бамбука дѣлается рама въ 2 м. высоты и 1½ м. ширины; въ эту раму протягиваются въ длину и поперекъ палки и крѣпко переплетаются и свиваются другъ съ другомъ. Промежутки покрываются листьями, на подобіе кровельной черепицы. Посреди верхней части приделывается подпорка также метра въ два длины, и посредствомъ ея заслонъ ставится подъ угломъ 45°; для большаго удобства землю у заслона устилаютъ листьями“. И австралійскія хижины могутъ вѣрнѣе назваться заслонами отъ вѣтра. „Каждая семья,—говоритъ по этому поводу Спенсеръ,—состоящая изъ мужа, одной или нѣсколькихъ женъ и дѣтей, и непременно сопровождаемая собаками, живетъ въ mia-mia, которая есть не что иное, какъ наклонная крыша изъ вѣтвей, такъ поставленная, что она защищаетъ обитателей отъ господствующаго въ мѣстности вѣтра“. Очень похожій на этотъ способъ употребляютъ нѣкоторые южно-американскіе индѣйцы въ Пампасахъ, ставя подвижныя стѣны съ внутренней стороны, и также поступаютъ многія племена южной Калифорніи и др. индѣйцы. Тамъ, гдѣ существуетъ отдѣльно одна крыша, ея прототиномъ было, вѣроятно, покрытое листьями дерево, которое, въ то же время, своимъ стволомъ представляетъ образецъ подпорки. У австралійскихъ племенъ замѣчали, что они посредствомъ вплетенія вѣтокъ въ сучья дерева превращали его въ нѣчто подобное хижинѣ. Но постройка настоящей крыши встрѣчается впервые у племенъ, обитающихъ тропическіе первобытные лѣса, а именно у южно-американскихъ индѣйцевъ; но и тутъ форма крыши часто возбуждаетъ подозрѣніе, не составляетъ ли она лишь передѣлку и развитіе плетенаго заслона отъ вѣтра.

Также рѣдки жилья, служація защитой только снизу, слѣдовательно представляющія не что иное, какъ искусственный полъ. Въ сущности, всякое возвышеніе, на которомъ, въ защиту отъ сырости земли, разводять огонь, всякая циновка, разстилаемая на землѣ, какъ подстилка для тѣла—принадлежатъ къ этой группѣ. Постройками въ болѣе узкомъ смыслѣ слова можно назвать платформы изъ дерева или камня, встрѣчающіяся въ больномъ числѣ на островахъ Южнаго океана; ими часто ограничиваются, какъ жилищами, такъ какъ онѣ все же защищаютъ отъ испареній земли и внезапныхъ наводненій, а также служатъ крѣпостями противъ дикахъ звѣрей и людей.

Легко предположить, что изъ совмѣстнаго вліянія этихъ трехъ типовъ образовались разнообразныя формы построекъ. Но прежде всего нужно замѣтить еще одинъ способъ постройки, который главнымъ образомъ состоитъ не въ возведеніи искусственныхъ средствъ защиты, а въ зарываніи въ землю; при этомъ боковыми стѣнами совершенно или отчасти служитъ естественный грунтъ, по крайней мѣрѣ въ самыхъ примитивныхъ формахъ. Вкапываніе въ охраняющую землю въ особенности присуще народамъ холоднаго пояса, но встрѣчается иногда и въ болѣе теплыхъ странахъ. Въ сѣверной Европѣ лишь мало-по-малу выросли жилища изъ-подъ земли; еще у франковъ, время переселенія народовъ, домъ для женщинъ (scgeona), въ которыхъ пряли и ткали, строился на половину въ землѣ, очевидно, потому, что здѣсь требовалась наибольшая и равномерная теплота; это—остатки старинныхъ зимнихъ жилищъ, между тѣмъ какъ открытое помѣщеніе для мужчинъ образовалось, вѣроятно, изъ лѣтнаго жилья.

Примѣромъ сравнительно развитой формы землянокъ могутъ служить зимнія юрты гиляковъ, которыя подробно описываетъ фонъ-Шренкъ: «Земляная юрта, торифъ гиляковъ, построена совершенно на подобіе палатки: она, собственно, не что иное, какъ палатка болѣе или менѣе просторная, прочная, наполовину опущенная въ землю и покрытая балками. Если нужна большая юрта, роютъ въ землѣ яму около 20—22 футовъ въ квадратѣ и приблизительно 3—4 ф. глубины; стѣны ея сглаживаются и даже, по крайней мѣрѣ въ верхней части, обкладываются тонкими бревнами. Надъ этой ямой сооружается пирамидальная крыша, равномерно наклонно поднятая со всѣхъ сторонъ; эта крыша состоитъ изъ тонкихъ, тѣсно другъ къ другу приставленныхъ бревенъ, лежащихъ на четырехъ поперечныхъ балкахъ, которыя въ свою очередь поддерживаются находящимися внутри юрты четырьмя подпорками. Только на самомъ верху крыши оставляется отверстіе, служащее вмѣсто дымовой трубы. Снаружи крыша покрывается еще сухой травой и землей, чтобъ сдѣлать ее совершенно непроницаемой для воздуха. Когда осенью на нее ляжетъ снѣгъ, вся юрта имѣетъ видъ покрытаго снѣгомъ холма, слегка очерченнаго на верхушкѣ отъ выходящаго дыма. На той сторонѣ юрты, которая противоположна господствующимъ вѣтрамъ или вообще лучше защищена отъ вѣтра, находится входъ. Но онъ ведетъ не прямо въ юрту, а сначала въ довольно узкій, низкій проходъ, также покрытый тонкими балками или сучьями и сухой травой; по обѣимъ сторонамъ его поставлена нѣкоторая домашняя утварь или устроено убѣжище для собакъ. Въ концѣ этого прохода находится дверь, которая, какъ обыкновенно, ходитъ вертикально на петляхъ, или состоитъ изъ горизонтально-

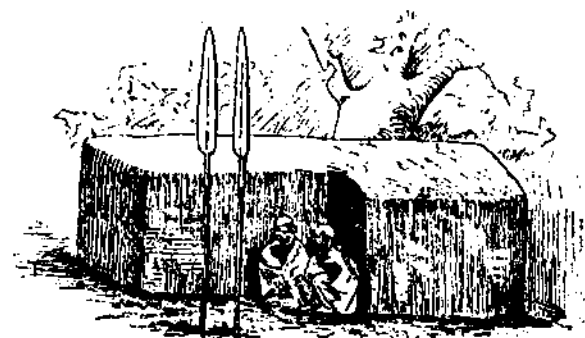
положенной доски, отодвигаемой въ сторону. Непосредственно за нею вельт вниз нѣсколько ступеней на плотно утрамбованный земляной полъ юрты. Внутри юрты, по обѣ стороны и сзади, между подпорками и земляной стѣной, тлится, приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ ф. высоты и 5—6 ф. ширины, сажья для сидѣнья и спанья, притица, которая прерывается только въ обѣихъ заднихъ углахъ юрты. Эти углы, такъ же, какъ и передніе, большею частью закруглены и служатъ для ставки различной утвари, ящиковъ и сундуковъ, ручныхъ сапей и т. д. Черезъ это образуется между двумя боковыми скамейками и задней скамейкой, считающейся самымъ лучшимъ и почетнымъ мѣстомъ въ юртѣ, перегородка, хотя и очень несовершенная. Надъ внутреннимъ краемъ скамей, на высотѣ мужского роста, протянуты между подпорами еще поперечные брусья, служащіе для вѣшанья платья и т. под. Средѣ юрты, между тремя притицами и на разстояніи около 3 ф. отъ каждой находится очагъ, платформа фута въ три ширины и вдвое длины, одной высоты со скамьями. Она очень простаго устройства: деревянная, сбитая изъ досокъ рама, наполненная плотно утрамбованной землей... На верху, какъ разъ надъ очагомъ, находится дѣловая труба въ видѣ удлиненнаго четырехугольника, который своимъ поперечнымъ діаметромъ въ длину или соответствуетъ очагу, или поставленъ немного наискось противъ него». Это описаніе показываетъ очень хорошо, какъ домашней утварью создается пригодный полъ, который въ данномъ случаѣ занимаетъ почти больше мѣста, чѣмъ настоящій полъ жилища; вся жизнь разгравывается, какъ на галлереѣ, на притицахъ и на очагѣ.

Рядомъ съ такими, хорошо обставленными юртами, существуютъ меньшія, которыя врыты менѣе глубоко въ землю; даже временно выкапываются жилища въ сѣтлу, которыя часто сильно еще напоминаютъ о связи съ земляными пещерами и защищены отъ вѣтра; такъ, Шренкъ наблюдалъ, что странствующіе гиланки вырыли въ сѣтлу яму въ нѣсколько футовъ глубины, устлали ее всю сѣновымъ кворостомъ, а съ стѣврной стороны ее защищало отъ вѣтра покрывало изъ рыбьей кожи, укрѣпленное на палкахъ, воткнутыхъ наискось въ сѣтлѣ.

Подземныя жилища многихъ калифорнскихъ племенъ грубѣе жилищъ гиланковъ. Туземцы, живущіе вблизи озера Кламатъ, роютъ въ землѣ круглую яму отъ 2 до 5 ф. глубины и опускаютъ въ нее кругомъ по бокамъ крѣпкіе стѣбы, которые вгнаты къ срединѣ такимъ образомъ, что остается одно отверстіе, служащее дверью и дыркой трубою. Внутри и снаружи къ этому отверстию ведутъ лѣстницы или зазубренныя бѣвки. Кровельныя бревна, кромѣ того, засыпаны толстымъ слоемъ земли. У племенъ хуна (въ стѣврной Калифорніи) этотъ способъ строики удаченъ въ

томъ смыслѣ, что яму выстилаютъ внутри камнями и на верхнемъ ея краю сажаютъ кругомъ каменный валь, къ которому приклонены уже кровельныя бѣвки. Другія племена этой области имѣютъ четырехугольныя землянки, выложенныя внутри прямо поставленными бревнами, выступающими надъ краями ямы; крыша лежитъ на коньковомъ бревнѣ: входъ находится или въ крышѣ, или сбоку.

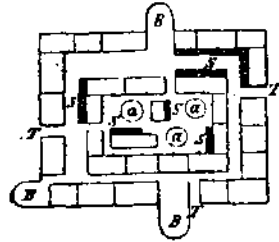
Примѣромъ землянокъ въ тропическихъ странахъ можно назвать совершенно врытыя или полуврытыя въ землю тембы Восточной Африки, которыя недавно вкратцѣ описалъ фонъ-Лушанъ. Видимому, наземная темба — четырехугольное, лишкообразное строеніе изъ плетенки, обсаженное внутри и снаружи толстымъ слоемъ глины — есть болѣе старинная форма (см. прил. рисункъ), которая только подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ преобразовалась въ болѣе или менѣе подземное жилище. Крыша тембы лежитъ на поперечныхъ деревянныхъ брускахъ, которые, въ свою очередь, покоятся на нѣсколькихъ, къ верху выдобранныхъ боковыхъ бревнахъ, и состоитъ изъ вѣтокъ и травы, смазанныхъ сверху глиной и крѣпко утрамбованныхъ. Наземная темба распространена въ большой части нѣмеккихъ владѣній Восточной Африки и часто разрастаются въ обширныя, сплошныя зданія протѣ крѣпости (см. рис. стр. 590). Стѣвриѣ Угого лежатъ нѣсколько меньшихъ областей, какъ Туру, Иранго, Уссадауми и др., въ нѣкоторыхъ встрѣчаются наполовину врытыя въ землю тембы; онѣ отличаются отъ подземныхъ только тѣмъ, что ихъ боковыя стѣнки гораздо ниже, зато полъ такъ глубоко вырытъ, что получается достаточно мѣста для свободного движенія. Наконецъ, встрѣчаются тембы совершенно подъ землей, и тогда ихъ крыша непосредственно лежитъ на краяхъ ямы, въ которую можно проникнуть только черезъ длинный наискось вырытый проходъ. Эта форма, особенно частая въ Ираку, развивается, по словамъ Баумана, еще дальше въ Уфіюма; хотя здѣсь собственно жилища тембы находятся лишь наполовину подъ землей, но изнутри идетъ внизъ узкая около 2 м. глубины шахта, къ которой ведетъ длинный, 20—30 м.,

Жилища массаи (Восточн. Африка)

отлично ходъ въ большое подземное помѣщеніе. Оно устроено такъ же, какъ и всѣ тембы и имѣетъ наверху воздушную шахту, которая при своемъ отверстіи на поверхности земли тщательно прикрывается камнями и кустарникомъ. Эти подземныя тембы служатъ убѣжищемъ во время войны, слѣдовательно, имѣютъ одинаковую цѣль съ удивительными доисторическими «подземными хлѣвами», встрѣчающимися еще и теперь въ нижней Австріи и Баваріи. Конечно, подобныя формы построекъ могутъ развиваться только тамъ, гдѣ имъ благоприятствуетъ свойство почвы, и этимъ достаточно объясняется ихъ рѣдкость.

Преимущества подземныхъ построекъ для извѣстныхъ цѣлей имѣли слѣдствіемъ, что и культурные народы Европы не отказались отъ нихъ окончательно, но присоединяютъ ихъ къ надземнымъ постройкамъ въ видѣ погребовъ. У хова (на Мадагаскарѣ) погреба подъ домами составляютъ, быть можетъ, замѣну помѣщеній подъ свайными постройками, навѣрно, когда-то извѣстными хова, принадлежащихъ къ малайской расѣ. Въ большихъ городахъ Европы недостатокъ мѣста привелъ даже къ тому, что полуподземныя помѣщенія обитаемы людьми.

Планъ тембы у есамун (въ Вост. Африкѣ). А—круглая ниша, В—укрѣпленія, С—ворота, D—веранда, крытая соломой.

Но, въ общемъ, число надземныхъ жилищъ на землѣ больше и ихъ форма разнообразнѣе, чѣмъ форма землянокъ. Часто очень трудно прослѣдить отдѣльныя формы при большомъ количествѣ проявляющихся въ этомъ отношеніи иліаній. Къ тому же

надо прибавить, что многіе, сильно выступающіе наружу признаки не имѣютъ того значенія, которое имъ желательно приписать; напримеръ, всего болѣе бросается въ глаза разница между круглыми и четырехугольными хижинами, а между тѣмъ граница между ними вовсе не такъ рѣзка, и перѣдко встрѣчаются колебанія между этими двумя формами при одинаковой конструкціи въ остальномъ.

Также точно слышется различіе между боковыми стѣнами и крышей. Цѣлый рядъ простыхъ формъ хижинъ образовался такимъ образомъ, что первоначальный заслонъ отъ вѣтра увеличился и взялъ на себя и задачу крыши; вѣдь и въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ иногда представляетъ отчасти защиту отъ отвѣснаго дождя тѣмъ, что поставленъ наклонно къ землѣ. Палатка, въ ея обычномъ видѣ у многихъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ и у многихъ полярныхъ народовъ (см. рис. стр. 582), можетъ быть разсматриваема, какъ кругомъ замкнутый заслонъ отъ вѣтра, наклонно поставленныя стѣны котораго образуютъ въ то же время крышу

и оставляютъ на верху свободное отверстіе для выходящаго дыма; иногда нѣтъ и этого отверстія. Палатки эскимосовъ у пункта Баррова представляютъ, по описанію Мурдона, остовъ изъ четырехъ или пяти столбовъ въ 12 ф. длины, воткнутыхъ въ землю въ кругъ, имѣющій 12 ф. въ диаметрѣ, и связанныхъ вѣстѣ концами. Покрышкой служили прежде оленьи и тюленья шкуры, а теперь—парусный холстъ, который обертывается спиралью вокругъ остова, причѣмъ остается трехугольное отверстіе для входа. Это отверстіе закрывается занавѣсью, которая частью состоитъ изъ прозрачной кожи, такъ что имѣетъ въ себѣ окно; оно завѣшивается на ночь кускомъ матеріи. Снаружи, вокругъ палатки, протянута веревка, а лежащія на землѣ концы холста придерживаются камнями или другими тяжелыми предметами. Эта коническая форма палатки легко переходитъ въ прямоугольную, которую мы видимъ у эскимосовъ Гудсонова залива. Здѣсь употребляютъ обыкновенно еще большія шкуры моржей, отъ 10—15 шт. на палатку, и такъ шиваютъ ихъ вѣстѣ по длинной сторонѣ, что образуется два большихъ куска. Остовъ палатки дѣлается изъ четырехъ столбовъ, изъ которыхъ каждая пара наклонно вбивается въ землю и связывается на верху вѣстѣ. Затѣмъ, обѣ пары соединяютъ продольнымъ бревномъ, служащимъ конькомъ палатки; ко всему этому еще прибавляютъ многія боковыя подпорки, такъ что весь остовъ состоитъ изъ 11 столбовъ. Обѣ покрышки прикрѣпляются тогда такимъ образомъ, что онѣ касаются конька своими длинными сторонами и спадаютъ наклонно по обѣ стороны. При сильномъ дождѣ прикрываютъ конекъ болѣе широкими шкурами, но обыкновенно оставляется щель, пропускающая дымъ отъ огня, разведеннаго внутри палатки.

Форма палатки съ кровельнымъ конькомъ можетъ легко развиться дальше въ томъ направленіи, что вѣсто одного коньковаго бревна накладываютъ нѣсколько параллельно идущихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и все это покрывается кусками паруснаго холста, плетеными одинъ около другого. Въ этомъ случаѣ боковыя стѣны не служатъ уже тѣмъ же крышей, а имѣется настоящая плоскость крыши, почему и внутренность шатра просторнѣе и удобнѣе. Кочевыя племена Азіи употребляютъ преимущественно эту форму, какъ, напримеръ, курды; послѣдніе, кромѣ того, прикрываютъ нижнюю часть шатра еще плетенымъ заслономъ отъ вѣтра, такъ какъ, обыкновенно, полы шатра не доходятъ до земли (см. рис. стр. 583). И въ арабскихъ палаткахъ спускаютъ холстъ до земли только зимою, а лѣтомъ внизу оставляется свободное пространство и холстъ замѣняется заслономъ отъ вѣтра, сплетеннымъ изъ тростника или ситника; внутренность палатки раздѣляется подобной же плетеной ситникой стѣной на два помѣщенія.

Переходимъ отъ палатки къ круглой хижинѣ, снабженной крышей, которая можетъ считаться маррольской юртой (гирв). «Каждая юрта, — пишетъ Прижевальскій, — круглая, съ конической крышей, въ которой находится отверстіе, служащее дымовой трубой и въ то же время окномъ. Остовъ этой юрты дѣлается изъ палокъ, привозимыхъ болѣею частью изъ лѣсныхъ мѣстностей Халъха. Эти палки связываютъ наверху имѣть, затѣмъ такъ растягиваютъ, что образуется пространство въ 4—5 м. въ диаметрѣ, затѣмъ еще связываютъ ихъ веревками (по другимъ свидѣтельствамъ — ремнями), и, наконецъ, накрываютъ войлокомъ. Только палки по обѣ стороны входа не связаны между собою. Къ одной изъ нихъ прикрѣпляется дверь въ 1 м. вышины и почти такой же ширины. Высота всей юрты достигаетъ всегда около $1\frac{2}{3}$ м. Надъ стѣнами и надъ дверью кладутся палки, тонкіе концы которыхъ привязываются къ стѣнамъ узлами. Свободные концы этихъ палокъ вставляются въ отверстія согнутого въ кольцо прута. Образовавшейся такимъ образомъ конусъ, около 1 м. высоты и $1\frac{2}{3}$ м. въ диаметрѣ, составляетъ верхнюю

Хижина маруте (центральная Южн. Африка). Планъ, остовъ, оконченная хижина.

часть юрты, т. е. дымовую трубу и окно. Только когда поставленъ весь остовъ юрты, накрываютъ его войлоками, — и безыскусственною жилищемъ готово». Войлоками покрыта и земля внутри юрты; только юрты очень богатыхъ людей или князей имѣютъ досчатый полъ. Эти жилища монголовъ почти такъ же легко разобрать и увезти, какъ и настоящія палатки, но они лучше защищаютъ отъ холода и солнечной жары.

Образованію палатки изъ простого заслона способствуетъ прежде всего вліяніе матеріала: гдѣ служатъ матеріаломъ большіе, естественно-подходящіе другъ къ другу куски, какъ кора или мѣха, тамъ развивается употребленіе палатокъ, для которыхъ позже служатъ произведенія войлочнаго и ткацкаго искусствъ. Но тамъ, гдѣ, наоборотъ, плетеный заслонъ отъ вѣтра превращается въ закрытое помѣщеніе для жилья, образуются другія формы. Всего ближе подходятъ еще къ палаткамъ съ двухскатной крышей тѣ хижины, которыя состоятъ просто изъ двухъ плоскостей, прислоненныхъ другъ къ другу, какъ, напримеръ, форма камышевыхъ хижинъ, встрѣчающихся у маруте въ Южной Африкѣ (см. прил. рисунокъ). Г. Фробениусъ указалъ на то, что легкость камыша, не допускаю-

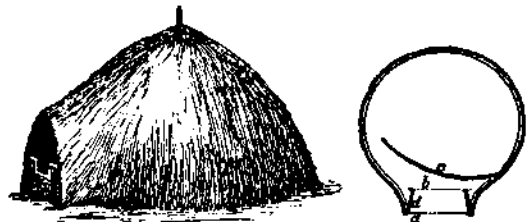
щая образованія шарообразно-замкнутыхъ жилищъ, обуславливаетъ прямоугольный планъ этихъ построекъ. Связки камыша образуютъ тутъ боковыя планки, большая связка — коньковую балку, и все покрывается травой и связывается, для прочности, лыкомъ. Подобныя постройки находятся въ Меланезіи и, по словамъ Турнера, на Новыхъ Гебридахъ. Обыкновенно, отверстія въ узкихъ сторонахъ хижины отчасти или совсѣмъ закрываются плетенкой, которая опять-таки имѣетъ часто характеръ заслона отъ вѣтра.

Составленіе жилища изъ двухъ отдѣльныхъ плоскостей, которыя соприкасаются у коньковой балки, имѣетъ обыкновенно слѣдствіемъ, что конекъ, всего болѣе подвергающійся дождю, составляетъ и самую промокаемую часть дома, поэтому долженъ быть защищенъ особой покрывкой. Это повело на мысль соединить обѣ боковыя плоскости наверху въ одну, другими словами — соорудить плетеный сводъ безъ настоящаго конька; въ открытыя, короткія стороны свода могутъ быть также, по желанію, вставлены косыя плетенки. И этотъ типъ особенно хорошо сохранился въ Меланезіи.

Большая часть жителей Южной и Средней Африки пошла еще дальше и работала полукруглыми, совершенно замкнутыми формы хижинъ: первоначальный заслонъ отъ вѣтра выросъ здѣсь въ совершенно круглое строеніе, защищающее въ одно время и сверху (какъ крыша), и съ боковъ; входомъ въ него обыкновенно служитъ очень маленькое отверстіе, сдѣланное въ любомъ мѣстѣ. Въ самой первобытной формѣ встрѣчаются эти шарообразныя хижины у карликовыхъ народовъ африканскихъ дѣвственныхъ мѣсовъ; улучшенія формы и различныя преобразованія — у готентотовъ и у большинства народовъ банту. Основаніемъ служитъ всегда остовъ изъ тонкихъ жердей, прикрѣпленныхъ въ землѣ кругообразно, согнутыхъ къ серединѣ и покрытыхъ травой или ситовой рогожей. Иногда все подпирается еще отвѣсными жердями, какъ показываетъ слѣдующее описаніе Фритца хижинъ зулусовъ: «Вся покрывка опирается на одинъ или, если хижина побольше, на нѣсколько среднихъ столбовъ, стоящихъ близко отъ центра хижины; такъ, говорятъ, Дингаанъ, жилище вождя зулусовъ, въ Уилунгивалловѣ, содержитъ въ себѣ три ряда такихъ столбовъ, всего до 20 штукъ. При постройкѣ хижины, эти центральныя подпорки врываются въ землю, а кругомъ ихъ — гнѣздя жерди, которыя потомъ притягиваются къ серединѣ и прикрѣпляются мочальными веревками. Построенную такимъ образомъ корзину покрываютъ затѣмъ слоями камышовой травы, причѣмъ каждый слой привязывается такими же веревками. Образуется нѣчто вроде корзины, остовъ которой всажень въ землю, безъ оконъ и трубы; дверью служитъ маленькое отверстіе, менѣе чѣмъ въ метръ высоты и наверху закругленное. Противъ этой

входной двери находится очаг хижины, поставленный немого не въ центрѣ, т. е. ближе къ двери, и выдѣляющийся на ровной глиняной поверхности пола низкой насыпью круглой или овальной формы». Дверь закрывается подвижной плетешкой и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея ставится еще особенный заслонъ отъ вѣтра. У другихъ африканскихъ племенъ дверь представляетъ не просто отверстие, но выведенный сводъ въ крышѣ (см. прил. рисун.).

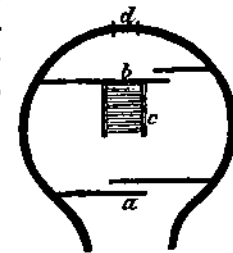
Ясно, что подобная постройка хотя прекрасно защищаетъ отъ непогоды, но страдаетъ недостаткомъ свѣта и воздуха, и своей формой мало приспособлена къ тому, чтобъ человекъ въ ней стоялъ вертикально; въ меньшихъ шарообразныхъ хижинахъ, когда огонь горитъ посрединѣ, можно находиться только въ наклонномъ положеніи или на корточкахъ. Мы видимъ теперь, что зулусы умѣютъ дѣлать свои хижины просторнѣе тѣмъ, что подпираютъ отвѣсными столбами. Но этимъ открывается путь къ болѣе серьезному преобразованію архитектурнаго стиля и къ устраненію главнаго недостатка полушарообразныхъ построекъ. Когда шарообразный сводъ лежитъ на достаточномъ количествѣ подпорокъ, онъ не имѣетъ надобности доходить до самой земли, но можетъ пре-

Хижина племени ванира въ государствѣ Конго. а—передняя полудверь; в—дверь; с—перегородка; d—столбы у входа.

вратиться въ крышу, построенную уже изъ болѣе крѣпкаго матеріала, и получить конусообразный видъ. Такъ образуется постройка съ крышей въ видѣ конуса, лежащая на одномъ или многихъ, въ кругъ поставленныхъ столбахъ, иногда еще подпертая срединнымъ столбомъ; промежутки между столбами заполняются или отчасти, или вполне плетеными или возведенными изъ глины боковыми стѣнами. Типическую постройку такого вида представляетъ хижина бетчуановъ. Колическая, покрытая камышомъ крыша, покоится на двухъ круговыхъ рѣдкахъ жердей, изъ которыхъ внутренней превращенъ въ стѣну посредствомъ глины и рѣшетки, между тѣмъ, какъ между внѣшней и внутренней рядами остается нѣчто продѣ кругового портика, который съ внѣшней стороны часто еще отдѣленъ низкой глиняной насыпью. Преимущество этихъ построекъ—ихъ большая просторность, но зато возможность устроить вентиляцію и освѣщеніе устройствомъ люковъ въ боковой стѣнѣ не примѣняется; внутренность хижины имѣетъ только одно единственное и очень маленькое дверное отверстие.

Хижины баронговъ похожи на предыдущія съ той разницей, что это племя довольствуется простой боковой стѣной, слѣдовательно, здѣсь не имѣется никакихъ портиковъ. Стоитъ упомянуть, что говоритъ Юнодесъ о постройкѣ этихъ жилищъ. Начинаютъ съ устройства крыши, что характеризуетъ взглядъ на нее, какъ на главную часть и ядро стройки. Будущій домохозяинъ копаетъ круглую, неглубокую яму въ землѣ, обтыкаетъ ее кругомъ длинными, тонкими, наклонными внаружи шестами и соединяетъ ихъ вверху, въ срединѣ ямы, въ конусъ, который затѣмъ переплетаетъ вѣтвями и лубкомъ въ видѣ корзины. Этотъ коническій остовъ крыши затѣмъ переворачивается и относится на мѣсто постройки хижины. Здѣсь между тѣмъ уже влочатъ въ землю кругъ столбовъ и связавъ между собой камышовой стѣной; крыша, принесенная вѣтвѣ мужскимъ населеніемъ деревни, насаживается на эту кругообразную стѣну и покрывается связками травы такъ, что связки лежатъ другъ на другѣ, какъ чешуя. Наконецъ, камышовая стѣна замазывается глиной съ коровьимъ навозомъ, и прилаживается дверь, для которой оставлено отверстие сбоку. Полъ хижины также покрывается смѣсью глины съ навозомъ, которую время отъ времени обновляютъ. Такъ какъ промежутки между крышей и боковыми стѣнами не замазываются тщательно, хижины баронга имѣютъ больше воздуха, чѣмъ хижины зулусовъ и бетчуановъ.

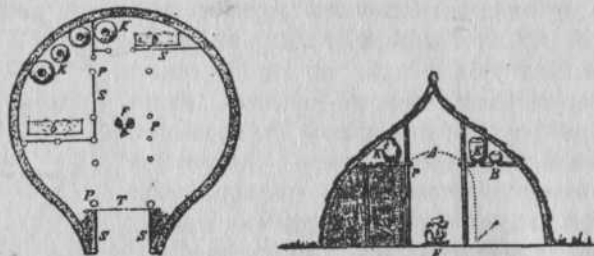
Планъ хижины унорра въ Мбога (Вост. Африка). а—передняя, в—задняя дверная стѣна, с—мѣсто для постели, d—задняя выходная дверь.

Кто себѣ представляетъ возникновеніе постройки съ боковыми стѣнами изъ шарообразной хижины, понимаетъ безъ дальнѣйшаго разъясненія и переходныя формы между этими двумя типами. Это постройки, въ которыхъ развивается только одна часть боковой стѣны, и при входѣ посредствомъ свода въ крышѣ, образуются стѣны, остальная же крыша доходитъ до земли. Къ этой группѣ принадлежатъ хижины вагаида. У балуба имѣются кругомъ боковыя стѣны, но онѣ совершенно исчезаютъ подъ травяной крышей, спускающейся почти до земли; у левду встрѣчаются подпирающіе столбы, но заостренная кверху крыша доходитъ кругомъ до самой земли (см. прил. рис. и рис. стр. 596).

Круглая хижина съ боковой стѣной опять-таки легко переходитъ въ совершенно подобнаго же строенія форму съ квадратнымъ или прямоугольнымъ планомъ. Къ этому принуждаетъ неподатливость нѣкоторыхъ строительныхъ матеріаловъ, въ другихъ случаяхъ очень удобныхъ; прежде всего—болѣе толстыхъ деревянныхъ столбовъ и стволловъ, которые не поддаются круглымъ формамъ построекъ. Съ

тою же легкостью, съ какою кругообразно согнуты боковыя стѣны превращаются въ прямыя плоскости, переходить и коническая крыша въ пирамидальную, и все строеніе, не измѣняя замѣтно конструкціи, можетъ получить большій размѣръ и солиднѣе видѣ.

На южно-и средне-африканскія круглыя хижины съ боковыми стѣнами очень похожи постройки жителей верхняго Нила, но послѣднія, какъ это указываетъ Фробениусъ, имѣютъ въ основаніи другой принципъ конструкціи. Главная опора дома здѣсь —средній столбъ, часто просто дерево, лишнее сучьевъ; нижнимъ концомъ своимъ крыша покоится на рядѣ жердей, поставленныхъ въ кругъ, а боковая стѣна не заполняетъ промежутковъ между жердями, но большею частью стоитъ независимо отъ нихъ, такъ что образуется вѣчто вродѣ узкой веранды. Средній столбъ требуетъ отъ крыши

Хижина леву и и-луръ у Сеснга (Центральная Африка). в—мѣсто для постели, F—очагъ, К—корзины для припасовъ, P—столбы для подпоры, T—дверь, F—дрова, S—перегородка, А—планъ дверного свода, В—чердакъ.

острой, конической формы и иногда выступаетъ надъ травяной покрышкой.

Хижина многихъ южно-американскихъ индѣйскихъ племенъ также круглыя постройки, но отличаются отъ африканскихъ тѣмъ, что крыша лежитъ на двухъ главныхъ столбахъ, поднимающихся въ серединѣ изъ внутренняго помѣщенія; смыслъ этихъ подпоръ станеть понятенъ, если замѣтимъ, что рядомъ съ круглыми хижинами встрѣчаются и удлиненные постройки съ кровельнымъ конькомъ, при которыхъ, слѣдовательно, оба столба служатъ подпорой коньковому бревну. Впрочемъ, Карлъ фонъ денъ Штейненъ наглядно описалъ, какой видъ имѣетъ такая круглая хижина. «Могло показаться,—пишетъ онъ,—что находишься къ гигантскомъ ульѣ, къ счастью, безъ пчелъ. Планъ ея почти круглый—15 м. въ поперечникъ; два толстыхъ столба въ 9 м. высоты и въ 3½ м. разстояніи другъ отъ друга поддерживали посредняй большой соломенный куполь, остовъ котораго состоялъ изъ горизонтальныхъ бамбуковыхъ колець, а выше—изъ наклонно кверху,

къ лую, отогнутыхъ кольевъ. Онъ былъ весь черный отъ дыму. Стѣна кругомъ, надъ которой онъ возвышался, представляла замкнутое кольцо изъ балоковъ въ 1 ½ м. вышины съ двумя слишкомъ низкими для меня входами, находящимися другъ противъ друга». Если и тутъ конструкторъ даетъ цѣнное указаніе на происхожденіе формы строенія, то во многихъ постройкахъ малайской области культуры это еще яснѣе. Многие рисунки домовъ для мужчинъ въ заливѣ Гумбольдта и Нов. Гвиней на первый взглядъ представляютъ круглыя или, по крайней мѣрѣ,

Хижина и идолы кайяновъ (Сѣв. Борнео).

многоугольные строенія, имѣющія большое сходство съ африканскими формами. Но одинъ, сообщенный намъ Финшемъ, основной планъ указываетъ, что здѣсь крыша лежитъ на четырехъ столбахъ точно такъ, какъ въ обыкновенныхъ прямоугольныхъ постройкахъ этой области, и легко разобрать, что многоугольный видъ произошелъ просто отъ отески угловъ первоначально четырехугольнаго основнаго плана.

Типичный прямоугольный домъ малайо-полинезийскихъ поселеній есть въ своемъ родѣ также развитіе плетенаго заслона отъ вѣтра, только въ этомъ случаѣ не стремились построить весь домъ, или позднѣе хоть бы крышу, изъ одного куска, а составляли зданіе изъ отдѣльныхъ плоскихъ щитовъ вродѣ того, какъ строятъ домъ изъ

игральныхъ картъ. Вошедшая въ поговорку шаткость карточного дома заставляетъ предполагать, что при такомъ способѣ стройки очень много зависитъ отъ остова и связей. Мы уже упоминали объ одной формѣ такихъ «карточныхъ домиковъ», состоящихъ просто изъ двухъ плоскостей, приставленныхъ другъ къ другу въ видѣ двухскатной крыши съ открытыми или закрытыми боковыми сторонами (см. рис. стр. 582); если эта крыша получаетъ фундаментъ въ видѣ четырехъ столбовъ, поддерживающихъ четыре угла и соединенныхъ, въ свою очередь, боковыми стѣнами, — образуется обыкновенная хижина изъ циновокъ съ двухскатной крышей, очень распространенная форма жилищъ, которая опять-таки представляетъ зародышъ многихъ болѣе художественныхъ способовъ стройки. Къ главнымъ четыремъ столбамъ часто прибавляютъ еще два въ переднемъ и заднемъ концѣ дома, поддерживающихъ коньковую балку и представляющихъ во многихъ меланезійскихъ жилищахъ важнейшую часть ихъ конструкціи; иногда прибавляютъ еще столбы, служащіе подпорой боковыхъ, параллельныхъ коньковой, балокъ, поддерживающихъ крышу. Мы еще вернемся къ тому, какое вліяніе имѣетъ стройка на сваяхъ (см. рис. стр. 597) на вышеупомянутый и другіе типы построекъ.

Вышеописанный стиль построекъ, который, для краткости, можно назвать малайскимъ или, выѣсть съ Х. Фробеніусомъ, сѣверо-океанскимъ, съ прямоугольнымъ планомъ и сооруженіемъ зданія изъ отдѣльныхъ плоскостей или рамъ, имѣетъ то преимущество, что крыша или стѣны болѣе удобны для переноски, чѣмъ въ чисто-африканскихъ формахъ жилищъ. А именно, шарообразная хижина должна составлять законченное цѣлое, если хотять, чтобы ея части оставались въ равновѣсіи; поэтому какое-нибудь примѣненіе къ внешней температурѣ въ видѣ раскрывающа части зданія такъ же мало возможно, какъ и освѣжающій притокъ воздуха. Въ малайскихъ же постройкахъ остовъ составляетъ главное. Иногда совершенно отсутствуютъ боковыя стѣны, какъ во многихъ большихъ помѣщеніяхъ для холостыхъ; часто онѣ подвижны и ставятся только при случаѣ. На баундическихъ островахъ, по словамъ Листера, дома не имѣютъ боковыхъ стѣнъ и только окружены низенькой оградой. Дома на Уа (Балиссіе острова) имѣютъ, по свидѣтельству Морвана, огромныя крыши, начинающіяся на высотѣ немногихъ футовъ отъ земли и лежащія на стволахъ бамбука; такъ какъ, вслѣдствіе тяжести крыши, эти подпорки должны быть многочисленны, прямоугольный планъ не представляетъ особеннаго преимущества и дѣйствительно, здѣсь рядомъ съ прямоугольнымъ планомъ, существуетъ и кругообразный или многоугольный. Съ боковъ всѣ дома открыты и только на ночь ихъ закрываютъ циновками, приготовленными для

этой цѣли, подобный же способъ постройки господствуетъ на Тонгарева, только здѣсь снабжаютъ боковыя стороны свертывающимися циновками, которые спускаются или поднимаются.

Дома съ гигантскими крышами и открытыми сторонами описываетъ Вильксъ также и на островахъ Джильберта, а недавно болѣе подробно пишетъ о нихъ Финшъ. «Длина большого джильбертскаго дома, — говоритъ онъ, — доходитъ до 7—9 м., высота до конька крыши около 4-хъ м. Конекъ крыши (terau) представляетъ прямую линію и покрытъ циновками; въ верхней половинѣ крыши скаты спадаютъ почти отвѣсно, въ нижней — выдаются наискось совершенно перпендикулярно верхней. Подпорами этой большой крыши служатъ собственно не жерди, а стволы пандануса съ 3—4 концами корней въ видѣ ногъ, такъ какъ въ каменную, коралловую, почву плохо втыкаются жерди. Бока постройки открыты, но могутъ быть при надобности завѣшаны простыми матами изъ кокосовыхъ листьевъ. Такъ какъ подпоры крыши обыкновенно менѣе 1 м. высоты, приходится сильно наклоняться, желая войти. Внутри хижины, вдоль стѣны, тянется на высотѣ 1½ м., платформа въ метръ ширины или приподнятыя полати, сооруженныя на поперечныхъ балкахъ пандануса изъ расколотыхъ столбиковъ того же матеріала. Эти приподнятыя полати, служащія для снанья или для поставки разной утвари, иногда занимаютъ только половину пространства или совсемъ отсутствуютъ. Надъ этой первой платформой часто воздвигается вторая на одинъ метръ выше, нѣчто вродѣ чердака изъ рѣдкоположенныхъ колебъ пандануса, и служить для сохраненія различнаго имущества и матеріаловъ». Слѣдуетъ обращать большое вниманіе, какъ въ этомъ случаѣ платформа первоначальныхъ свайныхъ построекъ переняла просто въ сооруженіи внутри дома, такъ какъ свойства почвы запрещаютъ свайный способъ стройки. Большіе обширные дома жителей джильбертовыхъ острововъ построены частью на каменныхъ столбахъ.

Очень красивое видоизмѣненіе малайскаго стиля въ Новой Зеландіи представляютъ, вслѣдствіе щедраго употребленія дерева, жилища Маори. Х. Фробеніусъ считаетъ, что домъ маори есть, подъ вліяніемъ сѣвероокеанскаго стиля, дальнѣйшее развитіе простой хижины съ корридоромъ, которая, въ свою очередь, произошла изъ австрайлскаго заслона. И здѣсь не въ употребленіи свайныя постройки; только маленькіе домики для припасовъ охотно строятся, ради крысь, на сваяхъ. Матеріалы для постройки дома какъ-то: дерево и камышъ, часто заготавливаются годами, послѣ чего, наконецъ, чертятъ на землѣ планъ и вбиваютъ главные столбы для поддержки коньковой балки. Коньковая балка выступаетъ съ передней стороны дома, гдѣ должны быть стѣны, приблизительно на

10 ф. дальше передняго столба и иногда подпирается еще однимъ столбомъ въ крайнемъ концѣ. Боковыми подпорами для крыши служатъ широкіе куски дерева, промежутки между которыми выполняются стѣнками изъ камыша или циновками изъ листьевъ льна; камышовая стѣна замыкаетъ домъ сзади, другая, въ которой находятся дверь и окно, — спереди. Надъ этой передней стѣной выступаютъ такъ далеко впередъ крыша и боковыя стѣны, что образуются довольно просторныя сѣни, которыя снаружи отдѣлены низенькой оградой. Спереди крыша заканчивается широкими досками, и передъ концами боковыхъ стѣнъ справа и слева стѣней также стоятъ досчатые столбы съ красивою рѣзбой. Всѣ скрѣпы сдѣланы изъ новозеландскаго льна, полъ изъ утопанной глины.

И въ Африкѣ извѣстенъ «малайскій» способъ стройки, въ особенности въ области поселеній на западномъ берегу. Переходомъ къ нему, быть можетъ, можно назвать тотъ моментъ, когда племена, живущія въ шарообразныхъ хижинахъ, лишенныхъ свѣта и воздуха, охотно сооружаютъ помѣщенія для собраний или работъ въ видѣ крышъ на сваяхъ для тѣни и такимъ образомъ строятъ иногда зданія значительной величины. Жилища съ прямоугольнымъ планомъ, двухскатной крышей и плетеными стѣнами свойственны многимъ племенамъ и распространены далеко внутрь страны Конго. Такъ, у балоло хижины состоятъ изъ шести плетельныхъ плоскостей, которыя легко разобрать и опять собрать; такой же способъ стройки находимъ мы у монбуту. Последніе строятъ въ такомъ родѣ большіе помѣщенія, самое большое изъ которыхъ, по свидѣтельству Швейнфурета, имѣетъ 50 м. длины, 25 м. ширины и 17 высоты; многіе параллельные ряды вспомогательныхъ балокъ поддерживаютъ въ немъ огромную крышу; передняя часть зданія открыта для свѣта. Большое число подпорокъ и, быть можетъ, примѣръ круглыхъ суданскихъ построекъ повліяли и у монбуту на постройку этихъ помѣщеній иногда по круговому плану.

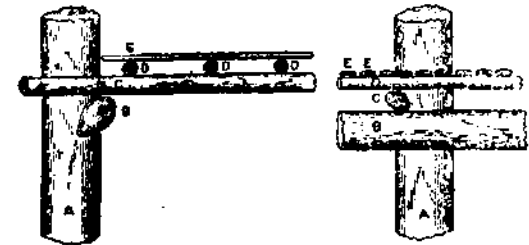
Большая часть домовъ въ области малайскихъ поселеній есть въ то же время свайныя постройки, другими словами, — полъ этихъ зданій приподнятъ надъ землей на сваяхъ; но тѣмъ не менѣе не всѣ свайныя постройки принадлежатъ къ малайскому архитектурному стилю, и не всѣ дома этого стиля должны быть непременно свайными постройками. Какъ мы видѣли, встрѣчаются жилища помѣщенія въ видѣ простыхъ платформъ или приподнятаго пола, на которыхъ, вообще, нѣтъ собственно дома.

О цѣли и смыслѣ свайныхъ построекъ выражались различныя мнѣнія, которыя, быть можетъ, вмѣстѣ взятая, дѣйствительно угадываютъ часть истины, такъ какъ поднятіе пола надъ землей по-

лезно во многихъ отношеніяхъ. Уже защита отъ сырости земли, отъ внезапныхъ наводненій, вызываемыхъ ливнями, отъ нездоровыхъ испареній и низколетающихъ роевъ насекомыхъ можетъ въ достаточной степени оправдать этотъ достопримѣчательный способъ стройки. И нападенію болѣе крупныхъ хищниковъ или людей-враговъ не такъ подвержена свайная постройка, какъ жилище, стоящее непосредственно на землѣ; свайныя постройки, возведенныя въ неглубокой водѣ, довольно сносно защищены отъ внезапныхъ нападений, къ этому присоединяются соображенія удобства: всякая дрянь и отбросы не скопляются на полу или сейчасъ за дверью хижины, а сбрасываются въ люки пола и уносятся водой или, при свайныхъ постройкахъ на твердой землѣ, служатъ пищей свиньямъ и собакамъ, которыя въ тоже время находятъ убѣжище на почвѣ внизу между сваями.

Обязаны ли свайныя постройки своимъ происхожденіемъ жилищамъ на деревьяхъ? — это едва ли можно уже признать съ увѣренностью. Насколько теперь извѣстно, устраиваемые на вершинахъ высокихъ деревьевъ платформы и дома, которыхъ, напримеръ, очень много въ Новой Гвинее, считаются лишь крѣпостями и убѣжищами, но врядъ ли служатъ настоящими жилищами. Постоянно обитаемые свайные дома стоятъ всегда на сваяхъ, врытыхъ въ землю, хотя при случаѣ пользуются и подходящимъ, близстоящимъ деревомъ; о ступеняхъ развитія отъ жилищъ на деревьяхъ до типической свайной стройки не можетъ быть и рѣчи.

Можно различить двѣ основныхъ формы свайныхъ построекъ: въ первой устраивается сначала крѣпкая платформа (см. прил. рис.), на которой строятся хижины, какъ и на твердой землѣ; во второй сваи платформы служатъ въ то же время и балками дома, на которыхъ лежитъ крыша; возможенъ, конечно, переходъ отъ одной формы къ другой и, дѣйствительно, большая часть свѣихъ свайныхъ построекъ составляетъ этотъ переходъ. Въ особенности часто встрѣчается вторая форма, соединенная съ выступающей платформой; иногда же, какъ въ обширныхъ домахъ Гудзонова залива, рядомъ съ свайнымъ домомъ находится отдѣльная платформа. Те-

Конструкция платформы на сваяхъ въ Саравакъ (Ств. Ворнео). А — главный столбъ, В — балки, С — перекрестныя балки, D — поперечныя балки пола, E — балки изъ бамбука.

перь понятно, почему именно малайский способ стройки, съ его прямоугольнымъ планомъ и четырьмя главными столбами, благоприятствуетъ возникновенію свайныхъ построекъ, такъ какъ можно просто прикрѣпить полъ на любой высотѣ къ столбамъ дома; африканскіе шарообразная хижина, напротивъ того, должна была бы сначала получить полъ посредствомъ искусственной платформы, чтобъ превратиться въ свайную постройку. Какъ легко преобразуются малайскіе дома въ свайныя постройки, такъ же легко превращаются они снова въ дома, стоящіе прямо на землѣ, если обстоятельства соответственно мѣняются. Въ малайскомъ архипелагѣ, почти вездѣ, гдѣ голландское правительство ввело порядокъ, т. е. устранило гибельную охоту на людей, свайныя постройки замѣнились простыми домами, стоящими на землѣ. Нѣчто подобное произошло и въ Новой Гвинее; Макъ Грегоръ сообщаетъ о жителяхъ деревни Тупуселея, на востокъ отъ порта Моресби, что прежде они жили въ известномъ разстояніи отъ берега, внутри страны въ свайныхъ домахъ, а теперь, подъ защитой англійскаго управленія, построили у самого берега дома на ровной землѣ.

Къ первой группѣ свайныхъ построекъ, возведенныхъ на особенной платформѣ, принадлежатъ жилища племени Варрау въ Гвианѣ, описанныя Рихардомъ Шомбургъ. Все поселеніе, которое онъ могъ ближе изучать, стояло на одной платформѣ, построенной въ водѣ; эта платформа была утверждена на древесныхъ стволахъ въ 5—6 ф. высоты и сдѣлана изъ стволовъ маниколовой пальмы. Жалкія хижины имѣли 7—8 ф. длины, и внутри ихъ находились кучки земли, служившія очагомъ.

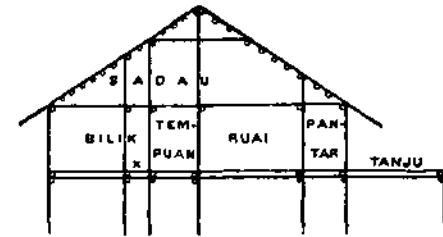
Промежуточной формой между первой и второй группой можно считать длинныя дома сѣверныхъ даяковъ на остр. Борнео. Брока Лау, описывающій ихъ очень подробно, называетъ такой домъ или деревню «платформой на столбахъ, которая данною соответствуетъ числу домовъ деревни». Какъ можно видѣть изъ поперечнаго разрѣза, съ передней стороны соединенныхъ вмѣстѣ хижинъ тянется широкая веранда, частью прикрытая выступающей крышею; эта веранда раздѣляется, смотря по длинѣ, на четыре отдѣленія съ разными названіями. Собственно помѣщенія для жилья на заднемъ планѣ занимаютъ едва одну треть пространства, накрытаго крышею. Другой докладчикъ описываетъ такой домъ слѣдующимъ образомъ: общій домъ, грубо построенный и очень большой, имѣетъ 594 ф. длины, а пространство спереди или улица, шириною въ 21 ф., тянется во всю длину зданія. Заднее помѣщеніе раздѣлено для отдѣльныхъ семей стѣнками изъ циновокъ и въ эти частныя помѣщенія ведетъ 45 отдѣльныхъ дверей изъ общаго. Все зданіе поднимается на 12 ф. надъ землей. Доступомъ къ нему служитъ древесный стволъ съ за-

рубками, очень трудный, крутой и опасный родъ дѣстницы. Съ передней стороны находится терраса въ 50 ф. ширины, которая тянется вдоль фасада зданія и дѣлается изъ расколотаго бамбука, какъ и весь полъ» (см. грав. рис.).

Въ домахъ даяковъ по крайней мѣрѣ часть главныхъ столбовъ служитъ также поддержкой крышѣ, дома баттаковъ на остр. Сумагра, напротивъ, суть, повидимому, самостоятельныя постройки своеобразной конструкции, хотя платформа большею частью бываетъ не шире самаго дома. Судя по рисункамъ и моделямъ, остовъ хижины, стѣны которой наклонны снаружи и поддерживаютъ громадную крышу, стоитъ свободно на платформѣ; но въ действительности дѣло обстоитъ иначе, какъ доказываетъ выставленный въ Бременскомъ музеѣ настоящій домъ. Здѣсь платформа поддерживается

шестью столбами, изъ которыхъ четыре наружныхъ достигаютъ вверхъ до самой крыши и образуютъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ различными поперечными балками, четырехугольный остовъ, который можно разсматривать, какъ ядро дома и главную поддержку крыши. Но этотъ остовъ вполнѣ скрытъ внутри строенія и совершенно не виденъ въ глаза въ наружной архитектурѣ. Платформа выдается на всѣ стороны надъ главными столбами и на краю ея поднимаются, прикрѣпленные къ крѣпкимъ продольнымъ доскамъ, легкія кнаружи наклонныя стѣны изъ циновокъ, слабо-подпертыя также наклонными столбами. Такимъ образомъ, домъ, построенный снаружи изъ легкаго матеріала, охватываетъ, какъ скорлупа или отстоящій плащъ, самый остовъ, который служитъ для всего крѣпкимъ скелетомъ. Крыша не имѣетъ коньковаго бревна, задняя и передняя стороны ея закрыты особенными циновочными стѣнками. Сомнительно, чтобъ эта конструкция домовъ могла считаться типичной; многіе дома баттаковъ вообще не строятся на деревянныхъ балкахъ, а на короткихъ каменныхъ столбахъ, и въ этомъ случаѣ домъ, конечно, долженъ имѣть самостоятельный остовъ, установленный на полу платформы.

Если свайная постройка возвышается на твердой землѣ и сваи не черзтуть высоки, внизу образуется полезное помѣщеніе, служащее верѣдко хлѣвомъ для скота. У сая (въ Индіи) крыша дома сву-

Разрѣзъ дома озерныхъ даяковъ (Сѣв. Борнео). Sadaaj — чердакъ, Bilik — частная комната, Tempuan — общій корридоръ, Kua — веранда, Pantar — сѣни, Tanju — открытая платформа, X — очагъ.

скается до земли, образуя такимъ образомъ и стѣну для этого хлѣва.

Много разъ упирали на то, что для свайныхъ построекъ съ остовомъ во всю высоту зданія самый подходящій четырехугольный планъ, но на дѣлѣ оказалось легко превратить четырехугольные планы въ многоугольные и даже кругообразные черезъ стесыванье угловъ. Такъ возникаютъ иногда многоугольные свайныя постройки, какъ уже упомянутые общинные дома у залива Гумбольдта или нѣкоторые многосемейные дома на островахъ Ментавей, на ю.-з. отъ Суматры. И круглыя свайныя постройки на Никобарахъ, рядомъ съ

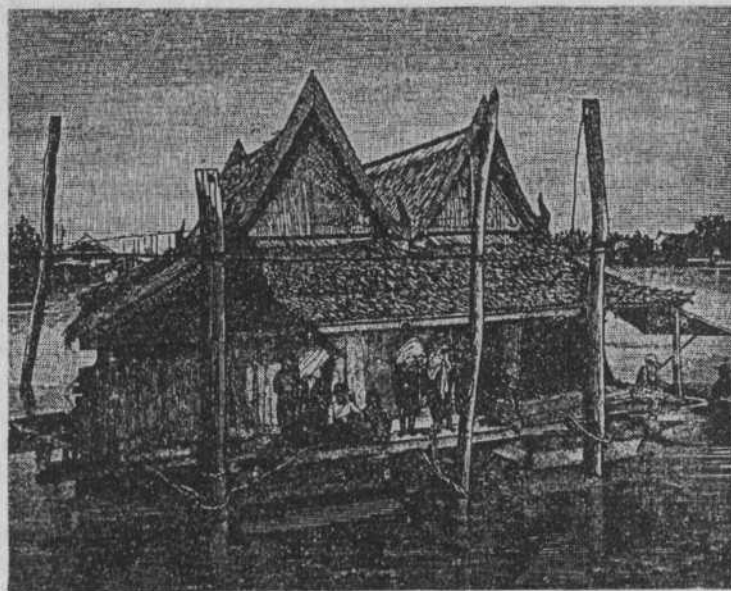

Хижины на Никобарахъ (Бенгальскій заливъ).

которыми еще встрѣчаются формы съ квадратнымъ и прямоугольнымъ планомъ, принадлежатъ къ той же группѣ (см. прил. рис.). «Эти хижины.—пишетъ о нихъ В. Свобода,—стоятъ на 12—18 сваяхъ, которыя поставлены на вѣшной окружности хижины и доходятъ до крыши. Окружность образуютъ вѣшныя столбы дома, называемые *lepro*, и ихъ постановкой начинается постройка хижины. Они придаютъ ей устойчивость и поддерживаютъ на себѣ край крыши. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ столбы прикасаются къ послѣдней, они соединяются съ поперечными стропилами, которыя сходятся въ одну точку на верхушкѣ купола, связаны и скрѣплены между собою лозой, причѣмъ болѣе толстыя палки переплетены горизонтально, а тонкіе прутья вертикально. Болѣе тѣсный рядъ внутреннихъ столбовъ въ

числѣ 8—10, называемыхъ *leith*, имѣетъ задачу поддерживать полъ хижины, который лежитъ на поперечныхъ перекладинахъ. На внутреннихъ столбахъ дома, внизу, лежатъ нижнія поперечныя балки, *elâ Kâp* или женскія, надъ ними навѣрсть верхнія или мужскія перекладки, называемыя *elâ Kôip*, а на нихъ непосредственно полъ, сдѣланный или изъ тонкихъ брусковъ, или изъ расколотаго бамбука». И здѣсь пространство между сваями служить складочнымъ мѣстомъ и хлѣвомъ для свиней, собакъ или куръ, и для этой дѣли часто снабжено отдѣльной маленькой платформой.

Желаніе построить домъ на известной высотѣ надъ землей или

Пловучій домъ въ Сіамѣ.

водой можетъ быть удовлетворено еще и другимъ способомъ, кромѣ свайнаго фундамента. Вышеупомянутые каменные столбы хижины баттаконъ встрѣчаются въ большемъ размѣрѣ также и на Маріаннахъ, гдѣ они служили фундаментомъ известныхъ товарищескихъ домовъ, а теперь, когда построенныя на нихъ зданія совершенно разрушились, напоминаютъ остатки античнаго ряда колоннъ. Гораздо чаще встрѣчаются въ Полинезійи солидные каменные фундаменты, которые еще во многихъ мѣстахъ сохранились въ видѣ огромныхъ террасъ. На Маркизскихъ островахъ жилые дома были почти всюду построены

на прямоугольных каменных террасах; на других группах островов каменные фундаменты служили основанием марсэсовъ (название, могущее обозначать мѣсто соборія, мѣсто жертвоприношенія, мѣсто погребенія, общинный домъ и т. д.) и храмовъ которые отчасти, въ свою очередь, возникли изъ домовъ для мужчинъ. Въ другихъ мѣстахъ могли стоять на террасахъ каменные изображенія, а подъ ними находились мѣста погребенія, какъ это видѣлъ Томсонъ на остр. Пасхи; этимъ восстанавливается здѣсь связь между каменными постройками и могильными памятниками.

Вмѣсто свай, стоящихъ въ водѣ, встрѣчаются искусственные острова изъ земли и хвороста, такъ называемая насыпная постройка. Большею частью они устраивались, кажется, такимъ образомъ: сначала вбивали колья, а затѣмъ промежутки засыпали твердыми веществами, что, конечно, было возможно въ мелководьяхъ и мало-подвижныхъ водахъ. Большое значеніе для культуры получили насыпи на илистыхъ береговыхъ островахъ, служившихъ убѣжищемъ для бѣглыхъ, и гдѣ, на ненадежной почвѣ выросли мало-по-малу громадныя города; Венеція представляетъ самый блестящій примѣръ подобнаго рода, но и нидерландская свобода зависитъ главнымъ образомъ отъ безопаснаго положенія полу-океанскихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Амстердама, построеннаго на рѣшеткахъ изъ свай и насыпныхъ слоевъ.

Другую замѣну свайныхъ построекъ представляютъ пловучіе дома, которыхъ очень много въ задней Индіи, въ Малайскомъ архипелагѣ и въ южномъ Китаѣ (см. рис. стр. 605). Если рѣчь идетъ не о суднѣ или о суднообразныхъ постройкахъ, дома стоятъ на крѣпкихъ плоткахъ. На остр. Борнео пловучіе дома имѣютъ, подобно свайнымъ постройкамъ, фундаментъ изъ вертикальныхъ столбовъ, но соединенныхъ внизу поперечными балками; между послѣдними и поломъ дома положено накрестъ другъ на друга много слоевъ толстыхъ стволовъ бамбука, способность плавать которыхъ достаточна, чтобъ держать надъ водой весь домъ до пола. Преимущества этого рода жилища достаточно ясны въ странахъ, гдѣ главный способъ сношеній—водою. Въ Китаѣ, повидяному, избытокъ населенія на материкѣ вытѣснилъ часть жителей на воду; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, дѣло идетъ большею частью о населеніи рыбаковъ и моряковъ, которое, вѣроятно, еще раньше, до завоеванія юга китайцами, имѣло постоянное жительство на берегу, въ свайныхъ постройкахъ.

Въ разобранныхъ до сихъ поръ формахъ стройки камень почти не находитъ примѣненія или служитъ только фундаментомъ и столбами, которые, въ сущности, суть не что иное, какъ поднятіе естественнаго грунта. Это странно, такъ какъ уже въ древніи времена пещеры охотно служили жильемъ и было бы естественно создавать

искусственные пещеры изъ каменныхъ глыбъ, когда прежнихъ жилищъ не хватало или они оставались по какимъ-нибудь причинамъ. Но подобный непосредственный переходъ отъ пещерныхъ жилищъ къ каменнымъ постройкамъ очень рѣдокъ. Быть можетъ, единственнымъ доказательнымъ примѣромъ такого перехода служить способъ стройки у индѣйцевъ публо на юго-западѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ Аризонѣ, въ Нов. Мексикѣ, въ южномъ Утахѣ въ Колорадо.

Въ этой пустынной области, прорѣзанной отвѣсно-падающими долинами (канонами) потоковъ, много природныхъ пещеръ въ мягкихъ каменныхъ породахъ, въ отложенияхъ глины и туфа, и люди, обитающіе въ странѣ, не пропустили случая воспользоваться этими убѣжищами и расширить ихъ съ помощью своихъ первобытныхъ орудій. Особенно многочисленны такіа пещерныя жилища у верховьевъ Рио-Гранде дель-Норте, на западѣ къ Санта Фэ. Но дѣло не остановилось на томъ, чтобъ увеличить жилища помѣщеніями лишь удаленіемъ камней; кладкой каменныхъ стѣнъ раздѣлили слишкомъ большія пещеры на меньшія отдѣленія и этимъ сдѣлали первый шагъ къ настоящей архитектурѣ изъ камня. Такимъ образомъ выработалась уже известная техника; постепенно рѣшались на болѣе трудныя задачи, закладывали черезчуръ широкія отверстія пещеръ и возводили валы для защиты въ тѣхъ мѣстахъ, откуда казалось возможнымъ нападеніе врага. Достигли, наконецъ, того, что стали воздвигать самостоятельныя постройки, и уже ничто не препятствовало строить подобныя каменные дома внѣ пещеръ и гротовъ въ скалахъ. Строительнымъ матеріаломъ служили преимущественно плиты изъ песчаника, которыя клались одна на другую болѣе или менѣе правильно; замазкой служила глина; дерево употреблялось также въ дѣло, большею частью, разумѣется, для покрышки. Чрезвычайно простой способъ стройки не допускалъ устройства большихъ, по выѣстимости, помѣщеній и, дѣйствительно, самыя большія камеры имѣютъ едва 2—3 метра длины, ширины и высоты; если, несмотря на то, встрѣчаются постройки въ нѣсколько атажей и соответственнаго протяженія, это объясняется тѣмъ, что отдѣльныя каменные камеры строились, на подобіе ячеекъ, одна около и надъ другой. Между прочимъ, это тотъ же методъ, по которому построены громадныя храмы въ южной Индіи; они развились до своей настоящей величины, какъ улей, изъ одной, сначала имѣвшейся на-лицо ячейки. Коморки домовъ публосовъ имѣютъ единственнымъ отверстіемъ дверь съ поперечной деревянной балкой сверху и каменнымъ порогомъ внизу; но входъ во многія камеры былъ доступенъ только изъ верхняго этажа черезъ отверстіе въ потолокъ. Иногда балки потолка выступали впередъ изъ

стѣнъ и служили подмосткомъ для балконовъ, тянувшихся у домовъ. Рядомъ съ обыкновенными прямоугольными каморками были также круглыя, которыя, вѣроятно, служили банями и въ то же время для религіозныхъ цѣлей.

Старинныя постройки равнины области пуэблосовъ очень сходны съ «городами въ скалахъ», съ той разницей, что при возведеніи ихъ чаще употреблялась глина. Большая руина въ южномъ Оризонѣ, извѣстная подъ названіемъ Casa grande, вся построена изъ большихъ глыбъ глины, вырѣзанныхъ, повидимому, изъ утрамбованной почвы. При каменныхъ постройкахъ слои большихъ камней часто красиво чередуются со слоями меньшихъ. Обыкновенно, каждое поселеніе (пуэбло) образуетъ одно большое зданіе, составленное изъ многихъ отдѣльныхъ помѣщеній, какъ мы это видимъ въ теперешнихъ поселеніяхъ индѣйцевъ-пуэблосовъ, потомковъ доисторическихъ обитателей городовъ въ скалахъ и домовъ изъ камня.

Если здѣсь домъ изъ камня непосредственно происходитъ отъ пещерныхъ жилищъ, то въ странахъ Стараго Свѣта и частью также у культурныхъ народовъ Америки это преобразование происходило обыкновенно странными, окольными путями. Еще относительно коротокъ путь, когда искусственныя горы съ пещерами, какъ можно назвать зданія изъ камня, служили лишь для цѣли обороны, чтобъ затѣмъ стать прототипами дѣйствительно жилыхъ помѣщеній или храмами. Прямѣрь индѣйцевъ пуэблосовъ указываетъ уже, что пещерныя жилища предпочитаютъ также ради ихъ безопасности отъ нападенія враговъ, и какъ умѣютъ затруднить доступъ закладкой входа камнями и сооруженіемъ крутыхъ валовъ. Дѣйствительно, такая пещера съ узкимъ входомъ, который можетъ быть легко защищенъ небольшимъ числомъ людей, и въ темную часть котораго даже смѣльчакъ неохотно ворвется первымъ, такая пещера представляетъ столь прекрасную защиту отъ примитивныхъ нападеній, что могла легко явиться мысль соорудить въ опасныхъ пунктахъ убѣжище въ видѣ построекъ изъ камня съ впадинами; онѣ, положимъ, не вполне замѣняютъ природныя пещеры въ скалахъ, но зато могутъ быть съ успѣхомъ защищаемы сверху. Такимъ способомъ могли возникнуть удивительныя башенныя постройки въ Сардиніи, Корсикѣ, Шотландіи и т. д., постройки, стоящія преимущественно у тѣхъ береговъ, гдѣ издавна жители особенно подвергались нападенію морскихъ разбойниковъ.

Въ одной Сардиніи насчитываютъ до 4000 такихъ башенъ, называемыхъ здѣсь «нурага», которыя врядъ ли могутъ считаться крѣпостями. Есть постройки въ 10—20 м. высоты, 6—8 м. ширины, изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ формы усѣченного конуса, внутри которыхъ ведетъ лѣстница наверхъ. Находящіяся въ нихъ

помѣщенія очень малы; также малы и нижніе входы въ башню, такъ что пройти можно только согнувшись или ползкомъ; слѣдовательно, бѣглецы могли легко спастись въ этихъ башняхъ, между тѣмъ какъ преслѣдователямъ путь преграждался очень просто. Надальякъ сравниваетъ съ этими нурагами талайоты или сторожевыя башни на Балеарскихъ островахъ и кастельеры на Истріи, Штуцъ указалъ, что еще и теперь въ Апуліи встрѣчаются каменные жи-

Арабскій домъ въ Вискрѣ.

лица, очень сходны съ нурагами; слѣдовательно, здѣсь мы опять, быть можетъ, находимъ слѣдъ перехода отъ убѣжища къ постоянному жилью. Сходны съ этими постройками и доисторическія башни (broughs) Шотландіи, конусообразныя, сверху открытыя каменные башни съ очень толстыми стѣнами, въ которыхъ оставлено извѣстное число впадинъ для каморокъ, открывающихся во внутреннее помѣщеніе, и съ каменной лѣстницей, ведущей къ зубцамъ; дверь устроена отъ земли на высотѣ мужского роста, слѣдовательно, къ ней можно добраться только съ помощью лѣстницы. Уже въ историческія времена многіе изъ этихъ бурговъ служили еще убѣжищами.

Самая характерная черта этого способа стройки — не башня-подобная форма здания, а толщина стѣнъ, въ которыхъ устроены очень маленькія помѣщенія для ночлега съ узкимъ, легко закрываемымъ входомъ. Мы опять узнаемъ этотъ архитектурный стиль въ колоссальныхъ стѣнахъ Тиринебурга, осмотромъ котораго мы обязаны Шляману. Цѣлые ряды корридорныхъ и маленькихъ, несчастливыхъ камеръ скрыты въ этой старинной, чудесной постройкѣ, которая въ древности считалась дѣломъ рукъ ливійскихъ циклоповъ. Гернесь, который, впрочемъ, считаетъ камеры еклепами, указалъ на то, что стѣны финикійскихъ городовъ Сѣверной Африки, имѣютъ подобныя же ходы и камеры. Возможно, что здѣсь и тамъ способъ стройки есть лишь отголосокъ боѣе древняго стиля, и что впадины, оставленные въ стѣнахъ, употреблялись для другихъ цѣлей, кромѣ главныхъ цѣлей обороны; быть можетъ, онѣ служили и мѣстамъ погребенія, еще вѣроятнѣе — кладовыми для припасовъ.

Возникновеніе каменныхъ домовъ изъ построекъ въ видѣ крѣпостей могло чаще встрѣчаться, чѣмъ это можно пока удостовѣрить, или оно могло часто также вліять при выработкѣ каменнаго архитектурнаго стиля; такъ, напр., возможно, что громадныя, боковыя террасы при мѣстницахъ египетскихъ храмовъ служили и цѣлямъ обороны съ самаго начала, когда святилища были и защитой, и убѣжищемъ отдѣльной области. Многія каменныя постройки не имѣютъ ничего общаго съ подражаніемъ пещерамъ; они скорѣе имѣли своимъ прототиномъ земляные валы и должны были служить имъ замѣной. Изъ земляныхъ построекъ, вѣроятно, возникли здания изъ кирпича, высушеннаго на воздухѣ, которые когда-то преобладали въ Вавилонѣ и еще теперь встрѣчаются въ мѣстностяхъ съ сухимъ климатомъ, какъ, напр., въ Сѣверной Африкѣ. (См. рис. стр. 578).

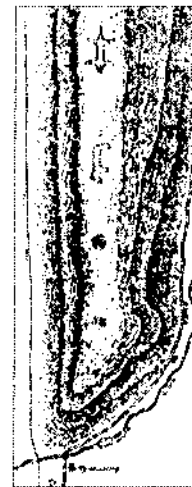
Но какъ ни велико вліяніе каменныхъ крѣпостей на развитіе архитектуры, его превосходитъ другое вліяніе, имѣющее мало общаго съ практическими соображеніями, которыхъ мы ищемъ обыкновенно по старой привычкѣ; дѣйствіе его еще разъ доказываетъ, что духовныя стремленія — самыя сильныя и накладываютъ свою печать на произведенія матеріальной культуры. Уваженіе и страхъ передъ вѣчными силами человѣческаго общества, самая неуклюжая форма которыхъ проявляется въ видѣ культа предковъ, опредѣляютъ и здѣсь самымъ рѣшительнымъ образомъ путь развитія.

Мы уже упоминали, что обычай сжигать или покидать домъ умершаго, даже бросать, по смерти вождя или многихъ необъяснимыхъ смертныхъ случаевъ, цѣлое поселеніе, очень невыгодно отражается на выработкѣ прочнаго способа стройки. Для обитателя пещеръ такой обычай также неудобенъ, такъ какъ онъ принуждаетъ покинуть

старое жилище и предоставить его умершему. Что, дѣйствительно, почти всюду уступали въ концѣ концовъ мѣсто умершему, видно изъ того, что большинство пещеръ въ старыхъ культурныхъ наслоеніяхъ или надъ ними содержали, но изслѣдованіямъ, трупы и, такимъ образомъ, прекращалась обитаемость пещеры; быть можетъ, это было главной причиною, почему многія пещерныя жилища покинуты уже давно. Такъ могъ возникнуть обычай класть мертвыхъ въ пещеры; это — обычай, который въ древнѣйшіе періоды египетской культуры былъ всеобщимъ, и очень консервативные жители нильской долины, навѣрно, держались его съ особеннымъ упорствомъ, пока это было возможно. Но въ концѣ концовъ оно стало уже невозможно; всѣ природныя пещеры въ скалахъ были переполнены трупами, покой которыхъ не смѣли нарушить для новыхъ пришельцевъ.

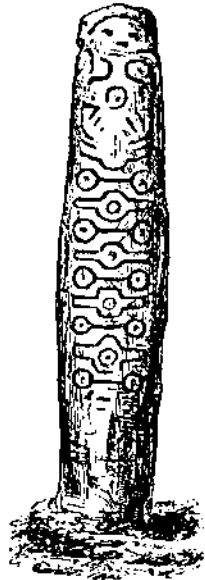
Въ Египтѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ это позволяли обстоятельства, старались сначала выйти изъ затрудненія устройствомъ могилъ въ искусственныхъ гротахъ. Прекрасные примѣры приводитъ I. де Байе: въ долинѣ Пти Маренъ (департаментъ Марны) громадныя мѣловая утѣсь просверлены многочисленными доисторическими могильными камерами, а рядомъ съ ними и помѣщеніями, служившими, повидимому, для жилья. Но этотъ естественный выходъ можетъ быть употребленъ только въ видѣ исключенія и не на долго. Ничего боѣе не остается, какъ это убѣдительно доказалъ де Мортиль, какъ устраивать въ чистомъ полѣ могильные склепы изъ каменныхъ глыбъ и, послѣ того какъ трупъ туда помѣщенъ, засыпать ихъ еще землей. Такъ произошли различныя формы каменныхъ могилъ, дольмы, гуинекія могилы, могилы съ ходами и много видовъ сѣверо-американскихъ „мундъ“ (см. прил. рис.); такимъ же образомъ и погребеніе въ земляныхъ ямахъ могло отчасти произойти отъ обычая селиться въ полуподземныхъ или совершенно подземныхъ жилищахъ.

Главное основаніе тому, что каменныя могилы пользовались въ доисторическое время особенной любовью, что чудовищная работа переносить и наваливать огромныя каменныя глыбы не пугала, — лежитъ главнымъ образомъ въ боязни мертвыхъ, которая только постепенно перешла въ дружелюбное почитаніе. Эта боязнь мертвыхъ, какъ раньше уже указано, свойственна не самымъ первобытнымъ народамъ, которые скорѣе сравнительно беззаботно отно-

Холмъ съ мундами (изъ нихъ двое въ видѣ звѣрей) у впадины въ Висконсинѣ (Сѣв. Америка).

сятся къ трупамъ и даже расчетливо употребляютъ ихъ въ пищу, — но народамъ болѣе высокой культуры, выразители которой уже хорошо усвоили понятие о собственности и власти и думаютъ, что и въ мертвыхъ не потухло желаніе владѣнія и силы. Поэтому на этой ступени находятъ полезнымъ хоронить мертвыхъ, хотя съ почетомъ, но по возможности надежно, запереть ихъ въ прочное помѣщеніе и употребить все мѣры, чтобы отбить имъ охоту вернуться. Наваливаніе кучи камней на могилы или воздвиганіе каменнаго мополита (менхиръ. См. прил. рис.) могло сначала имѣть значеніе

Менхиръ изъ
Аргентины.

знака воспоминанія, но скоро выяснилось, что эти тяжелые памятники въ то же время должны удерживать умершаго въ могилѣ. Можетъ быть, и искусственные пещеры, каменные склепы, строились потому изъ самыхъ большихъ глыбъ, чтобы не только защитить трупъ отъ грабежа, но и ограничить самого умершаго его тѣснымъ помѣщеніемъ? Вѣдь и круги изъ прямо-поставленныхъ каменныхъ глыбъ, кромлехи, которыми окружено такъ много доисторическихъ могилъ, имѣли, весьма возможно, также цѣлью служить заговорнымъ кругомъ, котораго не можетъ переступить безпокойный духъ обитателя могилы.

Могилы-дольмы, состоящія изъ пяти большихъ гранитныхъ глыбъ и служащія семейными склепами, строились до настоящаго времени племенемъ Хова, на Мадагаскарѣ; Кремаци сообщаетъ, что при доставленіи глыбъ вся община приходила охотно на помощь. Дольмы доисторическаго времени встрѣчаются всюду на земномъ шарѣ, за исключеніемъ австраійскаго материка, но въ большомъ числѣ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, такъ

что ихъ постройку приписывали одной опредѣленной расѣ. Хотя отъ этого преувеличеннаго взгляда уже отказались, но въ болѣе узкомъ смыслѣ его можно защищать; такъ, напр., дѣйствительно находеніе дольмъ во Франціи, Испаніи и Сѣв. Америкѣ какъ бы указываетъ на переселеніе расы, которую называютъ обыкновенно, по важнѣйшему мѣстонахожденію дольмъ — расой Кро-Магнонъ; она была, быть можетъ, первой блѣднлицей европейской группой народовъ, которая направла свой путь на югъ.

Сѣверо-германскія дольмы, такъ называемыя могилы гунновъ, обыкновенно построены изъ арратическихъ валуновъ, изъ которыхъ нѣсколько, поставленныхъ вертикально, составляютъ стѣны, а одинъ или многіе лежатъ на нихъ и образуютъ покрывку. На знамени-

тѣйшемъ каменномъ памятникѣ сѣверо-западной Германіи, наибольшимъ изъ „семи каменныхъ домовъ“, близъ Фаллингбостеля, въ Люнебургской равнинѣ, камень покрывки имѣетъ около 5 м. длины и 4½ м. ширины. Онъ лежитъ на семи подпорахъ, гранитныхъ глыбахъ, расколотыхъ и сглаженныхъ съ внутренней стороны; пустота между ними имѣетъ около 1½ м. высоты; у входа стоятъ два каменныхъ столба; многіе другіе, повидимому, окружали памятникъ, надъ которымъ былъ насыпанъ искусственный холмъ.

Если къ склепу, скрытому подъ холмомъ, ведетъ построенный изъ камней ходъ, это — могилы съ ходами. Нельзя еще сказать съ увѣренностью, справедливо ли предположеніе, что этотъ родъ могилъ есть подражаніе жилищамъ, похожихъ на теперешнія жилища эскимосовъ. Каменные дома эскимосовъ ставятся, по Боасу, у склона холма, сначала роютъ ходъ въ 15—20 ф. длины, идущій наискось вверхъ, выкладываютъ его большими каменными плитами, выкапываютъ тогда помѣщеніе для жилья и ставятъ стѣны изъ каменныхъ плитъ и реберъ кита, частью лежащія свободно. Одно большое, дугообразное ребро кита образуетъ на открытой, передней сторонѣ дома окно и въ то же время подпору для кровельныхъ балокъ, которыя своимъ противоположнымъ концомъ лежатъ на задней стѣнѣ и покрыты кожей. Окно затягивается прозрачной перепонкой изъ тюленьихъ внутренностей. Нельзя, слѣдовательно, сказать, что эти жилища совершенно похожи на могилы съ ходами; даже если бы такой домъ былъ совершенно покрытъ землей, онъ вовсе не соответствовалъ бы могиламъ, такъ какъ на немъ нѣтъ покрывки изъ каменныхъ плитъ. Скорѣе можно признать, что ходъ могилъ былъ потому устроенъ, что могилой пользовались неоднократно для погребенія цѣлыхъ семей и даже поколѣній; слѣдовательно, она не должна была быть наглухо закрыта; въ такомъ склепѣ, въ Зеландіи, находили не менѣе 50 скелетовъ. Впрочемъ, нельзя отрицать, что остатки домовъ изъ камня, похожихъ на дома эскимосовъ и фактически служившихъ, повидимому, для жилья, встрѣчаются въ Скандинавіи; но они все не имѣютъ кровельныхъ камней, и мысль Нессона, что и могилы съ ходами служили прежде жилищами и затѣмъ превращены въ склепы, едва ли можетъ быть принята въ этой рѣшительной формѣ.

Другой видъ каменныхъ могилъ — египетская пирамида — возникла, вѣроятно, изъ тѣхъ кучъ камней, которыя въ видѣ памятниковъ встрѣчаются такъ часто; своей оригинальной формой она еще показываетъ на перевѣсь свободно-нагроможденнаго первобытнаго матеріала надъ крѣпкой связью, которой искусство древняго культурнаго народа научилось достигать лишь постепенно: она осталась — организованной и кристаллизованной кучей камней.

Жилища или вообще постройки, какъ и всѣ предметы вещественной культуры, показываютъ все растущее съ развитіемъ культуры стремленіе дифференцироваться или преобразоваться согласно новымъ задачамъ. Само по себѣ, каждое жилище, переросшее самую первобытную начала, служить многимъ цѣлямъ, къ которымъ его примѣняютъ лишь мало-по-малу: оно есть мѣсто пребыванія и помѣщеніе для работы днемъ, мѣсто для сна ночью, оно служитъ для сохранения припасовъ и, если очагъ находится внутри дома, кухней и мѣстомъ просушки. Многія изъ этихъ задачъ противорѣчатъ другъ другу; кто хочетъ работать и варить пищу, требуетъ свѣта и притока воздуха для раздуванія огня; кто ищетъ утѣхи отъ холода и дождя, требуетъ, напротивъ, по возможности закрытаго помѣщенія. Сначала пробуютъ пойти на самый простой компромиссъ, дѣлаютъ необходимыя отверстія какъ можно меньше, пока научатся ихъ по желанію закрывать и открывать посредствомъ вставныхъ кусковъ, занавѣсокъ и заслонокъ.

Малая величина дверныхъ отверстій имѣетъ свои удобства по другимъ причинамъ: этимъ затрудняется прониканіе цѣлыхъ роевъ комаровъ, а также и большихъ хищниковъ; это препятствуетъ войти ворамъ и разбойникамъ, быть можетъ, и летающимъ кругомъ призракамъ, которыхъ боятся болѣе всего. Цѣль достигается еще вѣрнѣе, если дверное отверстіе («оконная дверь») устроено такъ высоко надъ землей, что въ него можно попасть только карабкаясь или съ помощью лѣстницы, какъ это въ обычаѣ у боанзи и другихъ племенъ области Конго. Виссманнъ сообщаетъ, что эти высокоустроенныя двери служатъ въ то же время окномъ и дымовой трубой и что выходящій изъ нихъ дымъ отгоняетъ рои комаровъ. «Снамыя или возвышеніе вродѣ стола передъ хижиной,—пишетъ онъ о жилищахъ бонгоди въ Кассаи,—облегчаетъ влѣзаніе и вылѣзаніе обитателей; съ изумительной ловкостью проскальзывали мужчины и женщины въ маленькія отверстія. При этомъ они наклоняли корпусъ впередъ, всовывали одну ногу и руку одновременно въ отверстіе и быстро перетягивали остальное тѣло. Они такъ наловчились въ этомъ, что могли пролѣзть черезъ маленькое отверстіе на полномъ бѣгу.

Одна въ первобытныхъ жилищахъ—явленіе рѣдкое; всего чаще они встрѣчаются тамъ, гдѣ умѣютъ приготовить прозрачную перепонку, слѣдовательно, у полярныхъ народовъ, которые изготовляютъ изъ тюленьихъ кишекъ и рыбьей кожи подходящій матеріалъ, чтобы закрывать оконныя отверстія. Въ этомъ смыслѣ изобрѣтеніе и удешевленіе оконнаго стекла, пропускающаго свѣтъ и задерживающаго холодъ, имѣло неизмѣримое вліяніе на образъ жизни, культуру и архитектурный стиль обитателей болѣе холодныхъ странъ.

Итакъ, дверь у дикарей—самое важное и болѣею частью един-

ственнымъ отверстіемъ въ зданіи. Почти не знаютъ вѣрныхъ запоровъ у дверей, но извѣстны приборы, соответствующіе нашимъ двернымъ звонкамъ. Гдѣ существуютъ дверныя отверстія,—пишетъ Паркинсонъ объ Оптонгъ-Ява,—цыновка служитъ затворомъ; часто эти цыновки имѣютъ погремушку изъ раковинъ, которая производитъ шумъ при малѣйшемъ движеніи цыновки, такъ что въ хижину нельзя войти незамѣтно». Подобныя же приспособленія существуютъ у вассандан, въ Восточной Африкѣ. Дверныя отверстія ихъ тембъ загораживаются отодвигающимися цыновками, которыя почти втрое шире самой двери и подперты двумя колыями; къ этой плетеной отодвигающейся стѣнѣ прикрѣплены, какъ сообщаетъ Кильмейеръ, кругловатые желѣзные звонки, дающіе знать объ отодвиганіи дверной загородки (см. прил. рис.).

Какъ изъ зияющаго отверстія образовалась мало-по-малу правильная дверь, часто составляющая тѣательно отдѣланную часть зданія, такъ изъ первобытнаго мѣста для огня внутри хижины возникаетъ мало-по-малу очагъ въ его различныхъ формахъ. Огонь, горящій на открытомъ воздухѣ, прежде всего требующій защиты отъ вѣтра, охотно зажигается въ естественномъ или искусственномъ углубленіи; напротивъ того, огонь въ хижинѣ, которому не грозитъ чрезмѣрнаго притока воздуха и который, кромѣ того, долженъ быть тщательно оберегаемъ и сдержанъ въ границахъ, разводится на возвышенномъ фундаментѣ изъ глины или камней. Быть можетъ, Юліусъ Липпертъ заходитъ слишкомъ далеко, тѣсно связывая подобное устройство очага съ часто встрѣчающимся обычаемъ погребать мертвыхъ въ хижинѣ подъ мѣстомъ для огня, но у многихъ народовъ, дѣйствительно, можетъ существовать связь между обоими явленіями. У древнѣйшихъ культурныхъ народовъ Европы замѣтно выступаетъ святость огня на очагѣ, который служитъ центромъ семейной жизни; въ храмахъ очагъ развивается въ алтарь; но непосредственнаго вліянія обычая погребенія на дому здѣсь нельзя признать, тѣмъ болѣе, что почти у всѣхъ наблюдаемыхъ народовъ мертвые хоронятся въ особенныхъ могилахъ вдали отъ дома.

Внутреннее помѣщеніе дома можетъ дифференцироваться дѣленіемъ, т. е. вставленіемъ промежуточныхъ стѣнъ или поднятіемъ пола; ниши на высотѣ или тянущіеся по стѣнамъ притши, какъ у приамурскихъ народовъ, принадлежатъ ко второй группѣ. Вставленіе стѣнъ легче въ домахъ съ углами, и связь внутреннихъ стѣнъ съ наружными крѣпче въ нихъ, чѣмъ въ круглыхъ хижинахъ. Всего чаще встрѣчается, въ особенности въ Африкѣ, дѣленіе

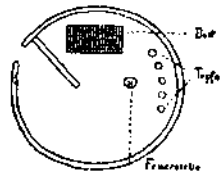

Дверной звонокъ въ резиденціи султана въ Киама-ри (Вост. Африка).

внутреннего помещения на два—жилое или кухня, и мѣсто для спанья, которое обыкновенно занимает часть дома, болѣе отдаленную отъ двери; часто это дѣленіе только намѣчается короткой, поперечной стѣной (см. прѣд. рис.). Обитатели свайныхъ построекъ, привычныя къ сооруженію половъ изъ досокъ или планокъ, отдѣляютъ еще чердакъ вставленіемъ второго пола, а на этомъ чердакѣ обыкновенно сохраняются припасы, но иногда онъ служитъ и спальней, какъ во многихъ домахъ для холостыхъ у баттаковъ. Далѣе дифференціація первобытныхъ построекъ не идетъ; впрочемъ, болѣею частью ограничиваются назначеніемъ различнымъ лицамъ и предметамъ опредѣленныхъ мѣстъ, или тамъ, гдѣ есть сѣни, пользуются иногда и ими вмѣсто спальни и кладовой. Если дальнѣйшая дифференціація становится крайне необходима, строятъ рядомъ еще жилья.

У многихъ народовъ земного шара существуетъ съ давнихъ временъ двойной способъ стройки: домъ для мужчинъ, на подобіе залы, существенно отличается величиной и часто также архитектурнымъ стилемъ отъ женскихъ и семейныхъ домовъ. Такъ какъ и послѣ исчезновенія мужскихъ обитицъ и союзовъ онъ превращается въ ратушу, подворье или храмъ—это различіе остается, или еще далѣе развивается. Впрочемъ, храмы могутъ возникать и другимъ путемъ. Во многихъ селеніяхъ Средней Африки, Меланезіи и др. областей, находятся вблизи жилищъ маленькія постройки, которыя болѣею частью въ миниатюрѣ вполне подражаютъ большимъ: это — хижины духовъ, предоставленныя въ распоряженіе умершихъ вмѣсто ихъ прежнихъ домовъ и снабженныя, при случаѣ, съѣстными припасами. Легко понять, что эти хижины, смотря по обстоятельствамъ, преобразовываются въ часовни и храмы.

Планъ хижины въ Касса, Адамауа (Зап. Суданъ).

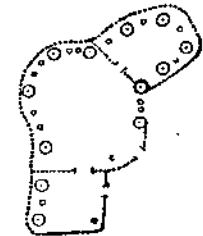

Еще чаще, чѣмъ хижины для духовъ, встрѣчаются въ африканскихъ и др. странахъ хлѣбныя зданія или хлѣбныя хранилища, иногда очень красивой и разноо разной формы и болѣею частью сооруженныя на сваяхъ, чтобъ избѣжать вредныхъ настьломыхъ. Такъ какъ здѣсь выполняются новыя задачи, и хлѣбные дома бываютъ гораздо меньше жилыхъ хижинъ (см. рис. стр. 617),—образуется особенный стиль для этихъ домиковъ, мало соответствующій обычному архитектурному стилю хижинъ. Часто это бываютъ глиняныя горшки большого размѣра, требующіе для своего производства значительнаго искусства; очень возможно, что этотъ образецъ повлиялъ на возникновеніе встрѣчающихся въ Суданѣ странныхъ,

круглыхъ жилищъ изъ глины, которыя, въ свою очередь, дали толчокъ къ большимъ постройкамъ изъ глины, башнямъ и мечетямъ, о которыхъ Г. Фробеніусъ далъ пѣчныя свѣдѣнія. Въ Меланезіи и Индонезіи развиваются, изъ меньшихъ хижинъ для припасовъ, большихъ размѣровъ «скровищницы», въ которыя часто все село споситъ свои богатства, заключающіяся въ деньгахъ изъ раковинъ и другихъ цѣнныхъ вещахъ. Въ Новой Зеландіи, кромѣ стоящихъ на сваяхъ домовъ изъ кумера (яма), часто украшенныхъ богатѣйшей орнаментовкой, были еще другія хижины на сваяхъ, въ которыхъ сохранилось оружіе воиновъ, дома для сохраненія льна и, наконецъ, такія, въ которыхъ находились всѣ снаряды для рыбной ловли, для производства сѣтей и т. д. Эти дома находились всѣ внутри ограды села. Многія племена далковъ строятъ, напротивъ, свои скровищницы въ густомъ джунглѣ, главнымъ образомъ для того, чтобъ ихъ обезпечить отъ опасности пожара. Рядомъ съ надземными помещениями для припасовъ существуютъ и подземныя, напримѣръ, у сомаловъ; а племя галла охотно сохраняетъ свое имущество на верхушкахъ деревьевъ; многіе обитатели Восточной Африки ставятъ колья, на которые втыкаютъ хлѣбные снопы.

Если и встрѣчаются часто кухни отдѣльно отъ дома, то это трудно приписать только желанію удалить отъ жилья докочныя явленія, сопровождающія варку пищи. Прежде всего, это можно еще признать для Африки, гдѣ, напримѣръ, въ селахъ Эвхе, около Вольта, по показаніямъ Рамзейера, обыкновенно не варятъ въ хижинѣ, а внѣ ея, подъ навѣсомъ или въ кругломъ открытомъ сараѣ, которыми пользуются многія семьи сразу. Въ Новой Зеландіи, напротивъ того, на необходимость отдѣленія жилья отъ кухни, безъ сомнѣнія, вліяли и мистическія представленія; запутанные законы табу не совѣтуютъ даже ѣсть въ жиломъ помещеніи, поэтому обѣдаютъ и ужинаютъ всегда въ сѣняхъ. Еще яснѣе выступаетъ мистическая черта у моріори на островахъ Хатхамъ, гдѣ въ помещеніи для варки, находящіяся въ сторонѣ отъ жилья, на печеніи женщины, не могутъ даже входить мужчины. Легко предположить также, что тамъ, гдѣ дома для мужчинъ, наконецъ, преобразовались въ обыкновенные деревенскіе дома, хижины для женщинъ, ставшія излишними для жилья, сохранились въ качествѣ кухни; но вѣрнаго доказательства подобнаго развитія мы привести не можемъ.

Бани и дома для потѣнья у многихъ народовъ сѣвернаго, хо-

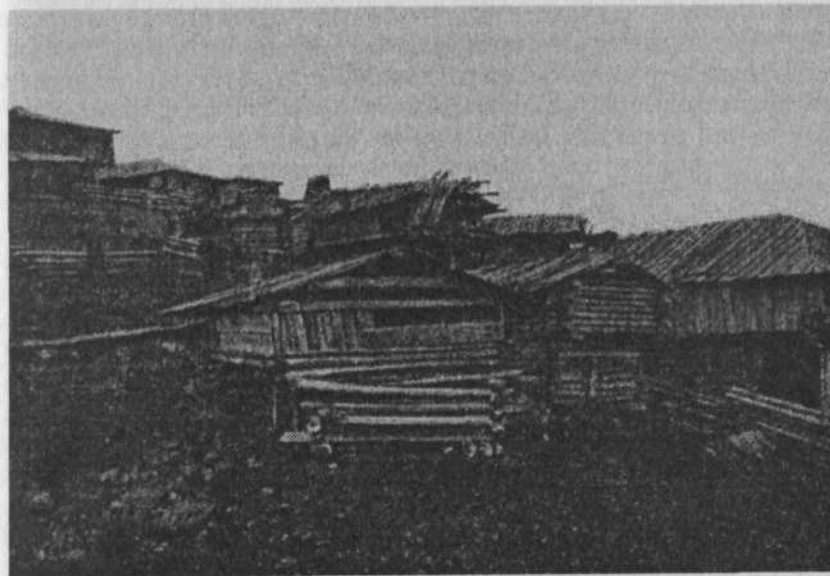
Планъ поселенія вагума у Карали въ Бугвера (Центр. Африка)

...Ш... колючая изгородь.
 ⊙ хижины.
 ○ хлѣбные амбары.

лоднаго пояса отделились от жилых хижинъ. У эскимосовъ домъ для мужчинъ превратился въ помѣщеніе для бани, которое, рядомъ съ этимъ или, вѣрнѣе, главнымъ образомъ служить для празднествъ и танцевъ. «Эти зданія (кассигита),—пишетъ Якобсонъ,—совершенно иначе построены, чѣмъ обыкновенныя жилища, и служатъ часто баней. Кассигуи или кассигиты гораздо больше обыкновенныхъ эскимосскихъ жилищъ на половину врыты въ землю. Въ нихъ входятъ не черезъ дверь, устроенную надъ землей, а черезъ ходъ вродѣ рва, который, врызаясь въ землю, ведетъ въ большое, круглое подвальное помѣщеніе, находящееся подъ досками, покрывающими полъ дома. Черезъ круглую дыру, сдѣланную посреди пола, входящій поднимается наверхъ въ помѣщеніе для празднествъ и танцевъ». Если хотятъ мыться, удаляютъ досчатый полъ, разводятъ въ нижнемъ помѣщеніи большой огонь, вносятъ деревянныя посуды, наполненныя снѣгомъ, и тогда можетъ начаться «вупанье», которое состоитъ скорѣе въ растираніи тѣла и сильномъ потѣннѣ. Прimitивнѣе были бани многихъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, часто просто ямы, вырытыя въ склонѣ холма, иногда же представлявшія зданіе на подобіе шатра, въ формѣ вигвама; раскаленными камнями, на которые брызгали водой, достигали густого пара и сильной жары. Юліусъ Линпертъ указалъ на то, что къ изобрѣтенію бани для потѣннѣ должны были привести естественныя явленія: дождь, проникающій сквозь дымовую трубу, образовывалъ у очага лужу, которая начинала кипѣть отъ попадавшей въ нее горячей золы или раскаленныхъ камней очага, и хижина наполнялась паромъ, пока не научились это случайное явленіе воспроизводить намеренно и въ назначенныхъ для того помѣщеніяхъ.

Не рѣдко строятся отдѣльные дома для работы, такъ какъ къ этому принуждаютъ недостатокъ свѣта въ хижинахъ, лишенныхъ оконъ. «Изъ-за вѣтра при дождѣ,—пишетъ Петръ Галь изъ внутренней страны Того,—жители Нконна спускаютъ, при стройкѣ своихъ домовъ, крышу до земли, такъ что если хочешь войти въ домъ, нужно сильно нагнуться. Просторнѣе и болѣе воздуха въ домахъ, назначенныхъ для ткацкой работы, такъ что чужеземецъ счастливъ, если можетъ спать въ послѣднемъ; но ночью тамъ холодно и онъ желалъ бы лучшаго». Дома для тканья, въ которыхъ обыкновенно много мужчинъ ткуть совместно, находилъ также Рольфсъ въ Якоба. Тамъ, гдѣ умѣютъ обрабатывать желѣзо, деревенскія кузницы всего чаще представляютъ лишь простые навѣсы отъ солнца на сваяхъ. Многіе рабочіе дома, повидимому, произошли изъ домовъ для мужчинъ, которые часто бываютъ безъ боковыхъ стѣнъ и, слѣдовательно, представляютъ удобное мѣсто для ткацкой работы; первоначальное же ихъ назначеніе совершенно забывается.

ожно еще наблюдать переходныя формы: такъ, Кединъ сообщаетъ о тоба-батакахъ, что у нихъ къ каждому дому, въ которомъ живетъ нѣсколько семей, принадлежитъ сопо, который служитъ для собраній и мѣстомъ почлега для холостыхъ; слѣдовательно, сопо представляетъ собою постоянный домъ для мужчинъ, но днемъ въ немъ работаютъ ткачихи. Рабочіе дома могли, наоборотъ часто прозойти изъ простыхъ навѣсовъ отъ солнца, которыхъ въ особен-

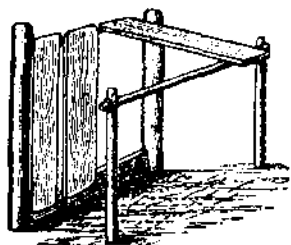
Деревня на Эргадагъ (Кавказъ).

ности много въ африканскихъ селеніяхъ рядомъ съ хижинами, лишенными свѣта и воздуха.

Хлѣвы для скота, какъ отдѣльныя постройки, встрѣчаются у дикарей рѣдко; скотъ остается или въ оградѣ, на открытомъ воздухѣ, или раздѣляетъ ночью жилище со своими хозяевами, если не находится мѣстечка для домашнихъ животныхъ подъ навѣсомъ крыши или между столбами свайныхъ построекъ. Всего чаще встрѣчаются курятники, болшею частью въ видѣ корзины, но онѣ, собственно, не принадлежатъ къ области строительнаго искусства.

Когда извѣстное число хижинъ и построекъ составляетъ деревню (см. прил. рис.) или, вѣрнѣе, когда одинъ домъ разрастается въ

село, являются различныя возможности способа поселенія. Дома могут стоять тѣсно другъ около друга, даже сливаться въ одно цѣло, какъ длинныя дома даяковъ, или они могутъ быть неправильно разбѣяны на большомъ пространствѣ, какъ это бываетъ часто въ Меланезіи. Устройство домовъ по обѣ стороны деревенской улицы очень обычно у нѣкоторыхъ племенъ бассейна Конго, а также у баттаковъ. Неосѣдлые и кочевые народы имѣютъ обыкновенно опредѣленные обычаи въ расположеніи ихъ временныхъ жилищъ; такъ, напримѣръ, туземцы Австраліи. «Правильное расположеніе мѣамовъ,—говоритъ Бругъ Смитъ,—извѣстно». Туземцы не поселяются, какъ попало, безъ разбора; царствуетъ порядокъ и методъ. Если все племя на лицо, хижины тѣхъ, которые образуютъ небольшое поселеніе, раздѣляются на группы, и каждая группа состоитъ изъ шести или болѣе мѣамовъ. Каждый мѣамъ находится на

Входъ въ деревню въ Уссукума (Вост. Африка).

расстояніи 5—6 ярдовъ отъ соседняго, а группы отдѣлены другъ отъ друга пространствомъ не менѣе, какъ въ 20 ярдовъ». Скотоводы—будь они кочевые или осѣдлые—ставятъ свои хижины охотно вокругъ краала скота,—такъ поступаютъ кафры и родственныя имъ племена въ Южной Африкѣ. У многочисленныхъ другихъ африканскихъ племенъ площадь, служащая для собраний, составляетъ центръ села; только потому это свободное мѣсто стало кое-гдѣ базарной

площадью, такъ какъ негры неохотно видятъ чужихъ внутри укрѣпленія своего села, что вполне понятно при постоянныхъ раздорахъ. Укрѣпленіе составляетъ въ первобытномъ планѣ села важную часть цѣлаго; только неосѣдлыя племена или народы, чувствующіе себя въ безопасности отъ неожиданностей войны, пренебрегаютъ имъ, а въ областяхъ, гдѣ часто бываютъ войны, какъ, напримѣръ, въ малайскихъ предѣлахъ охоты за черепами, прилагается большое вниманіе къ укрѣпленію деревень. Для поселенія намѣренно выбирается мѣсто или среди густыхъ кустарниковъ дѣвственнаго лѣса, какъ это часто встрѣчается въ Африкѣ, или на возвышенномъ мѣстѣ, что предпочитаютъ въ малайскомъ архипелагѣ и въ Нов. Зеландіи. Въ Африкѣ прекрасно умѣютъ увеличить естественную защиту лѣса посредствомъ насажденія колючаго кустарника или тѣсно насаженныхъ деревьевъ; узкія, извилистыя, легко запираемыя тропинки ведутъ черезъ чашу къ деревнѣ, которая, кромѣ того, часто обнесена палисадомъ, и доступъ въ нее возможенъ лишь черезъ запирающіеся ворота (см. прил. рис.). Высокіе валы и стѣны изъ глины

встрѣчаются только въ тѣхъ частяхъ Африки, которыя находятся подъ влияніемъ ислама.

Образцомъ африканскаго искусства укрѣпленія служило село—резиденція Мирамбо, наводившаго страхъ восточно-африканскаго завоевателя. Ее описалъ болѣе подробно Виссманнъ. «Укрѣпленіе было построено на отлогой возвышенности четырехугольникомъ, стороны котораго имѣли 300 метр. длины. Къ востоку укрѣпленіе отдѣлялось только отлогимъ спускомъ въ 50 метр. ширины отъ обширнаго болота Муанга; со всѣхъ другихъ сторонъ поверхность земли была плоская и непокрыта ничѣмъ на протяженіи не менѣе 500 метровъ. Во время высокаго стоянія воды приблизиться къ селу можно было только съ юга. Сначала проходили черезъ валь въ метръ высоты, верхъ котораго такъ густо заросъ эфорбіей въ три метра вышины, что пробиться сквозь нее можно только съ помощью топора. Съ внутренней стороны вала земля была вырыта и на высотѣ человеческого роста отъ дна образовавшагося рва продѣланы сквозъ валь бойницы, которыя хорошо держались въ вязкой глинѣ. За рвомъ находилась въ 4 метра ширины насыпь, огражденная крѣпкими палисадомъ—второй оборонительной линіей. Въ восьми мѣстахъ замаскированныя ворота, запиравшіяся тяжелыми стволами, вистѣвшими на крючьяхъ, вели въ село; въ немъ тѣсно сплоченныя семейныя хижины, правильно раздѣленными группами, окруженными каждая палисадомъ, и нѣсколько краалей для скота располагались вокругъ свободнаго пространства среди села. Средина этого «place d'armes» заключала въ себѣ, какъ въ хорошо укрѣпленномъ редутѣ, всѣ надворныя строенія вождя, и среди нихъ выступила, на 5 м. выше верхушекъ всѣхъ жилищъ, дозорная вышка. Густой, колючій кустарникъ былъ насаженъ на извѣстномъ разстояніи отъ деревни, чтобы въ случаѣ войны можно было его срубить и укрѣпить въ землѣ кругомъ вала».

Иногда встрѣчаются нѣсколько рядовъ палисадовъ одинъ за другимъ, причемъ внутренній—самый высокій; по внутренней сторонѣ этихъ стѣлъ изъ столбовъ тянутся также галлерей, на которыя могутъ стать защитники. Безъ сомнѣнія, введеніе огнестрѣльнаго оружія много способствовало тому, что въ настоящее время строятся такія сильныя укрѣпленія; такъ, напримѣръ, въ Нов. Зеландіи, рядомъ съ общимъ распространеніемъ ружей переѣмна стройки укрѣпленій, которая была тѣмъ необходимѣе, что маори прежнихъ временъ вообще, можно сказать, не употребляли оружія для стрѣльбы или для метанья, если не говорить о камняхъ, кидаемыхъ прямо отъ руки. Кукъ подробно описалъ построенное по старому образцу па (укрѣпленная деревня) маори. Она была окружена палисадомъ изъ крѣпкихъ столбовъ въ 10 ф. высоты; на слабѣйшей сторонѣ нахо-

дился, кроме того, двойной ров—по сю и по ту сторону палисада; внутренней ров снабжен валомъ и вторымъ палисадомъ. За второй лѣней укрѣпленія возвышались подмости въ 20 ф. вышины и 40 ф. ширины для защитниковъ, для которыхъ тутъ же лежали большія кучи камней; вторые такіе же подмости закрывали входъ въ па и охраняли кругую тропинку, ведущую къ воротамъ. Картина новозеландской крѣпости была бы не полна, если не упомянуть про отдѣльные, болѣе высокіе колья, украшенные харями, которые выступаютъ изъ ряда столбовъ палисада и олицетворяютъ духовъ—покровителей деревни. И въ Африкѣ «фетиши» всякаго рода находятся въ каждомъ укрѣпленіи и могутъ быть болѣе дѣйствительнымъ устрашающимъ средствомъ для враговъ—туземцевъ, чѣмъ колючія загороди и палисады, ямы-западни и разбросанныя по тропинкѣ деревянные занозы и колючки.

7. Средства сообщенія.

Къ числу предварительныхъ условій прогресса культуры принадлежить и возможность быстро двигаться впередъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, способность, при надобности, въ короткое время прѣзжать большія пространства и отправлять изъ одного мѣста въ другое большое количество товаровъ. Собственные силы и строеніе тѣла человѣка не развились односторонне въ смыслѣ способности движенія и способности носить тяжести, какъ это и слѣдовало ожидать при гармоническомъ развитіи многихъ его дарованій. Въ смыслѣ движенія человѣкъ первоначально вполне предназначенъ для твердой земли, гдѣ онъ можетъ развить порядочную быстроту и преодолевать скорѣе лазаньемъ, чѣмъ прыганьемъ, небольшія препятствія; вода, напротивъ, есть элементъ, съ которымъ онъ можетъ сблизиться лишь упражненіемъ, но никогда не сроднится, а путь по воздуху пока совершенно закрытъ для него. И способность его переносить тяжести невелика, если сравнить ее со способностью многихъ его помощниковъ изъ животныхъ, широкая, горизонтальная спинка которыхъ приспособлена къ поднятію совершенно иного количества вѣса, чѣмъ плечи человѣка.

Какъ во всѣхъ случаяхъ, когда не хватаетъ природныхъ способностей, этого улучшенія можно достигнуть двумя главными путями: соответственными орудіями переложить собственную силу такъ, что она будетъ въ состояніи лучше рѣшать отдѣльныя задачи, или пользоваться услугами постороннихъ силъ,—будь это животныя или силы природы. При перенесеніи тяжести къ этому прибавляется еще возможность общимъ дѣйствіемъ многихъ человѣ-

чекскихъ силъ достигнуть большихъ результатовъ. На первый путь—переложеніе собственной силы или—какъ будетъ вѣрнѣе, быть можетъ, сказать—временное приспособленіе тѣла къ опредѣленнымъ задачамъ—долга всупали только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось перемѣщать тяжести: различныя подвязи, корзины для носки, тачки и т. д. принадлежатъ къ этой группѣ. Изъ средствъ, увеличивающихъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ способность тѣла къ движенію, или вообще дѣлающихъ его возможнымъ, можно было назвать только веревки для лазанья у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ, лыжи (см. прилаг. рис.) и коньки, ходули и желѣзныя палки для карабканья, пока, въ послѣднее время, изобрѣтеніе велосипеда показало, какой изумительный прогрессъ можетъ быть достигнутъ и здѣсь. Въ сущности, велосипедъ означаетъ очень запоздавшее при способленіе человѣка къ созданнымъ имъ самимъ гладкимъ плоскостямъ улицъ, по которымъ въ продолженіе тысячелѣтій двигались экипажи, тащимые животными: человѣкъ, наконецъ, научился временно придать своему тѣлу свойства экипажа и тѣмъ чрезвычайно увеличить свою способность къ движенію. Проблема летанія, которую такъ упорно стараются рѣшить, состоитъ, въ сущности, также только въ такомъ переложеніи человѣческихъ силъ, чтобъ онѣ могли поднять тѣло на воздухъ и дать ему такъ движеніе впередъ. Гребля также такое переложеніе силъ, съ той разницей, что здѣсь въ то же время извлекаютъ пользу изъ свойства воды поддерживать тяжесть, слѣдовательно, изъ природной силы черезъ форму и матеріалъ сосуда—судна.

Въ болѣе грандіозномъ видѣ, чѣмъ собственные силы, применяются силы животныхъ и существующая въ природѣ энергія; въ первомъ случаѣ часто, во второмъ всегда съ помощью соответственныхъ снарядовъ и машинъ. Для сношеній между странами устраиваются, кроме того, неровности и другія препятствія почвы, пролагаются пробѣжки и желѣзныя дороги, взрываются скалы, сверлятъ тоннели и перекидываютъ мосты черезъ рѣки. Такимъ образомъ выясняются безъ труда тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ всего легче и быстрѣе можно сдѣлать обзоръ средствъ человѣка для сношеній и перевозки кладей.

Корейскіе лыжебѣжцы.

Когда Массонъ, въ своемъ превосходномъ трудѣ по этому предмету, причисляетъ и башмаки къ вспомогательнымъ движенимъ средотамъ, онъ не совсѣмъ неправъ. Хотя башмакъ, какъ покровъ ноги, такая же часть одежды, какъ и всякая другая, но цѣль его — прежде всего охранить подошву отъ жесткости почвы, отъ колючекъ, острой травы и т. под., увеличить ея силу сопротивленія и тѣмъ повысить способность выполнять свое назначеніе; тотъ, чьи ноги въ башмакахъ, двигается нѣкоторымъ образомъ всегда по тому же полу, качество котораго соответствуетъ подошвѣ башмана; для него земля всюду покрыта войлокомъ, войлокомъ или деревомъ. Массонъ также вѣрно указываетъ, что тамъ, гдѣ сандалии или башмаки носятъ не всѣми или не всегда, ихъ надѣваютъ большею частью во время путешествія, а работаютъ въ полѣ или дома босикомъ.

Простѣйшая форма обуви — сандалии. Всего чаще ихъ изготовляютъ изъ сырой шкуры или кожи, а также изъ лыка или другого

Мокассинъ изъ пещеры въ Кентукки (Сѣв. Америка).

плетенья; послѣднее — въ особенности въ областяхъ, бѣдныхъ крупнымъ звѣремъ, на маленькихъ островахъ Тихаго океана, въ Нов. Зеландіи, въ Японіи и въ древнемъ Перу. Сандалии прикрѣпляются къ ногѣ немногими ремнями или веревками, придѣланными спереди и сзади; или при нихъ есть нѣчто вроде сѣтки, въ которую всовывается нога и затѣмъ привязывается. Въ индѣйскихъ и восточныхъ сандалияхъ спереди изъ подошвы торчитъ шпинецъ, который всовываютъ между большимъ и вторымъ пальцами ноги.

Какъ развился башмакъ изъ сандалии, можно видѣть по многочисленнымъ переходнымъ формамъ: дѣлаютъ сандалии шире ноги и, прикрѣпляя подошву, привязываютъ отстоящіе края наверхъ, такъ что они прикрываютъ ногу сбоку. Это дѣлается, конечно, легче и проще тогда, если подошва сдѣлана изъ тонкаго и мягкаго матеріала, какъ кожаныя подошвы сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, которые превратились въ настоящіе башмаки (мокассины, см. прил. рис.). У полярныхъ народовъ покровъ верхней части ноги сливается съ подошвой въ мѣховой сапогъ (срав. рис. стр. 570). Тамъ, гдѣ башмакъ развивается изъ подошвы, верхній покровъ остается часто нецолнымъ, не вполне замкнутымъ, имѣетъ большія отверстія или покрываетъ только переднюю часть ступни — какъ въ туфляхъ, любимой обуви восточныхъ народовъ. Рѣдко употребляется шкура съ ноги животнаго для покрова человеческой ноги, но встрѣчаются, напримѣръ, у канадскихъ индѣйцевъ, мокассины изъ шкуры медвѣжьихъ лапъ.

Если, вообще, сандалии и башмаки представляютъ приспособленіе къ шероховатости почвы, то лыжи — характерное передвиженіе самихъ сѣверныхъ народовъ, обусловленное самой природой страны. Можно различить два совершенно различныхъ сорта лыжъ: деревянные, длинныя, похожія на сани, назначенныя для того, чтобы нога очень быстро скользила по снѣгу, и широкія, сплетенныя, лишь защищающія ногу отъ погруженія, слѣдовательно, назначенныя только сдѣлать возможнымъ ходеніе по глубокому снѣгу. Къ первой группѣ принадлежатъ норвежскія ски и лыжи жителей Амура. Гидляки имѣютъ лыжи меньшаго и большаго размѣра; послѣднія употребляются при дальнихъ путешествіяхъ, но въ главномъ мало отличаются отъ первыхъ. Фонъ-Шренкъ пишетъ о нихъ: „Они дѣлаются, какъ и меньшія лыжи, обыкновенно, изъ дерева лиственницы, но гораздо длиннѣе и шире и, до самаго передняго конца, отогнутого вверхъ, во всю длину плоски и гладки. Они обтянуты тюленьей шкурой, которая, ворсомъ назадъ, приклеена по возможности гладко рыбьимъ клеемъ ко всей нижней сторонѣ лыжи и по обѣ стороны завернута вверхъ. Кромѣ того, для прикрѣпленія шкуры служатъ двѣ длинныя полосы витоваго уса или гладко-выструганнаго дерева; эти полосы, вроде шнуръ, тянутся вдоль краевъ лыжи и прибиты къ доскѣ деревянными шпильками“. Этотъ снарядъ особенно удобенъ для перехода черезъ большія, плоскія снѣжныя равнины, но непримѣнимъ въ очень неровной и лѣсистой мѣстности, такъ какъ, вслѣдствіе его гладкости, на немъ трудно подниматься на возвышенности и его упругость очень незначительна. Въ такихъ случаяхъ гораздо удобнѣе подобныя же лыжи тунгузовъ и гольдовъ, сдѣланныя изъ тонкаго, гибкаго дерева.

Вторая группа лыжъ заключаетъ въ себѣ всѣ формы, состоящія изъ круглой или продолговатой рамы, затянутой плетенкой. Очень простой образецъ представляютъ лыжи индѣйцевъ — кламатовъ, которыхъ описываетъ Массонъ по экземпляру, находящемуся въ ватингтонскомъ музеѣ: раму составляетъ ободъ изъ деревянной палки, связанной сбоку кожей козы; концы его очень мало заходятъ другъ на друга. Сѣтка дѣлается однимъ сыромятнымъ ремнемъ, протянутымъ взадъ и впередъ и прикрѣпленнымъ спереди, сзади и во многихъ мѣстахъ съ боковъ къ ободу. У большей части лыжъ этой группы рама имѣетъ овальную форму или грушевидную, нѣкоторымъ образомъ отвѣчающую формѣ ноги. Тогда, обыкновенно, сѣтка — какъ это мы видимъ по экземплярамъ изъ Аляски — менѣе часта въ срединѣ, чѣмъ съ обоихъ концовъ; иногда имѣются еще поперенныя палочки, растягивающія раму и дающія ногѣ болѣе прочную устою. Вся эта группа лыжъ принадлежитъ Сѣверной Америкѣ и распространена тамъ въ различныхъ формахъ далеко, до самаго

сѣвера Соединенныхъ Штатовъ; однако, какъ доказалъ Морицъ, до недавняго времени есть еще племена тинно, незнакомыя съ этимъ полезнымъ снарядомъ. И въ сѣверной Японіи встрѣчаются лыжи, принадлежащія ко второй группѣ.

Если глубина и податливость снѣга уменьшаютъ способность человѣка къ движенію и должны быть одолены особенными средствами, то ледъ затрудняетъ ходьбу вслѣдствіе своей необыкновенной гладкости. Здѣсь представляются опять двѣ возможности: или пользуются этой гладью, чтобъ посредствомъ особыхъ снарядовъ еще быстрее передвигаться, или парализуютъ ея дѣйствіе приспособленіями въ обуви. Ковьки, которыми прекрасно рѣшается первая задача, повидимому, изобрѣтены сѣверными культурными народами и въ своемъ первобытномъ видѣ состояли изъ гладкихъ костей, которыя подвязывали къ подошвѣ. Гораздо распространеннѣе башмаки для льда, снабженные шипами, препятствующими поскользнуться; въ Сибири и въ Аляскѣ они представляютъ четырехугольныя, часто пробурованныя по серединѣ пластинки изъ моржеваго зуба или ископаемой слоновой кости, на которой находятся ряды торчащихъ остриевъ. Эскимосы у Гудсонова залива употребляютъ башмаки, кожаная подошва которыхъ искусно усажена маленькими выступающими кусочками кожи.

Но человѣкъ хочетъ не только двигаться самъ. Даже въ наиболѣе примитивномъ хозяйствѣ необходимо перенести въ стоянку собранныя въ продолженіе дня припасы и убитую дичь, сносить дрова и притащить матеріалы для постройки хижинъ; а съ развитіемъ культуры растеть и необходимость усиленно переносить съ мѣста на мѣсто большія тяжести, въ особенности, когда начинается развиваться торговля.

Самый естественный способъ переноски тяжелыхъ ношъ, а именно такихъ, которыя состоятъ изъ отдѣльныхъ частей, есть помощь согнутыхъ рукъ, охватывающихъ и держащихъ ношу. Кто хочетъ пронести на нѣсколько шаговъ камень, толстое бревно, нѣсколько полнѣй дровъ, невольно примѣняетъ этотъ способъ, который между тѣмъ имѣетъ свои большія невыгоды: онъ далеко не употребляетъ въ дѣло всей силы мускуловъ и очень непріятно стѣсняетъ свободное движеніе ногъ. Такъ какъ первобытнымъ народамъ болѣею частью приходится имѣть дѣло со сложными ношами, съ кучами кореньевъ, плодовъ или топлива, первый шагъ къ улучшенію есть связываніе частей, съ которыми потомъ постунають, какъ съ цѣльнымъ кускомъ, и могутъ переносить въ свободной рукѣ, на плечѣ или на головѣ. За этимъ усовершенствованіемъ слѣдуетъ изобрѣтеніе сѣтей и корзинъ для носки и другой утвари для переноски, подробнымъ изученіемъ которыхъ мы также обязаны Масону. Сосуды для носки могутъ быть несомы

прямо или подъ нихъ подкладываютъ вѣчто вроде подушки для защиты плеча или головы, или же прикрѣпляютъ ихъ къ паккѣ, которую кладутъ на одно плечо или на оба, какъ коромысло, или, наконецъ, они снабжены ремнями и тесьмами, которыми ихъ прикрѣпляютъ къ отдѣльнымъ выносивнымъ частямъ его или къ нѣсколькимъ вмѣстѣ. Между послѣдними сосудами для носки особенно замѣчательны тѣ, которые въ одно время извлекаютъ возможную пользу изъ крѣпости спины и головы, такъ какъ лежащая на спинѣ ноша прикрѣпляется повязкой, охватывающей лобъ; этотъ способъ очень распространенъ и встрѣчается также въ Японіи, въ Сѣверной Америкѣ, даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Европы. Еще чаще налагаютъ тяжесть преимущественно на плечи посредствомъ перевязей, какъ, напр., у корзинъ нѣмецкихъ крестьянъ.

Если палка для носки часто употребляется тамъ, гдѣ одинъ человѣкъ несетъ связанную тяжесть или сосудъ на плечахъ, то она становится еще необходимѣе, когда два человѣка несутъ вмѣстѣ одну ношу, не имѣющую, какъ древесный стволъ или легкая лодка, уже безъ того опредѣленную форму. Если къ палкѣ подвѣшиваютъ гамакъ или большую корзину, можно переносить и людей, и возникаетъ первобытная форма западно-африканской типоа, которая, впрочемъ, введена, быть можетъ, португальцами, или форма почти исчезнувшихъ въ Европѣ носилокъ. Если употребляются двѣ палки для носки, сидѣнье можетъ быть устроено и сверху, какъ въ восточно-азиатскихъ носильныхъ креслахъ, или устраивается закрытый домикъ съ сидѣньемъ, находящимся сверху палокъ, между нами или подъ палками (см. рис. стр. 407); число носильщиковъ можетъ тогда дойти до четырехъ. Интересно, что у культурныхъ народовъ такой снарядъ для переноски—носилки—сохранился все доныне для обряда похоронъ.

Почти во всѣхъ странахъ земли, гдѣ вообще имѣются четвероногія животныя, очень рано поняли, что эти товарищи человѣка болѣе способны къ переноскѣ тяжестей, чѣмъ онъ самъ. Гдѣ нѣтъ подходящихъ для этого животныхъ, употребляютъ собакъ и оленей. Изобрѣтеніе экипажа произвело въ этомъ большія измѣненія, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ областяхъ, гдѣ въ то же время прозядали были хорошія дороги; а въ суровыхъ горахъ и въ пустыняхъ до сихъ поръ принуждены пользоваться преимущественно способностью животныхъ переносить тяжести. Въ большей части Африки не достигли даже этого, и только люди—носильщики—двигаются гуськомъ по узкимъ караваннымъ дорогамъ. И въ Восточной Азіи, въ особенности въ Японіи, поразительно мало пользуются силой домашнихъ животныхъ и ихъ способностью таскать тяжести.

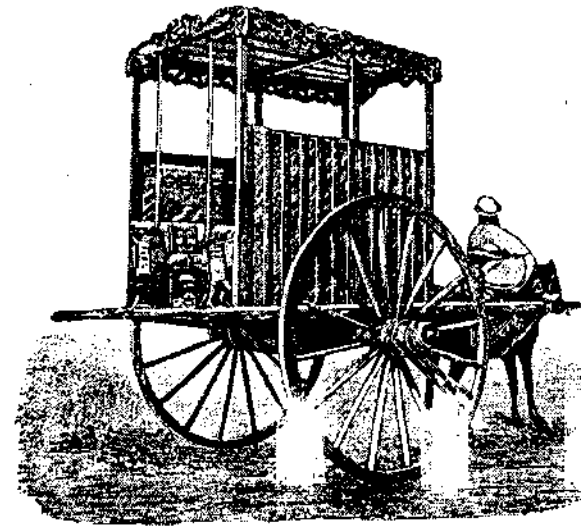
Но многія животныя не избавлены еще отъ благородной ноши—

самого человека; слонъ, верблюдъ, осель, волъ и, прежде всего лошадь—перевозятъ человека съ мѣста на мѣсто на своей терпѣливой спинѣ и увеличиваютъ какъ неутомимость, такъ и быстроту его передвиженія; на большей части земного шара власть человека побѣждать пространство зависитъ еще отъ нихъ. Но искусство верховой ѣзды ни въ какомъ случаѣ не есть общее достоянiе человечества. Только въ историческія времена распространилось оно изъ степей азіатской возвышенности въ Европу, Индію и часть Африки; въ другія мѣста земного шара его завезли уже европейцы.—Азіатская возвышенность есть, вѣроятно, и мѣсто происхожденія сѣдла, котораго еще не знала римская конница республиканскаго періода, какъ не знала она стремянъ и усовершенствованныхъ формъ узды. Монгольское и тибетское сѣдло мало отличается отъ китайскаго, а послѣднее, въ своей основной формѣ, родственно европейскому. Первобытные способы взнуздыванія встрѣчаются только въ пограничныхъ областяхъ, въ которыхъ еще привыкаютъ къ верховой ѣздѣ, но гдѣ не укоренилось настоящее искусство ѣздить верхомъ съ его принятыми правилами и приспособленіями. Всего проще, быть можетъ, поступаютъ языческія негритянскія племена на югѣ Борнеу. «Туземцы,—пишетъ Нахтигаль,—не употребляютъ сѣдла, но дѣлаютъ на спинѣ животнаго ссадину. Пораненныя мѣста частью заживаютъ или покрываются твердой корой засохшагогноя, которая при ѣздѣ сбивается и растревляется. Мало-по-малу большая часть середины спины превращается въ сѣть рубцовъ, перемѣшанныхъ съ нарывами. Я никогда не видѣлъ, чтобы вслѣдствіе этого жестокаго обращенія нарывы были очень глубоки и чтобы оно сколько-нибудь вліяло на прекрасное состоянiе цитанія, которымъ вообще пользовались животныя. Упряжь и узда такъ же мало употребляются, какъ и сѣдло, такъ что пользованіе животными не требуетъ никакихъ приготовленій. При маломъ ихъ ростѣ всадникъ легко вскакиваетъ на спину, и какъ только онъ схватываетъ свернутый недоуздокъ, замѣняющій узду, животное несется впередъ».

Подобную же пограничную область искусства верховой ѣзды составляютъ острова Индійскаго океана. „За исключеніемъ Явы,—сообщаетъ Ветъ,—нигдѣ на островахъ не употребляютъ сѣделъ. Нѣкоторые племена, какъ тупорезы, сумбанезы и бандзерезы на Борнео, вскакиваютъ безъ стремянъ на голую спину лошади; другія, какъ макасары, садятся на подушку или свободно лежащій тюфякъ, не употребляя подпругъ. Явайцы имѣютъ деревянныя сѣдла собственнаго издѣлія, но знакомы и съ европейскими, вслѣдствіе сношеній съ голландцами и англичанами». Стремяна бывають у явайскаго сѣдла только въ видѣ исключенія; узда состоитъ кое-гдѣ, напр. на остр. Сумба, изъ веревки, служащей также удилами; на Явѣ и Целебесѣ

удила представляютъ желѣзную палку съ остріями, которая составляетъ истинное орудіе пытки для лошади; къ обоимъ концамъ привязаны тесемки, охватывающія голову лошади. Шпоры прежде были совершенно неизвѣстны.

Чтобъ дать возможность женщинамъ или старымъ и больнымъ людямъ пользоваться животными для верховой ѣзды, прикрѣпляютъ къ спинѣ животнаго ступообразныя сидѣнья и закрытыя носилки. У слоновъ это необходимо при ширинѣ ихъ спины, но и верблюды туареговъ носятъ маленькія лѣткообразныя помѣщенія для жен-

Повозка бухарскаго эмира (Средняя Азія).

щинъ, а въ Персіи можно встрѣтить лошадей, посаженныхъ по обѣ стороны спины маленькія крытыя носилки, въ которыхъ гаремныя красавицы скрываются отъ навязчивыхъ взоровъ.

Изобрѣтеніе экипажа (см. прил. рис.) сѣдла въ большей части мѣстностей излишнимъ такія неуклюжія приспособленія. Но врядъ ли это изобрѣтеніе явилось сразу, такъ какъ оно требуетъ значительнаго количества размышленія и технической ловкости; врядъ ли не было примитивныхъ формъ, предшествующихъ настоящей повозкѣ. Почти нельзя сомнѣваться, что въ саняхъ мы имѣемъ остатки этихъ первобытныхъ формъ, который сохранился вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ.

Давнымъ давно уже испытано, что тяжелые предметы, смотря по обстоятельствамъ, часто бываетъ легче перетаскивать по землѣ

волокомъ: охотнику легче сволочить домой крупную дичь по сравнительно ровной почвѣ, если онъ ее тащить за ноги, чѣмъ отнести на слякѣ, и это еще удобнѣе, когда приходится перетаскивать большіе сучья и древесные стволы. Если подходящій предметъ, напр., сукъ хвойнаго дерева съ его широкими и густыми вѣтвями, волокутъ такимъ образомъ по землѣ, становится уже возможнымъ положить или привязать къ нему другія тяжести; когда, наконецъ, стали припрятать къ соответственному сооруженію дуговое животное, было найдено примитивное средство перевозки, которое дозволяло на гладкой почвѣ употребить въ дѣло силу рабочаго скота съ большей пользой, чѣмъ изваливалъ тяжесть на его спину. Деревянные дровни такого рода еще можно встрѣтить теперь у индѣйцевъ-мандатовъ, которые употребляютъ ихъ лѣтомъ, а зимой пользуются санями, и въ обоихъ случаяхъ, по свидѣтельству князя Вида, запрягаютъ въ нихъ собакъ; даже поселенцы американскихъ горныхъ лѣсовъ употребляютъ дровни, чтобы перевозить тяжести по травянистымъ склонамъ въ долину.

Вообще, этотъ способъ перевозки остался въ употребленіи прежде всего тамъ, гдѣ приходится спускать тяжести въ долины: извѣстны деревянные сани, употребляемая на Мадерѣ для увеселительныхъ поѣздокъ съ горъ, и подобныя же горныя санныя дороги находятся, по свидѣтельству Аринга, въ Гавайи. Какъ и многіе другіе культурные пережитки, дровни сохранились, какъ средство для перевозки, всего болѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда религіозныя и мистическія идеи тормазили прогрессъ, слѣдовательно, въ особенности при погребеніи мертвыхъ, которыхъ часто перевозятъ на кладбище на дровняхъ, а не на повозкѣ. И старинный нѣмецкій обычай—волочить преступника къ мѣсту казни на коровьей шкурѣ есть, конечно, пережитокъ прежняго общаго обыкновенія.

Не говоря объ этихъ исключеніяхъ, только тамъ, гдѣ въ извѣстное время года землѣ покрывается слоемъ снѣга, сохранилась усовершенствованная форма дровень—сани (срав. рис. стр. 316 и 364), главная область распространенія которыхъ находится внутри сѣвернаго полярнаго круга. Правда, что у многихъ полярныхъ народовъ большой недостатокъ въ подходящемъ матеріалѣ для устройства саней, и чтобы преодолѣть это затрудненіе ловкимъ употребленіемъ наличныхъ матеріаловъ требовалась масса остроумія. Что и въ настоящее время дѣлаютъ улучшенія, показываетъ интересный отчетъ капитана Джона Сплицера. Между эскимосами Кумберландскаго пролива было двое строителей саней, изъ которыхъ одному пришло въ голову, что сани съ широкими полозьями болѣе годны для употребленія, чѣмъ обычныя до сихъ поръ сани съ узкими полозьями; такъ какъ другой противорѣчалъ, произошла гонка на состязаніе

между санями обѣихъ системъ; и вотъ широкополозныя сани одержали блестящую побѣду надъ своимъ старомоднымъ соперникомъ.

Самая простая форма саней, по крайней мѣрѣ съ чисто-технической точки зрѣнія—лапландскія сани, имѣющія приблизительно видъ лодки, усѣченной сзади, съ широкимъ, выдающимся впередъ килемъ, иначе говоря, съ единственнымъ полозомъ, тѣсно связаннымъ съ сидѣнемъ. Этотъ родъ саней имѣетъ то неудобство, что легко теряетъ равновѣсіе и потому непримѣнимъ на неровной почвѣ. Болѣе устойчивы сани съ двумя полозами, обычныя для всей остальной полярной области; въ основаніи своей постройки они заключаютъ постоянно одиѣ и тѣ же черты: оба длинные полоза, болѣе или менѣе загнутые спереди кверху, соединены вмѣстѣ нѣсколькими поперечными ребрами, на которыхъ уже придѣлано собственно сидѣнье—многда только мѣхъ. Многія сани западныхъ эскимосовъ принадлежатъ къ этому простому типу, а также и деревянныя сани большинства канадскихъ индѣйцевъ; тутъ можно отличить еще формы, въ которыхъ очень высокіе полозья соединены горизонтальными ребрами, а другіе съ очень низкими полозьями, вслѣдствіе чего поперечныя ребра идутъ дугобразно, чтобы сидѣнье, лежащее на нихъ, не приходило слишкомъ низко. Улучшенные виды саней имѣютъ, кромѣ того, боковыя стѣнки, лежащія обыкновенно на самомъ полозѣ, или, какъ у западныхъ эскимосовъ, заднюю спинку. Полозья, сдѣланные изъ дерева, костей, даже, при нуждѣ, изъ замерзшаго мху, покрываются вслѣдствіе обливанья водой передъ ѣздомъ, тонкой ледяной корой. Однополознымъ и двухполознымъ санямъ противостоитъ, наконецъ, особенная форма канадскаго тобоггана, который не имѣетъ, собственно, настоящихъ полозьевъ, но плоскость для скользанья въ видѣ гладкихъ, тонкихъ, тѣсно другъ къ другу привязанныхъ дощечекъ, которыя спереди сильно загнуты къверху; сидѣнье обыкновенно представляетъ нѣчто вроде мѣшка изъ оленьей кожи и лежитъ просто сверху дощечекъ. У центральныхъ эскимосовъ, по словамъ Раа, встрѣчаются подобныя сани изъ тюленьей кожи.

Въ полярныя сани впрягаютъ собакъ и оленей. Боасъ говорить о способѣ запряжки собакъ у центральныхъ эскимосовъ слѣдующее: «Сбруя собакъ, сдѣланная изъ тюленьихъ или, иногда, оленьихъ шкуръ, состоитъ изъ двухъ полосъ, протянутыхъ между передними лапами. Онѣ связаны двумя ремнями, изъ которыхъ одинъ охватываетъ грудь, другой—зашеекъ. Концы связаны на спинѣ, а отсюда идутъ постромки къ санямъ». Каждая собака привязана къ санямъ отдѣльной постромкой, отчего часто происходитъ большая путаница. Это неудобство устраняется также очень простымъ способомъ запряжки, обычной у гилляковъ. У нихъ отъ саней идетъ

длинная постромка, къ которой, чередуясь по обѣ стороны, прикрѣплены ошейники, а въ концѣ, спереди, одинъ ошейникъ для собаки вожатаго. Собакамъ просто надѣваютъ эти ошейники, такъ что запряжка производится въ болѣе короткое время и при ѣздѣ не происходитъ путаницы: правда, животные скоро утомляются, такъ какъ должны тащить все время шею. При русскомъ способѣ запряжки собаки тянутъ грудью, такъ какъ онѣ привязаны къ главной постромкѣ двойными ремнями, но зато чаще приходятъ въ беспорядокъ.

Тамъ, гдѣ употребляютъ для ѣзды оленей, ихъ запрягаютъ въ сани обыкновенно парно или тройкой. У камчадаловъ, по сообщенію Крашенинникова, каждое изъ двухъ животныхъ имѣетъ свою постромку, причѣмъ постромка идущаго съ правой стороны прикрѣплена къ лѣвой сторонѣ саней, постромка идущаго съ лѣвой стороны — къ правой сторонѣ саней. Поводья находятся въ связи съ ремнемъ, который протянуть черезъ верхнюю часть головы животного и прикрѣпленъ острыми костями, которыя, при сильномъ натягиваніи повода, втыкаются въ кожу оленя и заставляютъ его остановиться. Ыздокъ имѣетъ еще, кромѣ того, палку фута въ четыре длины, на одномъ концѣ которой находится острый шипъ для понуканія животныхъ, на другомъ — крючокъ для приведенія спутавшейся упряжки въ порядокъ.

Нѣсколько иной методъ запряжки, употребляемый въ большей части Сибири, подробно описываетъ Финнъ. «Олень, — пишетъ онъ, — тянетъ широкимъ, въ 2—3 дюйма, плечевымъ поясомъ изъ кожи, который отъ загривка доходитъ до переднихъ ногъ, слѣдовательно, тянетъ шею и плечами. Къ этому плечевому поясу прикрѣплена постромка изъ толстой кожи, проходящая подъ брюхомъ и между задними ногами оленя къ верхнему переднему краю полоза саней. Здѣсь, съ обѣихъ сторонъ, привязано по яйцевидному блоку, сдѣланному изъ дерева — чаще очень чисто — изъ крѣпкой слововой кости или моржевыхъ клыковъ, съ двумя отверстіями, черезъ которыя протянута постромка, служащая такимъ образомъ справа надѣво для двухъ животныхъ сразу. Если тянетъ болѣе двухъ животныхъ, ихъ постромки опять таки прикрѣплены посредствомъ блоковъ къ главной постромкѣ... Къ сбуру принадлежитъ еще спинной поясъ, въ 4—6 дюймовъ ширины, изъ воловьей шкуры, который свисаетъ съ обѣихъ сторонъ ниже бедеръ и снизу связывается узкимъ ремнемъ. Къ этому поясу придѣланы съ боковъ оловянные кольца, въ которыя протянуты кожаные ремни, ими животные связаны другъ съ другомъ, такъ же, какъ и уздой, обмотанной вокругъ основанія роговъ. Внутривязаніе также очень остроумно и совершенно не похоже на то, что обыкновенно новимаютъ подъ удьями. Оно

состоитъ изъ двухъ, въ 4—6 д. длины, костяныхъ дощечекъ и двухъ такой же длины кривыхъ палочекъ изъ оленьяго рога. Эти костяныя дощечки, связанныя красиво-сплетеннымъ кожанымъ шнуркомъ, прикрѣплены имъ около основанія роговъ. При этомъ одинъ шнурокъ протянуть подъ кадыкомъ, а одна изъ кривыхъ костей, къ которой привязана возжа посредствомъ мѣднлаго вертѣщагося блока, лежитъ при основаніи лѣваго рога. Притягиваніемъ возжи, болѣею частью очень красиво-сплетенной изъ воловьей кожи, кривая кость давитъ на високъ и помогаетъ управлять животнымъ». И здѣсь служить для понуканія палка длиною въ 12—16 ф., имѣющая на одномъ концѣ шарикъ, а на другомъ — остроконечное желѣзо.

Какъ совершился переходъ отъ сооруженій на полозьяхъ къ повозкѣ, тѣмъ труднѣе сказать, что этотъ переходъ долженъ былъ произойти въ очень древнія времена, и промежуточные формы, которыя, конечно, существовали, не сохранились. Навѣрно, зѣлющій пробѣлъ между санями, скользящими по землѣ, и повозкой, катящейся на колесахъ, не исполнился сразу. Мнѣніе Тайлора, что подсунутый подъ сани катокъ есть прообразъ колеса, имѣетъ много за себя, но не можетъ быть съ точностью доказанъ; кромѣ того, и тогда еще остается порядочный пробѣлъ, такъ какъ самая суть изобрѣтенія повозки состоитъ въ томъ, что ось катка или деревяннаго вала пробуравливается и полученное колесо прикрѣпляется къ повозкѣ, не теряя способности вертѣться вокругъ собственной оси. Эдуардъ Хапъ указалъ на возможность, что круглое, пробуравленное придильное кольцо могло послужить прототипомъ колеса, и на этомъ построилъ цѣлый рядъ рискованныхъ гипотезъ, клянящихся къ тому, что первыя повозки служили будто бы религиознымъ цѣлямъ. Быть можетъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, но тотъ, кто хочетъ отнести изобрѣтеніе повозки въ чисто-практическимъ соображеніямъ здраваго человѣческаго разума, быть можетъ, также далеко уклоняется отъ истины, но въ другую сторону; нельзя отрицать, что мистико-фантастическія идеи могли очень сильно вліять на это усовершенствованіе.

Путемъ изслѣдованій по народовѣдѣнію можно узнать не много. Прежде всего нужно установить, что повозка въ историческое время появляется сначала въ культурныхъ странахъ древняго міра, группирующихся около азіатскаго плоскогорья — въ Вавилонѣ, Китаѣ, Индіи, лишь позже въ Египтѣ, на который въ этомъ отношеніи повліялъ Вавилонъ черезъ семитическія пастушьи племена (хиксосы). Такъ какъ здѣсь повсюду лошадь — самый любимый рабочій скотъ, а коневодство, вѣроятно, проникло изъ азіатскаго плоскогорья, легко допустить, что и изобрѣтеніе повозки произошло въ степяхъ

Средней Азии и уже оттуда распространилось беспокойными степными обитателями по соседним культурным странамъ. Теоретически повозка всего болѣе годится для степныхъ мѣстностей, пока нѣтъ собственно для нея проложенныхъ дорогъ. Но въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, повозка не только не имѣетъ большого значенія на монгольской возвышенности, но и нельзя ее назвать очень удобнымъ экипажемъ для степи, какъ это достаточно доказываютъ юмористическія описанія Обручева и другихъ путешественниковъ, принужденныхъ пользоваться этимъ орудіемъ пытки. Шрадеръ склоненъ поэтому, приписать изобрѣтеніе повозки индо-германцамъ, у которыхъ она во всякомъ случаѣ является древнимъ культурнымъ приобрѣтеніемъ и къ которымъ причисляютъ и настоящихъ степныхъ обитателей—скивоовъ.

Быть можетъ, можно допустить, что повозка относится къ то глубокой древности, когда между народами западной и восточной азіатской культуры еще должна была существовать какая-нибудь связь; тогда ее можно было бы поставить въ тотъ небольшой рядъ общихъ культурныхъ владѣній, между которыми намъ извѣстны уже ишеница, быкъ и лошадь. Довольно характерно, что всюду она является сначала двухколесной, и притомъ въ качествѣ военной повозки; затѣмъ какъ особенный знакъ достоинства князей и боговъ, по свидѣтельству Хана. Четырехколесная телѣга появилась сравнительно поздно и долго не могла вытѣснить двухколесную повозку, которая, въ особенности въ Ассиріи, достигла высокаго совершенства; по всей вѣроятности, это соединилось съ плохимъ состояніемъ дорогъ. Двухколесная ассирійская военная колесница, на говоря о прочности, была такъ легка, что два воина, вѣхавшіе въ ней, безъ труда могли переносить ее черезъ препятствія, между тѣмъ какъ четырехколесную повозку трудно было въ такихъ случаяхъ сдвинуть впередъ. Быть можетъ, телѣга на четырехъ колесахъ изобрѣтена кочевыми народами варваровъ, такъ какъ она впервые становится намъ извѣстной среди нихъ, и лишь мало-помалу перенята культурными народами; она была еще рѣдкимъ явленіемъ у грековъ, когда у персовъ была уже всюду распространена. Въ Китаѣ еще теперь двухколесная телѣга—самое обычное средство передвиженія, а въ Японіи легкая повозка такого же вида, влекаемая людьми, замѣняетъ наши дрожки.

Древніе культурные народы Америки, повидимому, не знали повозки. Маленькія глиняныя модели повозки, найденныя Гарнеемъ при раскопкахъ въ Юкатанѣ, и другая маленькая глиняная повозка, выкопанная Педромъ Батиста въ той же области, указываютъ во всякомъ случаѣ на то, что былъ извѣстенъ по крайней мѣрѣ принципъ повозки и служилъ для игрушекъ и т. под.; но возможно

также, что маленькія модели принадлежатъ къ эпохѣ завоеванія и изготовлены по испанскимъ образцамъ.

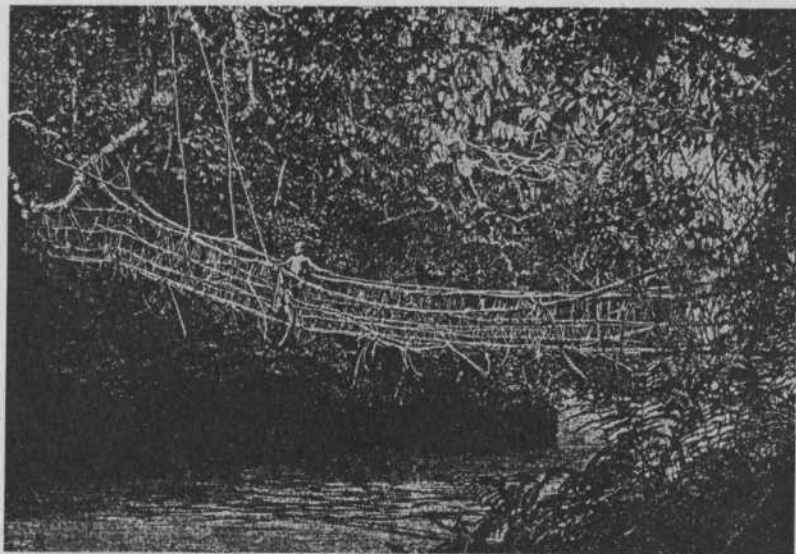
Всякое сношеніе между странами предполагаетъ существованіе дорогъ, состояніе которыхъ, въ свою очередь, обуславливается различными средствами перевозки. Для прохода людей—носильщиковъ достаточно узкихъ, извилистыхъ негритянскихъ тропинокъ, которыя мало-по-малу утаптываются ногами; дорога для вьючныхъ животныхъ должна быть уже шире, хотя можетъ быть сравнительно неровна и крута; наконецъ, повозка, въ особенности повозка для людей, немислима безъ настоящихъ дорогъ съ достаточно твердой

Прокладка дороги въ болотистомъ лѣсу на остр. Борнео.

подпочвой и довольно широкихъ для разъѣзда. Изъ этого ясно, что у первобытныхъ народовъ почти нѣтъ рѣчи о постройкѣ дорогъ; но и многіе культурные народы сдѣлали въ этомъ поразительно малые успѣхи, или уже достигнутое, или временно снова забрасываютъ. Въ средніе вѣка иногда открыто высказывали, что хорошія дороги приведутъ въ страну непріятели. Вездѣ, гдѣ возможно было сообщеніе водой, его предпочитали сухопутному, и вслѣдствіе этого, въ особенности въ Китаѣ, пренебрегали постройкой дорогъ. Не случайно стали римляне образцовѣйшими строителями дорогъ всего свѣта на своемъ Апеннинскомъ полуостровѣ, бѣдномъ водяными путями. Прежде всего начинается нѣкоторое улучшеніе дорогъ тамъ, гдѣ нужно переходить болотистыя мѣста или маленькія рѣчки, а въ мѣстностяхъ,

богатых болотами, может тогда действительно развиться известная практика в стройке дорог. «Все дороги страны даяковъ, — пишетъ Ловъ о сѣверѣ Борнео, — построены изъ древесныхъ стволовъ, поднятыхъ на два фута надъ почвой лежащими подъ ними подпорками. Иногда берутъ болѣе толстыя деревья, но обыкновенная толщина ихъ — три дюйма въ поперечникъ; кору верхней стороны съ частью дерева срѣзаютъ, такъ что для ногъ образуется плоская, шероховатая поверхность; на хорошихъ дорогахъ и тамъ, гдѣ много бамбука, употребляютъ въ дѣло послѣдній, складывая параллельно

Висячій мостъ изъ лѣанъ въ Камерунѣ.

по два ствола вмѣстѣ, что составить ширину тропинки (и служить подкладкой для поперечныхъ стволовъ). Но такъ какъ бамбукъ быстрѣ гниетъ, чѣмъ дерево, изъ котораго обыкновенно дѣлаются дороги, бамбуковыя дороги, хотя гораздо лучше въ новомъ состояннн и въ сухую погоду, менѣе прнятны, когда становятся стары и гнилы; кромѣ того, скользкая поверхность бамбука неудобна въ дождливые дни" (см. рис. стр. 635). Въ другихъ мѣстностяхъ, какъ, напри- мѣръ, во многихъ частяхъ сѣверо-западной Океанн, въ обычаѣ устилать дорогу камнемъ; что и тутъ могли повлѣять мистическнн представленнн, доказываетъ великолѣпная дорога на островѣ Фиджи, которая не служитъ никакой практической цѣли, но означаетъ путь для боговъ и духовъ.

Для мостовъ существуетъ два природныхъ образца, которымъ прежде всего стали подражать: упавшее поперекъ ручья дерево, дающее сухой переходъ съ одного берега на другой, а въ тропическихъ странахъ — гибкая сѣть лѣанъ, которая тянется съ дерева на дерево и перебрасывается колеблющейся дугой черезъ болѣе узкнн ручьи. Въ первомъ случаѣ не трудно было догадаться — простой, круглый и легко катящнн древесный стволъ превратить въ мостъ, годный даже для проѣзда повозокъ, положивъ около него другой стволъ и густо наложивъ сверху поперечныя бревна; второй примѣръ привелъ, наоборотъ, къ изобрѣтеннн очень распространенныхъ въ тропическомъ поясѣ висячихъ мостовъ, которые достигаютъ иногда значительной длины, но годны, конечно, только для итше-ходовъ. Гартертъ описываетъ подобные мосты въ странѣ Госса; они дѣлались изъ лѣанъ и большихъ листовыхъ жилъ бамбуковой пальмы и привѣшивались съ помощью растительныхъ канатовъ къ крѣпкимъ деревьямъ на обонхъ берегахъ рѣки (см. рис. стр. 636).

Чрезвычайно остроумной конструкцнн висячнн мосты находилъ также Георгъ Ваттъ въ Манипурѣ. Два или три ротанга (видъ ползучей пальмы), особенно крѣпкихъ и часто отъ 300—400 ф. длины, протягиваются черезъ рѣку или пропасть, натягиваются съ каждой стороны вокругъ скалы или сваи — изъ камня или дерева — и при- крѣпляются къ вбитымъ въ землю древеснымъ стволамъ; они составляютъ фундаментъ моста и выкладываются кусками коры. Тогда сваи дѣлаютъ выше и натягиваютъ, приблизительно, на шесть фу- товъ надъ первыми, два слѣдующихъ ротанга, что образуетъ перилы. Эти верхннн ротанги привязываются къ нижнимъ болѣе короткими веревками, которыя проходятъ подъ мостомъ и такъ близко поло- жены другъ къ другу, что образуется мѣшкообразный, сверху от- крытый ходъ, не позволяющнн переходящему черезъ мостъ упасть съ него, несмотря на очень непрнятное раскачиванье. По свидѣ- тельству Дельфуса, у индннцевъ Гватемалы иногда простая веревка служитъ мостомъ; съ нея виситъ петля, которую путешественникъ надѣваетъ вокругъ тѣла; затѣмъ люди, стоящнн на другомъ берегу, перетягиваютъ его посредствомъ другой веревки. Но многнн мосты изъ лѣанъ поддерживаются уже сваями, торчащими изъ русла рѣки, и тогда образуются уже настоящнн деревянные мосты на сваяхъ, какъ, между прочимъ, нашелъ Камеронъ въ южной области Конго. На мощеныхъ, тщательно содержимыхъ дорогахъ древне-американ- скихъ культурныхъ народовъ, въ особенности у перуанцевъ, черезъ овраги и рѣки перебрасывались иногда каменные мосты.

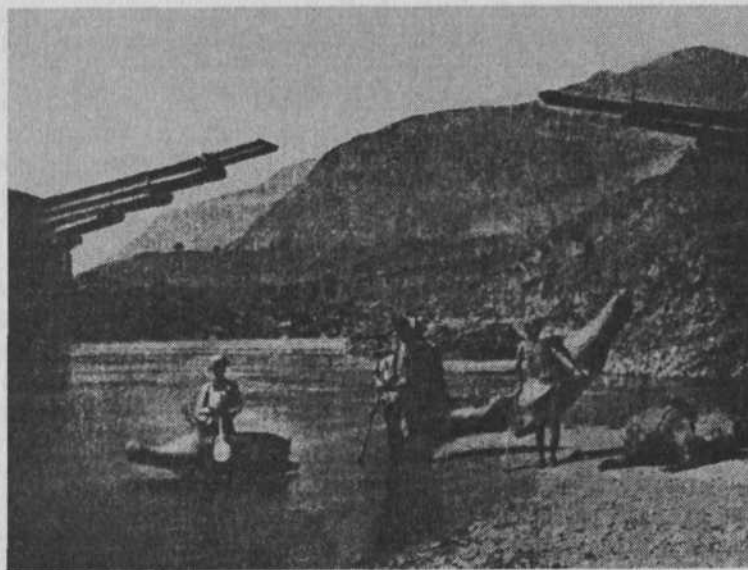
Если первобытнымъ народамъ, смотря по обстоятельствамъ, только до известной степени удалось приспособить свойства почвы къ нуждамъ сообщеннн, то въ водѣ они нашли болѣе услужливый

элементъ; тому, кто умѣетъ пользоваться его качествами, онъ охотно подставляетъ свою широкую спину для перевозки громадныхъ тяжести, и это требуетъ гораздо меньше усилий, чѣмъ имъ приходится примѣнять вообще при перевозкѣ сухимъ путемъ. Многие материалы сами плаваютъ въ водѣ и могутъ при этомъ удерживать, до известной степени, надъ водой другіе предметы большаго удѣльнаго вѣса; держаться же на водѣ могутъ вообще всѣ вещества, если изъ нихъ приготовить предметъ пустой внутри (см. рис. стр. 639) или часть такого предмета съ достаточно тонкими стѣнками. Первое познаніе, приобретенное сравнительно рано, привело къ изобрѣтенію плотовъ и паромныхъ судовъ: со вторымъ началась стройка настоящаго судна, которое, впрочемъ, строилось сначала также изъ материала, имѣющаго известную способность держаться на водѣ. Самыя простыя водоходныя суда не составляютъ общаго достоянія человѣчества; у многихъ обитателей степей и пустынь совсѣмъ ихъ нѣтъ, и многія племена, живущія въ тропическихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, какъ ботокуды, повидимому, сначала ихъ не знали.

Самую первобытную форму плота, какую только можно себѣ представить, наблюдалъ Финшъ на сѣверномъ берегу Нов. Гвиней, недалеко отъ устья рѣки Зехитро; это были толстыя древесныя корни, по обѣимъ сторонамъ которыхъ привязано по крѣпкому бамбуку; но они обладали достаточной пловучестью, чтобъ перевозить туземцевъ черезъ буруны къ стоящему внѣ ихъ пароходу. Тотъ же путешественникъ видѣлъ въ другомъ мѣстѣ сѣвернаго побережья маленькіе плоты изъ связанныхъ вмѣстѣ черешковъ пальмовыхъ листьевъ: на этихъ плотикахъ едва могъ держаться на водѣ одинъ человекъ; а далѣе, къ югу, встрѣчались деревянныя плоты (катамараны) болѣе солидной конструкціи. Они состояли иногда изъ трехъ четырехугольно обтесанныхъ древесныхъ стволовъ, въ 4—5 м. длины, которые были связаны вмѣстѣ ланами и составляли плотъ приблизительно въ метръ ширины, съ туго срѣзанными концами. Такъ какъ, при малѣйшемъ волненіи въ морѣ, катамараны постоянно заливаются водой, на нихъ иногда устраивается возвышенное сидѣнье, но болѣе двухъ человекъ одновременно не можетъ сдерживать это неустойчивое судно. Совершенно такіе же плоты еще въ большемъ употребленіи на Коромандельскомъ берегу въ Ост-Индіи.

Западное побережье Америки, не говоря о его сѣверныхъ частяхъ, было до времени его открытія классической страной несовершеннаго судоходства. Уже у залива Санъ-Франциско жили племена, которыя не знали постоянныхъ лодокъ; единственными ихъ судами были связки ситника, приблизительно въ 10 ф. длины и 3—4 ф. ширины, крѣпко стянутыя вмѣстѣ и съ обоихъ концовъ заостренныя. Слѣдовательно, они очень походили на плоты шилу-

ковъ у верховьевъ Нила и жителей берега Бенгуеллы, въ юго-западной Африкѣ. Далѣе на югъ встрѣчались рядомъ плоты и одностволы, напримѣръ, у жителей Панамскаго перешейка, плоты которыхъ состояли изъ нѣсколькихъ стволовъ очень легкаго дерева, связанныхъ вмѣстѣ, а на нихъ прикрѣплялись поперечныя палки. У западнаго берега южной Америки, до самаго мыса Горна, плоты были единственнымъ средствомъ сообщенія, и только жители Огненной Земли употребляли легкія, очень непрочныя лодки изъ коры.

Пловучіе воздушные мѣхи, изготовленные изъ звѣриныхъ шкуръ (въ Сѣв. Индіи).

На Нов. Зеландіи, гдѣ рядомъ съ деревянными лодками встрѣчаются изрѣдка маленькіе плоты изъ древесныхъ стволовъ, существовала также любопытная переходная форма—ситниковыя плоты или ситниковыя лодки. „У первобытныхъ жителей Нов. Зеландіи,—говоритъ Поллакъ,—лодки изготовлялись изъ ситника (тырха). Мы видѣли одно изъ этихъ судовъ прежняго времени, которое имѣло около 60 ф. длины и могло вмѣщать столько же человекъ, но теперь (1836) эти суда совсѣмъ вышли изъ употребленія. Они были очень толсты, сдѣланы цѣликомъ изъ ситника, за исключеніемъ реберъ, и походили, въ каждой отдѣльной части, на настоящія лодки. Они были удивительно легки, хотя для ихъ постройки нужно

было много связок ситника, и шли на веслах очень быстро, пока не впитывали въ себя воду до краевъ и тогда глубоко погружались". Морiori (на остр. Хатхамъ)—ближайшія родственныя племена новозеландцев—имѣли вообще только ситниковыя плоты.

Промежуточной формой между плотами и выдолбленными судами можно считать тѣ снаряды для плаванья, корпусъ которыхъ представляютъ надутые воздухомъ кожаные мѣха; напримѣръ, въ мѣстностяхъ по р. Ефрату сохранились издавна и до сихъ поръ эти мѣха-суда. Съ распространениемъ рогатаго скота въ Южной Америкѣ степные жители штатовъ Ла-Платы употребляли даже большія половыя кожи съ приподнятыми краями, какъ примитивныя суда для перѣзда черезъ рѣки и потоки.

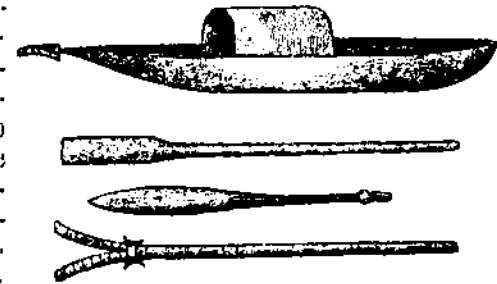
Подъ настоящими судами мы понимаемъ снаряды съ пустотою внутри и замкнутые снизу, держащіяся на водѣ не вслѣдствіе материала, изъ котораго они сдѣланы, а вслѣдствіе воздуха, заключающагося въ ихъ пустомъ пространствѣ. Кто хочетъ сдѣлать обзоръ безчисленныхъ типовъ судовъ культурныхъ народовъ, можетъ выбрать для этого нѣсколько точекъ зрѣнія; а для простѣйшихъ ихъ начатковъ достаточно раздѣленія на двѣ группы: можно различать суда, сдѣланныя изъ одного плотнаго куска посредствомъ выдалбливанія, и такія, которыя состояются изъ отдѣльныхъ плоскихъ кусковъ въ одно тѣло съ пустотою внутри. Къ первой группѣ принадлежатъ одиночные стволы, ко второй—челноки изъ коры и кожи и составныя деревянные лодки.

Послѣ бурь и наводненій люди видѣли, навѣрно, многіе дуплистые стволы деревьевъ плывущими по водѣ, и при случаѣ употребляли ихъ для переправы, пока не напали на мысль самьямъ рубить деревья и перерабатывать въ лодки; но въ концѣ концовъ природный образецъ имѣлъ влияние во всѣхъ мѣстностяхъ земли, гдѣ вообще имѣются подходящія деревья. Рубка и выдалбливаніе толстыхъ древесныхъ стволовъ, съ помощью примитивныхъ орудій и часто также огня, принадлежитъ къ самымъ труднымъ работамъ и была одною изъ тѣхъ дѣятельностей, на которыхъ воспиталась выносливость и работоспособность человѣка. Главныя работы, необходимыя при устройствѣ челнока изъ одного ствола, кратко и вѣрно описываетъ ванъ-Гассельтъ въ статьѣ о народѣ нуфорезовъ, въ западной Нов. Гвиней. «Намѣченное для челнока дерево обжигается разведеннымъ у корня большимъ огнемъ, чтобъ оно легче упало. Затѣмъ, когда оно лежитъ еще въ дѣсу, его обтесываютъ въ формѣ челнока. Послѣ того его выжигаютъ или выугливаютъ внутри и обдѣлываютъ ножомъ и долотомъ. Когда окончена самая грубая работа, челнокъ ташатъ, съ пѣснями и шумомъ, къ берегу, гдѣ и отдѣлываютъ его окончательно». Наконецъ, челнокъ наполняютъ водой и

оставляютъ такъ на нѣсколько дней, а затѣмъ предѣлываютъ поперечныя доски и мачту и украшаютъ рѣзбой.

Простыя одноствольныя лодки, безъ особенныхъ снаряженій, очень распространены и употреблялись также въ сѣверной Европѣ повсемѣстно, какъ это показываютъ многочисленныя доисторическія находки. Всего дольше онѣ держались во внутреннихъ водахъ, какъ, напримѣръ, на озерахъ западной Пруссіи или на Шимскомъ оз., гдѣ послѣднія одноствольныя лодки служили моделью для цѣлыхъ поколѣній живописцевъ. И для слабо-развитаго африканскаго судоходства одноствольная лодка типична. Въ странѣ марутте, напримѣръ, Голубь нашелъ только такія челноки (см. прил. рис.); самыя большіе изъ нихъ имѣли $7\frac{1}{2}$ м. длины и 99 сант. ширины, а стѣнки—отъ 2 до 3 сант. толщины; флотъ, собравшійся въ Нов. Шешекѣ, состоялъ изъ 100—110 большихъ, 30 среднихъ и 60 маленькихъ лодокъ.

Лучшія африканскія одноствольныя лодки принадлежатъ, повидимому, племени Дуалла (въ Камерунѣ) и могутъ вмѣстѣ до 70 человѣкъ; онѣ шире другихъ, потому что верхнее отверстіе дерева, назначеннаго для лодки, дѣлаютъ довольно узкое, затѣмъ выдалбливаютъ дере-

Лодка и весла изъ Центральной Африки.

во и тогда выгибаютъ тонкія стѣнки. Но самыя, кажется, красивыя и удобныя для судоходства одноствольныя лодки дѣлаютъ изъ лѣсныхъ гигантовъ приближая сѣверо-западныя американцы, искусныя въ работѣ по дереву.

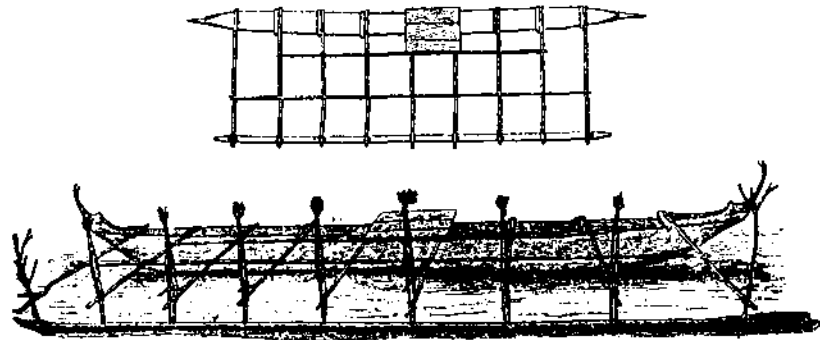
Одноствольная лодка имѣетъ тотъ большой недостатокъ, что она, по необходимости, очень узка и не имѣетъ нилы, поэтому легко опрокидывается, если сидящіе въ ней не поддерживаютъ ее въ равновѣсіи посредствомъ искуснаго балансированія и равномерныхъ ударовъ веслами. Было много попытокъ избѣжать этого неудобства, но всё онѣ, въ сущности, сводились къ тому, чтобъ узкую одноствольную лодку сдѣлать искусственно шире или увеличить нижнюю поверхность, соприкасающуюся съ водой. Прежде всего, можно, какъ мы упоминали о дуалла, готовую одноствольную лодку немного расширить распираніемъ боковыхъ стѣвъ; въ Гвианѣ, напримѣръ, или зажигаютъ огонь подъ опрокинутой лодкой, или наполняютъ пустоту сырмъ пескомъ, который мало-по-малу размягчаетъ и растягиваетъ стѣвы, или кладутъ лодку, на извѣстное время, въ текучую воду и растягиваютъ стороны поперечными бревнами. Глиняты выдалбли-

ваютъ дерево до двухъ третей объвата, наполняютъ затѣмъ пустоту водой, согрѣваемой раскаленными камнями, и опить-таки распираютъ стѣнки поперечными бревнами. Въ другихъ мѣстахъ умѣютъ дѣлать лодку шире посредствомъ приставныхъ кусковъ. Къ вышеупомянутымъ челнокамъ пуфрезовъ придѣлываютъ поперечныя палки, которыя выступаютъ направо и налево за край лодки, и такъ переплетены камышомъ, что образуютъ крылоподобныя приставки, мѣшающія лодкѣ опрокинуться. Чаше стараются помочь дѣлу тѣмъ, что ставятъ двѣ лодки рядомъ и крѣпко соединяютъ вмѣстѣ поперечными палками, на эти поперечныя палки можно тогда навалить товары и даже построить маленькую хижику. Подобной двойной лодкой была мнѣшеская «Арава», на которой будто бы приплыла часть полинезийскихъ переселенцевъ въ Нев. Зеландію; повидимому, вообще подобный видъ судовъ былъ самой древней и самой распространенной формой въ малайско-полинезийской области, но потомъ ее вытѣснила лодка съ боковымъ придаткомъ. При устьѣ Конго также въ употребленіи двойныя лодки; мнѣшескія преданія сѣверо-западной Америки даютъ возможность заключить о существованіи прежде такихъ лодокъ и тамъ.

Лодка съ боковымъ придаткомъ—типичное судно Океаніи—но всей вѣроятности, — усовершенствованная двойная лодка (см. рис. стр. 643). Въ ея простѣйшей формѣ, какъ, напримѣръ, у бонгу въ Нов. Гвиней, она состоитъ изъ одноствольной лодки и параллельно съ ней лежащаго придаточнаго бревна, которое соединено съ корпусомъ судна поперечными палками и не даетъ лодкѣ опрокидываться; однако, такія лодки съ парусами все же иногда опрокидываются. У большинства меланезійскихъ и океанійскихъ судовъ усовершенствованъ и самый корпусъ лодки: одноствольная лодка служитъ только килемъ, а надъ ней возвышаются боковыя доски; на Джильбертовыхъ островахъ, гдѣ нѣтъ подходящаго матеріала для одноствольныхъ лодокъ, умѣютъ даже строить суда цѣликомъ изъ досокъ. Въ меньшихъ лодкахъ, между прочимъ, на Цейлонѣ, сама лодка представляетъ единственное помѣщеніе, а на большихъ судахъ строятъ на поперечныхъ балкахъ, между лодкой и боковымъ придаткомъ, платформу, которая представляетъ достаточно мѣста для склада припасовъ, и часто даже на ней построена небольшая хижина для жилья. При всемъ томъ для постройки судна съ боковымъ придаткомъ требуется не мало искусства, такъ какъ форма лодки и придатка должны быть точно вычислены, чтобъ судно держалось прямого курса, а платформа и мачта должны быть на извѣстныхъ мѣстахъ для равномерной нагрузки. Важно также прирѣзание придатка, такъ какъ отъ него зависитъ безопасность судна. Въ Меланезіи имѣютъ обыкновеніе вбивать въ балку придатка накрестъ деревянные колья и къ нимъ

уже прилаживать поперечныя палки; обитатели остр. Джильберга, напротивъ того, поступаютъ, по свидѣтельству Финша, такимъ образомъ: они прирѣзываютъ поперечныя палки къ двумъ или тремъ отвѣснымъ вылообразнымъ кускамъ сука, а послѣдніе — опять-таки веревками къ придатку.

Прежде лодки съ придаткомъ были, вѣроятно, распространены по всему Индійскому и Тихому океану и представляли типичное судно малайской расы; въ настоящее время на островахъ Индійскаго океана вошли въ общее употребленіе большія суда, построенныя изъ планокъ, вѣроятно, восточно-азиатскаго и индійскаго образца; только единичные остатки, какъ, напримѣръ, лодки съ придатками прибреж-

Лодка съ придаткомъ изъ Нов. Британіи (Меланезія). Сверху—то же, смотри съ высоты.

ныхъ жителей Цейлона или сакалавовъ на Мадагаскарѣ показываютъ на прежнее значеніе этой удивительной формы судовъ. И въ Нов. Зеландіи лодки съ придаткомъ и двойныя лодки уже вышли изъ употребленія.

Судамъ, происшедшимъ изъ одноствольной лодки, противолежитъ группа лодокъ изъ коры и кожи, которыя въ своей простѣйшей формѣ изготовляются изъ одного куска. Обычный во внутренней Бразиліи способъ дѣлать лодку изъ коры ятоба (Нуменаеа) описалъ Карль фонъ-денъ Штейнцъ. «Вокругъ дерева, — пишетъ онъ, — ставятся подмостки изъ колыевъ; длинная прямоугольная полоса коры отдѣляется ударами топора и, осторожно спущенная на землю, кладется на низкія подставки; затѣмъ кора смягчается разведеннымъ снизу огнемъ и зажженными сверху прутьями и края боковыхъ стенокъ загибаются кверху. Спереди кора заостряется, а сзади прида-

вливается внутрь, так что образуется слегка вогнутая поперечная стѣнка съ острыми ребрами».

Гораздо искуснѣе изготовлены лодки изъ березовой коры у большинства индѣйскихъ племенъ, живущихъ въ Канадѣ и на сѣверѣ Соед. Штатовъ (см. прил. рис.); такъ какъ не всѣ онѣ построены по совершенно одинаковому способу, возьмемъ за образецъ лодку индѣйцевъ одшибва и меномини. Прежде всего, съ большихъ березъ отдѣляютъ по возможности длинныя полосы коры и крѣпко спиваютъ ихъ въ одинъ кусокъ длинными, тонкими корнями одной породы сосны. Величина куска соответствуетъ желаемой величинѣ лодки. Затѣмъ строятъ остовъ лодки изъ тонкихъ реекъ бѣлаго кедра, сгибая каждую отдѣльно дугообразно, подпираютъ сверху поперечной палкой и соединяютъ въ крѣпкій остовъ продольными палками. Тогда кусокъ коры кладутъ на землю, ставятъ на него остовъ и сгибаютъ кору со всѣхъ сторонъ кверху, послѣ чего ее удерживаютъ въ такомъ положеніи вбитыми въ землю кольями. Засимъ концы коры

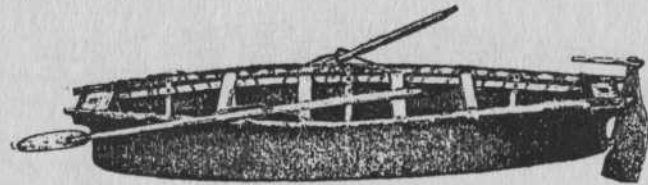
Челнокъ изъ березовой коры меневотъ-индѣйцевъ (Сѣв. Америки).

спиваются вмѣстѣ и остовъ также пришивается къ этой покрывкѣ. Дно судна, которое можно легко повредить, ступая на него, устилается тонкими досками. Эти лодки изъ коры такъ хорошо исполняютъ свое назначеніе во внутреннихъ водахъ, богатыхъ порогами и мелями, что и европейскіе поселенцы Канады часто охотно употребляютъ ихъ. У индѣйскихъ племенъ, живущихъ южнѣе, встрѣчаются, рядомъ съ такими лодками, и одноствольныя, которыя, наконецъ, совершенно ихъ вытѣсняють; проказы употребляли уже преимущественно деревянную лодку.

Очень схожъ съ лодками изъ коры и, очевидно, связанъ съ ними генетически одинъ видъ употребляемыхъ эскимосами судовъ изъ кожи—женскія лодки (уміакъ; см. рис. стр. 645); онѣ, впрочемъ, встрѣчаются въ очень похожей формѣ у сибирскихъ племенъ и, по крайней мѣрѣ, у западныхъ эскимосовъ, употребляются также мужчинами на охотѣ за китами или при болѣе далекихъ плаваніяхъ. Остовъ этихъ лодокъ (см. рис. 646) дѣлается изъ пловучаго лѣса и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ деревяннаго киля, отъ котораго идутъ боковыя ребра; они, въ свою очередь, очень искусно прикрѣпляются продольными планками и распираются поперечными палками.

Обтяжкой служитъ всего чаще кожа лахтака, а также моржа и бѣлаго медвѣдя. Для женской лодки обыкновенной величины, имѣющей около 30 футовъ длины и 5—6 ф. ширины, нужно бываетъ шесть тюленьихъ кожъ, которыя шиваются, обертываются снаружи вокругъ остова и прикрѣпляются къ внутреннему краю лодки. Зимой кожу снимаютъ и сохраняютъ въ домахъ.

Вѣроятно, уміакъ, какъ уже показываетъ его большая распространенность и сходство съ весельными лодками, есть болѣе древняя форма лодки, чѣмъ типичное судно эскимосовъ, замѣчательно приспособленный къ опасностямъ и условіямъ сѣвернаго океана,—каякъ. И каякъ—лодка изъ кожи, но онъ представляетъ почти вполнѣ замкнутое со всѣхъ сторонъ пустое пространство, такъ какъ маленькое отверстіе, назначенное для гребца, почти совсѣмъ закрывается его тѣломъ. Не вездѣ каяки имѣютъ одинаковую форму; многія лодки этого вида на Аляскѣ очень похожи на небольшіе уміаки, съ той разницей, что верхняя сторона лодки затянута кожей и имѣетъ только

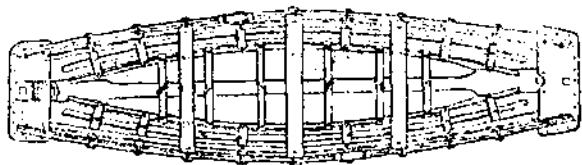

Уміакъ (женской лодки) эскимосовъ.

одну круглую дыру для гребца; но чаще встрѣчаются очень длинныя заостренныя на концахъ формы. Большая часть каяковъ назначены только для одного человека, но на западномъ берегу встрѣчаются каяки съ двумя и тремя дырами для сидѣнія. Остовомъ лодки служитъ также деревянный скелетъ; отдѣльныя ребра, числомъ обыкновенно болѣе сорока, согнуты въ формѣ U, отстоятъ другъ отъ друга всего на нѣсколько сантиметровъ и установлены на двухъ крѣпкихъ, продольныхъ бревнахъ, образующихъ въ то же время дно судна; другія продольныя бревна подпираютъ бока и палубу. Для обтяжки лодки употребляютъ и здѣсь шесть тюленьихъ шкуръ. Такъ какъ внутреннее пространство каяка занято тѣломъ сидящаго въ немъ, снаружи придѣланы пояса, къ которымъ привязываютъ нужныя хозяйственныя орудія, часто также стапокъ для гарпуна.

Лодки культурныхъ народовъ почти вездѣ дѣлаются изъ дерева. Переходъ отъ одноствольной лодки къ составной, какъ мы уже видѣли въ Микронезіи и Меланезіи, происходитъ такимъ образомъ, что одноствольная лодка служитъ нижней частью судна, и приставные борта изъ досокъ значительно поднимаютъ край. Дальнѣйшимъ

шагомъ на этомъ пути являются лодки племени ваганда, плавающие на оз. Виктория (въ Средней Африкѣ) и впервые болѣе подробно описанныя Кольманомъ (см. рис. стр. 647). И здѣсь выдолбленный стволъ— въ данномъ случаѣ дерево мвула, около 14 м. дл. и 60 сант. шир.— составляетъ нижнюю часть судна. Къ этому стволу, съ каждой стороны, приделана продольная доска или, вѣрнѣе (такъ какъ достаточно длинныхъ кусковъ не имѣется), нѣсколько досокъ, плотно связанныхъ вмѣстѣ и вытесанныхъ тоноромъ безъ помощи пилы. Къ нижнимъ доскамъ, соединеннымъ со стволомъ, также прикрѣпляется, съ каждой стороны, продольная доска; всѣ высота бортовъ доходитъ, въ серединѣ судна, приблизительно до 72 сант., такъ какъ нижняя доска имѣетъ 33, а верхняя 39 сант. шир. Стволъ утончается къ переднему концу и торчитъ, въ видѣ загнутаго клюва, далеко надъ настоящимъ корпусомъ судна. Всѣ части судна сшиты тонкими прутьями, для которыхъ буравитъ дырки посредствомъ раскаленнаго шила; деревянные и желѣзные гвозди не употребляются

Остовъ уміака эскимосовъ.

нигдѣ. Спереди и сзади, гдѣ сходятся боковыя доски, онѣ замыкаются треугольнымъ деревяннымъ брускомъ, идущимъ наискось вверху. Для уплотненія швовъ на нихъ накладываютъ деревянные поперечные прутья.

Къ одноствольнымъ лодкамъ съ приставными бортовыми досками принадлежали и громадные военные суда маори и таитингъ. Нижняя часть ствола была такъ стесана (что можно, впрочемъ, наблюдать и въ лодкахъ сѣверо-западной Америки), что представляла сама по себѣ нѣчто вродѣ кила; внутри настилали полъ изъ накрестъ положенныхъ планокъ. Поперечныя дощечки, служащія также сидѣльями, расширяли бортовыя доски въ ихъ верхнихъ краяхъ; это приспособленіе мы видимъ и въ лодкахъ ваганда. Существовало также большое, выгнутое, съ богатой рѣзбой, клювообразное удлиненіе, но оно не было, какъ, вѣроятно, въ древнія времена, узкимъ концомъ одноствола, а приставнымъ кускомъ, который приделывали уже не на носу, а на кормѣ. И даяки умѣютъ дѣлать изъ одноствольныхъ лодокъ болѣе просторныя суда прибавленіемъ боковыхъ досокъ (см. рис. стр. 648), и рядомъ съ этимъ умѣютъ строить лодки съ рѣвками килемъ изъ отдѣльныхъ планокъ. Доски

снабжаются рѣвками, плотно прилаживаются другъ къ другу и крѣпко связываются веревками изъ ротанга.

Насколько искусство судостроенія уже въ доисторическое время шагнуло впередъ у жителей сѣв. Европы сравнительно съ формами судовъ, построенныхъ на одномъ стволѣ, доказали различныя находки остатковъ судовъ. Не то, чтобы одноствольныя лодки вышли изъ употребленія, но тогда умѣли уже строить большія морскія суда изъ однихъ планокъ, придавая послѣднимъ самую подходящую для дѣла форму. Примѣромъ можетъ служить судно, принадлежавшее желѣзному вѣку и найденное въ 1859 г., въ болотѣ, на сз. отъ Флессбурга. Это судно, въ 77 ф. длины, а во срединѣ болѣе 10 ф. шир., построено изъ килевой планки и пяти дубовыхъ досокъ съ каждой стороны. Боковыя доски были соединены желѣзными гвоздями, а швы закончены шерстью и смолой. Планки не были впажены въ ребра, но имѣли выступы, сдѣланные на деревѣ, и

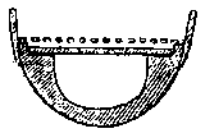
Лодка племени ваганда (Вост. Африка). А—В=14 м., Е—Т=13, 40 м. Д—четыре тяжести лодки, А—Е и С—Г деревянные бруски, замыкающіе боковыя доски.

привязаны, кромѣ того, веревками изъ лыка. Дно судна состояло изъ поперечныхъ бревенъ, подпертыхъ снизу вертикальными брусками и покрытыхъ плетеной рогожей.

Этотъ сѣверный типъ судна имѣетъ въ себѣ еще много первобытныхъ чертъ, но, въ сущности, не принадлежитъ уже къ простымъ формамъ, разслѣдованіе которыхъ составляетъ задачу исторіи первобытной культуры. Тѣмъ необходимѣе бросить еще одинъ взглядъ на средства и орудія, съ помощью которыхъ придають судну движенію и направленію или препятствуютъ нежелаемому движенію. Между прочимъ, слѣдуетъ упомянуть о черпакѣ, который долженъ считаться неизбѣжной принадлежностью несовершенныхъ судовъ и имѣетъ въ Меланезіи и Нов. Зеландіи часто очень нѣлесообразную и оригинальную форму.

Въ неглубокихъ водахъ достаточно шеста, чтобы толкать впередъ лодку, и, дѣйствительно, иногда прибрежные жители неглубокихъ озеръ и небольшихъ рѣкъ, напр., нѣкоторыя племена даяковъ на Борнео, обходятся этимъ простымъ орудіемъ; въ другихъ мѣстахъ она имѣетъ важное значеніе даже рядомъ съ веслами. Несмотря

на эти небольшие исключения, можно сказать, что всюду, где судоходство достигло известного развития, — употребление весел известно. Различают два рода этого орудия: длинное ударное весло культурных народов, которым гребцы, сидящие спиной к носу, управляют так, что рукоятка весла лежит на краю лодки и, обыкновенно, придерживается выступом или кольцом; и короткое весло или паделль большинства первобытных народов — инструмент с короткой, смотря по обстоятельствам, палкой, управляемой обеими руками гребцом, стоящим лицом вперед, на ногах, на коротышках или сидящим, причем весло не касается края лодки. Обыкновенно, паделль вырубывается из одного куска дерева; только в исключительных случаях рукоятка и лопасть составляют отдельные куски, как, напр., у весел прибрежных жителей африканской области Отомага или у жителей остр. Джильберта, которые прежде иногда употребляли на весельную лопасть броню черепахи. Формы лопастей бывают очень различны даже в смежных областях, как мы видим из указания Лехоуэля Лене о веслах за-

Разрѣзъ лодки дая-ковъ (Борнео).

надно африканских береговых жителей. Плоткомъ простого паделля можно считать двойное весло эскимосовъ, употребляемое ими при плаваніи въ каякъ. Большимъ шагомъ впередъ можно считать начало примѣненія силы вѣтра для движенія судна впередъ. Изобрѣтеніе паруса, повидимому, во многихъ мѣстахъ совершилось самостоятельно, но оно распространено вовсе не повсюду и часто со страшными пробѣлами. Такъ, напримѣръ, его нѣтъ въ Нов. Ирландіи, хотя вообще въ Меланезіи и Полинезій онъ извѣстенъ всюду, и навѣрно, былъ главной причиною тому, что малайо-полинезийская раса могла распространиться по безграничной области острововъ Великаго Океана. Океанскія суда снабжены, впрочемъ, очень простымъ паруснымъ приспособленіемъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ описанія Финнемъ судовъ жителей остр. Джильберта. «Мачта, — пишетъ онъ, — связанная иногда, за неимѣніемъ дерева, изъ двухъ трехъ кусковъ, вставляется посреди лодки въ ступицу. Другая ступица находится въ концѣ лодки и служитъ для вставленія древа паруса, который, кромѣ того, натягивается еще вторымъ древкомъ. Парусъ здѣсь такъ называемый латинскій, т. е. трехсторонній, и сдѣланъ изъ грубого рогожиаго плетенья листьевъ пацдануса. Канатъ для подбиранія паруса протянуть въ дырку ниже конца мачты». На лодкѣ въ 7 м. длины мачта достигала $4\frac{1}{2}$ м. высоты.

Совершенно также построены суда жителей Маршалскихъ острововъ, о которыхъ также сообщаетъ Финнигъ: «Что касается способ-

ности лодокъ (канусовъ) идти подъ парусами, описанія очень преувеличены. Вообще можно сказать, что онѣ такъ же быстро идутъ на парусахъ по вѣтру, какъ и европейскія, и гораздо ближе поспѣваютъ къ вѣтру. Четыре, самое большое шесть морскихъ миль въ часъ могутъ пройти такія лодки. Мачта не укрѣплена, но вставляется въ углубленіе съ подвѣтренной стороны спереди или сзади. Парусъ имѣетъ форму такъ называемаго латинскаго и не можетъ быть взятъ на рифы. При поворотѣ парусъ опускаютъ и мачту переносятъ и вставляютъ на другомъ концѣ лодки. Эта процедура беретъ довольно много времени и не всегда вѣчается желаннымъ успѣхомъ». Между тѣмъ какъ въ западной Океаніи парусъ обыкновенно имѣетъ двѣ реи, собственно въ Полинезій довольствуются одной реей. Въ Меланезіи, въ особенности у береговъ Нов. Гвиней, форма рогожиаго паруса чрезвычайно разнообразна: рядомъ съ трехугольнымъ и прямоугольнымъ встрѣчается продолговатый, овальный и даже такой, который своимъ контуромъ напоминаетъ клеши омара. Новозеландскіе паруса, плетеные изъ листьевъ рауно, напротивъ того, всегда были трехугольными и, подобно восточно-океанійскимъ, прикрѣплялись такъ, что одна сторона трехугольника привязывалась къ мачтѣ, а другая держалась реей, конецъ же трехугольника находился у основанія мачты; все вмѣстѣ держали канаты изъ льна. Восточно-азиатскій парусъ, встрѣчающійся также въ Индонезіи, имѣетъ четыре угла и двѣ реи, верхнюю и нижнюю.

Объ управленіи первобытныхъ судовъ немного можно сказать. Въ меньшихъ лодкахъ обыкновенно совершенно нѣтъ никакого къ тому приспособленія, въ большихъ оно совершается рулемъ, которымъ управляетъ человекъ, стоящій на кормѣ судна. Въ вост. Нов. Гвиней этотъ руль на большихъ судахъ крѣпче и тяжелѣе другихъ, къ концу затупленъ и прикрѣпленъ петлей.

Наконецъ, нужно еще упомянуть о якорѣ, который имѣется въ малайо-полинезийской области древнѣйшаго судоходства. Онъ состоитъ здѣсь изъ тяжелаго камня, обвязаннаго веревками и спускаемаго на дно моря на длинномъ канатѣ. Маори имѣли всегда на концѣ своихъ судовъ такой камешный якорь, но употребляютъ также корзины, плетенныя изъ льна и наполненныя камнями.

То, что еще находится на судахъ первобытныхъ народовъ, лишь косвенно принадлежитъ сюда. Можно назвать очаги, камешныя плиты или большіе горшки, на которыхъ и въ которыхъ поддерживаютъ огонь для варки, нагроможденные припасы и маленькіе домики для сна на платформахъ полинезийскихъ лодокъ съ придаткомъ, барабаны и трубы изъ раковинъ, которые, въ особенности у жителей Маршалскихъ острововъ, всегда находятся на суднѣ отчасти съ цѣлью по почамъ держать суда вмѣстѣ. Наконецъ, не слѣдуетъ за-

бывать рѣзныхъ работъ, которыя украшены яловы и др. части судовъ, иногда представляя запутанную и странную рѣзбу (см. прил. рис.); эта рѣзба не только есть фантазія художника: изъ нея на насъ смотрятъ изображенія предковъ или мистическихъ зѣрей и возвѣщаютъ намъ, что высшія силы охраняютъ шаткое суденышко, когда оно осмѣливается пуститься по обманчивымъ волнамъ моря.

Если мы еще разъ окинемъ взглядомъ отношеніе человѣчества къ водамъ и, прежде всего, къ морю, соединяющему народы, тогда станутъ ясны различія, не вытекающія непосредственно изъ естественныхъ положеній, но возвращающія назадъ къ болѣе глубокимъ основнымъ настроеніямъ характера, которыя, конечно, могутъ быть все же результатомъ естественныхъ условій и отъ нихъ зависящаго выбора. Удивительно часто мы видимъ, что именно древніе культурные народы мало вѣрятъ морскімъ сновеніямъ или поддерживаютъ

Рѣзной носъ судна съ модели лодки изъ Камеруна.

ихъ лишь временно; это можно сказать какъ объ египтянахъ, такъ и о вавилонянахъ, индѣйцахъ или китайцахъ; все они представляютъ рѣшительную противоположность грекамъ и финикійцамъ, имѣвшимъ большую склонность къ путешествіямъ и торговлѣ. Въ такихъ случаяхъ загадка, пожалуй, разрѣшается самоудовлетвореніемъ древнихъ, гармонически-установившихся культуръ. Но почему на западномъ берегу Скандинавіи развивается цѣлое поколѣніе смѣлыхъ мореплавателей, а совершенно такой же западный берегъ Шотландіи никогда не имѣлъ въ этомъ смыслѣ никакого значенія? И какъ возникла страсть къ мореплаванію и къ путешествіямъ въ сердцахъ малайно-полинезійцевъ, которые развивались почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ неподвижными мезанезійцами и негритами? Мы тутъ имѣемъ опять передъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда таинственно возникающія силы ума и характера явно выступаютъ впередъ и опредѣляютъ ходъ исторіи человѣчества.

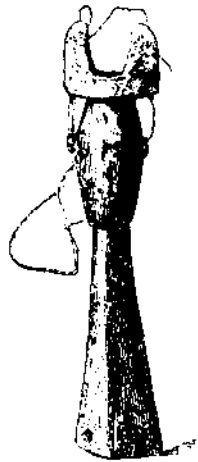
V. Духовная культура.

I. Языкъ.

Между матеріальной и духовной областями культуры нѣтъ прочной преграды. Чѣмъ легче кажется, на первый взглядъ, отличить, отъ свободной игры мыслей, осязаемых, подчиненныхъ законамъ материалистическаго міра имущества, которыя челоѣкъ нагромождаетъ вокругъ себя, тѣмъ труднѣе, даже невозможно становится это при болѣе близкомъ разсмотрѣніи: матеріальное въ вещахъ, которыя челоѣческая рука придаетъ форму, представляется почти безразличнымъ по сравненію съ умственной дѣятельностью, руководящей рукою при ея успѣхѣ; а духовная жизнь, столь, повидному, свободная, замѣстуетъ, съ своей стороны, большую часть своей силы и опредѣленности и вообще свою способность яснаго мышленія у предметовъ реального міра, надъ которыми она упражняется и образуется и изъ которыхъ первоначально получаютъ свои понятія, даже самыя отвѣченныя. Великая новая форма переработаннаго челоѣкомъ вещественнаго предмета указываетъ, въ то же время, на прогрессъ духа; всякая новая идея вызываетъ въ какой-нибудь области новыя формы.

Всего яснѣе показываетъ это языкъ. Опъ, нѣкоторымъ образомъ, стоитъ между матеріальной и духовной культурой и именно потому такъ вѣненъ для болѣе глубокаго разумѣнія обихъ, что въ его матеріальной части, съ ея отстающими звуковыми волнами, такъ ясно видно превосходство и реальность духовной жизни; при этомъ онъ опять-таки указываетъ, какъ растетъ и образуется духовное начало именно въ матеріальномъ и выстѣ съ нимъ. Вопросъ о томъ, созданы ли умъ воплію отъ себя языкъ, или онъ скорѣе самъ, лишь при постепенномъ образованіи языка, сталъ способнымъ къ высшимъ формамъ мышленія, — этотъ вопросъ уже основательно изученъ, и можно утверждать, что вторая возможность теперь признается всюду, какъ единственно допустимая. Гердеръ, которому, правда, языкъ представлялся еще удивительнымъ, божественнымъ даромъ, первый высказалъ, что языкъ и разсудительность — одно и то же, какъ только

мы начинаемъ складно мыслить, мы уже не навязываемъ образовъ, но пользуемся языкомъ, какъ бы въ нёмомъ разговорѣ съ самимъ собою. Только языкъ дѣлаетъ насъ способными возвыситься отъ мнѣнія конкретными образами къ отвѣщеннымъ понятіямъ. Такъ какъ языкъ не можетъ быть исключенъ изъ общей эволюціи, такъ какъ онъ не упалъ съ неба, но долженъ былъ постепенно развиться изъ слабыхъ зародковъ—его исторія есть также часть исторіи человѣческой мысли; правда, только часть, потому, что не исключительно одинъ языкъ помогаетъ формировать и расширять духъ, но и всякая культурная дѣятельность вообще. Штейнгалю принадлежатъ заслуга

Сигнальный сигналъ бали (Каме-ручи).

въ первый разъ ясное сознаніе, что доисторическія находки очень важны для исторіи мысли, а слѣдовательно, косвенно, также и для языка. Если же языкъ составляетъ часть общей культурной области, онъ подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и она: онъ живетъ съ каждымъ и въ каждомъ живущемъ, но онъ въ то же время часть тѣла и духа вѣчнаго общественного организма и не связанъ со скоротечной жизнью отдѣльной личности.

Еще болѣе, чѣмъ всякое другое культурное владѣніе, языкъ есть продуктъ общежитія. Разговоръ съ другими людьми существовалъ раньше, чѣмъ мышленіе словами, да, въ сущности, всякое мышленіе есть общественное дѣланіе; и одинокій философъ, старающійся себѣ разъяснить загадку бытія, говорить со слушателями, которые услышатъ его, положимъ, только въ будущемъ, быть можетъ, черезъ столѣтія послѣ его смерти; или онъ, въ другомъ смыслѣ, въ одно время и слушатель, и наставникъ. Если бы человѣкъ былъ существомъ не-людскимъ, онъ не обладалъ бы языкомъ или только скудными его задатками.

Поэтому, если общественное общежитіе составляетъ первоначальное условіе всякаго разговора, съ другой стороны, менѣе существенно то обстоятельство, что мы понимаемъ другъ друга въ звукахъ и именно въ такихъ, которые издаемъ съ помощью гортани и рта. Звуковой разговоръ мыслимъ уже и тогда, если онъ производится какими-нибудь искусственными снарядами: барабанный языкъ нѣкоторыхъ африканскихъ и южно-американскихъ племенъ образовался, правда, по образцу человѣческаго языка, какъ мы увидимъ ниже, но онъ могъ бы прекрасно развиться и самостоятельно. Склонность къ «разговору свистомъ», который произошелъ изъ сигналовъ свистками (см. прил. рис.), также встрѣчается въ Африкѣ.

Далѣе, и другія чувства служатъ для воспріятія сообщенія. Положимъ, объ «языкѣ осязанія» не можетъ быть много рѣчи, потому что другія средства пониманія гораздо предпочтительнѣе; но все же, напримеръ, арабскіе купцы, которые не желаютъ внимательства зрителей въ свои дѣла, охотно сообщаются между собою посредствомъ пожатія рукъ, которыми обмѣниваются подъ своими плащами; а люди, страдающіе въ одно время и слѣпотой, и глухотой, какъ извѣстный поэтъ Геронимъ, всегда пользовались этимъ средствомъ. Обоняніе и вкусъ, на разныхъ основаніяхъ, всего менѣе годятся быть медіумами для сообщенія, по крайней мѣрѣ, у людей.

Настоящую борьбу за существованіе, не прекратившуюся еще до сихъ поръ, вели со звуковымъ языкомъ языки жестовъ, пользующіеся чувствами зрѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что сообщеніе жестами гораздо болѣе общо и разнообразно у дикарей, чѣмъ у насъ, и дѣло идетъ вовсе не только о какомъ-нибудь образномъ языкѣ, который бы шелъ параллельно съ звуковымъ подражаніемъ словесному языку, но о болѣе развитыхъ формахъ, которыя, правда, возвращаютъ насъ назадъ къ образнымъ представленіямъ. Можно говорить о «корняхъ» языка жестовъ, которые имѣютъ разное значеніе, смотря по своей связи. Такъ, у туземцевъ восточной Австраліи знакъ для изображенія бумеранга означаетъ не только это оружіе, но, смотря по связи, также и «бросить бумерангъ», «побѣдить бумерангомъ», «сдѣлать бумерангъ», «купить бумерангъ», и т. д. И въ другихъ отношеніяхъ можно замѣтить нѣкоторый прогрессъ мысли въ языкѣ австралийцевъ; есть знаки, означающіе «птица» вообще, а другіе—различные виды птицъ, далѣе—знаки для понятій «неудовольствіе», «болѣзнь», «забычивость», «хорошо» и «дурно», наконецъ, и для различныхъ степеней родства, которыя такъ важны для австралийцевъ. Слѣдовательно, очень возможно съ помощью этого языка вести цѣлый разговоръ, а также положительно мыслимъ и шагъ впередъ отъ конкретныхъ представленій къ абстрактнымъ.

Рядомъ съ этимъ представляется почти случайно, что словесный языкъ доведенъ человѣкомъ до высшаго совершенства; но, въ дѣйствительности, преимущества словеснаго языка надъ языкомъ жестовъ рѣшили борьбу за существованіе въ пользу перваго. Главное преимущество словеснаго языка состоитъ въ томъ, что онъ можетъ употребляться на большемъ разстояніи, въ особености же въ темнотѣ или если между говорящими находятся непрозрачные предметы; языкъ жестовъ имѣетъ преимущество въ тѣхъ случаяхъ, если разговоръ не до жель привлекать посторонняго вниманія, слѣдовательно, очень удобенъ для охотничьихъ племенъ и поэтому у нихъ держится вѣдо крѣпче и развивается (см. рис. стр. 654), но этого свойства недостаточно, чтобъ побѣда осталась за нимъ надолго. Можно, пожалуй,

еще прибавить, что человек имѣетъ естественную склонность къ словесному языку и поэтому уже склоненъ совершенствоваться въ этомъ направленіи. Эта склонность можетъ, сама по себѣ, какъ старался доказать Галль, основываться на очень незначительныхъ тѣлесныхъ особенностяхъ: есть же животныя близко родственныя между собою, но разию одаренныя голосомъ и обладающія очень неравнымъ талантомъ словоподражанія; нѣкоторыя породы попугаевъ никогда не могутъ научиться повторять слова, другія къ этому необыкновенно

Сигналъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ:
„Кто вы?“ Отвѣтъ: „Пани.“

способны. Обезьяны, даже самыя близкія къ человеку, безусловно болѣе способны къ языку жестовъ, чѣмъ къ словесному языку.

Съ другой стороны, было указано, что способность и склонность къ произношенію словъ находятся у человека въ связи съ другими приобретенными имъ свойствами—съ его вертикальнымъ положеніемъ, съ развитіемъ подбородка и т. д. Вильгельмъ Гумбольдтъ первый призналъ эту связь, но, подъ влияніемъ возрѣтій своего времени, не могъ ясно представить ее въ смыслѣ историческаго развитія.

«Для словесныхъ звуковъ, — говоритъ онъ, — очень удобно вертикальное положеніе человека, котораго лишены животныя; этимъ положеніемъ они какъ бы выносятся вверхъ, потому что рѣчь не хочетъ глухо затихнуть у земли, она требуетъ быть свободно излита устами къ тому, къ кому обращена, сопровождается выраженіемъ взгляда и лица, также какъ и жестами рукъ, и такимъ образомъ окружить себя сразу всѣмъ, что человека дѣлаетъ человекомъ».

Если мы взвесимъ, что рядъ меньшихъ обстоятельствъ и преимуществъ обусловилъ высокое развитіе словеснаго языка, и что, рядомъ съ нимъ, мѣстами существуетъ и языкъ жестовъ, почти одинаковый по цѣнности съ первобытными словесными языками, — мы

можемъ изъ этого вывести важное поученіе, которое въ вопросѣ объ источникахъ языка никогда не должно быть забыто. Очевидно, слова вызываютъ, главнымъ образомъ, неудобное положеніе тѣла для словеснаго общенія, но болѣе глубокое побужденіе, существующее въ человѣкѣ. Будь человекъ пѣмъ, это побужденіе толкнуло бы его на другіе способы объясненія, и съ помощью этихъ способовъ онъ, вѣроятно, точно также достигъ бы, въ концѣ концовъ, способности къ абстрактному мышленію. Но съ этимъ побужденіемъ, лежащимъ въ основаніи всѣхъ словесныхъ попытокъ, мы уже познакомились при изслѣдованіи уланствъ; то, что тамъ вызываетъ пѣмой, но вполне понятный языкъ, даетъ толчокъ и образованію словеснаго языка; рачица только въ томъ, что здѣсь возможно совершенно другое, болѣе обширное развитіе «Языкъ, — говоритъ въ этомъ смыслѣ Вундтъ, — имѣетъ своимъ первоначальнымъ источникомъ непреодолимое побужденіе человека выразить свои предгавленія и ощущенія». Это побужденіе есть, безъ сомнѣнія, одно изъ важнѣйшихъ сопровождающихъ явленій общественной жизни.

Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи языка представляется такъ: какъ вырабатывается, подъ влияніемъ общественныхъ побужденій, изъ грубыхъ природныхъ звуковъ правильный, членораздѣльный языкъ? Есть два главныхъ пути, по которымъ можно приблизиться къ рѣшенію задачи. Или нужно изслѣдовать зачатки языка у животныхъ, природные звуки у человека, словесныя попытки у дѣтей и новообразованія, возникающія еще и до сихъ поръ; другими словами, стараться наблюдать самыя зародыши словеснаго языка или подвергнуть существующіе языки критическому изслѣдованію, отдѣлить существенное отъ несущественнаго и дойги, такимъ образомъ, до коренныхъ составныхъ частей, изъ которыхъ построенъ языкъ. Если идти правильно по обоимъ путямъ, они должны, наконецъ, сойтись въ одномъ пунктѣ, чѣмъ была бы сдѣлана и повѣрка задачи. Но именно этого и нѣтъ: бездна, лежащая между живыми зародышами языка и корнями, полученными отъ разсѣченія языковъ слишкомъ еще широка, чтобы такъ просто добиться ихъ связи. Дѣйствительно, изслѣдованія въ этой области еще далеко не пришли къ удовлетворительному концу, хотя уже громадное количество умственной работы положено на эту проблему. Посмотримъ и мы, какъ далеко можно дойти по этимъ двумъ путямъ.

Кто предприметъ изслѣдованіе началъ языка звуковъ у животныхъ и захочетъ опредѣлить зародыши, изъ котораго, всего вѣроятно, развился языкъ мыслей человека, скоро увидитъ передъ собой неожиданная затрудненія и будетъ принужденъ къ болѣе точному анализу «языка животныхъ». Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что многія животныя умѣютъ издавать звуки безъ помощи гортани, ко-

которые можно назвать призывными звуками или выражением побуждения к игре; такъ, дятель ударяет для этого клювомъ по сухимъ сучьямъ, вызывая въ нихъ гудящій звукъ, а другія птицы издають звуки хлопаньемъ крыльевъ. Но вообще звуки, издаваемые животными, раздѣляются, сообразно ихъ смыслу, на различныя группы, какъ доказываетъ слѣдующая, далеко не полная попытка систематическаго распредѣленія:

I. Невольно издаваемые звуки, какъ-то: 1) рефлексивные звуки, вызываемые виѣшнимъ толчкомъ (радостное или неурядное удивленіе), и 2) сопровождающіе звуки, которые происходятъ безъ сознательнаго намеренія при движеніяхъ, при выраженіяхъ какого-нибудь побужденія, при извѣстныхъ настроеніяхъ, какъ изліаніе страха или довольства.

II. Произвольно издаваемые звуки, какъ-то: 1) призывные, въ видѣ призыва къ парванію, звуки для привлеченія, предостереженія, призывъ на помощь, угрожающіе и призывъ къ сбору, 2) звуки игры и 3) стайный шумъ.

Это требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Прежде всего, опытъ учитъ, что рефлексивные и сопровождающіе звуки могутъ быть также произвольнымъ подражаніемъ, такъ что въ нихъ, можетъ быть, нужно искать первоначальнаго корня всѣхъ звуковыхъ языковъ; намеренно издаваемый крикъ ужаса ставится легко предостерегательнымъ крикомъ, крикъ радости—крикомъ привлеченія. Въдъ и въ сношеніяхъ людей употребляются, какъ средства пониманія, самыя примитивныя звуки, которые происходятъ первоначально совершенно несомѣренно; напр., покашливаніе и отхаркиваніе, которыя часто ясно выражаютъ предостереженіе, требованіе и т. под.; у кафровъ и сомаловъ, на примѣръ, твердо установленъ обычай, чтобъ гость заявлялъ о своемъ приходѣ хозяину громкимъ кашлемъ.

Между произвольно-издаваемыми звуками различныя крики общезвѣстны, по выраженію — «звуки игры» и «стайный шумъ» требуютъ объясненія. Звуки игры происходятъ всегда изъ другихъ звуковъ: изъ рефлексивныхъ, сопровождающихъ и призывовъ; но они удалились отъ своей первоначальной своеобразности и цѣли и служатъ побужденію выразить свои чувства и выставить себя или желанію истратить накопившуюся энергію въ игру; они могутъ быть простымъ подражаніемъ другимъ звукамъ, на примѣръ, молодая собака, во время игры, издають угрожающее ворчаніе, вовсе не желая угрожать, или птица-пересмѣшникъ передразниваетъ крики другихъ птицъ, а полугаи даже слова человѣка; иногда развиваются искусственныя формы, какъ изъ призыва къ парванію птицъ — гармоническое пѣніе, которое затигиваютъ пѣвцы для развлеченія сидящей на явцахъ самки или для собственнаго удовольствія безъ вси-

кой практической цѣли. Это развитіе зачатковъ языка играми не можетъ не имѣть значенія для происхожденія человѣческой рѣчи.

Словами «стайный шумъ» можно, наконецъ, назвать всѣ звуки, издаваемые многими животными, какъ нѣкоторое выраженіе довольства отъ нахожденія вмѣстѣ; слѣдовательно, они, повидимому, происходятъ изъ сопровождающихъ звуковъ. Можно при этомъ напомнить объ общемъ крикѣ обезьянъ-ревуновъ, но прежде всего объ оглушительномъ часто шумѣ, который производятъ многія породы птицъ, когда онѣ находятся вмѣстѣ; всего легче это наблюдать у воронъ и галокъ, но и воробей, прежде чѣмъ усядется на покой со своими товарищами подъ защиту какого-нибудь куста, поднимаетъ каждый вечеръ раздрающій уши крикъ. Этотъ крикъ, очевидно, служитъ выраженіемъ сознанія дружескаго общенія. Всякому стайному шуму свойственно выражать и укрѣплять общее настроеніе, и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ важное средство тѣсной общности. Поэтому, онъ свойственъ только животнымъ, живущимъ стаями; «рыбы, издающія звуки», принадлежатъ, по мнѣнію Эспинаса, также къ этой группѣ и, повидимому, издаваемые ими звуки имѣютъ общественное значеніе.

Итакъ, существуютъ многочисленные зародыши, которые, каждый отдѣльно или нѣсколько вмѣстѣ, могутъ быть приняты въ соображеніе, какъ начала языка; и дѣйствительно, почти всѣхъ ихъ старались притянуть для разъясненія: по мнѣнію однихъ изслѣдователей, языкъ произошелъ изъ рефлексивныхъ звуковъ, по мнѣнію другихъ—изъ призывовъ; наконецъ, по мнѣнію третьихъ—изъ игры подражанія звукамъ животныхъ и другимъ звукамъ. Всего чаще принимали во вниманіе сопровождающіе звуки и стайный шумъ, вѣроятно, потому, что фактически или видимо они мало проявляются въ языкѣ и вообще въ способѣ изъясненія культурныхъ народовъ. Но можно ли такъ прямо признать законной эту причину пренебреженія? Нельзя ли было бы, наоборотъ, предположить, что главный корень языка образовался именно изъ этихъ группъ, и послѣднія стали именно потому излишныя и исчезли, что онѣ развились дальше? Это соображеніе тѣмъ болѣе напрашивается, что всѣ попытки выдѣлать языкъ изъ другихъ первоначальныхъ формъ звуковыхъ общеній не имѣли успѣха и не хотѣтъ согласоваться съ выводами анатоміи слова, т. е. со вторымъ изъ упомянутыхъ методовъ изслѣдованія.

Мало вѣроятно, чтобъ междометія, т. е. рефлексивные звуки и изъ нихъ образовавшіеся призывы могли считаться началами членораздѣльнаго языка, какъ то утверждаетъ Кондильякъ и за нимъ нѣкоторые филологи. Мы находимъ, правда, что многія восклицанія, употребительныя теперь, родственны членораздѣльнымъ словамъ, во

въ этомъ случаѣ не корни языка, способные развиться, произошли изъ междометій, а послѣднія—изъ усѣченныхъ словъ: *lemine* изъ *lesus domine*, французское *hélas* изъ слова *las*—усталый, несчастный; англійское *zounds* изъ клятвы, означающей «клянусь ранами Бога». Тамъ, гдѣ въ видѣ исключенія корни словъ образуются изъ междометій, обыкновенно есть игра звукоподражанія, какъ, напримеръ, изъ «*ach*» образовалось слово «*achsen*» (стонать); вообще же междометія являются неизмѣняемыми первоначальными звуками, которые, въ крайнемъ случаѣ, получаютъ болѣе широкій смыслъ и содержаніе вслѣдствіе развивающагося языка, но сами не развиваются дальше въ междометіи мыслительной жизни. Они находятъ и остаются въ области чистыхъ ощущений. Но эти самыя разрушаются и всѣ теоріи, которыя, въ сущности, вытекаютъ изъ вышеупомянутой и считаютъ первымъ дѣйствіемъ созданія языка названія людей и предметовъ по рефлексивнымъ звукамъ, ими издаваемымъ, или по звукамъ, которые вырываются при первомъ взглядѣ на нихъ.

Вторая группа попытокъ разъясненія, родственная первой, иронически названная Максъ Мюллеромъ теоріей *au-vaу*, ищетъ корней эволюціи языка въ сознательномъ звукоподражаніи. Для множества живыхъ существъ, вещей и событій характеристичны звуки, которые стоятъ лишь человеку наглядно воспроизвести утомъ, чтобъ быть понятымъ своими товарищами, въ особенности, если его старанія поддѣрпываются оживленнымъ языкомъ жестовъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь найденъ источникъ созданія языка, хотя источникъ побочный, но такой, который течетъ еще въ наши дни и создаетъ новыя формы; нѣмецкій языкъ имѣетъ цѣлый рядъ словъ очевидно звукоподражательныхъ, которыя, повидимому, не стараго происхожденія, какъ—*Knistern* (трещать), *knarren* (скрипѣть), *quietschen* (чирикать), *quieken* (пищать) и т. д., и еще въ настоящее время образуются новыя слова этого рода, изъ которыхъ большинство, конечно, опять исчезаетъ, но нѣкоторыя продолжаютъ жить. Но звукоподражательныя слова принадлежатъ въ своихъ зачаткахъ къ группѣ звуковъ игръ; характеристично, что они встрѣчаются всего чаще въ языкѣ нянюкъ, создавшемся полупутливо (*au-vaу*, *кикирики*, *бумъ-бумъ*). Однако, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда заброшенная или особенно одаренная словомъ дѣти образовали свой собственный языкъ, видно, что звукоподражательныя слова отступаютъ передъ другими, трудно здѣсь объяснимыми формами.

Такъ какъ теорія звукоподражанія не удовлетворяетъ требованіямъ въ этой формѣ уже по той простой причинѣ, что громадное количество вещей и понятій не характеризуется звуками, К. В. Людвигъ Гейзе развилъ ее очень оригинально и остроумно. Сущность его мнѣнія заключается въ томъ, что всякому внѣшнему впечатлѣ-

нію, полученному даже съ помощью зрѣнія, соответствуетъ звуковое представленіе, какъ, наоборотъ, у впечатлительныхъ людей, при извѣстныхъ звукахъ, является и совершенно определенное цвѣтовое представленіе. Возможно, что эта глубокая и красивая теорія, если ее усвоить правильно и въ полной мѣрѣ, дѣйствительно немного снимаетъ покровъ, лежащій на образованіи корней словъ, но крайней мѣрѣ, настолько, насколько принимается во вниманіе форма корней; также очень возможно, что у дикарей, какъ теперь у дѣтей, чувство родства между зрительными и звуковыми образами живѣе, чѣмъ у взрослыхъ особей культурныхъ народовъ, которые пошли по другому пути, вслѣдствіе употребленія богатаго мысленнаго языка. Можно видѣть ежедневно, что дѣти обозначаютъ вещи и людей придуманными ими самими именами, безъ видимаго внѣшняго вліянія.

Теорія Гейзе годится, быть можетъ, для выясненія образованія корней словъ, развѣ данъ уже толчокъ для ея возникновенія, но, въ лучшемъ случаѣ, она рѣшаетъ только часть загадки. Чтобъ сдѣлать еще шагъ впередъ, мы должны обратить наше вниманіе на осталь-

Эскимы въ лодкахъ, дающіе сигналы о китахъ.

ныя формы звуковъ, издаваемыхъ животными, и первобытныхъ звуковъ: если междометія сохраняютъ свою прежнюю неподвижность, а звуки игръ лишь отчасти только способствовали образованію настоящего языка, что дѣлается съ сопровождающими звуками и ихъ отрывкомъ—сгайнымъ шумомъ? Исчезаютъ ли они совершенно съ ходомъ культуры или именно изъ нихъ вырастаетъ языкъ, какъ средство общаго взаимопониманія? Тогда ихъ основныя свойства должны были бы еще находиться въ самой сути современнаго языка. Присмотримся же, наконецъ, безпристрастно къ языку.

Повидимому, языкъ служитъ лишь цѣли сознательной передачи. Когда я говорю, я это дѣлаю для того, чтобъ получить что-нибудь отъ другого, чтобъ его спросить, ему нѣчто сказать, что онъ, по моему мнѣнію, хочетъ знать, короче,—я пользуюсь языкомъ, какъ орудіемъ цѣлесообразной дѣятельности; слѣдовательно, я долженъ былъ бы, если не имѣю ничего особеннаго сообщить, спросить или пожелать попросту молчать. Кузнецъ, ударяющій молотомъ, чтобъ придать форму куску жѣлѣза, не станетъ, по окончаніи работы, еще цѣлыми часами безцѣльно колотить по наковальнѣ; ткачъ не пуститъ въ движеніе ткацкаго станка, если ему нечего ткать. Сигналы и знаки языка жестовъ (см. прил. рис.), дѣйствительно, болѣею частью употребляются только для определенныхъ цѣлей. Но поль-

звучит ли мы языкомъ звуковъ въ этомъ смыслѣ, только какъ простымъ орудіемъ, которое мы откладываемъ, когда оно исполнило свою практическую цѣль? Нисколько! Если бы хотѣли и могли собрать статистическія свѣдѣнія о томъ, сколько говорится въ продолженіе дня въ какой-нибудь странѣ или городѣ, выяснился бы удивительный фактъ, что количество дѣйствительно или мѣтко излишняго говоренія страшно преобладаетъ. Чего ни говорить, чтобъ только говорить! Знаменитые разговоры о погодѣ, въ которыхъ одинъ общается другому въ высшей степени интересное свѣдѣніе, что сегодня идетъ дождь, — служатъ образцовымъ примѣромъ этой пустой болтовни. Даже, повидимому, очень богатый мыслями разговоръ объ искусствѣ, литературѣ и т. д. имѣетъ часто цѣлью только наполнить общественную пустоту, безъ присутствія у говоряшаго и слушателя живого влеченія къ сообщенію или поученію.

У дикарей это видно еще яснѣе: до глубокой ночи длится въ деревняхъ южно-американскихъ индѣйцевъ или негровъ веселая болтовня, умственное содержаніе и польза которой можетъ быть ограничена въ достаточной мѣрѣ нѣсколькими короткими фразами. Тутъ должно дѣйствовать нѣчто, что съ избыткомъ перевѣшиваетъ трудъ говорить; разговоромъ должно достигаться нѣчто, что имѣетъ высокую цѣну и доставляетъ чувство внутренняго удовлетворенія. И дѣйствительно, оно такъ: разговоръ служитъ къ установленію чувства общности, онъ есть главное средство сохранять и способствовать гармоніи и уравненію общества. То, что является у животныхъ, какъ выше упомянуто, общимъ безтолковымъ крикомъ, поднято у человѣка на болѣе высокую ступень, но, въ сущности, это то же; если животные вызываютъ своимъ шумомъ лишь общее ощущеніе, человѣкъ разговоромъ порождаетъ и гармонію мышленія.

Это есть дѣйствіе языка, которое едва ли можно оцѣнить слишкомъ высоко. То, что опредѣляютъ названіемъ духа общенія людей или также народнымъ духомъ, имѣетъ здѣсь свои корни и вытекаетъ изъ привычки постоянной взаимной передачи мыслей. Посредствомъ языка происходитъ непрестанный обмѣнъ различныхъ мнѣній и воззрѣній; языкъ служитъ посредникомъ общаго настроенія, благодаря которому общество можетъ болѣею частью думать и дѣйствовать, какъ одно существо. Каждое значительное событіе вызываетъ въ людяхъ настоятельную потребность высказаться; они не находятъ покоя, пока этимъ способомъ снова не возстановится чувство общности, пока въ обществѣ не установится одного мнѣнія. Возбужденныя, оживленно-болтающія группы, которыя въ этихъ случаяхъ собираются на каждомъ перекресткѣ, — классическое свѣдѣтельство этой непреодолимой потребности, которая свойственна человѣку, какъ существу общественному, и вполне естественна

Такимъ образомъ, и теперь языкъ выполняетъ задачи, которыхъ служить у общественныхъ животныхъ стайный шумъ, возникшій, съ своей стороны, главнымъ образомъ, изъ звуковъ, сопровождающихъ настроенія и дѣйствія. Насколько разговоръ, не говоря о хоровомъ пѣніи, еще напоминаетъ, болѣею частью, стайный шумъ, видно изъ слѣдующаго примѣра: «Чаще всего, — пишетъ Мартіусъ о бразильскихъ индѣйцахъ, — бываютъ собранія при наступленіи ночи... Передъ началомъ совѣщанія среди спокойно сидящей толпы ведется болтовня или бормотанье вполголоса; при этомъ говорятъ монотонно и всѣ разомъ, не заботясь о томъ, обращаетъ ли кто на нихъ вниманіе... Какъ только появляется вождь, всѣ умолкаютъ». У болѣе культурныхъ народовъ шумъ толпы, выражающій и подкрѣпляющій общее настроеніе, еще встрѣчается, по крайней мѣрѣ, въ формѣ одобренія, осмистыванія и говора, выражающаго неудовольствіе. Очень интересную переходную форму между отдѣльнымъ и массовымъ разговоромъ приводитъ Масунъ о жителяхъ Нижняго Конго. При тамошнихъ палаверахъ (народныхъ собраніяхъ, судебныхъ процедурахъ) существуетъ обыкновеніе, что каждый ораторъ каждую свою фразу говорить только до послѣдняго слова и тогда замолкаетъ; послѣднее слово должно быть угадано внимательными слушателями и сказано хоромъ. Кто этого не сдѣлаетъ, считается невнимательнымъ, и его удаляютъ.

Такимъ образомъ, многое говоритъ за то, что стайный шумъ и сопровождающіе звуки — главные источники языка; но этотъ взглядъ еще не только не достаточно доказанъ, но и трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ безтолковый шумъ отстоялся въ членораздѣльную рѣчь. Къ счастью, здѣсь приходитъ намъ на помощь анатомія языка и, въ особенности, гениальныя открытія Людвига Нуарэ бросаютъ мостъ черезъ бездну между этими двумя формами выраженія.

При расчлененія языка натыкаешься на корни, какъ на послѣдніе, уже недѣлимые элементы, которыхъ во всякомъ языкѣ не много, и мы должны признать въ нихъ древнѣйшіе остатки началъ, непосредственно порожденныхъ творчествомъ языка. Если намъ удастся найти истинное и самое раннее значеніе этихъ корней, мы узнаемъ, какіе предметы или дѣйствія или качества они обозначаютъ; и тогда откроется путь, по которому человѣкъ пришелъ къ своему членораздѣльному языку. Если бы, на примѣръ, всѣ корни относились къ личностямъ или конкретнымъ предметамъ, — они должны были произойти изъ сопровождающихъ звуковъ или рисующихъ жестовъ; если же въ нихъ, наоборотъ, является подражаніе голосамъ животныхъ и звукамъ природы, тогда можно считать звукоподражаніе источникомъ языка. Но ни того, ни другого мы не видимъ; скорѣе кажется, что корни имѣютъ отношеніе вообще къ человѣческимъ

дѣйствіямъ. Лазарусъ Гейгеръ первый указалъ на чрезвычайную важность тѣхъ корней, которые обозначаютъ рытье, скребанье и копанье; но онъ сошелъ съ правильной дороги, признавъ, что видъ дыгающаго, роющаго и валяющагося животнаго вырвалъ у человека первый словесный крикъ. Счастливецъ былъ Нуарэ, принявшій открытіе Гейгера и разившій его въ томъ направленіи, что рядомъ съ корнями, означающими скребанье, есть и очень многіе, которые означаютъ плетенье и связыванье. Теперь было уже не трудно найти истину: самые древніе корни означаютъ человѣческую дѣятельность и возникли, какъ звуки, ее сопровождающіе. Небольшая ошибка Нуарэ, признавашаго самой первобытной работой человека рытье сообща земляныхъ ямъ, а не копанье для отысканія клубней и корней, является несущественной рядомъ съ громадностью и правильностью его основной мысли.

Но не рѣшается ли Нуарэ слишкомъ быстро? Дѣйствительно ли человѣческая дѣятельность сопровождается обыкновенно звуками, изъ которыхъ могли, наконецъ, выработаться корни языка? Вѣдь на нашихъ фабрикахъ, за исключеніемъ жужжанья машинъ, очень тихо, и наши крестьяне также не имѣютъ обыкновенія шумѣть при своихъ работахъ въ полѣ. Почему корни языка должны обозначать именно дѣйствіе, а не скорѣе результаты работы или даже орудія ея?

Тутъ приходитъ къ намъ на помощь другой изслѣдователь, Карлъ Бюхеръ, фундаментальный трудъ котораго о «Трудѣ и ритмѣ» уже нѣсколько разъ упоминался. Онъ указываетъ многими примѣрами, что почти всякая работа сообща у дикарей и въ народныхъ слояхъ сопровождается гуломъ, который изъ просто жужжащихъ тоновъ или бессознательныхъ повтореній вырастаетъ въ настоящія рабочія пѣсни, слѣдовательно, прекрасно показываетъ переходъ отъ нечленораздѣльнаго шума къ языку. Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, происхожденіе языка и поэзіи совпадаютъ, и слова Шеллинга, что поэзія съ самаго начала была въ языкѣ, получаютъ новое значеніе. Разъ опредѣленный звукъ явился обыкновеніемъ при работѣ, произнесеніе этого звука должно было вызывать въ памяти картину самой работы, а послѣ и предметы, стоящіе съ нею въ связи; за слѣдъ было уже легко еще дифференцировать корни небольшими измѣненіями. Такимъ способомъ языкъ образуетъ изъ одного корня множество словъ (сравни *graben, Grube, Grab, Gruft, Gräber, Graben* и т. д.—копать, яма, могила, пещера, копатель, ровъ). Воззрѣніе Нуарэ поддерживается мнѣніями изслѣдователей, которые другими путями пришли къ подобнымъ же результатамъ; Вундтъ считаетъ сказуемое корнемъ языка, и уже Адамъ Смитъ признавалъ, что первыми словами были глаголы. Но какъ живо, повидимому, еще чув-

ство у современныхъ дикарей, что обозначенія дѣятельности составляютъ корни языка, показываетъ интересное замѣчаніе Карла фонъ Штейнена по поводу индѣйцевъ Верхняго Шингу: «Очень трудно избѣгать смѣшиванья, потому что индѣйцы, когда ихъ спрашивали названіе предмета, всегда говорятъ, къ чему онъ служитъ».

Но при всемъ этомъ еще не сказано, правда, какъ пришли къ тому, чтобъ издавать при различныхъ работахъ опредѣленные звуки, которые потомъ становятся словами. Иногда это можетъ быть подражаніемъ шуму, происходящему вслѣдствіе самаго дѣйствія, но мы уже видѣли, что звукоподражанія вообще не склонны къ большому развитію; ихъ можно сравнить съ природными сосудами, предлагаемыми царствомъ растений—скорлупами кокосовъ и тыквами,—которыя, правда, очень годны и желанны, но далеко не такъ способны къ дальнѣйшему усовершенствованію, какъ глиняные и металлические сосуды, которыми человекъ можетъ придавать форму по собственному усмотрѣнію. Многіе звуки могли быть вызваны ритмическимъ выдыханіемъ воздуха; могли также примѣнить для той цѣли имѣющійся въ междометіяхъ и т. под. звуковой матеріалъ. Если всего этого мало, остается еще теорія Гейзе, какъ послѣднее объясненіе. Безъ сомнѣнія, при этомъ надо принимать во вниманіе характеръ различныхъ народовъ, который при образованіи языка долженъ также сильно проявляться, какъ при дальнѣйшемъ образованіи грамматическихъ формъ, совершенно разныхъ въ отдѣльныхъ нарѣчійхъ, но дифференцирующихся сообразно характеру и склонностямъ говорящихъ. Отъ дальнѣйшаго же разложенія корней въ буквы нельзя ждать ничего полезнаго, потому что вѣдь слова не построены искусственно изъ отдѣльныхъ звуковъ. «Полное разложеніе слова на его элементы,—пишетъ по этому поводу Германъ Пауль,—не только затруднительно, но и прямо невозможно. Слово не есть постановка въ рядъ известнаго числа самостоятельныхъ звуковъ, изъ которыхъ каждый можетъ быть выраженъ знакомъ азбуки, но оно всегда есть, въ основаніи своемъ, непрерывный рядъ безконечно многихъ звуковъ, и буквами обозначаются далеко не совершеннымъ образомъ только отдѣльные характерные пункты этого ряда».

Бросимъ взглядъ назадъ. Тѣмъ самымъ, что языкъ возникаетъ, главнымъ образомъ, какъ спутникъ человѣческой работы, онъ является дѣйствительной составной частью культуры, потому что всякая культура есть результатъ работы. Онъ становится въ одинъ рядъ со всеми произведеніями человѣческой дѣятельности, отъ которыхъ отличается лишь наружно; пусть такія произведенія, какъ Кельнскій соборъ или гигантскій пароходъ настоящаго времени, не могутъ, повидимому, быть сравнимы съ языкомъ народа,—въ своемъ внутреннемъ строеніи и въ своей исторіи они являются родственными, какъ

результаты и в то же время содержание человеческой духовной жизни, с той только разницей, что соборъ строится изъ крѣпкихъ четырехугольныхъ камней, а языкъ—изъ быстро-затихающихъ звуковъ. Поэтому языкъ долженъ ежедневно и ежечасно вновь создаваться, а соборъ можетъ въ данной формѣ простоять тысячелѣтій; но если бы онъ исчезъ, а духовная и матеріальная сила народа, его создавшая, не погибла, онъ могъ бы быть быстро опять воспроизведенъ; и его истинная жизнь заключается въ умѣ людей, его создавшихъ или понимающихъ красоту и тайны его строения.

Съ началомъ работы образования языка сейчасъ же поднимается борьба между создающими и сопротивляющимися или стѣсняющими силами, и эта борьба придаетъ результатамъ культуры ихъ мѣру и видъ. У дикарей сдерживающія силы еще слишкомъ слабы, разъ прорвавшійся потокъ созданія языка стремится впередъ недержанно и неправильно, и послѣдствіемъ этого является безчисленное множество языковъ и нарѣчій, частыя преобразования, постоянное обогащение и обдѣлѣніе въ словахъ и выраженіяхъ. Стоитъ отмѣтить, что созидательная сила людей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культуры, особенно проявляется въ языкѣ; вѣдь и остроумно построенные языки европейскихъ народовъ имѣютъ начало въ темномъ прошломъ и послѣдствіемъ стали скорѣе проще, чѣмъ богаче формами. Только болѣе высокая культура придаетъ языку болѣе прочныя формы, хотя и она не въ состояніи помѣшать небольшимъ измѣненіямъ, которыя, съ теченіемъ времени становятся большими; она этого не можетъ, потому что сама измѣняется и обновляется.

Но какъ бы ни былъ бѣденъ и шатокъ въ своемъ составѣ языкъ, онъ раздѣляется со своими болѣе развитыми сестрами качества, посредствомъ которыхъ является важнѣйшей вѣтвью всѣхъ культурныхъ владѣній. Быть можетъ, его переоцѣниваютъ иногда въ этомъ отношеніи, потому что оказалось, что совмѣстная работа съ сознательною цѣлью—древнѣе языка въ узкомъ значеніи этого слова; но тотъ неоспоримый фактъ, что языкъ изъ всѣхъ результатовъ культурной работы всего тѣснѣе слѣлся съ нашей мыслью, даетъ ему все же большее, хотя бы и относительное преимущество; относительно—потому, что и всякое другое созданное человѣкомъ культурное владѣніе—дома, утварь, убранства—въ сущности, составляютъ часть нашего міра мысли, который, по своему, не былъ бы безъ него мыслимъ. Всѣ эти предметы находятся, въ видѣ воспоминаній, въ нашемъ умѣ и могутъ, при случаѣ, быть опять выражены матеріально, какъ образы воспоминанія языка могутъ быть высказаны словами. Но, какъ уже сказано, ни одна вѣтвь культуры не связана такъ тѣсно съ духовной жизнью, какъ языкъ, и онъ имѣнно позволяетъ создавать абстракціи и, нѣкоторымъ образомъ, придаетъ

имъ искусственное тѣло. Правда, и это преимущество только относительно: когда ваятельное искусство изображаетъ женщину съ заниженными глазами, съ мечомъ и вѣсами, оно такъ же ясно выражаетъ этимъ абстрактное понятіе о «правосудіи», какъ и словами; не всякій, конечно, пойметъ сразу этотъ смыслъ, но вѣдь и смыслъ слова «правосудіе» долженъ быть изученъ и не понимается самъ собою. Для индѣйца, выражающаго понятіе о «нуждѣ» изображеніемъ человѣка съ выступающими ребрами (см. прил. рис.), этотъ рисунокъ такъ же понятенъ, какъ соответствующее слово на его языкѣ.

Именно безплотное, призрачное въ языкѣ имѣетъ, въ этомъ случаѣ, большое преимущество. Составныя части, изъ которыхъ онъ складается, не имѣютъ массивности, неуклюжести зрительныхъ представленій; ихъ можно соединять и раздѣлять, распространять и укорачивать; и тѣ воздушные зданія, которыя изъ нихъ строятся, такъ же быстро могутъ быть вознесены на головокружительную высоту, какъ опять снесены и перестроены. Умъ работаетъ надъ языкомъ, какъ руки надъ очень лѣпнымъ матеріаломъ: умъ создаетъ себѣ изъ языка новый міръ представленій такъ же, какъ физическимъ трудомъ онъ окружаетъ себя міромъ сознательно преобразованнаго вещества. Уже первый звуковой образъ есть шагъ къ абстракціи. Постепенно проскальзываетъ языкъ, какъ новое творчество, между духомъ и природой и, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ имъ пользуется, опредѣляетъ опять многократно идейный міръ человѣка. Умъ работаетъ тогда уже вовсе не надъ простѣйшими составными частями языка, которыя по желанію соединяетъ, но надъ установившимися понятіями и связанными группами понятій, которыя онъ не можетъ разъединить безъ напряженія, въ среднемъ невозможнаго для человѣка. Александръ Гумбольдтъ прекрасно говоритъ о «воззрѣніяхъ», которыя, какъ бы воплощенные и оцѣненныя въ важныхъ формахъ языка, распространяются, какъ общее достояніе фантазіи, во всѣхъ классахъ націи». Языкъ есть именно наследство безчисленныхъ поколѣній, часть безсмертной народной души и, какъ таковая, могущественнѣе души отдѣльнаго человѣка.

У дикарей сильно вкоренилось чувство, что въ языкѣ живетъ какое-то страшное могущество. Всякое существо, имѣющее имя, тѣмъ самымъ обладаетъ какъ бы двойникомъ, второй душой, и неосторожное произнесеніе имени рисковало, такъ какъ враги и страшные призраки могутъ его легко услышать и получить такимъ образомъ власть надъ его носителемъ. Но языкъ—въ то же время воплощеніе

Рисунокъ индѣйцевъ-дакота, изображающій страданія отъ пужды (Сѣв. Америка).

воли: любви и ненависть, выраженные въ заколдованныхъ формулахъ и громко высказанныя, получаютъ этимъ плотское бытіе и принудительную силу. Эти мистическія воззрѣнія сильно вліяютъ на развитіе языка.

Уже и безъ того, конечно, происходитъ постоянное обновленіе и преобразованіе языка, и тѣмъ легче на его первобытныхъ ступеняхъ, что здѣсь запасъ словъ и идей гораздо бѣднѣе. Языкъ имѣетъ также свои моды, вводимыя отдѣльными лицами и принимаемыя изъ подражанія всѣми; но для ихъ изученія вовсе не нужно отправляться къ дикарямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Германіи грозило исчезнуть между лицами, принадлежащими къ образованнымъ классамъ, правильное произношеніе буквы *r*, и на ея мѣсто стало проскальзывать аффективно звучащее *a* (*mia* вмѣсто *mir*—мнѣ, *Vata* вмѣсто *Vater*—отецъ); большая заслуга со стороны Финнера, что онъ эту заразу, повидимому, выходящую изъ Берлина, поборолъ со своей обычной грубостью и задержалъ ея страшно быстрое распространеніе вокругъ. Кажется, здѣсь шло дѣло о подражаніи дѣтски-человкой манерѣ говорить, явленіе, встречающееся вовсе не рѣдко: и на далекихъ островахъ Фиджи наблюдали вліяніе дѣтскаго языка на языкъ взрослыхъ. Ошибки и капризы языка вліятельныхъ людей также становятся примѣромъ для окружающихъ. Я могъ наблюдать въ одномъ городкѣ Рудныхъ горъ, какъ, подъ вліяніемъ одной прѣзжей уроженки Лейпцига, вкралось въ лучшее общество произношеніе буквы *k* какъ *g*, и это считалось «аристократичнымъ»; нѣчто подобное сообщаетъ Карлъ Браунъ изъ одного маленькаго городка герцогства Нассаускаго, обитательницы котораго считали, по примѣру одной дамы, «дававшей тонъ», за высшее доказательство развитія произносить *k* какъ *g*. Безъ сомнѣнія, этимъ путемъ образуются новыя нарѣчія, и даже цѣлыя языки могутъ быть въ концѣ концовъ преобразованы этими капризами. Строго говоря, нарѣчій существуетъ столько, сколько говорящихъ людей, а постоянное взаимное вліяніе неизбежно; нѣчто вродѣ борьбы за существованіе въ маломъ, какъ и въ большомъ, свирѣпствуетъ между языками, и здѣсь также побѣждаетъ, наконецъ, сильнѣйшій. А сильнѣе оказываются именно слова, имѣющія многія и важныя значенія, слабы же тѣ, которыя употребляются только въ одномъ смыслѣ и къ тому же рѣдко, такъ что впоследствии могутъ совсѣмъ выйти изъ употребленія. Такимъ образомъ, постоянно отмираютъ слова, грамматическія фразы и цѣлыя способы выраженія, чтобъ замѣниться новыми.

У дикарей слова часто какъ бы насильственно убиваются: на примѣръ, если слово служило именованіемъ умершаго, оно должно быть строго избѣгаемо, такъ какъ произнесеніемъ этого слова можно вы-

звать духъ умершаго; на мѣсто выброшенныхъ словъ должны быть созданы новыя. Это занятіе, по свидѣніямъ Добриццофера, собраннымъ имъ у абипонеровъ въ Парагвай, поручается старымъ женщинамъ племени. Такимъ образомъ, звуковой составъ языка никогда и нигдѣ не защищенъ отъ преобразованія. Рядомъ съ этой подвижностью звуковъ идетъ также и измѣнчивость значеній и держитъ языкъ, какъ дрожжи, въ постоянномъ броженіи и преобразованіи.

Ростъ языка происходитъ сначала очень неправильно или, вѣрнѣе, онъ приспособляется къ одностороннимъ жизненнымъ потребностямъ первобытныхъ племенъ: то, что имѣетъ для нихъ значеніе, получаетъ многія и точныя обозначенія; то, что съ нашей точки зрѣнія должно бы въ нихъ вызывать размысленіе и удивленіе, почти не обозначается словами и, такимъ образомъ, рядомъ съ удивительнымъ изливкомъ мы находимъ самую горькую бѣдность. На Тонгарева каждой стадіи созрѣванія кокосоваго орѣха соответствуетъ отдѣльное слово; арабскіе писатели взяли на себя трудъ собрать всѣ слова, обозначающія лошадь, медь и т. под., и наполнили результатами своихъ изысканій цѣлыя тома. Въ другомъ же отношеніи языки часто такъ бѣдны и неопредѣленны, что это готовы были приписать недостатку распознаванія, между тѣмъ какъ оно зависитъ отъ недостатка интереса. Гладстонъ первый вывелъ заключеніе изъ двусмысленныхъ выраженій Гомера о краскахъ, что во времена Гомера распознаваніе красокъ было еще не вполне развито, т. е., что тогда господствовалъ частичный дальтонизмъ, а Гейгеръ развилъ эту теорію; въ настоящее время она можетъ считаться совершенно опровергнутой. Но съ помощью языка, быть можетъ, удастся установить объемъ того, что въ извѣстный періодъ народъ ясно созналъ и покорилъ своимъ разумомъ.

Съ изображеніемъ словъ еще не создано, правда, то, что мы называемъ языкомъ: второй важный шагъ состоитъ въ соединеніи словъ вмѣстѣ и составленіи изъ нихъ связанныхъ предложеній. Но можно задать вопросъ, происходитъ ли это соединеніе простымъ и механическимъ способомъ, какъ мы, на примѣръ, нанизываемъ бусы на нитку или складываемъ вмѣстѣ косточки домино. Есть предложенія, заключающіяся въ одномъ только словѣ и тѣмъ не менѣе вполне понятныя (Вонъ! Пожаръ! Караулъ!); мы, пожалуй, можемъ подозревать, что примитивныя предложенія были въ томъ же родѣ и, вѣроятно, подкрѣплялись жестами и выраженіемъ лица; они состояли, какъ мы уже замѣтили, изъ сказуемыхъ, а подлежащее не приставлялось просто къ сказуемому, но постепенно, какъ бы изъ него выросло. Этимъ объясняется, что въ группѣ «присоединяющихъ» языковъ, въ которыхъ за этимъ выростаніемъ не послѣдовало отдѣленія частей, появляются объемистыя предложенія въ видѣ одного чудовищнаго слова. Въ дру-

гихъ случалхъ такого односторонняго разроста не произошло, корни представляются раздѣльными, но въ своей первичной грубой формѣ, и ихъ значеніе обуславливается мѣстомъ въ предложеніи. Въ этомъ положеніи находится еще теперь въ главномъ китайскій языкъ. Въ аллютирующихъ языкахъ нѣкоторые корни исчезаютъ въ приставкахъ, опредѣляющихъ грамматическое значеніе слова, къ которому онѣ при- ставлены, не теряя въ то же время своего смысла. Въ флексіонныхъ языкахъ это исчезаніе корней дошло такъ далеко, что отъ этихъ корней, употребляемыхъ, какъ грамматическіи вспомогательныя сред- ства, остались лишь скудные остатки, которые являются теперь от- ростками флексіонныхъ словъ.

При маломъ развитіи грамматики часто помогаетъ удареніе. Въ китайскомъ языкѣ оно должно даже служить цѣлямъ, которыя обы- кновенно достигаются другимъ путемъ — втрое или вчетверо увеличить малое число корней. Въ галльскихъ языкахъ удареніе есть важное грамматическое вспомогательное средство; и у насъ, по крайней мѣрѣ, вопросительныя и восклицательныя предложенія характеризуются часто и удареніемъ рядомъ съ грамматическими правилами (*Wir gehen schon? Gehen wir schon? Gehen wir!*) Употребленіе удареній старѣе языка. Молодая плита, ищущая свою мать, издаетъ при этомъ во- просительныя и умоляющіе звуки; крикъ предостереженія матери, въ своемъ родѣ, настоящее восклицаніе.

Въ языкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ, мы замѣчаемъ, что дикари склонны къ крайностямъ, т. е., что нѣкоторыя формы восклицанія, которыя въ культурныхъ языкахъ совсѣмъ не упо- требляются или употребляются при случаѣ, у дикарей мѣстами дохо- дятъ и развиваются до чрезвычайности. Въдѣ можно себѣ предста- вить много логическихъ улучшеній нашего (нѣмецкаго) языка. Если для образованія грамматическихъ формъ въ нѣмецкомъ языкѣ, а еще болѣе въ семитическихъ языкахъ, прибѣгаютъ къ перемѣнѣ гласныхъ (*singen, sang, gesungen, Sanger*), то дальнѣйшее, строго урегу- лированное развитіе этихъ правилъ, навѣрно, упростало бы и очи- стило языкъ, совершенно не принимал во вниманіе вѣстическую и историческую точку зрѣнія. Чтобы найти такое дальнѣйшее разви- тіе, нужно обратиться къ первобытнымъ народамъ. У тиннѣ каждая гласная соответствуютъ извѣстному настроенію и понятію, такъ что самый звукъ слова относитъ его къ определенной группѣ. Волюры въ Сенегамбѣ опять — таки имѣютъ въ своемъ языкѣ членъ, кото- рый, при простомъ измѣненіи гласной, указываетъ, на какомъ раз- стояніи находится человекъ или предметъ; наиримѣръ, *baue-bi* зна- чить — отецъ, который здѣсь присутствуетъ, *baue-bu* — отецъ вблизи, *baue-bo* — отецъ въ отдаленіи, *baue-ba* — отецъ совсѣмъ далеко. Слѣ-

довательно, это есть маленькая, логически построенная система, ни- чего подобнаго которой нѣтъ въ арійскихъ языкахъ.

Приложеніе словъ другъ къ другу и составленіе такимъ обра- зомъ предложеній и умственная работа, которая при этомъ необхо- дима, есть начало логическаго мышленія; каждое высказанное и признанное правильнымъ предложеніе даетъ уму часть новаго содер- жанія. Но работа новымъ орудіемъ идетъ сначала тяжело и мед- ленно: вѣдѣ приходится мало-по-малу преобразовать всѣ издавна знакомыя зрительныя представленія въ звуковыя, снова ихъ усво- ить въ этомъ новомъ видѣ, произвольно связать и раздѣлить и, наконецъ, какъ вѣнецъ труда, найти звуковыя изображенія для не- видимыхъ предметовъ и для общихъ абстракцій. Этому помогаетъ сначала языкъ жестовъ, а при дальнѣйшемъ развитіи — искусственно вызванное зрительное представленіе въ формѣ образнаго выраженія.

Если у насъ образный языкъ пользуется полнымъ правомъ гра- жданства только въ поэзіи, а въ ежедневной жизни оказался бы страшнымъ, у дикарей онъ остался еще главнымъ средствомъ пони- манія. «Духъ народовъ банту, — говоритъ Юнодѣ, — выказывается жи- востью воображенія и большою тонкостью, съ которою подмѣчаютъ сходство между вещами. Негръ очень охотно говоритъ образами. Очень странно звучать рѣчи туземцевъ — проповѣдниковъ, точно со- хранившія картинный характеръ обиходнаго языка. Иногда ихъ увѣ- щаніе состоитъ изъ цѣлаго ряда картинъ, неожиданно и порази- тельно развертывающихся одна изъ другой. Нужно признаться, что иногда эти картины не связаны: сила воображенія беретъ верхъ и совершенно затопляетъ разумъ.

Многія образныя выраженія и предложенія, оказавшіяся удоб- ными, становятся постепенно частью владѣнія духовной культуры въ видѣ общеупотребительныхъ примѣровъ и, прежде всего, погово- рокъ. Поговорки суть формулы, въ которыхъ народъ сохраняетъ свои познанія, чтобы примѣнять ихъ при случаѣ. Онѣ означаютъ вполне опредѣленную степень умственнаго развитія: уже Тайлоръ указалъ, что самыя первобытныя племена не имѣютъ пословицы; у болѣе высоко развитыхъ классовъ культурныхъ народовъ ихъ также нѣтъ или онѣ отступаютъ совершенно на задній планъ; очень удачно заставляетъ Сервантесъ изливаться въ пословицахъ своего Санчо Панса, между тѣмъ какъ Донъ-Кихотъ удерживается отъ этого обы- деннаго суррогата самостоятельнаго мышленія. Преобладаніе формулъ надъ случайностями болѣе свободнаго пользованія языкомъ и мыслью отстываетъ съ успѣхомъ образованія, но даже въ трактатѣ философа нѣтъ недостатка въ твердо установившихся оборотахъ и картинныхъ формулахъ, которые точно такъ же могутъ считаться со- ставными частями языка, какъ и отдѣльныя слова.

Если въ самомъ языкѣ происходитъ борьба за существованіе между словами и выраженіями, то же самое происходитъ и между языками различныхъ племенъ и народовъ. Эта борьба идетъ обыкновенно рядомъ съ политическими войнами и побѣдами, но исходить не всегда одинаковъ. Завоеватель часто навязываетъ побѣжденному свой языкъ, но обыкновенно только тогда, если обладаетъ въ то же время духовнымъ превосходствомъ или беретъ верхъ надъ побѣжденнымъ своею численностью; въ другихъ случаяхъ его языкъ погибаетъ и, самое большее, обогащаетъ побѣдившее нарѣчіе отдельными словами, а именно собственными именами. Всего извѣстнѣе исчезновеніе германскаго діалекта въ южной Европѣ во время переселенія народовъ: готты въ Испаніи, лангобарды и Італія, франки и, позднѣе, норманны во Франціи не могли сохранить своего языка и лишь удержались упрямо германскія имена, какъ Фридрихъ, Рупрехтъ (Робертъ), Генрихъ, Родерихъ (Родриго) и т. д. Подмѣтъ примитивнаго языка другимъ имѣетъ неисчислимыя послѣдствія, потому что новый языкъ даетъ ему другое содержаніе и присоединяетъ его обладатели къ группѣ умственно связанныхъ людей, до сихъ поръ ему далекой: онъ теряетъ духовное наслѣдіе своихъ предковъ и получаетъ взамѣнъ новое, глубоко вліяющее на его существо. Чѣмъ меньше становится число языковъ, тѣмъ единодушнѣе дѣлается человѣчество.

У народовъ высшей культуры нерѣдко случается, что даже среди одного племени живутъ рядомъ нѣсколько языковъ. Особенно часто женщины говорятъ между собою на собственномъ своемъ діалектѣ; это явленіе, замѣченное впервые у карибовъ, на востъ-индскихъ островахъ, объясняли тѣмъ, что большинство женщинъ происходитъ изъ другихъ народовъ, у которыхъ ихъ отняли грабежомъ или куплей. Исполнѣ ли удовлетворительно это объясненіе, еще вопросъ. Во всякомъ случаѣ и другія рѣзко отличныя группы внутри племени проявляютъ склонность образовывать отдѣльный языкъ, который иногда отличается отъ общепринятаго только опредѣленными словами и формами. Въ нижнемъ Конго существуетъ тайный языкъ, извѣстный только вождямъ и свободнымъ мужчинамъ; рядомъ съ этимъ, повидимому, есть особенный языкъ жрецовъ. На Самоа употребляютъ при дворѣ особенныя слова для иблага ряда предметовъ, а на Гавайѣ даже мѣняли время отъ времени придворный языкъ, чтобы народъ не могъ ему научиться. Въ Новой Зеландіи жрецы имѣли свой языкъ.

Иногда это бываетъ чужимъ діалектомъ или остатками болѣе древняго языка, почему либо вытѣсненнаго; напримѣръ, въ Вавилонѣ, послѣ побѣды семитическихъ нарѣчій, еще долго жило древнееврейское нарѣчіе, какъ языкъ жрецовъ; или санскритскій въ

Индіи, латинскій въ Европѣ до сихъ поръ живутъ мнимой жизнью, какъ языки ученыхъ и священниковъ; но обыкновенно этому могли предшествовать добровольныя преобразованія обиходнаго языка. То же можно сказать, во многихъ случаяхъ, о языкахъ женщинъ. По замѣчанію Эренрейха относительно женскаго діалекта бразильскихъ карайа, онъ отличается отъ мужского только болѣе сложными формами, большимъ числомъ конечныхъ слоговъ и т. под., слѣдовательно, представляетъ лишь старомодную форму того же языка. У аруаковъ, въ Гвианѣ, фонъ - Кледенъ наблюдалъ, что женщины говорятъ не какимъ-нибудь особеннымъ языкомъ, а только употребляютъ извѣстное число словъ, никогда не употребляемыхъ мужчинами; но какъ могло образоваться такое отдѣльное накопленіе словъ, показываетъ сообщеніе Апплейярда о кафрахъ: кафрскія женщины имѣютъ иногда массу имъ только принадлежащихъ словъ, потому что онѣ не смѣютъ произносить тѣхъ словъ, въ которыхъ встрѣчаются одинаковыя слога съ именами мужчинъ, ихъ близкихъ родственниковъ. Здѣсь, значитъ, мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ уничтоженіемъ словъ, которое служитъ причиной столь многихъ и постоянныхъ преобразованій примитивныхъ языковъ. Главное основаніе образованія обособленныхъ языковъ лежитъ, конечно, въ желаніи подчеркнуть и въ языкѣ особенность какой-нибудь народной группы и тѣмъ отдѣлить ее, сознательно или инстинктивно, отъ другихъ группъ. У культурныхъ народовъ также существуетъ это стремленіе: всѣ болѣе тѣсно связанныя группы изобрѣтаютъ себѣ особенныя выраженія, которыхъ не понимаетъ непосвященный; сюда можно отнести ремесленниковъ, студентовъ, солдатъ, охотниковъ и, прежде всего, мопсениковъ. Въ знатныхъ (нѣмецкихъ) кругахъ потому особенно любимъ французскій языкъ, что его обыкновенно не понимаетъ прислуга и простой народъ.

Возникновеніе обособленныхъ языковъ внутри племенъ и народовъ даетъ намъ картину того непрерывнаго прироста языка, который происходитъ тамъ, гдѣ постоянныя сношенія и необходимость выражаться коротко, мѣтко и общепонятно, не стѣсняють излишка личной воли и фантазіи. Но и сношенія могутъ дать поводъ возникнуть новымъ языкамъ, только совершенно иначе. Какъ только многія племена, съ различными языками, вступаютъ другъ съ другомъ въ сношенія, оказывается невозможнымъ, чтобы каждое изъ нихъ усвоило и примѣнило всѣ эти діалекты. Такимъ образомъ, и тутъ начинается борьба за существованіе, причемъ въ концѣ концовъ одно нарѣчіе выступаетъ побѣдителемъ и всеобщимъ языкомъ для сношеній. Но какъ дорого окупается обыкновенно эта побѣда! Является тогда истрепанный, искалѣченный, тощій грамматическій скелетъ, обвѣшенный всевозможными чужими словами, короче, на-

стоящее воронье пугало — языкъ, который можетъ считаться, рядомъ со своей первичной формой совершенно новымъ нарѣчьемъ, и именно въ этомъ новомъ видѣ вполне отвѣчаетъ своей цѣли. Такимъ языкомъ является, такъ называемый, малайскій языкъ Индійскаго архипелага, который, въ дѣйствительности, есть искусственно упрощенный и обогащенный новыми словами — явайскій диалектъ, второй „lingua franca“ Востока; въ сѣверо-западной Америкѣ для сношеній служатъ языкъ чинукковъ въ его искаженномъ видѣ; въ Бразиліи то же было раньше съ языкомъ тупи, который, какъ lingua Brasilica geral, служилъ средствомъ пониманія между европейцами и индѣйцами.

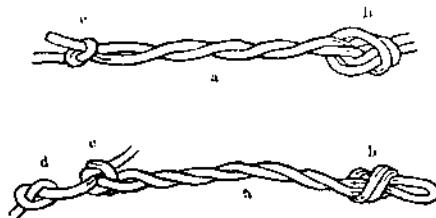
Всего чаще фундаментомъ искусственныхъ языковъ служитъ англійскій: въ Суринамѣ миссіонеры-герингуттеры создали изъ него языкъ таки-таки, очень богатый голландскими, нѣмецкими и индѣйскими словами; на побережьяхъ Китая господствуетъ англо-питчинскій языкъ; другіе „производные“ изъ англійскаго языка имѣются въ Западной Африкѣ. Въ Либоніи уже нѣсколько лѣтъ, какъ опять выпало прежнее предложеніе сдѣлать языкомъ страны упрощенный англійскій, — глупая выдумка, которая, однако, указываетъ, какими путемъ произошли, вѣроятно, многія измѣненія и новообразования въ языкахъ. Въдѣ самъ англійскій языкъ есть искаженный, упрощенный и до крайности изукрашенный словами чужихъ языковъ — нижне-германскій языкъ; слѣдовательно, онъ самъ есть нечто вроде lingua franca, который, очевидно, образовался подъ влияніемъ многихъ не нѣмецкихъ народныхъ элементовъ Англии. О новѣйшихъ романскихъ языкахъ можно сказать отчасти тоже, даже, въ сущности, о всякомъ языкѣ, который распространился между большимъ числомъ людей, говорившихъ прежде на разныхъ языкахъ.

Въ общемъ, языкъ становится тѣмъ прочнѣе и устойчивѣе, чѣмъ большому числу людей онъ служитъ средствомъ пониманія. Эта прочность чрезвычайно усиливается, какъ только письмо присоединяется къ языку, какъ сохраняющая сила, и создаетъ своими неизмѣнными знаками, по крайней мѣрѣ, если дѣло идетъ о буквенномъ письмѣ, прочный образецъ произношенія. Но обзоръ письменъ не долженъ исходить изъ предположенія, что все написанное есть лишь отраженіе произнесеннаго; письмо живетъ, прежде всего, своей собственной жизнью, и очень возможно, что люди создали бы съ самаго начала письменное средство пониманія, если бы они были лишены голоса. Лишь мало-по-малу письмо становится служанкой языка; но выраженія — „письменный языкъ“ и „разговорный языкъ“ доказываютъ, что и тогда оно сохраняетъ еще остатокъ самостоятельной жизни.

Многое, что можно было бы сказать о началахъ письменности, лучше оставить до обзора орнаментовки, такъ какъ эти начала находятъ въ еще болѣе тѣсномъ родствѣ съ образнымъ искусствомъ,

чѣмъ языкъ съ поэзіей. И мистика имѣетъ гораздо больше вліянія на письмо, чѣмъ на языкъ: между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ формулы и слова заклинанія лишь постепенно получаютъ значеніе, въ письмѣ очень рано выступаетъ мистическій характеръ, еще ранѣе, чѣмъ оно вообще развивается; и этотъ характеръ держится удивительно долго, такъ какъ письмомъ владѣетъ меньшее число людей, чѣмъ языкомъ, и потому оно легко сохраняетъ таинственный характеръ. Рисунки, изъ которыхъ возникла большая часть видовъ письменъ, такъ же, какъ и узлы (см. прил. рис.), изъ которыхъ произошли нѣкоторые другіе виды письменъ, — суть въ то же время магическія средства. Дѣйствительно, у мало-культурныхъ народовъ письменность охотно примѣняется къ цѣлямъ, которыя въ нашихъ глазахъ очень второстепенны; монголы употребляли прежде китайскіе письменные знаки почти только для воспроизведенія заклинаній и молитвенныхъ формулъ; и въ Суданѣ главнымъ источникомъ заработка свѣдущихъ въ письмѣ есть списываніе изреченій изъ Корана на кусочкахъ бумаги, которые затѣмъ носятъ, какъ цѣнные амулеты, и даже чернила буквъ, на нихъ изображенныхъ, разводятся въ водѣ и выпиваются, какъ лекарство. Сѣверныя рунныя письмена, по удостовѣренію Шрадера, служили прежде всего цѣлямъ прорицанія. Очень странныя картинныя письмена негритовъ на Малаккѣ, болѣе точно изслѣдованная Прейсомъ, также преимущественно служатъ мистикѣ, а лиш. между прочимъ употребляются въ помощь памяти. Гребни, снабженные волшебными узорами, служатъ амулетами противъ болѣзней.

По своему главному свойству, письменность можетъ развиваться, какъ вспомогательное средство памяти и сношеній, изъ двухъ источниковъ, правда, не рѣзко отличающихся другъ отъ друга: какъ жесты распадаются на просто указывающіе и изображающіе, такъ и вспомогательныя средства памяти раздѣляются на такия, которыя не состоятъ ни въ какой непосредственной связи съ предметами, и на другія, дающія настоящую картину того, что нужно запомнить. Когда посланный, чтобъ запомнить четыре порученія, дѣлаетъ себѣ четыре узла на веревкѣ, онъ употребляетъ знаки первой группы; если же онъ напарашаетъ на кускѣ кожи изображеніе предметовъ, за которыми посланъ, это начало письменности принадлежитъ ко второй группѣ. Первая группа встрѣчается часто. У даявовъ по-

Узлы пекарей въ Баденѣ. Узлы означаютъ вѣсъ (d) и сортъ муки (a). Остальные узлы служатъ только для связи.

славные часто употребляют для памяти простые кусочки листьев; сюда же принадлежат бирки, родовые и семейные клейма. Как письменность, из этих зачатков развились узловые письма, обычны в древнем Китае до изобретения образных писем, а в Перу достигли своего высшего развития, не став, впрочем, совершенным орудием человеческого разума; узловые письма сообщали больше числа и обстоятельства, чем мысли, служили скорее вспомогательным средством статистики и искусства управления, чем свободной умственной деятельностью. Простыми знаками всего лучше можно наглядно представить факты и числовые отношения (см. прил. рис.). Впрочем, узловые письма показывали все же нечто вроде перехода к образному изображению, который легко совершается при простых знаках — приметах, как дальнейшая помощь памяти, и граница между двумя главными группами зачатков письменности стирается. Предположим, что некто пережил в один день смерть друга, пожар дома и находку золотого слитка, и положил три камня в определенном месте, чтобы запомнить эти события; что удивительного, если он смерти друга оттитил черным камнем, пожар — красным, а находку золота — желтым? Точно также поступали и с узловыми письмами: белые шнурки обозначали серебро или мир, красные — войну и воинов, желтые — золото, зеленые — мань, и т. д. Узлы на шнурах показывали числа, боковые

Знаки североамериканских индейцев для приходящих товарищей: а — я не далеко ушел; б — я нахожусь в отсутств. пять дней.

шнурки — исключения или отдельные прибавки; встречались и соединения узлов многих шнуров, чтобы показать отношения.

Некоторый переход к образному письму находим мы и в так называемом языке цветов. Он имеет не малое значение на Востоке и, по исследованиям Гаммера, пользуется там большой любовью, хотя как изобретение женщины, служит преимущественно для любовных сношений. Эта забава, может быть, не стоила упоминания, если бы она не стала в удивительном отношении к звуковому языку: часто знакомый стих, рвущийся с названием цвета, дает разрешение загадки. Впрочем, язык цветов известен также далеко в малайском архипелаге; Вань Офуйзенъ мог составить у батаков настоящую азбуку этого способа объяснения, а Ридель еще встретил большое употребление этого языка на Молуккских островах.

Письменность отбитых знаков остается большею частью в зачаточном состоянии или развивается в одном направлении, которое нас не интересует: большая часть отличительных признаков, из которых составляются убора, принадлежат к этому разряду, эти признаки часто даже сами образуют источник писем, давая выражение стремлению человека выставиться, отличить и охарактеризовать себя; это стремление, которое мы уже заметили при образовании языка, помогло, действительно, произвести на свет письмо.

Тут представляется вопрос, следует ли дальше проследить параллель между двумя способами выражения, т. е. отвечают ли рабочим песням, могущим считаться главным корнем языка, родственные явления в области письменности? Повидимому, оно так. всюду, где человек создает своей работой продукты, — будь то домашняя утварь, орудия или оружие, — он выказывает склонность их украсить; для этого

Приборы для натягивания лука у эскимосов.

именно на первобытных ступенях культуры он изображает не безразличные черточки и точки, а изображения живых существ, тотемных животных или богов и духов, которых он себя представляет также в образе человека или животного; вместо простого украшения, он придает иногда всей вещи форму животного (см. прил. рис.). Как из рабочего напева вырастают песни, переходящие по наследству, как вспомогательное средство памяти, от одного поколения к другому, так, вбродно, из человеческого труда возникает великая параллель звуковому языку — образная письменность, которая, в свою очередь, есть мать всех усовершенствованных родов письменности.

Но рядом с рабочей не следует забывать также игры. Сохранение воспоминания прежде всего часто имеет характер

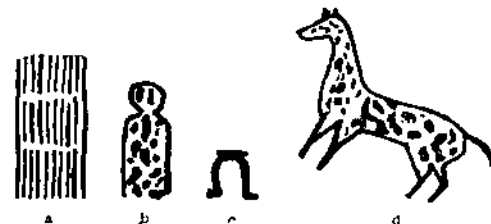
забавы; оно должно вызывать въ памяти что-нибудь пріятное; паузасъ, развѣшивающій въ своемъ жилищѣ нижнія челюсти всѣхъ съѣденныхъ имъ свиней и, при взглядѣ на нихъ, утопающій въ воспоминаніяхъ о прошлыхъ пиршествахъ; охотникъ, украшающій свой домъ черепами и рогами убитыхъ имъ животныхъ,—оба не преслѣдуютъ при этомъ никакой практической цѣли: для нихъ—пріятное занятіе оживляетъ въ памяти прошлое. Такимъ же путемъ можетъ возникнуть и образная письменность. Подходящій примѣръ приводитъ Миклуха-Маклай, который въ Били-Били, у залива Астралабія, присутствовалъ при спускѣ двухъ лодокъ и на сопровождавшемъ это событіе пиршествѣ. «Какъ только окончился длинный обѣдъ,—пишетъ онъ,—одинъ изъ присутствующихъ молодыхъ людей вскочилъ, схватилъ уголь и сталъ рисовать на толстомъ бревнѣ, лежащемъ вблизи, цѣлый рядъ очень примитивныхъ фигуръ... Первые двѣ фигуры, нарисованныя имъ, должны были изображать оба новыхъ судна въ такомъ видѣ, что они были наполовину на сушѣ, наполовину въ водѣ. Затѣмъ слѣдовало изображеніе двухъ свиней, убитыхъ для пира, привязанныхъ къ палкѣ, которую несли мужчины. Рядомъ—нѣсколько большихъ фабиръ, соответственно числу блюдъ, наполненныхъ кушавьями, предложенныхъ намъ въ этотъ день. Въ заключеніе находилось изображеніе моей шлюпки, обозначенной большимъ флагомъ, двухъ большихъ парусныхъ лодокъ съ острова Тиарра и нѣсколькихъ меньшихъ каное безъ парусовъ, принадлежащихъ ближайшимъ сосѣдямъ Били-Били. Эта группа должна была представлять гостей, присутствовавшихъ на пиру. Рисунокъ былъ мнѣ подробно объясненъ самимъ художникомъ и его друзьями». Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ типичный зачатокъ образной письменности, которая, конечно, можетъ быть легко примѣнена къ практическимъ цѣлямъ. Если рисунки для изображенія извѣстныхъ предметовъ будутъ производиться всегда одинаковымъ образомъ, такъ, чтобы посвященный сейчасъ же ихъ узналъ,—этимъ достигается дальнѣйшій шагъ впередъ. Удивительную образную письменность этого рода разработали юкагиры, какъ сообщаетъ Шаргородскій; она употребляется только дѣвушками для любовныхъ писемъ и мелкихъ замѣтокъ, слѣдовательно, въ главномъ, есть еще только забава безъ серьезнаго практическаго значенія.

Настоящая образная письменность не имѣетъ, сама по себѣ, ничего общаго съ звуковымъ языкомъ, но даетъ отдѣльныя картины воспоминаній, каждая изъ которыхъ можетъ быть высказана болѣе короткимъ или болѣе длиннымъ предложеніемъ. Примѣромъ можетъ служить часть «Зимняго разсказа Лоне Догса»; этотъ разсказъ одного дакота нарисованъ на плащѣ изъ кожи буйвола, заключаетъ въ себѣ исторію семидесяти одного года, начиналъ съ зимы 1800—

1801 г., и изображаетъ въ отдѣльныхъ картинахъ важнѣйшія событія каждаго года, слѣдовательно, есть нѣчто вродѣ хроники племени дакота. Первое изображеніе (а на прил. рис.), относящееся къ зимѣ 1800—1801 г., состоитъ изъ 30 черныхъ черточекъ и обозначаетъ, что тридцать дакота были убиты индѣйцами-ворономъ; эти черточки—условные знаки; каждая такая черта въ хроникѣ обозначаетъ смерть одного дакота. Слѣдующее изображеніе (b), относящееся къ слѣдующей зимѣ, есть человѣческая фигура, нарисованная красной краской, все въ пятнахъ; она означаетъ, что многіе, принадлежащіе къ племени, умерли отъ оспы. Затѣмъ слѣдуетъ подкова (c), которая должна напомнить о кражѣ коня; далѣе, лошадь въ пятнахъ (d), значеніе которой то же, и т. д. Письменностью, въ болѣе узкомъ значеніи слова, этого нельзя назвать; о настоящей письменности

можно только тогда говорить, если ключъ письменъ, развѣзученный, дозволяетъ прочесть всѣ написанныя съ помощью его сообщенія; здѣсь же почти каждое отдѣльное изображеніе требуетъ объясненія. Только черточки, обозначающія смерть соплеменника, могутъ назваться письменами, какъ такъ онѣ постоянно повторяются въ той же формѣ и съ тѣмъ же значеніемъ; ими вступили на тотъ путь, по которому образная письменность мексиканцевъ дошла до высокаго совершенства. И китайская письменность прошла этотъ путь, но уже достигла той болѣе тѣсной связи съ звуковымъ языкомъ, которая необходима для дальнѣйшаго прогресса.

Первичная образная письменность, какъ сказано, совершенно не зависитъ отъ звуковаго языка: вышеозначенная хроника дакота можетъ быть прочтена на любомъ языкѣ всякимъ, понявшимъ ея смыслъ. Это преимущество сохраняетъ и китайское письмо, которое потому стало важнымъ связующимъ средствомъ Срединной Имперіи, и не только даетъ возможность обитателямъ отдаленнѣйшихъ частей государства безъ труда понимать другъ друга, несмотря на разницу ихъ діалектовъ, но допускаетъ ихъ непосредственныя письменныя сношенія съ японцами и ачамитами, т. е. съ народами, имѣющими совершенно отличные языки. Кто любитъ фантазировать, можетъ себѣ на основаніи этого нарисовать картину, насколько иное было бы положеніе человѣчества, если бы на мѣсто преобладающихъ надъ всеми звуковыхъ языковъ, съ самаго начала образный языкъ взялъ

Образныя письма индѣйцевъ-дакота (Сѣв. Америка).

перевѣсь въ развитіи. Но звуковыя языки стали уже важнѣйшимъ средствомъ пониманія, и только тѣ системы письменъ, которыя тѣсно къ нимъ примыкаютъ, имѣютъ надежду на высшее развитіе.

Это примыканіе имѣетъ мѣсто, какъ только рисункомъ обозначаютъ не только его смыслъ, но и определенное сказанное слово. Рисунокъ лошади, напримѣръ, можетъ быть прочитанъ по-нѣмецки— Ross, Gaul, Mähre и Pferd; но при образной письменности, соответствующей звуковому языку, данная фигура должна была бы отвѣчать только одному изъ этихъ словъ. Когда, слѣдовательно, звукъ изображенія фиксируется, оно уже этимъ подлежитъ всѣмъ различнымъ значеніямъ связанныхъ съ нимъ звуковыхъ группъ, и является возможность обозначить рисункомъ слова, которыя только по созвучію напоминаютъ обратное слово. Изображеніе ленты (Band) могло бы также означать книжный томъ (Band) и даже соответствовать формѣ „band“ глагола „binden“ (связывать); изображеніе каната (Tau) означать причалъ (Tau), гвозди (Zwecke)—цѣль (Zweck). Этимъ открывается совершенно новый путь: теперь можетъ быть сдѣлана попытка употреблять изображенія предметовъ независимо отъ ихъ значенія, только для означенія звука, и такимъ образомъ перейти къ настоящей звуковой письменности; вродѣ того, какъ если бы слово Лейпцигъ изображали рисунками туловища (Leib) и козы (Ziege). Наши ребусы, поскольку они обходятся безъ буквъ, поясняютъ этотъ родъ письменности, но, конечно, чтобы годиться для практическихъ цѣлей, она нуждается въ дальнѣйшемъ преобразованіи, поскольку дѣло идетъ объ языкахъ, измѣняющихъ окончанія словъ. Чтобы свободнѣе дѣлать составленія, нужно еще болѣе разложить языкъ, прежде всего на слога, каждый изъ которыхъ получить отдѣльный символъ, взятый также изъ образнаго письма. По-нѣмецки мы, напримѣръ, выбрали бы для часто повторяющейся приставки „ich“ изображеніе свѣчи (Licht), для „aus“ изображеніе мыши (Maus) или дома (Haus). Въ особенности легко переходить, повидимому, образная письменность въ эту высшую форму, если одинъ народъ перенимаетъ отъ другого знаніе письменъ; такъ произошла, по мнѣнію Онефальга-Рихтера, кипрійская тоническая письменность изъ гетическихъ іероглифовъ.

Подобнымъ же образомъ развили египтяне и вавилоняне тоническую письменность изъ своей образной письменности; но китайцы, языкъ которыхъ и безъ того состоитъ изъ односложныхъ словъ, не нуждались въ этомъ усовершенствованіи. Древнимъ культурнымъ народамъ Запада при этомъ пригодились особенности ихъ языковъ. Какъ въ семитическихъ, такъ и въ гаметическихъ языкахъ, мы находимъ бросающееся въ глаза явленіе, что согласныя составляютъ твердый скелетъ слова, между тѣмъ какъ гласныя имѣютъ лишь

второстепенное значеніе и при флексіи измѣняются (срав. и въ нѣмецкомъ—sprechen, sprich, gesprochen, spruch, sprache). Поэтому, въ Египтѣ, при переходѣ отъ чисто-образной письменности къ тонической, принимали во вниманіе только согласныя буквы. Такъ, изображеніе львиного когтя (Kme), обозначающаго согласныя Km, могло значить и Keme (Египетъ), Kom (власть, господство), Koma (высота). Настоящей тонической, даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквенной письменности достигли лишь тогда, когда принимали во вниманіе только первые или послѣдніе звуки рисунка и потому эти куски соединяли въ новыя слова. Но при томъ упрямствѣ, съ которымъ въ Египтѣ придерживались старины, эта многообѣщающая попытка не была проведена послѣдовательно; рядомъ съ знаками слоговъ оставались въ употребленіи и прежніе знаки словъ и понятій, и нужно было много труда, чтобы отличить одинъ отъ другихъ. Такимъ образомъ произошло, что не сами египтяне, а сосѣдніе съ ними народы изобрѣли чистую буквенную письменность, ставшую родоначальницей европейской системы письма. И вавилоняне не пошли дальше тонической письменности; только персы, наконецъ, преобразовали клинообразныя письма въ буквы. Этими изобрѣтеніями завершилось порабощеніе письменности языку, и она стала его орудіемъ или дополненіемъ.

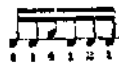
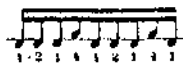
Исторія письменности доказываетъ, впрочемъ, также, насколько было бы нецѣльно говорить о исполнѣ общемъ, непрерывномъ теченіи прогресса. Склонность сознательно выбирать изъ хорошаго лучшее и создавать новыя виды письменности проявляется всюду, гдѣ на родѣ, не знающій до тѣхъ поръ письма, сейчасъ же переходитъ къ письменности, какъ только возможенъ извѣстный выборъ между различными системами. Въ особенности на азіатскомъ плоскогорьѣ, гдѣ образцами могли служить китайскія, персидскія и, позднѣе, арабскія письма, создавались нѣсколько разъ въ теченіе исторіи новыя виды письменности; изъ нихъ, впрочемъ, немногіе сохранились. И финикійская азбука, изъ которой опять-таки произошли греческія и латинскія письма, врядъ ли есть подраженіе вавилонскому, египетскому или гетическому образцу, но наполовину самостоятельное творчество; кромѣ того, если вѣрны новыя изысканія Клуге, Фриса и др., она имѣетъ удивительную исторію. Эта письменность, возникшая на островѣ Критѣ, что доказываетъ и значеніе буквъ на греческомъ языкѣ (Α=Ἀξίνη, топоръ, Μ=Μαῖμα, груди), повидимому, перенесена критскими переселенцами, вѣроятно, филистимлянами въ Палестину, и тамъ принята финикійцами. Переселеніе филистимлянъ подтверждается египетскими донесеніями о частыхъ нападеніяхъ европейскихъ островитянъ на египетскіе и сирійскіе берега. Затѣмъ, будто бы финикійцы перенесли азбуку, уже въ улучшенномъ видѣ, обратно въ Грецію.

Начала письменности показали, что тутъ происходила борьба за существованіе, которая, при другихъ предварительныхъ условіяхъ, могла бы одинаково окончиться побѣдой письменныхъ выраженій надъ словесными. Преобладаніе звукового языка въ нашихъ отношеніяхъ, какъ и въ маломъ мышленіи, вовсе не такъ просто, какъ это кажется. Даже то, что мы извлекаемъ слова съ помощью соответствующихъ орудій нашего тѣла, а не перерабатываемъ въ языкъ другіе звуки, вовсе не безусловно необходимо явленіе. Въ этомъ смыслѣ очень поучительно бросить взглядъ на удивительный барабанный языкъ западно-африканскихъ негритянскихъ племенъ; недавно Р. Бетцъ подробно описалъ его самую развитую форму у племени даулла въ Камерунѣ. Здѣсь дѣло идетъ о настоящемъ языкѣ,

Сигнальный барабанъ изъ Камеруна.

накоторомъ ведутъ длинные разговоры, дѣлаютъ сообщенія, а также угрожаютъ и бранятся; оскорбленія, наносимыя на барабанномъ языкѣ, строже наказываются, чѣмъ другія. Разговорный барабанъ (см. прил. рис.) сдѣланъ изъ цилиндрическаго куска красного дерева, имѣетъ приблизительно 50 сант. дл. и 25 с. шир., и два прорѣза по концамъ, каждый 20—40 сант. дл.; начиная отъ нихъ, кусокъ выдолбленъ внутри. Въ барабанъ бьютъ двумя палками изъ легкаго дерева; такъ какъ стѣнки барабана имѣютъ разную толщину, получается болѣе высокій и болѣе низкій тонъ, соответственно буквамъ барабаннаго языка. Барабаннымъ тонамъ соответствуетъ устный языкъ, который только въ ограниченномъ числѣ случаевъ примыкаетъ къ разговорному языку, главнымъ же образомъ совершенно самостоятельно или, вѣрнѣе, составляетъ подражаніе барабаннымъ звукамъ. Объяснимъ это нѣсколькими примѣрами. Барабанные тоны (причемъ ноты подъ чертой означаютъ низкій тонъ, а надъ чертой—болѣе высокій, цифры—четыре мѣста барабана, по которымъ можно ударить) повторяются устно звуками to-go-lo-gu-lo-lo-gu-lo и соответствуютъ слову madiba (вода, море, рѣка); тоны даютъ—Ko-lo-gu-lo-go-lo или to-lo-gu-lo-go-lo и означаютъ bwambo ba mutumbu (процессъ, судопроизводство). Слѣдовательно, можно также разговаривать устно на барабанномъ языкѣ. Изъ словъ составляютъ фразы самымъ удивительнымъ образомъ, который не совѣмъ

яsenzъ изъ примѣровъ, приведенныхъ Бетцомъ, и во всякомъ случаѣ заслуживаютъ болѣе точнаго анализа. Каждый даулла имѣетъ свое имя на барабанномъ языкѣ, но не все понимаютъ другъ друга на немъ. Барабанные языки встрѣчаются внутри страны Камеруна до самаго бассейна Конго; второй главной областью этихъ языковъ можно считать изменчивость рѣки Амазонки; въ другихъ мѣстахъ ограничиваются, болѣею частью, извѣстными сигналами, подобно военнымъ сигналамъ, и охотно прилагаютъ къ нимъ извѣстный текстъ, какъ это также дѣлаютъ наши солдаты. Баудихъ упоминаетъ, между прочимъ, о такомъ сигнальномъ текстѣ вождей ашанти: „Ашанти, хорошо вы себя теперь ведете?“, „Пока я живъ, ничего дурного не можетъ случиться“, „Я сынъ великаго вождя“, „Никто не смѣетъ оскорбить меня“. Вѣроятно, настоящіе барабанные языки образовались изъ этихъ зачатковъ, но приняли очень своеобразное и самостоятельное развитіе.

Если мы бросимъ взглядъ назадъ на древнюю исторію языка и письменности, мы откроемъ великую истину, которая, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи умственной культуры, проявится еще могущественнѣе: начала всякой духовной жизни и всѣхъ человѣческихъ дѣйствій тѣсно переплетены между собою, какъ корни частаго лѣса, которые невозможно и даже бесполезно рѣзко раздѣлить, хотя бы тамъ, наверху, гдѣ свѣтъ, немногіе стволы и выступали отдѣльно. Культурныя образованія можно сравнить и съ ручьями, обгушими съ горъ, источниками которыхъ тѣсно прилегаютъ другъ къ другу: дѣти одной общей матери, текутъ они по всѣмъ направленіямъ вдоль по странѣ, остаются, быть можетъ, долго разъединенными или иногда соединяются снова въ могучія воды. Языкъ и поэзія, изобразительное искусство, религія и наука берутъ начало въ темныхъ, но властныхъ побужденіяхъ внутренней жизни, и получаютъ, какъ зародыши растений, только при свѣтѣ пробудившейся духовной жизни свою форму, окраску и своеобразие.

2. Искусство.

Какъ утѣшающее мерцаніе болѣе свободнаго и благороднаго бытія, сіяетъ искусство надъ узкой, скудной дѣятельностью человѣка; какъ чудесный цвѣтокъ расцвѣтаетъ оно изъ всѣхъ произведеній творческой силы, порожденное не умствующимъ разумомъ, но все же захватывающее и прекрасное. И сравненіе съ цвѣткомъ не имѣетъ ли еще болѣе глубокаго смысла? Не есть ли все живущее и зачинающееся, что вырастаетъ подъ лучами солнца, не есть ли оно въ своемъ родѣ произведеніе искусства, отличающееся то предѣльнымъ строеніемъ,

то блестящей роскошью окраски? Не проявленіи ли той же первоначальной силы говорить намъ изъ этихъ созданій безсознательно-творящаго искусства и изъ творческой дѣятельности человѣка? Чисто механическому мировоззрѣнію могутъ быть очень не по вкусу всѣ попытки испать въ самой сущности вещей ихъ истинную своеобразность, а не выводить ее изъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но если дарвинистъ справедливо насмѣхается надъ ребяческой вѣрой, будто полевые цвѣты созданы для отрады очей человѣка, своимъ взглядомъ, что всѣ прелести цвѣтка существуютъ лишь для привлеченія насѣкомыхъ, онъ, быть можетъ, еще болѣе уклоняется отъ истины, освѣщаетъ лишь одну сторону вещей, оставляя самую суть вопроса во мракѣ. Почему именно тогда, когда садовникъ облегчаетъ цвѣтущимъ растеніямъ борьбу за существованіе, всего богаче развертывается ихъ художественная способность, какъ мы можемъ, пожалуй, назвать это въ данномъ смыслѣ? Почему, вмѣсто того, чтобъ носить тогда снокойно свою красу, они начинаютъ играть освободившимися силами, увеличивать число цвѣточныхъ лепестковъ въ ущербъ орудіямъ размноженія и принимать, какъ Анютины глазки или роза, самую разнообразную окраску? Подобныя же явленія мы видимъ у домашнихъ животныхъ; можно даже не безъ основаній защищать то мнѣніе, что борьба за существованіе тѣмъ болѣе подавляетъ склонность къ игрѣ, къ безсознательному творчеству искусства, чѣмъ болѣе она сурова. При случаѣ, когда тысячелѣтняя насѣдствленность не парализуетъ этой склонности, — она развертывается легко и быстро.

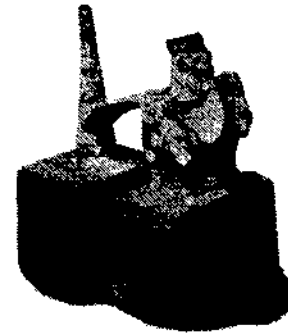
Даже если допустить, что пестрые покровы самцовъ у животныхъ нравятся другому полу и, при домогательствахъ, даютъ побѣду лучше украшенному, позволительно вопросъ: почему же это безцѣльное, въ другихъ отношеніяхъ, украшеніе вызываетъ чувство расположенія? Побужденіе, заставляющее тѣло видоизмѣнять просто полезное, заранее увѣрено въ достиженіи своей цѣли; для пониманія явленія здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, совершенно недостаточно естественнаго подбора, или онъ имѣетъ лишь второстепенное значеніе и не рѣшаетъ, а лишь затемняетъ самую суть вопроса.

Такимъ образомъ, искусство есть внутреннее свойство, присущее всему естественно-зачинающемуся, и когда человѣкъ выступаетъ самъ, какъ творецъ, и преобразовываетъ матеріалы природы въ новыя созданія — такъ же, какъ его тѣло построилось изъ развалинъ разрушенныхъ существованій — онъ въ то же время начинаетъ свою дѣятельность, какъ художникъ. Въ формѣ и видѣ всякой утвари, имъ созданной, уже есть иѣчто, выходящее за предѣлы чисто практической цѣли и принадлежащее царству искусства (см. рис. стр. 683); игра фантазіи можетъ перевѣсить даже совершенно и опредѣлить форму (см. рис. стр. 684).

Ни въ одной области человѣческой культуры, правда, результаты научнаго наблюденія такъ сомнительны и, при всей своей полнотѣ, такъ мало плодотворны, какъ въ области искусства. Виной этому не недостатокъ остроты ума или усердія. Случайно ли или вслѣдствіе болѣе глубокой причины отказано искусству во всѣхъ испытанныхъ средствахъ науки, тщетны всѣ измѣренія, вычисленія, расчлененія и эксперименты? Правда, еще не испробованъ одинъ могущественный источникъ познанія: въ то время, какъ эстетика и исторія искусства занимались почти исключительно только законченными произведеніями искусства высшей культуры и сѣево пренебрегали неприглядными зачатками и началами, встрѣчающимися у самыхъ примитивныхъ народовъ, — они пренебрегли именно тѣмъ

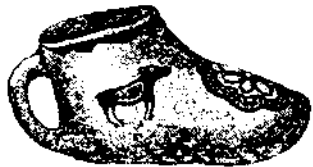
Древне-перуанскій глиняный сосудъ.

Древне-перуанскій глиняный сосудъ съ группой музыкантовъ.

путемъ изслѣдованія, который лучше всего можетъ привести къ болѣе глубокому познанію. Въ недавнее время начали, наконецъ, вступать на этотъ путь — прежде всего Карлъ Верманнъ въ своей «Исторіи искусства всѣхъ временъ и народовъ» — и многіе предрассудки старой эстетики уже должны были уступить передъ новымъ познаниемъ. Можно ли рѣшить послѣднюю загадку этимъ путемъ, который все же ведетъ только въ одну часть прошедшаго, — еще вопросъ, и, вѣроятно, первое увлеченіе уступить и здѣсь постепенно мѣсто болѣе хладнокровной критикѣ. Во-первыхъ, будетъ ошибкой, которая отомститъ за себя, если обращать вниманіе исключительно только на неуклюжія, неуверенныя и двусмысленныя начинанія, а высокое и законченное, что сначала слишкомъ привлекало взоры, совершенно отбросить въ сторону: кто односторонне, изъ перваго зародыша, заключить о сущности явленія, легко теряетъ нить, которая должна непременно связывать эти начала съ болѣе высокими формами развитія, и будетъ въ опасности смѣшать случайное, постороннее съ главнымъ.

Но трудность осмысленного познания искусства лежит именно в том, что его корни так далеко уходят в прошлое, что оно существовало ранее всякого сознания и, в сущности, еще теперь черпает свою настоящую творческую силу из бессознательно-действующих побуждений. Как мала, даже безразлична помощь разума и бодрствующего сознания при многих творениях искусства, всего лучше видно в музыке; Шарль дю Прель прав, рассматривал грезы, как параллель художественного творчества. Если у культурных народов создаются произведения искусства, — прежде всего поэтические, в которых, повидимому, преобладает разум и сознание, это объясняется тем, что многое сознательно-признанное и изученное снова становится побуждением и тогда может действовать так же полусознательно, как и первоначальные душевные побуждения. Поэт строит свои произведения из отрывков сознательно-полученных сведений, но собственно его действие не есть результат разумного соображения, а изливание глубоко в нем живущего побуждения, стремящегося к свободному проявлению.

Главный мокассин племени дунья (Съв. Америка).

Всего легче просто дать имя этому побуждению, например, назвать его художественным побуждением, и отказаться от дальнейшего исследования этой силы, источник которой лежит вдалеке по ту сторону всех человеческих культурных начал. Но возникает вопрос, не даст ли это расчленение на отдельные побуждения, иными каждое свою особенную за-

дачу, неврной картины именно в данном случае? Не заключается ли дело скорее в отдельных проявлениях того великого первоначального побуждения, которое Шопенгауэр так метко назвал «волей жить»? Пусть оно проявится в виде полового, общественного побуждения или побуждения выставить себя, оно остается тем же побуждением, которое только различными путями стремится выразиться, проявить жизнь, и для него отдельный индивидуум есть лишь переходящее средство для своего воплощения. Быть может, именно в бессознательных творениях искусства всего яснее видна его своеобразность, потому что тут на него всего меньше действуют влияния извне; но искусство начинается с первым появлением жизни на земле. Ведь преподнес же нашим художникам Эрнест Геккель, которого можно считать главным представителем исчезающего чисто-естественно научно обоснованного мировоззрения, художественные формы и постройки низших животных, как образец! Из всего этого вытекает, что исследования искусства первобытных народов и

доисторических остатков в лучшем случае уяснят нам, в каком виде сначала выказывается у человека это явление, при своеобразном условии лишь отчасти сознательной душевной жизни; но эти исследования все же не могут нам осветить внутреннюю суть искусства. Трудно ведь даже подвести под одну общую точку зрения зачатки развивающегося у людей искусства времени или подвижного искусства — танцев, музыки и поэзии, с зачатками создательных искусств или искусств в пространстве, так как их проявления слишком мало согласуются. Они как бы возникли из разных источников; тем не менее, их внутренняя суть одинакова, и никогда не пытались отрицать их родство.

Давно также признана связь между искусством и играми; в сущности, они действительно однородны, с той разницей, что игры, в общем, больше означают действия без практической цели, а искусство нуждается еще в формах или, на более высоких ступенях, в известном духовном содержании. Уже много раз выяснялось, как велико значение игр для начала человеческой культуры. Так как их можно назвать разряжением избытка сил, проявляется и в этом смысле их тесное родство с бессознательными художественными произведениями органической природы, выступающими всего более там, где борьба за существование сравнительно легче или облегчается человеческой помощью. Нужно, правда, употреблять осторожно выражение «избыток сил», так как наши понятия об этом очень различны от понятий первобытных народов, и вообще об этом можно судить только с точки зрения каждого отдельного человека: голодный дикарь, который, хорошо поевши, танцует в продолжение нескольких часов, а завтра, по всей вероятности, опять будет голодать, с нашей точки зрения вовсе не имеет излишка сил и поступил бы гораздо лучше, если бы, вместо танцев, пошел опять на розыск пищи, на добывание себе лучшего крова, одежды и т. п. Но привлекательность игр сильнее страха нужды.

Рискованно также говорить о побуждении к играм, как о художественном побуждении. Всякий вид деятельности и проявления жизни может перейти в игру, и игра, в свою очередь, может превратиться в серьезное занятие. Это показывают нам птицы, проявляя при построении гнезда художественные склонности, складывая в мелодию стайный шум или призыв к парованию, также устраивая танцы сватовья, и даже к исканию пищи прилагая безцельную игру, как, например, австралийская птичка — игрунья, которая сносит и раскладывает на земле листья или собирает пестрые камушки. Как становится игра работой, легко понять: в игре всего свободнее выражается изобретательная сила; эти же пу-

темъ создаются новыя формы и обычаи, чтобы сдѣлаться потомъ необходимыми и стать частью культуры. Такъ какъ для наслажденія подвижными искусствами они должны всегда воспроизводиться, игра можетъ легко развиться въ призваніе и, повидямому, совершенно равноправно выступить рядомъ съ продуктивными видами призванія. Другой переходъ отъ игры къ работѣ вызывается или тѣмъ, что игра служитъ упражненіемъ силъ, или тѣмъ, что къ работѣ относятся наполовину, какъ къ игрѣ: она становится пріятной вслѣдствіе своей привлекательности, пока, наконецъ, эта игра, повторяясь, переходитъ въ серьезное занятіе.

Если воля жить творчески проявляется въ искусствѣ, понятно, что одно изъ ея могущественнѣйшихъ выраженій, полая любовь или побужденіе къ продолженію рода, проявляется въ искусствѣ, когда и въ игривыхъ, но сильныхъ и все возвращающихся чертахъ. Эти черты такъ бросаются въ глаза, что ихъ считали начальнымъ основаніемъ всей художественной дѣятельности, а искусство объявили облагороженнымъ, вознесеннымъ на болѣе чистыя высоты половымъ побужденіемъ. Хотя нѣтъ недостатка въ эротическихъ, часто до крайности циничныхъ танцахъ съ соответствующими имъ пѣснями, хотя и въ образномъ искусствѣ чувственное часто выступаетъ также то въ грубомъ, то въ наивномъ видѣ, но не можетъ быть рѣчи о перевѣсѣ эротическаго элемента; военные и похоронные танцы, рабочія пѣсни, безчисленныя изображенія предковъ и вытекающіе изъ нихъ орнаменты—не имѣютъ ничего общаго съ половой любовью, а суть лишь воплощеніе другихъ склонностей и побужденій. Даже многочисленныя фаллическія изображенія суть просто рѣзко подчеркнутые символы, не имѣющіе источникомъ чувственность. Кто остановится на этомъ убѣжденіи, легче пойметъ и удивительное положеніе обоихъ половъ относительно искусства: безъ сомнѣнія, мужчина обладаетъ гораздо болѣе творчествомъ, чѣмъ женщина, и прежде всего особенно въ музыкѣ, которая, какъ это показываетъ пѣніе птицъ, всего ближе стоитъ къ эротизму, такъ что можно допустить, что это преимущество мужчины связано съ его половой задачей; но это еще не позволяетъ отрицать въ женщинѣ художественныя способности, такъ какъ эротизмъ, быть можетъ,—самая важная, но вовсе не единственная область въ искусствѣ. То, что менѣе обремененная работой женщина у первобытныхъ народовъ обыкновенно можетъ больше тратить на игры излишекъ силъ, заслуживаетъ лишь второстепеннаго вниманія.

При всемъ этомъ еще не вполне понятна привлекательность занятія игрой, которая выражается въ длительномъ удовольствіи и внутреннемъ подъемѣ духа зрителя передъ произведеніями образнаго искусства. Всякое искусство имѣетъ въ себѣ нѣчто ошляпающее,

увлекающее, даже въ его грубыхъ формахъ, какъ неводержанный танецъ, нѣчто ошеломляющее до экстаза. Если мы посмотримъ на всякую игру и затѣмъ на всякое художественное упражненіе, какъ на разряженіе излишка энергіи, тогда по крайней мѣрѣ физиологическая сторона вопроса легко понятна: накопленныя силы требуютъ исхода и это вызываетъ чувство неудовольствія, которое переходитъ въ довольство и даже бурную радость при открытіи плана, когда изліяніе дозволено. Изъ этого же выходитъ, почему работа, т. е. всякая дѣятельность, выпущенная требованіями бытія, только въ исключительныхъ случаяхъ вызываетъ чувство удовольствія: при игрѣ можно выбрать моментъ разряженія силъ и прекратить ее, какъ только прекратилось вызванное этимъ разряженіемъ удовольствіе; при работѣ же, обыкновенно, ни начало, ни конецъ ея не предоставлены единичному желанію. Отсюда и склонность до тѣхъ поръ относиться къ работѣ, какъ и къ игрѣ, пока направленіе силъ не урегулируется ею и ежедневно повторяющаяся работа не становится пріятнымъ чувствомъ разряженія силъ.

Разсматривая привлекательность искусства и игры съ духовной стороны, они являются чувствомъ свободы. Человѣкъ, угнетенный и утраченный заботами существованія, создаетъ себѣ міръ иллюзій, въ которомъ падаютъ всѣ стѣсняющія преграды, и всякая цѣль кажется достижимой; въ которомъ и страданія бытія обращаются въ ласковую игру. Въ наивномъ видѣ показываютъ намъ это игры дѣтей: для маленькихъ шалуновъ, бѣгающихъ по кучѣ песку, песчинки—драгоценныя камни и золото, лужа—море, листья съ дерева—флотъ гордыхъ судовъ, пара былинковъ—великолѣпный садъ; одинъ машетъ дѣтской саблей, какъ генераль громаднаго войска, другого бумажная корона превращаетъ въ короля или императора. Въ сущности, то же самое дѣлаетъ искусство, только въ высшемъ смыслѣ. Тому, кто поддается его чарамъ, оно уступаетъ долю во всемъ великомъ и прекрасномъ, чѣмъ владѣютъ и чего добиваются люди; оно расширяетъ на минуту тѣсный кругъ его отдѣльнаго существованія, даетъ ему понять, что онъ принадлежитъ къ необъятному сообществу, что онъ есть часть цѣлаго природы; и безпредѣльно возмншаетъ его чувство бытія и сознаніе силы. Даже въ грубѣйшихъ формахъ художественныхъ зачатковъ лежитъ хотя бы зародышъ этой удивительной привлекательности искусства. Его можно также назвать непосредственной формой познанія, которая, исходя изъ движеній бессознательной внутренней жизни, хотя менѣе ясна, но глубже и убѣдительнѣе, чѣмъ всѣ познанія, съ трудомъ добытыя разумомъ. Старинное выраженіе „poeta - propheta“ имѣетъ свой смыслъ.

Расширеніе отдѣльнаго существованія высказывается еще дру-

гитъ образомъ, очень важнымъ для общественной жизни: всякое упражненіе въ искусствѣ есть въ то же время средство повысить чувство общности и возстановить гармонию ощущеній внутри общества. Это происходитъ уже потому, что искусство принуждаетъ къ подражанію, по крайней мѣрѣ въ простыхъ формахъ искусства времени; танецъ, напимѣръ, и сопровождающая его строго-ритмическая музыка вызываютъ желаніе принять въ немъ участіе полуневольными движеніями. Здѣсь вступаетъ въ полное дѣйствіе „законъ подражанія“, какъ его называлъ Тардъ, или, по выраженію Бильбота, „психо-физиологическій законъ со-дѣйствій и со-чувствій“. Но всякое чувство совмѣстнаго гармоническаго сліянія есть въ то же время возвышеніе довѣрія и силы. И это опять бросаетъ мимолетный

Дино, играющіе на музыкальныхъ инструментахъ.

свѣтъ на важность совмѣстныхъ рабочихъ пѣсенъ; но та же самая черта проявляется и въ произведеніяхъ образнаго искусства, имѣющихъ объединяющій характеръ, какъ это показываютъ общественныя зданія и изображенія предковъ, храмы и статуи боговъ разныхъ народовъ. Наиболее чистой сохранила эту силу музыка, такъ какъ она меньше всего задѣта сознаніемъ; музыка, самое наивное изъ искусствъ, охотно примѣняется сознательно для созданія общаго настроенія: церковная музыка и пѣніе, веселые военные марши, музыкальныя прелюдія къ драмѣ, неизбежная музыка на всякихъ празднествахъ и во время процессій, даже музыка на торжественныхъ похоронахъ—все служитъ этой цѣли. У первобытныхъ народовъ тоже нѣтъ недостатка въ зачаткахъ этихъ различныхъ примѣненій музыки (см. прил. рис.). Искусству удается соединить спутанныя, беспорядочныя стремленія чувствъ отдѣльныхъ лицъ прежде всего потому, что, при полной свободѣ, въ немъ въ то же время господствуетъ нѣкоторый элементъ порядка, который въ музыкѣ и поэзіи, гдѣ онъ всего легче выступаетъ, называется ритмомъ. Можетъ быть, проще и вѣрнѣе всего замѣнить слово „ритмъ“ словомъ „повтореніе“, потому что всякій ритмъ, въ своей основѣ, есть повтореніе; впрочемъ, не всякое повтореніе можно замѣнить словомъ ритмъ.

Уже заранѣе можно было предположить, что повтореніе, какъ основной законъ формы, должно проявляться какъ во всѣхъ произведеніяхъ органической природы, такъ и въ созданіяхъ искусства. Ни одно органическое тѣло не соответствуетъ, по своему строенію, тѣмъ сложнымъ, беспорядочнымъ соединеніямъ и породамъ, слѣ-

женнымъ изъ разнородныхъ остатковъ, какія намъ представляетъ геологія въ видѣ составныхъ частей земной коры. Однакожнія составныя части всегда располагаются симметрично, рядомъ, а все тѣло обнаруживаетъ въ своемъ строеніи различныя виды симметріи, которые представляютъ опредѣленныя видоизмѣненія повторенія. Точно также всякое произведеніе искусства нуждается въ повтореніи, чтобы нѣкоторымъ образомъ воплотиться, будь это хотя бы простымъ подраженіемъ естественному образцу; особенно ярко это проявляется въ орнаментахъ, а также и въ искусствахъ времени: ритмъ и тактъ, рима, созвучіе, художественное стихосложеніе— все это лишь особаго рода повторенія. Симметріи соответствуетъ гармонія, тончайшая и благороднѣйшая форма повторенія; въ романѣ, напимѣръ, она обнаруживается въ согласованіи отдѣльныхъ частей. въ живописи—умѣетъ достигнуть законченности картины почти незамѣтными средствами. Всегда въ этомъ заключается цѣлостность произведенія искусства, его преобразование въ самостоятельное органическое тѣло.

Но созданія искусства нуждаются въ этой тѣлестности, въ этомъ высшемъ удержаніи формой, чтобы не быть бесплодно распыляющимися, и только этимъ они пріобрѣтаютъ иллюзію правды и права. Видъ въ извѣстномъ смыслѣ, повторить значитъ—установить. Что послѣ молніи слѣдуетъ ударъ грома; что отъ нагрѣванія солнцемъ становится тепло, мы знаемъ прежде всего потому, что явленія постоянно повторяются и только постепенно научаемся мы понимать дѣйствительную зависимость явленій. Такимъ же образомъ и ребенокъ научается ориентироваться среди окружающаго, такъ какъ отъ повтореній опредѣленнаго ряда событій онъ заключаетъ объ ихъ взаимной зависимости. Такимъ образомъ только форма, съ ея постоянными повтореніями, даетъ свободнымъ проявленіямъ фантазіи иллюзію дѣйствительнаго, обоснованнаго бытія.

Наконецъ, повтореніе есть сохраненіе энергіи и, такимъ образомъ, главная причина свободнаго, дающаго счастье, характера искусства. При работѣ, требующей не только механическаго исполненія, но и постоянного вниманія при каждомъ движеніи, умъ человека напрягается совершенно иначе, чѣмъ при автоматическомъ исполненіи танцевъ или при напѣваніи простаго мотива. Отсюда вытекаетъ и склонность сдѣлать работу, насколько возможно, автоматической, и тѣмъ придать ей характеръ игры, что достигается всего лучше совмѣстными напѣвами въ тактъ. Даже, когда работа не можетъ уже быть полуавтоматической, и орудія ея, звучація въ тактъ, не составляютъ ритма, рабочія пѣсни даютъ занятію все же иллюзію игры, побужденія, пока, наконецъ, постепенно умолкаютъ, когда работа стала установившейся привычкой, и работающіе не нуждаются больше въ особенномъ привлеченіи къ ней. Слѣдовательно,

нельзя сказать, чтобы связь между работой и искусством во времени была неразрывна: и у самых первобытных народов встречаются пѣсни безъ работы и работы безъ пѣсней.

Если мы теперь сузимъ кругъ нашего изслѣдованія и постараемся узнать, какія искусства можно наблюдать у первобытныхъ народовъ, мы должны будемъ, для облегченія обзора, отдѣлить искусство во времени отъ искусствъ въ пространствѣ. Что соединяетъ оба эти отдѣла въ одно цѣлое, уже достаточно выяснено.

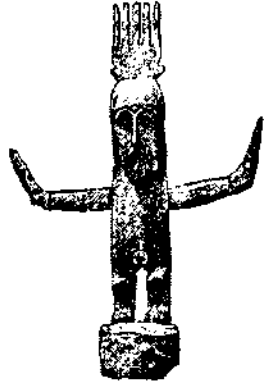
Всѣ искусства во времени—танцы, музыка, стихосложеніе—вырастаютъ изъ одного общаго основнаго слоя; музыка и танцы въ началѣ не раздѣльны, а поэзія сначала сопровождаетъ ихъ обояхъ въ видѣ наѣва и лишь постепенно достигаетъ большей самостоятельности. Музыка, въ видѣ самостоятельнаго искусства, появляется

также довольно рано, между тѣмъ какъ настоящій танецъ не можетъ обойтись безъ музыки. Его самостоятельная форма есть пантомима; вмѣсто нея, впрочемъ, большей частью развивается драматическое предста-

Трещотка для танцевъ изъ вление, которое стучалия хлоповъ (Аляска).

въ своихъ зачаткахъ можетъ быть названо соединеніемъ танца и стихосложенія.

Если танецъ и музыка образуютъ нѣчто цѣлое, не подлежащее все же сомнѣнію, что танецъ, эта „поэзія движенія тѣла“, въ началѣ важнѣе, чѣмъ сопровождающій его ритмическій шумъ, часто состоящій только въ хлопаньи ладошами, въ бряцаньи оружіемъ или простыми трещотками (см. прил. рис.) и т. под. Оба искусства первоначально суть проявленія удовольствіемъ людей быть вмѣстѣ, но скоро получаютъ возможность передавать, играть, всѣ настроенія, и тогда уже сознательно примѣняются къ опредѣленнымъ цѣлямъ, а танцы достигаютъ даже такого значенія въ обществѣ, что ихъ иногда олицетворяютъ въ божествѣ (см. прил. рис.). Поэтому прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на форму танца, между тѣмъ какъ высшіе виды танцевальнаго искусства, переходящіе въ концѣ концовъ въ мимическія представленія, лучше всего могутъ быть раздѣлены на группы по смыслу.

Богъ танцевъ Кисару (Индонезія).

Сомнительно, можно ли разсматривать, какъ простѣйшую начальную форму, нѣкоторые виды африканскихъ танцевъ, въ которыхъ каждый участникъ, не обращая вниманія на другихъ, продѣлываетъ различныя, неграціозныя кривлянья; скорѣе мы здѣсь имѣемъ одно изъ многихъ доказательствъ недостатка художественнаго дарованія, что вообще замѣчается у негровъ. Въ общемъ, для раннихъ видовъ танца характеристично исполненіе опредѣленныхъ со-вѣстныхъ, хотя бы простыхъ движеній, какъ, напримѣръ, танцы въ кругъ и въ рядъ, которые часто сохраняются и при высшихъ формахъ танцевъ. По словамъ Г. де Фруисепера, у племени динка мужчины часто исполняютъ настоящія пантомимы, между тѣмъ какъ танецъ женщины не идетъ дальше простыхъ прыжковъ въ кругъ. Нѣчто подобное наблюдалъ ф.-Франсуа, проѣзжая черезъ непріятельскую деревню при устьѣ Буссера: вооруженные луками, коньями и щитами, мужчины принимали свирѣпыя, воинственныя позы, а женщины танцовали большимъ, открытымъ къ берегу, полукругомъ, припѣвая: „Приходите, берите ваши стрѣлы!“

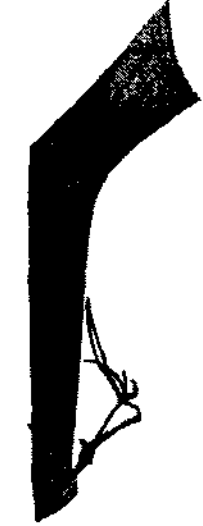
Деграндепре наблюдалъ на берегу Лоанга очень простой танецъ мертвыхъ, центромъ котораго былъ трупъ умершаго: женщины, вертясь, медленно кружились вокругъ него, къ нимъ присоединялись все новыя и, наконецъ, вокругъ мертвенца стала двигаться большой кругъ. Очень похожій на этотъ танецъ наблюдалъ часто Штульманъ въ области Букоба, но онъ могъ считаться выраженіемъ радости въ самой простой формѣ: послѣ работы люди сошлись въ кругъ и съ тѣнями двигались другъ за другомъ, дѣлая при каждомъ шагѣ четверть оборота впередъ и назадъ, и при этомъ странно перекидывали ногами. Ногго пришлось наблюдать, при входѣ каравана въ Клогу, круговой танецъ женщинъ, которыя при этомъ размахивали высоко поднятыми руками и судорожно подергивали тѣломъ.

Эти простыя формы танцевъ способны къ дальнѣйшему развитію. Какъ на праздникѣ мертвыхъ, на берегу Лоанга, центръ круга составлялъ мертвецъ, такъ точно другія лица и предметы могутъ служить центромъ. Въ любимомъ танцѣ негритовъ нѣсколько дѣвушекъ стоятъ въ срединѣ, а вокругъ нихъ медленно двигаются мужчины, держачіе другъ друга за поясъ. Въ побѣдныхъ танцахъ многихъ сѣв.-американскихъ племенъ въ центрѣ находится привязанный къ колу плѣнникъ; въ позднѣйшее время, по словамъ Геккельдера, его часто замѣняли раскрашенный козъ, которому во время танца грозили и даже наносили удары. Чаще всего, когда танцуютъ сами уже не производятъ ритмическаго шума, центромъ является оркестръ. По наблюденіямъ Бухта, у племени шилуитъ простой круговой танецъ часто является только введеніемъ или интермедіей къ мимическому представленію: танецъ мужчинъ начинается безконечнымъ

круговымъ бѣгомъ, сопровождаемымъ ритмическимъ приѣвомъ, послѣ чего участники раздѣляются на двѣ группы и изображаютъ примитивное сраженіе. Характерно, что и здѣсь женщины сохранили почти безъ измѣненія простѣйшую форму танца и, тѣсно прижавшись другъ къ другу, кружились съ сильными движеніями бедеръ во кругъ барабанильщицы, служащей центромъ круга. Наконецъ, переходомъ къ высшимъ формамъ танцевъ является выступленіе первой пары танцующихъ; напримеръ, въ Новой Британіи, по показаніямъ Паркинсона, танцующіе двигаются двумя длинными рядами и всѣ движенія первой пары повторяются остальными.

Танцамъ въ кругъ и въ рядъ, въ которыхъ преимущественно находится въ движеніи нога, противопоставляются другіе танцы, въ которыхъ главную роль играетъ верченіе и раскачиваніе верхней части туловища и рукъ, причемъ равномерность движеній перѣдко облегчается специальными пальцами (см. прил. рис.) или палками. Преобладаніе того или другого рода танцевъ тоже важно въ этнографическомъ отношеніи; Востокъ, Индія и Индокитай—классическія области танцевъ рукъ, какъ ихъ краткій можно назвать въ противоположность танцамъ ногъ; даже испанскіе національные танцы принадлежатъ преимущественно къ этой группѣ. Танецъ рукъ, менѣе рассчитанный на участіе всѣхъ присутствующихъ, чѣмъ на то, чтобы понравиться спокойно-сидящимъ зрителямъ, благопріятствуетъ зарожденію specialнаго класса танцоровъ—по призванію. Иногда обнаруживается склонность выставить передъ изумленными зрителями вмѣсто общаго танца—танецъ немногихъ, и тогда одна часть отдѣляется, а другіе тивцуютъ, или показываютъ свое искусство только отдѣльными группами—войны, молодые дѣвцы и т. под.; или, наконецъ, масса зрителей, приѣвая и прихлопывая, является примитивнымъ оркестромъ.

Итакъ, эти различныя ступени обнаруживаютъ намъ всякаго рода формы упражненія въ искусствѣ и наслажденія имъ: танцоры первой пары, выдумывающіе новые танцы, суть творческія натуры, остальные же участники, которые подражаютъ новымъ или повторяютъ старые танцы, сохраняютъ за собою исключительно воспроизведеніе. Зрители представляютъ необходимую противоположность творцамъ: они просто наслаждающаяся и воспринимающая часть. И некоторымъ образомъ то, чѣмъ женщина является для мужской производительной силы—и въ этомъ случаѣ одно безъ другого не мо-

Таноръ для танцевъ изъ краснаго трубчатого камня (Верхній Миссури).

жетъ долго существовать. Только на низшихъ ступеняхъ развитія всѣ три класса, по крайней мѣрѣ повидимому, сливаются въ одинъ—повидимому, потому, что и простѣйшія формы танца должны имѣть творца, который нѣкоторымъ образомъ невидимо присутствуетъ во время дѣйствія, какъ руководитель цѣлаго. Вѣдь и танцы, какъ всякое произведеніе искусства, смотря по обстоятельствамъ и продолжительности существованія данного общества, живутъ неизмѣримо дольше, чѣмъ ихъ творцы.

Правда, въ остальномъ танцы представляютъ такую форму искусства, которую очень неудобно передать картиной или словомъ. Въ настоящее время изобрѣтеніе кинематографа увеличиваетъ возможность точнаго изученія танцевъ въ подробностяхъ, и весьма вѣроятно, что сравнительное народовѣдѣніе со временемъ удачно воспользуется этимъ средствомъ. Аудиторія этнографіи въ университетѣ будущаго будетъ снабжена этимъ инструментомъ и принадлежащими къ нему приспособленіями—въ настоящее время народовѣдѣніе вообще не считается наукой и, за немногими исключеніями, не имѣетъ ни аудиторій, ни профессоровъ. До сихъ поръ кинематографъ почти не примѣнимъ для научныхъ цѣлей по своей дороговизнѣ, и поэтому дальнѣйшее изслѣдованіе танцевъ, съ чисто формальной стороны, почти невозможно. Но если мы будемъ имѣть въ виду смыслъ различныхъ танцевъ, обзоръ удастся намъ гораздо легче.

Происхожденіе всякаго упражненія въ искусствѣ изъ побужденія жить, слѣдовательно, изъ бессознательнаго, указываетъ намъ, что разумный смыслъ въ искусствѣ вовсе не обязателенъ. Но сознаніе быстро производитъ свое дѣйствіе даже въ музыкѣ, которая собственно можетъ передавать только настроенія; но даже въ формѣ, заслужившей дурную славу «программной музыки» или оперы, ей приходится, въ всякомъ случаѣ, худо ли, хорошо ли, приравниваться къ требованіямъ сознанія. Танцы давно уже постигла та же участь. Прежде всего, они выражаютъ бессознательно ощущаемое, слѣдовательно, простые настроенія, какъ—радость, печаль, гнѣвъ, любовь, и т. д.; затѣмъ, они переходятъ въ мимическія представленія, которыя невозможны безъ предварительнаго сознательнаго наблюденія надъ изображаемыми дѣйствіями. Поэтому можно различать танцы настроенія и мимическіе.

Въ основѣ большей части простѣйшихъ танцевъ лежитъ простая радость бытія, которая у человѣка обыкновенно соединяется съ удовольствіемъ жизни въ обществѣ; соответствующая этому музыка происходитъ или изъ полуневольныхъ звуковъ, сопровождающихъ движенія во время танцевъ, или изъ того стайнаго шума, который мы отмѣтили, какъ главный источникъ рѣвья. Иногда происходятъ также особаго рода состязанія для разряженія избытка силъ. Такъ,

Денгамъ наблюдалъ на остр. Бука танецъ женщинъ, при которомъ напоследокъ танцующія сбѣгаютъ попарно и ударяются задними частями тѣла съ такой силой, что одна изъ женщинъ непременно падаетъ на землю. Подобное же заключеніе танцевъ видѣлъ Кампбелъ у бетчуановъ: мужчина и женщина сталкивались лбами и поднимался страшный, радостный крикъ, когда побѣждала женщина и съ удавалося новалить противника. Въ другихъ танцахъ, начинающихся медленно и достигающихъ постепенно такой быстроты, что танцующіе падаютъ отъ усталости,—танецъ, повидимому, является средствомъ вызвать одурѣніе или привести въ экстазъ. Специально такую цѣль преслѣдуютъ извѣстные деревни, для которыхъ танцы являются въ то же время религіознымъ обрядомъ.

Несмотря на такія крайности, танцы являются желаннымъ средствомъ, чтобы испытать вполне пріятныя или сильныя ощущенія, чтобы искусственно продлить краткое наслажденіе, чтобы заполнить мнимой дѣятельностью безсодержательныя празднества и собранія.

Танцы настроенія легко могутъ перейти въ мимическіе, когда начинаютъ передавать дѣйствія, вытекающія изъ настроенія. Особенно легко поддаются такому преобразованію танцы любовныя и военныя. Въ эротическихъ танцахъ особенно часто изображается наглядно домогательство любви. Напримѣръ, въ танцѣ комитанъ тагаловъ—въ $\frac{3}{4}$ или $\frac{2}{3}$ такта—передается картина любовной страсти съ перваго ея проявленія до сильнѣйшаго взрыва желанія. Иногда самое серьезное предложеніе тоже выражается танцами—какъ наблюдалъ Дезанпортъ въ Моландѣ (задняя Индія): это одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ переходовъ отъ игры къ дѣйствительности, какіе замѣчаются и въ рабочихъ пѣсняхъ. Многіе эротическіе танцы первобытныхъ народовъ чрезвычайно циничны и на нашъ вкусъ отвратительны, но еще Вильсонъ, при описаніи танцевъ на Таити, замѣтилъ, что въ обыденной жизни не замѣчается ничего подобнаго этимъ вольностямъ въ танцахъ; въ танцахъ къ любви относятся, какъ къ игрѣ, которая при всемъ преувеличеніи, все же сохраняетъ простодушный характеръ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нѣтъ надобности отправляться на Таити, а просто посмотрѣть обыкновенныя наші европейскіе танцы, которые все имѣютъ ярко-выраженную эротическую черту: ни костюмы дамъ, ни жесты и позы танцоровъ не соответствуютъ тому, что принято въ обыденной обстановкѣ, и за стѣнами танцевальной залы возбудили бы естественное удивленіе.

Конечно, танцы не всегда невинны, такъ какъ они являются также сильно дѣйствующимъ средствомъ привлеченія и, дѣйствительно, эротическіе танцы часто вырождаются въ дикія оргіи; это наблюдалъ и Клоцель у байевъ во внутренней странѣ Камеруна; у мулда—воль (передн. Индія), по показаніямъ миссіонера Теллинг-

гауза, многіе танцы приняли такой развратный характеръ, что лучшая часть племени отказалась отъ участія въ нихъ.

Военный танецъ или развивается въ пантомиму, или переходитъ въ дѣйствительную битву. Самъ по себѣ онъ можетъ быть игрой для игры, но его легко соединяютъ съ дѣйствительными событіями, причемъ онъ долженъ или пробуждать воспоминаніе о прежнихъ битвахъ, или служить важнымъ средствомъ для возбужденія общаго воинственнаго настроенія передъ битвой. Именно въ первомъ случаѣ онъ легко переходитъ въ мимическую передачу или, по крайней мѣрѣ, выступаютъ отдѣльныя пары, ведущія примѣрное сраженіе. Виссманъ описываетъ военный танецъ племени бакуба, изображающій весь ходъ большой битвы. «Съ вызывающей осапкой и поднятымъ вверхъ оружіемъ выступаютъ другъ противъ друга отряды и опять отступаютъ; затѣмъ, отдѣльныя лица выпрыгиваютъ большими скачками изъ отрядовъ, дѣлятся оружіемъ и стрѣляютъ вверхъ, носатъ чего опять быстро скрываются въ толпѣ. Затѣмъ, отряды набрасываются другъ на друга съ громкими военными криками и начинается отчаянный рукопашный бой, во время котораго одни у другихъ стараются отнять оружіе». Еще, пожалуй, чаще, чѣмъ мимическій танецъ для воспоминанія, встрѣчается военный танецъ передъ настоящей битвой для возбужденія энтузіазма въ толпѣ. Почти у всѣхъ первобытныхъ народовъ существуетъ такой обычай; часто танцуютъ даже передъ врагомъ и стараются угрозами и презрительными жестами вызвать его на бой. Съ психологической точки зрѣнія замѣчательны тѣ случаи, когда военные танцы потому только переходятъ изъ забавы въ дѣйствительность, что они возбуждаютъ въ танцорахъ неистовую ярвожадность, которая разрѣшается слѣпымъ желаніемъ разрушенія. На остр. Тринидадъ началось индійское возстаніе, совершенно заранѣе не предполагавшееся, изъ праздничнаго военного танца, при которомъ присутствовали, въ качествѣ зрителей, многіе испанцы. Танцоры бросились подъ конецъ на своихъ порабитителей и вырвали ихъ всѣхъ. Барту съ трудомъ удалось избѣжать подобной же участи, когда онъ въ Агадѣ (Сахара) смотрѣлъ на военный танецъ.

Мимическіе танцы, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, соответствуютъ отчасти непосредственному подражанію природѣ въ образныхъ искусствахъ. Особенно охотно подражаютъ поведенію животныхъ; напримѣръ, Шелонгъ наблюдалъ въ Фляшгафенѣ танецъ, изображающій любовное домогательство двухъ птицъ: лѣтухъ кружился около курицы, хлопалъ крылья, но встрѣчалъ помѣху въ соперникъ и былъ имъ побѣжденъ. По показаніямъ Дальтона, чуанги у Каттака, въ передней Индіи, знаютъ танцы медвѣдей, голубей, свиней, черепахъ и перепеловъ. Подробнѣе онъ описываетъ танецъ корнуновъ, во

время которого мужчина ложится на землю, притворяясь мертвымъ, а дѣвушки вирипрыжку приближаются къ нему, набрасываются на него и до тѣхъ поръ шиплютъ пальцами, пока онъ громко вскрикиваетъ, ко всеобщему удовольствію.

Замѣчательны мимическіе танцы жителей Фиджи, подробно описанные Г. С. Куперомъ. Таковъ танецъ летающихъ лисицъ, въ двухъ дѣйствіяхъ. Въ первомъ дѣйствіи танцуютъ другъ противъ друга двѣ группы фантастически одѣтыхъ мужчинъ, не давая никакого настоящаго мимическаго представленія; во второмъ—въ центрѣ танцевальной арены устанавливается шесть съ искусственной кистью банановъ, которые похищаются летающими лисицами послѣ того, какъ послѣднія порхаютъ вокругъ него, стараясь, насколько возможно ближе, подражать оригиналу. Фиджійскіе танцы дошли даже до изображенія явленій природы въ танцѣ «морское волненіе», изображающемъ прибой волны на рифы. «Сначала,—описываетъ Куперъ,—они вытягиваются въ длинную шеренгу; затѣмъ, человекъ 10—12 выступаютъ все разомъ изъ шеренги на нѣсколько шаговъ впередъ, причемъ наклоняютъ впередъ туловище и разставляютъ руки, желая изобразить, какъ маленькіе набѣги волны взбѣгаютъ на морской берегъ. Волна набѣгаетъ за волной, затѣмъ, въ концѣ длинной шеренги, они начинаютъ бѣгать вокругъ, сначала немногіе, причемъ нѣкоторые возвращаются назадъ, потомъ число бѣгающихъ все увеличивается, какъ приливъ все поднимается на берегъ рифа, пока не остается только маленький коралловый островъ. Музыканты при этомъ производятъ шумъ, похожій на шумъ буруна. Когда же приливъ поднялся выше, и волны, встрѣчаясь на островѣ, вступаютъ въ бой, танцоры при встрѣчѣ скидываютъ руки надъ головой, и ихъ головы, украшенные бѣлыми лоскутками, дрожатъ при каждомъ прыжкѣ, какъ пѣна на волнахъ прибою. Народъ, сидящій вокругъ, явукетъ отъ восхищенія». Въ другихъ мѣстахъ изображается въ танцахъ хозяйственная дѣятельность человека. На островѣ Варриоръ, въ Торесовомъ проливѣ, Моресби, кромѣ военныхъ и любовныхъ танцевъ, наблюдали танцы, изображающіе ловлю рыбъ въ морѣ и охоту острогой на дюгонговъ (особый видъ большихъ морскихъ млекопитающихъ). Но самый красивый танецъ—изображеніе начала періода сѣв.-западнаго муссона и посадка полевыхъ плодовъ. Быстрый бѣгъ танцоровъ вокругъ огня означаетъ дуновение вѣтра, потомъ дѣлаютъ видъ, что копаютъ землю, садятъ различныя клубныя растенія и, въ заключеніе, исполняютъ веселый круговой танецъ, какъ будто выражая радость по случаю окончанія работы.

Перечисленные до сихъ поръ танцы могутъ въ цѣломъ быть разсматриваемы, лишь какъ безцѣльныя художественныя упражненія, хотя военные и любовные танцы показываютъ уже, какъ можно

пользоваться возбужденіемъ и воодушевленіемъ, вызываемыми танцами. Этимъ путемъ развитіе идетъ дальше. Прежде всего танцы легко пріобрѣтаютъ мистическій характеръ, потому что оцѣпененіе и восторженность, въ которыя впадаютъ танцоры, благодаря бѣшеному круженію, считаются тѣмъ-то сверхестественнымъ и волшебнымъ, точно такъ же, какъ нерѣдко ставилось въ связь съ религиозными представленіями опьяненіе, являющееся послѣдствіемъ употребленія алкоголя и наркотическихъ веществъ. При всякомъ леченіи болѣзней танцы—неизбѣжное добавленіе. Всего болѣе распространены и очень важны, какъ источникъ различныхъ дальнѣйшихъ образованій,—танцы масокъ (см. прил. рис. и рис. стр. 698), которые въ громадномъ большинствѣ случаевъ возникли изъ празднествъ и процессій раньше поминутыхъ мужскихъ союзовъ. Маски изображаютъ преимущественно духовъ умершихъ или также тотемныхъ животныхъ. Тамъ, гдѣ союзы мужчинъ видоизмѣнились въ тайныя общества, танцы масокъ сдѣлались твердо установленнымъ обычаемъ, особенно, на примѣръ, у многихъ племенъ сѣверо-западной Америки. У племени квакитловъ, ко времени зимнихъ танцевъ, прежнія дѣленія на роды замѣняются дѣленіемъ на тайныя общества, причемъ каждое имѣетъ свои особыя маски, пѣсни и танцы. Тогда главной цѣлью танцевъ и пѣсенъ становится—приводить въ себя внавшихъ въ восторженное состояніе членовъ тайнаго общества. Каждая ошибка, совершенная во время танцевъ или пѣнія уничтожаетъ уже достигнутое дѣйствіе и при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже вызываетъ экстазъ всего собранія. Отдѣльныя церемоніи часто бываютъ очень запутаны, причемъ групповые танцы чередуются съ танцами отдѣльныхъ лицъ.

Важные случаи жизни, какъ совершеннолѣтіе, свадьба, смерть, часто не могутъ обойтись безъ танцевъ, которые тогда болѣею частью преслѣдуютъ особенную цѣль и даже являются важнѣйшею частью исполняемаго обычая. Когда Куперъ путешествовалъ по Тибету, къ нему подвели однажды молодую дѣвушку, а другія дѣвушки стали танцовать вокругъ образовавшейся пары и забрасывать ее вѣнками. Восхищеніе путешественника этой идилической сценой было значительно омрачено, когда онъ узналъ, что отнынѣ онъ окончательно связанъ бракомъ съ этой дѣвушкой и долженъ взять ее съ собой въ дальнѣйшее путешествіе. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, круговой танецъ символизировалъ бракъ и въ то же время совершалъ его. Танцы скорби, болѣею частью, повидимому, пре-

Маска (залитъ Дольманъ, нѣм. Нов. Гвиней).

слѣдуютъ цѣль изгнанія духа умершаго изъ его мѣстопребыванія въ этой жизни. Такъ называемые чертовы танцы сингалезовъ могутъ считаться лишь дальнѣйшимъ развитіемъ этой идеи: они имѣютъ цѣлью изгонять духовъ болѣзни, для чего здѣсь существуетъ цѣлая врачебная наука или аптека соответствующихъ масокъ, мелодій и видовъ танцевъ.

Даже тамъ, гдѣ нѣтъ собственно масокъ, почти всегда въ употребленіи особое танцевальное убранство, болѣе или менѣе соответствующее содержанію танца и позволяющее признать тѣсную связь

между убранствомъ и художественными упражненіями. Рисовка — самое любимое средство придать тѣлу видъ, подходящий къ настроенію, но часто и полная нагота служитъ средствомъ выразить настроеніе, особенно — скорбь. Иногда наготу слѣдуетъ разсматривать, какъ отзвукъ прежнихъ состояній, которые во всѣхъ видахъ искусства лучше сохраняются, чѣмъ въ дѣйствительности; вспомнимъ объ устарѣвшихъ словахъ, сохранившихся въ поэзіи, или о томъ, какъ упорно придерживается архитектура древнихъ формъ стиля, которая лишь съ трудомъ принаравливается къ требованіямъ современности. Искусство питаетъ неоспоримое отвращеніе ко всему новому, къ

чему пришли разумомъ, и можетъ съ нимъ примириться лишь мало-помалу, такъ какъ оно само не есть результатъ ума и расчета.

Этой склонности къ старинѣ противорѣчатъ нѣсколько тотъ фактъ, что большинство произведеній искусства не долговѣчно, причѣмъ, впрочемъ, другія — вонеднѣшныя въ современнику длянущіяся обычаями и нравами, служатъ духовной связью между многими поколѣніями. Въ танцахъ это выступаетъ особенно ясно: бываютъ племенные и семейные танцы, происхожденіе которыхъ считается священнымъ, и они мало подвергаются измѣненіямъ; бываютъ и другіе, лишь временно входящіе въ моду и снова исчезающіе. Повидимому, и здѣсь характеръ народа оказываетъ свое вліяніе. Такъ, у индѣйцевъ Сѣв. Америки, кажется, преобладаютъ постоянные танцы: каждое

Цветная личная маска изъ Индіи.

племя имѣетъ извѣстное число обычныхъ танцевъ на опредѣленныхъ случаяхъ и неизмѣнно передаетъ ихъ потомкамъ. Лонгъ нашель у восточныхъ индѣйскихъ племенъ, среди которыхъ онъ долго жилъ, танецъ «калуметь», военный танецъ, танецъ вождей, танецъ по случаю отъѣзда, танецъ скальповъ, танецъ смерти, танецъ плѣнниковъ, танецъ по случаю возвращенія домой, танецъ копій, свадебный и жертвенный танцы. Въ сѣверо-западной Америкѣ различные роды племена имѣютъ свои особенные танцы, распространяющіеся только черезъ браки.

Въ противоположность вышесказанному, у полинезийцевъ и австралийскихъ негровъ существуетъ обычай мѣняться танцами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь уже въ значительной степени выступаютъ на первый планъ творческія натуры, изобрѣтатели танцевъ и пѣсенъ. Въ Квинсландѣ, при каждомъ большомъ собраніи нѣсколькихъ племенъ, вводятся новые танцы и пѣсни, изобрѣтенные отдѣльными лицами, исключительно къ тому способными и изученные подъ ихъ же руководствомъ. Такимъ образомъ, легко возникаетъ личное призваніе танцмейстера который, затѣмъ, какъ на о. Оridжи, обучаетъ стариннымъ танцамъ, но также изобрѣтаетъ и новые. Иногда онъ видитъ во снѣ новыя формы танцевъ и заставляетъ ихъ потомъ выполнить. Изобрѣтеніе часто замѣняется болѣе удобнымъ замствованиемъ. Маринеръ видѣлъ на Тонга танецъ, родиной котораго были острова Самоа: онъ вызвалъ у зрителей большое одобреніе; такой же случай много разъ наблюдался и въ Полинезій.

Рядомъ съ художниками-творцами часто уже появляются ученики-виртуозы. Они высказываютъ не столько творческую способность, сколько ловкость въ передачѣ, и замѣтно отличаются отъ совершенно уже теперь пассивныхъ зрителей. Во многихъ общихъ танцахъ выступаютъ отдѣльные лица, которые одни исполняютъ особенно сложныя движенія или мимическія сцены съ другой стороны, тайныя общества, приходя въ упадокъ, иногда преобразовываются въ простыя группы танцоровъ по должности. Но какъ только искусство становится призваніемъ, обнаруживается новая черта его развитія, имѣющая большое значеніе для социальнаго положенія художниковъ-исполнителей: небольшая община, къ которой первоначально принадлежатъ художники танцевъ, представляетъ слишкомъ узкія рамки для призванія, выступающаго на сцену, главнымъ образомъ, въ отдѣльныхъ праздничныхъ случаяхъ и совершенно лишняго въ обыденной жизни; кромѣ того, такъ какъ художественное исполненіе трудно поддается оцѣнкѣ и является для зрителей только удовольствіемъ, а не потребностью, оплата его предоставляется, болѣею частью, доброй волей публики. Поэтому странствующее искусство близко соприкасается съ бродяжничествомъ и нищенствомъ; ему

недостает твердой связи съ цѣлымъ, связи съ родомъ, а въ то же время и обезпеченности существованія, которая дается правильной хозяйственно-полезной работой. Послѣдствіемъ этого является презрѣніе къ артистамъ, дающимъ представленія, презрѣніе, которое и у насъ долго преслѣдовало актеровъ и до сихъ поръ еще не вездѣ вполне побѣждено, какъ и вообще недовѣріе ко всякому «кочующему народу». Прибавимъ, что нѣкоторые кочующіе народцы, живущіе паразитами среди другихъ народовъ, занялись музыкой и танцами (таковы, отчасти, европейскіе цыгане и гріоты въ Сенегамбіи), и презрѣніе, которымъ заклеймены эти царіи общества, распространяется и на всѣхъ странствующихъ артистовъ.

Переходящіе съ мѣста на мѣсто танцоры обыкновенно также и музыканты или же сопровождаются таковыми. Встрѣчаются, однако, у первобытныхъ народовъ артисты, посвятившіе себя исключительно музыкѣ, съ которою, во всякомъ случаѣ, еще долго будетъ соединено тѣло. Стремленіе отдѣльныхъ родовъ искусства отдѣлиться и самостоятельно развиваться дальше обнаруживается очень рано, и въ этомъ смыслѣ будетъ кстати рассмотреть отдѣльно музыку въ ея зачаткахъ.

Изъ всѣхъ родовъ искусства чистая музыка все же говорить разуму и всего непосредственнѣе — чувству. Поэтому, чтобы не расплываться въ беспорядочномъ шумѣ, она нуждается большей частью въ устойчивой поддержкѣ, каковою и является ритмъ. Но, какъ мы уже замѣтили, при танцахъ этотъ ритмъ имѣетъ прообразъ въ самой жизни тѣла: въ равномерности ударовъ сердца, дыханія и движенія ногъ. Въ своей первоначальной формѣ ритмъ является тактомъ, который опять-таки можетъ возникнуть различнымъ образомъ. «Подобно шагамъ, — говоритъ по этому поводу М. Бенеке, — и тоны имѣютъ четыре свойства, могущія вызвать ощущеніе такта. Мы различаемъ въ тонахъ длинный и короткий темпъ, высшую и низшую быстроту, силу или мягкость, вслѣдствіе большей или меньшей широты вибраціи издающаго тонъ инструмента, и наконецъ, тембры звука, смотря по силѣ или напряженію вибрирующихъ, издающихъ тонъ частицъ и, обусловленные этимъ, вторые и верхніе тоны». Каждый тактъ можетъ состоять изъ извѣстнаго количества тоновъ, число которыхъ, по изысканіямъ Пьерсона, однако, не должно превышать 14-ти, такъ какъ болѣе 14-ти слѣдующихъ одинъ за другимъ тоновъ не можетъ быть охвачено въ цѣломъ. Какъ первоначальная и простая форма, группы должны состоять изъ 2, 3, 5, 7 и 9 единицъ, потому что всѣ остальные могутъ быть выведены изъ этихъ.

Если рѣчь идетъ не о простыхъ ударахъ въ тактъ, а о настоящей музыкѣ, прибавляется новый элементъ — мелодія, составляющая вслѣдствіе содержанія музыкальной пьесы, между тѣмъ какъ хлопанье

руками, удары въ барабанъ и тому подобныя выдѣляющіеся роды такта являются только внѣшнимъ выраженіемъ этого содержанія. Гдѣ танцуютъ подъ простые звуки барабана, именно танцы даютъ содержаніе художественному исполненію, потому что безъ нихъ это исполненіе было бы лишь бессмысленнымъ ритмическимъ шумомъ. И ритмическій гамъ во время работы только тогда приобретаетъ художественный характеръ, если при этомъ поютъ или танцуютъ. Итакъ, въ мелодіи мы должны признать непосредственное изданіе настроенія или душевнаго волненія, вызывающихъ въ слушателяхъ подобное же настроеніе. Даже обыкновенная рѣчь, какъ на это указываетъ Гербертъ Спенсеръ, легко принимаетъ мелодичный (но не ритмическій) характеръ, если она вызвана болѣе сильнымъ душевнымъ волненіемъ или должна пробудить въ слушателѣ опредѣленные чувства: въ просьбѣ всегда есть нѣчто мелодическое, то же самое — въ тонѣ проповѣдника или въ жалобѣ скорбящаго. Если Валланекъ возражаетъ на это, что музыка первоначально не была связана съ рѣчью, онъ забываетъ, что чувства выражаются также нечленораздѣльными звуками. Только присоединеніе ритма переноситъ эти тоны изъ будничнаго въ свободное царство искусства. Рядомъ съ тактомъ появляются тогда повторенія отдѣльныхъ мелодическихъ частей, которыя ведутъ къ высшимъ формамъ музыкальнаго искусства. Музыкальныя пьесы, въ которыхъ преобладаетъ тактъ и, вмѣстѣ съ этимъ, возбуждающій элементъ, вызывающій движенія тѣла — какъ, напримѣръ, марши и вальсы — менѣе благородны по своему характеру, чѣмъ другія пьесы, которыя стараются дѣйствовать, главнымъ образомъ, прелестью мелодіи, но зато первыя имѣютъ гораздо болѣе вліянія на толпу. Но и въ мелодіи мы наблюдаемъ постепенное уменьшеніе излишка повторенія и даже полное его исчезновеніе, какъ, напр., въ операхъ Рихарда Вагнера; правда, здѣсь выступаетъ новая, болѣе широкая форма повторенія въ видѣ главнаго мотива (Leitmotiv).

О свойствахъ первобытной мелодики И. К. Фильморъ построилъ теорію, заслуживающую всяческаго вниманія. По его мнѣнію, въ основѣ каждой мелодіи лежитъ согласованность, являющаяся сама по себѣ болѣею частью лишь разложеннымъ на тоны трехзвучіемъ, которое, по открытіямъ Гельмгольца, находится въ каждомъ тонѣ въ видѣ верхнихъ тоновъ. Часто встрѣчающіеся четверти и трети суть тоже лишь слѣдствіе неуравновѣшенной интонаціи, молль — только слишкомъ глубоко выраженное дурь. Основой гармоніи является скала D—F—A—C—E—G—H—D, покоящаяся на трехзвучіи тоновъ. Валланекъ дополняетъ этотъ взглядъ Фильмора, съ которымъ онъ болѣею частью согласенъ, слѣдующимъ: скалы, уклоняющіяся отъ высочайшей, зависятъ отъ свойствъ музыкальных инструмен-

товъ; они же причиной тому, что диатоническій порядокъ не развился дальше до безконечности.

Такимъ образомъ, свобода музыкальнаго выраженія сильно ограничена и находится подъ влияніемъ средствъ которыми извлекаются звуки. Во время танцевъ главную роль играетъ всегда человеческое тѣло, которое дѣйствуетъ художественно ритмическими движеніями, и на помощь имъ являются, самое большее, или фантастическія убранства и маски, или палки въ рукахъ и оружіе, или, наконецъ, символическіе образы. Въ музыкѣ тѣлу соответствуетъ человеческій голосъ; это, дѣйствительно, прекрасное орудіе, но по силѣ или тембру звуковъ оно уступаетъ многимъ другимъ звуковымъ средствамъ. Поэтому уже въ самыхъ раннихъ зачаткахъ музыка извлекается изъ инструментовъ, или они помогаютъ ей въ видѣ ли только прихлопыванія ладонями, трещотками изъ кусковъ дерева. Но то, что выигрывается этимъ въ силѣ или красотѣ звука, часто теряется въ выраженіи, пока не изобрѣтаются болѣе тонкіе инструменты, позволяющіе передавать высоту всякаго тона и при совѣстной игрѣ, дѣйствующіе гармонически, благодаря своей согласованности. Все же именно инструменты, даже относительно простые, способствуютъ прежде всего самостоятельному развитію музыки и отдѣляютъ ее отъ поэзіи, которая, конечно, всегда вліяетъ, если звуковымъ ея орудіемъ является человеческій голосъ.

Виды первобытныхъ музыкальныхъ инструментовъ не особенно многочисленны, почему подраздѣленіе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Можно ясно различить двѣ большихъ группы, изъ которыхъ одна обнимаетъ всѣ тѣ инструменты, которые исключительно и преимущественно отбиваютъ тактъ; къ другой принадлежатъ тѣ, на содѣйствіи которыхъ основывается мелодическая часть исполненія. Первые, безъ помощи вторыхъ, которыхъ можетъ замѣнить и человеческій голосъ, въ состояніи производить только ритмическій шумъ; вторые же не нуждаются въ помощи первыхъ. Нигдѣ, впрочемъ, граница между обѣими группами не особенно рѣзка: кусокъ дерева, ударяющій въ тактъ, несомнѣнно—инструментъ только для такта, но на ксилофонѣ, состоящемъ изъ цѣлаго ряда подобранныхъ въ тонъ кусковъ дерева, съ которыми сходны нѣкоторые африканскіе инструменты,—можно играть, какъ на мелодическомъ инструментѣ. Само собою разумѣется, что духовые и струнные инструменты также прошли извѣстныя степени развитія, такъ какъ въ первоначальномъ ихъ видѣ изъ нихъ можно было извлекать только сравнительно небольшое число тоновъ.

Самымъ естественнымъ орудіемъ человѣка для отбиванія такта является ладонь. Звукъ хлопанья при всплескиваньи руками, напримеръ, или при ударахъ по другимъ частямъ тѣла—звонкамъ,

бедрамъ, есть излюбленное сопровожденіе танцевъ и пѣнія у первобытныхъ народовъ; и у насъ они съ успѣхомъ примѣняются, напримеръ, при гимнастическихъ играхъ. Особенное значеніе придаетъ хлопанью руками то, что оно новышаетъ чувство обществённости, имъ вызываемой: каждый, по крайней мѣрѣ этимъ скромнымъ способомъ, можетъ принять участіе въ художественномъ упражненіи. Какъ только входятъ въ употребленіе настоящіе инструменты, оркестръ начинаетъ отдѣляться отъ слушателей.

Инструменты для отбиванія такта легко раздѣляются на ударные инструменты, трещотки и свистульки. Первые, въ совершенномъ видѣ, состоятъ изъ звукового тѣла и колотушки, но существуютъ въ простѣйшихъ, первичныхъ ступени, когда отдѣляется только та или другая часть. Если имѣется только звуковое тѣло въ видѣ, напримеръ, барабана, тогда колотушкой служитъ, обыкновенно, кулакъ или ладонь; у австраійскихъ негровъ, напротивъ, резонаторомъ является земля, по которой ударяютъ кусками дерева, щитами, бумерангами или копытами. Въ качествѣ не рѣзко опредѣливаемаго ударнаго инструмента можно отмѣтить погремушки, состоящія изъ двухъ приблизительно одинаковой формы кусковъ дерева или какого-нибудь другого матеріала; ихъ ударяютъ другъ о друга просто руками. Въ Австраліи употребляются для этой цѣли преимущественно два бумеранга, но встрѣчаются и специально для этого приготовленныхъ два куска дерева (tronga), причемъ нѣкоторые виды ихъ употребляются только при особенныхъ тайныхъ церемоніяхъ.

Обыкновенно звукъ, получаемый вслѣдствіе колебанія, долженъ главнымъ образомъ издаваться снарядомъ, въ который ударяютъ колотушкой, но иногда, въ видѣ исключенія, звуковымъ тѣломъ является колотушка; напримеръ, у папуасовъ залива Австраліи, полымъ кускомъ бамбука ударяютъ по деревьямъ и такимъ образомъ, смотря по толщинѣ бамбука, можно извлекать тоны различной высоты. Резонаторъ, подвергающійся ударамъ твердой колотушки, можетъ быть или сплошнымъ, если матеріалъ, изъ котораго онъ приготовленъ, даетъ въ такомъ видѣ достаточно звуковыхъ колебаній, или же полымъ. Подвѣшенные куски дерева, издающіе при ударѣ далеко слышимый звукъ, какъ, напр., звуковыя доски жителей Андамана, встрѣчаются у первобытныхъ народовъ еще и въ настоящее время, и даже въ Германіи, въ первый періодъ проповѣди христіанства, они замѣняли колокола. Но самые распространенные полые резонаторы, сдѣланные болынею частью изъ дерева, это—барабаны.

Барабаны опять-таки распадаются на двѣ группы: простые деревянные барабаны, и барабаны, корпусъ которыхъ обтлнутъ съ одной или съ обѣихъ сторонъ кожей. Прообразомъ для первой группы послужили, безъ сомнѣнія, полые деревья, которые еще и

въ настоящее время употребляются на Новыхъ Гебридахъ въ качествѣ инструментовъ, производящихъ шумъ: вторая группа ведетъ,

вѣроятно, свое происхождение отъ валянія и выбиванія кожи, следовательно, отъ одной изъ формъ общей работы. Простой деревянный барабанъ въ своемъ обычномъ видѣ представляется длиннымъ отрѣзкомъ древеснаго ствола съ продольнымъ отверстіемъ, черезъ которое онъ внутри выдолбленъ. Кромѣ того, болѣею частью онъ бываетъ снабженъ съ обѣихъ концовъ выступами (см. прил. рис.), сдѣланными либо изъ того же куска, либо придѣланными послѣ; съ ихъ помощью барабанъ можно носить или свободно подвѣсить. Иногда эти выступы сдѣланы въ видѣ маленкихъ человѣческихъ фигуръ, какъ на барабанахъ жителей Адмиралтейскихъ острововъ, или у батаковъ; вѣроятно, они представляютъ изображеніе предковъ. Встрѣчаются и другія формы: барабаны ладьеобразнаго вида, съ остр. Фиджи, съ небольшимъ четырехугольнымъ отверстіемъ на верхней сторонѣ. Африканскіе барабаны, уже разсмотрѣнные нами, какъ орудіе барабаннаго языка (см. рис. стр. 680), очень похожи на меланезійскіе.

Рядомъ съ простыми деревянными барабанами существуютъ звуковые инструменты, обтянутые кожей; они даже болѣе распространены, чѣмъ первые, и встрѣчаются у культурныхъ народовъ. Обыкновенно они состоятъ изъ деревяннаго цилиндра, часто

чрезвычайно длиннаго и тонкаго, съ одного или обоихъ концовъ обтянутого кускомъ кожи, служащей плоскостью для удара. Одновременно съ деревянными барабанами встрѣчаются въ Африкѣ глиняные и инструменты вродѣ бубенъ (см. рис. стр. 705), сдѣланные изъ раздѣленныхъ пополамъ большихъ тыквъ. У папуасовъ бара-

Сигнальный барабанъ изъ Нов. Гвиней.

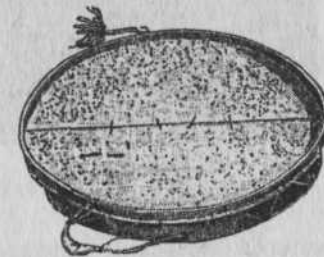
баны обтянуты съ одного конца издающей звукъ перепонкой; африканскіе барабаны обтянуты часто съ обѣихъ сторонъ и обѣ перепонки болѣею частью связаны туго натянутыми бичевками или жилами. Многіе барабаны папуасовъ крѣпко охватываются кольцомъ, къ которому кожа туго натягивается бичевками; посредствомъ клиньевъ, вгоняемыхъ между кольцомъ и барабаномъ, можно ее настраивать выше или ниже; такія же приспособленія встрѣчаются часто и въ африканскихъ формахъ. Такъ какъ барабаны, обтянутые кожей, не могутъ имѣть выступовъ простыхъ деревянныхъ инструментовъ, то въ Меланезіи къ нимъ, по болѣею части, прилаживаютъ съ боку деревянные ручки, часто вырѣзанныя въ формѣ звѣрей. Въ южной части Нов. Гвиней весь барабанъ имѣетъ часто форму крокодила или ящерицы, причѣмъ открытый конецъ изображаетъ разинутую пасть животнаго.

Эта рѣзьба представляетъ большой интересъ, такъ какъ она и по внѣшности доказываетъ, что глухому звуку барабана придается мистическое значеніе, и не даромъ его охотно употребляютъ во время празднествъ тайныхъ обществъ или на погребеніяхъ и человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Удивительно, что и остальные инструменты для отбиванія такта, трещотки и свистки, имѣютъ въ этомъ смыслѣ одинаковое значеніе съ барабаномъ, между тѣмъ какъ изъ другихъ инструментовъ, употребляющихся въ этомъ случаѣ, — развѣ только флейты и особаго рода грубые инструменты для произведенія шума, вродѣ трубы. И этотъ фактъ даетъ основаніе заключить, что мистическое, гипнотизирующее вліяніе музыки слѣдуетъ болѣе приписать однотонному шуму въ тактъ, чѣмъ измѣняющейся мелодіи, и только въ этомъ смыслѣ правъ Бильротъ, разсматривая тактъ, какъ самое первое и самое существенное въ музыкѣ.

Если въ меланезійскихъ и африканскихъ барабанахъ преобладаетъ корпусъ или, выражаясь технически, «рака», въ сѣверныхъ формахъ она уменьшилась до простой рамы къ натянутой на нее перепонкѣ. Нѣкоторые барабаны въ сѣв.-западной Америкѣ (см. прил. верхній рис.), въ сѣверной Африкѣ и въ Сибири дѣйствительно представляютъ только деревянный обручъ, на который натянутъ кусокъ кожи. Эти инструменты служатъ также преимущественно для мистическихъ дѣлей и представляютъ главное орудіе шамановъ.

Барабанъ изъ области Конго.

Барабанъ нененовъ-индѣйцевъ (Сѣв. Америка).

Барабаны съ металлической «ракой» встрѣчаются у культурныхъ народовъ, особенно въ формѣ котловиднаго бубна, обтянутаго только съ одной стороны. Однако, большинство metalloвъ въ формѣ плитъ и листовъ сами по себѣ уже сильно звучащее тѣло, какъ это доказываютъ китайскіе гонги (там-там), одобряемые и распространенные также въ задней Индіи и въ Зодскомъ архипелагѣ (см. прил. рис.). Особенный видъ полаго тѣла представляютъ колокола, могучій звонъ которыхъ придасть имъ также священное, мистическое значеніе и даже честь служить важнымъ орудіемъ культа христіанской и буддистской церквей. Несмотря на это, они не потеряли до

Японская музыкальная капелла.

нѣкоторой степени устрашающаго значенія, на что указываютъ многочисленныя легенды о колоколахъ. Въ Африкѣ очень распространены маленькіе желѣзные колокольчики въ видѣ двойныхъ бубенчиковъ; они служатъ народнымъ глшатаямъ для произведенія шума, но часто являются и отличительнымъ признакомъ вождей или священными предметами племени, тщательно сохраняемыми. Въ Бенинѣ, гдѣ недавно открыта настоящая бронзовая культура, найдены простые и двойные колокольчики изъ бронзы.

Двойные колокольчики представляютъ уже попытку соединить нѣсколько звучащихъ тѣлъ въ одно и такимъ образомъ создать инструменты, посредствомъ которыхъ можно было бы передавать мелодіи. Одинъ очень старинный китайскій инструментъ въ этомъ родѣ

состоитъ изъ извѣстнаго числа отшлифованныхъ въ видѣ наугольника тонкихъ каменныхъ пластинокъ, тщательно подобранныхъ подъ тонъ. Въ Африкѣ встрѣчаются деревянныя фортепьяно, если можно употребить этотъ претенціозный терминъ, устроенныя по различнымъ системамъ. Самыя извѣстныя, которыя кафры называютъ маримба,

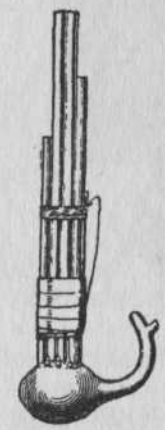

Трещотки изъ Богадыма (нѣмецк. Нов. Гвинея).

состоятъ изъ нѣсколькихъ удлиненныхъ деревянныхъ дощечекъ, прикрѣпленныхъ къ длинному куску дерева и, кромѣ того, соединенныхъ между собою концами посредствомъ бичевокъ; по этимъ дощечкамъ ударяютъ деревянными колотушками; ручкой служитъ, болшею частью, дугообразный кусокъ дерева, къ нему же прикрѣпляются сбоку и бичевки; для усиленія звука, позади каждой деревянной пластинки придѣлывается маленькая тыква или половина скор-

лупы кафрсакаго апельсина. Обыкновенно число деревянныхъ дощечекъ десять. Совсѣмъ иначе устроенъ инструментъ — санца, состоящій изъ куска дерева съ прикрѣпленными къ нему рядомъ тонкими бамбуковыми щепками, которыя торчатъ кверху такимъ образомъ, что при давленіи пальцемъ онѣ опускаются и затѣмъ снова быстро поднимаются. Дрожаніе различныхъ по упругости бамбуковыхъ щепокъ даетъ звуки различной высоты. Иногда, вмѣсто деревянной колодки, устраивается въ видѣ подставки полый резонаторъ.

Трещотки и побрякушки — настоящіе инструменты такта — едва ли также способны къ дальнѣйшему развитію; у насъ они встрѣчаются только уже въ видѣ дѣтскихъ игрушекъ. Трещотки опять-таки раздѣляются на соединенныя изъ всѣсколькихъ гремящихъ предметовъ, и полныя, внутри которыхъ находятся маленькіе камешки, плодовые косточки и т. под. Изъ тѣхъ и другихъ звуки извлекаются простымъ сотрясеніемъ. Къ первой группѣ принадлежатъ замѣчательныя побрякушки асса, залива Астраліи (см. рис. стр. 707) — связки орѣховыхъ скорлупъ на фантастически-вырѣзанныхъ ручкахъ, или въ сѣв.-западной Америкѣ, многія трещотки изъ птичьихъ клювовъ, прикрѣпленныхъ къ деревянному обручу. Образцомъ для второй группы послужили, безъ сомнѣнія, различные плоды, которые послѣ высыханія плодовой мякоти превратились въ полые тѣла, причемъ при сотрясеніи сѣмена съ шумомъ перекатывались. Дѣйствительно, наиболѣе распространенными трещотками бываютъ полые плоды, особенно тыквы, наполняемыя черезъ небольшое отверстіе камнями. Кромѣ того, онѣ иногда еще украшаются брякающими раковинами или скорлупками орѣховъ, какъ мы это видимъ въ нѣкоторыхъ парагвайскихъ формахъ; слѣдовательно, здѣсь соединяются оба главныхъ вида. Деревянные трещотки, составленныя изъ двухъ частей, особенно часто встрѣчаются въ сѣв.-западной Америкѣ; причудливыя формы многихъ изъ этихъ инструментовъ позволяютъ заключить объ ихъ мистическомъ значеніи, и это вполне подтверждается многими другими доказательствами. У южно-американскихъ племенъ встрѣчаются также плетенныя трещотки, звукъ которыхъ, конечно, очень слабъ. Къ отдѣльной группѣ относятся инструменты вродѣ кастаньетъ; ихъ первоначальное значеніе было усиливать и замѣнять прищелкиваніе пальцами.

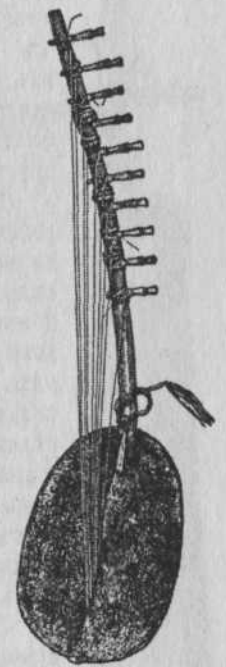
Флейта даяковъ (Борнео).

Деревянные дудки, о которыхъ уже говорилось подробнѣе въ другомъ мѣстѣ, могутъ быть причислены въ музыкальнымъ инстру-

ментамъ только съ оговоркой, такъ какъ онѣ не достаточно пригодны даже для произведенія ритмическаго шума, но издають только однотонное жужжанье. Поэтому онѣ едва ли входятъ въ составъ большого оркестра, а главнымъ образомъ употребляются, какъ средство устрашенія при мистическихъ обрядахъ.

Одновременно съ перечисленными инструментами для произведенія шума встрѣчаются, въ видѣ исключенія, еще и всякіе другіе, напримѣръ, въ Южной Америкѣ бываютъ зубчатая палки, по которымъ водятъ взадъ и впередъ другой палкой, такъ что получается трескучій, раздражающій нервы, звукъ. Во многихъ случаяхъ для импровизированныхъ адскихъ концертовъ употребляются всевозможные предметы — оружіе, домашняя утварь и украшенія.

Вторая главная, большая группа музыкальных инструментовъ, которые, въ отличіе отъ отбивающихъ тактъ, можно назвать носителями мелодіи, гораздо болѣе способна къ дальнѣйшему развитію чѣмъ первая. Мелодическіе инструмены, распавшіеся опять-таки на два большихъ отдѣла — духовыхъ и струнныхъ инструментовъ — воспроизводятъ, въ своемъ зачаточномъ состояніи, также только однотонный, болѣе или менѣе ритмическій шумъ, или, какъ многочисленныя трубы изъ дерева и изъ раковинъ, служатъ для усиленія человѣческаго голоса, такъ какъ однимъ дыханіемъ изъ нихъ нельзя извлечь тоновъ. Но рядомъ съ ними вездѣ извѣстенъ настоящій духовой инструментъ: флейта или свирѣль. Флейта настроена на томъ основаніи, что струя воздуха прогоняется черезъ узкое отверстіе или ударяется въ острый край, благодаря чему получается свистящій звукъ, высота котораго разнообразится чрезвычайно простыми средствами. Чаше всего это достигается тѣмъ, что въ стволѣ флейты продѣлываютъ рядъ отверстій для прохода воздуха, попеременно закрывая и открывая ихъ пальцами. Совершенно иначе устроена такъ называемая панфлейта, распространенная между прочимъ, въ Меланезіи: рядъ простыхъ тростниковыхъ флейтъ различной длины прикрѣпляются другъ къ другу, причемъ рядъ начинается болѣе длинной трубкой и кончается болѣе короткой. Для полученія звука дуютъ въ ихъ верхній край. Смотря по длинѣ трубки, можно извлекать соответственной высоты звуки, такъ что на этихъ инструментахъ можно наигрывать простѣйшія мелодіи. На Борнео, но осо-

Гитара изъ Уссого (Вост. Африка).

бенно въ Китаѣ, встрѣчаются болѣе развитыя формы такихъ группированныхъ флейтъ (см. рис. стр. 708), и величественнымъ образцомъ этого вида является нашъ органъ. Флейты съ отверстиями тоже бываютъ большею частью тростниковыя, рѣже костяныя, роговыя или каменныя (см. рис. стр. 708). Нѣкоторыя африканскія формы сдѣланы изъ роговъ антилопъ или слоновыхъ клыковъ

и обладаютъ только однимъ или двумя тонами; отверстие для дутья находится на остромъ концѣ рога, а единственная отдушина, обыкновенно, сейчасъ же рядомъ съ нимъ. Въ Меланезіи встрѣчаются также флейты изъ орѣховыхъ и кокосовыхъ скорлупъ. На Филиппинскихъ островахъ, среди другихъ, встрѣчаются кокосовыя флейты, въ которыя дуютъ одной ноздрей, затыкая другую.

Въ то время, какъ флейты во многихъ случаяхъ развились въ инструменты, съ помощью которыхъ стало возможнымъ передавать настоящія мелодіи, другіе виды духовыхъ инструментовъ у первобытныхъ народовъ мало подвинулись впередъ отъ грубыхъ зачатковъ. Трубы, если подъ этимъ названіемъ можно соединить всѣ музыкальные инструменты, въ которыхъ воздушной струей вызывается колебаніе язычка, нерѣдки, но онѣ служатъ только для воспроизведенія однотоннаго шума или для подачи сигналовъ. Большинство же такъ называемыхъ трубъ просто усиливаетъ звукъ, если въ нихъ крикнуть; таковы — ильпирра, у жителей внутренней Австраліи, или трубы изъ раковинъ у полинезійцевъ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ струнные инструменты (см. прил. рис. и рис. на стр. 711). Ихъ приводятъ въ колебаніе и тѣмъ извлекаютъ тоны изъ туго-натянутой нити щипаньемъ, ударомъ или треньемъ по ней. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь служилъ прообразомъ лукъ, потому что во многихъ случаяхъ онъ и до сихъ поръ служитъ примитивнымъ музыкальнымъ инструментомъ. По разсказамъ, заслуживающимъ довѣрія, еще мавры въ Испаніи сопровождали иногда свои пѣсни

Струнный инструментъ изъ Уссукумо (Вост. Африка).

дрожаи́емъ тетивы лука. Въ Африкѣ даже и въ настоящее время встрѣчается такой обычай; только тамъ иногда привязываютъ къ луку, для усиленія звука, резонаторъ, чаще всего — скорлупу тыквы. вмѣсто одной, можно натянуть нѣсколько тетивъ, которыя обыкновенно сдѣланы просто изъ надерганнаго лыка. Но для того, чтобъ онѣ не ослабѣвали, ихъ приходится натягивать при помощи подставокъ. Такимъ

путемъ созданъ въ Африкѣ очень распространенный инструментъ, дающій возможность извлекать нѣсколько различныхъ тоновъ. Понемпогу резонаторъ увеличивается въ объемѣ и, наконецъ, остатокъ лука образуетъ уже только придатокъ; тогда струны натягиваются и настраиваются уже винтами (см. прилаг. рис.). Этимъ открывается возможность безконечно разнообразить основную мысль. Свообразную группу образуютъ тѣ струнные инструменты, въ которыхъ струны прикрѣплены къ рогамъ на черепѣ; послѣдній служитъ резонаторомъ; впоследствии черепъ замѣняется другими полыми тѣлами — щитами черепахъ, тыквами и, наконецъ, деревянными ящиками; рога замѣняются деревянными палками, такъ что только форма инструмента напоминаетъ объ его происхожденіи.

Это и есть, главнымъ образомъ, тѣ инструменты, съ помощью которыхъ начала создаваться чистая музыка, отделившаяся отъ пѣнія. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, еще нѣтъ рѣчи о раздѣленіи родственныхъ искусствъ, но сущность музыки можно изучать также по тону пѣсенъ. Музыка первобытныхъ народовъ недавно сдѣлалась предметомъ тщательнаго изслѣдованія, на примѣръ, она была изслѣдована Фильмарсомъ, мнѣнія котораго приведены уже выше. Съ нимъ отчасти расходится во взглядахъ К. Штумпфъ, который указалъ, что возможны и даже дѣйствительно существуютъ различныя системы гармоніи, уклоненія въ интервалахъ между отдельными нотами гаммы, другіе основные тоны, отличные отъ нашихъ дуръ и молей, и другое число интерваловъ. Одновременно съ гаммой

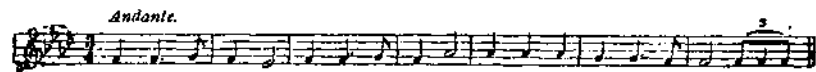

Струнный инструментъ изъ Габуна (Западн. Африка).

въ семь интерваловъ особенно распространена гамма въ пять интерваловъ.

Первобытная музыка вездѣ, правда, начинается малымъ числомъ интерваловъ; темпъ очень различенъ: часто онъ начинается медленно, постепенно усиливаясь. Точно также и тонъ достигаетъ мало-по-малу *fortissimo*, послѣ чего пѣсня часто внезапно срывается. Много пѣсней состоятъ изъ однообразныхъ повтореній, но рядомъ съ ними встрѣчаются мелодіи высшего разряда. Когда пѣніе распадается на сольное и хоровое, первая часть болѣе мелодична, а хоровая болѣе ритмична, иногда и наоборотъ. Такъ какъ болѣе подробный анализъ первобытныхъ музыкальных пѣсней былъ бы слишкомъ длиненъ и притомъ трудно понятенъ, постараемся рядомъ примѣровъ выяснить сущность начатковъ музыки. Можно предположить, что почти всѣ пѣсни сопровождаются ударами въ барабанъ, хлопаньемъ въ ладони и т. п., если шумъ работы не выбиваетъ такта; рядомъ съ хоровыми встрѣчаются и пѣсни въ одиночку; особенно у кочевыхъ охотничьихъ народовъ, у австралийскихъ негровъ и у бушменовъ отмѣчается, что они болѣею частью поютъ въ одиночку или вдвоемъ, и только въ видѣ исключенія—хоромъ, во время праздничныхъ танцевъ.

Люнгольцъ приводитъ военную пѣсню австралийцевъ, воспѣвающую крючки дровиковъ:

Австралийскаго же происхожденія пѣсню слышалъ Беклеръ въ Нов. Южномъ Валлисѣ:

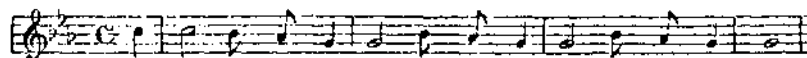

Болѣе высокія октавы поются здѣсь женщинами и дѣтьми и къ тому же очень чисто и отчетливо. Карлъ Гагенъ говоритъ объ этой пѣснѣ, что она, «несмотря на свою простоту, своимъ темпомъ и тономъ (Е—молль) полно и прекрасно передаетъ настроеніе. Особенное дѣйствіе производитъ внезапность октавъ. Именно, между ними терція е—д выступаетъ единственнымъ высшимъ интерваломъ и кажется намъ все преодолевающимъ вскрикомъ страданія».

Замѣстителями рабочихъ пѣсней могутъ считаться нѣкоторыя

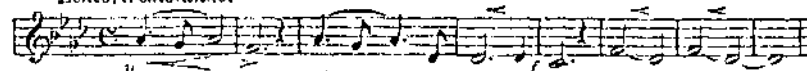
гребныя пѣсни, изъ которыхъ двѣ первыя заимствованы у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, остальные—у негровъ бангири, въ среднемъ Убанги, у баттаковъ, на Суматрѣ, и у племени кру, въ Западной Африкѣ; у послѣднихъ та же мелодія является и въ рабочей пѣснѣ.

Гребная пѣсня индѣйцевъ. По Т. Бакеру.

Гребная пѣсня индѣйцевъ, на Юконѣ, сѣв.-запад. Америка. По Випперу.

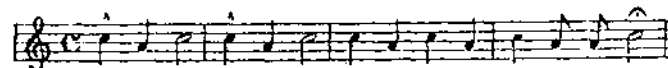
Lento, tremolando.

Гребныя пѣсни бангири, Центральная Африка. По Дибовскому.

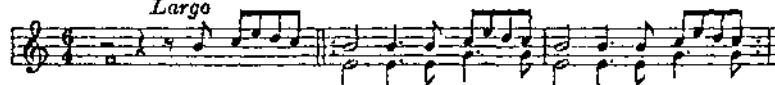

Гребная пѣсня баттаковъ, Суматра. По Бринверу.

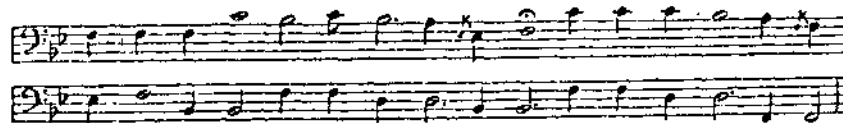

Гребная и рабочая пѣсня кру, Зап. Африка. По Гюббе-Шлейдену. Безконечно повторяется.

Largo

Изъ многочисленныхъ пѣсней сѣверо-западныхъ американцевъ, которыя они поютъ во время празднествъ своихъ тайныхъ союзовъ и во время зимнихъ танцевъ, приводимъ одну изъ самыхъ простыхъ (по I. К. Фильмору и Ф. Боасу). Смыслъ текста слѣдующій: 1) Мой духъ недостаточно силенъ, мой духъ недостаточно силенъ, галавейна. 2) Мой духъ боится, мой духъ боится, галавейна. 3) Я видѣлъ его зимній танецъ.

Такой же осмотрительности, какъ пьеса съ Флориды, требуетъ и слѣдующая пѣсня, вродѣ хоровой, племени сомаловъ, переданная Паулитике:

Медленно

Эти немногочисленные примѣры даютъ, конечно, очень неполную картину первобытной музыки; но при небольшомъ количествѣ собранныхъ до сихъ поръ мелодій едва ли можно говорить о тщательно взвѣшенномъ выборѣ характернаго.

Обращаясь къ началкамъ поэзіи, мы находимъ здѣсь гораздо болѣе богатый матеріалъ, немного лучше обработанный. Но въ осталь-

номъ и здѣсь сдѣлано невѣроятно мало для приведенія въ порядокъ и очищенія избытка матеріала, не говоря уже объ основаніи науки сравнительной поэзіи, хотя бы въ простѣйшихъ чертахъ. Недавно Карлъ Бюхеръ показалъ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ направленіи, какое значеніе можетъ получить въ будущемъ эта отрасль знанія; во всемъ остальномъ каждая попытка сдѣлать обзоръ этой многообъясняющей области должна оставаться жалко-отрывочной, вслѣдствіе недостатка въ фундаментальныхъ предварительныхъ работахъ.

Ни въ какомъ другомъ родѣ искусства не приходится такъ рѣзко разграничить форму и содержаніе, какъ въ поэзіи. Въ музыкѣ смыслъ, насколько его можно уловить пониманіемъ, отступаетъ на задній планъ. Въ танцахъ онъ не имѣетъ большого значенія, но гдѣ даже есть, тамъ онъ выступаетъ въ общепонятномъ, образномъ языкѣ. Но о поэзіи можетъ быть рѣчь лишь тогда, если звуки пѣсни безъ словъ и звуки, сопровождающіе танцы, превращаются въ слова и предложения, и такимъ образомъ получаютъ понятный, осязаемый смыслъ. Но и этотъ смыслъ понятенъ только властвующему даннымъ языкомъ, другимъ же онъ доступенъ лишь въ формѣ болѣе или менѣе удачнаго перевода. Этимъ уже намѣчаются большія затрудненія, стоящія на пути изслѣдованія первобытной поэзіи: каждый языкъ имѣетъ свои особенности, отражающіяся въ формѣ художественнаго произведенія и вполне точно не передаваемые ни на какомъ другомъ языкѣ, между тѣмъ какъ передача смысла дается легче. Поэтому мы и не знаемъ точно ни одного поэтического произведенія, если мы не можемъ изучить его въ первоначальномъ текстѣ и, одновременно, въ возможно вѣрномъ, по смыслу, переводѣ. Но что называется, въ этомъ случаѣ, первоначальнымъ текстомъ? Написанное слово никогда не можетъ замѣнить сказаннаго и вѣрно передать звукъ и тонъ рѣчи: только фонографъ, нуждающійся, впрочемъ, въ существенныхъ улучшеніяхъ, обѣщаетъ дать дѣйствительно полезный и надолго употребительный матеріалъ для изслѣдованія первобытной метрики.

Существуетъ много переходовъ отъ тѣсно-связанной съ музыкой пѣсни, часто состоящей изъ бессмысленныхъ звуковъ, къ свободной формѣ поэзіи. Есть еще ступень развитія, на которой музыка еще вполне преобладаетъ, и смыслъ не имѣетъ большого значенія, что обнаруживается тогда различнымъ образомъ. Выше мы привели пѣ-которыя гребниа пѣсни и пѣсню съ Норфолькскаго пролива, текстъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ междометій, слѣдовательно имѣетъ немногимъ болѣе значенія, чѣмъ самъ по себѣ бездушный инструментъ. Но тамъ, гдѣ существуетъ текстъ съ понятнымъ смысломъ, часто обнаруживается, что музыка играетъ главную роль, а слова считаются довольно безразличнымъ ея спутникомъ. Особенно

часто, напримѣръ, встрѣчаются пѣсни, текстъ которыхъ, по древности или вслѣдствіе искаженія, сталъ совершенно непонятнымъ, но такую пѣсню все же продолжаютъ пѣть. Точно также нерѣдко перенимаются совершенно непонятные иностранные тексты вмѣстѣ съ мелодіей, и тогда они, естественно, низводятся на степень простыхъ передатчиковъ мелодіи, такъ какъ смыслъ ихъ не можетъ быть понятъ даже самими пѣвцами. Винтеръ утверждаетъ про индѣйцевъ Аляски, что они охотно подхватывали и повторяли пѣсни европейцевъ, и тѣмъ болѣе охотно, чѣмъ безсмысленнѣе и непонятнѣе былъ для нихъ текстъ. У нихъ самихъ были пѣсни, текста которыхъ они уже не могли истолковать, въ томъ числѣ гребная пѣсня, мелодія которой приведена выше. У австраійскихъ негровъ Викторіи Бульмеръ слышалъ плясовую пѣсню, смысла которой сами туземцы не могли передать, а такъ какъ она, повидимому, была не очень стара, то ее, вѣроятно, просто переняли у какого-нибудь сосѣдняго племени. Даже на высшихъ ступеняхъ развитія встрѣчаются подобныя явленія, именно, когда охранительная власть религіи начинаетъ оказывать свое вліяніе; латинскія церковныя пѣсни католиковъ служатъ тому превосходнымъ примѣромъ. Ацтеки, во время своихъ религіозныхъ танцевальныхъ празднествъ у пирамиды Холула, также пѣли старинныя пѣсни, смыслъ которыхъ они съ трудомъ понимали. Но и въ другихъ случаяхъ народныя мелодіи оказываются, въ общемъ, устойчивѣе текстовъ. Къ известнымъ прочнымъ мелодіямъ, каковы пѣсня Лорелы Зильхера или „God save the King“, прилагалось безчисленное множество текстовъ, которые, по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ, являются придаткомъ музыкальной части. Даже въ Упямвези Стенли нашелъ, что геройскіе подвиги Миранбо поются на знакомые мотивы. Только, когда поэзія достигаетъ высшей ступени развитія и закрѣпляется письмомъ, бывають также и обратные случаи: для опредѣленнаго текста создаются многочисленныя мелодіи, какъ для известной рейнской пѣсни Беккера.

Если вообще мелодія долговѣчнѣе словъ, то и она все-таки изнашивается, если можно такъ выразиться; слѣдствіемъ этого является, что никакая народная мелодія не можетъ рассчитывать на слишкомъ долгое существованіе. Такъ какъ уже давно и въ другомъ мѣстѣ я пытался выяснитъ причины этого явленія, да будетъ мнѣ дозволено повторить здѣсь мои собственныя слова. «Всякая пѣсня обращается къ известной сторонѣ человѣческаго чувства, пробуждаетъ ее отъ дремоты къ живому сознанію, даетъ ей тонъ и языкъ и погружаетъ пѣвца и слушателей въ пѣвительныя фантазіи. Но чувства человѣка имѣють одно важное свойство, общее съ его силами,—они утомляются. Чѣмъ сильнѣе ихъ возбужденіе въ известномъ направленіи, тѣмъ быстрѣе наступаетъ утомленіе: слишкомъ продолжительное раздраже-

ніе теряетъ все болѣе и болѣе свое дѣйствіе и тогда становится желаннымъ другое, можетъ быть, само по себѣ болѣе слабое и менѣе пріятное. Старое справедливое мнѣніе, что трудно переносить счастье, указываетъ на эту склонность пресыщеннаго человѣка безсознательно искать новыхъ, быть можетъ, и вредныхъ средствъ возбужденія. Разсмотримъ, на основаніи этого взгляда, судьбу народной пѣсни. При своемъ первомъ появленіи она встрѣчается съ восторгомъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе она выражаетъ опредѣленные, общія всѣмъ чувства. Всѣ напѣвають, насвистываютъ, наигрываютъ ее до тѣхъ поръ, пока она не достигаетъ вершины славы и пѣть уже никого, кто бы не слышалъ ее и не пробовалъ спѣть. Но тутъ начинается паденіе: чувство чрезмерно раздражено и пресыщено. Рѣже и рѣже звучитъ напѣвъ, мало-по-малу онъ всѣмъ надоѣдаетъ и, наконецъ, пѣсня умираетъ и исчезаетъ безслѣдно, если ревностный собиратель не спрячетъ своевременно увядающее растеніице въ свой гербарій».

То, что здѣсь сказано о пѣняхъ культурныхъ народовъ, относится и къ пѣснямъ дикарей. Много разъ смѣна втосовъ уже водилась какъ бы въ систему, какъ, напримѣръ, у австраійскихъ негровъ, которые ежегодно, во время своихъ большихъ праздниковъ, Корроборрисъ (танцев. праздники), требуютъ новыхъ пѣсней и танцевъ, или на остр. Фиджи, гдѣ повсемѣстно чтутъ и награждаютъ творцовъ новыхъ танцевъ и пѣсней; нѣкоторыя изъ этихъ пѣсней, по словамъ Клейншмидта, такъ нравятся, что переходятъ съ мѣста на мѣсто и, въ концѣ концовъ, известны всюду. Понятно, что тѣ, часто упоминаемыя, вліянія, противодѣйствующія слишкомъ быстрой переměнѣ, и здѣсь могутъ обнаружить свою задерживающую силу; какъ только пѣсня, по какой-нибудь причинѣ, становится частью своеобразныхъ свойствъ народа, какъ только она выступаетъ въ качествѣ спутника известныхъ, трудно поддающихся измѣненію нравовъ и, особенно, религіознаго обычая, или видоизмѣняется въ народную пѣсню,—ее начинаютъ заботливо охранять, и она часто пользуется долговѣчностью. Такъ Ранзейеръ нашелъ у ашантиевъ старыя народныя пѣсни, а также и любимыя мелодія умершихъ королей, которыя снова пѣлись при опредѣленныхъ обрядахъ культа предковъ и пустили глубокіе корни въ памяти народа. Вильгельмъ Юнкеръ рѣшительно указалъ на важное значеніе нѣкоторыхъ африканскихъ пѣсней и танцевъ, какъ отличительный признакъ рода.

Относительно большая несоврѣщенность мелодіи выясняется прежде всего изъ того, что музыкальная часть пѣсни есть собственно основная часть цѣлага, и только изъ нея постепенно вырастаетъ членораздѣльный текстъ. Это выростаніе можно наблюдать часто и теперь и изучитъ подробнѣе: оно происходитъ двумя путями, не

исключающими друг друга. Или къ первоначальному напѣву, состоящему только изъ междометій, сочиняется понятный текстъ, сначала большею частью изъ немногихъ, постоянно повторяющихся словъ; или же первоначальный напѣвъ сохраняется въ видѣ припѣва хора, а отдѣльное лицо импровизируетъ передъ каждымъ повтореніемъ нѣсколько фразъ. Второй путь развитія можно наблюдать особенно въ рабочихъ пѣсняхъ. Сибра пишетъ о племени гова на Мадагаскарѣ: «Гребцы часто развлекаются пѣніемъ своихъ звучныхъ и интересныхъ пѣсенъ—кану, причѣмъ одинъ изъ нихъ тянетъ, большею частью, импровизированный речитативъ, передающій нерѣдко только что пережитое и часто содержащій также красивую лесь европейцу, которому они въ это время служатъ. Прославляется его щедрость, богатство и т. под., и къ этимъ похваламъ прибавляется вопросъ, не будетъ ли на ближайшей остановкѣ мяса, рису и др. яствъ. Черезъ правильные промежутки времени остальные присоединяются къ пѣвцу хоромъ, часто только съ припѣвомъ въ нѣсколько словъ, на примѣръ, съ излюбленнымъ: „Hé! misé va?“ (О, есть ли что?) Въ одной изъ этихъ пѣсенъ хоръ описываетъ городъ Таматаву, какъ мѣсто, гдѣ можно промотать много денегъ, а речитативъ въ то же время перебираетъ подъ рядъ всѣ деревни по дорогѣ отъ Таматавы до главнаго города, и заключается описаніемъ сѣвернаго входа во дворецъ Антананарива». Гансъ Мейеръ записали такого рода пѣсню гребцовъ, слышанную имъ въ Южной Индіи:

Рулевой: О, мы веземъ богатаго господина.
Гребцы: Да, богатаго господина, богатаго господина.
Рулевой: О, мы веземъ добраго господина.
Гребцы: Да, добраго господина, добраго господина.
Рулевой: О, нашъ богатый и добрый господинъ дастъ намъ большой бакшишъ.
Гребцы: Да, большой бакшишъ дастъ.
Рулевой: О, онъ дастъ намъ анну (монета въ 2½—3 коп.).
Гребцы: Да, анну дастъ.
Рулевой: О, онъ дастъ намъ двѣ анны.
Гребцы: Да, дастъ двѣ анны.
Рулевой: О, онъ дастъ намъ три анны и т. д.

По показаніямъ Деграндепре, подобнымъ же образомъ чередуются у негровъ Лоанго, во время танцевальныхъ пѣсенъ, отдѣльные стихи заливалъ съ хоровымъ пѣніемъ. На островахъ Палау речитативы называются — аугулль (augull), а припѣвы — серселль (serssel); когда тамъ жилъ Земперъ, дѣвушки сочинили въ честь его речитативъ, который онѣ хотѣли пѣть, въ воспоминаніе о немъ, послѣ его отъѣзда.

При изслѣдованіи формъ первобытной поэзіи мы вступаемъ въ пустынную, почти совершенно необработанную область, которая прежде всего потому осталась въ пренебреженіи, что каждый языкъ имѣетъ

свои особенные, подлежащіе специально изученію размѣры (метрику). Но разъ детали не обработаны, невозможна, понятно, и вѣрная общая картина. Тѣмъ не менѣе, можно установить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя общія точки зрѣнія. Если справедливо, что всякая художественная форма, насколько она не есть непосредственное подражаніе природѣ, имѣетъ своимъ источникомъ повтореніе, въ различныхъ его видахъ и явленіяхъ, то первая задача состоитъ въ томъ, чтобъ найти эти виды повторенія и въ зачаткахъ поэзіи. Они, дѣйствительно, существуютъ и легко раздѣляются на двѣ группы: одна группа повтореній обща поэзіи и музыкѣ; слѣдовательно, она возникла сначала въ музыкѣ, какъ болѣе старой формѣ искусства; другая группа принадлежитъ исключительно поэзіи. Ритмъ и стихосложеніе принадлежатъ къ первой группѣ; повтореніе словъ и предложений, созвучіе и рима, параллелизмъ и фиксація оборотовъ рѣчи, въ извѣстномъ смыслѣ и образныя выраженія—ко второй группѣ. Съ помощью примѣровъ возможно будетъ выяснитъ хотя отчасти сущность этихъ различныхъ формъ.

До тѣхъ поръ, пока преобладаютъ музыка и танцы, преобладаетъ и ритмъ, другіе же роды повторенія отступаютъ на задній планъ. То обстоятельство, что ритмъ многихъ работъ вліяетъ на сопровождающія ихъ рабочія пѣсни и сообщаетъ имъ размѣръ, было установлено точнѣе, хотя нѣсколько односторонне Бюхеромъ. Односторонне въ томъ смыслѣ, что именно повтореніе есть необходимое свойство всякаго художественнаго произведенія, даже тогда проникающее въ что-то поэтическія повторенія, когда исключены побуждательныя къ тому причины въ видѣ работы, танцевъ и музыки.

Разумѣется, не только время развитія рѣшается преобладаніе музыкальнаго ритма или римы, созвучія, параллелизма и т. д.; еще больше тутъ вліяетъ своеобразность языка, благопріятствующая однимъ формамъ, затрудняющая и исключаящая другія. Это видно и въ европейскихъ языкахъ: на примѣръ, нѣмецкій языкъ обладаетъ естественнымъ ритмомъ, котораго нѣтъ во французскомъ; въ нѣмецкомъ очень многочисленны женскія римы, въ англійскомъ онѣ очень бѣдны, что опять таки сильно вліяетъ на выборъ размѣра стиха. И въ другихъ мѣстахъ мы находимъ подобныя же различія. При сравненіи необъятныхъ, чудовищныхъ словъ американскихъ присоединяющихъ нарѣчій съ подвижною односложностью китайскаго языка, легко понять, что сочиненныя на этихъ нарѣчійхъ поэтическія произведенія по самой своей сущности должны быть неодинаковы, хотя бы они и согласовались по смыслу.

Но всегда, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ, совпадаетъ разговорный ритмъ произношенія съ музыкальнымъ. Какъ въ стихотвореніяхъ древне-классическихъ народовъ, такъ и у нѣкоторыхъ первобытныхъ

племенъ настоящаго времени сильнѣе обнаруживается присутствіе музыкальнаго ритма, принимающаго во вниманіе количество слоговъ; напримѣръ, въ поэзіи эскимосовъ, по поводу которой Боасъ сдѣлалъ весьма драгоцѣнныя и въ другихъ отношеніяхъ важныя замѣчанія, онъ говоритъ: „Ритмъ пѣсенъ лучше всего становится понятнымъ при изученіи мелодій. Каждый длинный слогъ можетъ быть замѣненъ двумя или даже тремя короткими; другіе короткіе слоги не имѣютъ ударенія, когда стоятъ передъ той частью такта, который произносится съ удареніемъ. Однимъ словомъ, ритмическое приспособленіе словъ въ мелодіи очень произвольно, и подмѣна случается часто, такъ что нельзя говорить о метрическихъ стопахъ. Это ясно доказываетъ въ то же время, что музыкальный ритмъ имѣетъ рѣшающее значеніе для формы. Ритмическая постановка словъ опредѣляется довольно точно количествомъ слоговъ, а не удареніемъ. Если въ обыденной жизни говорятъ „palirtugun“, то въ пѣснѣ будетъ— „palirtugun“, вмѣсто— „tektorotikelektlune“, будетъ— „tektototikelektlune“, и т. д. Между тѣмъ, такихъ перемѣненій ударенія по возможности избѣгаютъ, и въ лучшихъ и наиболее народныхъ пѣсняхъ они почти не бывають. Строеніе стиховъ вполнѣ соответствуетъ музыкальному строенію, насколько каждая мелодія и каждая ритмически-произнесенная пѣсня построены изъ музыкальныхъ, т. е. ритмическихъ фразъ, раздѣленныхъ цезурами. Повторенія однихъ и тѣхъ же фразъ очень часты“.

Къ сожалѣнію, превосходныя изслѣдованія Боаса нашли мало послѣдователей. Все-таки можно сказать, что искусство стихосложенія первобытныхъ народовъ развито весьма различно, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заслуживаетъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Это именно подтверждаютъ данныя Гюббе-Шлейдена о значеніи ритма у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ; замѣчанія, правда, касаются прежде всего музыки, но такъ какъ она непосредственно связана съ поэзіей, то выводы о послѣдней дѣлаются сами собой. „Настрой ихъ струнъ,—пишетъ Гюббе-Шлейденъ о племени фам-фамъ (фан—по французск. Конго),—кажется нашему слуху не чистымъ, интервалы болѣею частью близки къ терціямъ и квартамъ. Но и въ этой музыкѣ мнѣ казалось, что тѣ же самыя нечистые звуки и рядъ тоновъ повторялись у различныхъ индивидуумовъ въ одномъ и томъ же стрѣ. Ихъ скучное пѣніе и брѣнчаніе трудно сравнивать съ музыкой цивилизованнаго міра, развѣ только съ черезчуръ пестрымъ чардасомъ, если, впрочемъ, его совершенно лишеть главной характерной черты—живого ритма, рѣшигельно недостающаго музыкѣ фам-фамъ. Тогда какъ у негровъ кру (Суданъ) ритмъ составляетъ самую существенную часть музыки, такъ что тяжеловѣсная меланхолія ихъ мелодій обусловлена, главнымъ образомъ, характернымъ ритмомъ, у

мпонгвесь (негровъ—банту) ритмъ подчиняется болѣе характеру различныхъ ихъ обычаевъ. Ритмъ у нихъ еще очень замѣтенъ и равномерно повторяется, но имъ онъ все таки кажется неважнымъ. Племена же фам-фамъ ритмъ, повидимому, вообще чужды; чувства ритма у нихъ или совсѣмъ нѣтъ, или оно очень слабо. Ихъ танцы, тамъ-тамъ и музыкальныя представленія тянутся всю ночь неправильнымъ, монотоннымъ пѣніемъ съ нѣсколькими рѣзко выдающимися нотами, которыя произвольно, по внезапному вдохновенію, издаетъ зацѣвало, главный музыкантъ и танцоръ—обыкновенно ихъ огханга (деревенскій жрецъ). Для этого ему служитъ инструментъ, который находятъ также и у негровъ кру: маленькій высверленный слоновый клыкъ, отдѣланный въ видѣ трубообразнаго рожка, издающій очень громкій, но и очень некрасивый звукъ. Всю эту музыку можно назвать одуряющимъ, унылымъ шумомъ“.

При болѣе подробномъ изслѣдованіи, вѣроятно, можно было бы кое-что измѣнить въ этомъ мнѣніи, но данныя все же показываютъ, какія удивительныя противоположности могутъ господствовать въ чувствѣ ритма и такта у народовъ, стоящихъ почти на одной ступени развитія. Когда Бильротъ утверждаетъ, что у насъ всюду существуютъ отдѣльныя личности, не одаренныя чувствомъ ритма, это наблюденіе, вѣроятно, можно обобщить такимъ образомъ: повидимому, существуютъ и цѣлые народы, недостаточно одаренные въ этомъ отношеніи. Понятно, что благодаря такому обстоятельству опредѣляется и форма поэзіи. Монголы могутъ быть названы народомъ съ небольшимъ расположеніемъ къ ритму, стихотворенія котораго хотя и обнаруживаютъ аллитерацію, начальныя и конечныя рѣзмы, но ритма въ нихъ нѣтъ почти совершенно. Шоттъ приводитъ въ доказательство этому слѣдующее стихотвореніе монгольскаго поэта, Санагъ-Сетзена:

Gegen ortu-dur tschlnu genel oron amui
Gemten jalatan tschlnu gatana chorai amui.

(Въ твою блестящую юрту проникаетъ дневной свѣтъ. Твои злодѣи и преступники стоятъ подъ открытымъ небомъ, ожидая своей участи).

Но и въ болѣе развитыхъ формахъ поэзіи слѣдуетъ обратить вниманіе, съ одной стороны, на врожденное чувство ритма, съ другой—на вліяніе танцевъ, работы и музыки. Гдѣ на первомъ планѣ стоитъ припѣвъ, тамъ слѣдуетъ признать возникновеніе поэзіи изъ хороваго пѣнія; но, кажется, она можетъ довольно самостоятельно развиться, разъ данъ толчокъ, изъ эпическихъ разсказовъ, излагаемыхъ нараспѣвъ, и тогда построеніе стиха бываетъ сравнительно простое, такъ какъ здѣсь смыслъ торжествуетъ надъ формой.

Между музыкально-поэтическим ритмом и формами, присущими только поэзии, стоит простое повторение словъ и предложений, соответствующее повторению отдельных отрывковъ мелодии, но, въ то же время, оно является вообще самой грубой зачаточной формой поэзии. Какъ въ первичныхъ звукахъ, сопровождающихъ музыку, и даже позднѣе, по крайней мѣрѣ, въ припѣвахъ повторяются междометія и бессмысленные возгласы (также и въ нѣмецкихъ пѣсняхъ, напримѣръ: *Halli hallo! Juchheidi, juchheida! Valleri juchhe!*), также повторяются и первые зачатки связныхъ, осмысленныхъ предложений. Самаго небольшого количества смысла, которое въ нихъ можно найти, иногда бываетъ достаточно, чтобы оно послужило основой безконечнаго, монотоннаго пѣнія. Такъ, Бауманъ слышалъ на Фернандо По, какъ нѣсколько туземцевъ (бубе) въ теченіе многихъ часовъ повторяли: „Акула кусаетъ руку бубе“. Когда Виссманъ плылъ по р. Танганьика, гребцы непрерывно пѣли слова: „*Sunde mama, sunde, sunde, leo sunde*“ (Бобы, мать, бобы, бобы, сегодня бобы). У австралийскихъ негровъ, на Квинсландѣ, жалобныя пѣсни по умершимъ, распѣваемые старыми женщинами, также состоятъ изъ вѣчно повторяющагося одного и того же предложения, напр.: „*Vainta bemo, bemo jongul naiko?*“ (Гдѣ мой племянникъ, единственный, который у меня былъ?). Въ западной части Мадагаскара Дулио слышалъ, какъ возвращавшійся съ казни колдуна, не переставая, пѣли: „*Ogana! Ogana! Omana! Omana!*“ (Дождь идетъ! дождь идетъ! ѣдятъ! ѣдятъ!); пѣвцы сами не могли объяснить смысла этихъ словъ, очевидно, имѣющихъ отношеніе къ вѣрѣ въ чары дождя.

По Эренрейху, такъ же однообразны танцевальныя пѣсни ипуриновъ (Южная Америка), относившіяся къ ожидаемой удачѣ на охотѣ, но всегда состоящія только изъ короткихъ, очень бѣдныхъ по мысли строкъ, напр.: «Въ большомъ озерѣ у Аримана много выдръ». Ленцъ рассказываетъ объ обонга у Оговы: «Они довольствуются тѣмъ, что ударяютъ два куска дерева другъ о друга и при этомъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ повторяютъ припѣвы, состоящіе изъ нѣсколькихъ соответствующихъ обстоятельствамъ словъ, напр.: «Бѣлый человѣкъ — хорошій человѣкъ, онъ далъ намъ соль», и т. д.».

Уже Бриггтонъ, при изученіи первобытной американской поэзии, призналъ и высказалъ, что повтореніе есть основной принципъ поэтической формы и выступаетъ всюду въ ея зачаткахъ въ только что приведенномъ простѣйшемъ видѣ; оно замѣняетъ риму и ритмъ и проявляется въ двухъ видахъ: или постоянно повторяется одно предложение, или хотя слова стиха переменяются, но имѣется постоянно возвращающійся припѣвъ. Этотъ припѣвъ и есть то повтореніе, изъ котораго вырастаетъ осмысленное стихотвореніе.

Нѣкоторыя рабочія пѣсни обнаруживаютъ нѣсколько отличныя формы повторенія смысла. Таковы древне-египетскія пѣсни въ время молотбы, приводимыя Бругшемъ:

Вы молотите для себя, вы молотите для себя,
Вы, быки,
Вы молотите для себя, вы молотите для себя
Зерно для себя,
Зерно для нашихъ господъ.

Еще, пожалуй, проще пѣсня, которую поютъ при обработкѣ саго, въ заливѣ Австралія (нѣм. Гвинея), записанная Миклухой-Маклаемъ:

<i>Bom, bom, magare.</i>	Саго, саго дѣлаютъ,
<i>Magare, tamole,</i>	Дѣлаютъ люди,
<i>Mag, magare,</i>	Дѣлаютъ, дѣлаютъ,
<i>Bom, bom, magare,</i>	Саго, саго дѣлаютъ,
<i>Magare, magare,</i>	Дѣлаютъ, дѣлаютъ,
<i>Bom, bom, magare...</i>	Саго, саго дѣлаютъ...

И въ другихъ пѣсняхъ простое повтореніе является еще очень важной составной частью; вмѣстѣ съ тѣмъ оно связываетъ цѣлое, какъ во многихъ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, и въ слѣдующей пѣсенкѣ племени урау въ Бенгаліи (по Дальтону):

<i>Nundin Khore dimboboha</i>	Вугонъ дѣлбобойи
<i>Pello mengau hilo dolo mani,</i>	Качается на головкѣ дѣвушки,
<i>Pairi biri dimboboha</i>	Уже рано утромъ дѣлбобойа
<i>Pella mengau hilo dolo mani.</i>	Качается на головкѣ дѣвушки.

Даже въ стихотвореніяхъ культурныхъ народовъ простыя повторенія не исчезли, такъ какъ ихъ психологическое значеніе — усиливать и поддерживать мысль — никакимъ другимъ способомъ не достигается такъ легко и сильно. Особенно удачно это подтверждаютъ извѣстные стихи Фрейдихрата:

<i>O lieb', so lang'du lieben kannst</i>	О, люби, пока можешь любить,
<i>O lieb', so lang'du lieben magst!</i>	О, люби, пока хочешь любить!
<i>Die Stunde Kommt, die Stunde</i>	Приходитъ часъ, приходитъ часъ,
<i>Kommt,</i>	Когда у могилъ ты будешь стоять
<i>Wo du an Grabern stehst und Klagst.</i>	и плакать.

Только одной поэзии присущи повторенія въ видѣ различныхъ формъ отзвуковъ и созвучій, которыя лишь постольку имѣютъ отношеніе къ музыкѣ, поскольку онѣ должны, въ извѣстной степени, замѣнить средствами языка ея гармонию, или, по крайней мѣрѣ, возбуждены ею. Что въ остальномъ рѣма, какъ и ритмъ и вообще всякое повтореніе сообщаютъ поэзіи ея самостоятельность и убѣди-

тельную силу, ясно высказалъ Шопенгауэръ въ слѣдующихъ словахъ: «Я не умѣю никакъ иваче объяснить ихъ (ритма и рима) невѣроятно могучаго вліянія, какъ тѣмъ, что наши выраженія, существенно связанныя съ понятіемъ о времени, этимъ самымъ получаютъ особеннѣе, благодаря которой мы внутренне слѣдуемъ и, такъ сказать, вторимъ всякому равномѣрно повторяющемуся шуму. Вслѣдствіе этого и ритмъ и рима становятся отчасти связующимъ средствомъ для нашего вниманія и мы усерднѣе слѣдимъ за излагаемымъ,—отчасти же, благодаря имъ, въ насъ зарождается слѣпое согласованіе съ излагаемымъ, предшествующее всякому сужденію о немъ, почему оно получаетъ известную эмотическую силу убѣжденія, независимую отъ какихъ бы то ни было причинъ».

Въ поэзіи отдѣльныхъ народовъ созвучіе, рима и аллитерація выступаютъ различнымъ образомъ; иногда ихъ и совсѣмъ не бываетъ, такъ что признакомъ формы остаются только ритмъ и повтореніе мысли, какъ, напр., въ стихотвореніяхъ американскихъ первобытныхъ племенъ. Или на первый планъ выступаетъ то одна, то другая форма, что отчасти объясняется природными свойствами языковъ. Неподвижная рима или аллитерація, повидимому, господствуетъ у народовъ Западной Азии и въ пограничной съ нею полосѣ Европы—у монголовъ, финновъ и у туранскихъ племенъ; она была также свойственна прежде в европейскимъ германцамъ. Напротивъ, рима хорошо известна жителямъ Австраліи, Полинезіи, Зондскаго архипелага, задней Индіи и т. д., но только въ видѣ исключенія приведена въ нѣчто, подобное системѣ. На остр. Фиджи любятъ оканчивать строфы болѣе длиннаго стихотворенія опредѣленнымъ гласнымъ звукомъ, и для этой цѣли позволяютъ себѣ много вольностей въ построеніи стиха и въ обращеніи со словами; въ другихъ мѣстахъ, повидимому, охотно употребляютъ при случаѣ риму, но умѣютъ обходиться и безъ нея, а мѣстами, какъ, напр., въ Нов. Зеландіи, ея совершенно пренебрегаютъ. Нѣсколько примѣровъ могутъ дать понятіе о первобытной римѣ.

Таплинъ приводитъ пѣсню корробори племени нарриньеры (Австралія), состоящую изъ римованныхъ строкъ съ приставными восклицаніями:

Puntin Narrinyerar, puntin Narrinyerar, O, O, O.
Puntin Narrinyerar, O, O, O, O, O.
Sun terpulani ar
Tuprun an wangamar
Tuiewar ngorrun ar O, O, O, O.
Puntin Narrinyerar, и т. д.

Смыслъ таковъ: «Идутъ нарриньеры; сейчасъ они будутъ здѣсь и принесутъ кевуру; они идутъ быстро». Ф. Лангдорфъ приводитъ

пѣсню племени нукагива (Маркесскіе остр.), строфы которой, по крайней мѣрѣ въ началѣ, оканчиваются по очереди на ah и oh: въ концѣ, у поэта, повидимому, вышесть запясть римомъ. На Индійскомъ архипелагѣ рима очень любима, хотя и здѣсь она не всегда выступаетъ въ совершенной формѣ. «Напрасно стали бы искать ритма и правильныхъ римомъ въ произведеніяхъ илоканской поэзіи,—говоритъ Блюментритъ объ илоканахъ Людоиа.—Ихъ стихотворенія всегда раздѣляются на четырехстрочныя строфы, въ стихахъ каждой строфы одна рифма, напр., aaaa, вввв, сссс, и т. д. То, что на илоканскомъ языкѣ считается римомъ, нашему уху кажется страннымъ, напримѣръ — bassit и ladingit. Илоканскій поэтъ не знаетъ опредѣленнаго размѣра». Изъ примѣровъ бантамской (Ява) поэзіи, данныхъ И. И. Мейеромъ, выясняется, что здѣсь четверостишія римованы крестообразно (a b a b), напримѣръ:

Ulah sok hajang Ka gula,
Tutjan bisa panggur Kawang,
Ulah sok hajang Ka gula,
Tutja bisa panggur sawang.

(Не требуй иной разъ сахара, такъ какъ ты еще не можешь срубить пальмы; не желай иногда меня, такъ какъ ты еще не умѣешь соткать саронга). Малайскіе папуны, къ которымъ придется еще вернуться, построены точно также. Рядомъ съ этимъ петрѣчаются болѣе длинныя стихотворенія, въ которыхъ одну и ту же конечную риму примѣняютъ, пока это возможно, послѣ чего переходятъ къ другой. Одно, приводимое И. Лейденомъ, стихотвореніе имѣетъ риму aaaaaaaa bbbb cc dddd и т. д.

Знакомство съ римой малокультурныхъ племенъ задней Индіи (доказывается пѣсней племени сийнъ-хинъ, приведенной Ф. М. Рундлемъ; поютъ ее во время танца мертвыхъ:

Hang suon ró! Hang lion lion!
Tong suon ró! Tong lion lion!
Tong hi suoné,
Háng suoné,
Khatáng shié báng,
Pial moé.

(Всѣ храбрые родственники, храбрые опять и опять! Всѣ соучастники праздника, праздника опять и опять! Наши родственники (умершіе) имѣли свой праздникъ; наши храбрые родственники поиманы какъ бы въ западню—они не могутъ высвободиться).

Наличность римы у такого отдаленнаго племени, повидимому, доказываетъ, какъ и полинезійскіе примѣры, что не индійское или арабское вліяніе принесло риму малайо-полинезійцамъ и родствен-

нимъ имъ племенамъ, а они сами нашли ее въ давнія времена. Совсѣмъ иначе должно было обстоять дѣло у племени суагели, на берегу нѣмецкихъ колоній Восточной Африки, сравнительно богатая литература котораго недавно сдѣлалась доступной благодаря Бютнеру. Здѣсь арабское влияние очевидно и оно объясняетъ также появленіе конечной рифмы.

Наконецъ, особаго рода формальныя повторенія встрѣчаются даже въ гомеровскомъ эпосѣ, быть можетъ, взятѣи другихъ видовъ повтореній, которыхъ нѣтъ въ чисто ритмической, безконечнымъ потокомъ стремящейся поэтической формѣ; мы говоримъ о неизмѣнныхъ прилагательныхъ и постоянно повторяющихся оборотахъ. „Властитель въ громовой тучѣ, Зевесъ“, — „Крѣпко подкованные ахейцы“, — „Божественный заячій пастухъ“, — все это такія же постоянныя соединенія словъ, какъ и слѣдующія цѣлыя предложения: „Когда же подпалась ранорожденная, розоперстала Эостъ“, — „Ему отвѣчая, сказала многомысливый Улиссъ“, и т. д. Эти формы можно разсматривать, какъ завѣдомо сохранившіеся остатки старинныхъ простыхъ повтореній, но въ то же время они являются важной основной частью поэзии съ вѣдической стороны. И въ эпосѣ другихъ народовъ, татаръ, финновъ, малайцевъ, встрѣчаются такого же рода постоянно возвращающіяся формулы. Еще рѣзче выступаютъ они, какъ остатки простѣйшаго вида поэзии, въ народныхъ пѣсняхъ, напр., въ вендскихъ, собранныхъ Гауптомъ и Шмалеромъ; необыкновенно часто встрѣчаются выраженія вродѣ: „Молодецъ повернулъ свою лошаду“, „Кружку пива и кружку вина“. „Они взяли другъ друга за ручки и повели другъ друга черезъ лужокъ“, „стань, моя дѣвочка, на мой мечъ, съ меча на моего коня“.

До сихъ поръ шла рѣчь о повтореніи формы или одновременно съ мыслью или, какъ при рифмѣ и аллитераціи, безъ отношенія къ ней. Но это не единственно возможные случаи: возможно также повтореніе мысли, безъ отношенія къ формѣ. Когда вендская легенда начинается словами: „При пути, при тропинкѣ, при дорогѣ сѣялъ бѣдняга ячмень“, здѣсь объ одномъ и томъ же дѣйствиіи говорится трижды разными словами и этимъ способомъ также достигается покоряющая привлекательность повторенія. У многихъ народовъ этотъ способъ стихосложенія, названный параллелизмомъ, сдѣлался постоянной формой. напримѣръ, у евреевъ, псалмы которыхъ построены совершенно въ этомъ родѣ, такъ же, какъ и ихъ предшественники, ихъ прообразы — древне-вавилонскія пѣснопѣнія. Египтянамъ параллелизмъ также былъ знакомъ. Особымъ видомъ его были „тріады“ великихъ пѣвцовъ — простыя соединенія трехъ параллельныхъ выраженій вмѣсто одного слова обыденной рѣчи. Такъ, въ „тріадахъ украшающихъ описанія“ встрѣчаются слѣдующія: три украшающихъ назва-

нія луны — солнце ночи, миловидная и солнце фей; три украшающихъ названія звѣздъ — очи лености, свѣчи неба и драгоценные камни воздушнаго свода; три украшающихъ названія волнъ — овцы Гвенгидвы, драконы соленой глубины и цвѣты океана.

Многіе первобытные народы знаютъ и пользуются параллелизмомъ. На этомъ основаніи уже Блекъ сравнилъ готландскую поэзію съ еврейской. Монголы и вообще туранскіе народы очень любятъ параллелизмъ; также и китайцы, древнѣйшія стихотворенія которыхъ, объединенныя въ Ши-кингъ, обнаруживаютъ его еще въ самой простой формѣ, между тѣмъ какъ позднѣе изъ него развилась сухая, искусственная игра. Пѣсни Ши-кинга имѣютъ нѣкоторое сходство съ малайскими пантунъ-рифмованными четверостишіями, въ которыхъ господствуетъ совершенно опредѣленный родъ параллелизма: первыя двѣ строки всегда содержатъ картину природы, послѣднія двѣ — настоящій смыслъ, причемъ, разумѣется, европейцу очень трудно уловить связь между двумя представленіями. Вполнѣ субъективный характеръ всякой первобытной поэзіи здѣсь выступаетъ особенно ясно. Параллелизмъ сравнительно ясенъ въ слѣдующихъ пантунъахъ:

Memuti umbak di rantau Kataun
Patang dan pagi tida berkala.
Memuti bunga de dalam Kabum
Sa tangkel saja lang menggila.

(Бѣлы волны у побережья Катауна, днемъ и ночью не перестаютъ онѣ набѣгать. Бѣлыхъ цвѣтовъ много въ саду, но только одинъ приводитъ меня въ смятеніе отъ любви).

Ayer dalam bertambah dalam
Ujan di ulu bulum lagi tedoh;
Hati dendam bertambah dendam
Dendam daulu bulum lagi sumboh.

(Глубокія воды стали еще глубже, и дождь на холмѣ не хочетъ перестать; страстное желаніе моего сердца стало страстнѣе, и надежды его еще не исполнились).

Ieka sungguh bulan pernama,
Mengapa tia-la di pagar bintang.
Ieka sungguh tuan bijaksana,
Mengapa tiada dapat di tingang.

(Если дѣйствительно теперь полнолуніе, почему не является луна посреди неба? Если ты дѣйствительно правдивъ и вѣренъ, почему я не должна тебя видѣть?)

Параллелизмы встрѣчаются и въ другихъ стихотвореніяхъ ма-

лайской расы, напр., въ одномъ пѣсскомъ благословеніи пѣвѣсты передаваемомъ Лагеманномъ:

Iamatuge nono la'i,	Пусть у нея будутъ мальчики,
Iamatuge zi natua,	Пусть она получить сыновей:
Nono zi so ba halama,	Тысячи, живущихъ въ полѣ,
Iiwu zi so ba ihalana.	Тысячи, населяющихъ деревню.

Безспорно, что и способъ изложенія или импровизаціи имѣетъ также влияние на образованіе поэтическихъ параллелизмовъ. У малайцевъ часто выступаютъ одновременно два импровизатора, изъ которыхъ одинъ провозноситъ первый двѣ строки съ картиной природы, послѣ чего второй прибавляетъ конецъ съ параллелизмомъ. Точно также излагались всегда двумя пѣвцами эпическія произведенія финновъ, частью построенныя исключительно изъ параллелизмовъ; пѣвцы пѣли поочередно параллельныя строки, взявшись за руки и ритмически наклоняясь туда и сюда. Ответныя пѣсни (респонсаріи) христіанскихъ церквей имѣютъ такой же характеръ.

Параллелизмъ ведетъ къ образному языку, который въ известномъ смыслѣ есть самый изысканный видъ повторенія, причѣмъ слушателю предоставляется прибавить мысленно къ картинѣ дѣйствительность. Но вмѣстѣ съ тѣмъ образный языкъ—самый примитивный способъ мышленія, слѣдовательно, психологически онъ имѣетъ еще болѣе глубокое основаніе; вѣдь мы мыслимъ образами раньше, чѣмъ абстракціями.

Формѣ поэзіи противопоставляется ея содержаніе, младшій, вначалѣ очень жалкій братъ, но постепенно онъ мощно вырастаетъ и, въ концѣ концовъ, совершенно вытѣсняетъ форму въ нѣкоторыхъ эпическихъ и драматическихъ произведеніяхъ. У первобытныхъ народовъ смыслъ пѣсней или чрезвычайно простъ и ничтоженъ, или его трудно повѣять постороннему изъ-за неленныхъ намековъ; нѣрѣдко даже члены одного и того же племени не въ состояніи угадать смысла новаго стихотворенія безъ болѣе подробнаго объясненія. Причина этому лежитъ частью въ чисто-субъективномъ характерѣ зачатковъ поэзіи, частью и въ томъ, что нѣрѣдко текстъ служитъ лишь безразличной подкладкой для пѣнія. Мы уже видѣли какъ легко вообще отказываются отъ пониманія смысла и упорно продолжаютъ пѣть тексты на непонятномъ языкѣ или совершенно изуродованные: тотъ фактъ, что музыка старше поэзіи, всюду даетъ себя знать.

Рано уже обнаруживается раздѣленіе между лирической и эпической поэзіей, хотя никогда не бываетъ недостатка въ связующихъ промежуточныхъ формахъ. Лирику можно опять-таки безъ труда подраздѣлить на группы по выражающимся въ ней чувствамъ или по обстоятельствамъ, при которыхъ она возникла; при этомъ осо-

бенное положеніе занимаютъ танцевальныя и рабочія пѣсни, связанныя съ движеніями тѣла; о нихъ мы уже много говорили, такъ что здѣсь можно отказаться отъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Но и для остальныхъ будетъ достаточно указать на ихъ существованіе нѣсколькими приѣмами или вообще только слегка упомянуть о нихъ.

Чѣмъ чаще возбуждаются известныя чувства, тѣмъ многочисленнѣе, обыкновенно, поэтическія произведенія, относящіяся къ нимъ. Только чувства чисто матеріальной нужды—голода, жажды и утомленія—мало вызываютъ поэтическую дѣятельность, такъ какъ ихъ непосредственная наличность уничтожаетъ склонность къ игрѣ и къ упражненіямъ въ искусствѣ, или, другими словами, они поглощаютъ весь избытокъ силъ и, кромѣ того, воспоминаніе о нихъ болѣею частью слишкомъ безрадостно, чтобы возбуждать поэтическое вдохновеніе. Тѣмъ чаще встрѣчаются военные пѣсни, выражающія всѣ чувства жажды брани, вызова, хвастовства и т. д. Л. Магіаръ слышалъ на верховьяхъ Кунене военныя пѣсни приблизительно слѣдующаго содержанія: „Если ты храбръ, настало время! Выходи на бранное поле, но будь мужемъ! Потому что еще сегодня я выставлю на солнце твою внутренность!“ или: „Лѣт моего копья такъ сильно дѣйствуетъ, что моему врагу, когда я попаду въ него, не хватитъ времени проститься со своей возлюбленной!“ Юноду записалъ старинную военную пѣсню баронговъ, относящуюся къ дальнему предку семейства вождя, которую пѣли воины Мануне и Тембе.

У тинновъ съ особенной любовью употребляются для текста военныхъ и побѣдныхъ пѣсней послѣднія слова умирающихъ враговъ. Вообще, военныя пѣсни богаты междометіями, но бѣдны содержаніемъ, такъ какъ онѣ почти исключительно являются сопровожденіемъ военнаго танца.

Это гораздо менѣе относится ко второй большой группѣ первобытной поэзіи—эротической поэзіи. Любовныя пѣсни гораздо чаще поются отдѣльными лицами и часто совершенно безъ музыки, вслѣдствіе чего содержаніе ихъ болѣею частью полнѣе. Иногда они напоминаютъ поэтическія произведенія культурныхъ народовъ и обнаруживаютъ нѣжность чувства, которой въ другихъ случаяхъ напрасно стали бы искать у первобытныхъ народовъ. Это указываетъ,

пожалуй, также, какое большое значение имѣеть облагороженіе самаго по себѣ грубаго, полового инстинкта искусствомъ для культурнаго и духовнаго развитія человѣчества. Примеромъ можетъ послужить одно алеутское стихотвореніе, переведенное Эрманомъ:

Ни одного дня я не могу прожить безъ нея,
И, когда она танцуетъ, ей дышать — моя жизнь,
Его всего я хотѣлъ бы всосать въ себя,
Потому что я не могу жить безъ ея дыханія.

Но когда эротическая поэзія сопровождается танцами, она большею частью неприятно цинична; едва ли нужно упоминать о томъ, что развитіе любовной поэзіи находится въ большой зависимости отъ положенія женщины въ данномъ обществѣ.

Третью, очень распространенную группу составляютъ жалобныя пѣсни. Онѣ большею частью тѣсно связаны съ культомъ мертвыхъ и часто также обнаруживаютъ неожиданно глубокое чувство. Понятно, бывають жалобныя пѣсни и неимѣющія отношенія къ умершимъ; напримѣръ, Исфоновъ упоминаетъ о жалобной пѣснѣ по поводу разбитой лодки, а Касати приводитъ очень простую, часто повторяющуюся пѣвцомъ, пѣсню Саиде, почальную пѣсню обь утраченной возлюбленной. Пѣсня состояла только изъ слѣдующихъ словъ: „Mi schunqo iole dôte; sanda badi ale, Kalamassita!“ (Я одинъ; я лишился тебя, Каламассита!). У Касати сохранился также плачъ по племенномъ монбутскомъ князѣ, Ацайга.

Azanga obeiro,
Abama ne bako?
Meticso ae messia?
Pa pandu andonzi
Eudria tua!

(Ацайга въ пѣсню, почему онъ не приходитъ опять? Что станемъ мы дѣлать безъ него? О, если ему суждено умереть, наше горе будетъ безконечно!).

Изъ жалобныхъ пѣсней по умершимъ выше уже былъ приведенъ примѣръ. Рядомъ съ этимъ поэтически изображаются въ пѣсняхъ и другія меланхолическія настроенія, какъ доказываетъ пѣсня племени мунда — колъ (передн. Индія) о наступленіи старости. Эта пѣсня живо напоминаетъ шотландскую народную пѣсню «Джонъ Андерсонъ» и переведена Йеллинггауземъ. Жена поетъ:

О, ты въ хижинѣ, покрытой травой,
Въ деревянномъ домѣ, мой супругъ!
Какъ цвѣтокъ, ты засохъ,
Какъ красный цвѣтокъ, ты завялъ.
Отъ жара ли земля, мой супругъ,
Или отъ небснаго зноя,
Ты, какъ цвѣтокъ, засохъ,
Мой супругъ, какъ красный цвѣтокъ завялъ!

Мужъ отвѣчаетъ:

Это не отъ жара земли
Это не отъ небснаго зноя,
Время уходитъ, моя супруга,
Старость наступаетъ.
Время уходитъ, моя супруга,
Какъ узкая тропинка.
Старость наступкаетъ, подруга,
Какъ широкая просвѣченная дорога.
Какъ въ глухой, глухой, горной странѣ,
Мы стали глуцы, о, супруга,
Какъ въ безтолковой, необитаемой низменности,
о, подруга.

Стали мы безтолковы.
Ты глупа, и я глупъ, о, супруга,
Оба мы глуцы.
Ты безтолкова, и я безтолковъ, о, супруга,
Оба мы безтолковы.

Пѣсня, переданная Йеллинггауземъ, къ сожалѣнію, не въ оригиналѣ, выдѣляется правильнымъ параллелизмомъ. Какъ противоположность, можно привести того же происхожденія застольную пѣсню, посвященную на себѣ, впрочемъ, индусское вліяніе:

Выжимайте, выжимайте
Пиво — киласала! (рисовое пиво)
Продѣживайте, продѣживайте
Старое пиво — талисала!
Подай сюда, выжимальщица,
Въ и судяну наъ листа мазури
Отдѣли мнѣ пива!
Ну! выжимальщица!
Въ посуду изъ листа талари
Отдѣли мнѣ пива!
Выжимальщица пьяна о да!
Выжимальщица захмѣлѣла, о да!

Къ заключительнымъ строкамъ этой пѣсни пристегнуть сатирическій тонъ, вовсе не составляющій исключенія въ пѣсняхъ дикарей. Насмѣшливыя пѣсни встрѣчаются очень часто и нерѣдко имѣють большое общественное значеніе, такъ какъ являются выраженіемъ общественнаго мнѣнія. У эскимосовъ даже бывають правильныя поэтическія поединки замѣнявшіе собою вооруженные. «Если гренландецъ почувствуетъ себя обиженнымъ, — пишетъ Граа, — онъ сочиняетъ сатирическую пѣсню, которую всѣ его друзья заучивають наизусть. Затѣмъ онъ объявляетъ жителямъ своего округа, что онъ будетъ пѣть противъ своего противника. Происходитъ встрѣча, партіи вступаютъ въ кругъ и истецъ распѣваетъ, танцуя подь звуки барабана, цѣлую массу язвительныхъ истинъ о своемъ противникѣ, но безъ запальчивости и грубости. Послѣ этого выходитъ противникъ и отвѣчаетъ, также распѣвая и танцуя. Такъ они чередуются до тѣхъ поръ, пока имъ уже больше нечего сказать другъ

другу. Наконец слушатели рѣшаютъ, кто изъ нихъ правъ, и они опять становятся лучшими друзьями».

Бастіанъ передастъ сямскую пѣсенку, высмѣивающую цѣлыенароды:

Khamen then theh,	Настоящій, неподдѣльный камбодіецъ
Kin takeh tow jam.	Бѣтъ крокодила въ рагу.
Laø pung dam	Лаосъ съ чернымъ брюхомъ
Kin jam takeh.	Бѣтъ рагу изъ крокодила.

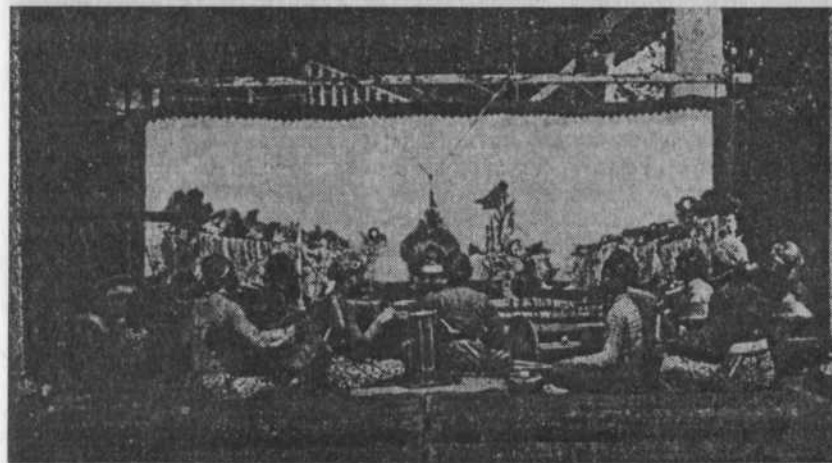
Примѣромъ другого рода лирики можетъ служить разбойничья пѣсня, слышанная у племени вазегу миссіонеромъ Бауромъ:

Я—Пакатха,
Нѣтъ у меня отца, матери.
Мой отецъ—мой ножъ,
Моя мать—моя рогатина.
Я—Пакатха,
Я—воръ въ ночи.

Повѣствовательныя стихотворенія, повидимому, часто возникаютъ изъ импровизаціи запѣвалъ, въ которыхъ высказывается какое нибудь приключеніе. Большею частью это безконечныя речитативы безъ рѣзкаго метрическаго раздѣленія или другого рода повторенія, слѣдовательно, это нѣчто вродѣ прозы на распѣвѣ. Такъ, вѣроятно, сидя вечеромъ на корточкахъ вокругъ огня, воспѣвали свои подвиги, подъ звуки барабана, сѣверо-американскіе индѣйцы, о которыхъ рассказываетъ Геккельдеръ. Гдѣ вырабатывается настоящій эпосъ, тамъ большею частью онъ выражается рѣзче ритмомъ, неизмѣнными оборотами рѣчи и параллелизмами. Наконецъ, драматическихъ произведеній у первобытныхъ народовъ находятъ мало, развѣ только въ связи съ мимическими танцами. Удивительно, впрочемъ, что зрѣлища развиваются не всегда непосредственно изъ танцевъ, а первой ступеню для нихъ являются кукольныя и тѣневыя представленія, напримѣръ, на островахъ Индѣйскаго океана (см. рис. стр. 735) и въ Турціи.

Поэзія, какъ всѣ упражненія въ искусствѣ и каждая игра прежде всего сама себѣ долѣтъ. Но творческая сила человѣка, постоянно стремящаяся привязаться къ существующему, приспособить уже данное для своихъ цѣлей, умѣетъ также и изъ поэзіи извлечь практическую пользу. Неоднократно уже упоминалось о томъ, что поэзія, вмѣстѣ съ музыкой, способствуетъ хозяйственнымъ работамъ. Далѣе, поэзія излюбленное средство для помощи памяти: ея правильное строеніе, частыя повторенія, ритмъ и рѣзкіе стихи запечатлѣваютъ послѣдніе въ памяти гораздо тверже и на болѣе продолжительное время, чѣмъ этого можно было бы достигнуть простой прозой даже тогда, если имъ не помогаетъ еще и музыка. До изобрѣтенія письма, индѣйскія вѣды, т. е. цѣлая сокровищница народныхъ

воспоминаній, передавались въ такомъ видѣ изъ рода въ родъ, и даже въ настоящее время ихъ еще заучиваютъ наизусть въ школахъ. Нѣчто подобное можно найти и у всѣхъ древнихъ культурныхъ народовъ. И послы, имѣющіе важныя порученія, заучиваютъ ихъ въ стихотворной формѣ, о чемъ повѣствуетъ тонганская легенда, въ которой въ то же время объясняется, почему на Фиджи татуируются только женщины, а на Тонго и островахъ Самоа только мужчины. Посольство съ Тонго на Фиджи, гдѣ татуировка возникла раньше, на обратномъ пути все время пѣло: «Татуируйте женщинъ,

Явайское кукольное представленіе.

а не мужчинъ!» Но во время бури они были охвачены страхомъ и смятеніемъ, и послѣ того пѣли: «Татуируйте мужчинъ, а не женщинъ!» Отсюда и возникло различіе въ обычаяхъ. Само собой понятно, наконецъ, что поэзія, какъ и всѣ искусства, должна также служить мистическимъ цѣлямъ: число магическихъ изреченій, формулъ, проклятій и благословеній необычайно велико и по количеству, если не по внутреннему достоинству, они, пожалуй, составляютъ важнѣйшую часть первобытной поэзіи.

Гдѣ имѣются поэты по призванію, которые, какъ таковые, мало почитаются, они часто умѣютъ улучшить свое положеніе своимъ соприкосновеніемъ съ мистикой, и часто даже поэтъ и пророкъ, поэтъ и жрецъ — одно и то же. Въ другихъ мѣстахъ они пріобрѣтаютъ

вліяніе и уваженіе въ качествѣ воспитателей великихъ міра сего, какъ необходимое украшеніе двора властителя, что наблюдается особенно въ африканскомъ Суданѣ. Напротивъ, всѣ бродячіе пѣвцы и поэты не могутъ скрыть гениально-нищенской черты и стоятъ на общественной лѣстницѣ большею частью очень низко. Искусство нѣдъ прежде всего — игра, не потребность, а предметъ роскоши, который одни оплачиваютъ черезчуръ щедро, другіе же отталкиваютъ или цѣнятъ въ ломаный грошъ. Поэтому оно съ трудомъ добывается себѣ вѣрной оцѣнки. Это относится также и къ искусствамъ въ пространствѣ, только его ученики рѣже ведутъ бродячую жизнь и поэтому рѣже подвергаются презрѣнію.

Это сходство между искусствами во времени и въ пространствѣ имѣетъ глубокое основаніе; оба ведутъ свое начало отъ одного и того же творческаго духа, только работа его въ нихъ совершается различными средствами и говоритъ на различныхъ языкахъ, которые стоятъ по отношенію другъ къ другу, какъ разговорная рѣчь къ образному письму. Искусства во времени производятъ глубокое, но преходящее впечатлѣніе; искусства въ пространствѣ вліяютъ менѣе сильно, но длительно. Въ первыхъ — выполненіе и вліяніе сначала нераздѣльны; во вторыхъ — почти всегда раздѣльны. Только письмо сдѣлало возможнымъ существованіе стихотвореній и музыкальных сочиненій, какъ монументальныхъ произведеній, рассчитанныхъ на длительное существованіе.

Благодаря письму они не измѣняются въ устахъ народа и не распадаются въ концѣ концовъ, а ведутъ мнимую жизнь, чтобъ проснуться подъ взоромъ читателя, какъ и произведенія образовательнаго искусства оживаютъ и оцѣниваются только подъ взоромъ интересующагося, способнаго къ воодушевленію зрителя.

Изъ этого первоначальнаго различія выясняется одно преимущество искусства въ пространствѣ, которое возмѣщаетъ его болѣе слабое вліяніе на чувство: произведенія этого искусства самостоятельны, независимы; они заключаютъ въ самихъ себѣ больше правъ на существованіе, такъ какъ стоятъ передъ нами, созданныя изъ устойчиваго матеріала и рѣзко ограниченныя отъ окружающаго. Поэтому они не пугаются въ томъ искусственомъ, вѣншемъ покровѣ, который должны набрасывать на себя музыка и поэзія въ видѣ различныхъ видовъ повтореній, или же они пользуются ими въ облагороженной формѣ, гармоніи, обнаруживающейся въ построеніи частей и во взвѣшиваніи подробностей. Но это относится только къ самымъ свободнымъ произведеніямъ образовательнаго искусства. Гдѣ эта свобода еще не достигнута, какъ въ большинствѣ изображеній предковъ и боговъ у неразвитыхъ народовъ, тамъ тотчасъ выступаетъ застывшая симметрія; если же образовательное искусство должно даже ограни-

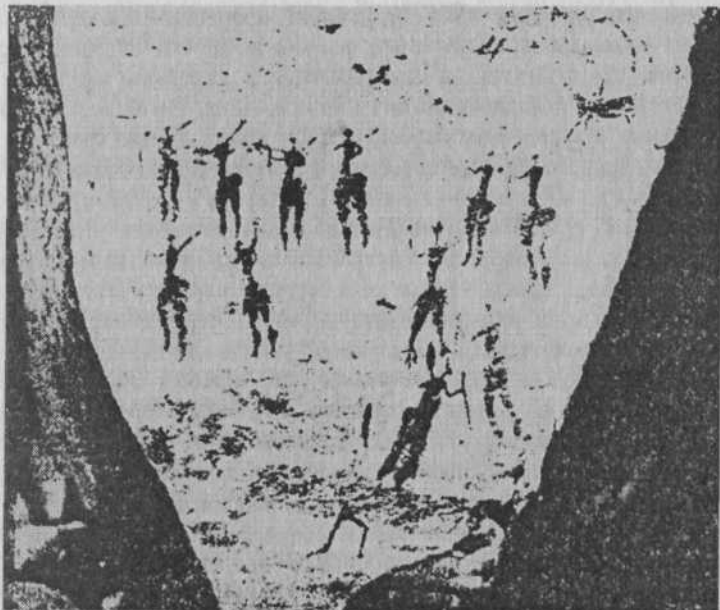
чиваться ролью прислужницы и, въ гордой независимости, не довольствуется само собою, оно точно также нуждается въ повтореніяхъ, какъ и мелодія и пѣсня, что мы имѣемъ возможность наблюдать на каждомъ орнаментѣ. Искусства во времени и въ пространствѣ подчиняются всегда однимъ и тѣмъ же основнымъ законамъ формы.

Образовательныя искусства также возникаютъ изъ настроенія, но этотъ характеръ сохраняется въ чистомъ видѣ только при первомъ импульсѣ и въ самомъ началѣ. Исполненіе требуетъ времени и, большею частью, порядочнаго количества работы, при которой добрая часть настроенія разлетается, такъ что только творческая сила, какъ таковая, или однажды приобрѣтенное расположеніе къ постоянной работѣ оживляетъ дѣятельность. У первобытныхъ народовъ къ этому присоединяется то задерживающее обстоятельство, что имъ непереносимы равномерныя и продолжительныя усилія, безразлична трата времени, и поэтому созданіе художественнаго произведенія продолжается чрезвычайно долго. «У пастъ, — пишетъ Гамильтонъ по этому поводу, — предметъ или орнаментъ совершенно закачиваются прежде, чѣмъ они понадобятся. Маори же употребляютъ въ дѣло свое оружіе или рѣзное украшеніе, какъ только они могутъ служить своимъ практическимъ цѣлямъ, а на дальнѣйшую обработку ихъ тратятъ цѣлыя годы и даже поколѣнія». Медленная работа отодвигаетъ на задній планъ не только вліяніе настроенія, но даже и личную фантазію отдельнаго лица, и отчасти служитъ причиной того, что первобытныя народы вначалѣ строго придерживаются стиля.

Но если настроеніе, преобладающее въ искусствахъ во времени, можетъ имѣть лишь гораздо меньшее значеніе въ образовательномъ искусствѣ, это должно имѣть рѣшительное вліяніе также на матеріалъ и содержаніе художественнаго произведенія. Тѣ преходящія, какъ бы экстазныя настроенія, проявляющіяся въ военныхъ пѣсняхъ, эротическихъ танцахъ или застошныхъ пѣсняхъ, даютъ только у культурныхъ народовъ матеріалъ для образовательнаго искусства. У первобытныхъ же народовъ таія настроенія почти никогда не воплощаются въ пластическихъ формахъ. Если природа не доставляетъ непосредственно мотивовъ, то на первыхъ ступеняхъ развитія господствуютъ преимущественно идеи установившагося общества: здѣсь искусство черпаетъ вдохновеніе большею частью въ культѣ предковъ и въ тотемизмѣ. Многія пластическія произведенія, кажущіяся эротическими, суть лишь наивныя символы продолженія рода или племени; другія же служатъ амулетами, какъ это удостовѣрилъ въ особенности Вилькенъ.

На произведеніяхъ первобытныхъ народовъ легко замѣтить, что образовательное искусство тоже есть свободная игра съ даннымъ

материаломъ и данными предметами. Подобно тому, какъ материалъ разбивается и снова формируется или преобразуется при помощи тѣла и рѣзбы, такъ и живыя произведенія природы нѣкоторымъ образомъ произвольно разбиваются и снова составляются или, по крайней мѣрѣ, причудливо искажаются. Прежде всего, произведенія искусства, ведущія свое начало отъ культа предковъ, почти всегда создаются въ причудливой формѣ, тѣла и лица искривлены въ видѣ гримасъ, отдѣльныя части преувеличены до чудовищной крайности,

Рисунки бушменовъ. (Юго-вост. Африка).

другія совѣтъ отсутствуютъ, тѣла людей и животныхъ соединены вмѣстѣ въ уродливыя фигуры и т. д. Такія произведенія должны воплощать идею. Но художники еще не умѣютъ создать человѣческій образъ, какъ выраженіе идеи, они строятъ изъ обломковъ разбитыхъ организмовъ новые, приблизительно такъ, какъ въ средневѣковомъ Римѣ христіанскія церкви воздвигались изъ развалинъ античныхъ зданій. Часто возникаетъ сомнѣніе, не были ли мифическіе гермафродиты подражаніемъ со стороны художниковъ, или пластичныя произведенія были причиной возникновенія этихъ мифовъ. Въ иныхъ случаяхъ можно съ увѣренностью доказывать обѣ возможности.

Изъ этого карикатурнаго начала впоследствии развилось сво-

бодное образовательное искусство, впервые зажившее полной жизнью у грековъ. Ему противопоставляется орнаментовка, какъ искусство не свободное. Въ основѣ всѣхъ свободныхъ искусствъ лежитъ подражаніе или правильное умственное воссозданіе природы. Здѣсь поражаетъ то, что какъ разъ у низко стоящихъ въ хозяйственномъ смыслѣ народовъ мы раньше всего находимъ вѣрное подражаніе природѣ, затѣмъ на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры эта склонность теряется и преобладаетъ искаженное, неоднородно и неорганически составленное, пока, наконецъ, съ большимъ трудомъ достигается опять то, что съ самаго начала казалось такимъ естественнымъ и само собой понятнымъ.

Въ самыхъ различныхъ частяхъ свѣта повторяется это явленіе. Кто хочетъ видѣть въ Африкѣ сравнительно вѣрныя изображенія

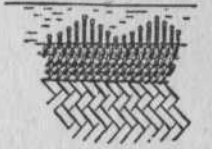

Новобританцы съ черепными масками.

животныхъ и людей, тотъ долженъ отправиться къ неосѣдлымъ бушменамъ (см. рисун. стр. 738); въ сѣв. Америкѣ эскимосы великіе мастера въ свободномъ подражаніи природѣ, а въ доисторической Европѣ, народы, по образу жизни подобныя эскимосамъ, создали тѣ отчасти удивительно вѣрныя природѣ изображенія животныхъ, которыя въ настоящее время найдены въ пещерахъ Франціи и Швейцаріи. Не совѣтъ вѣроятно, чтобъ здѣсь шла рѣчь о расѣ особенно одаренной въ смыслѣ искусства, сильно распространенной прежде, остатки которой и до сихъ поръ многократно встрѣчаются. Въ такомъ случаѣ это могла быть только раса карликовъ, нѣкоторые слѣды которой дѣйствительно можно еще найти въ древней Европѣ. Ближе къ истинѣ то мнѣніе, что одинаковый образъ жизни всѣхъ этихъ народовъ, промышлявшихъ охотой, составляетъ причину этого удивительнаго явленія: свойства и образъ жизни животныхъ имѣютъ для нихъ очень большое значеніе, это — неисчерпаемая тема ихъ бесѣдъ,

ихъ басенъ и танцевъ; ихъ организація неумоимо играетъ этими предметами, а изъ игры въ концѣ концовъ возникаютъ произведенія образовательнаго искусства.

Но эта игра ведетъ не къ искаженію и разрушенію данныхъ формъ. Охотникъ и въ картинѣ хочетъ узнать свою дичь, онъ хочетъ снова найти всѣ отдѣльныя черточки и такимъ образомъ онъ создаетъ вѣрный снимокъ съ природы. Муйбридже заходитъ, пожалуй, слишкомъ далеко, ставя исполненіе нѣкоторыхъ изъ этихъ первобытныхъ художниковъ выше исполненія нашихъ теперешнихъ живописцевъ животныхъ, но чуточка истины все же есть въ этомъ преувеличеніи. Въ доисторическихъ рисункахъ сохранились намъ изображенія мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ, и вѣрность

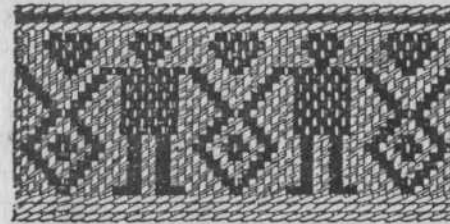

Корзина изъ Сарвака, Борнео. Ниже кусокъ плетенья, въ увеличенномъ видѣ.

этихъ изображеній подтверждается зоологическими изслѣдованіями, да и многіе рисунки животныхъ у бушменовъ заслуживаютъ также большой похвалы. Определенной цѣли въ обычно вѣрномъ смыслѣ эти картины не преслѣдуютъ. Онѣ—и это имѣетъ очень большое значеніе для вопроса объ источникѣ искусства—прежде всего не болѣе, какъ продукты склонности къ изображенію ради забавы, обнаруживающейся въ свободномъ творчествѣ, причѣмъ часто съ большой живостью. «Между тѣмъ, какъ банту,—говоритъ Фритшъ,—кропотливо лѣпнѣтъ, вырѣзываетъ или въ рѣдкихъ случаяхъ рисуетъ грубую, уродливую фигуру животнаго, а готтентоты не знаютъ ничего подобнаго, бушмены буквально сплошь покрываютъ изображеніями фигуръ скалистые стѣны гротовъ и лежащія вокругъ глыбы камней (см. рис. стр. 738). Въ горной цѣпи недалеко отъ Гоптауна я видѣлъ на такихъ камняхъ тысячи фигуръ различныхъ животныхъ, часто двадцать и болѣе рисунковъ на одной глыбѣ. Легкость, съ какою туземцы выполняютъ эту работу, обнаруживается въ томъ обстоятельстве, что каждую фигуру, однажды запечатлѣвшуюся въ ихъ воображеніи, они иногда многократно повторяютъ одну полѣ другой, образуя, такимъ образомъ, цѣлыя ряды. Вѣрность руки узнается по тому удивительному сходству, какое имѣетъ каждая послѣдующая фигура съ первой. Такимъ образомъ, здѣсь уже мы видимъ начало тѣхъ рядовъ повтореній, которые свойственны орнаментовкѣ. И въ Европѣ поражаетъ среди находокъ большое число доисторическихъ рисунковъ животныхъ, причѣмъ это все же только небольшой остатокъ нѣкогда существовавшего. Впрочемъ, повидимому, еще старше гравированныхъ и рѣзныхъ изображеній можно

считать человѣческія фигуры изъ слоновой кости, которыя Пьетте нашелъ въ округѣ Брассембу-ен-Галоси, въ юго-западной Франціи, и которыя, вѣроятно, принадлежатъ культурной ступени Солутре.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе простыхъ формъ свободнаго искусства учитъ, что всѣ различія, проистекающія изъ матеріала и техники, какъ бы ни были они важны сами по себѣ, имѣютъ только второстепенное значеніе. Гдѣ стремятся къ вѣрности природѣ, тамъ она и достигается: первобытные европейскіе художники съ одинаковой точностью изображали сѣвернаго оленя и мамонта, гравировали ли они ихъ на кости въ видѣ плоскихъ рисунковъ, или вырѣзывали изъ рога и слоновой кости; а гдѣ господствуетъ склонность къ уродливымъ каррикатурнымъ формамъ, тамъ существующее пристрастіе не могли измѣнить ни самыя лучшія техническія познанія, ни самый подходящій матеріалъ. При всемъ томъ вліяніе этихъ вещей на форму

Человѣческія фигуры на древнесперуанскомъ корзинномъ плетеньѣ.

художественныхъ произведеній слѣдуетъ оцѣнить по достоинству. До извѣстной степени естественно и правильно раздѣленіе образовательныхъ искусствъ на живопись—если въ этомъ названіи можно объединить всѣ работы на плоскости, и скульптуру или пластику. У первобытныхъ народовъ нашего времени мы находимъ оба рода искусства. Но, вѣроятно, правъ Алоизъ Ригль, считалъ пластику болѣе старой и болѣе первобытной формой искусства, такъ какъ ея произведенія непосредственно болѣе понятны.

Но, быть можетъ, ей предшествуетъ еще другая форма! Вильгельмъ Йостъ спрашиваетъ: «Не былъ ли первый живописцемъ тотъ первобытный человѣкъ, который въ первый разъ шлепкомъ по отвѣсной скалѣ отпечаталъ свою руку, вымазанную кровью, грязью или землей?» Самъ по себѣ этотъ оттискъ шлепкомъ не есть, конечно, художественная дѣятельность, но онъ все же можетъ считаться достойной вниманія предварительной ступенью образовательнаго искусства если совершается умышленно и дѣлается правильно повторяющейся игрой, тѣмъ болѣе, что это занятіе очень распространено, а мѣстами имъ занимаются весьма усердно, особенно у австралійцевъ.

И техника въ Австраліи сдѣлала успѣхи. По Матеусу, гладкую поверхность скалы смачиваютъ водой или смазываютъ жиромъ; затѣмъ, вытѣнную прикладываютъ къ ней руку ладонью и дуютъ ртомъ сухой клясащій порошокъ такимъ образомъ, что онъ пристаётъ только къ мѣстамъ, не прикрытымъ рукой. Краской служатъ—трубочная глина,

охра и древесный уголь. Такимъ же способомъ дѣлаются отпечатки бумеранговъ, топоровъ, рыбъ, человѣческихъ рукъ до локтевого сгиба, ногъ и т. д. Оттиски дѣлають, обмакивая руку въ сырую красящую массу и придавливая ее къ данной поверхности; но такъ выполняются только рисунки рукъ. Кромѣ того, тамъ извѣстно рисованіе контуровъ, хотя нѣтъ никакихъ указаній, что этотъ способъ развился изъ отпечатыванія. Оттиски рукъ встрѣчаются въ большомъ количествѣ и въ другихъ мѣстностяхъ. Кюнъ видѣлъ таковыя въ западной части Нов. Гвиней въ могильныхъ нишахъ; по Риббе, ихъ можно наблюдать и на островахъ Кэй; въ Индіи они часты; точно также извѣстно, что печать гурецкаго султана была первоначально въ видѣ отпечатка руки. Нарисованная на стѣнахъ домовъ въ сѣверной Африкѣ рука, въ защиту отъ дурного глаза, тоже, вѣроятно, беретъ начало изъ этого источника. Въ области пластики, съ этими отпечатками можно до извѣстной степени сравнить черепныя маски

Орелъ на щитѣ зуни, сѣв. Америка.

или смазанные глиной черепа новогвинецкихъ вождей, къ которымъ придѣлывается человѣкоподобная фигура, сдѣланная изъ бамбука, вѣтвей и глины. Много легендарныхъ «слѣдовъ ногъ» тоже, навѣрное, ничто иное, какъ отпечатки ногъ, долго сохраняющіеся благодаря выдалбливанію. Это также сначала дѣлалось большею частью для забавы и безъ всякаго сознательнаго умысла.

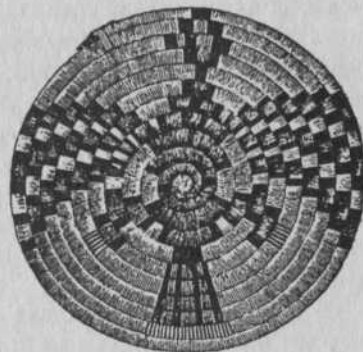
При всѣхъ изображеніяхъ на плоскости, мы имѣемъ двѣ возможности: или на плоскость наносится рисунокъ, раскрашенное изображеніе и т. д. при помощи какого-нибудь вещества, на ней намазаннаго, или выцарапываютъ изображеніе въ плоскость острыми орудіями. При этомъ поверхность можетъ быть углублена, такъ что рисунокъ является выпуклымъ; или контуръ вѣзается въ поверхность. Эти послѣдніе виды рисунковъ незамѣтно переходятъ въ пластику, которая, слѣдовательно, вовсе не рѣзко отдѣляется отъ живописи. Въ качествѣ плоскостей для живописи и скульптуры прежде всего направились гладкія скалы, на которыхъ во всѣхъ частяхъ свѣта имѣются старыя и болѣе новыя рисунки, причемъ большая часть ихъ уже неразборчива. Очень часто для этого употребляются деревья, лишенные коры, особенно австраійскими неграми и индѣйцами сѣв. Америки. Оба рода плоскостей или раскрашиваются, для чего употребляется сухая краска или растертая въ водѣ, маслѣ, жирѣ и ворвани; или же на этихъ плоскостяхъ рисунки выгравировываются, причемъ австраійцы примѣняютъ опять-таки различные способы: то они выцарапываютъ рисунки прямо на скалѣ, то они предварительно

дѣлають чертежъ и затѣмъ выбиваютъ рисунокъ на плоскости при помощи камня; то, наконецъ, они выдалбливаютъ рядъ дыръ по начерченной линіи и затѣмъ выбиваютъ промежутки между ними, такъ что получается углубленная непрерывная линія.

Обработка дерева, разумѣется, легче, но кромѣ того сюда присоединяется искусство выжиганія, выполняемое опять-таки двоякимъ способомъ: либо рисунокъ выжигается на деревѣ острымъ концомъ раскаленнаго металла или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, либо дерево обугливается сверху и рисунокъ выцарапывается или вырѣзывается. Еще одной естественной поверхностью является человѣческое тѣло, которое охотно раскрашиваютъ и татуируютъ; раскрашиванію кожъ животныхъ особенно научились индѣйцы сѣв. Америки. Что касается соответствующихъ для этого поверхностей домашней утвари, домовъ, лодокъ и т. д., то ими усердно пользуются вездѣ, гдѣ хоть немного развились искусства живописи и скульптуры.

Совершенно своеобразная техника развивается при плетеніи: отъ образующихся при этомъ простыхъ орнаментовъ переходятъ къ болѣе и болѣе художественнымъ переплетеніямъ и украшеніямъ (см. стр. 740) и въ концѣ концовъ стремятся къ тому, чтобы и сюда примѣнить технику свободного искусства и правильно расположить нити или полоты пряжи въ рисунокъ (см. рис. стр. 741). Конечно, первобытные народы не производятъ такимъ образомъ рафаэлевскихъ ковровъ, сѣверозападные американцы достигли уже большой свободы въ своихъ произведеніяхъ, разумѣется, не заходя дальше орнаментальныхъ рисунковъ. Съ другой стороны, А. Р. Гейнъ показалъ въ своемъ сочиненіи о человѣческихъ фигурахъ въ плетеныхъ произведеніяхъ, какъ распространено въ этой области стремленіе къ свободному искусству. Рисунокъ на стр. 742 и стоящій рядомъ указываютъ на очень интересную попытку передать фигуру орла сначала въ видѣ рисунка, а затѣмъ и въ плетеніи. Вліяніе техники здѣсь выступаетъ очень ясно.

Пластическія художественныя произведенія создаются или изъ мягкой массы, твердѣющей, впоследствии, слѣдовательно, преимущественно изъ глины или изъ болѣе твердыхъ матеріаловъ посредствомъ удаленія излишнихъ частей. Какъ могущественно въ людяхъ

Орелъ на тарелкѣ моки, сѣв. Америка.

стремление забавляться искусствомъ, очень часто обнаруживается у дѣтей и у дикарей, лишь только они заполучать гдѣ нибудь въ свои руки матеріалъ, годный для приданія ему формы. Такъ, прежде, каучукъ, вывозимый изъ южной Америки и собиравшійся индѣйцами и метисами, появлялся на рынкѣ обыкновенно въ грубой формѣ фигуръ животныхъ или человѣка. Карлъ фонъ-де-Штейненъ говоритъ, что племя бакайри сохраняетъ воскъ также въ видѣ подобныхъ фигуръ. Майсовые початки, при помощи ихъ естественныхъ соломенныхъ обертокъ, превращали въ родъ соломенныхъ куколъ, и даже изъ съѣдобной земли лѣпились куклы. При высткани или рѣзбѣ фигуръ пользуются, напротивъ, охотно природными свойствами матеріала: узлами и глазками въ деревѣ, жилками въ камнѣ и т. д. Большое число первобытныхъ художественныхъ произведеній возникаетъ просто по вдохновенію, возбуждаемому подобной игрой природы, и только впоследствии они приобретаютъ значеніе. Замѣчательные маленькіе божки или изображенія предковъ у жителей острововъ Востока ничто иное, какъ фантастическаго вида корни, въ которыхъ иногда рѣзчикъ измѣнилъ только немного. Много аляповатыхъ каменныхъ идоловъ превратились, вѣроятно, въ олицетвореніе сверхъестественныхъ существъ такимъ же образомъ изъ похожихъ на человѣка и на животныхъ обрубковъ послѣ незначительной ихъ обработки.

Въ послѣднихъ случаяхъ особенно сильно выступаетъ превосходство матеріала надъ идеей, но и вообще въ пластикѣ оно имѣетъ большое значеніе, такъ какъ свободному творчеству обыкновенно мѣшаетъ недостатокъ въ инструментахъ. Такимъ образомъ, неудовлетворительность техники и неподатливость матеріала часто самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяютъ на стиль искусства даннаго народа. Эти обстоятельства въ достаточной мѣрѣ также выясняютъ, что многое, принадлежащее само по себѣ къ свободнымъ искусствамъ, носить все же несвободный характеръ.

Къ этому присоединяются другія причины, какъ только стремятся не къ чистому подражанію природѣ и, особенно, когда стараются воплотить идеи въ вообще несуществующія формы, не имѣющія естественныхъ прообразовъ. Но это касается той обширной области первобытнаго искусства, которая охватываетъ изображенія мистическихъ существъ и духовъ. Уже упоминалось, какъ въ этомъ случаѣ изъ отдѣльныхъ реальныхъ чертъ асто создаются каррикатурныя новыя формы. Но этимъ вступаютъ на путь, ведущій отъ свободного искусства въ сторону, къ орнаментовкѣ. И дѣйствительно, какъ это замѣтилъ уже Рихардъ Андрэ, орнаментовка находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи именно тамъ, гдѣ свободное и вѣрное природѣ искусство отступило на задній планъ. И безъ того путь

отъ первыхъ безпомощныхъ подражаній естественнымъ вещамъ къ новымъ твореніямъ, вѣрнымъ природѣ, далекъ и тяжелъ. А мистическій или религіозный характеръ зачатковъ искусства именно здѣсь опять является помѣхой. Однажды созданныя гротески или пеловкія попытки легко дѣлаются устойчивыми нормами, ихъ недостатки почитаются священными и неподлежащими исправленію, какъ примѣръ въ Египтѣ, гдѣ послѣ живыхъ временъ древняго государства наступило полное окостенѣніе, или въ Индіи, гдѣ возмущеніе просвѣтленнаго вкуса не изгнало изъ храмовъ уродливыхъ гермафродитовъ. Только такіе примѣры даютъ намъ почувствовать, какая мощная сила должна была жить въ маленькомъ греческомъ народѣ, чтобы разбить такія крѣпкія преграды. Здѣсь управляла не случайность. Это намъ показываетъ судьба греческаго искусства у другихъ народовъ. Типическая окоченѣлая фигура Будды, въ южной и восточной Азіи, возвращаетъ насъ къ греческимъ прообразамъ временъ Александра Великаго и бактрійскаго царства, но зародышъ болѣе благороднаго упражненія въ искусствѣ давно уже засохъ и никакого порыва свободной творческой силы не послѣдовало за побужденіемъ. А у первобытныхъ народовъ, куда былъ занесенъ индійскій прототипъ, онъ едва сохранилъ слабый намекъ прежней гармонической красоты (рис. рядомъ).

Небольшую, но тѣмъ не менѣ замѣчательную побочную группу въ образовательномъ искусствѣ составляютъ дѣтскія куклы (сравни. рис. стр. 32 и 270), мѣстами являющіяся почти единственнымъ подражаніемъ человѣческихъ фигуръ и, быть можетъ, тутъ и тамъ давшія толчокъ къ дальнѣйшему развитію. Но, въ общемъ, здѣсь еще больше, чѣмъ въ другихъ начальныхъ произведеніяхъ искусства, преобладаетъ выставленіе отдѣльныхъ характерныхъ признаковъ.

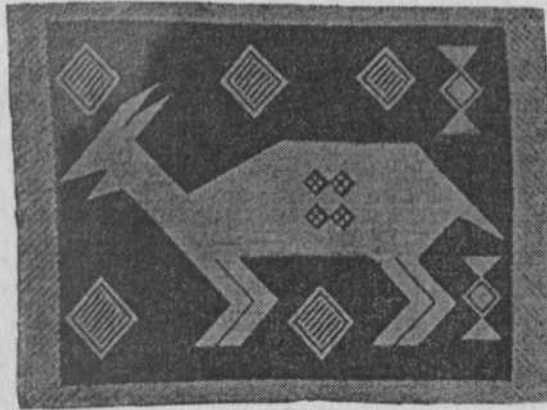
Искусство должно быть самодовлѣющимъ, — оно вырождается всюду, гдѣ его заставляютъ служить въ какомъ-нибудь смыслѣ чуждымъ ему цѣлямъ, будь то удовлетвореніе политическихъ или религіозныхъ задачъ, вспомогательное средство для памяти или какія-нибудь побочныя соображенія. Это не только требованіе нашего времени — такое требованіе лежитъ глубоко въ самой сущности искусства. Лишь только забава становится дѣломъ серьезнымъ, она утрачиваетъ первоначальный характеръ. Но забава можетъ идти рядомъ съ серьезнымъ и практическимъ, она можетъ прикрашивать и разъяснять матеріальное культурное достояніе, не измѣняя этимъ своей сущности.

Деревянный идолъ (подражаніе Буддѣ) бакайри на Суматрѣ.

Но при этомъ она все же утрачиваетъ одно — свою свободу; и на этой-то утратѣ основано глубокое различіе, такъ очевидно выступающее между свободнымъ искусствомъ и несвободной орнаментовкой.

Свободное художественное произведеніе говоритъ само за себя: Гермесъ Праксителя, Сикстинская Мадонна Рафаэля однимъ только своимъ существованіемъ дѣйствуютъ побѣждая и убѣждая. Это вполне новосозданія человѣка, типы того, чѣмъ мы могли бы быть, если бы мы не выросли съ грузомъ унаслѣдованныхъ недостатковъ, какъ игра случая, враждебнаго красотѣ. Въ орнаментѣ нѣтъ этого внутренняго устоя.

Камышевая циновка изъ области Ковго.

Вообразимъ себѣ одну черту или одно единственное углубленіе на видѣ верхней стороны глинянаго сосуда, и оба они представятся намъ неумѣстными и лишними; только когда точка за точкой, черточка за черточкой располагаются въ правильный рядъ — признаемъ мы за этими ненужными для цѣли сосуда придатками ихъ право на существованіе: повтореніе, выступившее уже въ мелодіяхъ и стихахъ въ качествѣ защитительнаго покрова расплывающихся безъ него художественныхъ произведеній и какъ видѣнное самооправданіе ихъ самостоятельнаго существованія, въ которомъ свободное образовательное искусство вообще не нуждается, — это повтореніе здѣсь немедленно появляется снова, придавая и служебному искусству ха-актеръ органической, не случайной. Всего яснѣе это видно, когда орнаментъ вырастаетъ изъ самой техники, какъ въ искусствѣ плетения: здѣсь орнаментовка такъ выступаетъ вездѣ, не потому, что художники создаютъ ее сознательно, а потому, что ритмическое повтореніе возникаетъ изъ самой сущности работы. Правда, орнаментовка также можетъ достигнуть большей свободы и независимости, какъ это доказали, на примѣръ, японцы, но ей всегда положены извѣстныя границы.

Необходимость повтореній не единственное отличіе, раздѣляющее

служебное искусство отъ свободнаго. Казалось бы, что, само по себѣ, одному хорошо то, что дорого другому: если свободное искусство, даже въ своихъ начаткахъ, какъ на примѣръ въ произведеніяхъ первобытныхъ охотничьихъ народовъ, воссоздаетъ формы природы, слѣдовало ожидать, что и орнаментовка должна начинать съ подражанія тѣмъ естественнымъ орнаментамъ, которыхъ такъ много въ растеніяхъ и которые невольно и безпрестанно бросаются въ глаза при обработкѣ растительныхъ продуктовъ. Прожилки дерева, красивый распорядокъ лепестковъ цвѣта и листковъ чашечки, зонтичныхъ цвѣтовъ и гроздей — должны бы, кажется, вызывать подраженіе и дальнѣйшее развитіе. Но факты совершенно противрѣчаютъ этому. Въ видѣ единичныхъ случаевъ, такое подраженіе иногда встрѣчается, но среди безчисленныхъ орнаментовъ первобытныхъ народовъ очень немногіе могутъ быть названы такимъ подражаніемъ. Нѣкоторыя попытки Бальфура въ этомъ смыслѣ едва ли могутъ считаться удачными. Орнаменты изъ человѣческихъ фигуръ не подраженіе естественнымъ орнаментамъ, а новосозданіе, происходящее по великимъ законамъ природы и параллельное имъ.

Орнаменты распадаются на двѣ, сначала рѣзко раздѣленные группы, которыя по мѣрѣ развитія такъ удивительно перемѣшиваются, что часто трудно или невозможно опредѣлить ихъ настоящее происхожденіе. Для одной группы уже давно употребляется названіе геометрической орнаментовки; другая противопоставляется ей, какъ фигурная. Истинное различіе заключается въ томъ, что орнаменты первой группы сами по себѣ ничего не значатъ, тогда какъ орнаменты второй группы съ самаго начала имѣютъ смыслъ. Это различіе рѣзко и ясно, но, какъ сказано, оно сохраняется не долго именно вслѣдствіе обоюднаго развитія: геометрическая орнаментовка, расширяясь и обогащаясь фантастическими придатками, легко переходитъ въ фигурныя изображенія, которымъ тогда часто придается смыслъ и которыя сознательно разрабатываются дальше; напротивъ, фигурная орнаментовка переходитъ, вслѣдствіе стилизаціи, къ которой мы еще вернемся, все больше и больше въ безсмысленныя завитки — поэтому, оба рода орнаментовки идутъ столько же рядомъ, какъ и вытекаютъ одна изъ другой.

На вопросъ о томъ, которая изъ двухъ формъ старше, нельзя вполне точно отвѣтить; онъ даже, въ сущности, принадлежитъ къ

Глиняный сосудъ изъ Колумбіи, юж. Америки.

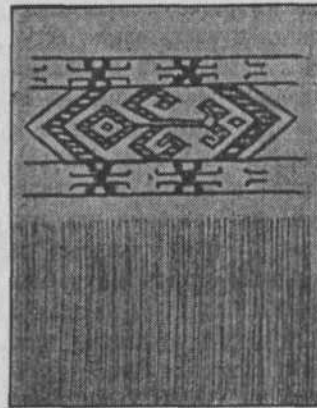
тѣмъ вопросамъ, которые сами по себѣ вводятъ въ заблужденіе. Долго считалось непогрѣшимымъ мнѣніе, что геометрической орнаментъ, въ качествѣ простѣйшаго, возникающій часто даже безсознательно, всегда и всюду долженъ былъ быть болѣе старой формой. Это вело опять-таки къ тому, что всякій орнаментъ, похожій на геометрической, безъ разсмотрѣнія объявлялся не имѣющимъ значенія украшеніемъ. Это воззрѣніе было сильно подорвано болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ той орнаментовки, которая еще и въ настоящее время существуетъ у дикарей. Здѣсь положительно преобладаютъ украшенія, бывшія прежде фигурными, а большинство, повидимому, геометрическихъ орнаментовъ оказались характерными изображеніями людей и животныхъ. Обзоръ европейскихъ доисторическихъ находокъ предохраняетъ насъ отъ опасности впасть въ другую крайность и просто отрицать первоначальную геометрическую орнаментовку. Эти находки настолько многочисленны, что позволяютъ судить о долгомъ развитіи искусства украшенія; здѣсь, безъ сомнѣнія, преобладаетъ геометрической орнаментъ, происходящій изъ техники.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Каждая вещь, приготовленная человѣкомъ, есть въ своемъ родѣ нѣчто цѣлое и гармоническое: эти созданія человеческого духа требуютъ, какъ и созданія природы, симметричнаго строенія, если они должны соответствовать назначенной цѣли и правиться творцу ихъ. Но это правило часто уже само вызываетъ орнаментовку, что лучше всего видно на произведеніяхъ искусства плетенія и тканья; здѣсь на лицо ритмическое повтореніе мотива, но въ этой орнаментовкѣ, которая выступаетъ въ качествѣ вполне служебнаго искусства и по самому своему происхожденію совершенно себя оправдываетъ, можетъ вовсе не заключаться мысли. При помощи различныхъ способовъ плетенія, при посредствѣ употребленія многоцвѣтныхъ полосъ, эта орнаментовка развивается все дальше и наконецъ воспроизводятся настоящія фигуры и такимъ образомъ получается переходъ отъ геометрическихъ орнаментовъ къ фигурнымъ (рис. стр. 746 и 749). Въ ткань возможно еще болѣе тонкое исполненіе фигурныхъ рисунковъ; оно даже въ послѣдствіи само можетъ служить для созданія свободныхъ художественныхъ произведеній. Стюбель старался доказать на перуанскихъ орнаментахъ, что тканье способствуетъ образованію новаго, чисто механическаго дальнѣйшаго развитія геометрическаго орнамента. Если разрѣзать ткань съ простыми рисунками изъ двое и куски шить такъ, чтобъ перерѣзанные орнаменты другъ друга сдвигали, образуются новыя формы, изъ концентрическихъ четырехугольниковъ—меандры, изъ круговъ—змѣевидныя линіи и т. п. Во многихъ случаяхъ, это объясненіе можетъ быть и правильно.

При тѣсной связи керамики съ искусствомъ плетенья, орнаменты

плетенья переносятся сначала цѣлкомъ и чисто механически на глиняные сосуды, и это даетъ толчекъ къ дальнѣйшему развитію геометрической орнаментовки, которая, кромѣ того, поддерживается еще и техникой. Легко можетъ придти въ голову случайно образовавшіеся слѣды пальцевъ или формовой деревяшки повторить ритмически и превратить такимъ образомъ въ орнаментъ. Украшенія доисторическихъ европейскихъ глиняныхъ сосудовъ, повидимому, имѣютъ главнымъ образомъ этотъ источникъ. Впрочемъ, могутъ встрѣчаться геометрическіе орнаменты, имѣющіе извѣстный смыслъ, не будучи въ началѣ фигурами: таковы знаки владѣльцевъ и «фабричныя клейма», которыя кое гдѣ и теперь извѣстны у первобытныхъ народовъ и накладываются на разную утварь, на примѣръ, на никобарскіе глиняные сосуды.

Съ другой точки зрѣнія, всѣ орнаменты, геометрическіе и фигурные, распадаются также на двѣ группы: или они назначены для образованія бордюровъ или краевъ, слѣдовательно, повторяютъ свой мотивъ, образуя линейный рядъ одинаковыхъ изображеній, или они покрываютъ цѣлыя поверхности, при чемъ здѣсь примѣняются и высшія формы повторенія. Обѣ группы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ доисторическихъ орнаментахъ Европы; болѣею частью, это — черточки, нарисованныя одна около другой въ видѣ ленты, или занимающія большую поверхность, далѣе — кружки, волнообразныя и зигзажныя линіи, ромбы и т. п. Многія изъ этихъ «украшеній», можетъ быть, дѣлаются съ чисто практической цѣлью, чтобъ придать поверхности древка копья, глинянаго сосуда и т. д. искусственную шероховатость и этимъ болѣе твердую опору рукамъ. Удивительное явленіе описалъ недавно подробно Гернестъ, а именно, что геометрическіе орнаменты этого рода часто заполняютъ пространство внутри контуровъ изображенія животныхъ или наводятся на пластическія фигуры. Очень многіе примѣры этому даютъ находки изъ эпохи сѣвернаго оленя, а также греческія находки изъ Микенъ, Тирана и Олимпіи временъ глубокой древности, далѣе — глиняные сосуды изъ Америки (рис. стр. 747); обыкновенно считаютъ, что геометрическая орнаментовка употребляется здѣсь только для пополненія пустаго пространства, но вѣроятно правъ Гернестъ, говоря

Тканый орнаментъ съ остр. Тимора, Зондскій архипелагъ.

«Быть может, здѣсь есть нѣчто большее, а именно — стильный внутренний рисунокъ, изображеніе поверхности тѣла, грубое подражаніе которой, быть можетъ, вообще привело къ древнѣйшимъ геометрическимъ рисункамъ». Если признать это послѣднее мнѣніе, поддерживаемое, какъ мы видѣли, орнаментовкой многихъ современныхъ первобытныхъ народовъ, но вѣсколько противорѣчащее прежнимъ мнѣніямъ Гернеса, тогда геометрическая орнаментовка лишается еще громадной области и ограничивается собственно только чисто механическими, слѣдовательно, съ художественной точки зрѣнія, такъ называемыми случайными украшеніями.

Тотъ, кто пытается изслѣдовать древнюю исторію человѣчества, долженъ радоваться свѣдѣніямъ такого рода. То, что онъ долженъ познать и изслѣдовать, есть все тотъ же духъ человѣка, скрывающійся подъ всеми внѣшними покровами вещественнаго культурнаго достоянія, и явленія, въ которыхъ онъ всего живѣе и яснѣе проявляется, самая дорогія и цѣнныя. Какимъ за то яснымъ языкомъ говорятъ съ нимъ фигурные орнаменты, въ которыхъ выражается чувство и мысль, по сравненію съ тѣми сухими черточками и точками, вытекающими изъ техники и лишь мало по малу приобретающими скудное духовное содержаніе. Все фигурные орнаменты и образующіеся изъ нихъ стильныя формы говорятъ языкомъ, часто единственнымъ, звучащимъ намъ изъ глубокой древности, отъ давно замолкшихъ предковъ, и особенное обаяніе заключается въ томъ, чтобъ прислушиваться къ этимъ звукамъ и уловить ихъ смыслъ. Конечно, очень легко ошибиться при этихъ попыткахъ, но даже ошибочное мнѣніе, честно высказанное, есть шагъ на пути къ истинѣ.

И здѣсь нѣтъ награды безъ труда! Языкъ орнаментовки требуетъ изученія, и у cadaго народа онъ представляетъ опять-таки особое нарѣчіе, которое вужно принять во вниманіе. Его грамматическіе законы отчасти соответствуютъ законамъ другихъ формъ искусства, но имѣютъ свои особенности, которыя ясно познаются лишь при подробномъ изученіи.

Подобно искусствамъ во времени, орнаментальное искусство находитъ внѣшнюю опору въ повтореніи, а кромѣ того, такъ какъ оно должно украшать поверхности предметовъ, въ его распоряженіи находится въ извѣстной степени и протяженіе: орнаментъ можетъ развиваться линейно, но также и по плоскости. Еще большее различіе заключается въ томъ, что въ искусствахъ во времени, прежде всего въ поэзіи, содержаніе мало зависитъ отъ формы, такъ что можно въ данную форму, напримѣръ въ форму сонета или газелы влить любое содержаніе; въ орнаментовкѣ форма и содержаніе нераздѣльны. Вслѣдствіе этого, повтореніе вліяетъ и на содержаніе, т. е. на смыслъ орнамента; повтореніе даже пересиливаетъ и въ концѣ

концовъ совершенно душить содержаніе; да послѣднему и не зачѣмъ сохраняться, такъ какъ орнаментъ всегда играетъ служебную роль и употребляется только для украшенія самостоятельныхъ твореній человѣка, уже оправданныхъ своимъ существованіемъ и своею цѣлью. Это разрушеніе смысла формой, это преобразование вѣрныхъ природѣ образовъ въ придатки, ради украшенія, называется стилизаціей. Какъ только какое бы то ни было изображеніе не существуетъ само для себя, а служитъ лишь орнаментомъ и подлежитъ повторенію, оно стилизуется; если же пластическое произведеніе, служащее для украшенія, не должно дѣйствовать повтореніемъ, оно подлежитъ этому закону лишь при случаѣ.

Стилизація происходитъ, слѣдовательно, изъ внутренней сущности самаго орнамента, но она вызывается еще и другими обстоятельствами. Повтореніе совершается всегда болѣе или менѣе безъ участія мысли; въ исключительныхъ случаяхъ дошли даже до того, что умножаютъ узоръ чисто механически, посредствомъ штемпелей, какъ напр. при производствѣ полинезійской таппа, которая выбивается, вѣроятно, также молотками съ вырѣзаннымъ на нихъ узоромъ (сравн. рис. стр. 440), или при татуировкѣ даяковъ (сравн. рис. стр. 10). Но орнаментная живопись и безъ того становится болѣе механической работой, въ которой первоначальный смыслъ и духъ фигуръ испаряется, и ловкость рукъ становится на первый планъ. Повтореніе одного мотива приводитъ далѣе само по себѣ къ упрощенію уже потому, что художнику надоѣдаетъ точно воспроизводить все одну и ту же форму до мельчайшихъ подробностей; если онъ не обладаетъ выдающеюся ловкостью, ему вообще не удается вѣрное подражаніе тщательно выполненному данному изображенію, и орнаментный рядъ, красота котораго и заключается именно въ однообразной точности, будетъ обезображенъ.

Еще важнѣе то обстоятельство, что рисунки, изъ которыхъ развиваются орнаменты, обычно-

Орнаменты на кольцахъ, съ Соломоновыхъ острововъ, Меланція (стилизація человѣческихъ фигуръ).

венно сами по себѣ не вѣрны природѣ, а скорѣе могутъ называться начатками образнаго письма. Вышеупомянутыя изображенія животныхъ у первобытныхъ охотничьихъ народовъ рѣдко переходятъ въ орнаменты, переходятъ же въ нихъ тѣ рисунки, которые передаютъ не просто человѣческія или звѣриныя фигуры, но прежде всего должны нѣчто означать, что хотятъ какъ можно яснѣе выразить зрителю. Важное выдвигается на первый планъ неважнымъ—пренебрегаютъ. Мы это видимъ уже на рисункахъ дѣтей: постоянно повто-

Древнемексиканскіе животные орнаменты (стилизация рыбы).

напримѣръ, предложилъ имъ нарисовать мужчину, и результатомъ было, въ первомъ случаѣ—грубая человѣческая фигура, во второмъ—лицо съ глазами и большимъ ртомъ, въ третьемъ—гребень съ султаномъ изъ перьевъ, т. е. исключительно мужской головной уборъ, въ четвертомъ—признаки пола. Только въ первомъ случаѣ, слѣдовательно, была сдѣлана недовкая попытка дать дѣйствительное изображеніе мужчины, во всѣхъ другихъ довольствовались какой-нибудь опредѣляющей подробностью. Такъ какъ старинные рисунки орнаментовки обыкновенно должны были служить въ помощь памяти или въ качествѣ

люди съ громадными головами и тонкими, какъ у паука, ногами; солдаты съ чудовищными саблями и султанами изъ перьевъ; исполненія повозки съ крошечными колесами, и т. д. Подобнымъ же образомъ поступали и индѣйцы, которыхъ Карль фонъ д. Штейненъ заставилъ срисовать себя и своихъ спутниковъ. Фридрихъ Курцъ, обращавшій, какъ художникъ, на эти вещи особенное вниманіе, замѣчаетъ, что сѣверо-американскіе индѣйцы больше выставляютъ на видъ различіе въ одеждѣ, чѣмъ самыя фигуры. Особенно поучительны опыты, произведенные Миклухой Маклаемъ у папуасовъ, въ заливѣ Астролябія; онъ,

амулетовъ, то такого указанія смысла ихъ было достаточно, и стилизаціи оставалось только вести дальше начатое развитіе; именно то и привлекательно въ фигурной орнаментовкѣ и въ томъ ея важность для изслѣдователя, что она первоначально идентична образному письму. Какимъ образомъ въ этихъ случаяхъ изъ довольно ясныхъ фигуръ людей и животныхъ мало-по-малу возникаютъ все болѣе и болѣе странныя изображенія, всего лучше убѣдимся мы, бросивъ взглядъ на нѣкоторые ряды постепеннаго развитія (рис. стр. 751 и 752).

Какъ далеко можетъ заходить простой символизмъ въ передачѣ фигуръ доказываютъ рисунки австралийцевъ на кускахъ дерева хуринга и на посохахъ пословъ; эти рисунки занимаютъ среднее мѣсто между образнымъ письмомъ и орнаментовкой, очевидно уже измѣнены стилизаціей и, слѣдовательно, менѣе понятны, чѣмъ простое образное письмо. Всего чаще встрѣчаются концентрическіе круги, которые, впрочемъ, могутъ имѣть совершенно различное значеніе: на одномъ кускѣ дерева хуринга они должны изображать каучуковые деревья, отъ которыхъ идутъ корни въ видѣ прямыхъ черточекъ, на другомъ—глаза, внутренности, разрисовку живота и задъ человѣка, на третьемъ—лягушекъ. Змѣевидныя линіи, черточки и точки могутъ также, смотря по обстоятельствамъ, имѣть самое разнообразное значеніе.

Орнаментъ вазы племени хирики южн. Америка.

Настоящая стилизація происходитъ различными способами: она можетъ относиться къ смыслу орнамента и можетъ зависѣть отъ матеріала или техники. Этимъ путемъ возникаетъ, наконецъ, художественный стиль, который тогда уже накладываетъ свою печать на всѣ орнаментальныя творенія; тамъ гдѣ господствуетъ такой стиль, появляются напримѣръ, не только храмы и зданія, но и стулья и столы, скамьи и шкапы—въ готическомъ стилѣ. У первобытныхъ народовъ, развившихъ богатую орнаментовку, всякая утварь, всякое оружіе, представляющія хоть небольшое къ тому мѣсто, имѣютъ стильныя украшенія.

Каждый стиль характеризуется свойственнымъ ему родомъ преобразования фигурныхъ орнаментовъ. Первая группа этихъ преобразованій вытекаетъ непосредственно изъ дальнѣйшаго развитія—ради забавы—тѣхъ попытокъ выставить самое важное и оставить въ сто-

ронѣ неважное, о которыхъ мы только что упоминали: и безъ того уже уродливыя и неестественныя фигуры уродуются еще больше, преувеличенныя части ихъ еще увеличиваются, малыя еще уменьшаются или совсѣмъ отсутствуютъ. Эти умаленныя и лихвенныя формы, какъ я ихъ называлъ при случаѣ, развиваются тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе забывается первоначальный смыслъ орнамента, и для подражанія остаются только имѣющіеся на лицо прототипы. Бальфуръ доказалъ посредствомъ опытовъ, какъ, вслѣдствіе повторяемаго копирования съ копій, измѣняется до неузнаваемости первоначальный рисунокъ и, наконецъ, получаетъ совершенно другой смыслъ. Это явленіе встрѣчается очень часто и въ особенности проявляется въ томъ, что въ концѣ концовъ изображенія животныхъ и людей превращаются въ орнаменты растений, въ которыхъ профану невозможно найти и слѣда ихъ первоначального источника. Орнаментъ, дѣйствительно изображающій растенія, встрѣчается у первобытныхъ народовъ вообще очень рѣдко; его можно найти еще тамъ, гдѣ къ нѣкоторымъ растеніямъ пристегнуты тотемныя идеи, такъ, на примѣръ въ англійской Нов. Гвинее, по показаніямъ Гаддона. Въдъ и животныхъ пѣтъ въ орнаментахъ индѣйцевъ—шингу, потому что они не фигурируютъ въ танцахъ масокъ, несмотря на то вообще они встрѣчаются часто и имѣютъ значеніе!

Къ особенному виду умаленныхъ формъ принадлежатъ тѣ случаи, когда въ орнаментовкѣ обозначается не контуръ животного, а характерныя особенности его мѣха или оперенія, какъ это можно наблюдать у южно-американцевъ и австралійцевъ. Тутъ нѣкоторымъ образомъ пользуются природнымъ орнаментомъ и развиваютъ его дальше.

Когда первоначальныя изображенія теряютъ мало-по-малу свой видъ и особенности, переходя въ умаленныя и лихвенныя формы, они пріобрѣтаютъ взамѣнъ новый видъ и особенности, вытекающіе изъ самой сущности орнамента: основной законъ повторенія — умноженіе числа фигуръ—вліяетъ и на ихъ положеніе въ видѣ искусственной симметріи (рис. стр. 753). Очень извѣстный и поучительный примѣръ этого рода представляетъ двуглавый орелъ австрійскаго и русскаго герба, который гораздо симметричнѣе одноглаваго орла прусской имперіи. Въ особенности человѣческія фигуры легко подвергаются этой участи: обыкновенно, прежде всего, дѣлаютъ ноги похожими на руки, затѣмъ исчезаетъ голова, а лицо оказывается на туловищѣ и, наконецъ, какъ на орнаментахъ многихъ суданскихъ работъ на кожѣ, остается, быть можетъ, лишь одинъ глазъ въ центрѣ круга или четырехугольника, отъ котораго исходятъ симметрично разставленные четыре жалкихъ остатка сильно уменьшенныхъ рукъ и ногъ (сравн. рис. стр. 74). Другой примѣръ искусственной сим-

метріи представляетъ орнаментъ индѣйцевъ—шингу, описанный Карломъ ф. Штейненъ. Онъ долженъ изображать особенный видъ рыбы (Magetschu) и состоитъ изъ ромба, четыре угла котораго заполнены маленькими трехугольниками. Ромбъ—туловище рыбы, четыре заполненныхъ угла — голова, хвостъ, спинные и брюшные плавники. Иногда ромбы бываютъ еще окружены концентрическими линиями, изображающими петли сѣти, въ которой барахтается рыба.

Другая оригинальная метода превращенія первоначально имѣющей значеніе фигуры, ради забавы, въ чисто орнаментальное украшеніе—состоитъ въ томъ, что фигуру раздѣляютъ по серединѣ и одну половину приставляютъ къ другой навыворотъ. Даяки имѣютъ пристрастіе къ подобнымъ фигурамъ для украшенія своихъ щитовъ; то же можно видѣть на гребняхъ въ Нов. Гвинее (рис. рядомъ).

Преобразование орнаментныхъ фигуръ поддерживается еще свойствомъ предметовъ, на которыхъ онѣ изображены. Уже форма предмета часто требуетъ выбора орнамента, который долженъ ей соответствовать; быть можетъ столь же часто цѣль и назначеніе утвари шуточно опредѣляется фигурами украшенія: «Животные мотивы», — пишетъ Карлъ ф. Штейненъ, — «очень понятны при той роли, которую играютъ животныя въ духовной жизни индѣйцевъ. Но выборъ долженъ былъ быть данъ прежде всего особенностями или дѣятельностью животнаго: горшку соответствуетъ шить черепахи, могильная оса украшаетъ мандіюковыя могильныя доски, изображеніе вологатаго агути—гребни, изображеніе шипящей змѣи — свистокъ, поющей обезьяны — флейту. Когда же рука достаточно наловчилась въ художественныхъ работахъ, тогда на выборъ вліяютъ форма, величина и окраска объекта, причемъ выбирается для воспроизведенія то животное, которое болѣе подходит. Художникъ вовсе не дѣлаетъ этого сознательно, оно выходитъ само собой, когда противоположныя попытки оказываются неудачными. Всего яснѣе это при передачѣ птицъ; мы видѣли только однажды нарисованную маленькую птицу на спинномъ кускѣ дерева (спинное украшеніе); напротивъ того, птицы въ пластическомъ видѣ—рѣзныя, вытѣленные изъ воска или сдѣланныя изъ кукурузныхъ початковъ — чрезвычайно часты. Индѣйцамъ было легче характерно изобразить абрисы головы, клюва и хвоста, а также и пропорціи тѣла въ пластическомъ видѣ, чѣмъ на рисункѣ». Такимъ же образомъ, въ сѣверо-западной Америкѣ, пе-

Гребни изъ нѣм. Нов. Гвинее.

Боасу, рядомъ съ чисто тотемистическими украшениями возникаютъ украшения, соответствующія цѣли и формѣ утвари.

Тутъ будетъ кстаи быть можетъ, замѣтить, что пластическая орнаментовка менѣе склонна къ стилизации, чѣмъ живописная; даже тамъ, гдѣ она украшаетъ очень простую утварь, она можетъ, при обстоятельствахъ, возвыситься почти до свободнаго искусства не связаннаго повтореніями, какъ это доказываютъ чудесные древніе глиняные сосуды перуанской прибрежной культуры (сравн. рис. стр. 683). Причина заключается въ томъ, что пластическій орнаментъ рѣже принужденъ приспособиться къ опредѣленному пространству или заполнять его, что именно и составляетъ обыкновенно задачу живописнаго орнамента (рис. ниже). Для украшения на плоскости

Деревянные сосуды съ орнаментами у айновъ, вост. Азія.

данное пространство становится Прокрустовымъ ложемъ, сообразно которому оно должно неестественно сжиматься или безмѣрно растягиваться. Растягиваніе можетъ привести къ настоящимъ лихвеннымъ формамъ съ неестественно длинными конечностями, вытянутыми туловищами, громадными головами и т. под., но можетъ послѣдовать и другимъ способомъ. Однимъ изъ любимыхъ приемовъ служитъ окаймленіе контурнаго рисунка концентрическими линіями, что встрѣчается особенно часто въ Меланезіи, или превращеніе фигуры въ спирали, что очень характерно для нов-зеландскаго искусства. Если же, наоборотъ, заполняютъ пространство все однимъ и тѣмъ же повторяющимся узоромъ, стараются достигнуть при этомъ особенно большой правильности, и орнаментъ упрощается насколько возможно.

Материалъ и техника также, конечно, оказываютъ рѣшительное вліяніе на орнаментъ и стилизацию. Часто ими непосредственно намѣчается путь, на который вступаетъ искусство: орнаментъ, который долженъ быть съ трудомъ выцарапанъ на деревѣ или камнѣ,

самъ собою испытываетъ измѣненія—его упрощаютъ, контуры становятся грубѣе и схематичнѣе, предпочитаютъ нѣкоторыя направленія линій, которые легче выполнить, другія, болѣе трудныя, отбрасываются или укорачиваются. Разъ орнаментовка развилась на какомъ-нибудь опредѣленномъ матеріалѣ, она получаетъ этимъ характеръ, который не скоро уже теряется и сохраняется даже тогда, когда орнаментальное искусство примѣняется къ другимъ, болѣе податливымъ матеріаламъ или производится лучшими инструментами.

Но живучесть обыкновенія имѣетъ также свои границы, и всякая переѣмна техники или матеріала оказываетъ свое вліяніе, будь оно даже очень скромно, на сущность орнаментовки. Иногда отношеніе матеріаловъ къ стильному преобразованію имѣетъ очень интересныя послѣдствія. Въ художественныхъ произведеніяхъ маори, которыя преимущественно заключаются въ рѣзбѣ по дереву, сказывается, какъ упомянуто выше, склонность распускать всѣ фигуры въ спирали, такъ что часто вмѣсто человеческой фигуры или фигуры животнаго остается лишь путаница спиралей. Но глаза фигуръ, изображаемые вставными кусками раковинъ, не подвергаются этому преобразованію, остаются неизмѣнными и часто помогаютъ распознать въ этой путаницѣ головы фигуръ и, наконецъ, разобрать и эти послѣднія.

Конечно, всѣ эти преобразованія не производятся чисто механически или такъ, чтобы орнаментъ росъ, какъ растеніе или животное, достигая полной силы и расцвѣта и потомъ разрушаясь; каждое преобразование совершается такимъ образомъ, что умъ одного человека схватываетъ мотивъ и съ помощью рукъ и орудій, воспроизводитъ его. При этомъ мотивъ никогда не остается тѣмъ же. Новая форма служитъ опять образцомъ, между тѣмъ какъ рядомъ съ ней, прежнимъ мотивомъ, быть можетъ, также пользуются другіе и вос-

Настоящая головка буцера (а) и подражанія (в, с), изъ Нов. Мекленбурга.

производить его. Это обстоятельство очень важно, потому что объясняет, почему въ орнаментовкѣ какого нибудь народа мы часто встрѣчаемъ рядомъ цѣлые ряды развивающихся орнаментовъ; поколѣнія орнаментовъ не соответствуютъ людскимъ поколѣніямъ. Одинъ художникъ можетъ уже далеко уйти впередъ въ преобразованіи первоначальныхъ мотивовъ, между тѣмъ какъ его педагогичный сосѣдь еще продолжаетъ точно подражать прежнимъ формамъ живописи и рѣзбы. Какъ могутъ различныя понятія и стилиныя преобразованія сохраняться рядомъ, показываютъ напримѣръ рѣзные головы птицы буцоро въ Новомъ Мекленбургѣ (рис. см. стр. 757). Но отъ слишкомъ быстрыхъ и рѣзкихъ переменъ защищаетъ обычай, который стоитъ за опредѣленный типъ орнамента, за стиль, и удерживаетъ слишкомъ фантазирующихъ художниковъ въ извѣстныхъ рамкахъ.

Не всѣ первобытные народы имѣютъ вполне выраженный стиль въ ихъ искусствѣ украшенія; многіе заимствовали его въ главныхъ чертахъ у сосѣдей, не пройдя въ то же время его первоначальнаго развитія; другіе выказываютъ вообще мало способности къ орнаментовкѣ, употребляютъ мало мотивовъ и притомъ самые простые, которые обрабатываютъ и развиваютъ дальше очень несовершенно. Если мы встрѣчаемъ въ Африкѣ сравнительно рѣдко оригинальный, рѣзко отличающійся отъ другихъ стиль, причина этому лежитъ одновременно въ маломъ художественномъ дарованіи негровъ и въ географическомъ положеніи страны, которое приводитъ къ постояннымъ соприкосновеніямъ и заимствованіямъ. Характерныя формы стиля мы находимъ на островахъ или въ другихъ изолированныхъ областяхъ, какъ напримѣръ въ Нов. Зеландіи, въ Нов. Ирландіи, на скалистомъ побережьи сѣв. западной Америки, на Ісцо и на многихъ группахъ острововъ Океаніи. Это въ то же время большею частью области, населенныя или подпавшія подъ вліяніе малайо-полинезійской расы, такъ что тутъ, вѣроятно, вліяютъ и расовыя способности. Одинъ взглядъ на нѣкоторые изъ этихъ стилей даетъ всего яснѣе понять сущность орнаментовки.

Сѣверозападная Америка не представляетъ области единого стиля, и если бы здѣсь шла рѣчь объ этнографическихъ вопросахъ, многочисленныя, болѣе тонкія различія въ искусствѣ различныхъ племенъ и постепенное замираніе характерныхъ формъ въ пограничныхъ зонахъ потребовали бы болѣе тщательнаго изслѣдованія. Но принципъ, по которому развился стиль, все же въ главномъ одинаковъ и легко объясняется. Сѣверозападная Америка, опредѣлившаяся область тотемизма, какъ это уже указано въ другомъ мѣстѣ, и въ то же время рай для тайныхъ сообществъ, которые также любятъ животныя символы и мифологическихъ гермофродитовъ. Живое худо-

жественное стремленіе, выражающееся въ рѣзбѣ на деревѣ и камнѣ, въ живописи и художественномъ тканьѣ, находитъ удовольствіе въ изображеніи этихъ животныхъ и мифологическихъ фигуръ, но мистическое побочное значеніе образовъ мѣшаетъ развитію свободнаго искусства и способствуетъ стилизации и орнаментовкѣ. При этомъ строго придерживаются смысла орнаментныхъ фигуръ, такъ что не возникаетъ никакихъ фантастическихъ, лихвенныхъ формъ, а наоборотъ очень своеобразныя умаленныя формы. Чтобы имѣть возможность изобразить побольше тотемныхъ знаковъ, довольствуются головой и, наконецъ, характерной формой глаза въ изображеніяхъ животныхъ, пока, въ концѣ концовъ, не развивается буквально глазная орнаментовка, подавляющая все остальное и образующая отличительный признакъ сѣвероамериканскаго стиля. Всюду появляются глаза, болѣею частью въ симметричныхъ группахъ, которыя своимъ положеніемъ отчасти еще указываютъ, что глаза — остатки цѣлаго лица. Удлиненно-заостренные, овальные, круглые, разнаго цвѣта глаза покрываютъ цѣлыя поверхности, въ особенности на тканыхъ покрывалахъ для танцевъ (ср. рис. стр. 165); иногда рядомъ съ ними ходятъ жалкіе слѣды остальныхъ частей тѣла — носовъ, когтей и т. под. Встрѣчаются даже концентрическіе двойные глаза, во внѣшней контуръ которыхъ захвачены эти слѣды въ видѣ еле замѣтныхъ составныхъ частей. Даже тамъ, гдѣ изображаются настоящія фигуры въ духѣ свободныхъ художественныхъ произведеній, на всѣхъ подходящихъ поверхностяхъ тѣла являются глаза въ видѣ украшенія, и въ то же время, болѣею частью, какъ указаніе какихъ-нибудь мифологическихъ или генеалогическихъ отношеній.

Совершенно иначе развивается новозеландская орнаментовка изъ изображеній людей, животныхъ и баснословныхъ существъ (см. прил. таблицу «Полинезійскія древности»). Но тутъ нужно рѣзко различать рисованныя, рѣзные и тканые орнаменты, которые, подъ вліяніемъ техники, пошли совершенно различными путями. Въ живописныхъ украшеніяхъ преобладаетъ крайне упрощенный орнаментъ лица, въ самыхъ отчетливыхъ формахъ котораго еще можно различить глаза, ротъ и носъ, но мало-по-малу онъ преобразуется въ производныя фигуры — очкоподобныя, волнообразныя, или въ фигуры въ формѣ §, въ которыхъ уже не видно ихъ происхожденія.

Покрытая орнаментами кокосовая скорлупа изъ нѣм. Гвиней.

Плетеные и тканые орнаменты также часто изображают лица, но съ контурами, похожими на ромбъ, слѣдовательно представляютъ ничто иное, какъ болѣе высокое развитіе сначала лишь едва обозначенныхъ техническихъ украшеній. Совершенно иначе, все преодолевая своей полнотой и разнообразіемъ, но все же слѣдуя опредѣленнымъ законамъ, развились орнаменты той искусной рѣзбы, которую мы встрѣчаемъ на домахъ, лодкахъ и утвари; впрочемъ, тѣ же рисунки мы находимъ и въ татуировкѣ лица. Возможно даже, что узоры татуировки служили образцами для рѣзныхъ работъ!

Главной чертой новозеландской орнаментовки есть переходъ и увеличеніе контуровъ въ концентрическія линіи или спирали. Всего проще это дѣлается на татуировкѣ лица: обыкновенно лобъ покрытъ извѣстнымъ числомъ линій, которыя, выходя отъ основанія носа, повторяютъ черту бровей; многія параллельныя линіи соответствуютъ также складкамъ, образующимся при смѣхѣ въ углахъ рта. Боковыя стороны носа болѣею частью украшены спиралями. При рѣзбѣ на деревѣ, на лицахъ фигуръ также воспроизводятъ линіи татуировки и тѣмъ вступаютъ на путь къ дальнѣйшей стилизаціи; затѣмъ появляются спирали на верхнихъ частяхъ ляшекъ, на колѣнныхъ и ручныхъ суставахъ, на плечахъ и груди фигуръ; птичьи глаза и, наконецъ, птичьи головы переходятъ въ спирали, такъ же, какъ и крылья и когти. Иногда зубы фигуръ даютъ образецъ для дальнѣйшей стилизаціи, а именно—спирали и вставленныя между ними дополняющія черточки дѣлаются зубчатыми линіями. Наконецъ, вся рѣзба превращается въ фантастическую путаницу черточекъ, дугъ и спиралей, въ которой только съ большимъ трудомъ можно угадать первоначальный рисунокъ.

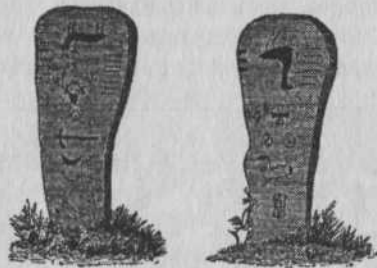
Кажется, этотъ родъ стилизаціи, который даетъ возможность между тысячами другихъ узнать новозеландскую рѣзбу, не очень старъ. Перешедшіе отъ прежнихъ временъ узоры татуировки гораздо проще и болѣе отвѣчаютъ обычнымъ теперь еще формамъ живописной орнаментовки. Маори называютъ изобрѣтателемъ ихъ рѣзпой орнаментовки нѣкого Раури, который жилъ «въ незапамятныя времена» или, по другимъ указаніямъ, за 26 поколѣній назадъ; его посѣтилъ будто бы даже богъ Тангароа и восхищался художественной рѣзбой его дома.

Цѣлый рядъ легко различаемыхъ художественныхъ стилей являетъ Меланезія. Очень оригиналенъ стиль Новозеландцевъ (Новомекленбургцевъ), развившій удивительное нѣчто среднее между свободнымъ и несвободнымъ искусствомъ; дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о раскрашенныхъ рѣзныхъ работахъ изъ мягкаго дерева, не требующихъ большихъ усилій, а потому допускающихъ извѣстную свободу фантазіи. Онѣ обыкновенно не очень прочны или, какъ напримѣръ,

маски, и безъ того должны готовиться вновь ежегодно и постоянно измѣняться и обогащаться новыми чертами и выдумками. Эти, по происхожденію, мнѣологически крашенныя произведенія очень далеки отъ простыхъ подражаній природѣ, хотя, при случаѣ, между ними встрѣчается голова европейца въ каррикатурномъ видѣ. Какъ и въ сѣвероамериканской Америкѣ, здѣсь также высказывается стремленіе помѣстить въ одной рѣзбѣ какъ можно болѣе тотемныхъ символовъ или значительныхъ по мнѣологіи фигуръ, не сокращая фигуръ до изображенія однихъ глазъ; глазъ, какъ орнаментъ, встрѣчается лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. За то возникаютъ новыя, странныя формы: люди, вырастающіе изъ пасти акулы, или какія-нибудь комбинаціи людей съ рыбами, змѣями и птицами. При раскрашиваніи этихъ фигуръ придерживаются отчасти орнаментовки.

Остальные меланезійскіе художественные стили родственны новозеландскимъ, не будучи вполне схожи съ ними. Въ странѣ Императора Вильгельма очень развился, между прочимъ, зубчатый орнаментъ, какъ украшеніе тыквъ и кокосовыхъ скорлупъ (рис. стр. 759). Соединеніе многихъ фигуръ въ одну, еще лучше можно наблюдать здѣсь, чѣмъ въ Нов. Зеландіи: крылья птицъ преобразуются въ фигуры рыбъ, плавники въ птичьи головы, брови въ рыбы плавники, а между ними являются остатки другихъ фигуръ, уже какъ чистая орнаментовка; искусственная симметрія встрѣчается чрезвычайно часто. Въ особенности головныя скамейки, фантастическіе представители которыхъ встрѣчаются прежде всего въ Нов. Гвиней (ср. рис. стр. 429 и 499), являютъ прекрасные примѣры этого, если можно такъ выразиться, «включающаго» искусства, которое, подобно включающимъ языкамъ, создаетъ настоящіе чудовища соединеній.

Стиль народа или эпохи выражается, на низшихъ ступеняхъ культуры, преимущественно въ орнаментовкѣ, на высшихъ—всего яснѣе и рѣзче въ архитектурѣ. Эту противоположность слѣдуетъ взвѣснить, такъ какъ она ведетъ къ уразумѣнію, что архитектурный стиль, какъ мы его понимаемъ, составляется изъ двухъ разныхъ элементовъ—изъ стили конструкціи и стили орнаментовки, не всегда стоящихъ въ тѣсной, органической связи. У первобытныхъ народовъ, конструкція жилищъ болѣею частью очень проста, приспособлена къ крайней необходимости, не облагорожена болѣе тонкой

Могильные столбы сѣвероамериканской Америки.

игрой форм и характеризуется, какъ ограниченное человѣческое творчество, лишь чисто техническими повтореніями, выступающими въ симметріи кровельныхъ столбовъ, въ заплатахъ стѣнъ. Сгибный фигурный орнаментъ проявляется ими въ раскрашиваніи или въ видѣ рѣзбы на доскахъ, призываемыхъ только для украшенія; даже столбы изображающіе предковъ, иногда не составляютъ опоры для крыши, а стоятъ отдѣльно передъ домомъ, какъ у многихъ племенъ сѣверо-западной Америки. Въ Новъ Зеландіи, положимъ, и важныя части дома преобразованы въ фигуры предковъ или въ болѣе крупныя орнаменты, но это только исключенія. Въ общемъ художественный стиль первобытнаго народа гораздо лучше изучать на утвари, чѣмъ на жилищахъ.

Какъ всѣ художественныя исполненія, и произведенія образовательнаго искусства, вытекающія изъ подражанія природѣ ради за-

Рисунокъ вождя Кайиновъ, Борнео. По Лингъ Роту. Лѣвая сторона рисунка должна изображать заходящее солнце съ дождевыми тучами, правая—пальму.

бавы, употребляются и для другихъ цѣлей. Сравнительно рѣдко служатъ они сатирѣ и насмѣшкѣ. Нѣкоторыя рѣзные работы маори изображали, говорятъ, карикатуры на живыхъ людяхъ; сѣверо-западные американцы, въ самомъ дѣлѣ, производятъ иногда, по словамъ Ниблака, причудливыя рѣзные работы, которыя должны служить насмѣшкой надъ соседями или надъ бѣлыми пришельцами и вызываютъ у нихъ самихъ искренній смѣхъ. Эта случается довольно рѣдко, вѣроятно, потому отчасти, что у большей части первобытныхъ народовъ живо чувство большаго уваженія ко всякому художественному произведенію, а также и потому, что болшинство серьезныхъ произведеній искусства имѣютъ нарочито уродливый характеръ и составляютъ сами по себѣ карикатуру, а все же не считаются за такую. Гораздо большее значеніе для искусства имѣетъ то обстоятельство, что оно даетъ возможность воспроизводить, съ одной стороны, мистическія фигуры и символы, съ другой—образы для памяти (сравн. рис. стр. 761) и знаки собственности. Замѣчательно, что письма, возникающія изъ рисунковъ для памяти, можетъ опять стать орнаментомъ, какъ это мы видимъ въ арабскомъ искусствѣ; и у насъ случайно встрѣчаются красиво напечатанныя или вышитыя изреченія изъ библіи въ видѣ стѣнныхъ украшеній.

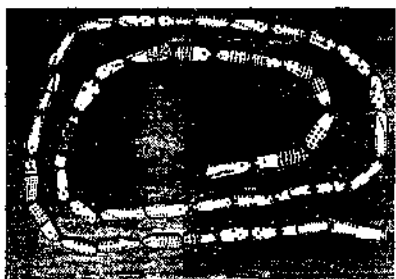
Произведенія искусства и, прежде всего, орнаменты, легко получаютъ новое толкованіе. Склонность къ этому лежитъ глубоко въ человѣкѣ и выражается также относительно случайныхъ созданій природы, съ которыми связываютъ какія нибудь легенды и даже искусственно видоизмѣняютъ ихъ еще болѣе; такъ напримѣръ, Нейсъ часто видѣлъ, во время плаванія по рѣкамъ области Лаосъ, въ Индіи, что скалы въ рѣкѣ преобразованы небольшими поправками въ фантастическія фигуры, и даже кряжи горъ и далеко-видныя лѣсныя прогалины соответственно измѣнены. Въ орнаментовкѣ это побужденіе благоприятствуетъ, какъ уже сказано, развитію вторичныхъ фигурныхъ орнаментовъ изъ чисто техническихъ или геометрическихъ украшеній, или возникновенію растительныхъ формъ изъ первоначально животныхъ. Какъ вліяетъ тогда орнаментальная техника на непосредственное подражаніе природѣ и искажаетъ его, прекрасно видно изъ рисунковъ даяковъ (рис. стр. 762). Иногда легенда должна служить объясненіемъ орнаменту, ставшему непонятнымъ, какъ напр. сѣв.-западно-американское преданіе о человѣкѣ, который въ видѣ украшенія вставилъ глаза убитаго имъ въ край своей лодки и тѣмъ создалъ очень реальный глазной орнаментъ.

Если мы бросимъ взглядъ назадъ на роды и произведенія искусства, мы увидимъ, что, при всей безцѣльности игры, въ нихъ въ то же время лежитъ нѣчто творческое, и что они, вслѣдствіе повторенія, получили форму, которая имъ служитъ какъ бы крѣпкимъ панциремъ или костянымъ остовомъ. Игра, въ настоящемъ смыслѣ слова, не имѣетъ этого покрова формы и столь же мало творческаго характера искусства—опредѣленіе отрицательное, правда, но которое, быть можетъ, лучше выясняетъ сущность игры, чѣмъ странныя положительныя объясненія. Впрочемъ, игру всего удобнѣе назвать гимнастикой тѣла или духа, которая, какъ и искусство, есть прежде всего результатъ избытка силъ и не имѣетъ непосредственной цѣли. Игра на деньги болѣе поздняя форма невиннаго въ сущности занятія.

Дѣтскія игры—важная часть самовоспитанія: въ нихъ отражается уже будущая серьезная дѣятельность человѣка, если они не составляютъ простого упражненія силы и ловкости. Но охота къ игрѣ развита очень различно, какъ у отдѣльныхъ субъектовъ, такъ и у дѣтей цѣлыхъ народовъ, даже иногда, несмотря на близкое родство племенъ; напримѣръ, дѣти малайцевъ играютъ очень мало, дѣти даяковъ—охотно и много. Нерасположеніе къ играмъ указываетъ, вообще, на раннее развитіе, какъ это можно наблюдать у негритянскихъ дѣтей, или на недостатокъ фантазіи и живости.

По самой природѣ вещей, игры мальчиковъ изображаютъ болшую частью войну или охоту, и игрушки ихъ заключаются обыкновенно

венно въ игрушечномъ оружїи; а дѣвочки подражаютъ ожидающимъ ихъ въ будущемъ домашнимъ и хозяйственнымъ работамъ или играютъ въ куклы. Многія игры, которыя у насъ ведутся почти исключительно дѣтьми, составляютъ у первобытныхъ народовъ забаву и взрослыхъ, какъ напримѣръ, игра въ мячъ у эскимосовъ, сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ (сравни. верхн. рис. стр. 91 и рис. стр. 305) и астралійцевъ; другія же своеобразныя игры, какъ домино, встрѣчаются также у малокультурныхъ народовъ (рис. рядомъ). Какъ только становится обычаемъ назначать призы побѣдителю въ соревнованіи, рядомъ пробуждается страсть къ быстрой наживѣ и чувство волнующаго ожиданія, которое прїятно щекочетъ нервы. Именно тѣ игры, которыя требуютъ менѣе физическихъ, чѣмъ умственныхъ усилій, или въ которыхъ рѣшеніе предоставлено голому случаю, легко подвергаются преобразованію, вплоть измѣняющему ихъ первоначальный характеръ. Игры въ шашки и кости служатъ у дикарей въ особенности борьбѣ за наживу;

Домино эскимосовъ.

но изъ этого корня иногда развиваются обычаи, которые едва ли уже могутъ считаться настоящей игрой, какъ напримѣръ, широко распространенныя пѣтушійные, перепелиные и сверчковыя бои, составляющіе ничто иное, какъ видоизмѣненіе азартной игры. Эти видоизмѣненія и новыя примѣненія первоначально невинныхъ игръ очень неблагоприятны въ дѣломъ для прогресса культуры. Когда игра переходитъ въ серьезную работу и этимъ вступаетъ на службу хозяйственной жизни, или когда она преобразовывается въ искусство и даетъ начало новому взгляду на цѣли и идеалы человѣческой жизни, она измѣняется къ лучшему и становится могучимъ рычагомъ развитія, идущаго въ высъ; напротивъ того, какъ средство легкой наживы, она есть противоположность всякой положительной дѣятельности и, какъ ядъ, полезна развѣ только въ малыхъ дозахъ, въ большихъ же безусловно губельна. Уродливыя вырожденія спорта у культурныхъ народовъ Европы могутъ служить для насъ хорошо знакомыми примѣрами этого сомнительнаго превращенія.

3. Религія.

Вся духовная жизнь составляетъ, въ сущности, одно цѣлое, которое лишь дѣйствуетъ въ различныхъ направленіяхъ и преломляетъ свой свѣтъ въ тысячахъ лучей. Чѣмъ наивнѣе и первобытнѣе человѣкъ, тѣмъ яснѣе проявляется эта его цѣльность. Только культурный человѣкъ, который старается познать самого себя, принужденъ распределять по категоріямъ свои дѣйствія и помысленія, приводить ихъ въ порядокъ и назвать разными именами, пока это распределеніе не войдетъ у него въ привычку. Мы относимъ, даже не отдавая себѣ въ этомъ яснаго отчета, каждое душевное движеніе въ извѣстную область, мы имѣемъ свои формулы, которыми орудуемъ. Это удобно и очень полезно для каждойдневной жизни, но опасно для того великаго мышленія человечества, которое занимается глубочайшими загадками вселенной и личнаго бытія. Тогда одинъ взглядъ на дикарей дѣйствуетъ, какъ освѣжающее лѣкарство: ни одна изъ красивыхъ категорій не выдерживаетъ испытанія передъ простотой этихъ людей—ни одну изъ нихъ не можетъ заполнить ихъ небольшое количество духовной жизни, и тѣмъ не менѣе послѣдняя отовсюду сразу просачивается изъ бесполезнаго сосуда, какъ вода изъ деревянной шкатулки.

Это сознаніе очень важно для того, кто хочетъ изслѣдовать начала религіи. Какихъ безконечныхъ и при томъ нелѣпныхъ споровъ не возникало по поводу вопроса, существуютъ ли на землѣ народы, не имѣющіе религіи, имѣютъ ли тотъ или тотъ первобытный народъ религію или нѣтъ? А между тѣмъ, самая постановка вопроса совершенно неправильна. То, что первобытный народъ понимаетъ подъ своей религіей, есть результатъ длиннаго, труднаго развитія и еще теперь видѣ не представляетъ ничего законченнаго; вѣдь даже католическая церковь, столь гордая своимъ постоянствомъ, создала въ послѣднія десятилѣтія новыя догмы, нашедшія одобреніе не у всѣхъ ея приверженцевъ. Если мы даже взглянемъ на одну изъ тѣхъ системъ религіи или боговъ, которыя, какъ напр. греческій міръ боговъ, представляются намъ такими едиными и гармоничными, какое разочарованіе испытываемъ мы при ближайшемъ изслѣдованіи. Все становится тогда неясно и спутано, отдѣльныя фигуры сдвинуты и перемѣшаны или являюся въ самыхъ противорѣчивыхъ видахъ; тотъ Зевсъ, котораго почитаютъ въ одномъ мѣстѣ, какъ будто совершенно отличенъ отъ того, которому гдѣ нибудь, по сосѣдству, посвященъ древній храмъ съ странными обычаями и легендами, а въ третьемъ мѣстѣ его, повидимому, совершенно вытѣсняетъ другое божество. Къ этому присоединяются образы, какъ Афродита и Ираклъ, возникшіе вообще не на греческой почвѣ: короче, велико-

хлпный храмъ, каковымъ намъ представляется система боговъ Элады, построенъ изъ развалинъ и обломковъ, не имѣющихъ между собою, связи, и лишь наружно, для видимости, сглаженъ и какъ будто хорошо сплоченъ.

Въ Греціи, жрецамъ и поэтамъ этотъ трудъ удался еще довольно хорошо; но уже попытка слить римскую мифологию съ греческой потерпѣла въ общемъ крушеніе. Осталось также незаконченнымъ намѣреніе сѣверныхъ поэтовъ построить изъ спутанныхъ сагъ и неясныхъ образовъ германской мифологии ясный міръ боговъ, удовлетворяющій растущимъ религиознымъ потребностямъ; еще и теперь нѣтъ недостатка въ попыткахъ устранить, эту неясность, которую иногда совершенно несправедливо приписываютъ неудовлетворительной передачѣ: въ дѣйствительности, германцы вовсе не имѣли религіи, какъ ее понималъ греческій культурный міръ, но стояли на болѣе низкой ступени развитія, когда приняли христіанство и съ этимъ вмѣстѣ отказались отъ дальнѣйшаго построения своей мифологии.

А сама христіанская религія? Кто изучаетъ ее болѣе подробно, встрѣчаетъ повсюду остатки старыхъ воззрѣній, которыя она приспособила для своихъ цѣлей, первобытные обычаи, которымъ она придала новое значеніе и приняла въ число своихъ обрядовъ; короче, изслѣдователь признаетъ, что и она есть продуктъ тысячелѣтій, не отрицающій своего происхожденія изъ болѣе низкихъ слоевъ развитія. Но кто, сознавая всѣ эти явленія, рассмотреть духовную жизнь какого нибудь первобытнаго народа, уже не поставитъ дѣтски-недовкаго вопроса: „Имѣетъ ли этотъ народъ религію?“ а спроситъ: „Есть ли тутъ на лицо тотъ или другой изъ тѣхъ зародышей, изъ которыхъ выработались у народовъ, приобщившихся къ культурѣ, великія системы, которыя мы называемъ религіями?“ На первый вопросъ онъ получилъ бы лишь спутанный отвѣтъ или простое нѣтъ; на второй—не будетъ у него недостатка въ разумныхъ отвѣтахъ.

Если мы, вмѣсто одного великаго понятія о религіи у первобытныхъ народовъ, будемъ искать различныя зачатки, изъ которыхъ оно понемногу образовалось, это, конечно, повидимому, будетъ совершенно противорѣчать цѣльности человеческой духовной жизни и, въ особенности, утверженію, что эта цѣльность выступаетъ у малокультурныхъ народовъ сравнительно яснѣе, чѣмъ у насъ. Но въ дѣйствительности противорѣчіе здѣсь только кажущееся. Вѣдь всѣ эти отдѣльныя зародыши дальнѣйшаго развитія близко родственны другъ другу; они суть лишь различныя реакціи одной и той же силы на внѣшнія вліянія или на процессъ собственнаго роста. Они только не имѣютъ еще плана и разумной связи. Если мы ста-

раемся ихъ рассмотреть каждый отдѣльно, мы не должны забывать, какъ непрочно границы между ними и какъ легко они, при случаѣ, переходятъ другъ въ друга или взаимно замѣщаются.

Всѣ зачатки религіи имѣютъ одну крупную, общую черту: она всѣ относятся къ вещамъ и представленіямъ, которыя выступаютъ изъ узкой сферы отдѣльной личности, выступаютъ изъ сферы живыхъ лицъ, составляющихъ общество; всѣ вліянія, вызываемыя въ человѣкѣ сознаніемъ этихъ силъ, стоящихъ высоко надъ настоящимъ и надъ плотскимъ бытіемъ, суть начала религіи. Но нѣкоторые изъ этихъ зародышей могутъ развиваться и въ другомъ направленіи; это доказываетъ философія, которая стремится разгадать жизненные загадки съ помощью разума и не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться религіей. Изъ этого выходитъ, что имѣнно разумное чуждо религіи, что ея царство находится въ полусознательной части бытія, въ области чувства, короче, что она старается вѣдаться съ этими сверхчувственными вещами совершенно другимъ способомъ, а не критическимъ наблюденіемъ и выведеннымъ изъ него логическими заключеніями.

Поэтому наука и религія рѣдко относились другъ къ другу благожелательно: пестрыя, угнѣшающія или угрожающія постройки религиозныхъ мифовъ постоянно опрокидывали холодный вихрь научнаго изслѣдованія и этимъ лишали многія сердца незамѣнимаго пристанища въ борьбѣ за существованіе, но онъ же заставлялъ также опустѣть алтари, на которыхъ дымились человѣческія жертвы, потушилъ костры инквизиціи и предавалъ забвенію суды надъ колдуньями. Религія обладаетъ женственною чертой, наука—мужественной; въ то время, какъ наука самостоятельно стремится впередъ и идетъ отъ одной разрѣшенной проблемы къ другой, религія имѣетъ скорѣе пассивный или рефлексивный характеръ, она является противодѣйствіемъ человѣческаго чувства внѣшнимъ вліяніямъ и сохраняетъ именно потому свою полусознательную, нелогичную сущность.

Большая часть зачатковъ религіи вполнѣ субъективны и объясняются лишь душевнымъ состояніемъ отдѣльной личности или небольшой человеческой группы; но людямъ, стоящимъ вдали, они кажутся бессмысленными, часто даже безумными и убійственными, какъ, напримѣръ, суды надъ колдуньями въ Африкѣ послѣ каждаго смертнаго случая, приношенія въ жертву собственнаго дѣтей въ опасное время и т. под. Здѣсь именно всегда всегда проявляются безцѣльные, болѣе или менѣе сильныя реакціи на внѣшнія вліянія или внутреннія напряженія, дѣйствія, вытекающія просто изъ чувства ожиданія, что теперь «нѣчто должно случиться». Такимъ же образомъ человѣкъ, внезапно получившій ударъ камнемъ, дико машетъ руками вокругъ себя или, не обдумавъ, дѣлаетъ отражающее дви-

женіе, которое ему уже не может помочь. Лишь мало-по-малу въ религіозныхъ побужденіяхъ начинается настолько проявляться сознание, что противодѣйствія получаютъ извѣстную систему, различныя спутанныя представленія вроеясняются и приходятъ въ соотношеніе другъ къ другу, пока, наконецъ, возникаетъ настоящая религія. По понятіямъ культурнаго міра, она во всякомъ случаѣ имѣетъ право на это названіе только тогда, если развила въ то же время въ опору нравственности.

Главнымъ ощущеніемъ, изъ котораго возникаютъ всѣ религіи, можно назвать чувство зависимости, которое уже само по себѣ настоятельно требуетъ противодѣйствія. Эта зависимость проявляется двояко: во-первыхъ, это—силы природы, отъ которыхъ непосредственно зависятъ жизнь и благосостояніе человѣка и которыя слишкомъ часто, сурово и жестоко выказываютъ ему свое превосходство; во-вторыхъ, длительныя формы человѣчества, семья, родъ, народъ, прошалыя и будущія поколѣнія, по сравненію съ которыми отдельная личность является лишь быстро исчезающей канцой родника, отражающей на минуту блескъ солнца и красоту земли, чтобъ затѣмъ внезапно испариться. Это—могучія но неясныя силы, окружающія человѣка и относительно которыхъ онъ, если хочетъ существовать, долженъ запячь какое нибудь положеніе; даже тотъ, кому въ обыденной жизни чуждо это чувство, все таки понуждается случайными несчастьями и опасностями къ реакціи, т. е. къ поступкамъ религіознаго характера.

Эти поступки, какъ уже сказано, прежде всего вполнѣ субъективнаго характера: первобытный человѣкъ или маленькая группа, чувствующая себя цѣлымъ, не имѣетъ другого мѣрила для сравненія, какъ свое собственное я. Поэтому всѣ враждебныя или дружескія силы считаются дѣйствующими, какъ сознательныя существа, движимыя страстями, во и доступныя уговорамъ посредствомъ просьбы и подарковъ. Почему бы бурѣ, свирѣпствовавшей вокругъ хижины, не дѣйствовать въ слѣдующій разъ болѣе кротко, если ей заранее выставить яства и напитки и тѣмъ улучшить ея дурное настроеніе духа? Почему бы дереву, не принесшему плодовъ, не принести ихъ въ слѣдующемъ году въ избыткѣ, если его попросить и одарить? Въ этомъ смыслѣ, вся природа представляется одушевленной и доступной человѣческому вліянію. Начатки религіи, вытекающіе изъ этого воззрѣнія, мы называемъ анимизмомъ.

Но анимизмъ рѣдко встрѣчается намъ въ чистой формѣ, и это очень понятно. Быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ чувство зависимости отъ природы, давить другое чувство, что между мертвыми и живыми членами общественной группы существуетъ невидимая связь. Только на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія это чувство, пови-

димому, слабо и не имѣетъ большихъ послѣдствій; но очень скоро возникаетъ ощущеніе, что умершіе не вполнѣ исчезли изъ круга живыхъ, что они не только оставили въ наслѣдство свои качества и имущество, но и въ гораздо болѣе реальномъ смыслѣ принимаютъ участіе въ радостяхъ и горестяхъ своихъ потомковъ: что они могутъ имъ приносить пользу, а главное—вредить. Это чувство, какъ видно по сильной, даже страстной реакціи на него, можетъ быть очень тяжело и даже пестеримо, если мысли привыкли слѣдовать въ этомъ направленіи. Все и вся приписываются вліянію духовъ, всякій внезапный испугъ, всякое непонятное явленіе, всякая болѣзнь объясняются въ этомъ смыслѣ. Но реакція на эти страхи не можетъ быть плановѣрна, такъ какъ она не имѣетъ никакой осязаемой цѣли; въ зависимости отъ различныхъ случайностей, она часто принимаетъ уродливыя формы и, оставаясь недействительной противъ реальныхъ бѣдствій, доходитъ иногда до чудовищности. Всего яснѣе она проявляется во время празднествъ мертвыхъ. Названіе—культъ предковъ, принятое для этой группы явленій, не особенно удачно выбрано, такъ какъ во многихъ случаяхъ нѣтъ и рѣчи о культѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. За то очень недурно предложенное Л. Фробеніусомъ названіе—мавизмъ, отъ слова «мавы», римское обозначеніе духовъ умершихъ.

Если выше высказано мнѣніе, что религія не относится къ области разума, а къ области чувствъ; это, конечно, не значитъ, что разумъ вообще не имѣетъ никакого отношенія къ религіознымъ побужденіямъ. Подобное рѣзкое разграниченіе разума и чувства не возможно ни въ какой области человѣческихъ проявленій, какъ уже явствуетъ изъ постоянного взаимодействія между сознательнымъ и безсознательнымъ. И начатки религіи, а еще болѣе ея высшія формы находятся подъ сильнымъ вліяніемъ логическаго мышленія. Но здѣсь разумъ не имѣетъ никогда рѣшающаго слова: какъ только позволяютъ обстоятельства, на мѣсто логики сейчасъ же выступаетъ та примитивная, начальная ступень мышленія, которая состоитъ изъ ряда образовъ и ощущеній, другими словами—фантазія. И религія хочетъ объяснить, хочетъ разрѣшать различные вопросы бытія, но не холоднымъ наблюденіемъ, а живой игрой творческой силы. На мѣсто доказательства выступаетъ традиція, какъ полная ихъ замѣна. Тогда разумъ начинаетъ постепенно разрушать воздушную постройку, но рѣдко удается ему это вполнѣ, или на мѣсто разрушенной воздвигается новая, избѣгающая самыхъ кричащихъ ошибокъ предыдущей. Для религіознаго толкованія природы, которое составляетъ, сравнительно, самую хладнокровную, разумную, а вслѣдствіе этого и невиннѣйшую часть всѣхъ религіи, мы употребляемъ названіе—миѳологія.

Но сущность религии лежат не въ мифологическихъ толкованіяхъ природы, а въ дѣйствіяхъ, которыя являются реакціей, слѣдующей за каждымъ потрясеніемъ въ жизни и, что главное, стремятся вліять на сверхчувственные силы и заставить ихъ служить человѣку. Эти религиозныя дѣйствія сами по себѣ облегчаютъ смятенную душу именно потому, что они — реакція. Но они дѣлаютъ еще нѣчто большее: они уничтожаютъ чувство безутѣшнаго одиночества, превращаютъ сознаніе зависимости въ сознаніе безопасности, такъ какъ силы, угрожающія гибелью, настраиваются ими дружелюбно, а другія силы, стоящія равнодушно въ сторонѣ, этими же религиозными дѣйствіями призываются на помощь. При этомъ можно различить опять два пути развитія: о культѣ можно говорить, когда человѣкъ обращается просто съ просьбою или съ жертвеннымъ приношеніемъ къ высшимъ силамъ, чтобы добиться ихъ милости или содѣйствія; мистика же заключается въ томъ, что человѣкъ думаетъ найти въ самомъ себѣ нѣчто неземное, одаренное высшими силами, и старается эту таинственную, бессознательную внутреннюю жизнь заставить служить своему сознанію и такимъ образомъ подчинить себѣ другія сверхсознательныя силы. Мистика, проявляющаяся въ своихъ низшихъ формахъ въ видѣ шаманства, магии, колдовства и т. под. и имѣющая неизмѣримо важную роль для зачатковъ религии, у культурныхъ народовъ или облагораживается или совершенно отстываетъ на задній планъ, не исчезая однако совершенно.

Фетишъ бакунду, Камерунъ.

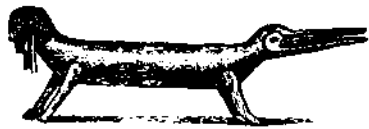
Но не пропущенъ ли здѣсь важнѣйшій зародышъ развитія? Не есть ли фетишизмъ, какъ это рѣшительно заявляетъ Броссъ, самая низшая и ранняя ступень религии? Что такое фетишизмъ, какъ не почитаніе случайно выбранныхъ или фантастически оформленныхъ предметовъ, которымъ приписываются вліяніе на собственное я? (См. рис. рядомъ и на стр. 772). Въдѣ именно въ этомъ слѣдуетъ почитать перваго появившагося предмета, проявляетъ всего яснѣе лишь полусознательная реакція души на чувство страха и угнетенности! Но кто станетъ ближе изучать фетишизмъ, скоро найдетъ, что онъ не есть общее понятіе, а одно изъ тѣхъ словъ, которыя являются во-время, чтобы прикрыть недостатокъ знанія. Тамъ, гдѣ можно говорить о фетишизмѣ въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. о почитаніи безжизненныхъ предметовъ, за которыми не чувствуется никакого духовнаго дѣйствующаго начала, тамъ дѣло, большею частью, идетъ объ обратномъ паденіи съ болѣе высокихъ ступеней, какъ это уже выяснилъ Эллисъ. Необразованный русскій, который почитаетъ и иждуетъ свою икону или релик-

вію, имѣющую очень неясный смыслъ, занимается, дѣйствительно, фетишизмомъ, но все же его дѣйствіе имѣетъ своимъ основаніемъ первоначально болѣе высокую форму вѣрованія. Поэтому, настоящій фетишизмъ, въ своей низшей формѣ, развился не у негровъ западной Африки, которымъ его охотно приписываютъ, а у негровъ Вестиндіи, принявшихъ христіанство и посвящающихъ культъ, ставшій безсмысленнымъ, непонятнымъ для нихъ остаткомъ языческихъ вѣрованій. Многие непонятные идолы суть лишь стилизованныя преобразованія человѣческихъ фигуръ, настоящій характеръ которыхъ можно только тогда узнать, если изучить художественный стиль даннаго народа. Какъ изъ двойной человѣческой фигуры можетъ, наконецъ, образоваться непонятное кольцеобразное изображеніе, показываетъ прекрасный рядъ развитія на стр. 773, относящійся къ Таити и сосѣднимъ островамъ.

Все высшія религиозныя формы срослись въ одно пѣлое изъ мифологии, культа и мистики; наоборотъ на первобытныхъ ступеняхъ эти зародыши часто являются еще независимыми другъ отъ друга. Всюду существуютъ мифологическіе рассказы, которые должны дѣйствовать успокоительно при вопросахъ, рожденныхъ сомнѣніемъ, но не имѣютъ никакого вліянія на религиозныя дѣйствія. Напротивъ, почти все первобытныя народы обратили вниманіе на созвѣздія и признаютъ въ нихъ небесныя существа, но только въ видѣ исключенія возникъ изъ этихъ сказокъ культъ звѣздъ или попытка признать ихъ мистическое вліяніе. Съ другой стороны, мы видимъ, что возникаетъ иногда культъ, какъ непосредственное противодѣйствіе страшнымъ опасностямъ или бѣдствіямъ, не имѣя въ то же время опредѣленной цѣли и мифологическаго значенія; въ особенности при внезапномъ появленіи новыхъ, неизвѣстныхъ болѣзней часто возникаютъ обряды культа, не имѣющіе сначала никакого плана, пока постепенно начинаютъ вырабатываться твердыя идеи относительно демоновъ болѣзни, съ которыми приходится имѣть дѣло. Наконецъ, мистика, въ ея простѣйшихъ формахъ, какъ напр. страхъ дурного глаза и средства противъ него, является также сначала совершенно самостоятельной и часто остается такою надолго, не приививалась къ высшимъ религиознымъ обычаямъ и представленіямъ. Вообще, во многихъ случаяхъ, низшія формы сохраняются совершенно непосредственными рядомъ съ высшими; еще во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Германіи крестьянинъ посѣщаетъ набожно церковь, но дома, вмѣсто того, чтобы обратиться къ библии и пастору, не считаетъ лишнимъ прибить къ дверямъ своей конюшни нѣкоторыя испытанныя древнеязыческія средства противъ колдовства и домовыхъ.

Какъ бы ни была различна сущность зачатковъ религии, въ одномъ они сходятся — они все имѣютъ отношеніе къ сверхчувственному. И наоборотъ, всякое дѣйствіе и мышленіе, которое для объ-

ясненія факта притягиваетъ сверхъчувственыя силы или старается оказать на нихъ вліяніе, принадлежить къ области религіи. Изъ этого вытекаетъ, что всякій поступокъ, всякое учрежденіе, всякій людской обычай можетъ принять религіозный характеръ и тѣмъ самымъ получить новую поддержку. Обычай, носящій этотъ характеръ, находится не только подъ покровительствомъ живыхъ людей, но и предковъ и боговъ. Такимъ образомъ, религія можетъ проникать въ различную мѣрѣ въ жизнь народа: или охватывать и вліять почти на все, или отступать на задній планъ и ограничиваться своей собственной областью; но всюду, гдѣ она занимаетъ главное мѣсто, она усиливаетъ консервативное начало въ ущербъ силамъ прогресса. То, что здѣсь составляетъ поступокъ безразличный въ религіозномъ смыслѣ, тамъ становится обязанностью вѣры. Евронецъ молится просто изъ частоплотности, арабъ исполняетъ тѣмъ предписаніе Корана; онъ дѣлаетъ то же, избѣгая употребленія вина, а европейскіе апостолы воздержанія отречаются отъ алкоголя на совершенно дру-

Идолъ Никобаровъ, Бенгальскій заливъ.

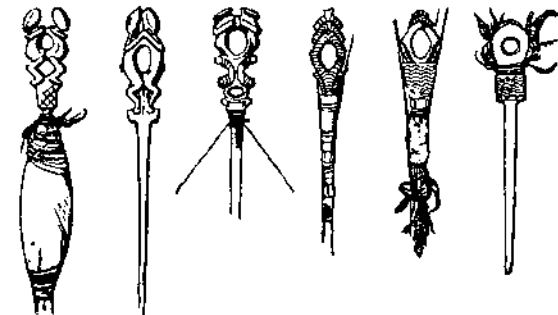
гихъ основаніяхъ. Религіозныя предписанія и недоумѣнія могутъ, въ концѣ концовъ, такъ стѣснить и повліять на народъ, что большая часть его вниманія и силы тратится на пустыя церемоніи, обряды жертвоприношенія и покаянія, и главная задача развивающейся культуры состоитъ въ томъ, чтобы разбить эти стѣснительныя цѣпи. Далеко распространенная ненависть къ «поповству», принимающая во многихъ умахъ уродливый формы, происходитъ отъ этихъ причинъ.

И все же въ религіи, если только она понимается и исповѣдуется въ чистомъ видѣ, должно заключаться нѣчто, что выкупаетъ всѣ эти тяжкіе грѣхи искалѣченныхъ религіозныхъ формъ; она должна быть однимъ изъ величайшихъ благъ человѣчества, которое не должно быть потеряно, чтобы и самый путь человѣчества не превратился въ спускъ съ горы. Вся культура, — мы это много разъ должны были признать — намѣчаетъ путь далеко за узкія границы отдѣльнаго человѣка и земнаго бытія; она позволяетъ намъ предполагать, что мы принадлежимъ къ великому цѣлому и всѣ вмѣстѣ стремимся къ одной цѣли. А развѣ религія поступаетъ иначе? Вѣрующему она даетъ вмѣсто предположенія увѣренность и наполняетъ его упованіемъ и силой, которыхъ ничто другое не можетъ дать. Вредъ же, проистекающій изъ ложныхъ религіозныхъ идей, не можетъ служить къ тому, чтобы проклясть религію, какъ таковую. Она разлилась вмѣстѣ съ человѣчествомъ, была груба и дика вмѣстѣ съ дикарями и поднилась вмѣстѣ со стремленіемъ въ высь, пока не получила, здѣсь

и тамъ, подъ вліяніемъ благороднѣйшихъ натуръ, ту чистоту и силу, которыя привели безчисленныя поколѣнія отъ нравственнаго одичанія къ высшимъ ступенямъ культуры. Ея ошибки и заблужденія на длинномъ пути просвѣтленія слѣдуетъ ей тѣмъ болѣе простить, что вѣдь свѣтъ разумной логики свѣтитъ ей не полно: какъ слѣпая старается она нащупать путь къ спасенію, и лишь медленно и спотыкаясь можетъ она достичь цѣли; но тогда она развертываетъ силы, которыя навѣки недостижимы изучающему разуму.

Именно могучее нравственное вліяніе, которымъ обладаетъ религія у культурныхъ народовъ, есть доказательство, насколько она преобразовывается и облагораживается на пути развитія. Союзъ между вѣрой и нравственностью заключается лишь постепенно. Не то, чтобы были недо-

статокъ въ заповѣдяхъ и зауреченіяхъ! Желаніе избѣгать гнѣва сверхъестественныхъ существъ и наносимаго ими вреда уже рано приводитъ къ безчисленнымъ правиламъ жизни, запрещеніямъ въ їдѣ и поступкамъ самоотреченія, которые всѣ имѣютъ чисто эго-

Идолы изъ юговост. Океаніи. По „Journal of the Anthropological Institute“.

стическія побудительныя причины, и вовсе не нравственную цѣль. Лишь мало-по-малу вырастаетъ нравственное сознаніе и съ нимъ вмѣстѣ религія, требованія которой становятся все чище и благороднѣе; боги предписываютъ опредѣленныя дѣйствія не потому, что таковы ихъ капризы, а потому, что эти дѣйствія правильны и хороши. Наконецъ, идея о всеобъемлющемъ Богѣ воплощаетъ уже въ самой себѣ высшія требованія морали.

Къ этой идеѣ одинаго божественнаго цѣлаго всецѣной ведутъ, въ концѣ концовъ, всѣ зародыши религіи. Она, впрочемъ, также можетъ быть понята очень различно и можетъ колебаться между идеей о существѣ чувствующемъ, любящимъ и гнѣвающимся по-человѣчески, и идеей чистаго пантеизма. Мифологія, ищущая отвѣта на вопросъ о первопричинахъ вещей, культъ, поднимающійся отъ низменныхъ и безобразныхъ понятій о божествѣ къ болѣе чистымъ и высокимъ формамъ, мистика, ищущая скрытыхъ силъ міра и жизни, — всѣ сходятся, наконецъ, въ сознаніи высшаго Единства. На этомъ необходимомъ пути развитія, отдѣльныя религіи земнаго шара подни-

нулись впередъ съ различной скоростью, смотря по характеру ихъ послѣдователей; точно также и отдѣльные зародыши религіи не развивались равномерно. Въ древней Элладѣ переселилась мифологическая сторона, а у индійцевъ—мистика; въ Китаѣ, опять таки, нравственное ученеіе завоевало первое мѣсто подъ вліяніемъ Конфуція, а мистика Лаотзешла откинь лишъ отчасти и быстро выродилась. Духъ народа всегда глубоко вліяетъ на его религіозное ученеіе. Если бы въ настоящее время проповѣдывалась всемірная религія и была принята всѣмъ человѣчествомъ, не далѣе, какъ черезъ сто лѣтъ каждый народъ снова имѣлъ бы особый видъ вѣры или, по крайней мѣрѣ, свое собственное пониманіе всеобщаго ученеія. Исторія христіанства, расщепившагося, соотвѣтственно тремъ главнымъ группамъ европейскаго населенія, на три большихъ вѣтви, и, кромѣ того, существующаго въ различныхъ формахъ—армянской, сирійской, эіонской и т. д. — достаточно поучительна въ этомъ смыслѣ.

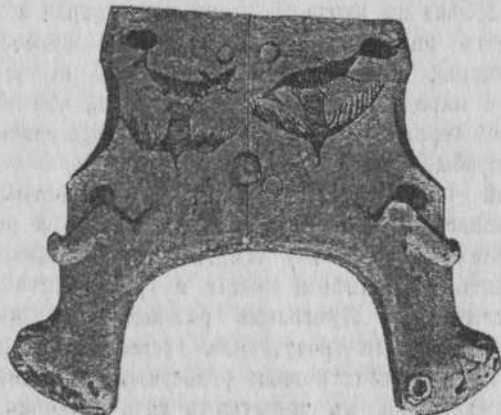
Съ высшей точки зрѣнія, развитіе религіи имѣетъ относительно простыя черты, но въ отдѣльности оно представляетъ такое страшное разнообразіе, что разобраться въ этой путаницѣ возможно только, привѣявъ руководствомъ вышеупомянутыя главныя формы.

Къ области анимизма и простой мифологіи принадлежатъ всѣ тѣ толкованія, рассказы и легенды, которые касаются естественныхъ вещей и событій, не особенно сильно вліяя въ остальномъ на поступки человѣка. Мы уже упоминали о толкованіи въ этомъ смыслѣ созвѣздіи даже тамъ, гдѣ не можетъ быть и рѣчи о культѣ звѣздъ; еще теперь названія созвѣздіи, обычныя на нашихъ небесныхъ картахъ, свидѣтельствуютъ объ этой склонности. Большею частью, эти толкованія не болѣе, какъ забава, которую принимаютъ не особенно серьезно, но и не изслѣдуютъ очень ужъ критически: рѣзка грань между вѣрой и невѣріемъ есть вѣдь также завоеваніе культуры. У бакаировъ созвѣздія Оріона и Тельца считаются одной группой; Оріонъ— большой станокъ, на которомъ сушатъ мандіоку, плеяды— луча упавшей около него муки. Близнецы— отверстия флейты, Южный Крестъ— сѣнокъ для птицъ, Скорпіонъ— сѣть для переноски дѣтей. Бороро, напротивъ, считаютъ Крестъ пальцами большого страуса, плеяды— цвѣточной метелкой дерева аггико, всѣ звѣзды, не имѣющія опредѣленнаго положенія— песочными блохами. Иногда, впрочемъ, созвѣздіямъ приписываютъ уже опредѣленное вліяніе; жители внутренней Австраліи видятъ въ Магальхаевыхъ туманныхъ пятнахъ злобныхъ существъ, которыя иногда спускаются ночью и мучатъ людей во снѣ. Еще чаще можно указать на связь съ вѣрой въ предковъ, такъ на примѣръ многіе австралійцы считаютъ плеяды толпой женщинъ, которыя въ древнія времена поднялись на небо,

а полинезійцы, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, считаютъ всѣ звѣзды душами умершихъ или ихъ глазами. Падающія звѣзды, которыя какъ бы спускаются на землю, вызываютъ болѣе недовѣрія, чѣмъ неподвижныя звѣзды; австралійцы думаютъ, что изъ нихъ образуются лѣсные грибы и губки, и потому избегаютъ ѣсть что нибудь подобное. По поводу солнца и мѣсяца, которые, въ теоріи должны бы быть предметами, непременно вызывающими почитаніе, у мало культурныхъ племенъ болѣею частью существуютъ только такія же дѣтскія толкованія, которыя не имѣютъ никакого вліянія на жизнь людей. Нашъ «человѣкъ на лунѣ» есть остатокъ такихъ воззрѣній и отлично помогаетъ намъ понять первобытный способъ мышленія. Мужчины, женщины, зайцы, деревья и т. под. на лунѣ встрѣчаются у большинства народовъ земли. Часто вѣрятъ, что оба свѣтила поставлены въ небо героями культурнаго міра; иногда солнце и мѣсяцъ считаютъ мѣстопребываніемъ духовъ.

Культъ свѣта, который не слѣдуетъ смѣшивать съ простымъ почитаніемъ свѣтилъ, развился сначала у земледѣльческихъ и пастушескихъ народовъ высшихъ ступеней, у египтянъ, вавилонянъ и арійцевъ. Болѣе производятъ впечатлѣнія молнія и громъ, хотя и этого не слѣдуетъ преувеличивать. Лумгольцъ рассказываетъ, на примѣръ, что ввенландцы наблюдали грозу, какъ веселое зрѣлище, и каждую блеснувшую молнію привѣтствовали радостными криками. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ недостатка въ попыткахъ дать толкованіе грозѣ. На западномъ берегу сѣв. Америки до Перу распространена легенда о птицѣ грома (сравни. рис. стр. 776 и рис. на глиняномъ сосудѣ, стр. 522); на старомъ материкѣ— о драконѣ грозы; къ нимъ мы еще вернемся. Влѣдствіе болѣе широкаго распространенія и, по видимому, самостоятельнаго во многихъ случаяхъ возникновенія, — достойно вниманія представленіе о громовомъ топорѣ. Почти всюду господствуетъ вѣра, что въ молніи слетаетъ на землю оружіе, обыкновенно каменный топоръ, бросаемый какимъ нибудь небеснымъ существомъ, о которомъ часто существуютъ лишь неясныя представленія. Въ этихъ случаяхъ, такими громовыми топорами считаютъ обыкновенно доисторическіе каменные топоры, которые встрѣчаются во многихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ; въ Европѣ, въ Индіи, на малайскомъ архипелагѣ, въ южной Америкѣ, короче, почти по всей землѣ господствуетъ это мѣніе. Какъ легко оно составляется, показываетъ сообщеніе Гипписка о Соломоновыхъ островахъ: на берегу, гдѣ каменные топоры вышли изъ употребленія, ихъ уже считаютъ громовыми топорами, а жители внутри острововъ употребляютъ ихъ какъ настоящее оружіе. Возвратимъ о громовыхъ топорахъ объясняются и удивительныя священныя топоры жителей остр. Гервея (рис. стр. 777), орнаменты которыхъ, какъ и орнаменты священныя ве-

сель (рис. стр. 780), представляют, по указанію Штольпе, чело-
вѣческія фигуры. вмѣсто каменныхъ орудій громовыми топорами
считаются иногда окаменѣлости, какъ эхициты и белемиты. Именно
метеориты составляютъ прекрасный примѣръ анимистическихъ воз-
зрѣній, которыя только постепенно получаютъ связь съ болѣе высо-
кими мѣологическими идеями. Наредомъ классической древности по-
читались многіе аэролиты, о которыхъ, вѣроятно, лишь мало-по-малу
создались соответствующія легенды. Священный метеоритъ въ Каабѣ,
въ Меккѣ, парашелъ, какъ чудесное наслѣдство, въ чисто-мопетеисти-

Громовыя птицы на подставкѣ для гарцуна,
у эскимосовъ

ченностью, тѣмъ болѣе, что культъ мертвыхъ указываетъ на
стремленіе перейти въ нѣкотораго рода почитаніе природы, ко-
торое на первый взглядъ, какъ будто вытекаетъ изъ анимистиче-
скихъ корней. Поэтому рискованно говорить просто о культѣ де-
реьевъ, воды или горъ, и видѣть въ немъ опредѣленные прояв-
ленія первобытной религіи: всегда приходится поставить вопросъ:
считаютъ ли, напримѣръ, духъ дерева дѣйствительно только душой
дерева, или, можетъ быть, воображаютъ духъ умершаго воплотив-
шимся въ дерево. Теперешнее толкованіе этихъ вещей самимъ на-
родомъ не рѣшаетъ вопроса окончательно, потому что, какъ уже
сказано, воспоминаніе о первоначальныхъ манистическихъ идеяхъ
совершенно испарилось.

Тѣмъ не менѣе бывають случаи чистаго анимизма. При культѣ
растеній, это случается въ особенности тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о
почитаніи плодоносныхъ растений, на добрую волю которыхъ иногда
стараятся повліять. Правда, что здѣсь не всегда идетъ рѣчь о на-
стоящемъ „почитаніи“, но это выраженіе вообще очень неудачно и

честую-мопетеисти-
ческую религію, и осно-
вательность его почи-
танія кое-какъ вывели
изъ этой новой, высшей
формы вѣрованія.

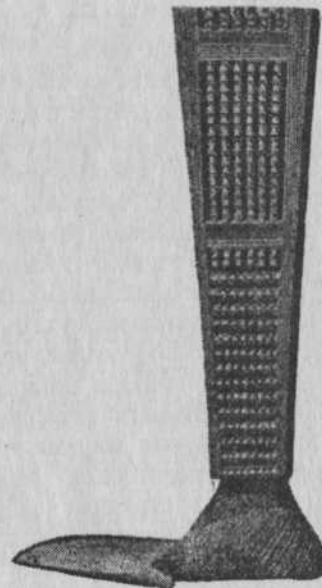
Уже въ толкованіи
созвѣздій видно начало
смѣшенія чисто аними-
стическихъ и манисти-
ческихъ идей, которое
снова всюду выступаетъ
въ области толкованія
и почитанія природы.
Анимистическія пред-
ставленія въ чистомъ
видѣ рѣдко можно при-
вести съ полной увѣ-

употребляется по необходимости, для обозначенія понятія, которое,
къ сожалѣнію, не имѣетъ соответствующаго слова на нашемъ языкѣ.
Южнославянскій обычай бить въ рождественскую ночь плодовые деревья
и приговаривать: „Бью тебя рогами, бей меня плодами“, чтобъ въ буду-
щемъ году они лучше исполняли свои обязанности—носить анимистиче-
скій характеръ; или, напримѣръ, одинъ человекъ заноситъ топоръ
надъ деревомъ, а другой удерживаетъ его руку и говоритъ: „Не
руби его, оно будетъ приносить плоды!“ Здѣсь, слѣдовательно, душа
дерева не столько задобривается любезностями, какъ застрачивается

угрозами. Навѣрно, индусъ сталъ
серьезно почитать лотосъ сначала по-
тому, что клубки и плоды его были
главной пищей въ древнія времена,
да и теперь мѣстами, напр. въ вер-
ховьяхъ Нила, они составляютъ лю-
бимое кушанье и главный предметъ
погребленія. Другія растенія обя-
заны тѣмъ почитаніемъ, которое имъ
оказываютъ, своему отношенію къ
огню; такъ какъ изъ дерева можно
добыть огонь сверленіемъ и треніемъ,
легко возникаетъ мысль, что искра
дремлетъ въ нѣкоторыхъ породахъ
деревьевъ и треніемъ лишь принуж-
дается къ появленію. Въ Ведахъ часто
упоминается о выростаніи огня въ
растенияхъ и вмѣстѣ съ ними. Съ
подобнымъ представленіемъ связаны
тогда мѣны, а при случаѣ, и обряды
культа. Очень распространенная вѣра,
что извѣстные люди могутъ входить
въ сношенія съ извѣстными деревья-

ми, есть уже переходъ къ манистическимъ идеямъ; обыкновенно,
при рожденіи ребенка садятъ дерево, съ жизнью котораго тогда
связана жизнь ребенка; если дерево завянетъ и умретъ, умретъ и
человѣкъ, и наоборотъ. Въ Европѣ и Африкѣ этотъ обычай очень
распространенъ, а въ области распространенія малайской расы, хотя
также принято садить дерево при рожденіи, но больше для того,
чтобъ получить родъ мѣрила для лѣтъ растущаго.

Какъ отдѣльное дерево, такъ и весь лѣсъ можетъ быть
одаренъ жизнью, съ той разницей, что живущіе здѣсь духи могутъ
свободнѣ двигаться, чѣмъ души, связанныя съ отдѣльнымъ расте-
ніемъ. Во многихъ случаяхъ считаютъ лѣсныхъ духовъ призра-

Священный топоръ жителей
острова Гервея, Полинезія.

ками, но не всегда. Часто анимистическіе призрачные обитатели лѣса бываютъ злы и живы, какъ напримѣръ Аравіани, лѣспалъ женщина древнихъ индусовъ, которая повелѣла вырасти въ лѣсной чашѣ ядовитымъ плодамъ и вызвала обманчивые голоса и образы въ лѣсной глуши. Племя удурина, въ области Амазонки, вѣрить въ черта-людовѣда съ большой бородой и изрыгающей пламя пастью, по имени Манипуаре; Аира—эхо—естъ, наоборотъ, карла, живущій на верхушкахъ высокихъ деревьевъ и старающійся ввести въ обманъ охотника. Подобные же злые духи населяютъ дѣвственные лѣса Африки и Австраліи. Боле дружелюбны боги фивновъ, во главѣ которыхъ стоитъ Таню и жена его, Мэлники, подательница меду и медоваго питья.

Анимистическое почитаніе рѣкъ встрѣчается сравнительно часто, но и часто находится подъ вліяніемъ манистическихъ представленій, которыя трудно ясно рагравичить. Здѣсь, гдѣ опасность глубины воды и переменчивое счастье рыбной ловли явно угрожаютъ и опредѣляютъ положеніе человѣка, непосредственное противодѣйствіе, т. е. культъ, обыкновенно развивается сильнѣе, чѣмъ принадлежащее къ нему мѣологическое толкованіе. Такъ, напримѣръ, живущіе на Амурѣ гиллаки предпринимаютъ весною, при вскрытіи рѣкъ, торжественное плаваніе на судахъ для жертвоприношенія, при чемъ они бросаютъ въ воду ягоды, мясо рыбъ, просо, табакъ и т. под.; но ясныя мѣологическія понятія о существѣ рѣчнаго духа при этомъ едва-ли возникаютъ или существуютъ въ самыхъ слабыхъ зачаткахъ. Подобныя рѣчныя жертвы до сихъ поръ въ обычай даже въ Россіи; одинъ путешественникъ наблюдалъ еще въ послѣднее время, что, приступая къ плаванью по Двинѣ, каждый пассажиръ бросалъ въ воду мѣдную монету; а при проѣздѣ черезъ стремнины р. Меты, капитанъ бросалъ въ рѣку соль и хлѣбъ со словами: „Матушка Мета, мы приносимъ тебѣ хлѣбъ-соль, будь милостива къ намъ!“ Подобнымъ же образомъ кафръ проситъ рѣку, которую долженъ переплыть, не поглотить его, и при этомъ бросаетъ въ воду камень. Водяныя божества часто имѣютъ видъ змѣй, при случаѣ и другихъ водяныхъ животныхъ. Слѣдовательно, они считаются вспыльчивыми и раздражительными, такъ какъ охотно наносятъ вредъ внезапной прибывлю воды и въ особенности, повидимому, не любятъ попытокъ построить мостъ черезъ рѣку. У народовъ классической древности постройка мостовъ считалась поэтому рискованнымъ предпріятіемъ, опасности котораго могла устранить лишь особая каста жрецовъ, знакомыхъ съ необходимыми для того молитвами и жертвами; еще теперь, съ странной наслѣдственностію, папа носитъ титулъ Pontifex Maximus—начальника цеха священниковъ-мостростроителей въ древнемъ Римѣ. Долгое время терибль Тибръ только

одинъ мостъ на себѣ, Pons sublicius, при постройкѣ котораго могло быть употреблено только дерево и ни одного атома желѣза. И въ Афинахъ существовало жреческое поколѣніе Гасфоратовъ, которое должно было держать въ порядкѣ мостъ черезъ Иллісѣ.

Культъ камней и горъ всего менѣе развится, какъ своеобразное анимистическое вѣрованіе. Кажется, впрочемъ, что съ особеннымъ видомъ камней, скалъ и горъ легко связываются соответствующія легенды, какъ и въ настоящее время въ Европѣ; достаточно извѣстны, напримѣръ, каменные отломки, которые дьяволъ хотѣлъ бросить въ христіанскія церкви и носяшіе до сихъ поръ слѣды его когтей. Вѣроятно, дьяволъ здѣсь занялъ мѣсто языческихъ божествъ. Классическая древность имѣетъ совершенно подобныя легенды: островъ Нисирозъ, напримѣръ, считался кускомъ скалы, оторваннымъ отъ остр. Косъ Посейдономъ, чтобъ бросить имъ въ великановъ, а Ливабетозъ, у Афинъ, былъ горой, которую Паллада-Афина несла для укрѣпленія Акрополиса, но она выскальзнула изъ ея рукъ. Особенно богаты легендами объ удивительныхъ утесахъ спутанные мѣны западно-американскихъ индѣйцевъ. Эти легенды, которыя, конечно, легко опять смѣшиваются съ манистическими идеями, бываютъ иногда поводомъ къ настоящему культу. Многое изъ того, что обозначаютъ довольно неяснымъ собирательнымъ словомъ фетишизмъ, возвращаетъ насъ назадъ къ склонности подозрѣвать во всякой удивительной игрѣ природы нечто сверхъестественное или какія то магическія силы.

У земледѣльческихъ народовъ легко возникаетъ мысль, что и плодородная земля одушевлена—представленіе, изъ котораго въ высшихъ мѣологіяхъ часто развивалась большая часть божествъ женскаго рода, такъ какъ земля, восприимчивая, оплодотворенная мать всего живого, имѣетъ вполне женскую характерную черту. Въ дѣтски-простыхъ формахъ является культъ земли еще у племени мундари, въ Бенгаліи: здѣсь дѣвушки гладятъ землю во время своихъ праздничныхъ танцевъ, чтобъ она пришла въ хорошее настроеніе духа и дала богатую жатву.

Контрастомъ находящейся въ покоѣ землѣ являются воздухъ и вѣтеръ, анимистическое почитаніе которыхъ сильно выступаетъ въ древнѣйшихъ арійскихъ мѣологіяхъ. Подобное воплощеніе бури есть Германскій Воданъ, „дивій охотникъ“, который подъ различными именами—Роденштейнера, Гакельберента, въ Англіи даже Франца Драго—еще и теперь совершаетъ свои почные переходы. основная анимистическая черта явленія сильнѣе и длительнѣе, чѣмъ всѣ мѣологическія толкованія. По изслѣдованіямъ Вильгельма Рошера греческій богъ, Гермесъ, былъ также богъ вѣтра, какъ и Посейдонъ, который въ послѣдствіи сталъ владыкой моря.

Вокруг явления огня, на половину ласкового, наполовину коварного, охотно обвиваются анимистическія идеи. Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ легко можетъ понадобиться непосредственное противодѣйствіе, культъ развивается сильнѣе, чѣмъ мифологическое толкованіе: приносятъ жертвы огню, бросаютъ часть каждаго кушанья въ пламя и т. под., не давая себѣ яснаго отчета, какого рода духъ живетъ въ огнѣ. Даже у народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени, культъ огня, болышею частью, заключаетъ въ себѣ что-то неясное

Веслоподобный священный снарядъ жителей остр. Гервея. Полинезія.

и вслѣдствіе этого постепенно отступаетъ на задній планъ или приспособляется къ другимъ мифологическимъ образамъ; священные огни иранцевъ, грековъ—въ Афинахъ въ Пританеонѣ, въ Дельфахъ и Олимпіи, римлянъ—въ храмѣ Весты, не были уже абсолютною цѣлью. Только въ древней Индіи выработалось дѣйствительное божество огня, Агни, которому, можетъ быть, соответствуетъ на сѣверѣ Локи. Священные огни, обслуживаемые дѣвами, встрѣчаются въ очень многихъ мѣстахъ и даже существовали у культурныхъ народовъ древней Америки, какъ напр. у Майя, въ Юкатанѣ.

Отъ мифологическаго толкованія отдѣльных предметовъ и явленій природы скоро доходятъ до болѣе глубокихъ, загадочныхъ вопросовъ бытія. Какъ ни мало склонны первобытные люди слишкомъ глубоко задумываться о вещахъ, тѣмъ не менѣе, кажется, нѣтъ ни одного народа, который бы не старался найти какой-нибудь отвѣтъ на вопросъ о своемъ происхожденіи и вообще о происхожденіи земли и людей. Мучительный горизонтъ безконечности и вѣчности кое-какъ замыкается легендой, которую довольствуются простые умы. Нѣкоторыя попытки объясненія постоянно возобновляются. Удивительное образование нѣкоторыхъ животныхъ изъ яицъ особенно часто возбуждало фантазію, поэтому охотно допускаютъ происхожденіе всего свѣта или, по крайней мѣрѣ, человѣчества изъ яицъ, болышею частью не очень добываясь отвѣта—откуда же могли взяться эти яйца. Во всей области малайо-полинезійской расы находятся слѣды подобной легенды: полинезійскій богъ, Тангароа, выходитъ изъ яйца и создаетъ затѣмъ все остальное; по новозеландскому преданію, изъ плавающего въ морѣ яйца вышли первые люди вмѣстѣ съ лодкой и съ помощью ея достигли берега; на Фиджи—первые люди вышли изъ яицъ кулика. Иногда началомъ считаютъ загадочную птицу—великана, которая кладетъ яйцо міра, но ея собственное происхо-

жденіе остается во мракѣ: по сказаніямъ баттаковъ, въ началѣ была курица, сидѣвшая на трехъ большихъ яйцахъ и высидѣвшая мальчика и двухъ дѣвочекъ. Преданіе объ яйцѣ міра повторяется и у индѣйцевъ, китайцевъ, грековъ, финикянъ и урало-алтайцевъ. Другая группа легендъ о сотвореніи ставитъ въ начало вещей великановъ или баснословныхъ животныхъ, которыхъ убиваютъ боги или люди и изъ ихъ тѣла и крови образуется земля и море.

Другіе мифы неоспоримо связаны съ творческой дѣятельностью самого человѣка, которую переносятъ на божественныя существа. Библейское сказаніе о сотвореніи человѣка есть напоминаніе о гончарномъ ремеслѣ и вообще о лѣпкѣ изъ глины; параллелью ему служитъ преданіе сіуксовъ, по которому первые люди произошли изъ трубочной глины. Тамъ, гдѣ существуютъ глиняные идолы (рис. стр. 782), подобныя представленія возникаютъ очень легко: въ другихъ мѣстахъ, людей считаютъ происшедшими изъ камня или дерева, смотря по преобладающей техникѣ. Въ особенности распространена идея, что люди были сначала несовершенными созданиями или сросшимися вмѣстѣ, послѣ чего должно было вмѣшаться какое-нибудь божество и придать имъ ихъ настоящій видъ. Какъ преданіе подобнаго рода и притомъ очень характерный примѣръ ребяческой мифологіи, приведемъ здѣсь часть легенды о сотвореніи міра, слышанной и записанной Спенсеромъ и Гилленомъ у племенъ средней Австраліи; древній міръ, въ которомъ жили первые люди, назывался здѣсь Альхеринга.

„Въ началѣ Альхеринги, земля была покрыта соленой водой. Последняя была мало по-малу перетаянута къ сѣверу жителями этой мѣстности, которые постоянно желали ее получить и оставить для себя. Наконецъ, это намѣреніе имъ удалось, и соленая вода съ тѣхъ поръ осталась навсегда у нихъ. Тогда жили въ Алькира альдорла, т. е. въ западномъ небѣ, два существа, о которыхъ говорятъ, что они были ungamvikula, что значитъ, приблизительно, „сдѣланная изъ ничего“ или „состоящая изъ самихъ себя“. Изъ своего высокаго жилища они могли далеко, на востокъ, замѣтить нѣсколько существъ—inapertwa, т. е. недоразвившихся человѣческихъ формъ или незаконченныхъ людей, и задачей ихъ было образовать изъ нихъ мужчинъ и женщинъ. Въ это время не было ни мужчинъ, ни женщинъ, и inapertwa были различнаго вида и жили группами вдоль берега соленой воды. Они не имѣли ни опредѣленныхъ членовъ, ни органовъ чувствъ, не могли ѣсть, имѣли вообще видъ человѣческихъ существъ, раздувшихся въ круглую массу, такъ что нельзя было ясно различить контуры разныхъ частей тѣла. Когда же Унгамбикула, вооруженные своими ладьями или большими каменными ножами, спустились съ западнаго неба, они схватили inapertwa

одного за другимъ. Сначала были освобождены руки, затѣмъ сдѣланы пальцы четырьмя надрѣзами на концѣ каждой руки; подобнымъ же образомъ придѣланы ноги и ножные пальцы. Фигура могла теперь стоять; тогда былъ сдѣланъ носъ и просверлены пальцами ноздри. Надрѣзъ ножемъ образовалъ ротъ, который нѣсколько разъ раздвигали, чтобъ сдѣлать его подвижнымъ. Разрѣзъ съ обѣихъ сторонъ отдѣлилъ верхнія вѣки отъ нижнихъ, такъ что освободились существовавшіе уже глаза; еще нѣсколько надрѣзовъ закончили формы тѣла, и такимъ образомъ инапертва были преобразованы въ мужчипъ и женщинъ“.

Другая дѣятельность людей—вытаскиваніе рыбы удой или сѣтью—дала возникнуть въ области, обитаемой полинезійцами, очень распространенной легендѣ, что острова моря выловлены на поверхность

Глиняный идолъ цуи, сѣв. Америка.

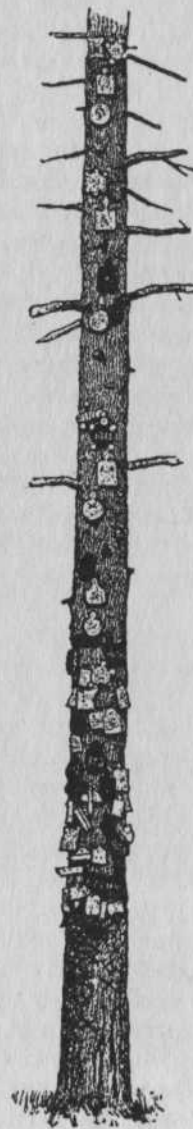
богами. Менѣе ясна логическая связь сказаній о созданіи людей посредствомъ бросанія камней, какъ это мы видимъ въ греческихъ преданіяхъ о Девкаліонѣ и Пиррѣ. Мнѣніе Макса Мюллера, что здѣсь лежитъ въ основаніи лишь игра словъ *ἰαος* (народъ) и *ἄιας* (камень), не особенно вѣско, такъ какъ и во внутренней Гвіанѣ мы находимъ, по сообщенію Р Шомбургка, преданіе, что первые люди увеличили свое число, бросая назадъ камни и плоды.

Было бы странно, если бы въ легендахъ о сотвореніи не проявлялось вліяніе магическихъ представленій. Вѣдь всюду начало охотно связывается съ концомъ! Наблюдая возникающую новую жизнь изъ смерти, ставятъ и смерть нѣкоторымъ образомъ въ начало вещей, и представленія о состояніи послѣ смерти и о бытіи въ другомъ мірѣ—переносятъ во времена начала всякаго бытія. Многіе мифы, производящіе первыхъ людей изъ животныхъ и растений, тѣсно связаны съ тотемистическимъ вѣрованіемъ, что умершіе воплощаются въ извѣстныхъ животныхъ или растений. Гдѣ господствуетъ культъ камней, какъ у онеидовъ, гдѣ, слѣдовательно, думаютъ, что предки продолжаютъ жить въ скалахъ и каменныхъ глыбахъ, тамъ считаютъ, что первые люди произошли изъ камней. Подземное царство мертвыхъ мы встрѣчаемъ снова въ томъ представленіи южноамериканскихъ индѣйскихъ племенъ, что люди сначала живутъ подъ землей, пока не найдутъ отверстія, черезъ которое часть ихъ и выходитъ на поверхность. И манданы думаютъ, что происходятъ отъ подземныхъ предковъ, между тѣмъ, какъ нѣкоторыя племена банту,

въ южной Африкѣ, считаютъ, что люди вышли изъ пещеры. Наконецъ, съ разложеніемъ тѣла непосредственно связанъ мифъ, распространенный въ Самоа и Тонга, что люди произошли изъ червей.

Часто при этомъ смѣшиваются различныя толкованія, или какое-нибудь божественное существо считается истиннымъ создателемъ всего, но ему помогаютъ другія, такъ что здѣсь одинъ мифъ насаживается на другой. Часто думаютъ также, что до настоящаго человѣчества существовало уже другое, которое было уничтожено, исключая немногихъ отдѣльныхъ лицъ; уничтоженіе приписываютъ, обыкновенно, потопу, рѣже огню. Рихардъ Андра, собравшій все сколько-нибудь доступныя легенды о потопѣ, приводитъ ихъ болѣе восьмидесяти. Онъ указалъ, что онѣ существуютъ не у всехъ народовъ земли; ихъ нѣтъ въ Аравіи, въ средней и сѣверной Азии, въ Китаѣ и Японіи; мало въ Европѣ и еще меньше въ Африкѣ. За то въ Австраліи, Полинезійи и въ Америкѣ ихъ очень много. Библейская легенда о потопѣ, съ точки зрѣнія общаго изслѣдованія религій, можетъ, конечно, считаться лишь одной изъ многихъ; она вавилонскаго происхожденія и возникла въ низменности устьевъ Евфрата и Тигра, часто подвергающейся наводненіямъ. Суэзь старался доказать, что въ основаніи ея лежитъ дѣйствительное геологическое событіе. Въ общемъ, вѣроятно, представленіе о происхожденіи міра изъ воды и естественный вопросъ: что же было до первоначальной воды—дали первый толчекъ къ легендамъ о потопѣ: какъ, мѣстами, къ сказанію о міровомъ яйцѣ была придумана первобытная птица, снесшая это яйцо, такъ и изъ мифа о первобытной водѣ возникла легенда о потопѣ, какъ единственное дальнейшее его развитіе, которому тогда прототипомъ, само собою разумѣется, послужили явленія природы.

Одна группа очень простыхъ мифовъ старается рѣшить вопросы о возникновеніи различія между человѣческими расами и о причинѣ смерти. Такъ, напримѣръ, въ Африкѣ найдены многочисленные отвѣты, очень схожіе между собою въ главныхъ чертахъ. Расовое отлічіе и разница въ способностяхъ бѣлыхъ и черныхъ людей объясняются обыкновенно тѣмъ, что изъ двухъ братьевъ одинъ ку-

Дерево мертвыхъ у финновъ

пазся въ рѣкѣ, а другой нѣтъ, и что создатель даетъ имъ на выборъ различныя дары, при чемъ бѣлый выбираетъ книгу, изъ которой черпаетъ свою мудрость. Легенды по вопросу, почему люди должны умереть, влоняются большею частью къ ребяческому разсказу, что съ неба былъ посланъ вѣстникъ—обыкновенно, животное—чтобы обѣщать людямъ безсмертіе, но перепуталъ слова и тѣмъ сталъ иричиной смерти.

Къ самымъ примитивнымъ мифологическимъ разсказамъ принадлежатъ, наконецъ, легенды, которыя должны разъяснить, какимъ образомъ явился огонь у людей; благодаря короткой памяти народовъ, и это, чисто человѣческое пріобрѣтеніе представляется даромъ высшихъ существъ или сверхъестественнымъ благомъ, полученнымъ хитростью. Большею частью крадутъ огонь птицы: ихъ яркочерныя или черныя, какъ уголь, перья еще указываютъ на ихъ дерзновенный поступокъ. У тлинкитовъ, въ сѣверо-западной Америкѣ, Гельхъ, воронъ, достаетъ огонь съ одного острова на морѣ и при этомъ страшно обжигается; далѣе на югъ, у племенъ нутка, волки считаются первоначальными властителями огня или матеріаломъ для добыванія огня треніемъ, а у волковъ крадетъ ихъ дятель; другіе обитатели этой области считаютъ, что огонь принесенъ оленемъ. На Гаити огонь добытъ для людей цаплей и птицей отатаре. Какъ изъ такихъ наивныхъ разсказовъ возникаютъ могучія и поэтическія мифологическія произведенія, показываетъ величественная греческая легенда о Прометѣе, въ которой воплощается цѣликомъ исполинская борьба человѣчества за культуру. Это развитіе простыхъ мифическихъ начатковъ въ глубокія творенія мысли есть показатель, что вмѣстѣ съ культурой растутъ и зародыши религіи. Болѣе глубокой смыслъ не есть первоначальный, какъ это мѣтко выразилъ Джонъ Рёскинъ: «Нельзя создать мифа, не имѣя того, изъ чего его создать. Если мифъ имѣетъ отношеніе къ небу, онъ долженъ былъ быть созданъ тѣмъ, кто возносилъ взоры къ небу. Если мифъ касается справедливости и душевной твердости, создавшій его долженъ былъ знать, что значить быть справедливымъ и имѣть твердость духа. По значенію человѣка получаетъ значеніе и его басня; понятно, что мифъ простого и бездарнаго народа мало что говоритъ, такъ какъ такой народъ мало имѣетъ что сказать».

Всякое анимистическое воззрѣніе на природу выводитъ, нѣкоторымъ образомъ, духъ человѣка наружу и окружаетъ его существами, которыя чувствуютъ и дѣйствуютъ, какъ онъ. Отсюда одинъ шагъ до мысли, что души умершихъ, оживляющіе природу и старающіеся вліять на насъ, суть настоящіе люди. Дѣйствительно, уже въ этомъ нашемъ обзорѣ выяснилось, что манистическія идеи настолько смѣшиваются съ чисто-анимистическими, что часто различить ихъ не-

Погребеніе мертвыхъ у гиліковъ.

возможно. Всюду выступает культъ мертвыхъ, въ своихъ разнообразныхъ формахъ, и рѣшительно вліяетъ на дѣйствія и мысли первобытнаго человѣка; но его главная побѣда не на самыхъ низшихъ или самыхъ высшихъ ступеняхъ культуры, а въ томъ широко среднемъ слѣдѣ развитія, который уже знакомъ съ обладаніемъ цѣнныхъ земныхъ благъ, но не пробилъ еще стѣсняющаго покрыва глухой боязни духовъ. Здѣсь мертвый кажется иногда могущественнѣе и опаснѣе живого.

Черепные маски изъ Нов. Помераніи, Меланевія.

Самые простые виды культа мертвыхъ происходятъ непосредственно изъ страха привидѣній, который въ необразованныхъ умахъ можетъ принять поистинѣ чудовищныя формы. Здѣсь опять проявляетъ свою силу простой законъ — чѣмъ непосредственнѣе дѣйствуетъ страхъ или надежда, тѣмъ сильнѣе и крѣпче развиваются обряды культа, и долгое время почти не является попытокъ логически истолковать событія. Нигдѣ поступки не бываютъ такъ рѣзки и бурны, нигдѣ разумныя объясненія или мнѣологическія научныя системы не бываютъ такъ скудны, какъ въ зачаткахъ культа мертвыхъ.

У неосѣдлыхъ народовъ, не прикрѣпленныхъ твердо къ землѣ и съ легкимъ сердцемъ покидающихъ то мѣсто, гдѣ покоятся ихъ умершіе, не очень сильна боязнь привидѣній; но какъ только народъ становится осѣдлымъ и приобретаетъ недвижимое имущество, положеніе совершенно мѣняется. Уже раньше указано, что умершему часто вполне предоставляютъ жилище и имущество, даже срубаютъ принадлежавшія ему плодовые деревья, убиваютъ его стада; лошадей или ѣздовыхъ собакъ (см. прил. рисунокъ „Погребеніе мертвыхъ у гилковъ“) и тѣмъ наносятъ себѣ тяжелый хозяйственный ущербъ. Если хотятъ избѣгнуть

этого ущерба и въ же время удержать мертваго отъ мести потомкамъ за захватъ его имущества, то стараются отпугнуть или сбить съ пути привидѣніе, чтобъ оно не вернулось въ свое жилище. Очень употребителенъ для этого способъ поднимать страшный шумъ вслѣдъ за удаляющимися носилками, кричать и стрѣлять, а также махать платками и вѣтками, чтобъ выгнать душу изъ дома. Даже китайцы имѣютъ еще ребяческій обычай носить по всему дому самоубійцы собаку, которой только что отрубили хвостъ, чтобы

воемъ истязаемого животнаго заставить удалиться призрачнаго обитателя. На Магадаскарѣ предохраняютъ себя отъ призраковъ бросаніемъ камней; у многихъ племенъ въ Гвианѣ стараются напугать мертвеца дикими угрозами, обращенными къ трупу. По одному обычаю, встречающемуся въ Индонезіи, рассчитывая обмануть умершаго, трупъ выносятъ не въ дверь хижины, а въ отверстіе, пробитое въ стѣнѣ, которое потомъ опять закрываютъ, чтобъ привидѣніе не нашло обратнаго пути; слѣдовательно, здѣсь мы видимъ обратное примѣненіе „закона чертей и привидѣній“, о которомъ упоминаетъ Мефистофель. По Эренрейху, многія племена Ориноко относятся болѣе привѣтливо къ своимъ умершимъ; отъ ложа умирающаго протягивается веревка въ лѣсъ, чтобъ душашла по ней дорогу изъ дома и не оставалась въ хижинѣ. Пока, впрочемъ, есть надежда, что душа борящагося со смертью вернется въ тѣло, во многихъ случаяхъ нѣтъ недостатка въ усиліяхъ ее удержать. Такъ, напримѣръ, китайцы стараются привлечь ее обратно музыкой или прогнать въ комнату больнаго шумомъ и ракетами, такъ что происходитъ настоящая охота на душу, не представляющая, впрочемъ, какъ свидѣтельствуемъ Гукъ, пустой формальности, а часто соединенная съ проявленіями глубочайшаго горя дѣйствительнаго отчаянія.

Нигдѣ не ожидаютъ особеннаго добра отъ привидѣній; скорѣе приписываютъ имъ склонность къ шуткамъ и вреднымъ дѣйствіямъ, или даже боятся, что они влѣзутъ въ тѣло спящаго и произведутъ въ немъ тяжелыя болѣзни. Эти идеи украшены фантазіей въ ужасномъ повѣрью о вампирахъ, которое получило особенное развитіе у славянскихъ народовъ. У финновъ вѣшаютъ на опредѣленные „деревья мертвыхъ“ памятные дощечки и думаютъ этимъ помѣшать мертвецу пройти мимо дерева къ своему прежнему жилищу (рис. стр. 783). Только одна ласковая черта освѣщаетъ кое гдѣ эту мрачную картину: повѣрете, что матери, оставившія послѣ себя маленькихъ, безпомощныхъ дѣтей, возвращаются ночью, чтобъ поласкать и покормить своихъ малютокъ. Въ Европѣ, въ Китаѣ и въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ это повѣрье, которое даже въ этой странной и дикой области мышленія указываетъ на предчувствіе того, что значить теперь для насъ материнская любовь, какъ первый родникъ добрыхъ и благородныхъ чертъ человѣчества.

Безчисленное количество людей живущихъ въ страхѣ привидѣній, пришли бы въ смущеніе, если бы у нихъ потребовали болѣе точнаго опредѣленія, какъ они представляютъ себѣ привидѣнія и, вообще, продолженіе жизни людей послѣ смерти; не то, чтобъ былъ недостатокъ во мнѣніяхъ объ этомъ, но всѣ они почти всегда неясны и спутаны, и самые противорѣчивые взгляды мирно уживаются рядомъ. Дѣтская логика первобытныхъ племенъ и даже менѣе образо-

ванныхъ слоевъ культурныхъ народовъ прекрасно мирится съ такими противорѣчіями, которыя могли бы привести въ отчаяніе мыслящій умъ. То, что духъ, который впослѣдствіи самостоятельно носится всюду, уже долженъ былъ прежде жить въ тѣлѣ живущаго и какъ-нибудь проявляться, для всѣхъ, конечно, ясно, но о его настоящей сущности мнѣнія сильно расходятся. Во многихъ случаяхъ думаютъ, что жизненная сила или душа воплощена въ дыханіи, которое у умирающаго, повидимому, покидаетъ тѣло съ послѣднимъ вздохомъ, какъ напримѣръ, указываетъ греческое слово *пнеѳра* (дыханіе, душа); въ Ниагѣ, старшій сынъ или другой ближайшій родственникъ обязанъ поймать это дыханіе ртомъ и тѣмъ перенести на себя жизненную силу умершаго. Еще чаще душой человѣка слыветъ его тѣнь; у эскимосовъ, такъ же какъ и у маори, встрѣчаемъ мы этотъ взглядъ, слѣды котораго можно указать и у народовъ классической древности и въ Китаѣ. Маори имѣютъ также близкое этому мнѣнію, что отраженіе человѣка въ водѣ есть его душа. Въ единичныхъ случаяхъ душой человѣка считаютъ теплоту тѣла, которая отлетаетъ при смерти, или думаютъ, что душа живетъ въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла—въ сердцѣ, въ мозгу, въ печени, почкахъ и, наконецъ, въ крови.

Въ какомъ же положеніи находится душа, покинувъ тѣло умершаго? Не всегда, повидимому, приписываютъ ей человѣческій образъ, такъ какъ мы часто слышимъ о привидѣніяхъ въ видѣ огоньковъ, неясныхъ туманныхъ фигуръ, звѣрей и т. под. Призраки, выступающіе во время танцевъ масокъ, большею частью странные, фантастическіе образы (сравни. рис. стр. 165 и 173), хотя кое гдѣ пытаются превратить самый черепъ умершаго въ маску и придѣлать къ нему лицо, которое, разумѣется, должно походить на лицо умершаго (рис. стр. 786). Конечно, допускаютъ, что привидѣнія, большею частью, невидимы, но что люди, особенно одаренные, могутъ ихъ видѣть; многія животныя, какъ лошади и собаки, также считаются духовидцами; при подходящихъ условіяхъ призраки могутъ сдѣлать себя видимыми для всѣхъ. Когда они сохраняютъ человѣческій образъ, имъ охотно присваиваютъ то состояніе, въ которомъ ихъ постигла смерть: убитые и искалѣченные являются со своими ранами, умершіе въ преклонномъ возрастѣ—древними стариками, дѣти и черезъ нѣсколько лѣтъ сохраняютъ то же физическое развитіе, котораго достигли при жизни. Многіе обычаи связаны непосредственно съ этими вѣрованіями или же вновь ими мотивированы: по свидѣтельству

Могильный столбъ, Борнео.

Краузе, тлинкиты сжигаютъ своихъ мертвыхъ для того, чтобы и на томъ свѣтѣ имъ было всегда тепло и свѣтло; охота, за черепами на Соломоновыхъ островахъ объясняется еще тѣмъ, что обезглавленные враги и на томъ свѣтѣ должны будутъ жить безъ головъ, какъ это доказываетъ явленіе ихъ призраковъ. Многіе негры боятся долгой болѣзни передъ смертью, которая ихъ сдѣлаетъ худыми и безсильными; этотъ страхъ встрѣчается и въ др. мѣстахъ; отвращеніе сѣверныхъ воинственныхъ народовъ къ „смерти на солонѣ“ навѣрно основано первоначально на такихъ же идеяхъ. У повѣшенныхъ, душа, по мнѣнію арапаговъ-индѣйцевъ, вообще не можетъ выйти изо рта и должна остаться въ тѣлѣ, не будучи однако въ состояніи вновь оживить его.

Рядомъ съ этими воззрѣніями, всюду на землѣ выступаетъ вѣра, что большая часть привидѣній является въ видѣ бѣлыхъ фигуръ, вѣра, которая привела во многихъ частяхъ свѣта къ убѣжденію, что европейцы ничто иное, какъ духи умершихъ. Охотно представляютъ себѣ также духовъ въ видѣ карликовыхъ существъ; большую часть сказаній о карлахъ должно толковать въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, сказаніе о карликахъ, оказывающихъ помощь, подъ которыми надо подразумѣвать умершихъ членовъ семьи, исполняющихъ привычную имъ работу.

Но всего чаще считаютъ, что умершіе вновь воплощаются въ звѣрей или растенія, или что они вновь рождаются въ видѣ дѣтей; философски обработанная идея индусовъ о переселеніи душъ известна большинству первобытныхъ народовъ, съ той разницею, что у нихъ она обыкновенно является въ ребячески-нелогичной формѣ. Какъ тѣсно связаны съ этимъ воззрѣніемъ тотемизмъ и соединенныя съ нимъ легенды, уже было упомянуто въ другомъ мѣстѣ; но и у культурныхъ народовъ удивительно упорно сохранилось это воззрѣніе. Уже въ нѣмецкихъ сагахъ душа является въ образѣ животнаго, выходитъ въ видѣ мыши или шмеля изо рта спящаго и возвращается опять передъ пробужденіемъ. По народнымъ вѣрованіямъ

Изображеніе предка, съ остр. Целебеса, съ ящикокомъ для жертвенныхъ даровъ.

тирольцевъ, жабы — бѣдныя души; наоборотъ, въ кошечкѣ охотно воплощаются вѣдьмы, чтобы продолжать приносить зло.

У первобытныхъ народовъ, члены племени или рода переходятъ большею частью въ опредѣленныхъ животныхъ; буряты вѣрятъ, что продолжаютъ жить въ пчелахъ, бореро индѣйцы — въ арара, маори видятъ особенно въ ищерицахъ воплощеніе своихъ соплеменниковъ. Часто встрѣчающаяся въ Меланезіи и Индонезіи рѣзба въ видѣ ищерицъ указываетъ на подобныя же воззрѣнія (рис. стр. 788). И культъ змѣй, въ особенности обычай держать змѣй въ домѣ также, большею частью, основаны на этихъ идеяхъ. Часто извѣстныя животныя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ классамъ умершихъ; такъ у тхачиковъ морскія утки — духи утонувшихъ дѣтей; совы — духи новорожденныхъ, которыхъ мать задушила во снѣ. Гиляки, съ своей стороны, вѣрятъ, что всякій, убитый медвѣдемъ, превращается самъ въ медвѣдя — очень любопытное воззрѣніе, такъ какъ оно объясняетъ, почему такъ часто являются между тотемными животными — питающіеся падалью (воронъ, волкъ). Что человѣкъ имѣетъ самъ извѣстное вліяніе на свою дальнѣйшую судьбу, думаютъ, по крайней мѣрѣ, на Соломоновыхъ островахъ; по свидѣтельству Кодрингтона, умирающіе заявляли тамъ иногда, что они намѣрены вернуться въ видѣ акулы или воплотиться въ какое-нибудь растение.

Растенія и, прежде всего, деревья, какъ обиталища душъ — явленіе не рѣдкое. Тамъ, гдѣ признаютъ, что духи населяютъ чащу лѣса, считаютъ, что днемъ они спрятаны въ извѣстныхъ деревьяхъ, которыхъ иногда не осмѣливаются рубить. И деревья на могилахъ считаются воплощеніемъ мертвыхъ, какъ это рисуется очень трогательная новогреческая народная пѣсня, переданная Б. Шмидтомъ; Харонъ — древнегреческій перевозчикъ мертвыхъ, здѣсь сталъ богомъ мертвецовъ.

Харону пришло на умъ устроить садъ:

Изъ двѣухвѣткѣ — лимонныя деревья, изъ юношей — кипарисы,

Дѣтей насадилъ онъ въ рядки въ видѣ нѣжныхъ отводковъ.

Ты, мой юноша, подобный орлу! если бы мнѣ было извѣстно, гдѣ
посадить тебя!

Я бы часто туда ходила, очень часто, окроплять тебя водой,

Чтобъ ты пустилъ сучья и вѣтви и сталъ большимъ деревомъ.

Тогда ты поставилъ бы ногу на вѣтви, держался бы крѣпко за
сучья.

И вернулся бы такъ, о, свѣтъ моихъ очей, на землю,
Посмотрѣть, кто о тебѣ печалится, кто скорбитъ о тебѣ.

Наконецъ, и мысль, что недавно умершіе воплощаются въ новорожденныхъ дѣтей, очень распространена и проявляется уже въ обычаѣ давать внукамъ имена дѣдовъ. Въ Китаѣ прежде чествовали, во время обряда въ память предковъ, внука умершаго, котораго

такимъ образомъ явно считали за воскресшаго умершаго; только въ послѣдствіи центральнымъ пунктомъ обряда стала деревянная доска.

Тѣмъ не менѣе, не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что и въ тѣлесныхъ останкахъ еще держится часть души умершихъ и поэтому вовсе не безразлично, что съ ними будетъ. Ими могутъ воспользоваться враги для вреднаго колдовства, если же кто умѣетъ съ ними обращаться, тому они послужатъ неоцѣненными талисманами. Гдѣ существуетъ твердая традиція, тамъ реликвіи пользуются длительнымъ, даже все растущимъ съ годами уваженіемъ, какъ, напримеръ, мощи святыхъ католической церкви. Напротивъ того, изображеніе предковъ (рис. стр. 789) и соотвѣтствующіе тѣлесные останки у первобытныхъ народовъ, ясно доказываютъ, что въ нихъ самое дѣйствительное и важное есть лишь воспоминаніе объ умершемъ и объ его вліяніи; разъ исчезло это воспоминаніе, исчезаетъ, большею частью, и цѣна святыхъ.

Изображенія предковъ бываютъ разной величины, начиная съ маленькой гейтики новозеландцевъ, которую носятъ вокругъ шеи, или цѣлыхъ связокъ фигурокъ у залива Гатцфельда въ нѣмецкой Нов. Гвинетѣ (рис. стр. 792) и на остр. Борнео (рис. стр. 793), кончая каменными колоссами съ острова Пасхи. Также различенъ способъ ихъ храненія: самыя маленькія служатъ украшениями или носятся въ сумкахъ, большія ставятъ въ домахъ или на могилахъ. Въ Новой Зеландіи, надъ оградой, окружающей селенія, торчатъ изображенія предковъ съ высушеннымъ языкомъ, которыя должны отражать всѣ враждебныя вліянія; подобные же идолы стоятъ на берегу моря въ селеніяхъ Соломоновыхъ острововъ. Часто изображеніе предка тѣсно соединено съ какой-нибудь утварью, съ головными скамейками въ Нов. Гвинетѣ (сравни рис. стр. 499), съ сидѣльями на Насѣ, съ исполнскими барабанами изъ деревьевъ на Нов. Гебридахъ. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ склонны вообще всюду дѣлать изображенія предковъ и соотвѣтственные тотемные знаки, и какъ такимъ образомъ художественный стиль многихъ первобытныхъ народовъ получаетъ особенное направленіе. Иногда вырѣзываютъ цѣлый рядъ изображеній предковъ въ видѣ животныхъ или людей и, затѣмъ, при случаѣ, стилизуютъ ихъ до неузнаваемости (рис. стр. 794).

Тотъ фактъ, что вѣра во вліяніе болѣе старыхъ фигуръ предковъ теряется и ихъ мѣсто занимаютъ новыя, основанъ частью на короткой памяти людей, частью на недостаточной силѣ первобытнаго мышленія, которая совершенно не въ состояніи довести до конца новую мысль и безсильно останавливается посерединѣ пути. Допуская даже, что душа переживаетъ разрушеніе тѣла, все же не

доходятъ до вѣры въ вѣчную жизнь души, а лишь немного отсрочиваютъ окончательное ея уничтоженіе. Въ легендахъ многихъ первобытныхъ народовъ, напримѣръ, у бурятъ, разсказывается объ убійствѣ призраковъ. Полинезійскія мифологіи полны разсказовъ о «пожирателяхъ душъ», противъ которыхъ—на Фиджи—мертвого вооружали дубинной; только подъ влияніемъ дальнѣйшаго размысленія, эти идеи мѣстами измѣнились въ томъ смыслѣ, что пожирание душъ происходитъ лишь съ цѣлью ихъ очищенія; такъ, напримѣръ, на Таити души пожираются богами трижды и тѣмъ, наконецъ, становятся сами равными богамъ.

Въ Полинезіи часто еще дѣлаютъ различіе между душами простонародія и благородныхъ; послѣднія — безсмертны, первыя же, напротивъ, или совсѣмъ не продолжаютъ жить, или все же уничтожаются черезъ нѣкоторое время послѣ смерти. Того же возрѣнія держатся, по Валису, негритянскія племена на югѣ Танганьика. На Футунѣ, обыкновенныя души становятся мало по малу слѣпы и глухи, пока наконецъ совершенно пропадаютъ: на Нов. Гебридахъ, душа умираетъ еще на томъ свѣтѣ отъ трехъ до шести разъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. И въ древнемъ Китаѣ, повидимому, не вѣрили въ вѣчную жизнь духовъ, какъ это доказываетъ, между прочимъ, одно мѣсто въ «Шикингѣ», древнѣйшемъ сборникѣ стихотвореній. «Ничего не можетъ сдѣлать нашъ предокъ Гейтзи», восклицаетъ съ отчаяніемъ внукъ этого Гейтзи, «наши предки навѣрно уничтожены.

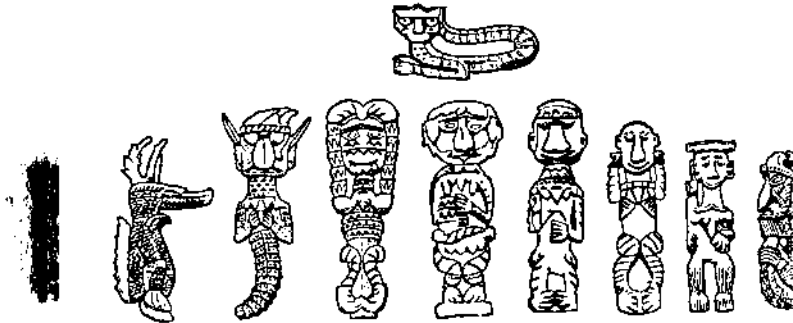
Маленькая фигура предка, заливъ Гатфелдд, вѣм. Нов. Гвиней.

Отецъ, мать, предки наши, какъ могли они это спокойно перенести!» По мнѣнію Шотта, должно было господствовать представленіе, что души предковъ сохраняютъ жизнь только вслѣдствіе постоянныхъ жертвоприношеній; это совершенно соответствуетъ примитивнымъ возрѣніямъ первобытныхъ народовъ, которыя, впрочемъ, еще очень ясно выступаютъ въ египетскомъ культѣ предковъ. Въ сущности, почти ни одинъ народъ и ни одна форма религіи не осмѣлились сдѣлать себѣ ясное представленіе о вѣчной жизни на томъ свѣтѣ; напротивъ, охотно ограничиваютъ необозримый горизонтъ неясными и логически легко оспоримыми представленіями о вѣчномъ блаженствѣ или вѣчныхъ мукахъ. Всего сильнѣе работала надъ разрѣшеніемъ чудовищной задачи гевій индійскаго народа.

Вопросъ—гдѣ же пребываетъ неисчислимое количество душъ?—сильно занималъ фантазію первобытныхъ народовъ и привелъ, въ большинствѣ случаевъ, къ признанію особеннаго царства мерт-

выхъ. Подобныя преграды мысли здѣсь постоянно повторяются. Обычай предавать землѣ мертвыхъ (рис. стр. 796 и 797) ведетъ къ представленію, что страна мертвыхъ находится подъ землей; удивительно, что это понятіе и даже названіе этой страны (полинезійское Ро, у племени ольтша—Вун, у финновъ—Pohjola, и т. д.) распространено отъ Тихаго океана черезъ всю сѣв. Азію до Европы. Для примѣра возьмемъ описаніе страны Вун у ольтша, словами фонъ Шренкса: «Она точно также устроена», разсказываетъ ему ольтша Хоссламбо, «какъ эта страна (земля), съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами; имѣетъ свой Мангу (р. Амуръ), горы и всѣхъ животныхъ и растенія, какія и здѣсь есть, различныя народы и семьи, которые занимаются своимъ дѣломъ, какъ и здѣсь. Но все это съ той разницей, что когда здѣсь лѣто, тамъ лежитъ снѣгъ и ледъ и въ

Идолы изъ Саравакъ, сѣв. Борнео.

странѣ Вунъ ѣздятъ на собакахъ, и наоборотъ; а когда здѣсь день, тамъ ночь и всѣ спятъ. И судьба жителей Вунъ находится въ обратномъ отношеніи къ судьбѣ здѣшнихъ людей: если они тамъ въ какой-нибудь годъ наловятъ много рыбы и убьютъ много медвѣдей, здѣсь въ то же время ловится мало рыбы и убивается мало медвѣдей, и наоборотъ. На знаніи этихъ отношеній основаны предсказанія шамановъ, которые имѣютъ власть добровольно отправиться въ страну Вунъ и опять вернуться сюда, что не дано простому смертному, который, разъ отправившись въ страну Вунъ, никогда какъ человекъ, не возвращается уже на землю». Души въ Вунъ не безсмертны; но ольтша сдѣлала попытку соединить идею перехода ихъ въ растенія съ идеей о царствѣ мертвыхъ. А именно, по ихъ мнѣнію, если умираетъ обитатель страны Вунъ, онъ превращается въ растеніе на землѣ и въ этомъ видѣ возвращается къ людямъ; но погибаетъ ли онъ окончательно вмѣстѣ съ растеніемъ, не выяснено.

Большое сходство со страной мертвых у племени ольшти имѣтъ страна мертвых у камчадаловъ, по сообщенію Штеллера; и животныя продолжали жить въ этой странѣ, которая, вообще, была теплѣе и богаче пищей, чѣмъ Камчатка. Во многихъ татарскихъ легендахъ упоминается о подземномъ мірѣ, въ которомъ разные герои имѣютъ опасныя приключенія; конечно, это—необозримая степная страна, какъ и родина татарскихъ племенъ. Аріискіе народы Европы восприняли въ свои мѣологии представленіе о подземномъ царствѣ мертвыхъ (Гадесъ, Нифльгеймъ) и, сливъ его съ другими представленіями о томъ свѣтѣ, выработали системы, которыя пытались удовлетворить и нравственнымъ требованіямъ, вопросу о наградахъ и наказаніяхъ на томъ свѣтѣ. Мы еще вернемся къ этимъ идейнымъ исканіямъ. До настоящаго времени, воспоминаніе о подземной странѣ, обитаемой душами, сохранилось въ легендахъ о горѣ Венеры и о спящихъ въ горахъ герояхъ; нѣмецкая легенда о Барбароссѣ извѣстнѣе другихъ, но и въ Венгріи живучи подобныя сказанія, даже въ такой степени, что по показанію Виллохиса, даже знаменитые умершіе новѣйшаго времени, какъ Людвигъ Комутъ или кронпринцъ Рудольфъ, не умерли дѣйствительно, по народному повѣрью, а удалились въ горы.

Другая большая группа представленій о царствѣ мертвыхъ связана съ кажущейся смертью солнца и луны на западѣ: дорога, по которой движутся къ закату эти блестящія свѣтила, есть въ то же время дорога мертвыхъ; таинственная страна, въ которую погружаются первыя, есть обитель умершихъ. Большая часть народовъ и, прежде всего, прибрежные жители думаютъ, что царство мертвыхъ находится на далекомъ островѣ, на западѣ; мѣстами, считаютъ этотъ островъ однимъ изъ настоящихъ острововъ, о которыхъ имѣются неточныя свѣдѣнія (Британскіе, Канарскіе острова); еще чаще, страна, обитаемая душами, есть вполне созданіе фантазіи, какъ напримѣръ островъ Будоту или Полоту многихъ полинезийцевъ, въ имени котораго опять звучитъ древнее названіе царства мертвыхъ По. Другое, часто встрѣчаемое въ Полинезіи названіе міра мертвыхъ, Гаваики, означаетъ просто «Западъ». Многія европейскія легенды, говорящія о далекой странѣ чудесъ на западѣ (эту страну опростетливо относятъ къ Америкѣ), развились прямо изъ представленій о странѣ бессмертныхъ по ту сторону океана. Такимъ образомъ, образовалась въ Ирландіи легенда о плаваніи св. Брандана, который, послѣ перваго напраснаго путешествія, наконецъ, нашелъ счастливый островъ;

еще въ эпоху открытій твердо вѣрили въ существованіе этого острова пока, наконецъ, туманный образъ растаялъ въ ничто при свѣтѣ научнаго изслѣдованія. Многія представленія о странѣ мертвыхъ очевидно явились слѣдствіемъ вечерней, огненной зари на небѣ, одни видятъ въ красно-золотомъ свѣтѣ огонь и кровь, другіе—золото и неизбримыя сокровища. Во многихъ случаяхъ считаютъ также, что страна на западѣ лежитъ на днѣ моря, или представленіе о подземномъ мірѣ связано съ представленіемъ о западномъ царствѣ мертвыхъ. Гораздо рѣже, чѣмъ на западѣ, ищутъ страну мертвыхъ въ другихъ сторонахъ неба; напримѣръ, древніе германцы—на сѣверѣ, потому что тамъ, повидимому, царитъ постоянный мракъ, или многія индѣйскія племена—на тепломъ югѣ, или, наконецъ, на востокѣ, какъ думаетъ большая часть жителей центральной Америки. Цемрихъ, обозначившій на интересной картѣ положеніе царства мертвыхъ у различныхъ народовъ земли, доказываетъ ею, насколько преобладаетъ представленіе, что страна, обитаемая душами, находится на западѣ.

Существуютъ еще другія мѣстности, служащія пребываніемъ мертвымъ. По свидѣтельству Ковальда, племена въ южной Нов. Гвинее считаютъ, что страна духовъ находится на высокихъ горахъ ихъ родины. Въ сѣверной Индіи, гдѣ блескъ сѣвѣжной цѣпи Гималаевъ раздражаетъ воображеніе, возникла легенда о горѣ Меру, которая, повидимому, считалась сначала страной мертвыхъ и затѣмъ вошла въ буддѣйскую мѣологию съ измѣненнымъ значеніемъ. И въ малайскомъ архипелагѣ широко распространено повѣрье о горахъ, обитаемыхъ духами. Наконецъ, мало-по-малу, пришли къ тому, что перемѣстили боговъ и духовъ съ вершинъ горъ въ воздушное пространство; классическимъ примѣромъ тому, какъ это произошло, служитъ постепенно облагораживающееся представленіе грековъ о мѣстонахожденіи Олимпа, жилища боговъ; названія многихъ горныхъ вершинъ указываютъ намъ и теперь, что это жилище считалось сначала находящимся именно здѣсь, на этихъ горахъ, а не въ свободномъ эфирѣ.

Мѣстонахожденіе страны мертвыхъ обуславливаетъ собою длинный и трудный путь для ея достиженія. Возможно, что здѣсь, во многихъ случаяхъ, вліяли на фантазію рассказы больныхъ, которыхъ считали уже умершими и на пути на тотъ свѣтъ, и которые при пробужденіи отъ мучительныхъ лихорадочныхъ сновъ описывали свои страшныя приключенія. Большая часть описаній путешествій къ мертвымъ напоминаетъ рядъ кошмаровъ и при томъ они возникли, конечно, подъ вліяніемъ идей о мѣстонахожденіи страны мертвыхъ. Тамъ, гдѣ думаютъ, что эта страна лежитъ по ту сторону моря или рѣки, возникаетъ представленіе о кораблѣ мертвецовъ (сравни. рис. стр. 278) и часто также о перевозчикѣ мертвыхъ; по-

Идолъ въ юго-вост. Океаніи. По „Journal of the Anthropological Institute“.

этому охотно хоронят умерших въ лодкахъ или дѣлаютъ гробы въ видѣ лодокъ (сравн. рис. стр. 243), и трупъ даютъ монету мертвыхъ для платы за провозъ. Другія идеи, вѣроятно, связаны съ превращеніемъ мертвыхъ въ птицъ; развивается мифъ о птицѣ мертвыхъ, которая несетъ на своей спицѣ умершаго на тотъ свѣтъ. Иногда обѣ легенды—о кораблѣ и о птицѣ мертвыхъ—странно сливаются вмѣстѣ, и тогда корабль представляютъ себѣ съ головой, крыльями и хвостомъ птицы (рис. стр. 799)—напримѣръ, на Борнео—или придаютъ гробу соотвѣтственную форму, какъ это дѣлаютъ иногда баттаки. По другому представленію, души должны перейти на своемъ опасномъ пути потокъ или пропасть по страшному мосту.

Могила у семиноловъ, сѣв. Америка.

По повѣрью многихъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ узкій, скользкій древесный стволъ переброшенъ черезъ озеро воючей воды, или исполинская змѣя перекидывается дугой черезъ воду и подставляетъ душамъ свою гладкую спину для опасной переправы; кто упадетъ въ воду, утонаетъ или превращается въ рыбу или черепаху. Мостъ мертвыхъ у эскимосовъ—изъ гладкаго льда. Иранцы также вѣрили въ небесный мостъ, Эйвиль, съ котораго души безбожниковъ сбрасывались стражемъ; а въ магометанскихъ повѣрьяхъ имѣется мостъ изъ нитки или волоса, который вѣчно колеблется.

Иранскіе мостовые стражи—не единичное явленіе; почти всюду господствуетъ вѣра, что мертваго встрѣчаютъ на его пути всякія чудовища, которыхъ онъ долженъ побѣдить или умиловить подарками. Этимъ объясняются многіе странные дары, погребаемые съ умершимъ. На Борнео привѣшиваютъ къ гробу маленькихъ рѣзныхъ медвѣдей, которые должны защищать умершаго; во многихъ другихъ мѣстахъ малайскаго архипелага, на гробѣ дѣлаютъ изображенія цѣлой толпы маленькихъ людей, вооруженныхъ или производящихъ шумъ на инструментахъ, а также оскалившихъ зубы животныхъ; на всѣхъ ихъ возложена та же обязанность (сравн. рис. стр. 193). Въ могилу дѣтей эскимосовъ кладутъ головы собакъ, чтобъ души

этихъ животныхъ указывали путь и защищали безпомощныя дѣтскія души.

Мифы о мертвыхъ представляютъ у большинства народовъ очень спутанную, но привлекательную картину: они такъ ясно выказываютъ человѣческій умъ, стремящійся разрѣшить противорѣчія новыми фантазіями и, изъ спутаннаго матеріала отдѣльныхъ легендъ и представлений, образовать обширную и упорядоченную систему. Идеи о судьбѣ мертвыхъ были сначала всюду немного не ясны; чѣмъ болѣе соединялись маленькія племена въ народы, чѣмъ живѣе становилось общеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обмѣнъ мифовъ между группами человѣчества, тѣмъ болѣе разнообразную и противорѣчивую форму принимали идеи. Если бы религіозное созданіе мифовъ нахо-

Доисторическая каменная могила въ Даніи.

дилось подъ господствомъ разума, можно было бы допустить, что изъ различныхъ представлений выбрали бы скоро самое вѣроятное и сохраняли и передавали бы только его. Но этой послѣдовательности не достигли даже универсальныя религіи. И христіанское ученіе о безсмертіи сравнительно самая неясная, наименѣ развитая часть догматики, по поводу которой нѣтъ согласія даже между главными церквями, какъ доказываетъ католическое представленіе объ огнѣ чистилища. Вмѣсто того, чтобъ предоставить различнымъ идеямъ вступить въ борьбу за существованіе, изъ которой вышла бы побѣдительницей самая жизнеспособная, ихъ предпочитаютъ примирять, и именно въ двухъ направленіяхъ: или признаютъ, что человѣкъ обладаетъ нѣсколькими душами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою судьбу, или вѣрятъ, что состояніе послѣ смерти неодинаково для всѣхъ душъ и что съ мертвымъ обойдутся на томъ свѣтѣ сообразно его положенію или поведенію на землѣ. Часто первая идея бываетъ связана со второй.

Выше уже упоминалось о представленіи, что душа спящаго можетъ покидать тѣло во время сна невидимо или въ видѣ малень-

каго животнаго. Этимъ уже дана, собственно, мысль о двойной душѣ, такъ какъ спящій, несмотря на отсутствіе своей «души», дышетъ и живетъ. Мнѣны многихъ народовъ развили дальше эту мысль: жизненная сила или жизненный духъ человѣка можетъ быть спрятанъ, по предостереженію татаръ, въ животномъ, въ камнѣ, въ ящичкѣ; пока врагъ не найдетъ этого мѣста, онъ не можетъ повредить владѣльцу. Татарскіе герои прокалываютъ и разрубаютъ другъ друга на куски, но остаются всегда живы и здоровы, потому что ихъ жизненный духъ не поврежденъ. Подобныя же воззрѣнія встрѣчаемъ мы у малайцевъ, которые также думаютъ, что тщательнымъ сохраненіемъ этой второй души, о существѣ которой, правда, ничего опредѣленнаго нельзя узнать, можно защитить ея обладателя. Въ эпосѣ «Бидасари», переведенномъ Брандштетеромъ, сказано:

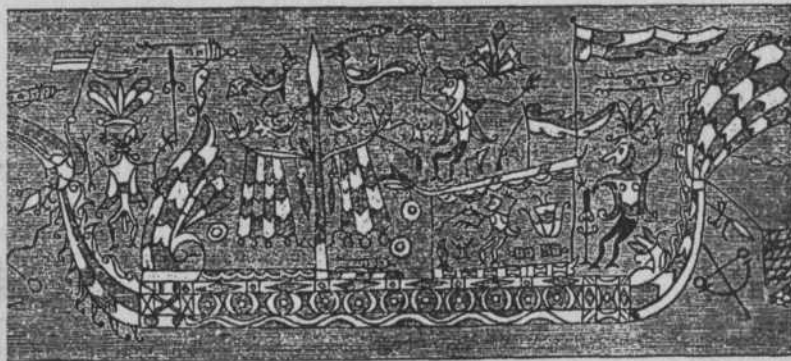
Они помѣстили жизненный духъ Биды
Въ искусно приготовленную рыбу
И заперли ее въ коробку,
Въ золотую, полную воды, а ее въ ящичекъ;
Затѣмъ разбили они садъ
И опустили ящичекъ въ прудъ.

Возможно, что это удивительное представленіе связано съ другимъ, болѣе распространеннымъ—что каждый человѣкъ находится въ тѣсномъ общеніи съ какимъ-нибудь духомъ, ангеломъ-хранителемъ или двойникомъ. Даже у австралийцевъ есть это повѣрье.

Многіе народы не удовлетворяются двойной душой. Китайцы признаютъ, повидимому, кромѣ духа (hoan), который поднимается вверхъ, и души (Pe), опускающейся внизъ, еще третью часть существа, къ которой собственно и относится культъ предковъ. На Нидасѣ различаютъ также, по крайней мѣрѣ, три души: одна изъ нихъ переходитъ къ тому, кто ее поймаетъ своимъ ртомъ при ея выходѣ изъ рта умирающаго, вторая шествуетъ въ царство мертвыхъ, третья является впродолженіи нѣсколькихъ дней послѣ погребенія на могилѣ въ видѣ маленькаго животнаго, ловится тогда и относится къ приготовленному въ эти дни изображенію предка, въ которое она должна перейти, какъ оживотворяющій принципъ. По словамъ Вилькена, баттаки вѣрятъ также въ три души, изъ которыхъ одна, если человѣкъ совершитъ какое-нибудь зло, сжигается на западѣ (вечерняя заря!), а другія двѣ странствуютъ по землѣ; по свидѣтельству же фонъ Бреннера, они считаютъ не менѣе семи душъ, изъ которыхъ только одна связана съ тѣломъ, одна же изъ семи, душа плаценты или „младшаго брата“, обитаетъ въ небѣ. Не совсѣмъ ясны, повидимому, представленія и у даяковъ, такъ какъ Гарделандъ говоритъ о четырехъ, а Лингъ-Ротъ—о семи душахъ. Четыре души, упоминаемая Гарделандомъ, образуются вслѣдствіе расчле-

ненія жизненной души (hambarnan): во время смерти она распадается на главную душу и на болѣе матеріальную часть, которая, въ свою очередь, составляется изъ душъ останковъ костей, волоконъ концевъ волосъ, пальцевъ и ногтей. Воззрѣнія даконовъ, признающихъ четыре души, доказываютъ, что и въ Новомъ Свѣтѣ нѣтъ недостатка въ подобныхъ представленіяхъ; одна изъ этихъ душъ странствуетъ повсюду и ищетъ себѣ пищи, вторая остается при трупѣ, третья порхаетъ по селу, четвертая отправляется въ страну духовъ.

Еще усерднѣе старались связать различныя идеи о томъ свѣтѣ тѣмъ, что приписываютъ мертвымъ различную судьбу. Поскольку пытались утилизировать эти представленія для нравственныхъ цѣлей, будетъ еще упомянуто. Сначала же нѣтъ и рѣчи о нравственныхъ

Корабль мертвыхъ на Борнео.

соображеній, а просто судьбу умершаго связываютъ самымъ наивнымъ образомъ съ родомъ его смерти, съ обычаями погребенія и т. под. А именно, всѣмъ, кто не погребенъ обычнымъ способомъ, предстоитъ печальная судьба или они блуждаютъ, не находя покоя; часто стараются устройствомъ кенотафій („пустыхъ могилъ“) дать убѣжище такимъ, не имѣющимъ покоя душамъ. Въ другихъ мѣстахъ выставляютъ фигуры, которыя также считаются одухотворенными и главная задача которыхъ отгонять призраковъ (см. рис. стр. 800, 801 и 802).

Культъ мертвыхъ способенъ къ дальнѣйшему, болѣе высокому развитію, что всего яснѣе и лучше доказываетъ, быть можетъ, исторія христіанскаго почитанія святыхъ. Святой, прежде всего, такой же человѣкъ, какъ и другіе люди, и отличается отъ нихъ только своею кротостью, твердостью вѣры и, пожалуй, также нѣко-

корыми мистическими силами. Его могила является сначала мѣстомъ воспоминаній, затѣмъ почитанія; кости умершаго считаются обладающими цѣлительной и чудодѣйственной силой, а онъ самъ представляется вліятельнымъ заступникомъ на небѣ. Наконецъ, святой становится, по крайней мѣрѣ въ глазахъ толпы, могущественнымъ божествомъ, хорошее расположеніе котораго надо сохранить, чтобы онъ не причинилъ какого-нибудь вреда. Наивная молитва: „св. Флоріанъ, пощади мой домъ, сожги другіе“, выражаетъ эту мысль въ полукомической формѣ. Развитие въ этомъ направленіи идетъ еще дальше: у новообращенныхъ народовъ святыне незамѣтно выступаютъ на мѣсто старыхъ боговъ, берутъ на себя ихъ задачи и замѣщаютъ

Идолъ хранитель у Никобаровъ Бенгальскаго залива.

ихъ въ призывахъ на помощь и въ формулахъ колдовства. Такъ, напримѣръ, у славянъ, богъ грома Перунъ, замѣщается св. Іліей, въ Германіи Берхта—св. Елизаветой, Донаръ—св. Леонардомъ и т. д. Тогда прежніе дары по обѣту богамъ приносятся обычнымъ способомъ святымъ.

Это превращеніе наводитъ на мысль и приводитъ къ вопросу—не произошли ли сами языческіе боги отъ обожествленныхъ душъ предковъ. Уже грекъ Эвхемфій создалъ изъ этой возможности систему (эвхемфизмъ) и старался доказать, что всѣ древнегреческія божества имѣютъ манистическое начало. Это значитъ, правда, перейти изъ одной крайности въ другую и совершенно отрицать анимистическое, естественно-миологическое ядро большинства арійскихъ божественныхъ образовъ; но, вообще, эвхемфизмъ встрѣтилъ мало сочувствія, хотя изученіе первобытныхъ народовъ все же указываетъ, что онъ имѣетъ большое значеніе именно для начала развитія; между тѣмъ, какъ предки вообще забываются черезъ нѣсколько поколѣній, и культъ ихъ переходитъ на болѣе близкихъ предковъ, иногда одинъ какой-нибудь образъ держится въ продолженіе долгаго времени и при этомъ легко превращается въ божество, которое тогда, повидимому, имѣетъ чисто анимистическій характеръ. Манистическія и анимистическія воззрѣнія перекрещиваются, именно на низшихъ ступеняхъ, самымъ запутаннымъ образомъ.

Бываетъ и обратный случай, что образы чисто естественно-миологическіе толкуются манистически. Многіе народы думаютъ, что они произошли отъ боговъ, которымъ приписываютъ и дары своей культуры; но во многихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, совершенно

произвольно поставлены въ начало развитія анимистическія божества, которыя и считаются предками народа. Удивительную группу такихъ культурныхъ героевъ представляютъ боги близнецы, которые встрѣчаются по всей землѣ. Большею частью близнецы противоположны другъ другу: одинъ смертенъ, другой безсмертенъ (Касторъ и Поллуксъ); одинъ свѣтелъ и прекрасенъ, другой—слѣпъ (Бальдуръ и Гедуръ), одинъ добръ, другой золъ (Ормуздъ и Ариманъ); отношенія ихъ между собою большею частью дружескія, но они и борются другъ съ другомъ и одинъ погибаетъ черезъ другого (Ромулъ и Ремъ). Здѣсь передъ нами, очевидно, контрастъ свѣта и мрака, или быть можетъ вѣриѣ—яркаго дневного и лѣтняго солнца въ противоположность скрытому, тусклому ночному и зимнему солнцу, также контрастъ между солнцемъ—свѣтиломъ дня и луной—свѣтиломъ ночи. Какъ въ древней Элладѣ и Римѣ, боги-близнецы выступаютъ культурными героями у южно-американскихъ племенъ. У бакаири, въ Бразиліи, есть близнецы Кери и Капе, что значитъ на аруакскомъ языкѣ—солнце и мѣсяцъ; они являются носителями культуры, но не первоначальными предками народа; кажется, и бразильскіе карайа обладаютъ искаженными, но все же ясными легендами о близнецахъ.

Если при всеобщемъ распространеніи легенды о близнецахъ само собою падаетъ ея эвхемистское толкованіе, то же можно сказать и о другихъ богахъ свѣта, воздуха и бури, которые отличаются опредѣленными чертами. Очень любопытно слѣдить въ мифахъ и легендахъ различныхъ народовъ за этими постоянно возвращающимися особенностями и разыскивать между странными и часто обманчивыми покровами именно боговъ и героевъ свѣта, яркаго блеска которыхъ не можетъ скрыть земная одежда.

Какъ солнце встаетъ изъ неизвѣстной дали, изъ ночного мрака, или изъ темныхъ морскихъ нѣдръ, такъ и рожденіе и дѣтскіе годы героевъ свѣта покрыты темной неизвѣстностью, или они вырастаютъ неизвѣстные и незамѣтные, несмотря на свое благородное происхожденіе, пока наконецъ вступаютъ на блестящій путь славы. Всего любимѣе легенда о томъ, что дитя, сейчасъ послѣ рожденія, бросаютъ въ воду въ закрытомъ ящикѣ,—это, пожалуй, не случайно напо-

Идолъ хранитель Филиппиновъ.

минаетъ о погребеніи тѣла въ водѣ,—или выбрасываютъ въ чащу лѣса; пастухи или другіе бѣдные люди находятъ во время дитя и спасаютъ его. Такимъ образомъ выросъ среди пастуховъ Киръ, который, какъ историческая личность, принялъ много чертъ легендарнаго героя свѣта, Куру; Ромуль и Ремъ, Эдипъ, въ нѣмецкихъ героическихъ сагахъ—Вольфдитрихъ, въ иранскихъ—царь Даребъ (Дарій)—имѣютъ ту же судьбу. Кормящія своими сосцами волчицы, въ легендахъ о Ромулѣ и Вольфдитрихѣ напоминаютъ о тотемистскихъ воззрѣніяхъ. Среди семитической культуры встрѣчаемъ мы Моисея, какъ выброшеннаго героя солнца; въ Вавилонѣ, повидимому, приписаны къ этимъ солнечнымъ мифамъ историческіе князья Саргонъ I (ок. 3800 г.) и Гудія (ок. 3100 г.), причемъ они сами себя приписывали подобное таинственное происхожденіе. Въ Китаѣ есть родственные этому мифы. Такъ, древніе короли Ю-типо назывались бамбуковыми королями, потому что вели свой родъ отъ ребенка, приплывшаго по рѣкѣ въ полость бамбука, также упоминается о легендарномъ министрѣ княжества Теу, который былъ выброшенъ ребенкомъ и вскормленъ тигрицей. Зулусы знаютъ легенду о царскомъ сынѣ Узикулуми, который былъ выброшенъ и взрощенъ чудовищемъ, а затѣмъ вернулся неуязвимымъ героемъ къ людямъ.

Побѣждающая сила свѣта и жгучіе лучи солнца олицетворяются въ вооруженій боговъ свѣта, и главнымъ образомъ въ стрѣлахъ, неизмѣнно попадающихъ въ цѣль, какъ напримѣръ у Аполлона, Геркулеса, Одиссея, Телла и т. д. Къ этому солнечному оружию присоединяется также и оружие молніи, такъ какъ образы многихъ боговъ свѣта растворяются въ громовыхъ божествахъ.

Первый великій подвигъ многихъ божествъ свѣта есть раздвиганіе неба и земли, которыя, по всюду распространенной легендѣ, лежали тѣсно другъ на друга во мракѣ вѣчной ночи: повидимому, низколежащее ночное небо внезапно приподнимается вверхъ восходящимъ солнцемъ. Индусы приписывали этотъ подвигъ Рохитѣ, или древнему богу Варунѣ: «Мудры стали оба пола его великимъ могуществомъ», говорится въ Ригведѣ о Варунѣ, «который даже раздвинулъ оба міра; вверхъ толкнулъ онъ высокое, великое небо, бывшее въ старину свѣтиломъ, а землю онъ растянулъ». Въ полинезийскихъ мифахъ этотъ подвигъ обыкновенно совершаетъ Мауи.

Когда же дневное свѣтило слѣдуетъ дальше по своему небесному пути, оно обволакивается, при случаѣ, бѣлыми облаками, какъ будто надѣвается на себя прозрачное покрывало и раздѣвающіяся одежды женщины. Въ мифахъ эта черта выступаетъ такимъ образомъ: боги свѣта являются временно въ женской одеждѣ, какъ напримѣръ, Ахиллесъ, воспитанный среди дѣвушекъ въ женскомъ платьѣ, или Торъ, бдущій въ Ризенгеймѣ, переодѣтый женщиной, чтобы хи-

тостью вернуть обратно похищенный молотъ. И Геркулесъ у прялки Омфалы принадлежитъ, пожалуй, къ этой группѣ.

Если здѣсь боги свѣта являются уже въ странномъ, даже комичномъ свѣтѣ, они и въ остальномъ не всегда совершенны, а обладаютъ многими тѣлесными недостатками. Отчасти это объясняется тѣмъ, что они воплощаютъ естественныя явленія, отчасти же это требуетъ болѣе глубокаго изслѣдованія, пока составишь рѣшительное заключеніе о происхожденіи этихъ идей и о блужданіи мифовъ. Одноглазые боги свѣта, какъ Германскій Воданъ, легко объяснимы, такъ какъ ихъ глазомъ считается солнце; легенда, что Воданъ отдалъ другой глазъ въ залогъ за глотокъ изъ родника Мимира, связана съ отраженіемъ солнца въ водѣ. Тиръ или Ціу германцевъ—однорукий; по Симроку это объясняется тѣмъ, что сначала его представляли въ видѣ меча, имѣющаго одинъ клинокъ; но сказаніе о потерѣ имъ руки въ схваткѣ съ волкомъ Феирисъ, представителемъ страшной ночи указываетъ на другое основаніе такого представленія. Во многихъ мѣстахъ боги свѣта и грозы, или приписываемыя имъ животныя всего чаще слабы, или увѣчны ногами: хромящему возлу, впряженному въ колесницу Тора, соответствуетъ одноногий козель, въ образѣ котораго является богъ Индра; Гефестъ, первоначально, безъ сомнѣнія, богъ молніи, хромъ, какъ и родственныи ему Вилантъ, кузнецъ, въ героическихъ сагахъ Германіи. Эдипъ (оухшая нога)—подобный же образъ. Даже у готенготовъ есть божество, называющееся «Пораненное колѣно»; другихъ хромыхъ боговъ имѣютъ индѣйцы, обитатели Хилоаса. Всего болѣе шансовъ имѣетъ за себя мифіе, что зигзаги блеснувшей молніи, никогда не падающей прямо, сравнивались съ торопливымъ бѣгомъ хромого.

Боги свѣта, поднимаясь изъ тьмы, опять должны вернуться во тьму: они, одерживающіе верхъ надъ всеми врагами, какъ идеальныя героическія фигуры, имѣютъ все же уязвимое мѣсто, которое ведетъ ихъ къ смерти; и мрачная судьба умѣетъ часто направить силы слабыхъ для нанесенія смертельнаго удара. Ахиллесъ, уязвимый лишь въ пятку, погибаетъ отъ стрѣлы женственнаго Париса; Бальдуръ, котораго не можетъ поранить никакое оружіе, погибаетъ отъ вѣтки омелы, брошенной въ него слѣпымъ брагомъ. Въ нѣмецкой героической сагѣ представителемъ этой трагической судьбы является Зигфридъ. Сумерки боговъ есть лишь грандіозно расширенная форма той же основной идеи.

Аи—Аи, охранитель жилищъ, въ Тиморѣ. Зондскій архипелагъ.

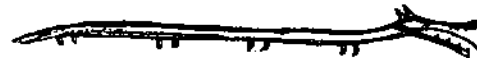
Въ кончинѣ боговъ и героевъ свѣта отражается впечатлѣніе великолѣпнаго зрѣлища солнечнаго заката, который болѣе чѣмъ какое-бы то ни было другое явленіе давалъ пищу фантазій народовъ и возбуждалъ ее къ восхитительнымъ мифамъ. Мы уже упоминали, что вечерняя заря объясняется то пожаромъ и кровью, то отраженіемъ несмѣтныхъ сокровищъ. Эти сокровища, какъ Рейнскій кладъ, на которомъ лежитъ проклятіе—вплетены въ легенду о Зигфридѣ: золото вечера, которое завоевываетъ себѣ герой, есть въ то же время причина его гибели. Аяксъ—мѣстный эллинскій образъ бога свѣта, какъ и многіе другіе его товарищи въ троянской войнѣ, погибаетъ въ потокахъ крови; охваченный безуміемъ, онъ изрубилъ мирно пасущіяся стада (вечернія облака), такъ что они пали облитыя кровью, и затѣмъ, придя въ себя, убиваетъ себя самого. Въ другой формѣ является вечернее облако въ сказаніи о Гераклѣ и отравленной рубашкѣ, которую ему посылаетъ Нессъ: съ этой платно приставшей рубашкой герой срываетъ съ себя кожу и мясо (солнце и тучи окрашиваются кровавымъ цвѣтомъ) и затѣмъ сжигаетъ себя. Такия же идеи могутъ лежать въ основаніи сказанія о Бальдурѣ, створѣвшемъ на кораблѣ, который попалъ далеко на западъ.

Въ противоположность или въ дополненіе богамъ свѣта, которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ въ видѣ мужчинъ, нерѣдко является женскій и материнскій принципъ плодородной земли, то кроткій и привѣтливый, то мрачный и таинственный, какъ центральный пунктъ жестокихъ формъ культа. Быть можетъ, всего могущественнѣе онъ былъ развитъ у древнихъ жителей Малой Азии, у которыхъ почитаніе матери боговъ (Ма, Амма, Кибеле) составляло ядро религіозной жизни и затѣмъ, въ позднѣйшую римскую эпоху, перенесенъ былъ въ другія области. Германская Нертусъ принадлежитъ къ тому же виду, а «блѣдная Гель», богиня подземнаго міра и царства мертвыхъ, есть лишь боковая вѣтвь божества земли. Очень интересно наблюдать, какъ христіане средне-вѣковой Европы вновь ввели почитаніе кроткаго материнскаго принципа, создавъ въ Маріи, матери Бога, идеальный образъ глубочайшихъ и величайшихъ чертъ женщины и тѣмъ умѣрили и дополнили жесткій мужской характеръ семитическаго вѣроученія. Въ этомъ сказывается хотя въ дѣтской, во совершенно ясной формѣ, та великая черта западной культуры, которая представляетъ себѣ женщину не простымъ орудіемъ чувствительности, но понимаетъ и почитаетъ ея великую задачу въ развитіи человечества.

Большое число боговъ и героевъ свѣта, а рядомъ съ ними и женскихъ божествъ земли, встрѣчающеся часто въ мифахъ одного и того же народа, объясняется двояко: во-первыхъ, благодаря слабо развитымъ сношеніямъ въ древности, въ каждой области,

даже въ каждомъ поселеніи возникаютъ мѣстные формы божествъ, которыя потомъ, при слитіи отдѣльныхъ составныхъ частей народа, сохраняются, какъ отдѣльные боги; во-вторыхъ, и міръ боговъ подлежитъ переѣмѣ вкуса и оцѣнки, которую можно просто назвать модой. Во времена войны, божество, представляющее героическимъ, легко становится во главу другихъ или выступаетъ изъ неизвѣстности мѣстнаго культа; а при ростѣ культуры, напротивъ, болѣе грубыя формы уступаютъ мѣсто болѣе утонченнымъ богамъ. Всего лучше это наблюдается въ Индіи, гдѣ, въ эпоху Ведъ, воинственный богъ бури, Индра, заслонилъ собою всѣхъ другихъ, а позже уступилъ мѣсто одухотворенному Брамѣ; въ новѣйшее время культъ Сивы опять заслоняетъ культъ Брами. При этомъ еще заимствуютъ боговъ и у другихъ народовъ; только что упомянутый Сива, повидному, взятъ изъ Олимпа народовъ Дравида, обитающихъ въ южной Индіи; Гераклъ и Афродита взяты греками у семитовъ; Митра, культъ котораго во время Римской Имперіи далеко распространился по всему римскому царству, есть иранскій богъ свѣта.

Заимствованіе боговъ и цѣлыхъ областей мифовъ часто наблюдается въ духовной жизни человѣка. Удивительнымъ, стоящимъ подробнѣйшаго изслѣдованія, примѣромъ этому служить сказаніе о драконѣ, о сущности и распространеніи котораго

Мифическій змѣя эскимосовъ.

только тогда получается ясныя свѣдѣнія, когда этнологическія данныя будутъ дополнены различными отраслями языковѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ сказаніи мы имѣемъ одно изъ немногихъ достойныхъ вниманія звеньевъ, связующихъ восточно-азиатскую древнюю культуру съ началами западной цивилизаціи; но именно изъ этого факта возникаютъ новые вопросы и сомнѣнія, которые пока не могутъ быть совершенно разрѣшены.

Область распространенія сказанія о драконѣ есть Старый Свѣтъ, за исключеніемъ Африки; Египетъ также не имѣетъ настоящаго мифа о драконѣ, хотя обладаетъ родственными ему легендами. Носители этого мифа на Востоку—китайцы, на Западѣ—арійскіе и семитическіе народы; изъ обѣихъ группъ отдѣльныя легенды о драконѣ распространились и среди степныхъ народовъ азиатскаго плоскогорья, монголовъ и финно-тюркскихъ племенъ, а также въ Индонезію; но ни здѣсь, ни тамъ они не возникли самостоятельно и принадлежатъ исключительно только культурнымъ народамъ Старого Свѣта. Въ Америкѣ и Океаніи онъ совершенно отсутствуетъ. Зато Америка имѣетъ мифъ о громовой птицѣ, распространенный по всему западному побережью, начиная отъ страны эскимосовъ

внизъ до Перу. Этотъ видъ распространенія становится еще интереснѣе, если мы изслѣдуемъ ближе содержаніе легенды; тогда мы увидимъ, что легенда о драконѣ не всюду достигла одинаковаго развитія, что она въ восточной Азіи носитъ болѣе древній характеръ, чѣмъ въ Европѣ.

Корнемъ мѣта о драконѣ служить культъ змѣй (рис. стр. 805), который въ свою очередь тѣсно связанъ съ тотемистическими и манихейскими воззрѣніями. Змѣя у большинства народовъ, даже тѣхъ, которые не знаютъ дракона, есть, кромѣ всего остального, и охранительница воды, слѣдовательно, ей принадлежитъ и небесная вода наверху, въ тучахъ; и здѣсь уже легко прийти къ представлению о молніи, какъ объ огненной змѣѣ, и тѣмъ создать основаніе могущественному природному мѣту. Но то, что должно парить въ воздухѣ, нуждается въ крыльяхъ: такимъ образомъ создается представленіе объ огненной, крылатой змѣѣ тучъ, которая и есть ничто иное, какъ драконъ. Дракону принадлежитъ небесная вода, въ его рукахъ дождь и плодородіе. слѣдовательно, прежде всего, онъ скорѣе благожелательный, чѣмъ злой мифическій образъ; изображеніе его, какъ символъ благословенія и достатка, охотно помѣщаются на зданіяхъ, на одеждѣ и утвари (рис. стр. 808). Въ такомъ свѣтѣ и до сихъ поръ представляютъ себя дракона въ восточной Азіи.

Западные народы пошли дальше. Если дождь разрѣшается грозой, это, очевидно, происходитъ не безъ тяжелой борьбы; и у китайцевъ также драконы спорятъ между собою во время грозы. Отсюда одинъ шагъ связать съ мѣтомъ о драконѣ боговъ свѣта, которые, по окончаніи грозы, опять побѣдоносно сіяютъ въ небѣ; мрачный драконъ тучъ становится теперь враждебнымъ существомъ, овладѣвшимъ оплодотворяющей небесной водой и принужденнымъ богами свѣта, послѣ тяжелого боя, возвратить награбленную добычу. Это—индійская, ѳроэитно и вавилонская форма мѣта о драконѣ. Стверинные народы приспособили это сказаніе къ своимъ условіямъ жизни; они менѣе болтаются недостатка дождя, чѣмъ суровости и длительности зимы; поэтому у нихъ богъ свѣта освобождаетъ землю, спящую въ заколдованномъ снѣгѣ, убивая дракона зимы и пробуждая спящую царевну къ новой жизни.

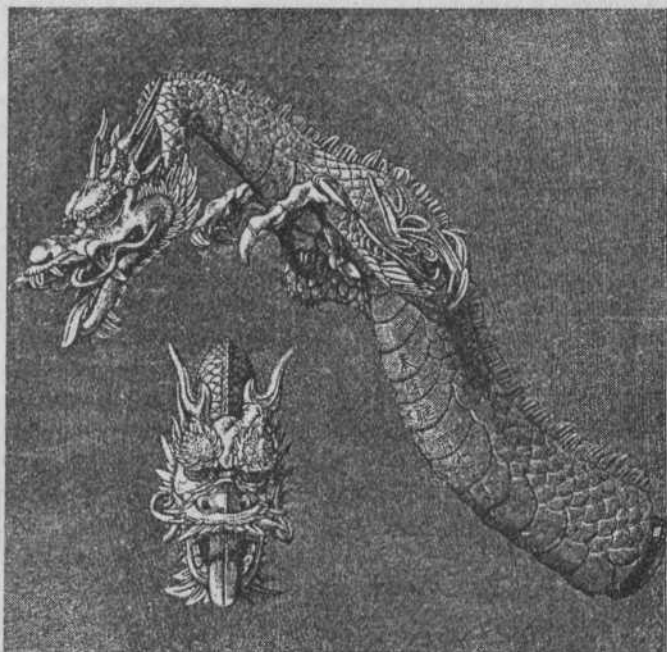
Чѣмъ болѣе растетъ число божествъ, тѣмъ болѣе они дифференцируются. И здѣсь католическій культъ иконъ и святыхъ даетъ прекрасную параллель: въ извѣстныхъ нуждахъ и при опредѣленныхъ болѣзняхъ молятся опредѣленнымъ изображеніямъ Маріи; отдѣльные святые заступаются, нѣкоторымъ образомъ, различными областями человеческой дѣятельности. У семитовъ и вообще западныхъ азіатовъ древняго времени были развиты въ этомъ смыслѣ особенно мѣстныя

божества; каждая страна имѣла своего бога, съ которымъ находилась въ связи; въ противномъ случаѣ надала самостоятельность этой страны. Когда цари ассирійскіе поработали и вполнѣ лишили свободы какую-нибудь страну, они переносили боговъ страны въ храмы Ниневіи, дабы они служили ассирійскимъ богамъ. Не только страны, но и всѣ ремесла и роды дѣятельности, всѣ угрожающія и полезныя явленія, получаютъ своихъ особенныхъ боговъ-охранителей, пока, наконецъ, мѣтология превращается въ пустое перечисленіе безсодержательныхъ названій боговъ, въ особенности, если народъ такъ склоненъ къ педантизму, какъ индійскій. При этомъ часто бываетъ, что богъ, исполнявшій сначала самыя разнообразныя функціи, мало-по-малу распадается на пѣлый рядъ боговъ низшей степени, которые тогда большей частью считаются его братьями или сыновьями. Тамъ, гдѣ господствуетъ соответствующая форма правленія, міръ боговъ легко принимаетъ характеръ чиновничьей іерархіи; въ этомъ случаѣ даже молитвы имѣютъ свой предписанный служебный порядокъ.

Всѣ попытки вліять на боговъ и духовъ опредѣленными дѣйствіями, мы называемъ культомъ. Но въ дѣйствительности, культъ, прежде всего, есть реакція на состояніе возбужденія, обращающаяся какъ будто наружу, а между тѣмъ исключительно имѣющая цѣлью возстановить равновѣсіе души или создать увѣренное настроеніе духа. Эта реакція можетъ при частой повторяемости стать привычкой: дѣйствія культа становятся твердыми народными обычаями. Мало-по-малу они приводятся также въ тѣсную связь съ мѣтологіей, пока создается система религиозныхъ идей и обычаевъ, которая, болѣею частью, выполняется и соблюдается особенной кастой жрецовъ. Но это дальнѣйшее развитіе не колеблетъ той основной идеи, что всякій культъ, обращаясь за помощью извнѣ, имѣетъ цѣлью лишь успокоеніе человеческой души и укрѣпленіе воли. Человѣкъ, чтобы не пасть въ своей тяжелой борьбѣ за существованіе, нуждается въ извѣстной увѣренности. Какимъ способомъ онъ получаетъ эту увѣренность—безразлично, лишь бы онъ ее имѣлъ—это необходимо нужно. Иногда достаточно довѣрія къ собственнымъ силамъ, увѣренности въ помощи другихъ людей, въ непокидающее до сихъ поръ счастье; но тамъ, гдѣ этого нѣтъ, вступаетъ въ свои права религія, которая обѣщаетъ помощь высшихъ силъ. Но какъ пробуждаютъ въ себѣ вѣру, что эта помощь обезпечена? Исторія человечества указываетъ, что это совершается всего чаще и всего вѣрнѣе черезъ обряды культа. Молитвами и жертвами нѣкоторымъ образомъ облаиваютъ высшія силы къ поддержкѣ или умилостивляютъ ихъ гнѣвъ, если они, повидимому, сердятся. Собственную привычку къ формамъ культа приписываютъ тогда богамъ, которые мало-помалу начинаютъ требовать правильнаго служенія, дабы не про-

снулся ихъ гнѣвъ, и въ необычайныхъ случаяхъ должны быть умилоставлены и необычайными дарами.

Въ самой непосредственной формѣ противодѣйствія проявляется культъ, въ широкомъ смыслѣ охватывающій, конечно, и способы отраженія враждебныхъ силъ духовъ, въ поведеніи многочисленныхъ первобытныхъ народовъ при солнечныхъ и лунныхъ затменияхъ. Что тамъ происходитъ на небѣ, большею частью не

Бронзовый драконъ, навсвергающій дождь, изъ Японіи, 17-го вѣка.

объясняютъ себѣ ясно, или довольствуются неопредѣленными представлениями о злобномъ существѣ, желающемъ поглотить небесныя свѣтила. Тѣмъ сильнѣе и реакція на страшное явленіе: шумомъ, выскриками и криками стараются испугать чудовище на небѣ, или умилостивить его жертвоприношеніями и молитвами; страстные выраженія чувствъ заглушаютъ страхъ въ душѣ зрителей.

Простѣйшія формы культа—просьба (молитва: рис. стр. 811) и дары (жертвы) вполне соответствуютъ дѣйствіямъ, посредствомъ которыхъ стараются приобрести и благосклонность людей. Молитвы безъ жертвы, или, по крайней мѣрѣ, безъ обещанія жертвы, пови-

дному, встрѣчаются не часто у дикарей; быть можетъ не случайность, что именно у бѣдныхъ бушменовъ, не имѣющихъ чего дарить, встрѣчается такая молитва. Въ другихъ мѣстахъ, какъ напримеръ, въ молитвѣ одного дуалла, подслушанной Аутенритомъ, по видимому, отразилось вліяніе христіанства. Молящійся начинаетъ продолжительнымъ свистомъ, чтобы богъ обратилъ вниманіе, и послѣ каждой фразы свистъ повторяется, чтобы богъ не заснулъ опять; «богомъ» здѣсь переводится слово «нямбе», которое въ дѣйствительности должно, кажется, означать нѣчто вродѣ властителя міра. Молитва гласитъ: «О, невинный богъ, ты все знаешь, знаешь мое имя, знаешь, гдѣ я нахожусь и слышишь меня. (Свистъ). Ты знаешь, что я еще никогда не украсть, еще никогда не убилъ, еще никогда не нарушилъ клятвы. (Свистъ). Я всегда говорилъ правду, заплатилъ все за жену, которую купилъ, и за раба и ничего не остался долженъ. (Свистъ). О, невинный богъ, ты знаешь также, что я не имѣлъ зависти къ дому сосѣда моего, къ женѣ его, къ рабу его, ни къ его пизангу, ни къ его двумъ козамъ, ни къ его пальмовымъ плодамъ или къ его новой шапкѣ, которую онъ недавно себѣ купилъ. (Свистъ). О, невинный богъ, но ты знаешь и видишь всякій завистливый глазъ, который обращенъ на меня, на мой домъ, мою жену, моихъ дѣтей, на мой слоновый клыкъ, который я спряталъ въ хижинѣ, на моихъ пять курицъ и на мою новую рубашку. (Свистъ). Прошу, о боже, уничтожить всякій лукавый глазъ, который ты видишь обращеннымъ на меня! (Свистъ). О, боже, почему же ты мнѣ не даешь дѣтей, почему у меня только двѣ жены, почему нѣтъ рабовъ, нѣтъ пизанга? Почему мои козы и куры не имѣютъ дѣтей? Почему мои рабы не находятъ рыбы въ лѣсу (дичи) и слоновой кости? (Свистъ). О, невинный богъ, дай же мнѣ дѣтей и дома, и пизанги, и рыбъ, и пальмовыхъ зеренъ, и другой ѣды; не забудь также, о боже, дать мнѣ европейскую лампу и масло къ ней!»

Эта молитва интересна во многихъ отношеніяхъ. То, что молящійся притворяется бѣднѣе чѣмъ онъ есть, и объясняетъ сначала, что онъ не имѣетъ рабовъ, а потомъ однако сознается въ обладаніи ими, показываетъ все же желаніе возбудить состраданіе бога, котораго, слѣдовательно, считаютъ особенно склоннымъ къ подобнымъ чувствамъ. Самовосхваленіе вначалѣ также доказываетъ, насколько здѣсь уже руководствуются нравственными точками зрѣнія, и уже прорывается догадка, что честность стоитъ дороже жертвенныхъ даровъ.

Правильныя моленія встрѣтилъ, между прочимъ, Кольманъ въ восточной Африкѣ, у ватузу. «Ватузу», сообщаетъ онъ, „каждое утро, выходя изъ хижины при восходѣ солнца, падаютъ на колѣни,

всплескивают ладонями рукъ и молятся, обративъ взоръ къ небу, повторяя нѣсколько разъ восклицаніе: „Mungu ntuyalie!“ (Боже, дай хорошее слово!). Кольманъ замѣчаетъ, что здѣсь, вѣроятно дѣйствуетъ вліяніе хамитовъ. Племена хамитовъ въ восточной Африкѣ, а имекно племя Галла обладаютъ вѣдь очень развитымъ богопочитаніемъ, въ которомъ нельзя не разобрать отголосковъ христіанства и ислама. Паулитшкѣ сообщилъ большое число молитвъ племени Галла, между прочимъ, слѣдующую вечернюю молитву: «О Боже ты далъ мнѣ провести спокойно день, дай мнѣ провести и ночь спокойно! О, Господишь, не имѣющій надъ собою другого господина, нѣтъ другой силы кромѣ, какъ въ тебѣ, ты одинъ не имѣешь никакихъ обязанностей. Въ твоей рукѣ провожу я день, въ твоей рукѣ провожу я ночь, ты моя мать, ты мой отецъ». Галла молятся очень часто и уже непременно утромъ и вечеромъ и, кромѣ того, въ особенныхъ случаяхъ несчастья или опасности. При этомъ существуютъ особенныя молитвы для мужчинъ и женщинъ; обыкновенно въ нихъ зываютъ къ Ваку (высшее божество) и къ духамъ.

Какъ всякій видъ культа, жертва возможна безъ опредѣленной цѣли, безъ мифологическаго толкованія, какъ простая личн. реакція; на примѣръ, въ замѣстительныхъ жертвахъ: больной или угрожаемый смертью ставитъ на свое мѣсто другого, чтобы тѣмъ умиловить страшную силу, желающую его гибели, но о которой онъ часто не имѣетъ яснаго представленія. Результатъ такихъ дѣйствій часто простирается дальше внутреннего существа жертвующаго. Въ библіи есть разсказъ (2 цар., 3) что одинъ моабитскій вождь, осажденный израильтянами, принесъ въ жертву своего старшаго сына на стѣнѣ, на глазахъ осаждающихъ, послѣ чего израильтяне, отчаявшись въ побѣдѣ, удалились. О древнихъ вождяхъ викинговъ разсказываютъ подобныя же дѣйствія съ тѣмъ же результатомъ; объ одномъ изъ нихъ составилась даже легенда, что онъ каждыя десять лѣтъ приносилъ въ жертву одного изъ своихъ сыновей и такимъ образомъ достигъ неслыханнаго долголѣтія. Замѣстительныя жертвы примѣняли и перуанцы при болѣзняхъ инковъ. Красивѣе былъ обычай древнеримскихъ полководцевъ жертвовать своею жизнью для народа и тѣмъ ободрить свое войско и испугать вражеское; легендарныя слѣды подобныхъ обычаевъ встрѣчаются часто въ сказаніяхъ древнеклассическихъ народовъ.

Не безъ основанія упоминаемъ мы сначала именно о замѣстительной человѣческой жертвѣ, такъ какъ она бросаетъ свѣтъ на вопросъ, вызывавшій большіе споры—произошелъ ли всюду обычай этихъ самыхъ распространенныхъ и страшныхъ жертвъ изъ каннибальства, или нѣтъ. Само по себѣ кажется вѣдь очень понятнымъ

слѣдующее соображеніе: люди всюду жертвовали своимъ предкамъ и богамъ, которымъ приписывали человѣческія склонности и потребности, пищу и питье; слѣдовательно, они имъ не отказывали въ самой драгоценной пищѣ, въ человѣческомъ мясѣ, а, можетъ быть, даже предпочтительно приносили ее въ даръ. При постепенномъ исчезновеніи всюду распространеннаго прежде каннибальства, человѣческія жертвы оставались въ обычай еще долгое время. потому что консервативный характеръ всякой религіозной сущности вліялъ здѣсь задерживающимъ образомъ и поддерживалъ обычай, ставшій уже бессмысленнымъ; вѣдь нельзя себѣ собственно представить, что ста-

Молящійся магометанецъ.

нать дѣлать боги съ трупами людей, если ихъ самихъ не считать уже людоедами. Лишь мало по-малу исчезаетъ ужасный обычай вслѣдствіе своей собственной нецѣлостности и подъ вліяніемъ требованія болѣе высокихъ нравственныхъ воззрѣній.

Это мнѣніе звучитъ, какъ сказано, очень убѣдительно, и безъ сомнѣнія, объясняетъ часть случаевъ; но именно обычай замѣстительныхъ жертвъ показываетъ, что оно не вполне удовлетворительно, такъ какъ этотъ родъ жертвъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же старъ, какъ и каннибальскія жертвы. Если больной приноситъ въ жертву чловека, то онъ вообще признаетъ, что страшное сверхестественное существо сердится на него и вообще желаетъ ему принести вредъ, и онъ предлагаетъ этому существу взаменъ себя другого чловека. Почему не допустить, что одно даже убійство чловека доставляетъ удовольствіе богамъ и духамъ? Вѣдь совершаютъ же его съ дикой

радостью и гордым чувством победы войны-люди. В этом направлении мысли могут легко развиться человеческия жертвоприношения без всякаго влияния каппибальства. То же можно сказать о многих жертвах, имѣющихъ источникомъ культъ предковъ: когда жертвому даютъ на тотъ сѣтъ женщинъ и рабовъ, это дѣлаютъ потому, что они составляютъ его имущество, а не потому что считаютъ ихъ для него пищей. Многія отвратительныя формы человеческихъ жертвъ, въ особенности въ королевствахъ западно-африканскаго прибрежья, въ Бенинѣ, Дагомеѣ и Ашанти, непосредственно произошли изъ такихъ воззрѣній.

Очень пріятно наблюдать, какъ крѣпнущая нравственность въ этой области, поддержанная экономическими соображеніями, ведетъ борьбу съ застывшими формами религіи. Нечего и думать о непосредственномъ устраненіи обычая: цѣль достигается лишь окольными путями, т. е. или замѣной человеческихъ жертвъ другими, или замѣной невинныхъ людей преступниками, слѣдовательно, слияніемъ жертвъ съ дѣйствіями уравнительнаго правосудія, и такимъ путемъ обычай получаетъ новый смыслъ. Въ всякомъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ довольно высокихъ нравственныхъ воззрѣній въ поступкахъ майя, въ центральной Америкѣ, которые, въ древнія времена, приносили въ жертву человеческую кровь только такимъ способомъ, что верховный жрецъ, расцарапывалъ себѣ языкъ и давалъ крови стекать въ жертвенную чашу.

Впрочемъ, относительно и другихъ жертвоприношеній, видна склонность постепенно уклоняться отъ богатыхъ и цѣнныхъ даровъ и, наконецъ, приносить лишь символическіе дары или просто довольствоваться молитвами. И здѣсь дѣйствуютъ совместно нѣсколько побудительныхъ причинъ, которыя, впрочемъ, въ сущности, вытекаютъ изъ возрастающаго вліянія мысли на релігіозное чувство. Чѣмъ яснѣе старались представить себѣ боговъ, тѣмъ болѣе терли они свое подобіе человѣку и тѣмъ скорѣе превращались въ идеальные образы, которымъ были чужды низменныя потребности. Тамъ, куда проникалъ монотеизмъ, особенно быстро и основательно совершалось это развитіе, такъ какъ должно было представляться черезчуръ мелочнымъ идти къ всеобъемлющему существу съ ничтожными дарами изъ произведеній человеческого хозяйства. Но и само хозяйство, какъ только на него стали сильнѣе вліять разумныя соображенія, должно было стремиться къ устраненію тяжелыхъ и часто непосильныхъ даней богамъ, такъ какъ нельзя было отрицать, что божества, повидимому, не давали должнаго употребленія даровъ.

Какъ переходная форма, развилось жертвенное пищество, при которомъ богамъ отдавалась только малая часть жертвы, большую же часть пожирали сами данники. Въ другихъ мѣстахъ образовался

обычай приносить въ даръ немѣющія цѣны вещи, какъ бы въ видѣ символа даровъ. Бережливый китайецъ жертвуетъ, вмѣсто золотыхъ и серебряныхъ слитковъ, изображеніе ихъ на бумагѣ, которую онъ сжигаетъ; въ сѣверо-восточной Сибири, до самой Японіи, очень распространены обычай жертвовать опилки. Начало такихъ видоизмѣненій мы видимъ въ привычкѣ баронга называть быкомъ каждое жертвенное животное, будь то лишь курица или коза: очевидно, это ребяческая попытка подставить, вмѣсто дорогого быка, болѣе дешевую замѣну. Вѣроятно, такія попытки встрѣчались бы гораздо чаще, если бы обычай сжигать жертвенные дары не сдерживалъ часто скептическое раздумье о цѣли и пользѣ жертвъ: казалось, что боги дѣйствительно овладѣваютъ жертвой посредствомъ пламени. Въ этомъ смыслѣ, богъ Агни слылъ у древнихъ индусовъ посредникомъ между богами и людьми. Въ греческомъ сказаніи о Прометѣѣ лежитъ даже воззрѣніе, что вмѣстѣ съ огнемъ возникла религія, такъ какъ Прометей лишь посредствомъ жертвеннаго огня научилъ людей истинно почитать боговъ.

Культъ не ограничивается молитвами и жертвой; третье важное видоизмѣненіе почитанія боговъ есть исکانіе, развившееся изъ незамѣтныхъ и часто непріятныхъ зачатковъ; но на высшихъ ступеняхъ оно получаетъ въ различныхъ формахъ громадное значеніе. Обычай налагать на себя отреченія, ради сверхъестественныхъ силъ, появляется очень рано, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ близко связанъ съ жертвенными обычаями: когда кто нибудь отказываетъ себѣ въ какомъ-нибудь услажденіи или даже въ необходимой пищѣ, чтобы умилостивить боговъ, онъ этимъ налагаетъ на себя въ то же время покаяніе. Отсюда недалеко до мысли, что отреченіе вообще пріятно богамъ. Но развитіе этой мысли идетъ еще и въ другомъ направленіи.

Гансъ Заксъ изображаетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, какъ чортъ, сидя за печкой, поджидаетъ случая влѣзть въ горло одному изъ пьяныхъ ландскнехтовъ вмѣстѣ съ чудовищнымъ глоткомъ вина изъ кружки, и, какъ привычка кутиль говорить при каждомъ глоткѣ «Господи благослови», мѣшаетъ чорту въ его намѣреніи. Пусть это будетъ шутовская выдумка или, вѣроятнѣе, воспоминаніе о существовавшемъ еще тогда суевѣріи; фактъ тотъ, что у многихъ народовъ существуетъ еще и теперь болѣзнь проглотить съ пищей и интѣшь какое нибудь сверхъестественное существо, которое можетъ вызвать въ тѣлѣ опасныя болѣзни. Даже одинъ недоброжелательный взглядъ присутствующихъ можетъ легко сдѣлать кушанье ядовитымъ. Этимъ объясняются многіе странныя обычая: многіе африканскіе вожди нѣютъ только, нацѣмѣрь, тщательно прикрывая ротъ, и вѣдать обыкновенно только, находясь одни въ своей хижинѣ. Обычай вѣсть

въ одиночествѣ такъ широко распространенъ и такъ глубоко вкоренился, что въ этомъ отношеніи часто развивается нечто вроде сильнаго чувства стыда и приличія; южно-американскіе индѣйцы испуганно и стыдливо отворачивались передъ непристойностью одного европейскаго путешественника, когда онъ клалъ въ ротъ кусокъ пищи въ ихъ присутствіи, и не было лучшаго средства удалить зѣвакъ, какъ начать дѣлать приготовленія къ ѣдѣ. Страхъ отравленія сверхъестественными существами, конечно, всего сильнѣе тогда, когда мысли направлены на мѣръ духовъ и подавлены извѣстнымъ представленіемъ, т. е. послѣ какого-нибудь смертнаго случая.

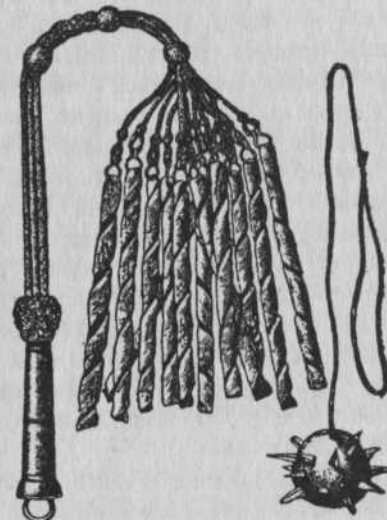
Многіе запретительные обычаи полинезійцевъ вытекаютъ изъ этого чувства страха: пренебрегаютъ не только плодами, принадлежавшими умершему, но и вообще ѣдятъ съ особенной предосторожностью; тѣ, которые прикасались къ труну и поэтому всего сильнѣе подвергаются опасности, должны наложить на себя различные запреты и законы ѣды. Но еще вѣришь, вообще, изъ чего не ѣсть, пока не испарится первый гнѣвъ духа. Такимъ образомъ, возникаетъ постъ, прежде всего, какъ предохранительное средство, но потомъ онъ легко становится привычкой и, перетолковываясь, получаетъ новое содержаніе. Но и здѣсь, съ самаго начала, является странное, почти необъяснимое силеженіе причинъ, которое, вообще, часто существуетъ въ культѣ мертвыхъ: проявленія искренняго горя такъ сходны съ этими предохранительными обычаями, что невозможно ихъ рѣзко разграничить. Если хитрый наслѣдникъ надѣваетъ грязныя, простыя одежды, чтобы обмануть или умиловить мертваго, то вѣдь и человекъ, дѣйствительно охваченный горемъ, пренебрегаетъ нѣкоторое время своей вишностью, потому что у него нѣтъ силы заботиться о своемъ собственномъ тѣлѣ; точно также онъ сначала будетъ мало думать объ ѣдѣ и питьѣ и еле будетъ въ состояніи принимать ихъ, даже если его не принуждаетъ къ посту страхъ передъ духами. Даже это дѣйствительное горе можетъ стать опять-таки упорнымъ обычаемъ, такъ какъ служить образцомъ для другихъ, испытывающихъ его въ меньшей степени, а наружныя проявленія вызываютъ тѣмъ большее подражаніе, чѣмъ менѣе знаютъ и понимаютъ ихъ внутреннюю сущность.

Если принять въ соображеніе всѣ эти различные источники мысли о покаяніи, легко понять, какъ можетъ дойти покаяніе до самоистязанія (рис. стр. 815) и даже до самоуничтоженія. Преувеличенныя формы горя, встрѣчаемыя у дикарей, служатъ здѣсь образцомъ и могутъ привести къ странно уродливымъ проявленіямъ. Примѣры этому приведены уже въ другомъ мѣстѣ. Подъ вліяніемъ болѣе высокихъ нравственныхъ понятій самоистязаніе считается наказаніемъ тѣла, величайшей помѣхи для одухотворенія. Но всѣ

формы аскетизма служатъ въ то же время мистическимъ цѣлямъ, къ чему мы скоро вернемся.

Наказуя и ослабляя тѣло, аскетизмъ тѣмъ самымъ, мнимо или дѣйствительно, укрѣпляетъ силу духа и ведетъ человекъ къ ступенямъ болѣе высокой чистоты; воздержаніе, какъ отказъ отъ наслажденія, направляетъ волю къ болѣе благороднымъ цѣлямъ. Въ этомъ смыслѣ аскетизмъ является спутникомъ большинства развитыхъ религіозныхъ формъ, будь это въ формѣ одиночнаго удаленія кающихся отъ міра, или соединеніе ихъ въ группы для совместнаго стремленія подойти ближе къ своей цѣли высшей чистоты и отреченія отъ земнаго. Всегда при этомъ отвращеніе отъ половой жизни является важнѣйшей заповѣдью. И этотъ путь къ чистотѣ имѣетъ свои странныя и часто отвратительныя первоначальныя ступени; напомнимъ лишь объ оскопленныхъ жрецахъ многихъ западно-азиатскихъ богинь, объ этихъ жалкихъ представителяхъ вынужденнаго цѣломудрія.

Желаніе очищенія выражается также и въ нѣкоторыхъ другихъ обрядахъ культа, между которыми всего извѣстнѣе, конечно, крещеніе. Въ Японіи, во время праздника очищенія, прыгаютъ въ обручи изъ плетеной травы, чтобы заморозить себя противъ заразныхъ болѣзней; камчадалы также пролѣзаютъ въ кольцо для очищенія отъ грѣховъ, а чукчи протискиваются между двумя палками, чтобы стереть порокъ, какъ наростъ на тѣлѣ. Въ мечети Кайруана, въ Тунисѣ, есть двѣ колонны, между которыми протискиваются больные, въ особенности ревматиками, чтобы получить исцѣленіе. Многія покаянныя церемоніи вытекаютъ изъ подобныхъ простыхъ идей и всѣ имѣютъ, прежде всего, цѣлью отвратить болѣзни, пока это средство не начинаютъ употреблять и противъ нравственныхъ золъ. Понятно, что все это развито у разныхъ народовъ въ очень различной степени, но причина этого различія не всегда ясна, нѣкоторыя племена мало знакомы съ обычаями очищенія, а у бореро, напримѣръ, въ Бразиліи, знахари имѣютъ много хлопотъ съ очищеніемъ отъ грѣха при каждомъ убійствѣ животнаго на

Плетень съ деревянной ручкой и плетень изъ пчелинаго воска и стеклянныхъ осколковъ. Изъ Азорскаго монастыря.

охотѣ, такъ какъ вѣдь въ каждомъ мѣстѣ находятся духъ какаго-нибудь умершаго; на меланезійскомъ островѣ Онтонгъ—Лва, каждый чужестранецъ, выходящій на берегъ, встрѣчается прежде всего жрецами и очищается ими отъ грѣховъ. Понятно само собою, что подобные обычаи могутъ стать могущественнымъ средствомъ въ рукахъ духовенства и, конечно, тогда систематически разрабатываются.

Особеннаго рода церемонія очищенія—изгнаніе козла отпущенія известна намъ изъ библіи, но встрѣчается и теперь. Какъ евреи на праздникѣ примиренія возлагали на козла или птицу все грѣхи народа и затѣмъ прогоняли его въ пустыню (З. Моис. 14, 7; 16, 10), такъ и теперь катяицы, въ южной Сибири, выгоняютъ, съ громкимъ крикомъ, бѣлую лошадь, которую они называютъ „грѣхомъ“: при одномъ жертвенномъ обычаѣ и радуются, если она пристанетъ къ стадамъ другого племени. Бадаги въ передней Индіи возлагаютъ во время торжества похоронъ все грѣхи умершаго и его рода на теленка-буивола и затѣмъ также прогоняютъ послѣдняго съ дикими криками. Андра, собравшій много подобныхъ примѣровъ, справедливо указываетъ, что эти обычаи суть лишь часть тѣхъ обычаевъ, которые имѣютъ цѣлью перенести грѣхъ, или (какъ, вѣроятно, всегда первоначально) болѣзнь на другихъ существъ, животныхъ или растений. Какъ твердо укоренилась вѣра въ эту возможность, показываетъ склонность къ лѣченію симпатическими средствами, которая и въ Германіи сильно распространена. Всюду выступаетъ тѣсная связь между формами культа мистическими идеями и началами науки врачеванія.

Когда культъ требуетъ великихъ паломничествъ или покровительства имъ, онъ получаетъ громадное значеніе для общаго развитія человѣчества. Обычай большихъ паломничествъ еще тѣмъ удивителенъ, что онъ возникаетъ всюду, гдѣ чисто духовныя религіи восприняли изъ древнихъ временъ низшія формы культа и даже сознательно ихъ развили. Божества примитивныхъ религій привязаны къ мѣсту, между тѣмъ, какъ божества высшихъ религій могутъ быть почитаемы всюду; но мѣстные культы удержались въ христіанствѣ, въ исламѣ и буддизмѣ съ удивительнымъ упорствомъ и даже даютъ новые побѣги, обладающіе большою жизненной силой. Только протестанству удалось порвать съ этимъ низшимъ видомъ культа и, можетъ быть, лишь потому, что ко времени его возникновенія, стали выступать на мѣсто религиозныхъ паломничествъ, потерлвшихъ цѣну для культуры, другіе виды народныхъ сношеній. Но въ различныхъ временахъ паломничества были нецѣлѣвымъ связующимъ средствомъ народовъ и культуръ. Когда Могометъ внесъ въ постройку своей религіи наивное почитаніе древняго метеорита въ Меккѣ и обычныя паломничества туда, онъ создалъ центръ своей вѣры, какъ бы живое

сердце, притягивающее къ себѣ потоки крови организма и вновь толкающее ихъ въ болѣе отдаленные его члены. Въ средніе вѣла пилигримства въ Римъ поддерживали живое чувство связи въ христіанскомъ мірѣ, которое, безъ сомнѣнія, было полезно и для возрожденія культурной жизни. Для новѣйшаго времени это уже не имѣетъ значенія; такъ какъ именно самые тупые элементы народа обыкновенно даютъ обѣтъ паломничества въ видѣ покаянія, изъ многочисленнаго соединенія этихъ элементовъ не можетъ выйти ничего особенно хорошаго. Что значать теперь для культуры громадная толпа богомольцевъ, устремляющихся ежегодно въ Лурдъ, въ пустынно-жительство Маріи въ Лорето, если мы сравнимъ ихъ съ самой небольшой экскурсіей научныхъ ферейновъ или даже съ тѣми толпами народа, которыя устремляются на художественныя и ремесленныя выставки?

Какъ во всехъ видахъ анимизма замѣтны слѣды мистическаго воззрѣнія, такъ и большинство формъ культа имѣетъ привкусъ мистицизма. Здѣсь мы достигаемъ самой, быть можетъ, интересной, но и самой неясной области религіи. Кто старается разрѣшить эту путаницу и пробить тропинку въ этомъ лабиринтѣ, всегда находится въ опасности порвать болѣе тонкія связи и создать искусственную ясность въ ущербъ истинѣ. И это очень естественно: при изслѣдованіи этихъ темныхъ областей, мы работаемъ съ помощью разума и логики, а сущностью мистической жизни чувства можно считать именно нелогичность, яли вѣрнѣе, полусознательное мышленіе, инстинктивное нащупываніе пути, относительно которыхъ критическій разумъ, ищущій всегда ясной побудительной причины, разумной цѣли и соответствующихъ средствъ, часто остается совершенно безпомощнымъ. Онъ долженъ объяснить вещи, которыя онъ вообще объяснить не можетъ. Задача была бы совершенно неразрѣшима, если бы то инстинктивное мышленіе не представляло, съ широкой точки зрѣнія, извѣстныхъ логическихъ чертъ и если бы даже въ маломъ, при развитіи мистики, разумъ при случаѣ не влиялъ всегда хотя отчасти. Тѣмъ не менѣе задача остается очень тяжелой и пока даже неразрѣшимой.

Къ этому присоединяется еще одна трудность. Въ бодрое время просвѣтленія и въ еще болѣе бодрое время Дарвиновскаго панства замѣчательно легко рѣшались все эти вопросы; все, что принадлежало къ области мистики, было дѣтскимъ суевѣріемъ, заниматься которымъ благородный человѣкъ могъ самое большее одну минуту, чтобъ разбить его нѣсколькими уничтожающими доводами. Эта односторонность имѣла свои хорошія послѣдствія и имѣетъ для культуры безусловно громадное значеніе, такъ какъ она довела крайность до апогея; но, къ сожалѣнію, это счастливое положеніе дли-

лось недолго, и въ настоящее время изслѣдователь стоитъ передъ очень трудными проблемами. Больше близкое изученіе гипнотизма показало, что здѣсь ничего не сблещешь простымъ отрицаніемъ и разлагающимъ скептицизмомъ, и многое, что кажется мистицизмомъ у первобытныхъ народовъ, имѣетъ научно-доказанное основаніе. Этимъ совершенно устраняется, напримѣръ, удобная уловка признавать всѣхъ шамановъ и знахарей ловкими фокусниками и скоморохами. Но съ другой стороны, изслѣдованія этихъ областей, долго находившихся въ пренебреженіи, частью такъ мало подвинуты впередъ, частью такъ неуверены и оспоримы, что совершенно невозможно, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, ихъ принять за объясненіе, тѣмъ болѣе, что кромѣ Штоля до сихъ поръ едва ли кто имѣлъ мужество воспользоваться въ этомъ смыслѣ данными народовѣденія. Именно мы, люди культуры, съ нашимъ одностороннимъ развитіемъ «склонности все мѣрить разумомъ», мало способны изслѣдовать это безпристрастно.

Съ точки зрѣнія исторіи культуры и народовѣдѣнія, я склоненъ понимать подъ мистицизмомъ вѣру въ сверхестественныя силы и вліянія живущихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мистика тѣсно связана съ анимистическими и манистическими идеями, признающими существованіе, вліяющія внѣ человѣка, но именно поэтому мистика рѣзко отдѣляется отъ этихъ идей.

Источникомъ большей части мистическихъ воззрѣній служить, безъ сомнѣнія, сонъ. Нужна была долгая умственная школа, чтобы отклонить наиболѣе развитую часть человечества отъ наивной вѣры въ дѣйствительность сновидѣній; еще многіе первобытные народы очень склонны видѣть въ снахъ скитанія и переживанія собственной души и заключить, что и для живыхъ возможно вліяніе на разстояніи. На болѣе высокихъ ступеняхъ изъ этого вытекаетъ желаніе приблизиться къ этимъ таинственнымъ силамъ внутренней жизни, которыя строятъ и поддерживаютъ тѣло и почти не поддаются бодрствующему разуму. Мысль, что должно быть возможно направлять эту внутреннюю волю и заставить ее служить себѣ, безъ сомнѣнія, лежитъ въ основаніи многихъ формъ мистики; и экстазъ, который такъ трудно опредѣлить по существу, также вѣдь обозначаетъ выступленіе и дѣйствіе «невѣдомаго» въ человѣкѣ, способнаго тогда, мнимо или дѣйствительно, на необычныя поступки. Въ этомъ смыслѣ мистику можно назвать частью или зародышемъ религіи, относящимся къ невѣдомой сторонѣ человѣческаго существа.

Наблюденіе сновидѣній ведетъ непосредственно къ старѣйшей и важнѣйшей вѣтви мистики, къ прорицанію (угадыванію грядущихъ событій) и пророчеству. Желаніе имѣть возможность заглянуть въ будущее, чтобы сообразно съ этимъ руководить своими дѣйствіями,

такъ естественно и жгуче, что оно вызываетъ извѣстную реакцію безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что можно наблюдать даже у культурныхъ людей: человѣкъ, взволнованный ожиданіемъ, считаетъ нуговицы своего платья или лепестки цвѣтка, придаетъ цѣну извѣстнымъ встрѣчамъ и звукамъ, короче, полуневольно обманываетъ себя возможностью угадать грядущее, не вѣря въ это въ дѣйствительности; вся игра есть проявленіе возбужденія, отвлекающая реакція, утоляющая мучительное напряженіе души. Когда эта реакція становится привычкой, изъ нея образуются опредѣленные формы прорицанія, которыя, какъ мѣстная часть народнаго обычая, встрѣчаютъ уже болѣе твердую вѣру, чѣмъ тѣ первые, дикіе отпрыски.

Во всякомъ случаѣ методы угадывать будущее раздѣляются въ дѣйствительности на двѣ группы, механическую и духовную, изъ которыхъ собственно только вторая принадлежитъ къ мистикѣ въ узкомъ смыслѣ слова. Механическая группа, которую, для краткости, можно назвать прорицаніемъ, охватываетъ всѣ выводы изъ случайныхъ, или намѣренно вызванныхъ фактовъ, какъ птичій полетъ и крикъ, разсмотрѣніе внутренностей, бросаніе костей, опросъ статуй оракуловъ (см. прилагаемый рис.) и т. под. Духовная группа, напротивъ того, происходитъ изъ непосредственнаго заглядыванія въ будущее подъемомъ духовной силы, изъ объясненія словъ и сновидѣній; ее можно противопоставить прорицанію, какъ пророчество. Обѣ группы не рѣзко отдѣлены: когда кто-нибудь, напримѣръ, бросаетъ кости, или раскладываетъ карты, это, повидимому, чисто механическое опрашиваніе будущаго, но обыкновенно предполагается, что опытъ удастся лишь извѣстнымъ лицамъ, другими словами, что кости и карты направляетъ пророческій духъ человѣка, хотя и безотчетно для бодрствующаго разума. Этимъ объясняется, что и прорицаніе болѣею частью практикуется отдѣльными лицами. Другая причина, во всякомъ случаѣ, та, что не всякій понимаетъ и умѣетъ обращаться со значеніемъ знаковъ,

Изображеніе оракула изъ зап. Явы.

которые часто приведены въ очень сложную систему. Впрочемъ и пророчество также не вездѣ одинаково; рядомъ съ попытками высвятъ собственную мистическую силу для угадыванія будущаго, стоятъ другія, ищущія получить отвѣтъ отъ духовъ умершихъ; иногда оба способа тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Простое прорицаніе съ его различными отраслями уже само по себѣ представляетъ тому, обсужденіе которой могло бы занять цѣлые томы; все и вся можетъ, по желанію, имѣть цѣну въ этомъ смыслѣ, часто случай рѣшаетъ предпочтеніе чего-нибудь у народа. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые методы встрѣчаются очень часто и въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ земли. Въ классической древности, какъ извѣстно, былъ очень распространенъ обычай разсмотрѣнія внутренностей жертвенныхъ животныхъ, изъ состоянія и положенія которыхъ выводили заключенія о будущемъ; но тотъ же обычай былъ хорошо извѣстенъ и древнимъ культурнымъ народамъ Америки, мексиканцамъ и перуанцамъ. На Борнео, у далковъ, также всюду распространенъ этотъ способъ прорицанія, и рядомъ съ этимъ разсматриваютъ сердце убитой свиньи и измѣряютъ длину жертвеннаго животнаго до и послѣ закола, чтобъ узнать будущее.

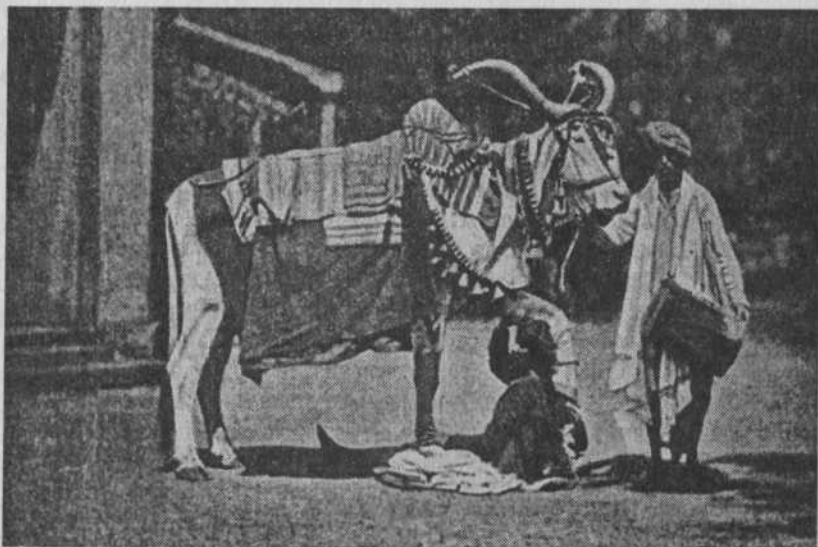
Объ обычаяхъ далковъ при разсмотрѣніи внутренностей рассказывалъ Хозе болѣе подробно слѣдующее: «Когда они хотятъ спросить боговъ, случится или нѣтъ какое-нибудь важное событіе, или если они хотятъ получить совѣтъ, вносится свинья со связанными ногами, и вождь обращается къ ней съ рѣчью, причемъ онъ ее называетъ почетнымъ титуломъ «Вали Война» (духовная свинья). Затѣмъ онъ беретъ немного горичей золы и проводитъ ею близко около самой спины и боковъ животнаго, не касаясь, впрочемъ, кожи. Затѣмъ онъ закликаетъ свинью сказать правду и ставитъ ей вопросъ, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ сдѣлать то или другое. Послѣ этого свинью закалываютъ, кровь спускаютъ въ большой гонгъ, туловище разрѣзаютъ и вынимаютъ печень для изслѣдованія. Если печень черновата или въ пятнахъ, это плохой знакъ; если она крѣпко охвачена крупными кровеносными сосудами, изслѣдуютъ, въ какомъ положеніи находятся послѣдніе другъ къ другу; если желчный пузырь какъ-нибудь накрываетъ печень, это также служитъ знакомъ, что предсказаніе неблагоприятно. Если же печень здорова и безупречна — предсказаніе благоприятно и свинья съдобрна». Въ Африкѣ также извѣстенъ обычай изслѣдованія внутренностей, а именно, у народовъ сѣверо-востока, галласовъ и ихъ сосѣдей. Родственные этому способу суть предсказанія по осколкамъ печевыхъ костей жертвенныхъ животныхъ, практикуемыя сибирскими шаманами, или по осколкамъ брошеннаго въ огонь щита черепахи, что было въ обычаѣ въ древнемъ Египтѣ.

Но крайней мѣрѣ столь же часто встрѣчаются предсказанія, почерпнутыя изъ дѣйствій живыхъ животныхъ, между которыми, въ особенности предпочитаютъ птицъ. У грековъ и римлянъ особенно внимательно наблюдали полетъ птицъ, у далковъ узнаютъ предостереженія и одобренія по крикамъ птицъ. Далкъ обращаетъ вниманіе лишь на опредѣленные породы птицъ, но предзнаменованія приведены въ такую обширную и запутанную систему, что лишь старые и опытные люди могутъ съ нею вполне справиться. Такъ, напримѣръ, хорошимъ предзнаменованіемъ для расчистки новаго поля или постройки дома считается, если услышишь цѣлый рядъ птичьихъ голосовъ съ одного опредѣленнаго направленія; для этого иногда нужно много дней, такъ какъ въ промежуткахъ являются неблагоприятныя предзнаменованія и могутъ уничтожить полученный до сихъ поръ результатъ, а, слѣдовательно, все надо начинать сначала. Слѣдствіемъ этого является большая потеря времени, которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Далкъ, получившій на дорогѣ къ своей плантаціи худое предзнаменованіе, непременно возвращается назадъ, даже если бы это повторялось въ самую страдную пору въ продолженіе цѣлаго дня. Поэтому нѣтъ недостатка въ нѣкоторыхъ попыткахъ устранить эти дурныя послѣдствія страсти къ прорицанію, доходящей до глупости; применяютъ различныя средства, чтобъ предотвратить возмѣщенное несчастье и въ то же время преслѣдовать свою первоначальную цѣль, а при постройкѣ дома поступаютъ еще проще — постояннымъ шумомъ заглушаютъ голоса птицъ и, такимъ образомъ, вообще, избѣгаютъ всякаго прорицанія.

Въ истинѣ же прорицанія не сомнѣвается никто, какъ мы видимъ изъ прекрасныхъ словъ Пергама, который при этомъ бросаетъ взглядъ и на «образъ мышленія» дикарей и вообще первобытныхъ народовъ: «Въ эту запутанную систему вѣрять какъ въ основаніе всякаго успѣха. Цѣлыя исторіи рассказываютъ другъ другу о неудачахъ, болѣзняхъ и смертныхъ случаяхъ, происшедшихъ вслѣдствіе невниманія къ предсказаніямъ. Можно приводить сколько угодно разумныхъ доводовъ противъ системы, они всегда будутъ считать случаи исполненія, которые они испытали, за вѣрное доказательство истинности предсказаній; и для нихъ случайное совпаденіе важнѣе, чѣмъ самые убѣдительные доводы. Нечего и говорить, что при приведеніи случаевъ поступаютъ очень односторонне. Всѣ случаи, когда результатъ подтверждаетъ предсказаніе, тщательно сохраняются въ памяти, а тѣ, когда предсказаніе оказалось ложнымъ, быстро забываются». Остатокъ такого образа мыслей замѣчается еще и у культурныхъ народовъ, какъ, напримѣръ, доказываетъ отношеніе общества къ разнымъ прорицателямъ погоды. Разъ колея извѣстной

ассоциации идей достаточно глубока, она долго остается в употреблении, и все боковые дороги не замечаются или внимание на них обращается лишь мелькомъ.

Тамъ, гдѣ священныхъ животныхъ держатъ въ храмахъ, они большею частью также служатъ для прорицаній и связаннымъ съ этимъ исцѣленіемъ больныхъ (рис. ниже), будь иногда это только въ томъ смыслѣ, что по состоянію ихъ здоровья, заключаютъ о счастья или несчастья для народа. У китайцевъ есть особенный методъ прорицанія: на шахматную доску, испещренную знаками,

Священный быкъ въ Бенаресъ въ Остѣ-Индіи.

раскладываютъ зерна рису и даютъ ихъ клевать курицѣ. Соединяя затѣмъ знаки очищенныхъ такимъ образомъ полей, получаютъ предсказаніе. У юндовъ, во окраинѣ Камеруна, употребляютъ для предсказаній земляныхъ пауковъ. «Въ каждой хижинѣ», пишетъ Цеккеръ, «а также по дорогамъ встрѣчаются четырехугольники, обложенные стволами банана, въ срединѣ которыхъ находится отверстие, утыканное бамбуковыми палочками. Здѣсь живетъ земной паукъ. Если владѣлецъ хижины, или кто изъ принадлежащихъ къ его семьѣ хочетъ предпринять путешествіе, отверстие закрываютъ на ночь листьями банана. Если палочки остаются въ томъ же порядкѣ—все будетъ хорошо; если же какая-нибудь изъ палочекъ

измѣнить положеніе, значитъ грозитъ несчастье и поѣздка отменяется».

Къ другой группѣ принадлежатъ тѣ средства предсказанія, которыя человекъ вызываетъ добровольно. Нямъ-нямъ называютъ „борру“ слѣдующій простой способъ: мокрымъ колышкомъ водятъ взадъ и впередъ по деревянной скамеечкѣ; если колышекъ скользитъ легко, это служитъ счастливымъ предсказаніемъ. Достоинно вниманія, что нямъ-нямъ, по свидѣтельству Швейяфурта, называли моленіе магометанъ также „борру“, слѣдовательно, приписывали непонятному для нихъ богопочитанію практическую цѣль. Очень распространены кости и т. под. предметы, для цѣлей прорицанія; но часто считаютъ, что не всякій можетъ, съ ихъ помощью, угадать будущее, что для этого нуженъ извѣстный даръ, который при случаѣ можно получить съ помощью особенныхъ „лекарствъ“. Такъ рассуждаютъ, напримѣръ, баронга, которые выработали довольно сложную систему гаданія на костяхъ. Всѣхъ такихъ костей для гаданія насколько могъ узнать Юнодъ,—27 штукъ. Семь изъ нихъ, приготовленныхъ изъ костей овецъ разнаго возраста и пола, соотвѣтствуютъ числу членовъ семьи; другія представляютъ духовъ предковъ, другія—преступниковъ, путешественниковъ и т. д. Другой рядъ костей обозначаетъ не столько лицъ, какъ предметы, напримѣръ, оружіе, ночь, миръ, дурныя извѣстія, деньги. Есть опредѣленные правила, какъ бросать кости и раскладывать ихъ, причѣмъ особенно обращаютъ вниманіе на то, какъ обращены отдѣльныя кости—передней или задней стороны вверхъ; фантазіи бросающаго кости остается при этомъ широкое поле.

Здѣсь уже мы видимъ попытку получить болѣе подробную картину будущаго; между тѣмъ какъ въ механическихъ прорицаніяхъ ожидается лишь отвѣтъ на извѣстный вопросъ; многіе методы прорицанія и не должны собственно узнавать будущія событія, а лишь разоблачать неизвѣстное, напримѣръ, открыть вора или колдуна. Пророчество, въ настоящемъ смыслѣ слова, напротивъ того, хочетъ дать человѣческому духу сверхъестественную силу, узнавать отдаленное и неизвѣстное. Но тутъ, какъ при всѣхъ началахъ религіознаго развитія, сейчасъ же примѣшиваются мистицистскія представленія и странно спутываютъ, повидимому, столь ясную картину. Это заглядываніе въ будущее, котораго живой человекъ можетъ достигнуть различными средствами, прямо довѣряютъ духамъ умершихъ, освобожденныхъ отъ тяжести тѣлесной оболочки. Задача заключается, значитъ, только въ томъ, чтобы войти съ ними въ сношенія и заставить ихъ отвѣчать. Это дѣлается различными способами: жрецъ или колдунъ, въ моментъ экстаза, входитъ въ сношенія съ мертвыми и затѣмъ сообщаетъ о пережитомъ; или духъ

времени возвращается въ свое тѣло и говоритъ его устами; или, наконецъ, духъ даетъ знать о своемъ присутствіи шумами и, облеченный плотью, появляется среди присутствующихъ. Конечно, эти способы не рѣзко раздѣлены между собою, а связаны промежуточными методами и часто употребляются рядомъ.

Чрезвычайно многочисленны и разнообразны средства, которыми стараются привести себя въ экстатическое состояніе. Прежде всего первобытные народы считаютъ все обманы чувствъ и галлюцинаціи за дѣйствительность и очень склонны добровольно вызывать такіа видѣнія, даже чувство повышенной жизненной силы, которое на время вызывается наркотическими средствами, считается волшебнымъ и приписывается вліянію сверхъестественныхъ силъ. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что большинство опьяняющихъ, или наркотическихъ веществъ кажутся окруженными мистическимъ сіяніемъ и что ихъ вкушаютъ только при соблюденіи извѣстныхъ формальностей: назовемъ лишь священныя напитки сомы древнихъ аріидцевъ Индіи, культъ котораго производился даже особенной кастой жрецовъ, каву-полинезійцевъ и меланезійцевъ, табакъ сѣверныхъ американцевъ. Наркотическія и ядовитыя вещества всюду принадлежатъ къ орудіямъ первобытной мистики; также и у европейскихъ народовъ, какъ доказываютъ грустной памяти процессы колдуній, которые, конечно, въ томъ отношеніи только не были вполне выдуманы, что покоились на общераспространенной вѣрѣ въ возможность колдовства. Бѣлена, вызывающая, повидимому, представленіе о летаніи, была любимымъ наркотикомъ нѣмецкихъ вѣдьмъ.

И безъ наркотиковъ можно вызвать нѣчто вродѣ опьяненія или восторженности. Дикій шумъ, громкая музыка и безумныя танцы были средствами приведенія въ экстазъ въ вакханаліяхъ культа грековъ. Умоизступленіе вырождалось въ нѣкоторыхъ культахъ въ кровожадное безуміе, какъ, на примѣръ, при почитаніи каппадонійской Беллоны, жрецы которой терзали свое тѣло и прорицали въ состояніи экстаза. Видъ кровавыхъ, до смерти замученныхъ жертвъ, а также дикій, сладострастный развратъ много разъ служили сознательно-примѣняемымъ средствомъ для приведенія въ экстазъ; часто употреблялись различныя средства одно за другимъ, или все вмѣстѣ. Рядомъ съ умоизступленіемъ и шумной музыкой является однотонное пѣніе, бесконечно повторяемые въ тактъ удары въ барабанъ, смотрѣніе въ упоръ на блестящіе предметы—все средства приведенія въ экстазъ, или вѣрнѣе, въ гипнотическое полусознательное состояніе, причѣмъ бразды правленія ускользаютъ изъ власти разума и выступаютъ инстинкты внутренней жизни. Въ такомъ соединеніи обыкновенно бывають видѣнія, которыя гораздо болѣе похожи на дѣйствительность, чѣмъ болѣе блѣдныя картины сновидѣній.

Но часто, кажется, это состояніе сначала вовсе не старались вызвать съ опредѣленнымъ, яснымъ намѣреніемъ, а просто отдавались ему также, какъ, на примѣръ, культурный человѣкъ отдается удовольствію пить опьяняющій напитокъ; эта параллель тѣмъ вѣрнѣе, что и здѣсь болышею частью далеко заходятъ за границы умѣреннаго потребленія; какъ тамъ наступаетъ алкоголизмъ и наконецъ бѣлая горячка и смерть, такъ и здѣсь послѣдствіемъ бываетъ полное умственное разстройство и преждевременная смерть. Тамъ, гдѣ не только жрецы и колдуны, но и цѣлыя тайныя общества предаются привычному экстазу, можетъ въ концѣ концовъ цѣлое племя впасть въ нервное раздраженіе, пока, наконецъ, произвольное экстатическое состояніе и видѣнія становятся ежедневной мукой, которая вслѣдствіе удивительной, часто наблюдаемой заразительности, распространяется все дальше. На берегу Бразиліи голландскіе путешественники-ислѣдователи встрѣчали, повидимому, такіа племена, „одержимыя бѣсами“. Часто экстазъ является въ такой формѣ, будто посторонній духъ овладѣлъ человѣкомъ, говоритъ изъ него и побуждаетъ къ страннымъ поступкамъ; этотъ особенный видъ гипнотическаго состоянія игралъ почти до послѣдняго времени въ католическихъ странахъ извѣстную роль подъ названіемъ „демоніаціи“, причѣмъ колдуны очень славились умѣніемъ изгонять бѣсовъ.

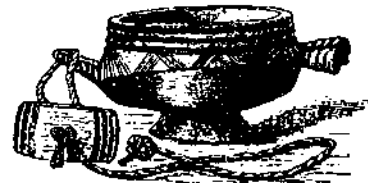
Когда духъ, повидимому, говоритъ черезъ челоуѣка, находящагося въ экстазѣ, черезъ «медіума», этотъ духъ можетъ, въ глазахъ вѣрующихъ, выступить на первый планъ и стать центромъ извѣстнаго культа, который вкореняется надолго или, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Здѣсь лежитъ важный, но трудно поддающійся изслѣдованію корень многихъ формъ культа, поэтому случай, который могъ быть подробнѣе изученъ во всемъ своемъ теченіи, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Бестъ сообщаетъ, что у маори считаютъ духа мертворожденнаго ребенка особенно злымъ и опаснымъ; если, на примѣръ, это дитя похоронили недалеко отъ клѣтки съ ручными попугаями, духъ переходитъ въ птицу и производитъ вѣлическія безчинства и безпокойства. Однажды, по какому-то случаю душа мертворожденнаго мальчика воплотилась въ зеленую ящерицу, и нѣкто Угіа сталъ медіумомъ, черезъ котораго духъ говорилъ своему племени. Этотъ дѣтскій духъ послѣ того какъ вѣра въ него укрѣпилась нѣкоторыми сбывшимися пророчествами, развился въ пожирателя людей, или бога войны, подстрекавшаго свое племя къ постояннымъ войнамъ и разбойничьимъ набѣгамъ. Обыкновенно, передъ походомъ, Угіа, или духъ говорящій его устами, выкрикивалъ нѣсколько таинственныхъ словъ, касающихся мѣста сраженія или нѣкоторыхъ предварительныхъ случайныхъ событій; если все совпадало съ дѣйствительностью, выступали противъ врага. Войны

Именно миссионеры считаются чаще всего виновниками дурной погоды. Глинянки такъ были увѣрены въ неблагопріятномъ вліяніи христіанскаго погребенія, что послѣ похоропъ ребенка, за которыми случайно послѣдовала дурная погода, сначала развели огонь на берегу и бросали въ него куколь, затѣмъ, когда это не помогло, вырыли гробъ ребенка и сожгли его. И другіе новые обычаи становятся подозрительны, такъ, напримѣръ, вакамба избѣгали еще во времена Гильдебранда употреблять для обработки земли, вмѣсто старыхъ деревянныхъ орудій, болѣе цѣлесообразныя желѣзные, потому что желѣзо отгоняетъ дождь. Но всего охотнѣе ищутъ виновныхъ, причѣмъ при дліящейся засухѣ разыскиваютъ колдуна и убиваютъ его (во Флоридѣ по свидѣтельству М. Вебера) или какъ у баттаковъ приписываютъ причину несчастья половымъ сношеніямъ между близкими родственниками и разыскиваютъ виновную пару посредствомъ чего-то, въ родѣ божьяго суда. Въ Китаѣ, сохранившемъ при всей своей древней культурѣ все же цѣлый рядъ удивительныхъ остатковъ прежнихъ воззрѣній, эти дѣтскія идеи о связи между нравственностью и погодой приведены въ цѣлую систему: при хорошемъ правительствѣ — хорошалъ погода; тамъ, гдѣ господствуетъ почтеніе къ родителямъ и властямъ, дождь идетъ въ нужное время; пороки, напротивъ, ведутъ за собою постоянныя ливни, легкомысленное поведеніе — засуху, лѣнь — продолжительныя жары. Но тутъ не только погода, но и благосостояніе всего народа зависитъ отъ нравственности толпы, властей и, прежде всего, императора. При важныхъ катастрофахъ появляются обыкновенно покаянныя объясненія царствующаго въ то время императора, что его грѣхи навлекли это несчастье.

Но покаяніе въ грѣхахъ и повшествахъ все же является только простымъ пассивнымъ заклинаніемъ погоды; напротивъ того, задача вызвать дождь активными мѣрами гораздо труднѣе и рѣшенія ея иногда настолько странны и запутанны, что съ трудомъ можно отыскать ту небольшую долю логики, которая дала толчокъ къ обычаю заклинанія. Когда бари, по свидѣтельству Марно, пускаютъ въ небо стрѣлу, согнутую на подобіе крючка, тутъ легко различить простое желаніе зацѣпить и стянуть внизъ дождевую тучу. Также понятна связь идей, когда при долгой засухѣ наполняютъ маленькія кружки водою изъ ручья Дракона, близъ Кантона, и содержимое разбрызгивается дѣтскими по полю, какъ «дождевыя сѣмена». Любимымъ и сравнительно понятнымъ средствомъ заклинанія служить также плесканье и болтанье воды, причѣмъ этотъ шумъ, похожій на падающій дождь, долженъ, нѣкоторымъ образомъ, соблазнить облака присоединить къ нему свой голосъ. Такъ, напримѣръ, на одной горѣ острова Амбонъ (Зондскій архипелагъ) находится горшокъ; во время засухи его наполняютъ водою, которую затѣмъ болтаютъ; въ Босніи для

той же цѣли, болтаютъ воду рѣчки или пруда лопатой, служившей для забрасыванія могилы. Еще въ 1790 году, по свидѣтельству Кайдла, крестьяне одной рутенской деревни согнали всѣхъ женщинъ и заставили ихъ одновременно выкупаться, чтобъ этияъ вызвать дождь. Это опять напоминаетъ шамановъ глинянниковъ, которые при недостаткѣ дождя влѣзаютъ въ воду до самыхъ волосъ. Правда, что такимъ образомъ можно призвать не только дождь, но и опасную бурю; монголы избѣгаютъ мытья грязной одежды, потому что послѣ того непременно бываетъ гроза. Въ судахъ нѣмецкими вѣдьмами, однимъ изъ обычныхъ обвинительныхъ пунктовъ служило привлеченіе ими грозы посредствомъ болтанья воды. Этими воззрѣніями объясняется, почему сосуды для воды часто служатъ при заклинаніи дождя (рис. ниже).

Менѣе ясны идеи, которыя приводятъ къ примѣненію «дождевыхъ камней». Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ дѣло шло о «громовыхъ камняхъ», которые падаютъ на землю во время грозы, а потому и въ послѣдствіи приписывается таинственная связь со всѣми переѣвами погоды. Многие африканскіе дождевые камни изъ горнаго хрустала, напротивъ того, считаются вспомогательными средствами при заклинаніи погоды, очевидно, вслѣдствіе ихъ сходства со льдомъ, который хорошо извѣстенъ въ области большихъ африканскихъ снѣжныхъ горъ. Вблизи покрытаго снѣгомъ Рунсоро, Штульманъ узналъ отъ туземцевъ, что дождь приходитъ съ этой горы, снѣжная масса которой не что иное, какъ «окаменѣвшій дождь»; такъ будто бы находятъ и камни (горный хрусталь), посредствомъ которыхъ можно вызвать дождь, считающіеся во всей области вахуловъ драгоценными амулетами. У отдѣльныхъ племенъ сего разные способы вызывать дождь съ помощью этихъ камней, но главный способъ состоитъ, кажется, въ томъ, чтобы положить ихъ въ воду. Напротивъ, съ цѣлью предотвратить дождь, колдунъ у вогумбе (восточная Африка) нагрѣваетъ свой дождевой камень. Въ Меланезіи и Полинезіи встрѣчаются точно такіе же обычаи. На Самоа, при слишкомъ большомъ количествѣ дождей, кладутъ камни къ огню, при засухѣ же ихъ смачиваютъ водою. Точно также наступаютъ балтаки со своими волшебными жезлами.

Сосудъ для похищенія дождя изъ Усумао, въ вост. Африкѣ.

Иногда заклинаніе дождя состоитъ изъ цѣлаго ряда простыхъ символическихъ дѣйствій, какъ у дияери (Австралія), по свидѣтельству Гастона. Строятъ хижину, въ которой двумя мужчинамъ

пускают кровь, что обозначает падающий дождь, и разбрасывают кругом пухъ, что должно означать туманъ. Два камня, какъ «сжатая облака», кладутся на сосѣднія деревья, въ воду сыплютъ гипсъ и наконецъ всё выдвигается головами впередъ на хижину, пока она разрушится и тѣмъ изобразить и вызвать паденіе дождя.

Если бы на заклинаніе погоды не вліяли также мистическія идеи, это противорѣчило бы всему предшествующему опыту. И дѣйствительно, мысль, что мертвые предки управляютъ дождемъ, часто выражалась и подтверждалась соответствующими дѣйствіями. Въ Новой Каледоніи, по разсказамъ Турнера, поступаютъ со скелетами умершихъ вождей точно такъ же, какъ съ дождевыми камнями, т. е. во время засухи обливаютъ ихъ водой, а при излишнемъ дождѣ разводятъ подъ ними огонь. Вабондси (восточная Африка) упребрегаютъ волосы и ногти умершихъ вождей для дождевого порошка; другія племена поливаютъ водой могилы, ставятъ на нихъ ѣду и питье или часто ихъ обметаютъ. Но при всемъ этомъ часто встрѣчается очень распространенное воззрѣніе, что свистомъ, звукъ котораго похожъ вѣдъ на завываніе вѣтра, можно накликать бурю и грозу; это суевѣріе еще очень твердо держится у нашихъ моряковъ. Базуто имѣютъ также соответственные дождевые свистки, но кромѣ того, приносятъ иногда жертвы на могилахъ вождей для заклинанія погоды. Въ другомъ мѣстѣ я высказалъ предположеніе, что многочисленные «свистающія урны» въ перуанскихъ гробницахъ (срав. рис. стр. 683), которыя одновременно служатъ свистками, сосудами для воды и подношеніемъ умершимъ, имѣютъ связь съ заклинаніями; нельзя, правда, доказать этого, но въ виду того, что мы наблюдаемъ у другихъ народовъ оно имѣетъ за себя нѣкоторую вѣроятность.

Различныя формы заклинанія погоды типичны для простѣйшихъ видовъ колдовства вообще. Всегда мистическое оружіе защиты появляется раньше чѣмъ оружіе для нападенія. Способы защиты распадаются на простыя дѣйствія, какъ, на примѣръ, оборонительныя движенія, закрываніе лица руками, плеванье, сжиманіе кулака, вытягиваніе указательнаго пальца, неприличные жесты, осѣненіе себя крестомъ и т. под.; и на твердыя оружія защиты — амулеты и талисманы. И эти послѣдніе сначала были только простыми средствами угрозы, причемъ выбирались всевозможные предметы, опасные или противные для самого человѣка. Оружія животныхъ — зубы рога и когти — стоятъ на первомъ мѣстѣ. Далѣе идутъ оружія растений — шипы и колючки. Вещества съ сильнымъ запахомъ и ѣдкимъ вкусомъ — любимыя талисманы, при чемъ на первомъ мѣстѣ стоитъ соль, затѣмъ различные виды чеснока и луку, которые въ особенности были въ употребленіи у народовъ классической древности и у германцевъ (напр. чеснокъ *Allium victorialis* L.); и до сихъ поръ чеснокъ служитъ для изгнанія

вѣдмъ у южныхъ славянъ; *Assa foetide* служить у сомали оборонительнымъ средствомъ отъ призраковъ, а квасцы имѣютъ то же значеніе для арабовъ. Конечно, еще дѣйствительнѣе считаются настоящие яды, которыхъ и безъ того съ трудомъ отличаютъ отъ стоящихъ волшебныхъ средствъ. У народовъ Замбезе, по свидѣтельству Серпа Пинтоса, ядъ и колдовство одно и тоже. Кто посмотритъ на коллекцію африканскихъ амулетовъ, найдетъ обыкновенно между ними большое число маленькихъ роговъ или тыквенныхъ бутылокъ, наполненныхъ ядовитыми волшебными травами или зубами ядовитыхъ змѣй.

Рядомъ съ этими естественными амулетами существуютъ и искусственные. Особенную группу среди нихъ составляютъ изображенія вышеупомянутыхъ оборонительныхъ движеній, которыя этимъ способомъ думаютъ сдѣлать постоянно дѣйствующими. Оборонительно поднятая ладонь руки — любимый амулетъ во всемъ магометанскомъ мірѣ. Его можно часто видѣть въ видѣ отпечатка или въ стилизованной формѣ, на стѣнахъ домовъ, или сдѣланнымъ изъ металла, какъ украшеніе для женщинъ; онъ встрѣчается также въ сѣверо-восточной Азии. Рука съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ является талисманомъ въ южной Италіи. Далѣе, чрезвычайно распространены амулеты, изображающіе непристойныя оскорбительныя движенія и демонстраціи, такъ, на примѣръ, изображеніе мужского члена было въ этомъ смыслѣ въ большомъ употребленіи у народовъ классической древности и еще теперь, какъ подробно указалъ Валькенъ, играетъ ту же роль въ малайскомъ архипелагѣ; тоже можно сказать о соответственныхъ жеаскихъ символахъ. Со всей этой группой родственны зеркальные амулеты, которые должны отразить приближающимся демонамъ ихъ собственный безобразный образъ, что заставляетъ тѣхъ отступить въ испугѣ.

Нѣкоторыя другія логическія ассоціаціи идей встрѣчаются опять-таки у различнѣйшихъ народовъ. Въ нихъ принадлежитъ мысль, что желѣзные предметы защищаютъ отъ духовъ и именно потому, что желѣзо есть новшество, которое не нравится духамъ стараго времени, и потому они его избѣгаютъ.

Наоборотъ, древнее каменное оружіе или утварь являются въ видѣ амулетовъ потому, что ихъ считаютъ громовыми топорами и потому приписываютъ имъ силу противъ духовъ. Другой рядъ амулетовъ долженъ умиловать духовъ или смягчить ихъ зависть; поэтому себя или свой скотъ обвѣшиваютъ предметами, не имѣющими цѣны, лохмотьями, старыми кусками кожи и т. под. Этотъ обычай особенно распространенъ между арабами. Иную логическую связь мы видимъ, на примѣръ, въ Индіи, гдѣ дѣтей обкладываютъ душистыми цвѣтами, колокольчиками, бусами и другими украшениями,

служанками талисманами: въ этомъ случаѣ хотѣтъ привести духовъ въ херолес настроеніе, доставить имъ удовольствіе запахомъ цвѣтовъ и звономъ колокольчиковъ и заставить ихъ отказаться отъ своихъ враждебныхъ замысловъ.

Большая часть амулетовъ назначены собственно не противъ явнаго колдовства, а противъ неопредѣленныхъ дурныхъ вліяній, прежде всего противъ «дурного глаза», къ которому даже народы южной Европы еще итгаютъ безграничный страхъ. Впрочемъ, этимъ роковымъ даромъ «дурного глаза» могутъ обладать совершенно безобидные люди, но они приносятъ несчастье хотѣтъ или не хотѣтъ этого. Это удивительное суевѣріе возникло, вѣроятно, отчасти изъ того пугающаго гипнотическаго вліянія, которое имѣетъ обыкновенно острый или коварный взглядъ на слабые характеры.

Но отъ пассивнаго колдовства къ активному только одинъ шагъ, и вполнѣ понятно также, что здѣсь особенно выступаютъ манистическія идеи. Вѣдь многими амулетами думаютъ къ себѣ привлечь генія - хранителя, и тогда онъ уже считается собственно дѣйствующимъ элементомъ (рис. стр. 833). Тѣмъ не менѣе, нѣтъ недостатка въ болѣе простыхъ средствахъ колдовства, которыя не рассчитываютъ на помощь духовъ и лишь въ силу неудовлетворительной логики стремятся они къ непосредственному мистическому дѣйствию. Мы уже упоминали, что при этомъ нѣтъ рѣзкаго различія между естественными и сверхъестественными дѣйствіями и, напротивъ, ядъ охотно употребляется какъ волшебное средство. Слѣдовательно, если Альфредъ Леманъ, не долго думая, говорить: «Кажется дѣйствіе, вытекающее изъ суевѣрія, есть магія и колдовство», онъ этимъ далеко не попадаетъ въ суть предмета, потому что между суевѣріемъ, заблужденіемъ и логическимъ выводомъ нѣтъ рѣзкихъ границъ на низшихъ ступеняхъ культуры даже для насъ культурныхъ людей, привычныхъ къ логикѣ, не говоря уже о самихъ дикаряхъ.

Цѣлый рядъ магическихъ дѣйствій имѣетъ, очевидно, ввиду концентрацію силы воли, черезъ что вызывается чувство возможности дѣйствовать на разстояніи. При этомъ желаніе есть отецъ мысли: конечно, многіе изъ разгнѣванныхъ или жаждущихъ мести, не имѣя возможности достичь врага, изливали свою злобу на какой-нибудь безобидный предметъ или существо, пока блеснетъ мысль, что подобное дѣйствіе, быть можетъ, все же могло повредить врагу мистическимъ путемъ. Такъ и тутъ изъ простой реакціи на состояніе души возникаетъ постоянный обычай, который можно прослѣдить въ многочисленныхъ видоизмѣненіяхъ. Чтобъ принести кому-нибудь вредъ или нагнать любовныя чары, иногда употребляютъ его изображение или куклу и т. под., которыя еще къ тому же торже-

ственно окрещиваютъ его именемъ; иногда достаютъ вещи, имѣющія съ нимъ связь: носильное платье, волосы, ногти, остатки купанья и т. под. Очень распространено завязываніе магическихъ узловъ, смыслъ которыхъ также легко понятенъ.

Другой способъ концентраціи силы воли состоитъ въ воплощеніи его въ слово и письмо: желаніе, ясно и торжественно высказанное и написанное, какъ бы и ощущается нами сильнѣе, чѣмъ когда мы имѣемъ его только въ мысляхъ, и кажется намъ даже болѣе выполнимымъ. Такъ возникаютъ магическія изреченія, магическія дѣсны, формулы проклятій и благословеній и писанные амулеты. Вѣдь письмо и безъ того часто возникаетъ подъ вліяніемъ большой примѣси мистическихъ идей и долго еще сохраняетъ наполовину священный, наполовину страшный характеръ. И нѣкоторые знаки и символы, въ сущности принадлежащіе къ области образнаго письма, съ упорнымъ постоянствомъ остаются амулетами. Христіанскій крестъ является и теперь у магометанскихъ жителей сѣверной Африки охранительнымъ знакомъ, который татуируютъ на лбу; въ остальной Африкѣ онъ далеко распространился въглубь страны какъ «фетишъ», но еще древнѣе креста загадочная свастика, крючковатый крестъ, который вѣроятно симво-

Амулетъ (медвѣдь) Гиликовъ въ Сибири.

лизировать многое, главнымъ же образомъ, повидимому имѣетъ свое происхожденіе въ сверлѣ для добыванія огня, въ качествѣ эмблемы огня, солнца и грозы. Подобные же, часто прелестно преобразованные, кругообразные орнаменты, находятся въ восточной Азии (рис. рядомъ). Насколько письмо считалось сначала мистическимъ даромъ, показываетъ одинъ взглядъ на руны сѣверныхъ народовъ, образовавшіеся изъ латинскихъ письменныхъ знаковъ и употреблявшіеся, главнымъ образомъ, не для сообщеній, а для колдовства. Въ Эддѣ это совершенно ясно выражено въ пѣснѣ Зигдрифумаль:

Кругообразный орнаментъ (Японія).

Если хочешь достичь победы, научи руны победы,
Нацарапай ихъ на рукояткѣ меча,
На желобкѣ для крови и на блестящемъ остріи,
Когда ты это сдѣлаешь, скажи дважды: Тиръ...

Научись рунам водоворотъ, если ты хочешь спрятать
Парусныхъ коней въ морѣ:
Выжги руны на вослахъ,
Вырѣжь ихъ на зѣздахъ и руль.
Пусть грозятъ водоворотъ, пусть червѣютъ и пѣнася волны,
Ты благополучно вернешься съ моря.

Въ противоположность этимъ простымъ формамъ колдовства стоятъ другія, въ которыхъ собственно дѣйствующими силами считаются духи и демоны, а всѣ заклинанія, кажденія и т. д. служатъ лишь для призванія этихъ духовъ или чертей. Здѣсь мы вступаемъ въ мрачную область «черной магіи», мрачную прежде всего потому, что еще немного столѣтій тому назадъ она дала послѣдній отпрыскъ въ видѣ вѣры въ вѣдьмъ и грубой борьбы противъ колдовства, которая останется позорнымъ пятномъ въ исторіи человѣчества и, къ сожалѣнію, прежде всего, въ исторіи нѣмецкаго народа. Позоръ останется въ своей силѣ и въ томъ случаѣ, если принять во вниманіе, что дѣйствительно въ извѣстныхъ эпохи склонность къ черной магіи была приблизительно такъ же широко распространена въ народѣ, какъ позже страсть къ алхиміи, и что, слѣдовательно, судьи имѣли по крайней мѣрѣ передъ собой извѣстные поступки. Въ народѣ, обѣдѣвшемъ и одичавшемъ отъ долгихъ бѣдствій войны, каковы были нѣмцы послѣ тридцатилѣтней войны, дѣйствительно могла легко распространиться вѣра въ союзъ съ дьяволомъ и въ возможность при его содѣйствіи добыть сокровища; великій грѣхъ болѣе образованныхъ классовъ заключался въ томъ, что они боролись съ этимъ нелѣпымъ заблужденіемъ умовъ не свѣтомъ знанія, а мрачнымъ огнемъ костровъ, и, наконецъ, разнуздали въ себѣ слѣпую безумную страсть къ разрушенію, которая въ тысячу разъ хуже ребяческихъ и въ сущности безвредныхъ попытокъ колдовства невѣжественнаго народа. Впрочемъ, эта эпоха нѣмецкихъ «процессовъ вѣдьмъ» означаетъ лишь послѣднюю сильную вспышку очень древней и широко распространенной идеи. Напримѣръ, теперь еще въ Африкѣ процвѣтаютъ суды вѣдьмъ, такъ какъ тамъ каждый смертный случай приписываютъ колдовству и «виновныхъ» умѣютъ узнавать посредствомъ ядовитаго напитка. Съ другой стороны, нѣтъ также недостатка въ попыткахъ активнаго злого колдовства. Дальтонъ рассказываетъ о дѣвушкахъ племени агарія въ Гангпурѣ (Бенгалія), что онѣ берутъ настоящіе уроки колдовства у болѣе старыхъ женщинъ, и когда онѣ сумѣютъ силою заклинаній заставить засохнуть цвѣтущее лѣсное дерево, это послужитъ свидѣтельствомъ, что онѣ овладѣли этой силой.

Вѣра въ колдовство проникаетъ все существованіе дикарей. Безъ магическихъ средствъ, служащихъ ручательствомъ успѣха, не предпринимаютъ вообще ничего болѣе или менѣе важнаго, ни охоты,

ни рыбной ловли, не начинаютъ обрабатывать поля или строить хижины. Всякое ремесло имѣетъ свои формулы и мистическія правила, для каждаго пола и возраста есть особенные амулеты, особенныя магическія предписанія и запреты. Жизнь первобытныхъ людей останется непонятна тѣмъ, кто не знаетъ этого полнаго порабощенія духа неяснымъ мистическимъ возрѣніемъ.

Низшая мистика, какъ ее можно назвать, не вымираетъ и въ сферахъ болѣе высокихъ религіозныхъ формъ, но сохраняется или въ видѣ полутерпимыхъ народныхъ вѣрованій, или приспособляется, нѣкоторымъ образомъ, къ религіи. Уже у западныхъ африканцевъ встрѣчаются многочисленныя амулеты, которые собственно должны лишь обезпечить помощь боговъ и духовъ («фетиши»), а поэтому и въ своемъ сочетаніи не такъ понятны, какъ вышеописанныя магическія средства. Исламъ, въ своихъ написанныхъ на бумагѣ изреченіяхъ изъ Корана, и христіанство, въ своихъ крестахъ и изображеніяхъ святыхъ — дали человѣчеству новые амулеты; мы уже упоминали, что вѣра въ дьявола, подъ вліяніемъ христіанства, придала новый характеръ колдовству.

Въ общемъ усердныя занятія низшей мистикой влекутъ за собою разстройство нервовъ, къ чему склоненъ не всякій; кромѣ того не всякому одинаково легко привести себя въ желаемое состояніе экстаза. Оба эти обстоятельства ведутъ къ тому, что только опредѣленные лица, колдуны или знахари занимаются мистикой и оказываютъ незамѣнимыя, воображаемыя услуги своему народу, какъ пророки, заклинатели дождя и врачи чародѣи. «Тайныя общества», настоящаго происхожденія которыхъ имѣетъ другой источникъ также охотно посвящаютъ себя какой-нибудь отрасли мистики и даже часто главный центръ тяжести своихъ дѣйствій имѣютъ въ этомъ направленіи.

Обыкновенно существуютъ разные виды колдуновъ-жрецовъ, изъ которыхъ каждый долженъ выполнить свою задачу. На Самоа, по свидѣтельству Стѣра, есть четыре класса — жрецы высшихъ боговъ войны, жрецы мѣстныхъ боговъ войны, жрецы остальныхъ боговъ и, наконецъ, пророки и колдуны; послѣдніе составляютъ низшій и, очевидно, древнѣйшій классъ, изъ котораго мало-по-малу поднялись остальные, какъ болѣе высокіе социально-религіозные слои. Кромѣ того, различные народы представляютъ въ этомъ смыслѣ то различіе, что «природному призванію» быть жрецомъ-колдуномъ не вслѣдъ придаютъ одинаковую цѣну; у одного племени человѣкъ долженъ родиться колдуномъ или шаманомъ, а у другого всякій можетъ возвыситься до этого званія, если только подвергнетъ себя необходимымъ предварительнымъ упражненіямъ. Эти упражненія, болѣею частью — уединенная жизнь, постъ и чрезмѣрное потребленіе

наркотиновъ, приводятъ главнымъ образомъ къ радикальному нервному разстройству, послѣ чего слѣдуютъ желаемыя галлюцинаціи. Рѣдко, кажется, встрѣчается простое мопенничество безъ сильной примѣси самообмана. Знахарь почти всегда имѣетъ свою волшебную хижину, волшебный жезлъ, камни, корни и т. под., которые все окружены таинственнымъ ореоломъ. Тамъ, гдѣ обычны божьи суды, какъ въ западной Африкѣ, приготовленіемъ яда и другихъ необходимыхъ для божьяго суда предметовъ занимается обыкновенно особенная, наводящая на всѣхъ страхъ, каста жрецовъ. Эгими путями жрецъ-чародѣй легко достигаетъ большого вліянія, но онъ всегда рискуетъ подвергнуться роковой иногда критикѣ соплеменниковъ, если его лѣченіе не достигаетъ цѣли, или его искусство заклинанія погоды не дѣйствуетъ. Только въ томъ случаѣ, если жрецъ является служителемъ извѣстныхъ божествъ и можетъ на нихъ взвалить отвѣтственность, избавляется онъ все болѣе и болѣе отъ этой тяжелой отвѣтственности.

Тайныя общества обыкновенно занимаются опредѣленной стороной мистики: орденъ албуи, подраздѣленіе союза іевфъ, на Невольничьемъ берегу, занимается заклинаніемъ погоды, кабиры на Ланосѣ и во Фриніи проявляютъ свою дѣятельность при солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ; нѣкоторые индѣйскіе союзы посвящаютъ себя заклинаніямъ во время охоты, многіе сѣверо-западные американскіе союзы добиваются, повидимому, умиловивленія духовъ танцами и ввели нѣчто въ родѣ тотемистическаго культа предковъ, а многіе западно-африканскіе союзы занимаются, въ особенности, мистеріями, связанными съ обрѣзаніемъ. Изъ этихъ грубыхъ зачатковъ возникаютъ затѣмъ общества жрецовъ, которые посвящаютъ себя служенію отдѣльнымъ божествамъ, какъ это уже ясно проявляется въ западной Африкѣ; безбрачіе или невольное цѣломудріе вслѣдствіе настраціи, бывшее предварительно, быть можетъ, однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ для возбужденія экстаза и въ тоже время тѣмъ то въ родѣ жертвы божеству, является часто предписаніемъ, какъ напримѣръ у дѣвъ солнца въ Перу, у весталокъ Рима и у многихъ древневосточныхъ обществъ жрецовъ. Монашество христіанъ и буддистовъ есть лишь дальнѣйшее развитіе этихъ болѣе старыхъ формъ.

Иногда кровавыя и грязныя черты низшей мистики именно потому доходятъ до крайностей, что онѣ присоединяются къ болѣе сложной миеологии и систематично развиваются вмѣстѣ съ нею; бойня людей, производимыя жрецами-ацтеками, представляютъ подобное вырожденіе кровавой мистики подъ вліяніемъ миеологическихъ идей. Но великій ходъ развитія идетъ совершенно противоположнымъ путемъ: религія преобразовывается постепенно въ

опору нравственности и получаетъ тѣмъ большую жизненность, что она сама, какъ все нравственное, выходитъ изъ предѣловъ чело-вѣческаго, ограниченнаго личностью и временемъ. Прослѣдить въ подробности это преобразование невозможно; но какъ оно совершается, всего лучше уяснится для насъ, если мы бросимъ взглядъ на награды и наказанія въ будущей жизни.

Такъ какъ понятіе земной вины и наказанія выработались лишь постепенно, то сначала не можетъ быть, конечно, и рѣчи о перенесеніи этихъ понятій на вѣру о безсмертіи. Можно сказать, что и въ представленіяхъ о будущей жизни наказаніе фигурируетъ раньше, чѣмъ грѣхъ: судьба душъ по первобытнымъ понятіямъ, болѣею частью далеко не изъ пріятныхъ, онѣ голодаютъ и мерзнутъ, бродятъ безцѣльно или превращаются въ звѣрей и растенія. Тамъ, гдѣ допускается различная судьба, чисто случайныя обстоятельства бывають причиною худшей или лучшей участи; тотъ, чье тѣло сожжено, не мерзнетъ въ будущей жизни; у кого во рту есть монета мертвыхъ, благополучно достигаетъ того берега рѣки мертвыхъ; кто растерзанъ дикими звѣрьми, самъ превращается въ такого звѣря; кто умретъ ночью, тотъ и въ будущей жизни пребываетъ вѣчно во мракѣ и т. д. По понятіямъ сѣверныхъ даяковъ, о которыхъ сообщаетъ Гальмерсъ, духи живутъ, смотря по роду смерти, въ различныхъ мѣстахъ, при чемъ нѣтъ и рѣчи о наградѣ или наказаніи.

У другого племени даяковъ, по словамъ Бока, небо раздѣляется на много частей, изъ которыхъ въ одной умершіе мирно разводять рисъ, въ другой, населенной убитыми и женщинами, умершими въ родахъ, происходитъ постоянная борьба и рѣзня. Народы майя имѣли особенно пріятное царство мертвыхъ водяного бога Тлалоканъ, подъ названіемъ—Тлалоканъ, въ которомъ находились души утопленниковъ, убитыхъ молніей и умершихъ отъ водянки, безъ всякаго отношенія къ прежней жизни этихъ людей. Тамъ, гдѣ исчезаетъ это наивное опредѣленіе судьбы по роду смерти, на его мѣсто прежде всего выступаетъ болѣею частью соображеніе о чисто социальныхъ условіяхъ: вожди, знатные и богатые, въ могилу которыхъ положили многочисленныя дары, и въ будущей жизни пользуются большими благами, чѣмъ пролетаріи, которые ни здѣсь ни тамъ ничего путнаго достигнуть не могутъ. Если-бы очищенное христіанство просто проповѣдывало обратное, т. е. наказаніе сильныхъ и власть имущихъ и награду слабыхъ и неудачниковъ, оно было бы, конечно, также ребячествомъ, и Ницше былъ бы правъ, насмѣхаясь надъ его ничтожнымъ идеаломъ; но навязывать христіанству или другой высшей религіи такіе идеалы, будетъ неправильно. Въ дѣйствительности, оно стремится надъ проходящей справедливостью бытія

открыть горизонт иной справедливости, вѣчной, одинаковой для всѣхъ. Много разъ еще придется указать, какъ эта повал, великая идея мало-по-малу преобразовывала и очищала нравственно-безразличными или даже прямо безнравственными понятіями о будущей жизни.

Но всѣ эволюціи, помогающія строить великое зданіе религіи, завершаются въ концѣ концовъ понятіемъ о Богѣ. Человѣкъ, если онъ вообще хочетъ видѣть надъ собой нѣчто понятное, нѣчто постигаемое всѣмъ его мышленіемъ и, прежде всего, его чувствомъ, не можетъ выйти изъ понятія объ единомъ, индивидуальномъ Богѣ, какъ бы ни была эта идея несовершенна въ сравненіи съ истинной. Если онъ признаетъ то, что оживляетъ и руководитъ міромъ и имъ самимъ, за смутную бессознательную силу, онъ этимъ ставитъ себя, какъ существо сознательное, надъ этой силой, а между тѣмъ онъ вполне отъ нея зависитъ и лишь неуклюже подражаетъ ея великому цѣлесообразному дѣйствию. Въ концѣ концовъ, всѣ выводы приводятъ къ тому, что существуетъ сознательная сила, которая всѣмъ управляетъ, и даже у самыхъ первобытныхъ народовъ, повидимому, есть предчувствіе этого. Но эта сила стоитъ слишкомъ высоко надъ ними, чтобы вліять, по ихъ мнѣнію, на ихъ узкую жизнь: лишь культурные народы, взглядъ которыхъ шире, осмѣливаются посмотрѣть прямо въ глаза этому могущественному явленію и искать въ немъ высшій идеалъ своего бытія.

4. Правосудіе.

Есть старинные символы, привычный видъ которыхъ еще навѣдываетъ на размышленіе; и все же они заключаютъ въ себѣ очень глубокую и вѣрную мысль или же способны вызвать ассоціацію идей, которой можетъ быть и не было у первоначальныхъ изобрѣтателей символа. Къ такимъ символамъ принадлежитъ изображеніе Фемиды въ видѣ богини съ завязанными глазами. Весь свѣтъ знаетъ, что этимъ хотятъ изобразить, что правосудіе должно дѣйствовать, не взирая на личность; но изъ этого можно вывести нѣчто большее, и хотя дѣло идетъ только о символѣ, объ остроумной игрѣ, размышленіе по этому поводу можетъ выяснитъ безъ труда многое, что не такъ то легко понять посредствомъ тяжеловѣсныхъ опредѣленій и разъясненій.

Правосудіе должно судить, не взирая на личность, и, прибавимъ мы, оно судитъ по правиламъ и законамъ, даннымъ не людьми, присутствующими въ залѣ суда, даже, чаще всего, вообще не людьми, принадлежащими къ современному поколѣнію. Но этимъ самымъ

судопроизводство является проявленіемъ жизни установившагося общества, сравнительно съ которымъ отдѣльная личность предстаетъ частью, дѣйствующей лишь преходяще и временно. Въ этомъ смыслѣ законы суть не что иное, какъ болѣе прочная форма обычая и обыкновенія; они составляютъ крѣпкій костяной остова общественаго организма.

Но видъ слѣпой Фемиды вызываетъ еще другія мысли, которыя приводятъ къ началкамъ всякаго правосудія. Символь, который долженъ воплощать высшую и чистѣйшую справедливость, въ то же время сталъ неумышленно эмблемой самой низкой, наименѣ развитой и наименѣ чистой формы законодѣнія. Можно и въ настоящее время иногда желать, чтобы рука закона не такъ слѣпо наносила ударъ, чтобы параграфы закона, въ своей оцѣпенѣлости, не такъ мучительно мѣшали живому росту тѣла человечества и чтобы рѣже приходилось считать истиной роковыя слова: «*Summum jus summa injuria*» (Высшее право—высшая несправедливость). Эта окаменѣлая черта законодѣнія, эта слѣпота относительно требованій и страданій отдѣльнаго человѣка, происходитъ не только оттого, что правосудіе, какъ функція длительного общества, считается съ личностью только какъ съ преходящимъ явленіемъ, дѣйствія и проступки котораго мало значатъ сравнительно съ великими Цѣлымъ; въ этомъ заключается еще и остатокъ его первоначальнаго характера. Правосудіе родилось слѣпымъ. Лишь постепенно научается оно видѣть и различать, лишь постепенно входитъ въ него элементъ справедливости.

При всемъ томъ нужно, однако, принять въ соображеніе, что то, что на низшихъ ступеняхъ по необходимости должно быть названо судопроизводствомъ, совсемъ не то, что понимаетъ подъ этимъ словомъ культурный народъ. Название—часто лишь пустой звукъ, и въ народодѣніи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Самое главное это уловить связь мѣняющихся формъ и явленій и не прилѣпляться именно тамъ къ словамъ, гдѣ нашъ языкъ оказывается бессильнымъ характеризовать зачатки и переходныя формы опредѣленнымъ и мѣткимъ названіемъ.

Правосудіе родилось слѣпымъ. Слепо, въ духовномъ смыслѣ, все, что реагируетъ на внѣшнія возбужденія безъ посредства и руководства разума, и слѣпо судопроизводство въ своихъ зачаткахъ потому, что оно есть ничто иное, какъ реакція. Въ этомъ пунктѣ оно сходно съ нѣкоторыми зачатками религіи. Всюду и совершенно вѣрно мѣсть считается первой ступенью права; мѣсть, въ своей первоначальной формѣ, есть непосредственное, не обусловленное никакими доводами разума почти механическое противодѣйствіе на враждебныя и болѣзненные вторженія въ сферу сознанія. Понятно, что, подъ вліяніемъ логическаго мышленія, эта простѣйшая форма раз-

вивается постепенно дальше, и реакция, как всегда в подобных случаях, становится нерычательнее, то слабее, то сильнее, чем можно ожидать от действующего на нее раздражения. Как реагирует мускулъ, раздражаемый электрическим токомъ известной силы, можно сказать напередъ; но как будетъ реагировать человекъ на ударъ палкой или на оскорбительное слово, нельзя прямо рѣшить, такъ какъ раздраженіе вызываетъ обыкновенно массу ассоциаций, которыя могутъ чрезвычайно усилить или же уменьшить его дѣйствіе. Маленькое слово, сказанное вполголоса, можетъ вызвать страшный взрывъ страсти, между тѣмъ, какъ въ другомъ случаѣ тяжелая обида или оскорбленіе оставляется почти безъ вниманія. Въ общемъ сдерживающія побочныя представленія, отчасти и совѣтъ устраняющія реакцию, становятся сильнѣе съ развитіемъ культуры. Но подъ вліяніемъ духовной жизни, реакция въ то же время лишается своего моментальнаго быстропроходящаго характера, и месть можетъ стать длиннымъ чувствомъ, которое все снова и снова требуетъ удовлетворенія, если внѣшнія вліянія или связь идей на правляютъ вниманіе на больное мѣсто.

Месть, въ ея простѣйшихъ формахъ, совершенно понятна и необходима для сохраненія существованія. Великій человекъ окруженъ средой, на которую онъ вліяетъ и имѣетъ большія или меньшія права; онъ чувствуетъ себя хорошо и покойно, пока самъ и его сфера стоятъ въ мирной гармоніи съ окружающимъ, пока, слѣдовательно, его тѣло, имущество и права, его нравственные и умственные требованія не задѣты. Чувство довольства и довѣрія къ себѣ, вытекающее отсюда, совершенно необходимо для здороваго существованія; если оно оскорблено внѣшними вторженіями, оно должно быть восстановлено какъ можно полнѣе и какъ можно скорѣе. Месть есть простѣйшій и быстрѣйшій способъ произвести это, она, во многихъ случаяхъ, даже тождественна съ самообороной. Кто всегда готовъ строго отомстить за обиду и нанесенный вредъ, уже владѣетъ важнымъ оружіемъ въ примитивной борьбѣ за существованіе и менѣе легко подвергается нападенію, чѣмъ добродушный и слабый, который не можетъ защищаться.

До сихъ поръ еще месть рѣдко имѣетъ характеръ моментальной реакціи: чувство обиды или слабости уничтожается порывистымъ проявленіемъ силы, и нарушенное равновѣсіе души восстанавливается. Даже не обращается вниманія на то, отъ кого исходитъ оскорбленіе — отъ сознательнаго существа, или нѣтъ. Эти полумеханическія реакціи еще не подавлены и въ культурномъ человекѣ; еще много есть вспыльчивыхъ людей, которые наносятъ ударъ стулу, объ который толкнулись, или, споткнувшись на камень, бросаютъ безцѣльное проклятіе; ребячески-грубая манера излить свой гнѣвъ за несправедливо полученную

обиду на первомъ появившемся невинномъ, принадлежитъ также къ этой области. Прекрасный примѣръ этой должно направленной мести даетъ Шекспиръ въ неподражаемой сценѣ въ «Ричардѣ III», гдѣ король получаетъ одну дурную вѣсть за другой, пока наконецъ съ прокляткомъ убиваетъ одного изъ посланныхъ.

Месть не есть еще правосудіе. Судъ есть функція длительного общества, а не отдѣльной личности. Но месть можетъ стать правосудіемъ, если заранѣе одобряется обществомъ и болѣе или менѣе урегулирована по формѣ. Если баттакъ, который не можетъ получить должное отъ европейца, прибываетъ къ его дому «письмо съ угрозой пожара» (рис. рядомъ) и, если это также не помогаетъ, поджигаетъ его домъ, онъ поступаетъ, по мнѣнію своихъ односельчанъ, вполне правильно. Самопомощью является месть общества противъ нарушенія его равновѣсія, месть, которая сама по себѣ носитъ правовой характеръ, какъ выраженіе чувствъ тѣсно связанной человеческой группы. Если месть отдѣльнаго лица, въ ея простѣйшей формѣ, можно было сравнить съ реакціей мускула на электрическій токъ, то месть общества похожа скорѣе на способъ, какимъ тѣло удаляетъ изъ себя вошедшее инородное тѣло нагноеніемъ. И эта форма мести сначала слѣпа, она старается просто устранить безпокойство, не спрашивая о томъ, намѣренно или не намѣренно вызвалъ это безпокойство его виновникъ. Настоящее чувство справедливости, которое заставляетъ относиться справедливо даже къ врагу, возникаетъ лишь мало по-малу, чувство же собственной обиды и страданія имѣется уже очень рано въ полной силѣ; доказательствомъ служатъ дѣти, которыя очень сильно чувствуютъ малѣйшую къ себѣ несправедливость, но сначала не имѣютъ понятія о справедливомъ и снисходительномъ отношеніи къ другимъ, въ томъ числѣ и къ слабѣйшимъ. О дикаряхъ можно сказать то же самое.

Итакъ, дѣйствія изъ мести, одобренныя и урегулированныя обществомъ, могутъ считаться однимъ изъ зачатковъ дѣйствительнаго правосудія, вторымъ же его зародышемъ будетъ настоя-

Письмо съ угрозой пожара.

щая общественная месть. Первый видъ зачатковъ права заслуживаетъ, прежде всего, краткаго обзора.

Сами по себѣ проявленія чувства мести, если они направлены противъ членовъ того же общества, не могутъ не быть опасны для него, и оно должно желать оформить дикіе порывы чувства, дать имъ извѣстное направленіе и тѣмъ по возможности уменьшить ихъ опасность для общаго блага. Конечно, сначала внимательство общества проявляется не въ видѣ прочныхъ законовъ, а въ возникновеніи извѣстныхъ обычаевъ. Франсисъ П. Винтеръ рассказываетъ удивительный примѣръ относящійся къ британской Новой Гвинее и показывающій, какъ сравнительно безвредныя проявленія чувствъ гнѣва и мести, т. е. собственно говоря дожна направленная месть, становится твердымъ обычаемъ. «Многіе случаи пораненія», пишетъ онъ, «были слѣдствіемъ глупаго обычая, который укоренился въ западной части колоніи. Если что-нибудь разсердитъ туземца этой мѣстности, онъ можетъ дать выходъ своимъ чувствамъ, взявъ свой лукъ и пуская стрѣлы. Обыкновенно цѣлять со двора въ крышу своего дома, не очень заботясь о томъ, есть ли кто въ домѣ или поблизости его. Много разъ случалось, что стрѣла попадала въ кого-нибудь. Одинъ молодой человѣкъ, котораго однажды ночью необыкновенно беспокоили москиты, хотѣлъ сорвать свой гнѣвъ такимъ способомъ и прострѣлялъ своему лучшему другу ляшку. Такъ какъ этотъ примѣръ имѣетъ основаніемъ твердый обычай, невѣроятно, чтобы раненый предпринялъ что-нибудь для наказанія виновнаго. Врядъ ли взгляды туземцевъ вполне согласны со взглядами (англійскаго) суда, когда послѣдній наказываетъ тюрьмой неосторожнаго стрѣлка». Вѣроятно, именно эта возможность принести кому-нибудь случайно вредъ, есть важная составная часть обычая, который очевидно долженъ служить замѣной настоящей мести.

Если здѣсь твердо оформлена ни на что не направленная месть, то дуэль, какъ правовой обычай, составляетъ примѣръ урегулированія дѣйствительной, намѣренной мести. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, дуэль въ то же время есть нѣчто въ родѣ божьяго суда, но, несомнѣнно, что это только новое обоснованіе уже существовавшего обычая и при томъ обоснованіе преходящее, такъ какъ дуэль сохранилась у культурныхъ народовъ Европы, и на нее уже не смотрятъ, какъ на справедливое рѣшеніе со стороны высшихъ силъ: она теперь опять только актъ мести, строго урегулированный и по возможности ограниченный въ своемъ дѣйствіи. Но то же самое она представляетъ и у дикарей. Напримѣръ, у австралийцевъ дуэль есть правовой обычай; по замѣчанію Бульмера, они гораздо болѣе предпочитаютъ стать лицомъ къ лицу съ оскорбленнымъ и получить нѣсколько ударовъ или легкихъ ранъ, чѣмъ навлечь на себя продолжительную

злобу человѣка, такъ какъ ему пожалуй можетъ придти въ голову отомстить за себя колдовствомъ. По свидѣтельству Газона, у племенъ при заливѣ Кувера, обокраденный вызываетъ вора; при поединкѣ присутствуетъ въ качествѣ секундантъ вооруженный вождь и своевременнымъ внимательствомъ не допускаетъ серьезнаго пораненія. Въ большинствѣ случаевъ дуэль лишь, повидимому, происходитъ съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ вызванный только защищается, а не переходитъ въ нападеніе, сознавая, что онъ долженъ понести нѣкоторое наказаніе за свой поступокъ; вся дуэль имѣетъ цѣлью дать потерпѣвшему лишь случай отомстить достаточно, но не чрезмерно.

Къ высшей уже ступени принадлежитъ право возмездія (*jus talionis*), которое такъ часто встрѣчается, какъ примитивная форма права. Тамъ, гдѣ месть не проявляется уже какъ слѣпое раздраженіе, гдѣ должно происходить воздаяніе за опредѣленный вредъ опредѣленному лицу, тамъ возникаетъ вполне естественная мысль равнымъ воздавать за равное; въ то же время это есть первая слабая попытка соблюдать право и справедливость, слѣдовательно не допускать мести доходить до чрезмерности, а опредѣлять ея размѣры нанесенной обидой. Почти невольно возникаетъ чаще всего слѣдующая связь идей: на ударъ отвѣчать ударомъ, на оскорбленіе — оскорбленіемъ — это вѣдь такъ понятно; заповѣдь «око за око, зубъ за зубъ» даетъ этому виду мести лишь твердую формулу. Еще въ настоящее время *jus talionis* существуетъ во многихъ частяхъ земного шара. Такъ напримѣръ, въ Абиссиніи, убійцу убиваютъ тѣмъ же оружіемъ и такъ же, какъ была убита его жертва; въ большей части западной Африки всякое пораненіе и искаженіе тѣла оплачивается тѣмъ же поврежденіемъ, на всякій ударъ отвѣчаютъ такимъ же. При воровствѣ и порчѣ вещей иногда также примѣняется простое *jus talionis*. На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія исчезаетъ эта неуклюжая форма урегулированной мести.

Здѣсь кстати напомнить, что месть не есть единственное проявленіе страсти, которое урегулировано обычаемъ и стало общественнымъ установленіемъ. Къ этой группѣ принадлежитъ также явленіе, названное законной анархіей: послѣ смерти вождя царствуетъ нѣкоторое время состояніе полнаго беззаконія и необузданности, пока, съ выборомъ новаго вождя, опять восстанавливается старый порядокъ; то, что съ самаго начала возникло, вѣроятно, ненамѣренно, стало здѣсь прочнымъ обыкновеніемъ, совершенно антиобщественное явленіе превратилось въ общественный обычай и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, урегулировалось и ограничилось въ своей продолжительности. Еще въ средневѣковомъ Римѣ, при смерти каждаго папы, народъ грабилъ папскій дворецъ, Латеранъ. Подобное же урегулированное проявленіе страстей

есть право новоборъзанныхъ грабить и поровать известное время безнаказанно; оно часто встрѣчается, между прочимъ, въ Африкѣ.

Когда, такимъ образомъ, страстные чувства мести отдѣльной личности направляются обществомъ въ опредѣленные границы и потомъ, наконецъ, совершенно подавляются вслѣдствіе того, что само общество беретъ мсть на себя и преобразовываетъ ее въ наказаніе, тогда и групповая мсть начинается соответственно развиваться дальше. Каждая группа человечества, будь она мала или велика, является организмомъ, обладающимъ также своими реакціями, и притомъ въ двойномъ видѣ, совершенно подобно человеческому тѣлу: во 1) группа реагируетъ на нападѣніе извнѣ, какъ тѣло на толчекъ или ударъ, и во 2) на внутренніе разстройства, какъ тѣло, которое старается удалить изъ себя непереваримыя вещества, бактерии и паразитовъ. Противодѣйствіе внѣшнимъ оскорбленіямъ соответствуетъ, болѣею частью, мести отдѣльной личности; совершенно справедливо называютъ важнѣйшую организованную форму этого рода—кровавой мстью, а не кровавымъ правомъ. Группа, въ этихъ случаяхъ, выступаетъ такъ же единодушно и сомкнуто, какъ одинъ человекъ. Лишь окольными путями, какъ мы увидимъ, возникаютъ здѣсь правовыя нормы.

Иначе стоитъ дѣло, когда внутри группы наступаетъ нарушеніе равновѣсія, опасное, или кажущееся опаснымъ для существованія всѣхъ. И здѣсь слѣдуютъ реакціи, которыя сначала, какъ и въ тѣлѣ, выражаются выбрасываніемъ или уничтоженіемъ причинъ разстройства, причѣмъ вопросъ о виновности или сознательномъ намѣреніи нарушителя покоя не играетъ никакой роли. Это сказывается, между прочимъ, въ отношеніи къ старцамъ, больнымъ и лишнимъ дѣтямъ, слѣдовательно къ лицамъ, которые становятся тягостны обществу однимъ своимъ существованіемъ и которыхъ поэтому просто выбрасываютъ, какъ иородное тѣло. Понятіе о наказаніи совершенно не принимается здѣсь въ соображеніе, хотя обращеніе съ несчастными бываетъ иногда хуже, чѣмъ съ самыми тяжкими преступниками гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. На Ново-Гобридскихъ островахъ лишнимъ дѣтямъ просто даютъ умереть съ голоду, старыхъ людей хоронятъ живыми; коранасы (южная Африка) отправляли своихъ старцевъ въ дѣсь, чтобы они умерли съ голоду или стали добычей дикихъ звѣрей; кафры также прогоняютъ въ чашу дѣса большихъ, въ излдоровленіи которыхъ они сомнѣваются, чтобы они тамъ погибли. Все, что ненормально, а потому кажется подозрительнымъ, рискуетъ быть вытолкнутымъ внутренней реакціей: двойни, альбиносы, дѣти, у которыхъ неправильно прорѣзываются зубы, слабые или уродливые поворожденные у многихъ дикарей предаются смерти безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Отъ этого выталкиванія невольныхъ грѣшниковъ до наказанія дѣйствительнаго преступления лишь одинъ шагъ.

И здѣсь реакція вначалѣ слѣпа, нѣтъ дѣла до дѣйствительной вины нарушителя или вредителя, нѣтъ рѣчи о смягчающихъ обстоятельствахъ. Между прочимъ, когда сюда присоединяются мистическія представленія, реакція почти всегда очень сильна и несправедлива. При известныхъ праздничныхъ танцахъ сѣверозападныхъ американцевъ, каждый поскользнувшійся и упавшій сейчасъ же убивается. Во многихъ частяхъ западной Африки не только преднамѣренный убійца, но и всякій причинившій смерть другому подвергается также смерти, потому что считаютъ, что находящаяся внутри его волшебная сила есть причина несчастья. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ явной причины нарушенной гармоніи, если наприимѣръ случится болѣзнь, голодъ или другія несчастья, охотно ищутъ виновнаго, чтобы выместить свое неудовольствіе на этой жертвѣ и почувствовать хотя временное облегченіе. Этотъ способъ облегчить себя лежитъ глубоко въ характерѣ человека и выступаетъ, при случаѣ, очень ясно даже у культурныхъ народовъ: при большихъ несчастьяхъ—крупной побѣдѣ, взрывѣ шахты и т. под. сейчасъ же страстно ищутъ виновнаго; онъ долженъ быть наказанъ за вредъ, хотя въ дѣйствительности, быть можетъ, вина лежитъ на многихъ, или къ катастрофѣ привело на этотъ разъ незначительное упущеніе, которое въ другое время почти не вызываетъ вниманія. Если въ такую минуту страсти, «виновный» попадетъ въ руки толпы, онъ можетъ и у насъ испытать большія непріятности и горько поплакаться за ничтожную ошибку или даже по простому подозрѣнію.

У многихъ народовъ приведено въ систему возлагать ответственность на лицъ за несчастья, совершенно независимыя отъ человеческого вліянія; и тутъ, значить, играетъ роль стремленіе закрѣпить обычаемъ первоначальныя проявленія страсти. На Нгуэ (Полинезія) были прежде жрецы-цари, ответственныя за урожай и при плохой жатвѣ и голодѣ ихъ убивали; въ концѣ концовъ никто не хотѣлъ занимать это почетное мѣсто, и ничего болѣе не оставалось, какъ передать управленіе совѣту изъ главъ семействъ. Въ Лоанго приписывали неудачную жатву и ловлю рыбы негодности короля и, въ особенно тяжелыхъ случаяхъ, свергали его; у племени кру, та же участь грозитъ бодіо или главному жрецу. Тамъ, гдѣ имѣются привилегированные заклинатели дождя, ихъ конечно, дѣлаютъ, болѣею частью, ответственными за неудачу колдовства. Раньше уже упомянуто, какъ въ Китаѣ императоръ и чиновники подвергаются тяжелымъ упрекамъ за дурную погоду и другія злополучія.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вовсе не заботятся о настоящей винѣ и ответственности, то и «наказанія», которыя на этой ступени едва ли могутъ носить это имя, ни въ какомъ случаѣ не

урегулированы съ точки зрѣнія справедливости. Вопросъ рѣшается просто тяжестью проступка. Не столько хотятъ наказать, какъ устранить нарушителя спокойствія. Когда у австралийцевъ членъ племени становится тягостенъ своей сварливостью и жестокостью, мужчины собираются наконецъ вмѣстѣ и при удобномъ случаѣ убиваютъ его. Мысль исправить или напугать наказаніемъ еще очень далека отъ этихъ дѣтей природы.

Много разъ оспариваемый пережитокъ этого древняго права общества есть смертная казнь у культурныхъ народовъ. И здѣсь имѣеть мѣсто простое и окончательное удаленіе нарушителя спокойствія, при чемъ не принимается во вниманіе уничтоженіе человеческой жизни и человѣческой рабочей силы. Возможно, что въ этой области послѣдуетъ еще болѣе значительный возвратъ къ прошлому и когда-нибудь наступитъ сознательное удаленіе болѣзненныхъ и испорченныхъ элементовъ. Примѣромъ этому служитъ обычная во Франціи ссылка рецидивистовъ-преступниковъ въ Новую Каледонію, съ той разницей, что здѣсь примѣняютъ болѣе человѣчную мѣру, чѣмъ у дикарей.

Жестокость, которая у первобытныхъ племенъ и, къ сожалѣнію, какъ это доказываютъ наши средневѣковые правовые обычаи, также у культурныхъ народовъ легко проявляется въ мести и наказаніи — есть одна изъ грустныхъ чертъ въ развитіи человѣчества. Гипотезы о причинахъ жестокости и ея отношеніе къ чувству мести недавно подробно разсмотрѣны Р. Штейнмецомъ; въ жестокости, безъ сомнѣнія, заключается наслажденіе, выступающее какъ важный моментъ въ зачаткахъ и даже въ дальнѣйшемъ развитіи правосудія. Лишь недавно перестали устраивать изъ казни публичное зрѣлище или, даже, какъ немного столѣтій тому назадъ, медленно замучивать до смерти несчастнаго передъ глазами черезчуръ охотно сбѣгающей толпы. Въ непосредственномъ актѣ мести наслажденіе жестокостью служитъ очевидно вознагражденіемъ за испытанное страданіе, отъ чего бы оно впрочемъ ни произошло. При склонности дикарей развѣиваться очень односторонне и доходить до самыхъ крайнихъ заключеній, не удивительно, что это наслажденіе культивируется верѣдко въ той же формѣ и доходить до презрѣнности, какъ напримѣръ алкоголизмъ и чувственные наслажденія. Но этимъ совершенно отодвигается въ сторону желаніе справедливаго назначенія наказанія по суду; мечь врагамъ страны, наказанія за проступки и религиозныя человѣческія жертвы часто сливаются вмѣстѣ подъ вліяніемъ всеподавляющаго наслажденія, находимаго въ жестокости.

Мы знаемъ теперь два источника правосудія — мечь личности за испытанную несправедливость и реакцію общества противъ внутреннихъ нарушеній; въ этому присоединяется постепенно третій —

мечь общества, обращенная на нѣчто, внѣ его лежащее. Эта мечь сначала столь же мало является «правомъ», какъ и чисто личная мечь отдѣльнаго человѣка. Когда орда или одному изъ ея членовъ нанесенъ вредъ чужой ордой, первая защищается и старается отплатить за равное равнымъ или даже худшимъ, но о чувствѣ справедливости, въ тѣсномъ смыслѣ слова, здѣсь нѣтъ и рѣчи; тѣ, которые чувствуютъ себя сильными и активными, совершаютъ не задумываясь тѣ же нарушенія, за которыя раньше такъ свирѣпо старались наказать. Это еще простая борьба за существованіе, въ которой болѣе сильный производитъ насиліе надъ слабымъ, кто стоитъ внѣ собственной маленькой группы, тотъ беззащитенъ. Поэтому, на первобытной ступени культуры, ссылка—«отсылка на чужбину» — представляется ужаснымъ наказаніемъ, иногда хуже смерти; а въ наши времена, напротивъ, однимъ изъ самыхъ легкихъ. Это объясняется просто тѣмъ, что въ настоящее время значительная часть человѣчества составляетъ нѣчто въ родѣ большой общины, внутри которой пользуются защитой жизнь и имущество каждаго, даже чужеземца; одно то, что онъ — человѣкъ, даетъ ему всюду опредѣленные права.

Изъ этого уже видно, какъ изъ мести орды или племени, изъ борьбы за существованіе маленькихъ группъ человѣчества, могутъ развиться настоящіе правовые обычаи. Эта борьба всѣхъ противъ всѣхъ есть вѣдь положеніе, которому всякая группа, стремящаяся впередъ, должна положить конецъ какъ можно скорѣе; всюду, или благодаря увеличенію народонаселенія или отъ слитія нѣсколькихъ меньшихъ группъ, образуются болѣе значительныя, соединившіяся въ одно, союзы. Но этимъ самымъ мечь каждаго небольшого общественнаго организма, первоначально направленная противъ группы, внѣ ея лежащей, теперь, съ переходомъ этой группы въ составъ большаго союза, къ которому обѣ принадлежать, становится внутреннимъ дѣломъ этого союза. То, что меньшей группѣ представляется еще мечью, на которую она имѣеть право, мучительно чувствуется всѣмъ союзомъ группъ, какъ нарушеніе его внутренней гармоніи, и онъ по возможности старается возстановить это нарушеніе.

Но это оказывается иногда трудной задачей, въ особенности въ самыхъ опасныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о смертоубійствѣ. Сама по себѣ память дикарей довольно короткая; легкомысліе и веселость, эти характерныя черты людей, мало еще находящихся подъ вліяніемъ умственной работы и нравственныхъ правилъ, скоро въ нихъ возвращаются даже послѣ сильныхъ страданій и ударовъ судьбы. Но въ одномъ отношеніи даже у народовъ, стоящихъ сравнительно низко, горизонтъ сталъ уже шире, въ одномъ пунктѣ они чувствуютъ себя связанными съ условіями бытія, которыя далеко

уходить за предѣлы жизни отдѣльнаго лица—въ ихъ отношеніи къ мертвымъ. Умершій не уходитъ по просту изъ общества, онъ продолжаетъ жить, какъ опасная сила, представляютъ ли его себѣ призракомъ или считаютъ воплотившимся въ изображенія претковъ и въ маски мертвыхъ (рис. ниже); а онъ требуетъ, болѣе или менѣе настоятельно, искупленія за свою смерть. Слѣдовательно, здѣсь имѣется на лицо долгъ мести, цѣль которой часто создаютъ искусственнымъ образомъ: всякій смертный случай считается дѣйствіемъ врага, котораго находятъ съ помощью чародѣя-жреца. Но такъ какъ боязнь мертвыхъ у многихъ первобытныхъ народовъ односторонне развилась до крайности, то жажда мести находитъ въ ней также подкрѣпленіе, которое помогаетъ пересилить природную беззаботность и забывчивость. Иногда умершему приписываютъ то удовольствіе мести, которое удовлетворяется первой попавшейся жертвой, не спрашиваясь особенно о винѣ или невинности; быть можетъ, здѣсь корень многихъ человѣческихъ жертвъ, которыя объяснялись впоследствии тѣмъ, что принесенные въ жертву должны были слѣдовать за мертвымъ въ другую жизнь, какъ спутники и слуги. Съ другой стороны, въ охотѣ за черепами мы видимъ, что то же воззрѣніе становится второстепеннымъ и видоизмѣняетъ обычай, имѣвшій съ самаго начала совсѣмъ другое основаніе (сравни стр. 164 и 283).

Естественно, что жертву безцѣльной или сознательно направленной мести ищутъ предпочтительно внѣ собственной группы, не говоря о случаяхъ, гдѣ членъ племени дѣйствительно погибъ отъ руки чужеземца. Но этотъ предполагаемый или дѣйствительный виновникъ, съ своей стороны, не стоитъ одиноко, а тѣсно связанъ съ другой группой, которая его защищаетъ и за него отвѣтственна; поэтому мечь, направленная наружу, всегда является групповой мещью или становится ею черезъ самое короткое время. Нерѣдко возникаетъ, такимъ образомъ, твердое обыкновеніе, постоянное военное положеніе между двумя ордами, изъ которыхъ каждая непремѣнно думаетъ о другой самое худшее. Съ европейскими изслѣдователями часто случалось, что одно племя настойчиво предостерегало ихъ въ низости другого, а у другого они слышали тѣ же предостереженія о злости перваго, между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, оба племени обладали приблизительно одними и тѣми же дурными и хорошими качествами.

Итакъ, на примитивныхъ ступеняхъ кровавая мечь не что иное, какъ длительное военное положеніе. «Если мы назовемъ», говоритъ Штейнмелль, «кровавую мечь просто войной и сравнимъ ее съ нашими войнами, вмѣсто того, чтобъ сравнивать съ нашими преступленіями и проявленіями мести—респективными наказаніями,—все загадка ея явленія разрѣшена или, скорѣе, загадки совсѣмъ не оказывается».

Но дѣло мѣняется, если враждующія группы оказываются принадлежащими къ одному большому союзу; тогда общій интересъ требуетъ, чтобы не было войнъ между группами или чтобы эти войны не имѣли длительного характера. Правда, развитіе можетъ здѣсь идти совершенно другимъ путемъ и часто случается, что на высшихъ ступеняхъ прогресса чувство общности маленькихъ группъ все же очень развито, а у большихъ группъ далеко отстало. Въ такихъ случаяхъ кровавая мечь держится съ удивительнымъ упорствомъ и, съ своей стороны, поддерживаетъ самымъ дѣятельнымъ образомъ постоянный раздоръ. Извѣстнѣйшимъ примѣромъ можетъ служить положеніе вещей на Корсикѣ, гдѣ несмотря на соединеніе въ общины, несмотря на политическое дѣло, несмотря на государственную связь съ милліонами французскаго народа, несмотря на общій языкъ и культуру—примитивная кровавая мечь, повидимому, неискоренима. Быть можетъ еще характернѣе являются или были до недавняго времени, отношенія во многихъ городскихъ и сельскихъ общинахъ кабилонъ въ сѣверной Африкѣ; обыкновенно половина обывателей мѣстечка пребывала въ постоянной кровавой враждѣ съ другой, и ожесточеннѣйшимъ врагомъ кабила былъ часто его сосѣдь, домъ котораго находился лишь въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Въ древней Аравіи было то же самое; въ Мединѣ лишь благодаря вмѣшательству Магомета удалось примирить двѣ смертельно-враждебныя группы, на которыя распались обитатели города.

Поэтому болѣе обширная община часто совершенно отказывается вмѣшиваться въ кровавую вражду родовъ и семей; только тогда, когда среди ссорящихся явится желаніе примиренія, въ дѣло вмѣшивается третье лицо или власть. Возможность посредничества является прежде всего тамъ, гдѣ, кромѣ соединенія въ еще болѣе болѣе союзъ существуетъ дальнѣйшій культурный прогрессъ—накопленіе имущества. Конечно, ни одна община или племя не бывають совсѣмъ неимущи, но сокровища, достаточныя въ ихъ глазахъ, чтобъ замѣнить удовольствіе мести и умиловить гнѣвъ мертвыхъ едва ли существуютъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Тамъ же, гдѣ имѣются цѣнныя имущества, становится по крайней мѣрѣ мыслимъ выкупъ мести по цѣнѣ крови. Сначала часто считается мало почетнымъ брать плату за кровь и только послѣ многочисленныхъ смертоубійствъ съ обѣихъ сторонъ соглашаются на это, во всякомъ случаѣ, не воинственное рѣшеніе. Въ другихъ мѣстахъ воплотить предоставлено родственникамъ убитаго принять выкупъ или отомстить кровью за кровь. Существуетъ также обычай, что убійца сначала бѣжитъ изъ страны и тогда его родъ торгуется съ родней убитаго о цѣнѣ крови. Конечно, при пораненіи примиреніе происходитъ легче, чѣмъ при убійствѣ; у многихъ народовъ, какъ это

было еще у немцев начала средних веков, существуют формальные оценочные списки, в которых назначена соответственная искупительная плата за каждый вид оскорбления. Но этим путем мести, направленная первоначально наружу, совершенно сливается с правовым обычаем. возникающим в общине, и тогда уже становится возможным творить право в самом тесном смысле слова, при чем при оценке наказания принимается во внимание величина вины и вреда.

Кто хочет права, а не мести, должен обратиться к своей общине или к ее представителям, чтобы они одобрили его мести и возвысили ее тем до правового поступка, или сами творили бы права. Но это легче сказать, чем сделать. Насколько первобытное общество дружно выступает против вышедших врагов, настолько неорганизован его внутренний строй; споры между отдельными членами группы вызывают, правда, внимание, но никто не имеет охоты или поручения вмешиваться в них. То, что говорит К. Феттер о ябимах, в стране императора Вильгельма, может относиться во многим первобытным народам: „Определенные наказания за определенные проступки неизвестны, каждый старается сам добиться должного, поскольку он обладает мужеством и пока не остыла в нем жажда мести. Дело кончается обыкновенно ругательствами, угрозами, несколькими ударами дробика, которые большей частью не остаются без отпора“.

Равнодушие группы к затруднениям отдельного лица лишь тогда нарушается, когда ссора вызывает большое внимание и принимает необыкновенные размеры. Для потерпевшего здесь, следовательно, открывается путь разбудить дремлющее чувство правосудия общины посредством увеличения вреда и втягивания в ссору других лиц; и, действительно, в некоторых местах таким образом возникли очень оригинальные правовые обычаи. Постъ рассказывает следующее, по свидетельствам из различных источников, о лесных племенах в южной Гвинее: „Если у них жена уйдет от мужа с другим и он не может догнать прелюбодѣя, он отправляется в соседнее село и убивает первого встречного, погнавшегося на разстоянии выстрѣла его ружья. После того он громко заявляет кто он и почему совершил насилье и кричит всѣмъ, что они должны винить в этомъ человека, укравшаго у него жену. Если виновный не находится в ихъ округѣ, они убиваютъ какого-нибудь человека изъ слѣдующаго села. Такимъ образомъ мести идетъ изъ села въ село по всей округѣ. Ворота всѣхъ селъ запираются и баррикадируются, пока наконецъ одинъ изъ вѣстовъ не можетъ уже найти случая отметить за своего убитаго родича. Вождь этого клана тогда ищетъ вознагражденія съ чело-

вѣка, убивающаго съ женщиной; вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается, что мужъ, убивъ человека, лишился права на жену и уже никакого отношенія къ дѣлу не имеетъ. Вождь того клана, къ которому принадлежитъ преступникъ, предлагаетъ первому вождю клана денежное вознагражденіе и, съ принятіемъ послѣдняго, всей странѣ возвращается миръ, о чемъ и провозглашается повсюду“.

Этотъ примѣръ темъ любопытенъ, что здѣсь слѣпой взрывъ мести сохраняется, какъ прочный обычай, но направленный такъ, что обиженному все же дается окольными путями удовлетвореніе видѣть преступника, или его общину наказанными. Конечно, такое положеніе мыслимо лишь тамъ, гдѣ человеческая жизнь имеетъ очень ничтожную цѣну и человеческія жертвы, суды надъ колдуньями и охоты за невольниками такъ же легко прекращаютъ существованіе невинныхъ, какъ и правовой обычай въ данномъ примѣрѣ.

Этотъ обычай существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, но не въ такой кровавой формѣ, а больше въ видѣ вещественнаго убытка. По свидѣтельству Ценкера, подобное исکانіе правосудія присуще всѣмъ сауде. Если кто слишкомъ слабъ, чтобы потребовать своего у должника, онъ похищаетъ у вождя какую-нибудь цѣнную вещь; послѣдній беретъ тогда взысканіе долга на себя и заставляетъ должника заплатить гораздо большую сумму, чѣмъ онъ былъ долженъ, причемъ, конечно, львиная часть достается вождю.

Совершенно изъ другой мѣстности, съ полуострова Газели, въ Новой Британіи, даетъ намъ свидѣнія Б. Данко. Ярво описываетъ очень подобный же юридическій случай, которые тамъ бывають очень часто. „То-Мели и То-Делу—два мальчика. То-Мели сунулъ желѣзный шомполъ въ огонь и, когда онъ накалился, провѣлъ имъ по голой спинѣ То-Делу. То-Делу пришелъ въ бѣшенство, кинулся сейчасъ же къ берегу моря и порубилъ нѣсколько кротоновъ (?), принадлежавшихъ То-Руму. То-Руму разсердился за потерю кротоновъ (?), пошелъ вдоль берега и разбилъ лодку, принадлежавшую кому-то другому. Владѣлецъ лодки пошелъ и разбилъ двѣ лодки, которыя принадлежали еще кому-то. Хозяинъ двухъ лодокъ сжегъ домъ еще одного человека и какія-то еще неприятели произошли изъ очевидной шутки То-Мели. Теперь всѣ были того мнѣнія, что дѣло должно быть кончено полюбовно. То-Мели долженъ былъ заплатить То-Руму за кротоны (?), которые порубилъ То-Делу, такъ какъ тѣмъ, что онъ обжегъ То-Делу онъ далъ поводъ къ порубкѣ кротоновъ (?). То-Делу, обожженный, долженъ былъ заплатить за разбитую лодку, такъ какъ, порубивъ кротоны (?), далъ поводъ порубить лодку. То-Руму, разбивъ лодку, былъ причиной того, что разбиты двѣ лодки и поэтому долженъ былъ заплатить за двѣ послѣднія. Человекъ, разбившій двѣ лодки, былъ опять-таки причиной

тому, что сгорѣлъ домъ и долженъ былъ за это заплатить. Такимъ образомъ всякое требованіе должно было быть вознаграждено, пока наконецъ нашелся человекъ, имущество котораго было попорчено, но который съ своей стороны никому вреда не причинилъ. Тогда ему уплатили по его требованію и дѣло считалось конченнымъ. Какъ видимъ, мальчикъ котораго обожгли, не получилъ вознагражденія. Тѣмъ не менѣе, порубивъ кротоны (?), онъ заставилъ То-Мели заплатить за нихъ и, причинивъ ему этотъ денежный убытокъ, онъ испыталъ известное удовлетвореніе; кромѣ того онъ былъ причиною вещественныхъ убытковъ другихъ людей и тѣмъ достигъ, что они сердились на То-Мели, положеніе котораго въ общинѣ было въ продолженіе нѣкотораго времени не изъ завидныхъ*.

Этотъ примѣръ показываетъ, насколько подобный образъ дѣйствія долженъ былъ войти въ привычку, если онъ производится какъ бы по твердо установившимся правиламъ. Но какими странными и опасными для общаго благосостоянія обходами достигается здѣсь удовлетвореніе и въ то же время известное нравственное воздѣйствіе оскорбителю!

Болѣе мягкія формы этого вида исканія права имѣются тамъ, гдѣ обиженный, чтобы возбудить общее вниманіе и набросить тѣнь на своего соперника, самъ наноситъ себѣ вредъ или даже убиваетъ себя. Японскій обычай совершать самоубійство при тяжкомъ оскорбленіи принадлежитъ сюда же; для оскорбителя является тогда нравственное обязательство сдѣлать то же самое или подвергнуться общему презрѣнію. Въ западной Африкѣ известны подобные же обычаи. Индѣйскій обычай, дарна, состоитъ въ томъ, что кредиторъ не вѣстъ до тѣхъ поръ, пока должникъ ему не уплатитъ; обыкновенно кредиторъ располагается передъ дверью должника, такъ что возбуждаетъ вниманіе публики, и высказываетъ твердое рѣшеніе голодать до смерти, если не получитъ своихъ денегъ. Должника при этомъ еще охватываетъ страхъ, что потомъ его будетъ преслѣдовать духъ умершаго голодной смертью. Быть можетъ Штейнмецъ правъ, предполагая въ этомъ страхѣ истинный корень дарна, но позднѣйшій смыслъ все же вѣроятнѣе тотъ, чтобы вызвать всеобщее порицаніе противъ неисправнаго должника, который хладнокровно позволяетъ умирать съ голоду другому человеку.

Конечно, не вездѣ нужны были такія страшныя средства, чтобы разбудить чувство правосудія въ обществѣ. Но какъ только какимъ бы то ни было способомъ обществу, или его представителю передавалась роль рѣшающаго судьи во внутреннихъ расприхъ, это должно было производить значительное и благопріятное вліяніе на развитіе права, даже можно сказать, что право, въ нашемъ смыслѣ, только тогда могло возникнуть. Тогда, наконецъ, обиженная сторона, будъ

это отдѣльная личность или группа, перестаетъ сама добиваться своего права или, вѣрнѣе, своей мести, а дѣло рѣшаютъ уже судьи, стоящіе внѣ заинтересованныхъ сторонъ. Понятно, что эта цѣль достигается сначала въ несовершенномъ видѣ; но она можетъ быть, по крайней мѣрѣ, признана идеаломъ, осуществленія котораго добиваются лучшіе и благороднѣйшіе характеры. Могущество подобнаго идеала непреодолимѣе всѣхъ другихъ силъ; идеалы можно назвать великими мыслями установившагося общества, дѣйствующими на протяжении ряда поколѣній.

Цѣль развитія—нелицепріятное и при этомъ, по возможности, простое правосудіе, не легко достигается, такъ какъ для этого нужно долгое и тяжелое самовоспитаніе человечества. Поэтому неудивительно, что стараются окольными путями подойти къ идеалу, котораго не могутъ достичь непосредственно; стараются поддержать или замѣнить еще слабыя нравственныя силы болѣе могущественной властью. Такой властью представляются сами собою мистически-религиозныя воззрѣнія, которыя мы уже видѣли дѣйствующими, какъ роковая помощь памяти при обостреніи чувства мести. Теперь они должны помогать не допустить преступленія, уличить обвиненныхъ и произнести приговоръ.

Всѣ магическія охранительныя средства дѣйствуютъ прежде всего тѣмъ, что внушаютъ увѣренность человеку, который ихъ носить на себѣ; въ этомъ смыслѣ они не могутъ служить дальнѣйшей защитѣ права. Но часто ихъ вліяніе простирается и на другихъ людей: если знаютъ и вѣрятъ, что кто нибудь сдѣлаетъ себя неуязвимымъ посредствомъ амулетовъ, или что духи защищаютъ его имущество, конечно, будутъ вообще избѣгать нападать на него. Широко распространенный обычай украшать утварь и другое имущество изображениями предковъ или придавать имъ форму этихъ изображеній (рис. на слѣд. стр.), даетъ понятіе, какъ охотно пользуются этой помощью. Изъ этого корня исходятъ законы табу, о которыхъ говорилось уже раньше. Табуистскія охранительныя правила могутъ исходить отъ отдѣльнаго лица или быть назначены руководителями и представителями общества, но, по свидѣтельству Турнера, и частныя лица стараются защитить свое имущество и отпугать воровъ колдовствомъ. Такъ, на примѣръ, кокосовыя листья, вырѣзанные въ формѣ акулы, предостерегаютъ вора, что его съѣстъ акула; горизонтально подвѣшанная палка угрожаетъ болѣзнию, которая пройдетъ черезъ тѣло вора и убьетъ его; другіе знаки сулятъ ему болѣзненные нарывы, нападеніе крысъ, ударъ молніи, болѣзнь глазъ и т. д. Какъ наблюдалъ Крафтъ, такимъ же точно образомъ племя ваньяка (восточная Африка) защищаетъ свои плантаціи и дома волшебными средствами. На Газелевомъ полуостровѣ существуетъ три рода табу-

стической защиты имущества: первая, мало действительная, которую всякій может самъ примѣнить, другая—болѣе сильная, которою дѣйствуютъ вожди и, самая страшная для всѣхъ, примѣняется колдунами за вознагражденіе. Но при этомъ существуетъ уже очень любопытный переходъ отъ мистической къ правовой охранѣ: кто нарушитъ простое табу, долженъ заплатить штрафъ раковинами, но можетъ оставить себѣ украденное; слѣдовательно, волшебное средство стало, въ этомъ случаѣ, простымъ имущественнымъ знакомъ и дало поводъ къ действительному правовому обычаю.

Если здѣсь мистика служитъ для созданія и укрѣпленія понятія о собственности, то другимъ путемъ она способствуетъ возникновенію мысли о правосудіи, стоящемъ высоко надъ личностью и не поддающемся ей угрозамъ или мольбамъ. Это происходитъ тамъ, гдѣ тайные союзы преобразовываются въ органы права. Конечно, сначала „справедливость“ обращается только на тѣхъ, кто стоитъ внѣ союза и становится ему тягостенъ, слѣдовательно, есть ничто иное, какъ мечь; но обязанность членовъ сохранять тайны и слѣдовать законамъ союза принуждаетъ въ тоже время къ выработкѣ внутренняго правосудія, которое здѣсь должно развиться быстрѣе и совершеннѣе, чѣмъ во внѣшней жизни группы. Этимъ даны оба пути, ведущіе, при своемъ соединеніи, къ преобразованію тайнаго союза въ полицейское и судебное вѣдомство. И действительно, на низшей ступени культуры таинственность такого судопроизводства можетъ дать предварительную замѣну недостатка правового чувства, признаютъ ли въ этомъ случаѣ,

какъ это бываетъ сначала, содѣйствіе призрачныхъ существъ и потому приписываютъ союзу сверхъестественныя знанія и силы, или, какъ это было при тайномъ Вестфальскомъ судилищѣ (фемѣ), бояться присутствія большого числа „знающихъ“, остающихся неизнанными.

Фема прекрасный примѣръ тому, какъ изъ мистическаго корня можетъ наконецъ развиться сильное судебное учрежденіе, которое, во время беззаконія среднихъ вѣковъ, имѣло безъ сомнѣнія боль-

Варабавъ въ Конго (Берлинскій музей).

шую цѣну. Къ сожалѣнію, связь фемы съ болѣе поздними тайными союзами, послѣдній слѣдъ которыхъ остался въ верхнебаварскомъ союзѣ „настойчивыхъ“, еще мало изслѣдована, но навѣрно существуетъ. Тамъ, гдѣ введено публичное судопроизводство, также еще долго сохраняется судопроизводство тайное, какъ провѣрка гласному, которое сначала мало заслуживаетъ довѣрія; въ Китаѣ тайные союзы—неискоренимое зло именно вслѣдствіе плохо организованныхъ и не заслуживающихъ довѣрія государственныхъ судовъ. При усиленіи общаго чувства права и государственной власти теряется вліяніе такихъ союзовъ; фема была подъ конецъ лишь чѣмъ-то въ родѣ нижней полиціи, болѣе смѣшной, чѣмъ страшной; мѣстами и въ Африкѣ тайно дѣйствующіе члены союзовъ составляютъ уже только полицейскіе отряды на службѣ у вождя.

Пожалуй, всего значительнѣе выступаетъ мистика, какъ вспомогательное средство, тамъ, гдѣ виновность или невинность обвиняемаго должны быть доказаны. Широкое распространеніе Божьихъ судовъ или испытаній могло-бы казаться удивительнымъ, если не подумать, что при обвиненіи дѣло идетъ болѣею частью также о мистическихъ преступленіяхъ, о вредѣ, нанесенномъ посредствомъ колдовства. И это очень естественно: боязнь первобытнаго человѣка передъ страшнымъ чародѣйствомъ гораздо сильнѣе, чѣмъ боязнь реального нападенія, и действительно должно быть въ интересахъ общества найти и наказать колдуновъ, такъ какъ никто, повидимому, не можетъ быть застрахованъ противъ ихъ нападеній. Свидѣтелями или другими точными доказательствами болѣею частью нельзя доказать колдовства; придти къ мысли искать доказательства мистическимъ путемъ не трудно, но выполняется это очень различными способами.

Испытанія можно раздѣлить, по ихъ дѣйствию на тѣ, которыя просто подтверждаютъ виновность или невинность, послѣ чего, конечно, слѣдуетъ наказаніе, и другія, которыя сами по себѣ представляютъ опасныя пробныя дѣйствія и, въ случаѣ неудачи, ведутъ за собой заболѣваніе и смерть обвиняемаго. Первая группа сливается болѣею частью съ обыкновенными способами прорицанія. Часто вырабатываются особенные обычаи, когда дѣло идетъ о нахожденіи виновника смертнаго случая, приписаннаго колдовству; или трупъ носятъ по мѣстечку и носильщики, какъ бы принужденные высшей силой, останавливаются передъ домомъ виновнаго; или подозрѣваемые должны приблизиться къ трупу, который вздрагиваетъ отъ прикосновенія преступника, или, при его приближеніи кровь опять начинаетъ сочиться изъ ранъ покойника. Въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ уже, что и простыя смертоубійства, виновниковъ которыхъ нельзя найти, могутъ быть разслѣдованы мистическимъ путемъ.

Испытанія, опасныя для жизни или здоровья, очень многочисленны и разнообразны: испытываютъ раскаленными угольями, раскаленнымъ желѣзомъ, кипяткомъ и кипящимъ масломъ и во всѣхъ этихъ случаяхъ доказательствомъ вины будетъ, если обвиненный обожжется; далѣе, испытанія водой, при которыхъ обыкновенно обвиняемый признается виновнымъ и въ тоже время наказаннымъ, если онъ погрузится въ воду и утонетъ; поединки, вытекающіе, впрочемъ, изъ другого источника, результатъ которыхъ, однако, считается доказательствомъ и въ мистическомъ смыслѣ; наконецъ, испытанія ядомъ, особенно распространенныя въ Африкѣ и опять таки въ различныхъ видахъ. Иногда такъ называемый ядъ въ действительности безвреденъ и известная удача дѣйствія гарантируется, какъ и при большинствѣ испытаній первой группы, лишь страхомъ обвиняемого и его сознаниемъ своей виновности; иногда ядовитое вещество производитъ лишь головокруженіе, рвоту и т. под., или имъ натираютъ глаза и оно вызываетъ страшную боль и временную слѣпоту, что считается доказательствомъ вины. По показаніямъ Оливера, въ западной Африкѣ, повидимому, всего охотнѣе готовятъ ядовитый напитокъ изъ *Erythrophalem Guincense*, растирая въ порошокъ кору дерева и смѣшивая ее съ водой; содержащійся въ ней ядъ принадлежитъ, говорятъ, къ группѣ стрихниновъ. Рвота послѣ яда служитъ большею частью доказательствомъ невинности, сильныя дозы ведутъ за собой быструю смерть; жрецъ-колдунъ, руководящій всей процедурой, конечно, вполне располагаетъ желаемымъ для него результатомъ. Обыкновенно только обвиняемый подлежитъ испытанію, но случается, что обвинитель также долженъ доказать испытаніемъ свою добросовѣстность.

Самой прочной мистической правовой формой, еще въ сущности и у насъ существующей, можно считать клятву. Сначала, конечно, и здѣсь дѣло идетъ объ обычай, имѣющемъ другой источникъ, и лишь позже ставшемъ слугою правосудія; клятву, какъ торжественную мистически-усиленную форму обѣта, какимъ она сначала, конечно, является, нельзя назвать просто правовымъ дѣйствіемъ. Два человѣка могутъ давать другъ другу священнѣйшія клятвы, и другіе не будутъ знать объ этомъ, не говоря о томъ, что если узнаютъ, то останутся равнодушны, будетъ ли сдержана клятва, или нѣтъ. Только тогда, когда подобная клятва теряетъ часть своего мистическаго характера и вмѣсто него является желаніе имѣть свидѣтелей обѣта, которые тѣмъ самымъ уже ручаются за его соблюденіе, только тогда клятва становится правовой формой. Когда это совершилось, можетъ возникнуть мысль примѣнить клятву, какъ средство судебного доказательства. Несмотря на это внутреннее превращеніе, формы клятвы остаются часто совершенно однѣ и тѣ же.

Въ самыхъ начальныхъ формахъ клятвы дѣло идетъ, конечно, какъ и вообще въ мистикѣ, больше о возбужденіи смутнаго неопредѣленнаго страха, чѣмъ о сознательномъ желаніи призвать высшую силу въ свидѣтели и мстители. Многія символическія дѣйствія, сопровождающія клятву, могутъ имѣть въ виду лишь неясную, но быть можетъ тѣмъ болѣе дѣйствительную застрашку, что они наглядно изображаютъ судьбу клятвopеступника. У многихъ африканскихъ племенъ разбиваютъ при произнесеніи клятвы кокосовый орѣхъ или горшокъ, въ другихъ мѣстахъ сжигаютъ соломинку и желаютъ себѣ и своимъ той же гибели. Мистическій смыслъ также имѣетъ, конечно, древне-японскій обычай писать клятву на бумагѣ, сжигать ее и проглатывать пепель: этимъ клятва какъ бы включается въ составъ тѣла и дѣйствуетъ какъ ядъ, если не будетъ исполнена добросовѣстно. На Гальмагерѣ (Молукскіе острова) знаютъ, по показанію Риделя, два вида клятвы, клятву на мечѣ и клятву на соли: при первой кладется немного ржавчины съ меча, при второй — немного соли въ воду, которую вланушія выпиваютъ; если онъ ложно поклялся, пусть его убьетъ мечъ, или счастье его растаетъ, какъ соль.

Клятвы на оружіи очень часты. Какъ легко онѣ усваиваются, доказываетъ фактъ, что при завоеваніи Камчатки, когда казаки хотѣли къ чему-нибудь обязать клятвенно туземцевъ, они заставляли ихъ поклясться на ружьяхъ; о Богѣ и духахъ тутъ не было и рѣчи, достаточно было страшнаго опасенія, что клятвopеступникъ погибнетъ отъ ружья. Менѣе просто дѣло, когда клятву произносятъ на могилахъ передъ черепомъ или непосредственно за именемъ умершихъ; иногда и тутъ сможетъ дѣйствовать простой символизмъ, но обыкновенно въ основаніи этого лежитъ, вѣроятно, понятіе, что умершій будетъ слѣдить за исполненіемъ клятвы и накажетъ клятвopеступника. При очень торжественныхъ клятвахъ случается даже, что самъ дающій клятву приглашаетъ мертваго быть стражемъ клятвы или договора, для чего приносить человеческую жертву. Очевидно, тутъ спутаны самыя разнородныя представленія! Принесеніе жертвы есть въ то же время символическое дѣйствіе, грозящее клятвopеступнику той же судьбой, страшное содѣйствіе памяти и притомъ зрѣлище, удовлетворяющее жажду наслажденія жестокостью — здѣсь, какъ очень часто, сплетаются и спутываются чувства и идеи, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно только сказать, что то или другое представленіе беретъ верхъ и придаетъ событію свою особую окраску.

И при развитіи клятвы видно стремленіе возбудить интересъ всѣхъ къ отдѣльному случаю и тѣмъ добиться, чтобы клятвopеступникъ, кромѣ мистическихъ опасностей, былъ наказанъ, или

подвергся общественному порицанию. Такимъ образомъ, клятва получаетъ новую опору, которая часто сильнѣе, чѣмъ первоначальная, неправильность которой все же постепенно сознается. Общее участіе прежде всего возбуждается тѣмъ, что клянушіеся призываютъ несчастье не только на себя, но и на всю общину, къ которой принадлежатъ. Бовдигъ упоминаетъ, какъ объ одной изъ самыхъ тяжелыхъ клятвъ, обычныхъ у ашантиевъ, о клятвѣ „субботой кормяги“. Однажды, въ субботу, одинъ король ашантиевъ былъ убитъ вмѣстѣ со своимъ войскомъ близъ мѣстечка Карманги; клятва этой субботой означаетъ, что въ случаѣ нарушенія ея то же несчастье призываютъ на ашантиевъ. Всѣ клятвы божествомъ племени или народа, въ сущности, подобнаго же рода, потому что за нарушеніе ихъ божество разсердится и можетъ легко заставить поплатиться за святотатство; слѣдовательно, въ интересахъ всѣхъ заботиться о томъ, чтобъ клятвы свято выполнялись.

Судебная, а въ особенности очистительная присяга принимаетъ часто форму испытанія или совпадаетъ съ нею. Въ Африкѣ она происходитъ такимъ образомъ: присягающій пьетъ воду и ѣстъ какое-нибудь кушанье и при этомъ призываетъ „фетиша“, т. е. какого нибудь духа, или божество, превратить эти вещи въ ядъ, если онъ говоритъ неправду. Въ такихъ случаяхъ, жрецъ этого фетиша охотно выступаетъ лицомъ, приводящимъ къ присягѣ.

Всякое упорядоченное судебное дѣйствіе предполагаетъ судей даже тогда, если доказательства выводятся мистическимъ путемъ. Съ существованіемъ судей въ видѣ отдѣльнаго сословія мы встречаемся во всякомъ случаѣ только у культурныхъ народовъ. Теоретически въ этой роли является прежде всего весь составъ группы, въ которой произошелъ юридическій случай; въ дѣйствительности подобное совмѣстное дѣйствіе проявляется только въ такихъ случаяхъ, когда вопросъ касается выбрасыванія неудобныхъ элементовъ, слѣдовательно относительно старцевъ, больныхъ и т. д. Но даже и тогда отдѣльныя личности опредѣляютъ мнѣніе и дѣйствіе остальныхъ. Если же дѣло идетъ о настоящихъ судебныхъ приговорахъ, совершенно нечего и думать объ общемъ дѣйствіи всѣхъ; всегда среди большихъ группъ будутъ существовать меньшія, образующія судъ, или одно лицо, предводитель или жрецъ, является охранителемъ справедливости. При этомъ самыя маленькія группы, семьи и роды, эти основныя ячейки будущаго общества, имѣютъ свое собственное примитивное правосудіе, какъ напримѣръ еще въ наше время отецъ семейства относительно дѣтей и прислуги, и только когда различныя семьи причастны къ тяжбѣ или случай считается для всѣхъ важнымъ, является надобность въ судилищѣ, стоящимъ надъ общинами и семьями.

Различныя формы общественнаго устройства даютъ при этомъ возможность различныхъ варіацій. Могутъ образоваться совѣты старѣйшинъ, какъ у австралийцевъ, или предводители отдѣльныхъ общинъ собираются вмѣстѣ, чтобъ судить, или судопроизводство захватываютъ въ свои руки группы, образовавшіяся изъ союзовъ мужчинъ; какъ мы уже видѣли, этимъ путемъ образуются суды тайныхъ союзовъ. Тамъ, гдѣ превѣшиваютъ мистическія тайныя дѣйствія, судьями легко становятся жрецы; гдѣ могущество вождя переходитъ въ деспотизмъ, судьей, конечно, становится вождь.

Всѣ рѣшенія суда сначала произвольны и находятся подъ влияніемъ расположенія духа въ данный моментъ. Но мало-по-малу образуется традиція, которая сильнѣе отдѣльнаго судьи; тогда въ судѣ засѣдаетъ не преходящая личность отдѣльнаго человѣка, но въ немъ и съ нимъ судятъ цѣлыя поколѣнія, размышлявшія о подобныхъ же юридическихъ случаяхъ и судившія ихъ; отправленіе правосудія только теперь достигаетъ своей настоящей глубины и достоинства. И все же оцѣнившій законъ, традиція другихъ временъ, не долженъ торжествовать надъ живыми людьми, не унижать ихъ до степени машины, которая, оставаясь глухой и слѣпой къ потребностямъ настоящаго, къ постояннымъ смѣнамъ возрѣній и чувствъ, судитъ лишь по заученнымъ формуламъ. Между двумя опасностями — самодержавнымъ производомъ и окостенѣлымъ придерживаніемъ старины, медленно и перѣшительно двигается впередъ развитіе права, угрожаемое то первой, то второй опасностью, во многихъ случаяхъ подпадая обѣимъ сразу, пока не останется лишь карриатура истиннаго правосудія. Тогда, конечно, остается отчаянное средство — въ важныхъ случаяхъ вообще не искать права внутри общины, терзаемой раздорами партій, а обратиться къ чужимъ за безпристрастнымъ рѣшеніемъ отдѣльнаго вопроса или поставить ихъ у себя судьями. Исторія греческихъ республикъ или нѣмецкихъ городовъ въ средніе вѣка даетъ многочисленные примѣры этого рода.

Легко понятное желаніе заслужить подарками расположеніе судей роковымъ образомъ дѣйствуетъ на безпристрастіе суда. Изъ подобныхъ добровольныхъ даровъ образуется скоро твердый обычай, который, конечно, уменьшаетъ шансы нищаго правосудія, если онъ имѣетъ незначительныя средства. Судебныя издержки даже въ культурныхъ странахъ составляютъ опасную часть судопроизводства; при первобытныхъ условіяхъ легко создается представленіе, что правосудіе вообще можетъ быть куплено, какъ товаръ, и что тотъ, кто не можетъ заплатить, не имѣетъ шансовъ добиться его. Тогда богатый стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше закона. По свидѣтельству Менрада, у фантievъ, на Золотомъ берегу, распоряженія властей дѣйствительны только относительно бѣдныхъ и слабыхъ, для богатыхъ же

и знатных они не имѣютъ никакого значенія. Постъ говорить вообще объ африканскихъ условіяхъ: „Во многихъ случаяхъ у африканцевъ исходъ процесса—вопросъ силы, а не права. Бѣднякъ и не имѣющей вліянія часто также лишены права передъ африканскимъ судомъ. Дѣло въ томъ, что онъ не въ состояніи ожидать тѣхъ большихъ суммъ, безъ которыхъ обыкновенно нельзя ожидать благопріятнаго исхода тяжбы“. Тяжбы становятся доходной статьей судьи, что легко ведетъ къ жесточайшему подкупу. При извѣстныхъ обстоятельствахъ даже цѣлыя общины и племена могутъ впасть въ грѣхъ обогащенія тяжбами, начатыми ни съ того ни съ сего. И этому Африка даетъ хорошіе примѣры. Племена внутренней части страны Ангола, черезъ которую часто проходятъ караваны, чрезвычайно изобрѣтательны въ предъявленіи жалобъ по самымъ смѣшнымъ поводамъ къ проѣзжающимъ купцамъ и носильщикамъ, а такъ какъ судъ племенъ, конечно, всегда обвиняетъ чужеземцевъ, съ нихъ выколачиваютъ произвольные поборы. Въ этихъ случаяхъ судопроизводство служитъ лишь ширмой вымогательства.

Пристрастіе примитивнаго суда высказывается не только относительно богатыхъ. Но древнѣйшимъ воззрѣніямъ обвиняется или ищетъ правосудія прежде всего не отдѣльная личность, а вмѣстѣ съ ней весь его родъ; судебная процедура есть тогда все еще смѣшанная форма родовой борьбы и перевѣсъ легко остается за группой, которая сильнѣе и способнѣе защищаться, пока судья не сумѣетъ своею болѣе сильной властью дать вѣсъ своему рѣшенію. Въ средневѣковомъ обычай, по которому обвинитель и обвиняемый поддерживаются присяжными поручителями, мы имѣемъ въ сущности то же явленіе: не два лица стоятъ другъ противъ друга, а два рода, и побѣда остается на сторонѣ большаго числа поручителей.

Представленіе общаго, равнаго для всѣхъ права развивается лишь гораздо позже или, скорѣе, опять теряется съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры. Дѣйствительно, маленькое племя можетъ уже имѣть мѣстное обычное право и одно мѣсто, гдѣ ищутъ правосудія; иногда и судопроизводство можетъ быть проще и честнѣе, чѣмъ на болѣе высокихъ ступеняхъ. Какъ только маленькіе союзы сливаются въ большіе, кончается простота, такъ какъ возникаетъ множество судовъ и источниковъ права, область вліянія которыхъ часто перепутывается; необходимъ долгій ходъ развитія, чтобы опять явился порядокъ въ этомъ хаосѣ. По мѣрѣ развитія, и первоначальная мечь подлещитъ многимъ преобразованіямъ и, наконецъ, становится многозначительнымъ, очень сложнымъ понятіемъ о наказаніи. Мечь—дѣйствіе простое; какія съ другой стороны многочисленные задачи можетъ имѣть наказаніе, какія различныя цѣли оно преслѣдуетъ, видно уже изъ попытокъ законовѣдовъ ясно опре-

дѣлать его. Оно тогда вполне представляется результатомъ народнаго развитія, не поддающагося строгому заключенію въ формулы и параграфы—всегда будетъ остатокъ, который нельзя втиснуть въ форму, и „свѣтлая голова“, любящая аккуратность, по возможности игнорируетъ его; быть можетъ другой философъ права насильно втиснетъ и этотъ остатокъ въ свою систему, но часть живого организма непременно просочится въ другомъ мѣстѣ Прокрустова ложа. Теорія о наказаніи—быть можетъ лучшій примѣръ такихъ напрасныхъ усилій, встрѣчающихся повсюду и въ другихъ областяхъ.

Съ другой стороны невозможно также говорить въ нашемъ смыслѣ о наказаніи у первобытныхъ народовъ; прежде всего желаніе дѣйствовать посредствомъ наказанія съ цѣлью устрашенія и исправленія является сознательно вообще гораздо позднѣе, хотя оно иногда можетъ выступить рано, какъ результатъ односторонняго развитія. Вообще, можно сказать, что дѣйствія, называемыя нами наказаніемъ, давно примѣнялись прежде, чѣмъ они дѣйствительно заслуживали это названіе. Всего лучше это видно изъ человѣческихъ жертвъ: въ древнеклассическихъ культурныхъ странахъ чаще являлся обычай приносить въ жертву настоящихъ преступниковъ вмѣсто невинныхъ людей, такъ что, наконецъ, жертва стала ничѣмъ инымъ, какъ очень торжественной казнью. Еще въ Римѣ, во времена императоровъ, приносили въ жертву во время латинскихъ ваккацій ирговореннаго преступника на алтарь Юпитера; въ Афинахъ, на варгедійскомъ праздникѣ, возили двухъ преступниковъ, мужчину и женщину по городу, какъ очистительныя жертвы, и затѣмъ убивали ихъ при храмѣ Аполлона. Рядомъ съ этимъ, изъ слѣпота акта мести, изъ яростнаго возмездія, возникаетъ истинная справедливость, которая старается, прежде чѣмъ наказать, узнать размѣры вины. Въ греческой мифологіи прекрасно воплощено древнее дикое право мести въ эвменидахъ, а олимпійскіе боги представляютъ болѣе высокую справедливость, находящуюся подъ вліяніемъ разума и опыта.

Съ различными видами наказанія происходитъ то же, что и съ запутанностью судопроизводства; число возможныхъ наказаній сначала не велико, затѣмъ оно вырастаетъ часто до чудовищныхъ размѣровъ и, наконецъ, у культурныхъ народовъ, опять понижается до умѣренной степени. При первобытныхъ обстоятельствахъ мыслимы собственно только тѣлесныя наказанія и даже изъ нихъ почти только наказанія смертью, такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда общество выступаетъ противъ одного изъ своихъ членовъ, послѣдняго желаютъ не устрашить или исправить, а просто устранить. Удаленіе изъ общества почти равносильно смерти, такъ какъ для отдѣльнаго лица нѣтъ возможности существовать внѣ родовой группы. Удары и небольшія пораненія иногда случаются, какъ субъективная мечь, но это не

наказанія по суду. Но мало-по-малу тѣлесныя наказанія развиваются дальше, правда, большею частью подъ вліяніемъ чувства наслажденія жестокостью, которое приводитъ къ страшнымъ истязаніямъ, какъ это можно видѣть и при принесеніи человѣческихъ жертвъ. Если мы

Пытки у китайцевъ.

бросимъ взглядъ на старинныя законы о наказаніяхъ у нѣмецкаго народа, мы увидимъ, что и здѣсь, подъ предлогомъ стремленія къ справедливости, разрастается одинъ изъ мрачнѣйшихъ и ядовитѣйшихъ зародышей на пагубу человѣческой души. Для людей среднихъ вѣковъ мучительное закланіе преступника было зрѣлищемъ, къ которому они

жадно стремились и котораго не желали пропустить въ своемъ однообразномъ существованіи. Китайская культура еще теперь больна этими пережитками варварства—жестокими казнями и пытками (рис. стр. 862). Одною изъ самыхъ большихъ успѣховъ достигло культурное человѣчество, поборовъ эту точку зрѣнія и замѣнивъ дьявольское наслажденіе жестокостью болѣе благородными удовольствіями. Быть можетъ, слѣдя за гибелью героя въ драмѣ, мы испытываемъ послѣдній, въ высшей степени облагороженный и утонченный отзвукъ того древняго, грубаго чувства наслажденія.

Чрезмѣрному примѣненію тѣлеснаго наказанія противодѣйствуетъ, къ счастью, возникновеніе частной собственности. Денежное и имущественное взысканіе есть сначала лишь выкупъ тѣлеснаго наказанія, но скоро становится важнымъ вспомогательнымъ средствомъ прогресса и правовой совѣсти, такъ какъ допускаетъ болѣе тонкую нормировку наказанія. Нельзя, правда, отрицать его опасности и она проявляется очень рано: если денежное взысканіе для сильнаго пріятный способъ обогатиться подъ предлогомъ правосудія, съ другой стороны оно легко возбуждаетъ мысль, что всякое преступленіе можно искупить деньгами и что богатый стоитъ выше закона. Вторая опасность не устранена даже въ культурныхъ странахъ; денежное взысканіе, ели затрогивающее челоѣка состоятельнаго, можетъ стать роковымъ для бѣдняка, а между тѣмъ преступленіе въ обоихъ случаяхъ было одинаково.

Многіе зародыши имущественнаго взысканія имѣютъ мистическіе корни. Въ Новой Зеландіи находимъ мы законный грабежь подъ названіемъ „Муру“, производимый надъ семьей, въ которой случилось преступленіе или какой-нибудь несчастный случай. Это дѣйствіе нельзя еще назвать наказаніемъ, такъ какъ на него не обижаются, и потерпѣвшій его не скрываетъ; къ тому же грабежь захватываетъ и невинныхъ. Такъ, наприм., Браунъ рассказываетъ, что однажды ограбили вождя за то, что жена его совершила прелюбодѣяніе. Быть можетъ, это обыкновеніе вытекаетъ изъ обычая уничтожать или раздаривать имущество при смертныхъ случаяхъ, чтобы отклонить отъ оставшихся живыхъ месть умершаго; такимъ образомъ ограбленіе можетъ также имѣть въ виду умиловитивъ гнѣвъ духовъ противъ преступной семьи. Это мнѣніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Японіи производится законный грабежь, „Харай“, надъ тѣми людьми, у которыхъ умеръ близкій родственникъ или спутникъ; обычай выродился въ такое своеволие, что долженъ былъ быть подавленъ императорскими эдиктами. Насколько вышеупомянутая законная анархія имѣетъ связь съ этими обычаями требуетъ болѣе точнаго изслѣдованія.

Гораздо позже и медленнѣе, чѣмъ до сихъ поръ названныя на-

казанія, развилось лишеніе свободы; началомъ его можно вѣроятно считать задержаніе военнопленныхъ, назначенныхъ въ жертву или въ обмѣнъ. При первобытныхъ условіяхъ, лишеніе свободы (какъ наказаніе), имѣетъ мало смысла; едва ли найдется зданіе, гдѣ можно надежно запретить арестантовъ, а безыскусственные окопы, которыя надѣваютъ, легко сбрасываются съ помощью хитрости и терпѣнія, или такъ устроены, что серьезно разрушаютъ здоровье и жизнь въ очень короткое время. Къ этому надо прибавить ничтожность цѣны человеческой жизни: вмѣсто того, чтобы долго стеречь и пожалуй еще кормить преступника, лучше же сейчасъ убить его. На болѣе высокихъ ступеняхъ предпочитаютъ продать его въ рабство; въ Африкѣ это особенно любимый способъ наказанія. Мысль, что государство обязано кормить тѣхъ людей, которыхъ запираетъ въ тюрьму и тѣмъ отрываетъ отъ ихъ занятій, получаетъ силу лишь очень поздно. Еще въ началѣ XIX столѣтія запирали въ Англіи несостоятельныхъ должниковъ, вовсе не заботясь о ихъ содержаніи. На Мадагаскарѣ заключенные должны платить даже за свои цѣпи; ницу они получаютъ отъ своихъ родственниковъ или должны въ цѣпяхъ идти на работу, или просить милостыню.

Еще менѣе, чѣмъ лишеніе свободы, извѣстны на первобытныхъ ступеняхъ позорныя наказанія. Удивительнымъ переходомъ отъ поединка къ наказанію лишеніемъ чести служить обычай эскимосовъ, который Штейнмецъ назвалъ „критической борьбой пѣснями“. Оскорбленный или понесшій убытокъ отъ другого сочиняетъ на него сатирическое стихотвореніе и въ опредѣленный день произносить его передъ большимъ собраніемъ народа, на что противникъ отвѣчаетъ тѣмъ-же. „Тотъ изъ противниковъ“, пишетъ объ этомъ Нансенъ, „которому удастся вызвать въ зрителяхъ больше смѣха своими колкостями и остроуміями, считается побѣдителемъ. Быть выставленнымъ на смѣхъ и издѣвательство своихъ собѣдъ для гренландца самое тяжкое наказаніе, которое только можетъ его постигнуть. Случается иногда, что человѣкъ этимъ способомъ попросту изгоняется изъ своего дома и поселка“. Уже Эgede упоминаетъ объ этихъ поединкахъ пѣснями, которые напоминаютъ обоюдныя оскорбленія гомеровскихъ героевъ. Но вообще это явленіе одиночно и только при болѣе высокой культурѣ мы снова встрѣчаемся съ нимъ въ новой формѣ, доказательствомъ чему служитъ позорный столбъ, какъ средневѣковое наказаніе. Но у низко стоящихъ по развитію тасианцевъ встрѣчался подобный же обычай: преступника сажали на нижній сукъ дерева и все племя издѣвалось надъ нимъ; это наказаніе было смягченіемъ тѣлеснаго наказанія, такъ какъ прежде въ виновнаго бросали извѣстное число дротиковъ, что еще и теперь въ обычаѣ въ Австраліи.

Какъ измѣняются наказанія, такъ измѣняются и преступленія. Убийство, смертоубійство и тѣлесныя поврежденія составляютъ преступления, которыя встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ развитія и первыя привели къ мести и суду; но вовсе не всякое убійство человека имѣетъ результатомъ это дѣйствіе. Кто убьетъ чуждаго племеню можетъ ждать отъ соплеменниковъ скорѣе похвалы, чѣмъ порицанія; гдѣ необходимо ограниченіе населенія, убить лишнихъ дѣтей считается священной обязанностью матери, и такъ же спокойно устраняютъ безполезныхъ старцевъ и больныхъ. Насколько остро и неумолимо проявляется чувство мести относительно другихъ родовъ и племенъ, настолько же нерѣшительно оно внутри самой группы.

Преступленія противъ собственности возможны на первыхъ ступеняхъ развитія лишь въ ничтожномъ количествѣ; да на нихъ все племя мало обращаетъ и вниманія: пусть человѣкъ самъ заботится, какъ вернуть то, что считаетъ своею собственностью. На полуостровѣ Газели, въ Новой Помераніи, обокраденный, если не хочетъ передать дальше вредъ, какъ выше описано, дѣлаетъ вору подарокъ деньгами изъ раковинъ, чтобы послѣдній добровольно отдалъ вещь; воръ смѣло хвастается даже своимъ хитрымъ поступкомъ, быть же пойманнымъ съ поличнымъ считается большимъ стыдомъ. У народа іабимовъ, въ Новой Гвинее, происходитъ то же самое: если кто нашелъ или укралъ что-нибудь, онъ часто отдаетъ вещь только за выкупъ; если же украдетъ вождь, дѣло оставляютъ, болѣею частью, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, чтобы не разсердить его. Кража полевыхъ плодовъ вообще не имѣетъ другихъ послѣдствій, кромѣ нѣсколькихъ ругательствъ и угрозъ со стороны владѣльца.

Но не слѣдуетъ думать, что у всѣхъ первобытныхъ народовъ господствуютъ такія нетвердыя понятія о собственности; одностороннее развитіе привело въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ совершенно другимъ явленіямъ. Гольды у р. Амура, которые вообще считаются честными даже относительно чужеземцевъ, по свидѣтельству Якобсона, наказываютъ воровъ, обрубая имъ руки, но тогда сообщаютъ заботятся о пропитаніи искалѣченныхъ. У многихъ южно-американскихъ племенъ воровъ наказываютъ самымъ жестокимъ образомъ; у карибовъ, на Гаити, ихъ, по свидѣтельству Овьедоса, сажали на колъ; у древнихъ индѣйцевъ — Куско ихъ ослѣпляли, въ Чили — убивали, если за нихъ не вступались могущественные друзья. Жители острова Токело наказываютъ смертью или продажей въ рабство даже за кражу съѣстныхъ припасовъ. Конечно, встрѣчаются и противоположныя крайности, изъ которыхъ всего поразительнѣе, что существуютъ боги воровства, которыхъ почитаютъ самымъ явнымъ и простодушнымъ образомъ. На островѣ Пасхи

былъ богъ воровъ; достаточно извѣстно, что у классическихъ народовъ древности можно также найти слѣды такихъ воззрѣній. Иногда нѣкоторыя коммунистическія понятія народа держатся крѣпко и при ростѣ культуры, такъ что они становятся въ разрѣзъ съ требованіями правосудія. Браконьеры въ Германіи, бриганты въ южной Европѣ не считаются подлыми преступниками, а даже часто прославляются, какъ герои.

По мѣрѣ того какъ съ ростомъ культуры преступленія противъ собственности вообще становятся чувствительнѣе, хотя часто мягче наказываются, наказанія за колдовство, святотатство и тому подобное отступаютъ все больше и больше на задній планъ. Въмѣсто нихъ начинаютъ занимать все больше мѣста обвиненія въ оскорбленіи и клеветѣ, такъ какъ чувство чести растетъ и, съ ослабленіемъ суевѣрія и грубости, попытки околдованія и тѣлеснаго поврежденія отбѣсняются все больше и больше. Соответственно неопредѣленности половой нравственности, всего болѣе шатки правовыя воззрѣнія на половыя преступленія; и у дикарей встрѣчаются вопіющія противорѣчія, — здѣсь смертная казнь за прелюбодѣяніе и обольщеніе, тамъ самый снисходительный приговоръ за тѣ же преступленія. На первоначальныхъ ступеняхъ, правовое чувство всего болѣе оскорбляется браками между членами одной группы, поскольку въ ней имѣютъ силу экзогамическіе принципы.

Всѣ вышнія формы правовой жизни ничего однако не значатъ безъ внутренняго развитія идеи права; оба взаимно обуславливаютъ, помогаютъ и сдерживаютъ поочередно другъ друга, какъ это всегда бываетъ въ живомъ организмѣ прочнаго общества со всѣми утвердившимися формами и ихъ отношеніемъ къ сознанію живыхъ людей даннаго поколѣнія. Законъ, выработанный дальновидными и предусмотрительными членами общественной группы, можетъ стать воспитательнымъ средствомъ для цѣлаго народа, который по немногу приспосабливается къ требованіямъ этого закона и вырабатываетъ въ себѣ совѣсть; послѣ чего законъ со своими угрозами становится почти лишнимъ. Но и совѣсть народа можетъ сдѣлаться утонченнѣе и, наконецъ, стать въ рѣзкое противорѣчіе съ неподвижной окаменѣlostью существующаго закона, и тогда задачей лучшихъ людей будетъ заключить въ формулы закона новыя требованія совѣсти, выступающія этимъ самымъ на мѣсто устарѣвшихъ нормъ права. Въ этихъ именно видоизмѣненіяхъ выражается жизнь прочнаго общества, и было бы гибельной ошибкой думать, что право, какъ таковое, стоитъ выше этой жизни, что оно можетъ быть заключено въ столь же вѣчныя формулы какъ математическія теоремы. Но можно привести одну важную черту его развитія, согласующуюся съ такой же чертой нравственности: чувство права рас-

пространяется на все большіе круги и, наконецъ, разбивая всѣ преграды преходящаго обычая, охватываетъ все человѣчество. Какъ происходило это развитіе, прекрасно видно даже изъ оставшихся слѣдовъ въ языкахъ. Латинское слово *hostis*, означающее чужака, врага, находится въ древнемъ родствѣ съ нѣмецкимъ словомъ *Gast* (гость), которое тоже означаетъ чужого, но уже желаннаго посѣтителя, находящагося подъ защитой хозяина и пользующагося съ нимъ одинаковыми правами.

Чувство права становится, наконецъ, потребностью права, которое не можетъ найти себѣ полного удовлетворенія въ рамкахъ бытія. Въ поэтической справедливости драмы мы видимъ попытку хотя бы мимолетнымъ обманомъ удовлетворить эту потребность и представить ее достижимой. Но еще сильнѣе выражается стремленіе къ полной справедливости въ представленіяхъ о будущей жизни, которыя, наконецъ, развиваются въ величественной фантази о конечномъ судѣ, о вѣчной наградѣ и наказаніи. Быть можетъ, культура Европы преодолѣла внутренно и эти ступени: идея вѣчнаго наказанія за временныя ошибки имѣетъ въ себѣ нѣчто отталкивающее для нашего чувства справедливости, потому что, оглядываясь назадъ, мы увидѣли, какъ видоизмѣняется понятіе о правѣ, и поняли, что дѣйствительно прочно только то, что способно къ преобразованію, а не оцѣпенѣвшее и неизмѣнное; но человѣку, жизнь котораго такъ коротка, кажется, что именно послѣднему предназначено вѣчное существованіе.

5. Начатки науки.

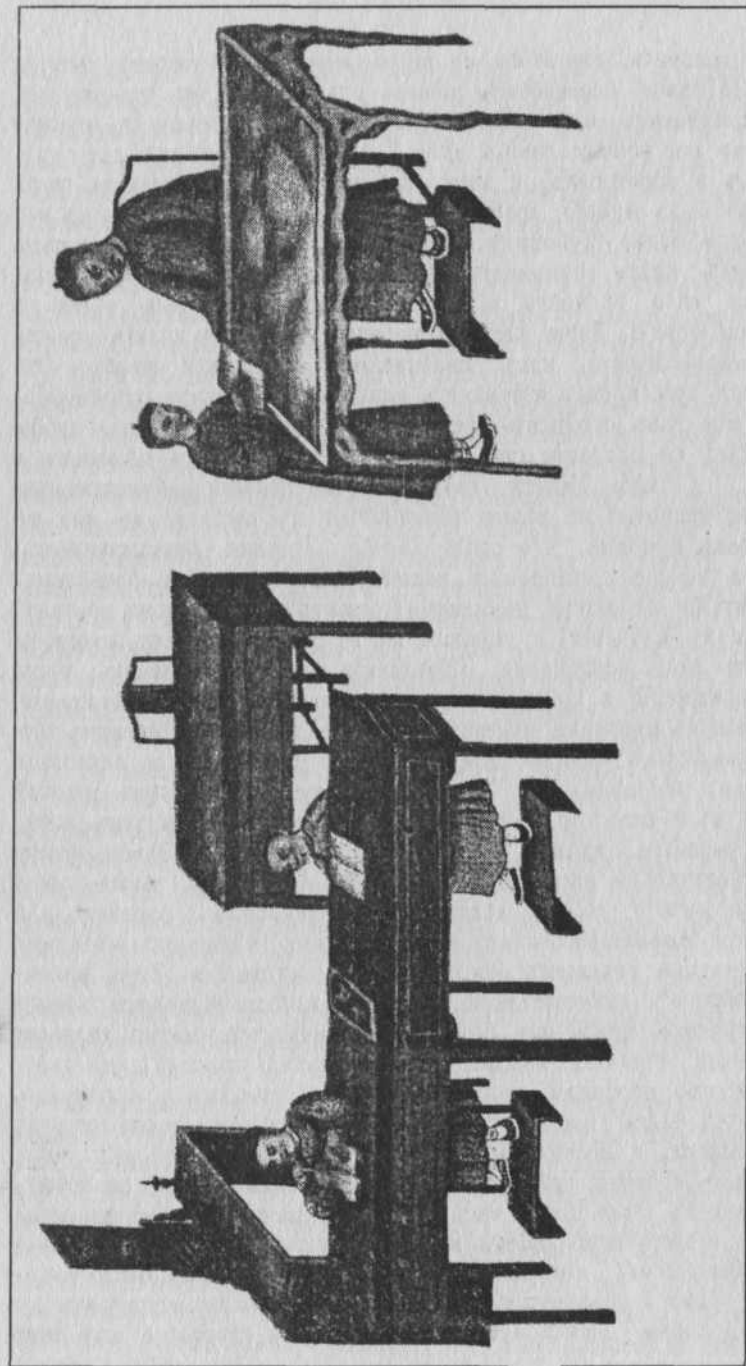
Если мы еще разъ бросимъ взглядъ на длинный трудный путь, которымъ шло человѣчество въ своемъ стремленіи къ культурѣ, и если мы затѣмъ, посмотрѣвъ впередъ, постараемся угадать, куда ведетъ этотъ путь въ будущемъ, то увидимъ, что на первый планъ выступаетъ всегда одна черта развитія, какъ самая важная среди многихъ другихъ и, въ сущности, охватывающая все остальное: мы увидимъ, какъ рядомъ съ темными, цѣлесообразно дѣйствующими силами внутренней жизни человѣка, выступаетъ все сильнѣе сознательное дѣйствіе, пока наконецъ оно, если и не замѣняетъ многія изъ тѣхъ несознательныхъ побужденій, то начинаетъ руководить и управлять ими. Далѣе, превращая съ трудомъ производимую сознательную работу въ механическую, почти не требующую усилій дѣятельность, оно расширяетъ и обогащаетъ самую личность и, такимъ образомъ, становится все способнѣе разрѣшать новыя задачи. Результатъ этого постепеннаго прогресса есть культура. Земля, на которой растенія могутъ жить и вырастать

безъ свѣта сознанія, вновь завоевана человѣкомъ при помощи разума. Но много есть еще чувствъ—побужденій, на проявленія которыхъ до сихъ поръ очень мало вліяетъ сознаніе, и прежде всего половая любовь и общественныя инстинкты человѣка. Предстоитъ ли имъ тоже въ будущемъ подпасть подъ вліяніе разума и тѣмъ самымъ быть вовлеченнымъ въ потокъ развитія? Нѣтъ недостатка въ признакахъ, что это превращеніе начинается. Но конечной цѣлью будетъ не замѣна разумомъ этихъ побужденій, такъ какъ мы всюду видимъ проявленіе чувства рядомъ съ познаніемъ. Онъ лишь очиститъ и облагородитъ ихъ; культуры ума и сердца не противорѣчатъ другъ другу, но сливаются въ одну.

Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что наука, охватывающая и ведущая дальше всѣ результаты работы разума, должна считаться цвѣтомъ человѣческой культуры. Но наука, прежде всего, есть только отвлеченное понятіе. Съ изобрѣтеніемъ письма можетъ существовать, конечно, знаніе, которое, такъ сказать, консервируется въ застывшемъ состояніи, оживая лишь посредствомъ связи съ умомъ живущаго человѣка; но дѣйствительно существуетъ и полезна только та наука, которая удерживается памятью въ головахъ существующаго въ тотъ моментъ человѣчества. У первобытныхъ народовъ, не имѣющихъ письменъ, это вообще единственная возможность. Какъ будто странно говорить о наукѣ у первобытныхъ народовъ, и дѣйствительно, въ высшемъ смыслѣ, который мы придаемъ обыкновенно этому слову, оно сюда не подходитъ. Но если мы, какъ это и необходимо съ общей точки зрѣнія, включимъ въ понятіе о наукѣ всѣ согласныя съ разумомъ знанія, тогда окажется, что и первобытные народы обладаютъ достаточнымъ ея количествомъ, и даже высшія животныя имѣютъ небольшое сокровище сознательно прибрѣтенныхъ знаній, хотя и ставшихъ механическими.

Знаніе должно оставаться живымъ въ умѣ живущаго, оно должно переходить къ будущимъ поколѣніямъ или потухнуть. Это распространеніе становится теперь задачей воспитанія (см прилагаемую таблицу „Китайское преподаваніе“). Отношеніе воспитанія къ наукѣ не такъ легко однако понять, какъ бы это могло казаться послѣ нашего объясненія.

При воспитаніи ребенка, ему передаютъ не только сумму разумныхъ, ясно понимаемыхъ знаній, но прежде всего стараются, чтобъ сознательно-заученныя вещи по большей части стали механическимъ навыкомъ. Самымъ простымъ примѣромъ можетъ служить умѣнье ходить, при чемъ сначала ребенокъ съ трудомъ и осторожно переставляетъ ногу за ногу, но, послѣ болѣе продолжительнаго упражненія, ходьба становится полусознательнымъ дѣйствіемъ, не нуждающимся въ постоянномъ руководствѣ разума. Такъ же научается

Преподаваніе въ Китаѣ.

ребенокъ говорить, двигаться по опредѣленнымъ правиламъ, ѣсть и т. под. Но такое перенесеніе навыка отъ учителя на ученика можетъ существовать при очень небольшой доль сознанія и, прежде всего, безъ настоящаго знанія цѣли; людей можно также дрессировать, какъ и животныхъ, и даже необходимо, чтобъ большая часть воспитанія была просто дрессировкой, потому что ребенокъ не можетъ видѣть болѣе глубокихъ причинъ многихъ вещей и часто самъ учитель ихъ плохо понимаетъ. Сила обычая, т. е., въ сущности, жизненная сила прочнаго общества, втискиваетъ юныя души въ имѣющіяся формы. Даже чистое сокровище народнаго знанія можетъ быть передано просто, какъ накопленный въ памяти скарбъ. Эта возможность дрессировки избавляетъ единичную личность отъ необходимости еще разъ продѣлать всю работу мысли прошлаго, чтобы пользоваться ея плодами; она способствуетъ прочности обычая и мѣтній и, съ тѣмъ вмѣстѣ, большей силоченности общественнаго организма, несмотря на вѣчно мѣняющійся его составъ; но она же есть главная причина, что столь многое, ставшее безмысленнымъ, передается дальше и становится, наконецъ, невыносимымъ бременемъ.

Воспитаніе характера, повидимому, стоитъ въ извѣстномъ противуположеніи къ изученію и упражненію въ знаніи; но эта противуположность лишь кажущаяся. Образовать характеръ значитъ, вѣдь, путемъ упражненій и пріятныхъ ассоціацій развивать тѣ побужденія, которыя разумъ призналъ полезными; другія же, неограниченное господство которыхъ опасно для общества, подавлять и ослаблять неприятными ассоціаціями. Такимъ образомъ, и въ этомъ смыслѣ стремятся къ результату разума надъ инстинктами. Но такъ какъ, по мѣрѣ развитія, взглядъ на полезное для общества очень колеблется, относительно воспитанія характера образуются также самыя различныя мѣтнія; то, что дѣлается у первобытныхъ народовъ для образованія характера, кажется на высшихъ ступеняхъ культуры болѣею частью опаснымъ или совершенно негоднымъ. Такъ напримѣръ, „дикарю“, дѣйствительно, полезна извѣстная дикость характера, такъ какъ одною изъ главныхъ задачъ его жизни является борьба; вещи, представляющіяся съ точки зрѣнія высшей нравственности тяжкими пороками, какъ напримѣръ жестокость и каннибальство, могутъ быть тщательно поддержаны, какъ полезныя средства для устрашенія, и воспитаны въ юности.

Вообще, конечно, трудно говорить о воспитаніи у первобытныхъ народовъ, такъ какъ именно старому поколѣнію нечего передавать за недостаткомъ знаній и самовоспитанія. Отсюда происходитъ удивительный контрастъ: хотя къ жизни дѣтей часто относятся съ тупымъ равнодушіемъ и, при случаѣ, даже жертвуютъ ею простому капризу, вообще же нѣтъ и рѣчи о строгости или хоги

бы серьезномъ отношеніи къ воспитанію потомства, а наказанія почти неизвѣстны. Штейнмецъ подробно изслѣдовалъ и этотъ вопросъ по многимъ литературнымъ даннымъ, а I. Вольфъ указалъ на то, что у низшихъ классовъ европейскихъ культурныхъ народовъ замѣчается склонность очень снисходительно относиться къ шалостямъ и опаснымъ чертамъ въ характерѣ дѣтей. Грубое отношеніе, какъ кажущееся противорѣчіе, а въ сущности дополненіе картины, встрѣчается и здѣсь, какъ у дикарей; это есть примѣръ извѣстнаго колебанія между веселостью или тупымъ равнодушіемъ и дико прорывающеюся страстью, которое составляетъ признакъ невоспятапаго характера.

Въ тѣхъ подготовительныхъ обычаяхъ (сравн. стр. 167), которые связаны съ посвященіемъ мальчиковъ и дѣвочекъ и служатъ началомъ образованія особеннаго общества мужчинъ, впервые выступаетъ нѣчто въ родѣ настоящаго методически веденаго воспитанія. Здѣсь передается болѣе или меньшее количество знаній и навыковъ и кладется начало извѣстному самовоспитанію. Но главнымъ образомъ слово и примѣръ родителей служатъ образцомъ для дѣтей, и добровольными играми дѣтей, взаимнымъ ихъ соревнованіемъ достигается необходимый навыкъ. Но здѣсь дѣло идетъ, какъ это доказываютъ игрушки дѣтей (рис. рядомъ и на стр. 872) прежде всего о передачѣ физической ловкости, которая тѣмъ не менѣе, въ сущности, имѣетъ цѣлью дисциплину ума. Только въ единичныхъ случаяхъ видимъ мы у первобытныхъ народовъ воспитаніе, приведенное въ систему, такъ напримѣръ у маори въ Новой Зеландіи, которые, по свидѣтельству Е. Беста, имѣли настояще школы дома: въ Варе Маре обучали древней исторіи, генеалогіи и религіи, въ Варе Поре, напротивъ того, тканью одежды изъ льна. Былъ даже Варе Тапере, увеселительный домъ, гдѣ молодежь забавлялась играми.

Итакъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, тѣмъ или инымъ способомъ передаются и ничтожныя зачатки настоящаго знанія, очень бѣдныя, рядомъ съ перевѣшивающими ихъ воззрѣніями мѣологическими и мистическими. Но тѣ и другія стоятъ вовсе не въ простой противоположности другъ къ другу, и мѣологическія толкованія міра и человечества являются вѣдь также попытками пониманія и разъясненія, съ той разницей, что они останавливаются на полдорогѣ и ставятъ на мѣсто недостижимой истины пеструю игру фантазіи. Мистика, а также, въ этомъ смыслѣ, искусство тоже стремятся къ знанію, но хотятъ его достигнуть не свободнымъ разумомъ, а повышеніемъ всякой жизни чувствъ до непосредственнаго лицезрѣнія истины. Такимъ образомъ, въ сущности, это—одна великая черта, черезъ все проходящая, все наполняющая и оживляющая.

Волчокъ у даяковъ. (Борнео).

Научное знаніе имѣетъ двѣ цѣли: во-первыхъ, человѣкъ старается понять окружающую природу, ея силы, условія и законы; во вторыхъ, онъ старается понять собственное я и сущность человѣческаго общества. Къ внѣшней природѣ принадлежитъ, въ этомъ смыслѣ, и тѣло человѣка, такъ что вторую научную группу можно справедливо назвать духовными науками, такъ какъ мы знаемъ, что въ основаніи всякой культуры лежитъ умственная работа. А къ первой группѣ будутъ принадлежать математика и всѣ естественныя науки. Это простое распредѣленіе только тогда кажется недостаточнымъ, если мы послѣдуемъ ложному обычаю называть теологію и юриспруденцію тоже науками, между тѣмъ, какъ тутъ идетъ рѣчь лишь о пособіи истинной науки, и въ обоихъ случаяхъ имѣются въ виду цѣли, ничего общаго не имѣющія съ чистымъ знаніемъ, основаннымъ на разумѣ. Философія же вовсе не противорѣчитъ данному распредѣленію, потому что въ ней соединяются обѣ вѣтви знанія въ одно большое могущественное цѣлое; всѣ отдѣльные пути знанія впадаютъ въ этотъ широкій путь, ведущій къ вѣчной истинѣ.

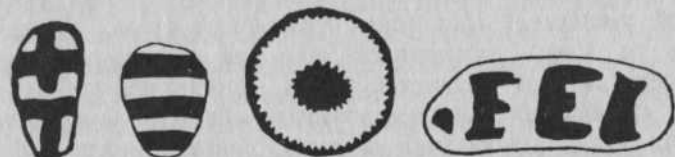
Кожаный мячъ у чукчей. (Азія).

Всего яснѣе выражается существованіе вѣчныхъ законовъ въ *мѣрѣ* и *числѣ*. Если очень многіе древнѣйшіе культурные народы видѣли въ числахъ нѣчто священное и магическое, если пифагорейцы, наконецъ, подняли эти воззрѣнія до высоты философской системы, они тѣмъ выразили лишь то глубокое почтеніе, которое должны вызывать въ каждомъ болѣе серьезномъ умѣ эти вѣчные неизмѣнные законы среди запутаннаго хаоса жизни. Числомъ и мѣрою можно было тогда урегулировать и жизнь человѣка и перенести на него и его существованіе часть божественнаго порядка. Сначала такая попытка могла казаться заносчивой и преступной; въ библейскомъ сказаніи о народнѣйшей переписи Давида и посланной за симъ чумѣ, какъ Божьемъ наказаніи, высказывается глубокой ужасъ примитивнаго человѣка къ подобной смѣлости. Но страхъ скоро преодолѣли: вѣдь вторымъ главнымъ фундаментомъ вавилонской культуры, рядомъ съ письмомъ, было знаніе математическихъ законовъ. И многія доисторическія находки въ Европѣ, какъ, напримѣръ, разрисованныя булыжники (рис. стр. 873), повидимому, показываютъ на рано пробудившійся интересъ къ числамъ и вспомогательнымъ средствамъ для счета.

Повидимому, всѣ первобытные народы настоящаго времени обладаютъ самыми скромными начатками математики, способностью считать. Не велико, правда, ихъ искусство въ этомъ отношеніи, такъ какъ

многія мало-культурныя племена „не могутъ сосчитать до трехъ“, т. е. имѣютъ числовыя словесныя выраженія только для 1 и 2, такъ что высшія числа должны быть выражены трудными сопоставленіями и, вообще, счисленіе остается въ очень узкихъ границахъ. Благодаря счастливому случаю, искусство считать у одного изъ этихъ племенъ, бразильскихъ бакайри, было ближе изучено Карломъ фонъ-денъ-Штейнемъ. Исслѣдованія почтеннаго испытателя по этому предмету замѣчательны и привели его къ заключеніямъ, бросающимъ вообще яркій свѣтъ на возникновеніе счета.

Бакайры пользуются числительными: tokále = 1, и aháge = 2. Есть еще отдѣльное числительное для 3 — ahewáo, не имѣющее однако значенія для системы счета; оно едва ли чаще употребляется, чѣмъ соединенное aháge tokále. Устно бакайры могутъ считать до шести, выше этого нѣтъ уже ясныхъ обозначеній, хотя они могутъ представить себѣ и большія числа съ помощью пальцевъ

Раскрашенные булыжники изъ доисторическихъ временъ, (южная Франція).

рукъ и ногъ, которые тутъ, какъ почти вездѣ, служатъ счетными машинами. При счетѣ бакайры строго придерживаются опредѣленныхъ пальцевъ. Онъ начинаетъ съ мизинца лѣвой руки и говоритъ „tokále“, дотрагивается до IV пальца, соединяетъ съ V и говоритъ „aháge“, переходитъ къ III и, держа его отдѣльно рядомъ съ V и IV, говоритъ „aháge tokále“, переходитъ къ II, соединяетъ его съ III и говоритъ „aháge aháge“, дотрагивается до большого пальца и говоритъ „aháge aháge tokále“, прикладываетъ мизинецъ правой руки и говоритъ „aháge aháge aháge“. Послѣ 6 бакайры счета не знаетъ и продолжаетъ съ IV, III, II и I пальцами правой руки, дотрагиваясь поочередно до каждого и прибавляя только „méga“, „этотъ“. Точно также дотрагивается онъ до пальцевъ лѣвой и правой ноги и объявляетъ каждый разъ „méga“. Если и ихъ не достаточно для счета, онъ хватается себя за волосы и дергаетъ ихъ въ разныя стороны“. 2 является всегда основнымъ числомъ. Если нужно было сосчитать три зерна маиса, она всегда раскладывались на 2 и 1 и считались съ помощью пальцевъ; при счетѣ до 6 также всегда составлялись группы изъ двухъ зеренъ и тогда уже опредѣлялось число съ помощью пальцевъ.

Это пристрастие къ числу „два“ есть, по мнѣнію Карла ф. д. Штейнень, не только признак малаго развитія, но указываетъ на то, что понятіе объ отвлеченности числа вообще приобрѣтено не при сложении, а при дѣленіи предметовъ. Если дѣлать предметъ, разрѣзая, или разбивая его, всегда получаютъ сначала двѣ части, изъ которой каждую можно новымъ разрѣзомъ раздѣлить опять на два куска и т. д.; другими словами, при каждомъ простомъ дѣленіи получается пара кусковъ. „Дѣйствіе раздѣленія было всегда одно и то же, предметы мѣнялись по произволу; такимъ образомъ перестали обращать вниманіе на ихъ сущность и получили абстракцію числа 2. Но она была достигнута лишь дѣйствіемъ, а не простою наличностью предметовъ, какъ напримѣръ парностью органовъ тѣла“.

Это мнѣніе лучше, чѣмъ какое-либо другое согласуется съ развитіемъ человѣческой культуры, насколько мы можемъ судить по безпристрастнымъ наблюденіямъ. Сначала должно было быть настоящее практическое основаніе, позволившее людямъ достигнуть огромной умственной абстракціи отвлеченнаго числа. Одинъ только взглядъ на члены собственнаго тѣла или своихъ соплеменниковъ не привелъ къ этой гигантской работѣ, потому что для ихъ различенія и схватыванія мыслью достаточно было первой огромной дѣятельности ума — установленія названій. Бакари, считающій съ помощью пальцевъ, все же не обозначаетъ ихъ числами, а называетъ ихъ — отецъ, дитя, средний и т. д. Имущество, какъ напримѣръ, скоть или монеты, число которыхъ нужно знать, дикарю не извѣстны; если онъ охотится или что-нибудь собираетъ, онъ желаетъ принести домой какъ можно больше штукъ дичи, какъ можно больше плодовъ или кореньевъ, но при этомъ точное число не имѣетъ для него никакого значенія. Но дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ, если предстоитъ задача отдать каждому принадлежащую ему часть добычи. Коммунистическая черта, закрѣпляющая за каждымъ одинаковую долю средствъ для жизни въ первобытномъ обществѣ, столь же могущественна, какъ и трудно проводима во многихъ случаяхъ. Слѣдовательно, въ этомъ заключалась та настоятельность, которая должна была наконецъ пересилить страхъ умственной работы и абстрактнаго мышленія; напряженное вниманіе всѣхъ принуждало того, кому выпадала обязанность дѣлежя, напрягать свой умъ до крайности и, если онъ ошибался, зависть и чувство справедливости не давали обойденнымъ успокоиться, пока не приходили къ правильному рѣшенію. Здѣсь можно дѣйствительно говорить объ общей умственной работѣ участниковъ, но она происходитъ не въ тайнѣ, а легко узнается по своимъ причинамъ и слѣдствіямъ. Понятіе о мѣрѣ должно было сначала возникнуть такимъ же образомъ.

Объ этихъ вопросахъ можно было бы говорить съ большою

увѣренностью, если бы мы были точнѣе освѣдомлены о способѣ первобытнаго счета у другихъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, установлено, что парный счетъ существуетъ въ малайополінезійской области, въ Новой Зеландіи, въ Тонгарева и т. д., а также у австралийцевъ. Въ противоположность мнѣнію Карла ф. д. Штейнена, слѣдуетъ упомянуть выводъ, сдѣланный Л. Фробениусомъ изъ изученія океанійской счетной системы. У нѣкоторыхъ изъ океанійцевъ „два“ повидимому было сначала обозначеніемъ „волось“, „перьевъ“, „бамбуковъ“ и т. под., т. е. соответствовало вещамъ, находящимся обыкновенно во множествѣ. Поэтому „два“ было будто бы сначала равнозначуще съ „много“ и лишь постепенно преобразовалось въ опредѣленное числительное.

То обстоятельство, что вѣроятно всюду сначала прибѣгаютъ къ пальцамъ рукъ и ногъ, какъ къ вспомогательному средству, имѣетъ конечно вліяніе на дальнѣйшее развитіе счета, на что въ особенности указалъ Джонъ Баурингъ. Пять и его многократные становятся главными числами, слово „рука“ означаетъ въ то же время пять; у индѣйцевъ Гавайяны сумма всѣхъ пальцевъ рукъ и ногъ, двадцать, называется „человѣкъ“, а берберы Сохнасъ, по свидѣтельству Рольфа, выражаютъ число 50 распространено: „четыре руки, четыре ноги и двѣ руки“. Эта пятаериковая система особенно преобладаетъ въ Африкѣ. Тѣмъ не менѣе, пользование пальцами рукъ и ногъ есть лишь ближайшее средство; возможны и другіе методы счета и они дѣйствительно, при случаѣ, примѣняются. Петерикъ наблюдалъ у шилдуковъ, что они считали съ помощью кусковъ тростника, Якобсонъ видѣлъ у сѣверо-западныхъ американскихъ индѣйцевъ для этой цѣли палочки, сіуксы употребляютъ будыжники, связи соломы и т. под.; встрѣчаются нерѣдко бирки, какъ простое средство счета. Впрочемъ даже въ примитивныхъ счетныхъ системахъ встрѣчаются уже зачатки вычитанія и умноженія, такъ напримѣръ на языкѣ керепуну, въ Новой Гвинее, 7 выражается какъ $2 \times 2 \times 2 - 1$.

Дѣленіе выступаетъ главнымъ принципомъ еще сильнѣе при мѣрахъ времени, чѣмъ при простомъ счетѣ. Время является какъ цѣлое, которое можетъ быть раздѣлено на отдѣльныя части естественными, постоянно повторяющимися событіями; когда, при ростѣ культуры, оно получаетъ больше цѣны, должно явиться желаніе подвергнуть эти періоды времени дальнѣйшему раздѣленію и поставить въ соотношеніе другъ съ другомъ. Какъ малы еще успѣхи въ этомъ отношеніи, можетъ доказать сообщеніе Шренка о гиліяхъ, которые „вообще не имѣютъ настоящаго представленія о времени и лишь очень неопредѣленное опредѣленіе и численіе времени. Не говоря объ общихъ опредѣленіяхъ времени, какъ день и ночь, вечеръ и утро,

время дня опредѣляется только по тому, находится ли солнце на восходѣ или на закатѣ, встаетъ или ложится, и достигло ли оно своего приблизительно высшаго состоянія, полудня. Относительно чередованія дней, гилеки имѣютъ названія лишь для ближайшихъ дней къ сегодняшнему, вчера и завтра, позавчера и послѣзавтра. Дни недѣли, конечно, не имѣютъ названій, и число дней въ мѣсяцѣ не считается“.

Большую частью болѣе глубокое впечатлѣніе производятъ не хорошее время года и ясные дни—ихъ принимаютъ какъ нѣчто должное, — а ночи и зима; отсюда счисленіе по ночамъ и зимамъ, бывшее обычнымъ и у древнихъ арійцевъ. Впрочемъ, прежде всего узнаются по своей повторяемости и получаютъ названія большіе періоды времени: годъ, опредѣляемый солнечнымъ путемъ, и мѣсяцъ, отвѣчающій теченію луны; отъ этого уже очень недалеко мысль признать мѣсяцы частями года и дни частями мѣсяца, и тѣмъ положить начало календарю. Названія мѣсяцевъ легко получались изъ чередованія временъ года и ихъ даровъ, но число ихъ колебалось у различныхъ народовъ, такъ какъ лунный годъ не совсѣмъ соответствуетъ солнечному. На болѣе высокихъ ступеняхъ развитія именно это затрудненіе сильно возбуждало математическіе умы.

Такъ какъ лунный и солнечный путь не вполне соответствуютъ другъ другу, то для практическихъ цѣлей служить другое естественное раздѣленіе года на періоды, которые опредѣляются дѣйствіемъ разной силы солнечнаго свѣта на климатъ и растительность. Къ такимъ раздѣленіямъ принадлежатъ наши четыре времени года. Для болѣе твердаго установленія этихъ временъ лучше всего служатъ явленія звѣзднаго неба, которыя легче и вѣрнѣе можно наблюдать примитивными средствами, чѣмъ постепенное повышеніе и пониженіе солнца въ зодіакѣ; въ особенности можно довольно вѣрно установить дни, когда извѣстныя созвѣздія въ первый разъ снова появляются передъ разсвѣтомъ на восточномъ горизонтѣ. Рядомъ съ этимъ, другія, ежегодно повторяющіяся явленія природы, даютъ основаніе для времясчисления. У народовъ банту, въ южной Африкѣ, пользуются, кромѣ луннаго пути, пѣніемъ птицъ, распусканіемъ деревьевъ и т. д. для опредѣленія времени года; въ Гавайанѣ соображаются преимущественно съ періодами дождей; на Соломоновыхъ островахъ—по росту іама, какъ сообщаетъ Эльтонъ.

Число временъ года различно; камчадалы знаютъ, напримѣръ, только два, лѣто и зиму, а сіуксы — пять. На Футуна годъ также раздѣляли на двѣ части. Большое значеніе имѣетъ, конечно, знаніе времени года у земледѣльческихъ народовъ, такъ какъ прежде всего нельзя опоздать съ сѣвомъ, но и не слѣдуетъ начинать его слишкомъ рано; поэтому, время начала обработки поля болѣею частью

опредѣлено всего раньше и яснѣе. Сѣверные даяки соображаются съ плеядами, которыя вездѣ вообще очень охотно принимаются во вниманіе для опредѣленія времени, и не начинаютъ сѣва прежде, чѣмъ созвѣздіе не начнетъ появляться на горизонтѣ на разсвѣтѣ. Броне Лау видѣлъ также у вождя даяковъ инструментъ для измѣренія солнечной тѣни, чтобы по ней опредѣлить время посадки, но здѣсь, кажется, дѣло шло болѣе о мистическихъ побочныхъ цѣляхъ, чѣмъ

Каменный календарь въ Мексикѣ.

о точномъ опредѣленіи времени. Начало сѣва охотно считается у земледѣльцевъ и началомъ года; напротивъ того, кочевые остиги начинаютъ годъ съ апрѣля, потому что въ этомъ мѣсяцѣ телятся олени, что составляетъ важнѣйшее событіе въ ихъ жизни. Однако, всего распространитѣе обыкновеніе считать начало года съ одного изъ двухъ поворотовъ солнца. Такимъ образомъ возникаетъ, наконецъ, настоящій календарь года. Высоко развито было календарное дѣло у американскихъ культурныхъ народовъ (см. рис. выше), да и вообще проблема раздѣленія года привлекала всѣхъ носителей культуры.

Дальнейшее раздѣленіе мѣсяца, многочисленныя дни котораго трудно усваиваются дикарями, совершенно не существуетъ у многихъ изъ нихъ. Восточныя аріицы раздѣляли его на двѣ половины, отъ новолунія до полнолунія и отъ послѣдняго опять до новолунія. Тамъ, гдѣ существуютъ меньшія группы дней или недѣли, онѣ большею частью связаны съ числомъ 5: но эта пяти или десятидневная „недѣля пальцевъ“ прекрасно подходитъ къ лунному мѣсяцу въ тридцать дней приблизительно, и потому получила большое значеніе. Недѣля изъ пяти дней была, повидимому, известна аріицамъ древнихъ временъ, такъ какъ мы находимъ ее у персовъ, земледѣльцевъ, а также и у скандинавовъ — лзычниковъ; кромѣ того, ее можно найти у негритапскихъ племенъ Гвiany и прежде она была также въ употребленіи на Явѣ. Десятидневныя недѣли знали китайцы, египтяне и греки; двадцатидневныя, которыя едва ли болѣе цѣлесообразны, были известны мексиканцамъ, но рядомъ съ этимъ они примѣняли и пятидневный періодъ. Четырехдневная недѣля встрѣтилась со своей стороны одобреніе у негровъ, говорящихъ на языкѣ банту, въ особенности у живущихъ въ бассейнѣ Конго. Какъ пришли здѣсь къ числу 4, трудно пока установить, но нѣтъ сомнѣнія, что все распредѣленіе времени зависитъ отъ времени ярмарки и она бытъ можетъ составляетъ его первую причину. Въ деревняхъ области Конго или въ опредѣленныхъ мѣстахъ около деревень бывають ярмарки правильно, черезъ каждые четыре или восемь дней. Дни недѣли имѣють названія, они называются, напримеръ, у племени Фіото, по показанію Данкоса, нканду, наонцо, нкенге и нсона. Въ береговой области Гвинеи встрѣчаются, повидимому, въ отдѣльныхъ случаяхъ, шести и девятидневныя недѣли. Причиной установленія семидневной недѣли у культурныхъ народовъ западной Азии и Европы, можно, наконецъ, считать то, что планета, по которымъ названы у насъ, и раньше въ вавилонской культурной области, дни недѣли, всего семь.

Тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе рѣзкихъ опредѣленій времени, можетъ быть все же, при случаѣ, составлено нѣчто въ родѣ календаря для опредѣленныхъ цѣлей. Любимѣйшимъ средствомъ для этого служить веревка съ узлами; если, напримеръ, получено приглашеніе на праздникъ, который будетъ черезъ двадцать дней, каждый изъ приглашенныхъ получаетъ веревку съ двадцатью узлами, изъ которыхъ онъ развязываетъ по одному каждый день, пока дойдетъ до конца. Въ Гуалинѣ употребляютъ для этого же бирки.

Лишь гораздо позже является потребность въ меньшихъ единицахъ времени. Различіе между днемъ и ночью само собою очевидно, но изъ очереднаго ихъ отношенія не можетъ возникнуть прочной мѣры времени, такъ какъ солнцестояніе опять-таки можетъ быть

использовано, безъ вспомогательныхъ инструментовъ, только для приблизительнаго опредѣленія времени. Солнечныя часы неизвѣстны дикарямъ, другія вспомогательныя средства также болѣе разработаны только культурными народами. Прежде всего пользуются всегда для раздѣленія времени медленно протекающими естественными явленіями, какъ напримеръ постепеннымъ сгораніемъ или обугливаніемъ свѣчей и другихъ горючихъ тѣлъ, паденіемъ капель воды, или высыпаніемъ мелкаго песку черезъ узкое отверстіе. При этомъ задержкой развитія послужило то, что долгое время ночь и день считали равно и каждую раздѣляли на равное число частей; такъ какъ длина дня постоянно мѣняется, должны были измѣняться и эти части: напримеръ, на сѣверѣ, въ разгарѣ лѣта, часть ночи, который, по древнегерманскому обычаю заключалъ въ себѣ восьмую часть ея, былъ очень малъ, а часть дня, напротивъ, очень великъ. Лишь послѣ соединенія дня и ночи въ одно цѣлое, охватывающее всегда наши 24 часа, удалено это затрудненіе и стало возможнымъ точное счисленіе времени. Древнѣйшими настоящими часами можно назвать водяные часы, которые были известны въ Ассиріи самое позднее въ 600 г. до Р. X., а въ Китаѣ, повидимому, еще раньше.

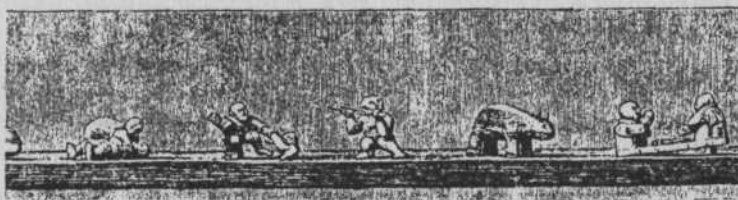

Египетскій рисунокъ.

Мѣры времени часто перемѣшиваются съ мѣрами пространства. Легко понять, что можно опредѣлить длину разстоянія по часамъ или для мѣры пути, нужныхъ для его прохожденія, что мы видимъ напримеръ изъ двойнаго значенія слова „Stunde“ (часъ, миля). Вообще же мѣры разстоянія плохо развиты и довольствуются приблизительнымъ опредѣленіемъ; такія выраженія, какъ „на разстояніи ружейнаго выстрѣла“, „на разстояніи Отче нашъ“ (т. е. пока успѣешь прочесть Отче нашъ) долго держались и у культурныхъ народовъ. Когда становится настоятельнымъ желаніе болѣе точныхъ мѣръ, какъ напримеръ при размежеваніи земли, довольствуются масштабомъ, выбраннымъ только для данного момента: измѣреніе разстоянія шагами извѣстнаго человѣка, измѣреніе по длинѣ руки, по длинѣ копы и т. под. При отмѣрѣ матерій долго остается въ употребленіи мѣра по длинѣ руки (Elle — локоть), напримеръ въ негритской Африкѣ; какъ болѣе мелкія мѣры сюда присоединяются: пядь, длина пальца, длина ногтя. Мѣры вѣсимости также охотно связаны сначала съ тѣломъ, хотя „горсть“ представляетъ очень измѣчивую мѣру, смотря по величинѣ руки. Только вѣсъ поневолѣ развивается независимо отъ тѣла и потому сравнительно поздно. При мѣрныхъ сношеніяхъ охотно обходятъ недостатокъ установленной мѣры вѣса тѣмъ, что отдаютъ одну мѣровую цѣнность за тотъ же

или двойной, тройной и т. д. въсь другой мѣновой цѣнности, напримеръ соль мѣрятъ двойнымъ вѣсомъ зерна. Въ Африкѣ довольно часто можно встрѣтить этотъ обычай.

Развитіе счисления и измѣренія, какъ мы видимъ по послѣднему примѣру, даетъ снова понять, что сравнительно рано научаются измѣрять и оцѣнивать одинъ предметъ по другому, и лишь поздно и съ трудомъ приходятъ къ понятію отвлеченнаго числа и одной для всего мѣры. Быть можетъ это обстоятельство служить ключемъ къ разгадкѣ удивительнаго явленія, что картографія, которая вѣдь, повидимому, есть дочь математики, такъ быстро и опредѣленно является усердно практикуемымъ искусствомъ: дѣло въ томъ, что рисунки картъ у дикарей основаны не на точномъ измѣреніи и вычисленіи, а на сравнительной оцѣнкѣ. Все же удивительно, что значительная абстракція, необходимая для приготовленія и пониманія картъ, встрѣчается такъ мало затрудненій. А между тѣмъ

Рѣзьба по дереву у эскимосовъ.

подобныя абстракціи вовсе не являются единичными случаями, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Вспомнимъ услужливую фантазію дѣтей, при которой они видятъ, играя, въ кускѣ дерева то человѣка, то пушку, то кусокъ хлѣба, сообразимъ, что и въ рисункахъ дикарей часто грубый символъ долженъ изображать человѣка или животное, тогда шагъ къ передачѣ рѣки въ видѣ черты, горы или деревни—въ видѣ кружка покажется намъ уже не такимъ чрезмѣрно большимъ. Въ этомъ смыслѣ поступокъ полубогороднаго китайца Ую, который издалъ сначала описаніе девяти провинцій древняго Китая, а потомъ велѣлъ нарисовать карты на вазахъ, хотя означаетъ большой шагъ впередъ въ политическомъ самосознаніи восточноазиатскаго культурнаго народа, но навѣрно имѣетъ свои прототипы, гораздо древнѣйшіе.

Рихардъ Андрѣ первый указалъ на рисованіе картъ у первобытныхъ народовъ; съ тѣхъ поръ прибавилось много матеріала къ собранному имъ фактамъ; между прочимъ стало вѣроятнымъ, что многіе загадочные рисунки на скалахъ суть не что иное, какъ неумѣло

набросанныя карты. При рисованіи этихъ картъ стремятся не къ объективному изображенію существующаго, а преслѣдуютъ какую-нибудь практическую цѣль; большею частью онѣ должны служить указателями дороги къ опредѣленному мѣсту и тогда имѣютъ часто указательные знаки или даютъ въ то же время намекъ въ рисунокѣ на какое-нибудь событіе и могутъ тогда считаться чѣмъ-то въ родѣ письменнаго сообщенія. Эти карты, какъ и другія изображенія, рисуются на пескѣ, древесной корѣ, камняхъ, гладкихъ деревянныхъ поверхностяхъ и т. далѣе.

Якобсонъ описываетъ весьма наглядно, какъ два союзныхъ племени ванкуверовъ рѣшили напасть на непріятельскую деревню и пояснили планъ на картѣ: «Каждый вождь высказалъ свое мнѣніе, какъ лучше напасть на врага, и наконецъ всѣ собрались на плоскомъ песчаномъ берегу, на которомъ грубыми чертами нарисовали карту главной деревни кайокатовъ. Изготовителемъ этой карты былъ присутствующій среди нихъ индѣецъ кайокать, который обозначилъ дома маленькими кучками песку. Особенно точно было обозначено положеніе домовъ главнаго вождя, Нанциса, и военнаго вождя, Мошеника, чтобъ каждый воинъ твердо зналъ, гдѣ застигнуть этихъ двухъ опаснѣйшихъ враговъ». Вождь бакуба, дававшій Вольфу свѣдѣнія о рѣчной системѣ Санкуру, также очень подробно рисовалъ на пескѣ различное направленіе рѣкъ. Удивительныя морскія карты индѣйцевъ-марегаловъ, изображающія не столько острова, какъ появляющіяся на морѣ дюны, сплетены изъ тростника въ видѣ рѣшетки. Эскимосы изготовляютъ большія рельефныя карты, которыя вырѣзаютъ на кускѣ дерева, и на нихъ, какъ говоритъ Хольмъ, могутъ указать не только общее положеніе мѣсть и направленіе береговъ, но и различіе ихъ высоты. Легко объяснимымъ качествомъ этихъ картъ служитъ то обстоятельство, что масштабъ увеличивается, чѣмъ ближе къ родинѣ составителя находится изображаемый пунктъ, другими словами, чѣмъ больше онъ для него имѣетъ значенія.

Изъ этого становится ясенъ и характеръ географическаго горизонта у дикарей. Онъ рѣдко совпадаетъ или никогда не совпадаетъ съ границей поселеній племени, но настоящее подробное знаніе страны все же здѣсь и оканчивается. Тамъ, гдѣ есть сношенія съ другими областями, довольно сносно знаютъ пути сообщенія и бли-

Перуанскій глиняный сосудъ, изображающій слѣпую женщину.

жайшія къ нимъ окрестности, но остальные части тѣхъ областей считаютъ не стоящими вниманія и потому представляютъ себѣ ихъ гораздо меньшими по размѣру. Получаемое такимъ образомъ искаженное изображеніе міра дополняется и округляется легендарными представленіями, но всегда такъ, что собственное мѣстожителство считается центромъ. Въ болѣе обширномъ смыслѣ это эгоцентрическое воззрѣніе имѣло, вѣдь, большое вліяніе и на классическое представленіе міра у культурныхъ народовъ.

Главной чертой первобытной географіи можно считать своеобразную манеру давать названія. Теоретически можно было бы предполагать, что главнымъ образомъ даютъ названія рѣзко опредѣленнымъ

Перуанскій глиняный сосудъ, изображающій сидящаго мужчину.

географическимъ единицамъ, горамъ, рѣкамъ и заливамъ, и что съ помощью этихъ понятій опредѣляютъ болѣе точно отдѣльныя мѣстности. Въ дѣйствительности же происходитъ совершенно обратное. Повидимому, сначала даютъ названіе отдѣльнымъ частямъ мѣстности, въ родѣ того, напримѣръ, какъ у насъ тѣ или другіе участки большого лѣса или многія нивы съ давнихъ временъ носятъ названія; а для рѣкъ и горъ, обыкновенно, вовсе не имѣется названій или только ничего не говорящія обозначенія. Если мы перенесемъ себя въ положеніе первобытныхъ народовъ, это обстоятельство станетъ для насъ понятнымъ. Всегда даютъ сначала названія болѣе важному и въ тоже время часто встрѣчающемуся;

для кочевого народа охотниковъ всего важнѣе не различіе высотъ или водяные бассейны, а округи для охоты, изъ которыхъ онъ извлекаетъ средства существованія. Разъ они названы, изъ этихъ названій уже легко дать производныя для обозначенія находящихся на нихъ горъ или ручьевъ, такъ что часто случается, что водный бассейнъ не имѣетъ общаго названія какъ нѣчто цѣлое, а носитъ различныя названія въ отдѣльныхъ частяхъ своего теченія. Названія округовъ или границъ даже у земледѣльцевъ Африки еще теперь служатъ основаніемъ для географическихъ обозначеній, какъ доказали Бютнеръ и Пассарге. Сравнительно съ ними, даже названія людскихъ поселковъ не такъ опредѣлены, такъ какъ поселки часто называютъ по имени живущаго въ данный моментъ вождя и, кромѣ того, они нерѣдко мѣняютъ мѣсто. Но и болѣе значительныя области очень рѣдко обо-

значаются дикарями однимъ именемъ, такъ какъ при ихъ узкомъ географическомъ горизонтѣ имъ совершенно достаточно названій округовъ. Поэтому часто напрасно старались узнать мѣстное названіе большихъ острововъ; если и казалось что этого достигали, напримѣръ для Новой Британіи (Бирара) и Новой Ирландіи (Тамбара), въ концѣ концовъ всегда оказывалось, что эти имена относились къ маленькимъ пространствамъ земли, а слѣдовательно, служили названіями округовъ.

Астрономическія познанія дикарей также часто преувеличиваются, потому что считаютъ культъ звѣздъ широко распространенной особенностью первобытныхъ расъ. Въ дѣйствительности же оно рѣдко такъ бываетъ; фантастическія толкованія нѣкоторыхъ созвѣздіи и пятенъ на лунѣ не ведутъ за собой ни обрядовъ культа, ни усиленнаго вниманія къ звѣздамъ; можно даже сказать напротивъ, что лишь практическое пользованіе планетами для измѣренія времени привело къ почитанію звѣздъ. У культурныхъ только народовъ оно поэтому и развилось сильнѣе, но, вызвавъ сначала усердное изученіе звѣздъ, долгое время было преградой для дальнѣйшаго его развитія, вслѣдствіе увлеченія астрологіей.

Астрологія можетъ служить хорошимъ примѣромъ того пути, по которому шло развитіе естественныхъ наукъ вообще. Сначала поощрялись тѣ отрасли, которыя имѣли дѣйствительное или мнимое отношеніе къ собственному „я“, такъ что можно сказать, что естественныя науки считались прежде всего частью науки о человѣкѣ. Умъ занимали не вѣчные законы звѣзднаго міра, а воображаемое вліяніе созвѣздіи на судьбу смертныхъ; раздумье возбуждало не удивительное, все возвышающееся строеніе растительнаго и животнаго царства, но та польза, которую изъ нихъ могла дѣйствительно или мнимо извлечь медицина. Поэтому врачебная наука появилась гораздо раньше, чѣмъ другія отрасли изслѣдованія, практическимъ примѣненіемъ которыхъ она должна бы быть по праву, какъ совокупность естественныхъ наукъ. Съ трудомъ лишь удалось освободить послѣднія отъ близорукаго утилитаризма и мистическаго толкованія, и было уже большимъ шагомъ впередъ, когда начали по крайней мѣрѣ тщательно разсматривать и описывать явленія органической и неорганической природы; а между тѣмъ уже давно разсѣкали животныхъ (рис. стр. 879) и вращивали растенія для чисто хозяйственныхъ цѣлей, слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ изучали и употребляли въ пользу ихъ качества. Названіе описательныхъ естественныхъ наукъ, означающее въ сущности очень глубокую ступень познанія, было въ употребленіи еще до недавняго времени для минералогіи, ботаники и зоологіи. И искусство, которое у первобытныхъ охотничьихъ племенъ большею частью очень вѣрно

передает природу, а на высших ступенях часто дает удивительно жизненные изображения (рис. стр. 880, 881 и 882), не способствует безпристрастному наблюдению природы, такъ какъ почти всюду склонность къ стилизации приводит къ искаженнымъ и причудливымъ формамъ.

Причина тому, что медицина не пробила раньше пути къ безпристрастному изслѣдованію, лежитъ главнымъ образомъ въ ея тѣсной связи съ мистикой и, такимъ образомъ, съ консервативными силами религіозной жизни. Эта связь сама по себѣ довольно естественна. Вмѣсто того, чтобъ разумомъ понять причину болѣзни и тогда поддержать чисто внѣшней помощью безсознательныя силы внутренней жизни, именно дикарямъ могло легко придти желаніе лучше укрѣпить и направить эти силы мистическимъ путемъ, такъ какъ для первобытныхъ народовъ разумъ въ борьбѣ за существованіе еще очень сомнительное и мало разработанное оружіе. Даже культурнымъ народамъ удалось лишь въ новѣйшее время найти въ

Рожокъ для банокъ.
(зап. Судемъ).

крошечныхъ живыхъ существахъ причину многочисленныхъ заразныхъ болѣзней, противъ которыхъ до тѣхъ поръ медицинская наука должна была бороться безъ всякаго плана. Первобытный человѣкъ находится приблизительно въ такомъ же положеніи относительно всѣхъ тѣлесныхъ страданій; не говоря о случайно найденныхъ средствахъ онъ можетъ располагать только цѣлебными силами, которыми обладаетъ собственное тѣло, и которымъ приходится на помощь внушеніе. Больной, страдая, нуждается въ утѣшеніи, въ какой-нибудь надеждѣ на помощь, потому что онъ инстинктивно понимаетъ, что это увеличиваетъ его силу противодѣйствія; но общему направленію ума первобытнаго человѣка соответствуетъ исканіе причинъ болѣзни въ мистической области, а потому онъ примѣняетъ для борьбы съ болѣзью мистическія средства. Такимъ образомъ жрецъ-колдунъ становится врачомъ. Лишь постепенно врачебное призваніе снова отдѣляется отъ жречества, скромныя зачатки чего мы можемъ наблюдать даже въ Африкѣ.

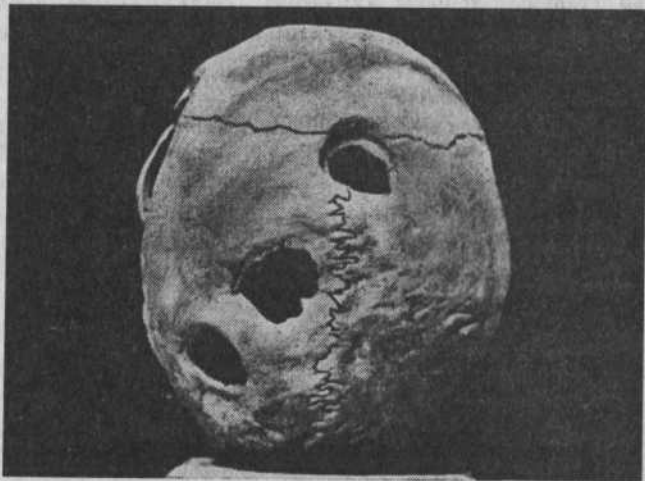
Одинъ взглядъ на медицину у первобытныхъ народовъ, къ чему намъ дана недавно возможность Максомъ Бартельсомъ въ его подробныхъ изслѣдованіяхъ, показываетъ перевѣсъ мистическаго діагноза и лѣченія. То болѣзнь нагнали злонамѣренныя люди злымъ колдовствомъ, то сдѣлали это страшные демоны болѣзни или—на высшихъ ступеняхъ развитія—боги, посылающіе тѣлесныя страданія въ наказаніе, то, наконецъ, души умершихъ. Такъ какъ не всѣ болѣзни можно объяснить мистическимъ влияніемъ, то ихъ дѣлать, какъ у якутовъ, на естественныя и сверхъестественныя. Очень распростра-

нена вѣра, что тѣлесныя боли происходятъ отъ попавшихъ въ тѣло вслѣдствіе колдовства постороннихъ тѣлъ, и сообразно этому главнымъ приемомъ врачей колдуновъ, для удаленія этихъ вредныхъ тѣлъ, бываетъ заклинаніе и высасываніе. Тамъ, гдѣ предполагаютъ присутствіе демоновъ болѣзни, прогоняютъ этихъ враговъ шумомъ, танцами и угрозами, или отвлекаютъ ихъ приманками, напримѣръ спускаютъ внизъ по рѣкѣ лодку съ съѣстными припасами, причемъ предполагается, что духи уйдутъ вмѣстѣ съ этими хорошими вещами. Бурятскіе шаманы увѣрены даже, что могутъ убить злыхъ духовъ стрѣльбой изъ лука. Мистика должна служить также при діагнозѣ: врачъ, находясь въ экстазѣ, узнаетъ причину болѣзни. Съ другой стороны, ношеніе амулетовъ соотвѣтствуетъ предохранительной гигиенѣ, такъ что, дѣйствительно, на почвѣ мистики возникаетъ врачебная наука вполне подъ пару настоящей, основанной на научныхъ изслѣдованіяхъ.

Эта настоящая наука уже рано появляется рядомъ съ мистической, но въ видѣ чисто опытной науки, которая о причинахъ судитъ только по слѣдствіямъ, не понимая болѣе глубокой связи; отсюда ея нерѣшительный характеръ, не вполне исчезнувшій еще и въ настоящее время. Причиной этому служитъ то, что рядомъ съ научной медициной можетъ съ успѣхомъ держаться грубо эмпирическая, какъ напримѣръ, исцѣленіе силами природы, или мистическая, вновь восторжествовавшая въ дѣйствіяхъ пастуха Аста. Нѣкоторыя простыя средства, конечно, извѣстны большинству первобытныхъ народовъ, прежде всего, напримѣръ, массажъ, который у культурныхъ народовъ былъ почти вытѣсненъ конкуренціей новыхъ научныхъ модъ и лишь недавно снова признано его значеніе; затѣмъ паровыя ванны, мѣстное кровопусканіе банками (рис. стр. 884) и искусственное производство рубцовъ отъ ожога. Каждый народъ знаетъ извѣстное количество лекарствъ, болѣею частью изъ растительнаго царства, и многія изъ нихъ перешли уже во врачебную науку культурныхъ народовъ. Другіе же способы лѣченія, какъ напримѣръ, натираніе слюной, не встрѣтили у насъ поощренія. Замѣчательно, что многимъ народамъ извѣстна прививка, которая, вѣдь, только недавно получила возрастающее значеніе въ европейской медицинѣ и ветеринаріи, вслѣдствіе болѣе глубокаго пониманія связанныхъ съ нею явленій. Ослопрививаніе, повидимому, съ очень давнихъ временъ извѣстно въ Китаѣ, Персіи и Сѣверной Африкѣ; оно практикуется также у ашанти и ваніам-вези въ восточной Африкѣ. Втираніе золы сожженныхъ лекарственныхъ травъ въ небольшіе порѣзы на кожѣ, обычное у южно-африканскихъ кафрскихъ племенъ, можно также назвать чѣмъ то въ родѣ прививки. И трепанациа черепа составляетъ у многихъ лю-

бимый и очень распространенный методъ леченія (два рис. помѣн. ниже), но онъ большею частью производится безъ достаточнаго пониманія, противъ сумасшествія и т. под. Онъ былъ извѣстенъ въ Европѣ и Америкѣ уже въ доисторическія времена.

Если наукамъ, занимающимся изученіемъ природы и ея законовъ чтобъ стать безпристрастными, съ такимъ трудомъ удается освободиться отъ слишкомъ тѣснаго отношенія къ человѣку, то можно предположить, что науки о душѣ, которыя изучаютъ характеръ и духовную жизнь человѣка, должны были развиться всего раньше, и съ наибольшимъ блескомъ. Но объ этомъ можетъ быть рѣчь только въ самой огра-

Трижды трепанированный черепъ. (Перу).

ниченной мѣрѣ. Если у первобытнаго мыслителя даже уголь зрѣнія, подъ которымъ онъ наблюдаетъ природу, невѣронъ и ложень, еще менѣе можетъ онъ провести могучую абстракцію изслѣдованія самого себя въ другихъ и яснымъ взглядомъ въ это зеркало разобратъ критически въ своемъ собственномъ я. О томъ, что само собою разумѣется, не думаютъ, а что болѣе всего разумѣется само собою, какъ не собственное бытіе? Такимъ образомъ выходитъ, что великая наука о человѣкѣ начинается съ маленькихъ частныхъ наукъ, которыя часто вырастаютъ, наконецъ, въ могущественныя дисциплины, такъ какъ практическія цѣли доставили имъ уваженіе и успѣхъ, и представители ихъ почти совсѣмъ забываютъ, что обрабатываютъ только маленькій кусокъ большой области, настоя-

тельно требующій пополненія. Наука права, разсматриваемая съ ея научной стороны, есть не что иное, какъ ничтожный отломокъ обширной соціальной науки, она древнѣ послѣдней и очень склонна смотрѣть на нее свысока. Работа мысли всюду начинается сухимъ изслѣдованіемъ формъ, пока не познаетъ въ нихъ живую жизнь духа; грамматикъ является раньше языковѣда, хроникеръ раньше сравнительнаго историка. Когда затѣмъ отдѣльныя самостоятельныя части постройки должны быть соединены въ большой храмъ познанія, начинаются споры и путаница и къ словамъ архитектора, старающагося привести въ извѣстность планъ цѣлаго, остаются глухи.

Въ общемъ жизненныя проявленія установившагося общества легче распознать и провѣрить, чѣмъ духовную жизнь отдѣльной личности. Разладъ съ требованіями общества, въ который такъ часто впадаетъ собственное я, вызываетъ на размышленія, и какъ бы часто окаменѣвшій обычай не принимался, какъ что непреложное, какъ бы часто цѣпь логической мысли ни обрывалась и на мѣсто ея не выступалъ, какой-нибудь мифъ или басня, заглушая безпокойный вопросъ о причинахъ, все же человѣчество вступило на путь, который наконецъ приведетъ его къ самопознанію. Постепенно начинаютъ понимать разницу между неизмѣнными законами природы и преходящими обычаями и узаконеніями людей. Многіе первобытные народы не поняли даже еще, что смерть предназначена всякому, какъ неизбѣжная судьба; они еще того менѣе понимаютъ, что жестокой обычай, исполняемый по привычкѣ, не предписанъ богами и духами, а живетъ исключительно въ душѣ человѣка и можетъ быть уничтоженъ, какъ ядовитая сорная трава. На нихъ еще едва замѣтна очищающая и облагораживающая сила той мысли, которая учитъ съ достоинствомъ переносить неизбѣжное и твердо стремиться къ достижимому.

Еще лучше всего можно наблюдать попытки запомнить историческія событія, да и то только тогда, когда воспоминаніе о нихъ имѣетъ практическую цѣну. Это касается всего болѣе генеалогіи, которая имѣетъ уже значеніе изъ-за запутанныхъ законовъ о бракѣ и важность ея все растетъ съ образованіемъ привилегированныхъ классовъ народа. Поэтому тотемистическія родословныя суть первые историческіе документы; даже у народовъ, которые изъ событій прошлаго сохранили только темныя преданія, сухіе ряды предковъ семейства вождей тянутся за цѣлыя столѣтія назадъ. Но это не настоящая хронологія, потому что года никогда не указываются или приведены такъ фантастично, что эти сообщенія теряютъ вся-

Костная пила для трепанации черепа у кабилловъ. (Сѣв. Африка).

кую цѣну. Отвращеніе дикарей къ счету опредѣленныхъ, все возвращающихся періодовъ времени, такъ всеобщее, что рѣдко кто можетъ сказать свои лѣта. Время не мѣрять, а нѣкоторымъ образомъ взвѣшиваютъ: важныя событія тяжело ложатся на время и дѣлаютъ его замѣтнымъ, спокойные, мирные періоды еле чувствуются и различаются. Отсюда и склонность дѣлать эпоху изъ отдѣльныхъ выдающихся событій и по нимъ обозначать другіе моменты времени, какъ напримѣръ, положеніе какого-нибудь мѣста опредѣляютъ по установленному пункту на картѣ. Если такимъ образомъ, самый фундаментъ, на которомъ поднимается историческое самопознаніе общества такъ шатокъ и нетвердъ, то не удивительно, что дальнѣйшая стройка не идетъ нигдѣ дальше ничтожныхъ зачатковъ.

Культурнымъ народамъ также недостаетъ еще настоящей исторіи ихъ характера и настроенія. Если она должна быть написана, нуженъ твердый фундаментъ, т. е. разслѣдованіе простыхъ и все же такъ трудно понимаемыхъ зачатковъ, на которыхъ возвышается огромный храмъ высшей цивилизаціи. Но этимъ фундаментомъ будетъ не что иное, какъ великій трудъ многихъ призванныхъ, достигнутый тяжелой работой трудъ, для котораго эта книга можетъ быть лишь предварительнымъ этюдомъ, однимъ словомъ—истинная всеобъемлющая исторія первобытной культуры.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Истории культуры

- Липперт Ю. История культуры.
 Кон-Винер Э. История стилей изобразительных искусств.
 Шестаков В. П. История истории искусства: От Плиния до наших дней.
 Шестаков В. П. История эстетических учений.
 Шестаков В. П. Шекспир и итальянский гуманизм.
 Шестаков В. П. Эсхатология и утопия: Очерки русской философии и культуры.
 Шестаков В. П. США: псевдокультура или завтрашний день Европы?
 Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века.
 Ромина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность.
 Дьяконова И. М. Архангелские мифы Востока и Запада.
 Федосова Д. Г. Адские страны в колониальную эпоху.
 Карпова Т. Л. (ред.) Искусство «золотой середины»: Русская версия.
 Даркевич В. П. Пути средневековых мастеров.
 Даркевич В. П. Путешествие в древнюю Рязань.
 Даркевич В. П. Народная культура Средневековья.
 Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв.
 Даркевич В. П. Художественное ремесло средневекового Запада (X—XIV вв.).
 Чекалова А. А., Даркевич В. П. Культура Византии. IV—XII вв.
 Рожелянская И. В. Русское народное творчество в становлении нравственной культуры Древней Руси.
 Симон К. Р. История иностранной библиографии.
 Хачатуров С. В. Искусство книги в России 1910—1930-х годов. Мастера левых течений.
 Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.
 Шукуров Ш. М. Образ человека в искусстве ислама.
 Чегодаев М. А. Папирусная графика Древнего Египта.
 Муриан И. Ф. Китайская раннебуддийская скульптура IV—VIII вв.
 Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды.
 Ольденбург С. Ф. Культура Индии.
 Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».
 Серебряков И. Д., Ванина Е. Ю. (ред.) Голоса индийского средневековья.
 Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы.
 Костяев А. И. Вкусовые метафоры и образы в культуре.
 Костяев А. И. Проекция температурной чувствительности Человека культурного.
 Классическое искусство от Древности до XX века. Сборник статей.
 Сальникова Е. В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х: Визуальные образы, герои, сюжеты.
 Мазаев А. И. Искусство и большевизм (1920—1930-е гг.).
 Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917—1941 гг.
 Стигнеев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.
 Стигнеев В. Т. (ред.) Фотография: Проблемы поэтики.
 Бодэ А. Б. Поэзия Русского Севера.
 Бодэ А. Б. Архитектурная сокровищница Поонежья.
 Анисимов А. В. Венеция. Архитектурный путеводитель.
 Хан-Магомедов С. О. 100 шедевров советского архитектурного авангарда.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Археология

- Шапова Ю. Л. Археологическая эпоха.
 Шапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории.
 Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия.
 Мурашева В. В. Древнерусские ремешковые наборные украшения (X—XIII вв.).
 Флерова В. Е. Граффити Хазарии.
 Ислинова И. В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья.
 Рындина Н. В. Древнейшее металлообработ. производство Юго-Восточной Европы.
 Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. — III в. н. э.).
 Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А. Морфология декора.

Мировая история

- Брамлей Ю. В. Очерки теории этноса.
 Преображенский П. Ф. Курс этнологии.
 Преображенский П. Ф. В мире античных образов.
 Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим.
 Брюсов В. Я. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношение.
 Пушкин А. С. История Пугачева: Замечания о бунте.
 Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.
 Фрумкин К. Г. Пассионарность: Приключения одной идеи.
 Калининская К. П. Возрастные классы как историческая форма общественной организации: Этносы Восточной Африки.
 Оруджев З. М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого.
 Оруджев З. М. Природа человека и смысл истории.
 Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история.
 Репина Л. П. (ред.) Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1—31.
 Красник О. А. Всемирная история.
 Красник О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879—1921 гг.
 Хаостов В. М. Теория исторического процесса.
 Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории.
 Фрикке В. Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста.
 Дьяков Ю. Т. История христианской церкви, рассказанная рационалистом.
 Пилат Б. В. Иисус, евреи и раннее христианство.
 Пилат Б. В. От Иисуса к Мессии.
 Ковалевская В. Б. Конь и всадник: История одомашнивания лошадей.
 Левашов И. С. Путь лука: Традиционная стрельба из лука.
 Кузьмина Е. Е. Предыстория Великого шелкового пути.
 Прусаков Д. Б. Древний Египет: почва цивилизации.
 Кульпин Э. С. Восток: Природа—технологии—ментальность на Дальнем Востоке.
 Генцифе Н. Политика революционного террора 1789—1794.
 Чудинов А. В. (ред.) Французский ежегодник. 2000—2009. Вып. 1—10.
 Карасев А. В. (ред.) Война, открывшая эпоху в истории Балкан.
 Макарова И. Ф. Болгарский народ в XV—XVIII вв. (этнокультурное исследование).
 Бароха Х. Каро. Баски. Пер. с исп.
 Саарей В. Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Тарле Е. В. История Италии в Средние века.
 Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I.
 Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки.
 Тарле Е. В. Жерминаль и прерияль: Очерки по истории французской революции.
 Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции: 1789—1791.
 Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени.
 Серебряников В. Загадочный эпизод Французской революции.
 Митрофанов П. П. История Австрии.
 Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.
 Петрушевский Д. М. (ред.) Памятники истории Англии XI—XIII вв.
 Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества в средние века.
 Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства.
 Добиаш-Рождественская О. А. Духовная культура средневекового Запада.
 Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов. Общий очерк.
 Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом: Ричард I Львиное Сердце.
 Афанасьев Г. Е. История Ирландии.
 Кудрявцев А. Е. Испания в Средние века.
 Гариак А. фон. Сущность христианства.
 Герье В. И. Франциск: Апостол нищеты и любви.
 Юревич В. А. Астрономия доколумбовой Америки.
 Ле Шателье А. Ислам в XIX веке.
 Остроумов П. П. Исламоведение: Арабия, колыбель ислама.
 Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.
 Покровский М. П. Очерк истории русской культуры.
 Серия «Исследования по искусству Востока»
 Морозова Т. Е. (ред.) Искусство Востока: Сравнительное изучение традиций.
 Морозова Т. Е. (ред.) Культура Востока. Индия, Непал, Тибет.
 Соколов-Ремизов С. П. Живопись и каллиграфия Китая и Японии на стыке тысячелетий в аспекте футурологических предположений: Между прошлым и будущим.
 Соколов-Ремизов С. П. (ред.) Россия—Япония: На путях восприятия и понимания духовной культуры друг друга.
 Колоненко Е. И. Месопотамская глиптика 3-го тысячелетия до н. э.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,
 (499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, б. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
 «Гнозис» (м. Университет, 1 г-м. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)
 «У Нектара» (РГГУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)
 «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Академия фундаментальных исследований: этнология»

- Шури Г.* История первобытной культуры: Основы культуры. Общество. Хозяйство.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении.
Леви-Брюль Л. Первобытная мифология: Мифический мир австралийцев и лапуасов.
Гернес М. История первобытного человечества.
Ковалевский М. М. Родовой быт: В настоящем, недавнем и отдаленном прошлом.

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

- Морган Ж. де.* Доисторическое человечество.
Мирков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном обществе.
Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации.
Тахтарев К. М. Очерки по истории первобытной культуры: Первобытное общество.
Шрадер О. Индоевропейцы.
Делич Ф. Библия и Вавилон.
Тураев Б. А. Древний Египет.
Кинк Х. А. Египет до фараонов: По памятникам материальной культуры.
Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды.
Кинк Х. А. Древнеегипетский храм.
Кинк Х. А. Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху.
Кинк Х. А. Художественное ремесло Древнейшего Египта и сопредельных стран.
Уколونا В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья.
Миронов А. М. История античного искусства.
Миронов А. М. Альбрехт Дюрер: Его жизнь и художественная деятельность.
Гончарова Т. В. Эпикур.
Гончарова Т. В. Плутарх.
Лурье С. Я. Геродот.
Бузескул В. П. Перикл: Личность, деятельность, значение.
Аландский П. И. История Греции.
Хаостов М. М. История Греции. Курс лекций.
Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.
Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.
Лааров П. Л. Развитие учения о мифических верованиях.
Советов А. В. О системах земледелия.
Минаев И. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
литература